

Ричард Пайнс

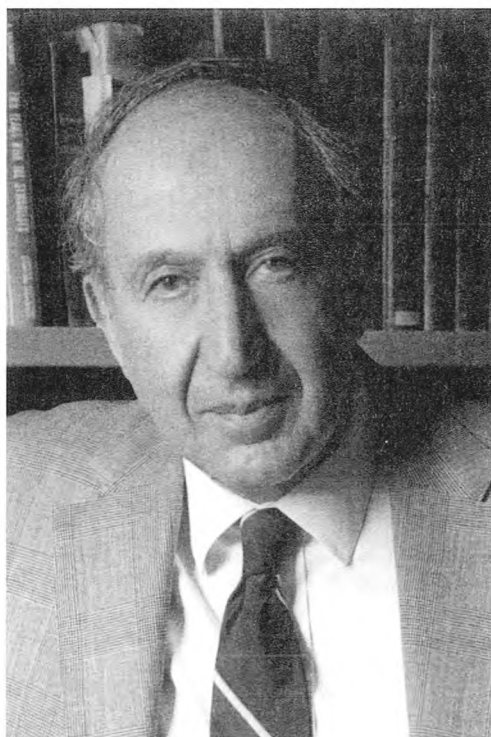
Струве • Биография

Том 2

**Московская школа
политических
исследований**

Ричард Пейн

Ричард Пайпс

Струве: правый либерал
1905–1944

Перевод с английского
А. Захарова

Московская школа
политических исследований

Москва 2001

ББК 66(США)

П 37

Культура политика философия

Серия основана в 2000 году Московской школой
политических исследований и издается под общей редакцией
Ю.П. Сенокосова

*Перевод и издание осуществлены при поддержке
Авиакомпании «Волга–Днепр»
Гафурова Ильшата Рафкатовича (г. Елабуга)
ГК КАСКОЛ
John M. Olin Foundation, Inc.*

Пайпс Ричард

П 37 Струве: правый либерал, 1905–1944. Том 2. / Печ. по
изданию: Richard Pipes. Struve: Liberal on the Right,
1905–1944. Harvard University Press, Cambridge, Massachu-
setts and London, England, 1980. — М.: Московская школа
политических исследований, 2001. — 680 с.

ISBN 5-93895-026-0

Написанная известным американским историком 2-х томная биография П.Б. Струве издается в России впервые. По мнению специалистов — это самая интересная и важная работа Р. Пайпса по истории политической мысли России XX века. В первом томе, опираясь на архивные материалы, историческую и мемуарную литературу, автор рассказывает о жизни и деятельности Струве до октябрьских событий 1905 года, когда Николаем II был подписан известный Манифест, провозгласивший гражданские права и создание в России Государственной Думы. Второй том посвящен событиям и обстоятельствам жизни Струве на родине, а затем в эмиграции вплоть до его кончины в 1944 году.

Согласно Пайпсу, разделяя идеи свободы и демократии, как политик Струве всегда оставался национальным мыслителем и патриотом.

ББК 66(США)

©Richard Pipes, Struve: Liberal on
the Right, 1905–1944; 1980

© Захаров А., перевод, 2001

© Московская школа
политических исследований, 2001

ISBN 5-93895-026-0

*And so God evens age with youth,
Tormenting youth with lies,
and age with truth.*

Author unknown

*Равняет дряхла Бог и млада:
Младых мечта терзает,
дряхлах — правда.*

Неизвестный автор
Перевод Г. Дашевского

Предисловие

Впервые я заинтересовался Струве в 1958 году, когда, сидя тихим августовским днем на берегу Серебряного озера в Нью-Гэмпшире, читал воспоминания С.Л. Франка об этом человеке. Излагаемые Франком воззрения Струве на русскую историю и на события, в которых ему довелось участвовать, сразу же вызвали во мне отклик: дело выглядело так, будто бы Струве сформулировал идеи, имевшиеся и у меня, но в туманном, нечетком виде; скорее догадки, нежели ясные образы. Он как бы выступал от моего имени, опираясь при этом на авторитет своих познаний и своего опыта, которыми я не располагал. Поскольку в то время я размышлял о тематике новой книги для предполагаемой серии, посвященной русскому консерватизму (эта работа должна была стать своеобразным продолжением только что завершенного мной исследования о Карамзине), я решил подготовить полноценную интеллектуальную биографию Струве. Я не сомневался, что в его лице встретил одного из тех авторов, кто в течение многих лет будет оказывать мощное влияние на мое мышление. Судя по письмам того времени, мне казалось, что такую книгу удастся завершить за три или четыре года.

Как ни печально, то был самообман: над биографией Струве пришлось работать (правда, с перерывами)

двадцать долгих лет. Подобная отсрочка объяснялась несколькими причинами.

Прежде всего, приступая к своему начинанию, я не имел ни малейшего понятия о том, сколь обширно литературное наследие Струве. Его творческая деятельность продолжалась более полувека, и за все это время едва ли выдался день, когда он не сидел за столом и не написал хотя бы нескольких сотен слов для последующей публикации. Ни один библиографический указатель не мог помочь в моих изысканиях. В конце концов, у меня не осталось выбора: для того чтобы составить список трудов Струве, я был вынужден перелистать сотни журналов и тысячи газет, разбросанных по библиотекам Америки, Европы и России. В 1970 году я небольшим тиражом опубликовал собрание сочинений Струве в пятнадцати томах (P.V. Struve. Collected Works in Fifteen Volumes. — Ann Arbor, Michigan), в котором воспроизведены почти все его работы, опубликованные в течение жизни в книгах и периодических изданиях — всего 663 названия. Кроме того, для личных надобностей я собрал сотни газетных статей и неопубликованных произведений, включая его переписку. Сбор этого обширного и разбросанного материала занял чрезвычайно много времени.

Во-вторых, и это более важно, как только я начал углубляться в тему, подступая к раннему периоду жизни Струве, то есть к годам, когда он возглавлял российскую социал-демократию, сразу же обнаружилось, к моему огорчению, серьезнейшее несоответствие между тем, что было почерпнуто мной во вторичной литературе, и данными первоисточников. При внимательном рассмотрении такие типичные для современной русской историографии понятия, как «народничество» и «легальный марксизм» предстали всего лишь политическими этикетками, непригодными для научной работы. Далее, я обнаружил, что многие события юности Струве, особенно имевшие отношение к Ленину, были значительно и в некоторых случаях намеренно искажены ис-

ториками. Уточнение понятий и восстановление исторической истины потребовали времени и сил; они отвлекли меня от разработки самой биографии. Мой труд отнюдь не стал более легким, когда я перешел к пост-марксистскому периоду жизни Струве. Поскольку мой герой был по профессии экономистом и большую часть своей академической карьеры посвятил изучению и преподаванию теории и истории экономики, я не мог избежать погружения в данный предмет. Но, не имея экономической подготовки, приходилось ее приобретать, хотя бы в тех масштабах, которые позволяли обсуждать экономическое наследие Струве. На это также ушло время: достаточно сказать, что главой 3 настоящего тома я занимался целый год. Позже, описывая годы Струве в изгнании, я вообще столкнулся с невозделанной нивой, что вынудило меня основательно заняться историей русской эмиграции, в жизни которой Струве принимал столь деятельное участие.

Время от времени возникали и иные отвлекающие факторы, включая обязательства автора по другим книгам. Когда в 1968 году я вернулся к работе над биографией Струве, было очевидно, что впереди еще годы и годы труда. Таким образом, в 1970 году, к столетию со дня его рождения, я решил отдельно опубликовать первую половину своей книги. Она вышла под заголовком «Струве: левый либерал, 1870–1905».

Я рассказываю обо всем этом вовсе не для того, чтобы оправдать собственную медлительность в подготовке биографии (в конце концов, сказанное никого, кроме меня, не касается); мне просто хочется пояснить личное отношение к герою моих изысканий. У авторов, которым случается работать над книгой гораздо дольше, чем планировалось изначально, иногда формируется острая неприязнь к объекту исследования, и если в центре внимания историческая личность, к ней может выработаться нечто вроде скрытой антипатии. Не стану отрицать, что порой, особенно когда я возвращался к работе

после длительного перерыва, приходилось испытывать раздражение и даже отчаянное желание поскорее покончить с этим делом. И все же всякий раз, когда такое случалось, мне хватало даже беглого погружения в материал, чтобы возродить былой энтузиазм и вновь ощутить восхищение. То, что Струве удалось столь долго удерживать мое внимание, само по себе красноречиво свидетельствует об интеллектуальном и духовном величии этой личности. Добавлю, что в ретроспективе ничуть не сожалею о столь многих годах своей жизни, посвященных этому человеку, деятельность которого на родине до сих пор ограничивают незначительным и постыдным эпизодом ранней карьеры Ленина и о котором анонимный автор *Times Literary Supplement* высказался так: «Ничего из сделанного или сказанного им не стало запоминающимся».

Струве в необычайной степени обладал той добродетелью, которую греки называли *arete* и под которой подразумевали максимальную самореализацию подлинного «я». С их точки зрения *arete* была качеством, присущим исключительно тем людям, кто достиг физической и моральной свободы. Верность собственному «я» означала готовность противостоять реальности ради самой истины. *Фактопоклонство* (выражение Струве) абсолютно несовместимо с данной добродетелью. Состояние *arete* всегда давалось с трудом, но во времена Струве, когда чудовищный рост политических притязаний на свободу индивида угрожал интеллектуально и морально независимым людям остракизмом, тюрьмой, изгнанием и смертью, его обретение казалось почти невозможным. Это глубочайшее понимание логики событий, сочетающееся, в случае необходимости, с отказом подчиняться этой логике, это стремление мыслящего существа оставаться самим собой несмотря ни на что всегда впечатляло меня, причем гораздо больше, нежели интеллект или храбрость, взятые по отдельности. Мне всегда представлялось чудом, что человек, семьдесят пять лет жизни кото-

рого выпали на один из самых бурных периодов человеческой истории, ни разу не поддался соблазну самоотрицания ради обеспечения безопасности, комфорта и даже самой жизни и ни разу, насколько известно, не совершил ни одного подлого поступка. Подобная мораль, несомненно, позволяет человеку быть самим собой. Она опровергает общепринятые представления о человеческой природе и поражает нас не менее, чем появление новой гигантской кометы или открытие форм жизни, давно считавшихся потерянными навсегда.

Ричард Пайнс
Кембридж, штат Массачусетс

Слова благодарности

Я чувствую признательность к тем многочисленным друзьям и коллегам, которые, зная о моем интересе к личности Струве, предоставляли мне информацию о нем, иными способами едва ли для меня доступную. Я также благодарен современникам Струве, в большинстве своем уже ушедшим из жизни, которые любезно делились со мной своими воспоминаниями об этом человеке. Но более всего я чувствую себя обязанным по отношению к старшему сыну Струве, профессору Глебу Струве. С самого начала работы над биографией его отца он помогал мне советами, снабжал меня материалами из своего богатейшего архива и всегда с готовностью поправлял, комментировал и критиковал мой труд. Его помощь была поистине неоценима, о чем я с благодарностью заявляю.

Часть I

ВЕЛИКАЯ РОССИЯ

Глава 1

Парламентская политика, 1905–1907

В русском политическом календаре зима сменяет весну чуть ли не мгновенно. Революция 1905 года не стала исключением из этого правила. Менее чем через два года после победы, которую, по мнению русского «общества», удалось одержать над бюрократическим истеблишментом, надежды на появление нового политического порядка опять рухнули. Летом 1907 года монархия, второй раз за год распустив парламент, бесстыдно нарушила собственную конституцию и ввела в действие пересмотренную, гораздо более жесткую версию избирательного закона. По всей империи не прекращались карательные акции, включая массовые казни реальных и предполагаемых террористов по приговорам военно-полевых судов. Чиновничество, снова оказавшееся «на коне», вело себя так, как будто бы ни октябрьского Манифеста, ни Основных законов вообще не было. К тому моменту в кругах русской интеллигенции утвердилось единодушное мнение, что революция не удалась: как не раз прежде, царизм смог перехитрить своих противников. Новая ситуация была даже хуже той, которая предшествовала 1905 году: страсти, выплеснувшиеся наружу в годы революционного насилия, продолжали бурлить, для взрыва было достаточно малейшей провокации, а монархия при этом уже не впускала народу того благого-

вения, которое в прошлом позволяло нейтрализовать недовольство масс.

Вопрос о том, почему события приняли именно такой оборот, активно обсуждался русскими интеллектуалами. Эти споры продолжались несколько десятилетий, заканчиваясь лишь со смертью их участников. Одна школа, ведущим представителем которой стал Павел Милюков, главный стратег Конституционно-демократической партии в те роковые годы, настаивала на том, что своим поражением революция была обязана двуличности монархии. Вынужденно обнародовав октябрьский Манифест, царизм вовсе не собирался выполнять его обещания и постоянно саботировал конституцию. Основным оппонент Милюкова, Василий Маклаков, представлявший правое, консервативное крыло той же партии, считал монархию более последовательной, а основную вину за происшедшее возлагал на Милюкова и его сторонников. Маклаков обвинял либералов в том, что они, не желая идти навстречу короне и проповедуя по сути революционную стратегию, не оставили властям иной альтернативы, кроме репрессий.

Струве в этом противостоянии занимал вполне четкую позицию. Несмотря на некоторые оговорки, он сотрудничал с Конституционно-демократической партией, на первых порах поддерживая стратегию Милюкова. Позже, после роспуска II Государственной Думы, Струве отвернулся от преобладавшей в рядах кадетов фракции и занял позицию, близкую скорее к маклаковской. Вместе с тем он отнюдь не собирался ограничиваться критикой стратегии и тактики кадетской партии; корень проблемы, по его убеждению, следовало искать глубже, в самой политической культуре России. В конечном счете, полагал Струве, провал конституционного эксперимента был обусловлен отсутствием у русских, причем как у народных масс, так и у образованных классов, тех культурных качеств, без которых конституционная государственность попросту невозможна.

Если мы попытаемся взглянуть на 1905–1907 годы изнутри, на минуту «вычеркнув» из памяти всякое знание о последующих событиях, то понять происходящее будет гораздо легче, а вот вынести свою оценку, напротив, значительно сложнее. Рассматриваемый период русской истории по-настоящему трагичен. Речь идет о трагедии потому, что главные действующие лица, учитывая их воспитание, жизненные установки и цели, не имели иного выбора, кроме как действовать в том духе, в каком они действовали; но поступая так, они обрекали себя на стремительное скольжение прямиком в катастрофу. У нас, вероятно, есть все основания для следующего утверждения: если бы в 1930 годы лидеры имперской бюрократии и их оппоненты каким-то чудесным образом смогли бы вернуться в Россию из парижского или белградского изгнания, они повели бы себя точно так же, как до революции, и тем самым вновь разыграли бы ту же самую трагедию в мельчайших ее деталях.

Впечатляющие успехи, которых Союз освобождения — большая коалиция оппозиционных партий — добился в 1903–1905 годах, были обязаны своим происхождением созданному этой организацией альянсу либералов, умеренных консерваторов и левых интеллигентов, а также появившейся благодаря такому союзу возможности сплотить против автократии городские и сельские «массы». Подобная коалиция не имела аналогов ни в прошлой, ни в будущей истории России — страны, где оппозиционные силы неизменно дробились на бесчисленные враждующие фракции, а либерально-консервативные элементы никогда не сближались с радикалами настолько, чтобы координировать с ними свою политику. Действуя обособленно, либералы и либерал-консерваторы, преобладавшие в Союзе освобождения, едва ли добились бы многого. Разумеется, интеллектуалы и богатые землевладельцы из руководства союза могли досажать режиму своими острыми публикациями и бан-

кетными кампаниями, но поставить власть на колени им было не под силу. Для реализации этой задачи им требовались «массы», способные посеять семена бунта по всей территории империи, а доступ к этим «массам» обеспечивала «демократическая интеллигенция». Последняя представляла собой рыхлое скопище социалистов-революционеров, социал-демократов и всевозможных беспартийных «прогрессистов» (к таковым относились, к примеру, служащие земств, мелкие чиновники, образованные рабочие и т.д.), которые, проповедуя социалистические идеалы, не были готовы присоединиться к эсерам или эсдекам. Таким образом, ради собственной эффективности союз должен был заручиться поддержкой организованных и неорганизованных «левых». Русские либералы, и Струве в том числе, единодушно признавали, что именно активная поддержка «демократической интеллигенции» в 1904–1905 годах склонила чашу весов в их пользу¹.

Принимая во внимание подобный опыт, едва ли стоит удивляться тому, что даже после состоявшегося в октябре 1905 года преобразования Союза освобождения в Конституционно-демократическую партию либералы по-прежнему исключительно ценили поддержание тесных отношений с левыми. Но в пользу левацкого уклона свидетельствовал не только предшествующий путь: такой курс имел стратегическое оправдание. После октября 1905 года перед русскими либералами открывались две альтернативы, ни одна из которых не казалась бы привлекательной, порви они со своими радикальными союзниками. Первая возможность предполагала, что правительство, преуспев в деле умиротворения страны, неза-

¹ Даже столь суровый критик партии, как В.А. Маклаков, в 1956 году в письме Борису Элькину соглашался с тем, что до 17 октября 1905 года «борьба против автократии по сути своей была незаконной и не могла вестись иначе, как с помощью революционных элементов». Этой цитатой из архива Элькина я обязан Константину Бранковану.

медлительно откажется от вынужденных политических уступок, сделанных либералам перед лицом массовых беспорядков. В этом случае либералы, оторванные от «демократической интеллигенции» и неспособные запугивать правительство угрозой революции, были бы изолированы и в конечном счете сломлены. Согласно второй из открывающихся возможностей, властям не удастся восстановить порядок, и в результате Россию захлестнет анархия. В условиях этой «перманентной революции» крайне радикальные группы упрочили бы свои позиции среди «народных масс» и, увлекая их в брешу, проделанные в бастионах самодержавия Союзом освобождения, сокрушили бы фундаментальные основы либерального устройства: законность, свободу и собственность. Подобное развитие событий также требовало поддержания отношений с левыми — хотя бы для того, чтобы сохранить за собой доступ к тем довольно широким слоям «демократической интеллигенции», которые не увлекались идеями классовой борьбы и «пролетарской» диктатуры.

Все перечисленные резоны говорили в защиту политики, ориентированной влево; или, как позже выразился Милюков, в пользу стратегии, сочетавшей «либеральную тактику с революционной угрозой»². Конечно, можно было бы возразить, что реальный вызов либеральным ценностям исходил не справа, но именно слева, и что после 17 октября более разумной стратегией представлялся разрыв с левыми и совместная с правительством борьба с анархией, откуда бы та ни исходила. Подавляющее большинство либералов, однако, было убеждено, что имперский режим по-прежнему силен и устойчив, даже после 1905 года, и что необходимо и впредь безнаказанно расшатывать его. Размышляя в эмиграции над событиями тех лет, Струве приходил к выводу, что левые предпочтения либералов (которые он и сам разделял какое-то вре-

² П.Н. Милюков. Воспоминания (1859-1917). – Т. I. – Нью-Йорк, 1956. – С. 316.

мя) психологически проистекали из гипертрофированной убежденности во внутренней мощи и непоколебимости царского правительства³.

Избранная либералами стратегия неминуемо вела к столкновению с правящим режимом и фактически гарантировала крушение конституционного порядка. Единственный довод, который можно привести в ее оправдание, состоит в следующем: она исходила из «дозированного» риска, казавшегося руководству партии все более приемлемым по мере того, как победы 1903–1905 годов укрепляли в кадетях непоколебимую уверенность в собственном умении держать под контролем любую, в том числе и революционную, ситуацию. Кадетские лидеры были убеждены, что, оказывая неослабное давление на бюрократию и опираясь при этом на поддержку радикалов, можно будет теснить режим до тех пор, пока в стране не восторжествует подлинная парламентская демократия. Милюков, увлекавший конституционных демократов на этот воинственный путь, несомненно, ощущал поддержку подавляющего большинства рядовых членов партии. Внутренне он оставался осторожным и уравновешенным человеком, который по большей части следовал за своими избирателями, нежели вел их за собой. Лишь немногие покидали партию из-за того, что она слишком далеко ушла влево; таковых значительно превосходили перебежчики в противоположный лагерь, полагавшие, что кадеты недостаточно полевели. Большая часть правых откололась во время создания партии, когда консервативные элементы Союза освобождения образовали Союз 17 октября. Несмотря на некоторые оговорки по стратегическим

³ См.: 29/7-20. (См. Библиографию работ П.Б. Струве в конце этого тома. – *Прим. ред.*) Левые ориентиры Конституционно-демократической партии предопределяли и ее социальный состав. Из приблизительно 70-100 тысяч активных членов, состоявших в ее рядах в 1907 году, 43,7 процента можно отнести к «интеллигенции». См.: *Е.Д. Черменский. Буржуазия и царизм в революции 1905-1907 гг.* – М.-Л., 1939. – С. 305-306.

вопросам, Струве (подобно Маклакову) присоединился к кадетам и сотрудничал с последними только потому, что просто не видел иной альтернативы: ни октябристы, ни прочие правые партии не казались ему жизнеспособными вариантами.

Конституционно-демократическая партия (или, как ее назовут позже, Партия народной свободы) была основана на учредительном съезде, состоявшемся в Москве 12–18 октября 1905 года. Мероприятие оказалось не слишком многолюдным, поскольку всероссийская стачка, парализовавшая железные дороги, не позволила приехать в столицу многим делегатам с мест. В своем вступительном слове Милюков охарактеризовал политику новой партии довольно радикальным образом: группировки, находившиеся правее кадетов, он зачислил в разряд «противников», а тех, кто занимал более левые позиции, именовал «не противниками, а союзниками». Далее он с нескрываемой гордостью говорил о том, что Конституционно-демократическая партия «стоит на том же левом крыле русского политического движения», что и прочие социалистические партии, а программу кадетов называл «наиболее левой» среди программ либеральных партий Европы. По Милюкову, принципиальное отличие кадетов от социалистов было обусловлено тем, что последние настаивали на демократической республике (а не конституционной монархии), а также на обобществлении средств производства⁴. Съезд постановил, что работа партии в будущем парламенте (в так называемой «булыгинской думе», задуманной в качестве не законодательного, а совещательного органа) должна быть посвящена борьбе за созыв Учредительного Собрания, избираемого на основе так называемой «четырёххвостки» — всеобщего, прямого, равного и

⁴ Конституционно-демократическая партия: Съезд 12-18 октября 1905 г. (б. м., б. г.). – С. 6-8. Ранее в том же году социалисты-революционеры предлагали Милюкову место в Центральном комитете своей партии. См.: *П.Н. Милюков. Воспоминания.* – Т. I. – С. 264.

тайного голосования. (Это требование являлось одним из центральных пунктов платформы Союза освобождения.) В программе, принятой съездом, кадеты выдвигали и другие далеко идущие требования, включая распространение гражданских свобод на всех граждан и учреждение парламента, облеченного законодательной властью.

17 октября, в предпоследний день работы съезда, правительство обнародовало известный Манифест, в котором признавалась большая часть требований Союза освобождения, в том числе гарантии гражданских прав и необходимость созыва законодательного представительного органа. Реакция кадетского съезда на эти беспрецедентные уступки оказалась на редкость прохладной: по-видимому, партия не хотела проявлять излишнюю радость, чтобы не лишать себя права настаивать на еще больших уступках. Милюков, изучивший текст Манифеста, опубликованный в свежих газетах, заявил, что документ «ничего не меняет»: «война продолжается»⁵. Съезд принял жесткое постановление, в котором выражалось сомнение в искренности правительства, а императорский Манифест по целому ряду оснований объявлялся «не оправдавшим ожиданий». Особое ударение было сделано на то, что обещанная царем Дума «не может быть признана правильным народным представительством». Партия оставляла за собой право продолжать борьбу за созыв Учредительного Собрания⁶.

I съезд predetermined политическую линию кадетов на два года вперед — на то самое время, когда решалась судьба русского конституционализма. И хотя впоследствии партия отказалась от наиболее экстремистских требований (включая созыв Учредительного Собрания), она продолжала настаивать на том, что предназначением пар-

⁵ В.А. Маклаков. Из воспоминаний. — Нью-Йорк, 1954. — С. 346. Данный факт подтверждается самим Милюковым. См.: П.Н. Милюков. Воспоминания. — Т. I. — С. 311-312.

⁶ Конституционно-демократическая партия: Съезд 12-18 октября 1905 г. — С. 23-26.

ламентской деятельности является не дележ полномочий с царской короной, но лишение последней всяческой власти.

Нам гораздо легче проследить за поступками Струве в те штормовые годы, нежели восстановить тогдашний ход его мыслей. Двадцать месяцев, которые пролегли между его возвращением в Россию и роспуском II Государственной Думы (октябрь 1905 — июнь 1907), стали единственным отрезком его жизни, когда он добровольно подверг себя ограничениям партийной дисциплины и подчинялся мнению большинства, даже не будучи с ним согласен. Он поступал таким образом потому, что был уверен: Конституционно-демократическая партия, несмотря на все ее промахи, воплощала собой единственную надежду на установление в России эффективного демократического правления и, следовательно, предотвращение всеобщего политического коллапса. Исходя из этой предпосылки, поддержание партийной дисциплины, столь противной его темпераменту, оказывалось весьма существенным:

«Как бы ни было трудно каждому из нас подчиняться приемам и методам партии в тот или другой момент, как бы подчас каждый из нас ни расходился с теми или другими элементами партии, тем не менее каждый из нас должен чувствовать в настоящее время абсолютную нравственно-политическую обязательность крепко держаться за партию. Ибо при тех исключительно трудных обстоятельствах, в которые поставлена теперь Россия, только сплоченное действие демократических общественных элементов может вывести нашу страну на путь действительного обновления и здорового развития. Как бы каждый из нас ни желал сохранить свою индивидуальную независимость, он должен помнить, что принадлежность к партии и действие в сомкнутом ряду является в настоящее время прямо-таки этической обязанностью в отношении к высшим интересам страны»⁷.

⁷ #330/1872.

Струве действовал в полном соответствии с тем, что проповедовал. Повинуясь моральному долгу, он безжалостно подавлял в себе многочисленные сомнения, касавшиеся стратегии и тактики партии. Он неистово нападал на всякого (прежде всего — на будущих октябристов), кто покидал партию из-за недовольства (внутренне самим Струве разделяемого) ее левой ориентацией. Русской интеллигенции, неизменно ставившей верность программным догмам превыше соображений прагматической политики, такое нарочитое смирение вовсе не было свойственно, но для кадетов оно не являлось редкостью. Маклаков, к примеру, позже признавал, что когда партия допускала грубые, по его мнению, просчеты, он также вынужден был хранить молчание⁸.

Возвращаясь 26 октября в Петербург из Германии, Струве был настроен исключительно благодушно. Ему казалось, что старый режим, основанный на бюрократическо-полицейском деспотизме, рухнет столь стремительно, что никакая сила на земле не сможет восстановить его и что из-под его развалин русский «народ» вот-вот поднимется к свету. В самом первом своем публичном выступлении, в речи, произнесенной в Союзе инженеров в день приезда, он признался в «ужасном грехе» — в неверии в русский народ; теперь же, по его словам, он осознал свою ошибку и с уверенностью смотрит в будущее⁹.

Его возвращение, однако, совпало с временным затишьем на улицах; в результате создавалось обманчивое впечатление, что страсти наконец-то улеглись, а страна находится в процессе мирного перехода к новому конституционному строю. Всероссийская стачка завершилась, и публика все еще не оправилась от эйфории, произведенной Манифестом 17 октября. Но на деле России грозили новые неприятности. Радикальные интеллигенты, получившие в лице Советов прекрасную трибуну для пропа-

⁸ В.А. Маклаков. Из воспоминаний. — С. 339.

⁹ *Русские ведомости*. — № 283. — 28 октября 1905. — С. 2.

ганды массовых революционных акций, продолжали подстрекать рабочих на борьбу с монархией. Для того чтобы ожесточение вспыхнуло с новой силой, достаточно было малости. И такой инцидент произошел как раз в тот день, когда Струве вновь ступил на петербургскую землю: в Кронштадте восстал морской гарнизон. Реагируя на это выступление с намеренной жесткостью, председатель Совета министров Сергей Витте приказал отдать зачинщиков мятежа под военно-полевой суд и на всякий случай ввел военное положение в беспокойных польских областях. 1 ноября петербургский Совет ответил на репрессии властей призывом к общегородской стачке. В последующие два дня жизнь в столице практически остановилась, поскольку более ста тысяч рабочих не вышли на работу. Встали железные дороги, было отключено электричество. Волна паники захлестнула петербургскую биржу. Вдохновленные успехом, лидеры Совета принялись обсуждать перспективы распространения стачки на всю территорию страны. Однако, как часто случается в подобных ситуациях, отсутствие адекватных забастовочных фондов заставило движение дрогнуть. 5 ноября, в субботу, под гром революционной риторики, представители рабочих отступили, а Совет проголосовал за прекращение стачки. Но и после этого спорадические вспышки насилия наблюдались как в столице, так и других местах. 14–15 ноября вспыхнул мятеж на Черноморском флоте. В то же самое время началась забастовка почтовых и телеграфных служащих, на несколько недель прервавшая сообщение по всей империи. В результате выдвигаемых студентами требований предоставить право участия в административных решениях и бойкота ими «реакционных» профессоров было закрыто несколько университетов.

Наблюдая за этими событиями, Струве чувствовал, что необходимо как можно скорее восстановить в стране дееспособную политическую власть. Добиться этого можно было только при двух условиях: скорейшем проведении парламентских выборов на основе всеобщего избира-

тельного права и предоставлении сформированному таким образом парламенту реальной законодательной власти, включая право назначения министров. По замечанию, сделанному им еще в начале года, во время пребывания во Франции, «революция в России должна стать властью»¹⁰. Бюрократия более не способна управлять; чем дольше она цепляется за власть, тем шире распространится смута и тем больший ущерб будет нанесен экономике страны. На третий день после возвращения Струве имел аудиенцию с Витте, который в то время проводил серию встреч с видными деятелями оппозиции, в ходе которых пытался определить, в какой степени правительство может рассчитывать на их поддержку. Исходя из письма, вскоре направленного Струве в одну из дружественных газет, на встрече обсуждался избирательный закон, который разрабатывала в то время специальная правительственная комиссия. Струве добивался от премьер-министра четких гарантий того, что акт предусматривает широкое и по-настоящему демократичное избирательное право¹¹. Струве также дал интервью корреспондентам двух газет, в которых утверждал, что Витте преуспеет в качестве премьер-министра лишь в том случае, если сможет обеспечить «умелый компромисс» с требованиями «крайних партий». Несомненно, он имел в виду крайне левых. Говоря о себе лично, Струве отмечал, что «полностью примыкает» к Конституционно-демократической партии и поддерживает ее программу (в том виде, в каком она была сформулирована I съездом), настаивающую на проведении парламентских выборов на основе всеобщего избирательного права, а также аграрной реформы, осуществляемой за счет землевладельцев, но с соответствующей компенсацией. Он, однако, не упомянул о созыве Учредительного Собрания, на основании чего мы можем предположить, что уже в то время он разошелся во

¹⁰ См.: *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал, 1870-1905. – М.: Московская школа политических исследований, 2001. – С. 537.

¹¹ *Наша жизнь*. – № 337.

взглядах на этот ключевой вопрос с большей частью руководства кадетов и был готов к сотрудничеству с правительством в стенах Думы. Один из интервьюеров был поражен необычайной экзальтированностью собеседника: «он то вспыхивал, то остывал; в его голосе, жестах, каждом движении просматривалось крайнее нервное возбуждение»¹².

4 ноября Струве присутствовал на собрании в Санкт-Петербурге, где вновь стяжал бурные аплодисменты, выступив против введения военного положения в Польше¹³. На следующий день он посетил сессию Петербургского совета, проводимую в помещении Вольного Экономического Общества — месте триумфов его молодости. Сидя на гостевой галерее, он «жадно и с дрожью» вслушивался в выступления, призывавшие рабочих сражаться до полного уничтожения монархии¹⁴.

Затем он устремился в Москву, чтобы принять участие в форуме земских и городских лидеров, посвященном первой годовщине состоявшегося в ноябре 1904 года исторического Земского съезда, а заодно обсудить с Центральным комитетом вопрос о будущих взаимоотношениях земского движения с партией. 11 ноября он выступил на этом мероприятии с краткой речью, в которой снова подверг критике польскую политику Витте и настаивал на скорейшем предоставлении Польше автономии¹⁵. Но главное выступление состоялось вечером того

¹² *Русские ведомости*. — № 284. — 29 октября 1905. — С. 2; Русь. — № 9. — 30 октября 1905. — С. 4. Публичные заявления Струве о приверженности Конституционно-демократической партии, последовавшие всего лишь через три дня после его прибытия в Санкт-Петербург, заставляют усомниться в утверждении Семена Франка о том, что он присоединился к кадетам после долгих колебаний и переговоров с Милюковым. См.: С. Франк. Биография П.Б. Струве. — Нью-Йорк, 1956. — С. 48.

¹³ *Наша жизнь*. — № 329. — 9 ноября 1905. — С. 4.

¹⁴ 06/5-11. О духе, царившем на той сессии Совета, см.: Н.И. Сидоров (ред.). 1905 год в Петербурге. — Вып. II. — Л., 1925. — С. 43-48. См. также: #304/11-12.

¹⁵ *Русские ведомости*. — № 299. — 13 ноября 1905. — С. 2.

же дня в Московском литературно-художественном клубе, который давал обед в честь Струве и приветствовал его бурными, продолжительными овациями. Здесь впервые после возвращения из-за границы Струве обнаружил обеспокоенность происходящим. Речь была названа «Скорее за дело!» (#322) — парафраз названия знаменитой статьи «Мы призываем к труду!», которой в 1856 году Герцен открыл первый номер *Полярной звезды*. Струве обобщил впечатления, полученные им в России за минувшие две недели, и они далеко не во всем оказались радостными. Беспорядки, захватившие рабочих и студентов, заставили его усомниться в том, способна ли Россия с толком воспользоваться возможностями, которые открыл перед нею октябрь. Струве удручала та безответственность, с которой различные политические и общественные группы реагировали на экономические задачи, стоящие перед страной, больше не являвшейся вотчиной режима, но ставшей достоянием всего народа. Касаясь забастовки почтовых и телеграфных служащих, он убеждал аудиторию, что такая акция наказывает не правительство, располагающее собственной системой коммуникаций, но общество, лидеры которого лишены возможности общаться друг с другом в критический момент рождения политических партий¹⁶. Он опасался, что подобное развитие событий приведет Россию к экономическому краху и последующей диктатуре: «В атмосфере русской жизни висит диктатура: диктатура тех, кого именуют «черной сотней», и тех, кто себя именует «революционным пролетариатом». Мы скажем и тем, и другим, что стране не нужна и противна всякая диктатура, что она нуждается, что она жаждет только права, свободы и хозяйственного возрождения».

¹⁶ Об ущербе, нанесенном этой забастовкой кадетам, см.: Отчет ЦК (1907). — С. 20-21. Это, однако, не помешало партии собрать 3000 рублей в фонд помощи бастующим. См.: *Красный архив*. — № 3/46. — 1931. — С. 52.

Струве сформировал предельно ясный образ того, какой он хочет видеть Конституционно-демократическую партию. Она представлялась ему в качестве широкой коалиции, объединяющей все социальные группы и политические течения, приверженные конструктивной программе созидания новой России. Такая партия, как заметил он однажды, должна поднять «народно-трудовую» Россию на борьбу и победу над «чиновно-владельческой» Россией¹⁷. Его интеллектуальный протее Николай Бердяев определял программу Струве того периода следующим образом: «Практическая же политическая задача Струве заключается в создании всенародной демократической партии, в которой соединились бы все элементы национального возрождения русского народа, в которой вся новая, свободная, народная Россия восстала бы против старой, самодержавно-бюрократической и владельческой России»¹⁸. Программа подобного рода предполагала открытость по отношению к левым силам, и в данном смысле Струве разделял политическую стратегию кадетских лидеров. Он предостерегал русских либералов от ошибки их германских единомышленников, превратившихся в партию, которая выражала лишь узкие интересы имущих классов. Кадеты должны оставаться народной партией (подобно тому как Союз освобождения являлся народным движением), а не быть представителями только одного сегмента общества — «буржуазии». Партии, полагал Струве, не следует уклоняться от массовой политики; напротив, она должна объединять вокруг себя рабочих и крестьян¹⁹. Ей необходимо научиться сочетать борьбу за политические и гражданские свободы с «умеренным радикализмом», нацеленным на социальную и экономическую реформу: ее идеалы должны включать свободу, ра-

¹⁷ #314/589.

¹⁸ Н. Бердяев. *Sub specie aeternitatis*. — СПб., 1907. — С. 392.

¹⁹ *Второй Всероссийский съезд делегатов Конституционно-демократической партии. Бюллетень*. — № 3 (8 января 1906). — С. 6.

венство и социальную справедливость²⁰. Несомненно, образцом для Струве выступали британские либералы, которые под руководством Асквита и Ллойд Джорджа только что приняли квазисоциалистическую программу. Победа Либеральной партии на выборах 1906 года привела его в восхищение: он еще более укрепился в том, что именно таким должен быть путь России²¹.

Вместе с тем уже в то время (зимой 1905—1906 годов), будучи причастным к руководству кадетской партией теснее, чем когда бы то ни было, Струве не мог согласиться с тремя пунктами ее программы. Некогда близкие отношения с лидерами российских социал-демократов и неудачный опыт взаимодействия с ними заставляли Струве более чем скептически относиться к «союзникам слева», о которых столь восторженно отзывался Милюков. Во-первых, он, вопреки Милюкову, полагал, что в России различие между либерализмом и социализмом не сводится к противопоставлению конституционной монархии республике или социальных реформ — обобществлению средств производства. Корни его уходили гораздо глубже. Русских социалистов, предупреждал Струве, не следует путать с западными социал-демократами. Первые «некультурны» и непримиримо враждебны по отношению к либеральным ценностям. Русские социал-демократы не просто представляли собой более радикальную разновидность либералов — то было совершенно иное племя. То, что в России принимали за социал-демократию, на деле являлось лишь помесью якобинства и анархизма; с анархистами этих «социалистов» роднило полное пренебрежение к праву²². В этом отношении русские социалисты оказывались злейшими врагами либерализма, принципиальное назначение которого состояло в снятии классовых конфликтов и направлении их в право-

²⁰ #303/3; 06/1-19.

²¹ *Право*. — № 7. — 19 февраля 1906. — Приложение. — С. 54.

²² *Русь*. — № 25. — 20 ноября 1905.

вое русло. Назвав в мае 1906 года одну из своих статей «Черносотенный социализм» (#328), Струве руководствовался отнюдь не литературными соображениями; он настойчиво проводил параллель между монархистами-черносотенцами и крайне левыми. Струве желал сотрудничества не с радикальными партиями, но с их сегодняшними или завтрашними избирателями, а данная цель, в свою очередь, требовала принятия решительной программы экономических и социальных реформ. Не доверяя радикальным партиям и предчувствуя их готовность саботировать конституцию, Струве хотел перешагнуть через их головы и обратиться за поддержкой напрямую к массам. На практике это означало, что Струве противился намерению руководства кадетов вступить в предвыборный альянс с социалистическими партиями.

Во-вторых, он с самого начала не разделял прохладного отношения партии к будущей Государственной Думе. Как уже отмечалось, на учредительном съезде в октябре 1905 года кадеты выработали довольно бескомпромиссную платформу, исходя из которой думская фракция конституционных демократов должна была использовать парламентскую трибуну лишь в качестве инструмента для созыва Учредительного Собрания. За этой тактикой скрывалось неприятие октябрьского Манифеста; это означало, что кадеты готовы удовлетвориться только безоговорочной кончиной монархии (или, возможно, приданием ей сугубо декоративных функций). По мнению Струве, подобная позиция оказывалась для партии самоубийственной. В ноябре 1905 года, в ходе съезда земских и городских деятелей, настроенного в целом более консервативно, нежели съезд кадетов, он пытался добиться от участников хотя бы формального выражения недовольства данным разделом партийной программы, в связи с чем внес следующий проект заявления: «Если правительство целостно и последовательно осуществит указываемые (в резолюции) условия, то съезд земских и городских деятелей сочтет своим долгом оказать такому прави-

тельству поддержку всеми зависящими от него средствами»²³. Инициатива была отвергнута делегатами. Либералам и либерал-консерваторам понадобился год упущенных возможностей, чтобы осознать реалистичность такой позиции. Струве, тем не менее, продолжал настаивать на своем, призывая соотечественников избавиться от «революционной идеологии» и сосредоточиться на борьбе за демократически избранный парламент. Он энергично пропагандировал эту идею в неподписанной редакционной статье, появившейся в середине декабря 1905 года в недолговечной кадетской газете *Народная свобода*²⁴. Здесь рассматривался весьма волновавший в то время кадетов вопрос о том, должна ли партия бойкотировать предстоящие выборы в Думу. Струве решительно выступал против такого бойкота. Он соглашался с тем, что в долгосрочной перспективе партии необходимо бороться за подлинно демократичный парламент, избираемый на основе «четырёххвостки»; не возражал он и против того, что в конечном счете формирование такого парламента потребует созыва Учредительного Собрания. Но бойкот Государственной Думы был бы глупостью. Учредительное Собрание невозможно созвать, не прибегая к насилию, но для этого оппозиционные группы слишком слабы: подавление декабрьского восстания в Москве показало, что расклад сил благоприятствует правительству. Более того, если даже новый орган удастся созвать вопреки воле режима и наделить его статусом временного правительства, выигрыш от этого окажется минимальным. Любое временное правительство, созданное подобным образом, окажется нежизнеспособным; ему не хватит авторитета «собрать рассыпанную хранину Русской земли», и в конечном счете оно будет сметено народной контрреволюцией. Наконец, экономическая

²³ *Наша жизнь*. – № 332. – 12 ноября 1905. – С. 3. Протоколы этого съезда см.: *Право*. – № 45/46. – 20 ноября 1905. – С. 3699-3727.

²⁴ 05/12-20. Авторство этой неподписанной статьи я приписываю Струве на основе косвенных доказательств.

ситуация в стране настолько отчаянна, что дальнейшая анархия недопустима: «еще несколько месяцев, и общественная, а не правительственная Россия рухнет, поколебленная в своих глубочайших основах». Следовательно, никакой разумной альтернативы участию в думских выборах просто нет. Попав в Думу, кадеты смогут выдвинуть широкую программу социальных и экономических реформ, вокруг которой сплотятся другие левоцентристские депутаты; таким путем будет создано «дееспособное демократическое большинство». Возглавив это большинство, кадеты будут наращивать давление на режим, подталкивая его от одной уступки к другой до тех пор, пока не восторжествует подлинная парламентская демократия²⁵.

Наконец, третье расхождение Струве с партией касалось сущности и предназначения партийной платформы. На I съезде кадеты приняли подробнейшую программу — излишне подробную, как считали некоторые, поскольку чрезмерная детализация намерений партии отпугивала часть потенциальных сторонников. Струве соглашался с этими критиками. Он заявлял, что партийная программа должна быть не «догматичной», но «гибкой», лишь в самом общем виде формулируя цели партии²⁶. Он предлагал также умерить требования, предъявляемые к кандидатам в члены партии, что открыло бы двери для людей, разделявших общие идеалы кадетов, но отнюдь не всегда соглашавшихся со всеми нюансами их политики. Подобные взгляды вполне соответствовали его желанию преобразовать кадетскую партию в общенародное демократическое объединение.

²⁵ В. Водовозов свидетельствует, что негативное отношение Струве к Учредительному Собранию беспокоило Милюкова уже в январе 1906 года. См.: Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон». — Дополнительный том IV (1907). — С. 719. Впрочем, в одной из своих публикаций (#304/17), руководствуясь, вероятно, соображениями партийной лояльности, Струве поддержал созыв Учредительного Собрания.

²⁶ *Русь*. — № 25. — 20 ноября 1905.

Таким образом, вернувшись в Россию, Струве сразу же примкнул к умеренному, или, как теперь принято говорить, «правому» крылу Конституционно-демократической партии. Он приложил немало сил, чтобы отвлечь кадетов от слишком тесного сближения с радикальными партиями, предпочитая прямые апелляции к избирателям последних. Он боролся с доктринерским отношением к Думе, партийным лозунгам, членству в партии, настаивая на максимальной гибкости во всех этих вопросах. Самым главным для него было создание широкого демократического фронта, энергичная деятельность которого в парламенте смогла бы усмирить бюрократию и одновременно изолировать анархо-якобинцев из лагеря левых.

Изложенная политическая стратегия позволяет понять, почему Струве столь по-разному реагировал на выход из партии представителей правого или левого ее крыла. Его, по-видимому, не слишком беспокоили случаи, когда демократы-социалисты, в прошлом сотрудничавшие с Союзом освобождения, отказывались присоединяться к кадетам на том основании, что последние, мол, слишком «буржуазны». Такие «раскольники» укрепляли демократическую составляющую левого движения и тем самым подрывали влияние анархо-якобинцев. Сразу же после учредительного съезда кадетской партии небольшая, но влиятельная группа петербургских «освобожденцев» — Е.Д. Кускова, С.Н. Прокопович, В.Я. Яковлев-Богучарский и В.М. Хижняков (первые трое сыграли решающую роль в событиях, приведших к Кровавому воскресенью²⁷) — решила не присоединяться к кадетам, поскольку те были «слишком правыми». Вместо этого они создали собственную партию на платформе «критического» социализма Бернштейна. Кускова и ее единомышленники изо всех сил старались убедить Струве присоединиться к ним, но он отказался²⁸. Вместе с тем в статьях и выступлениях то-

²⁷ См. об этом: *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал. — С. 519.

²⁸ 28/2-4.

го времени он ни разу не подверг критике путь, избранный его петербургскими друзьями, и какое-то время даже сотрудничал с издаваемой ими газетой *Наша жизнь*. А вот к перебежчикам с правого фланга либерального движения он относился не так снисходительно. Он презирал консерваторов-земцев, которые под руководством Д.Н. Шипова и А.И. Гучкова откололись от либералов, чтобы сформировать Союз 17 октября. С уважением относясь лично к Шипову, он воспринимал Гучкова с нескрываемой злобой, называя его «Витте русского общества», не принесшим России ничего, кроме горя²⁹, и едва не клеймя в качестве агента режима. Во время кампании по выборам в I Государственную Думу главной мишенью его издевок выступали октябристы³⁰. Когда известный правовед Е.Н. Трубецкой, возмущенный «нерешительностью» кадетской партии, покинул ее ряды, Струве обрушился на него в печати (#314), обвиняя этого вполне консервативного джентльмена в грехе «доктринерства», столь типичном для русских интеллектуалов. По его мнению, каждый перебежчик справа усиливал зависимость партии от ее левого крыла.

Наибольшим авторитетом в кадетской партии Струве пользовался зимой 1905–1906 годов, то есть между декабрьской стачкой в Москве и триумфальной победой конституционных демократов на первых думских выборах. В тот период ход событий, казалось, подтверждал проницательность его советов и партия шла в чаемом им направлении.

Его влияние, однако, распространялось не столько по внутрипартийным каналам, сколько с помощью выступлений в печати. Вскоре после возвращения в Россию

²⁹ 06/2-27.

³⁰ Основная критика октябристов содержится в другой статье (#315), где Струве называет их «политически трусливыми и недальновидными» людьми. Спустя много лет, в эмиграции, ему, однако, пришлось признать, что октябристы все-таки оказались правы «не только с тактической, но также с идеологической и философской точек зрения». См.: 28/2-4.

он был кооптирован в Центральный комитет партии. Позже его не раз делегировали на ответственные посты в комитетах, занимавшихся выработкой организационных и программных документов (об этом речь пойдет ниже). Но Милюков, быстро набиравший вес в качестве непререкаемого лидера кадетов, был, несомненно, прав, называя Струве одним из «идеологов» партии³¹. Однако у него никогда не было подчиненных и он не принадлежал к узкому кругу высшего партийного руководства. Этот дефицит прямого влияния на партийный аппарат следует приписывать не столько его взглядам, сколько личным качествам: крайней беспомощности в организационных вопросах, отсутствию интереса к деталям и всякого рода рутине, слабым ораторским способностям³².

Его положение в партии в то время наилучшим образом можно охарактеризовать словами Милюкова, который считал Струве нестигаемым искателем истины и образцом в моральном отношении. Вспоминая свои разногласия со Струве в дни *Освобождения*, Милюков отмечал, что даже тогда восхищался интеллектуальной цельностью этого человека:

«Мы всегда ценили в писательском таланте П.Б. Струве эту черту — добросовестную смелость, с которой прямо и резко он поднимал новый вопрос, не спрашивая, готовы ли читатели принять, или хотя бы вникнуть в новую и смелую, непривычную постановку вопроса. ...Пока мысль жива, она вечно изменчива. Это ее священное право. ...Правду видят многие, но нужна гражданская смелость, чтобы сказать ее вовремя. А «вовремя» в таких случаях обыкновенно бывает «раньше времени», — раньше того времени, когда новая мысль успеет подействовать на громоздкий аппарат общественного мнения. В почине всегда

³¹ См.: П.Н. Милюков. Воспоминания. — Т. I. — С. 423.

³² Вопреки утверждениям Франка (Биография П.Б. Струве. — С. 56), сказанное не вяжется с репутацией «скандалиста», закрепившейся за Струве позже.

есть риск, и благоразумные люди всегда предпочитают остаться в хоре. П.Б. Струве к этим благоразумным не принадлежит. Как бы велик или мал ни был элемент абсолютной правды в его наблюдениях, за ним остается риск и заслуга почина»³³.

Поспешно покидая Францию, Струве рассчитывал возобновить публикацию *Освобождения* в России. Он подтвердил свое намерение в интервью, данном в Петербурге 28 октября 1905 года, сказав о планах издания журнала совместно с Милюковым³⁴. Но замысел не осуществился — отчасти из-за того, что выход из Союза освобождения петербургской группы во главе с Кусковой привел к разрыву между кадетами и союзом, финансировавшим еженедельник³⁵. На форуме Союза освобождения, проведенном в Петербурге в конце октября, все еще шли разговоры о его сохранении в качестве независимой от кадетской партии организации, но из этих проектов также ничего не вышло³⁶. Как бы то ни было, теперь кадеты вынашивали планы издания собственной ежедневной газеты. Поэтому в уведомлении, разосланном подписчикам *Освобождения* из Москвы в ноябре 1905 года (#297), Струве сообщал, что журнал, выполнив свою задачу, приостанавливает выпуск. Окончательное решение, касающееся его судьбы, предполагалось принять на ноябрьском съезде земских и муниципальных лидеров.

В ноябре-декабре 1905 года Струве публиковал материалы по текущим событиям в различных либеральных

³³ *Народная свобода*. — № 2/9141. — 16 декабря 1905.

³⁴ *Русские ведомости*. — № 284. — 29 октября 1905. — С. 2. А.В. Тыркова-Вильямс, однако, пишет в своем дневнике, что еще в марте 1905 года Струве обсуждал с ней в Париже возможность закрытия *Освобождения*. См.: Дневник Ариадны Тырковой-Вильямс. — Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Фонд 629, оп. 1, ед.хр. 16, запись от 31 марта 1905 года.

³⁵ См.: П.Н. Милюков. Воспоминания. — С. 341.

³⁶ [В. Водовозов]. Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон». — Дополнительный том III (1906). — С. 354.

и социалистических изданиях, включая *Русские ведомости* и *Нашу жизнь*. Он также сотрудничал с двумя недолго просуществовавшими кадетскими ежедневными газетами, выходившими под редакцией Милюкова и И.В. Гессена. Обе финансировались издателем популярной ежедневной газеты *Биржевые ведомости* С.М. Проппером. Одна из них называлась *Свободный народ* и до закрытия успела выпустить только три номера, а второй была *Народная свобода*, запрещенная цензурой после шестого номера из-за статьи самого Струве.

В середине декабря 1905 года Струве основал собственный журнал — малоформатный еженедельник *Полярная звезда*. Название отсылало к двум прославленным либеральным изданиям: первое печаталось в 1823—1825 годах декабристами Бестужевым и Рылеевым, второе — в 1855—1868 Герценом и Огаревым. *Полярная звезда* Струве была теоретическим органом, стремившимся анализировать, причем глубже, чем это было возможно в ежедневной газете, и более оперативно, чем допускал ежемесячник, проблемы перехода России от самодержавия к конституционному строю. В передовой статье первого номера, ссылаясь на вступительное слово Герцена к предыдущей *Полярной звезде*, увидевшей свет ровно пятьдесят лет назад, Струве в следующих выражениях описывал политику нового издания.

«В тяжелое, прямо грозное время начинаем мы наш журнал. Над русской землей бушует политическая буря. В такое время ясно видеть кругом себя и твердо держаться раз избранного пути невозможно без незыблемых начал нравственного и политического мирозерцания.

В борьбе за нашу духовную самобытность и в борьбе за политическое освобождение родины мы выработали себе такие начала. Их отстаиванию и внесению в общественное сознание будет посвящен наш журнал. Он будет бороться за то, чтобы общественно-политическое бытие русской нации было непоколебимо утверждено на основах свободы, равенства и социальной справедливости.

Права личности и право народа — таков наш лозунг. Мы заклятые враги, враги по разуму, совести и чувству, всякого насилия, исходит ли оно от власти или от анархии.

Для нас свята только та революция, которая совершается во имя права и свободы... »³⁷

Хотя формально *Полярная звезда* не была связана с Конституционно-демократической партией, круг ее авторов составляли почти исключительно кадеты, а сам журнал воспринимался в качестве пропагандиста кадетских взглядов. Здесь печатались представители как левого, так и правого крыла партии, а также независимые либеральные мыслители, хотя тон все же задавали более консервативные либералы, включая будущих авторов сборника «Вехи»: Семен Франк, ближайший друг Струве, помогавший ему редактировать журнал, С.А. Котляревский, Н.А. Бердяев, П.И. Новгородцев и С.Н. Булгаков. Из партийных лидеров следует упомянуть Ф.И. Родичева, И.И. Петрункевича и В.Д. Набокова (Милюкова, однако, среди них не было); из литераторов — Д.С. Мережковского и В.В. Розанова; из историков — А.А. Кизеветтера и А.Е. Преснякова; из экономистов — М.И. Туган-Барановского и А.А. Чупрова. Живой, оперативный, полемичный и дешевый (50 копеек за номер) журнал расхвалился очень хорошо и быстро обзавелся широкой аудиторией. Ему, однако, было отпущено всего три месяца. Тринадцатый номер вышел со статьей Г. Штильмана, который, рассматривая только что обнародованные Основные законы, предлагал кадетам не тратить время на пустые споры о том, имеет ли Николай II, исходя из конституции, право называть себя самодержцем, а вместо этого сосредоточиться на лишении царя оставшихся у него конституционных полномочий. Власти объявили статью подстрекательской и добились судебного решения, запрещавшего журнал в соответствии с требованиями

³⁷ #303/3.

ми Уголовного уложения³⁸. Четырнадцатый номер, датированный 19 марта 1906 года, стал для *Полярной звезды* последним. Но почти сразу же, с 1 апреля, начал выходить ее преемник — практически идентичный по формату и рубрикации журнал под названием *Свобода и культура*. Поскольку в отношении Струве состоялось судебное решение, формально пост редактора занял Франк, выполнявший свои обязанности, как сообщалось на титульном листе, «при ближайшем участии Петра Струве». Правда, попытка удержать планку, заданную *Полярной звездой*, не удалась — новое издание с треском провалилось. Струве не уделял ему времени, так как ранее договорился с одним из крупных издательств о редактировании ежедневной газеты, призванной освещать работу Государственной Думы (подробнее об этом ниже). Он явно не вмешивался в процесс редактирования, а его авторские материалы появились только в первом и двух последних номерах. Под тусклым водительством Франка некогда живой еженедельник превратился в угрюмый теоретический орган, в котором малоизвестные авторы печатали обширные статьи, посвященные в основном трудовой и сельскохозяйственной проблематике. По настоянию его издателя М.В. Пирожкова каждый номер, начиная со второго, открывался двадцатистраничной рекламой книг, опубликованных и продаваемых фирмой последнего, но даже это не улучшило качества журнала. Число подписчиков резко упало, и на восьмом номере, датированном 31 мая 1906 года, издание тихо скончалось³⁹.

С помощью публикаций Струве того времени и прежде всего опираясь на статьи в *Полярной звезде*, мож-

³⁸ [В. Водовозов]. Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон». — Дополнительный том III (1906). — С. 439-440. В тот же день, когда была запрещена *Полярная звезда* (20 марта 1906 года), власти закрыли еще несколько оппозиционных изданий. Струве и Штильман впоследствии были оправданы. См.: #511/170.

³⁹ Пирожков пытался продолжить издание журнала с другим редактором. См.: 06/6-25.

но реконструировать его политическую философию, которая была гораздо шире стратегических и тактических воззрений, раскрываемых в основном в газетных статьях и выступлениях на партийных форумах.

Он был твердо убежден в том, что события 1905 года обозначили фундаментальный и необратимый сдвиг в русской истории. Революция положила конец, раз и навсегда, российской традиции самодержавной монархии. И в этом смысле, невзирая на все последующие разочарования, он считал, что «революция завершилась». Как Струве писал в 1907 году, «в какую бы полосу даже широкой общественной реакции мы ни вошли, от берега самодержавия мы навсегда отстали. Вернее, он уже смыт и потонул в волнах последних двух лет»⁴⁰.

Вместе с тем «революция» представлялась ему не единым, но двойственным феноменом: она предполагала разрушение старой автократии, основанной на бюрократическо-полицейском правлении, и созидание новой системы власти, опирающейся на волю народа. В 1905–1906 годах завершилась лишь первая фаза революции; второй, конструктивный этап еще и не начался. Следовательно, наиболее актуальной задачей, стоящей перед Россией, оказывалось формирование обновленной и дееспособной власти. До тех пор, пока это не сделано, страну будет бесцельно нести по воле волн. Корни всеохватывающего кризиса, последовавшего за революцией 1905 года, писал он, лежали в отсутствии подлинной государственной власти: «Старая власть отжила, новой еще нет»⁴¹. Эта особенность отличала русскую революцию от английской и французской, в ходе которых аппарат монархии, будучи существенно ущемленным в правах (в первом случае) и упраздненным (во втором случае), довольно быстро вытеснялся новой властью. Неспособность к подобному развитию, послереволюционный политический вакуум стал

⁴⁰ #333/128.

⁴¹ 05/11-28.

«своеобразной и печальной чертой русской революции»⁴². Из-за недостатка устойчивой государственной власти Россия погрязла в анархии и насилии, которые в краткосрочной перспективе играли на руку силам контрреволюции, желающим вернуть утраченное, а в более отдаленном будущем грозили ввергнуть страну в катастрофу.

Почему же в России такой переход не удался? Прежде всего потому, что и бюрократия, и интеллигенция отказались признать свершения 1905 года и посвятить себя конструктивной задаче восстановления в стране устойчивого политического порядка.

Монархия со всеми ее ордами чиновников продолжала жить так, как будто бы ничего не изменилось. У императора даже хватало безрассудства доверять министерские посты людям, воплощавшим худшие черты полицейско-бюрократического режима — таким, как Дурново и Горемыкин. Николай II явно не принимал в расчет то обстоятельство, что крайняя степень дискредитации русского чиновничества в глазах народа делала его дальнейшее правление невозможным. Струве напоминал властям, что Россия — не Пруссия, где консервативная монархия, опираясь на *Beamtentum*, эффективно управляла страной, а Столыпин — далеко не Бисмарк. В России консервативная конституция германского или австрийского образца никогда не заработала бы. Еще до обнародования Основных законов, состоявшегося в феврале 1906 года, Струве говорил, что любое преобразование, под прикрытием конституционного фасада оставляющее значительную власть за чиновничеством, обречено на провал: «Русская монархия, перестав быть самодержавно-бюрократической, не может преодолеть революцию тем, что станет конституционно-бюрократической»⁴³. В одном из предвыборных выступлений января 1907 года он объяснял ход своих мыслей следующим образом: «Прусское чиновничество всегда отли-

⁴² #304/10.

⁴³ #304/7.

чалось честностью и глубоким чувством уважения к праву и закону. То ли мы видим в России? Наше чиновничество, к сожалению, не воспитало в себе этих свойств. Ему совершенно чуждо понимание того, что такое право. И потому оно было, есть и будет бессильно водворить мир и истинный порядок в стране. ...Есть ли за русской бюрократией, за гг. Горемыкиными и Столыпинными национальные подвиги Штейна или Бисмарка? Что может предъявить нам как свои дела русская бюрократия, кроме национальных поражений, кроме национального позора Мукдена и Цусимы, кроме грязи Лидвалиады? И *они* думают, что Россия будет *им* верить, как охранителям закона, как сторожам национальной чести? *Никогда*. Россия им не верит, и я уверен, что им никогда никакими средствами не удастся выколотить из нее такой веры»⁴⁴.

В своих статьях и выступлениях Струве нападал в основном на самодержавие и его аппарат, на которых тогда возлагал главную ответственность за острейший политический кризис. Но одновременно — и с нарастающей силой — он предупреждал об угрозе со стороны реакционеров-радикалов. Подобно чиновникам, радикалы тоже отказывались признавать новый конституционный порядок и по-прежнему вели себя так, как будто бы ничего не случилось: они продолжали использовать старые методы «революционной» борьбы, которые в новых условиях стали саморазрушительными, — ведь теперь «революция», раздувавшаяся ими, оборачивалась против их собственного народа и народной власти. Струве яростно обличал разрушительную работу, проводимую радикальной интеллигенцией, и требовал от либералов бескомпромиссной позиции в данном вопросе. Умеренная часть либерального движения, с горечью заметил он как-то, полно-

⁴⁴ #332/73-74. Термин «Лидвалиада» отсылает к финансовому скандалу, связанному с поставками в конце 1906 года государственного зерна голодающим крестьянам, в которых был замешан шведский бизнесмен Е.Л. Лидваль.

стью замкнулась в себе. «К тому, *что* и *как* делают “революционеры” и прочие “крайние” элементы, они относятся большей частью с пассивностью почтительной; к тому, *что* и *как* делает правительство, они относятся почти всегда с пассивностью непочтительной»⁴⁵. Как мы убедимся в следующей главе, критика интеллигенции стала ведущей темой его последующих публикаций.

Конфликт двух составляющих *ancien régime* — бюрократии и радикальной интеллигенции — и их неумение приспособить себя к новым условиям держали Россию в состоянии постоянного напряжения и препятствовали утверждению нового порядка:

«В современной России все страшно перепуталось. Мы вступили в конституционную фазу; но и монархическая власть, и народ живут еще идеями, традициями, пристрастиями (то есть и симпатиями, и антипатиями) самодержавной эпохи.

Монархия прикована к бюрократии; и вся интеллигенция, безусловно враждебная бюрократии, питает недоверие к монархии, которая ей платит тем же. И в споре монархии с интеллигенцией вновь оживает и укрепляется бюрократия. А народные массы, исторически привязанные к монархии, питают глубокое недоверие к двум исторически связанным между собой и в то же время органически друг другу враждебным силам: к бюрократии и к интеллигенции. Поскольку монархия остается в союзе с бюрократией, народные массы своим стихийным восстанием потрясают вместе с ненавистной бюрократией и дорогую им по всем чувствованиям и привычкам мысли монархию. И в то же время они могут, увлекаемые темным, унаследованным от прошлого инстинктом, ринуться на интеллигенцию как на “господ”. Небольшая кучка русских реакционеров, этих единственных в России настоящих “господ”, готова, разбудив чернь в народной толпе, соединиться с нею для того, чтобы, пользуясь ее противо-

⁴⁵ #303/12; см. также #307, #310/278-284 и #313/443-447.

господскими предрассудками, физически раздавить ненавистную реакционерам интеллигенцию. Таково черносотенное движение, глубокие корни которого заложены в исконном культурном раздвоении между “командующими классами” и народом. Не надо забывать — и прежде всего не надо забывать этого революционерам, — что их проповедь социальной классовой борьбы часто лишь как слабый побег прививается к старому и крепкому противокультурному стволу недоверия народа к “образованному обществу”, то есть прививается к черносотенной основе рухнувшего самодержавного строя».

И Струве пророчески заключал:

«Русская революция и русская монархия стоят теперь обе на поворотном пункте. На теле нации они могут схватиться в последней отчаянной схватке. И они еще могут заключить мир. Допустим, что завтра революция победит монархию. Это вовсе не будет означать, что торжество революционных начал прочно. Такая победа революции только продолжит путь реакции. Но и наоборот. Торжество реакции — теперь уже это ясно для всякого вдумчивого человека — опаснее для монархии, чем для революционных начал. *Русская монархия, которая не заключит с революцией почетного для обеих сторон мира, а победит ее реакцией, — эта русская монархия не выдержит не только второй революции, но и второй такой войны, какой была русско-японская война*»⁴⁶.

Учитывая ту безотлагательность, с которой, по мнению Струве, Россия нуждалась в сильной власти, а также исходя из невысоких оценок, выносимых им как бюрократии, так и интеллигенции, становится ясно, почему он возлагал столь большие надежды на грядущую Думу: последняя оказывалась единственной стабилизирующей силой в стране. На эту роль, правда, годилась не всякая Дума: поскольку чиновничество было полностью дискредитировано, Думу следовало наделить самыми широкими

⁴⁶ #304/13-14, 15. Курсив мой. — Р.П.

полномочиями — «русская монархия должна быть парламентарной не из подражания Англии, или Бельгии, или Венгрии, а потому, что Россия не может доверять своей бюрократии, и русское народное представительство *обязано* перед страной ей не доверять»⁴⁷. Стремясь избежать паралича парламента, грозящего стать следствием конфликта между оппозиционно настроенной, но бессильной Думой и могучей, но дискредитированной и, следовательно, столь же бессильной бюрократией, Струве предлагал России систему «ответственного министерства», в рамках которой кабинет назначается парламентом и подотчетен ему. То была единственная поправка, внесение которой в Основные законы он считал абсолютно необходимым. Но даже этого требования было достаточно, чтобы Струве занял позицию, которая не слишком соответствовала его политическому темпераменту. Он пришел к своему убеждению не в силу абстрактных принципов, но из соображений целесообразности: только правительство, пользующееся доверием Думы, будет обладать моральным авторитетом, необходимым для взаимодействия с парламентом. Система, которая учреждалась Основными законами и в рамках которой министры были подотчетны исключительно короне, казалась ему неработоспособной: она лишь углубит анархию и проложит дорогу диктатуре. Будучи вполне стоворчивым в иных отношениях, в данном вопросе Струве долго оставался непреклонным.

II съезд Конституционно-демократической партии состоялся в Петербурге 5–11 января 1906 года⁴⁸. Его принципиальная задача заключалась в выработке партий-

⁴⁷ #310/286. Его дополнительным аргументом против бюрократической власти в России было то, что подобное правительство не могло решить назревшую аграрную проблему. См.: 05/12-2.

⁴⁸ Ход этого мероприятия освещался (по-видимому, не полно) в приложениях к журналу *Право*: № 4. — 29 января 1906. — С. 1-22; № 7. — 19 февраля 1906. — С. 25-56. Резолюции съезда были опубликованы в том же издании: № 2. — 15 января 1906. — С. 153-158.

ной позиции по отношению к Думе (состав и полномочия которой еще не были определены властями). Сейчас, когда горячие головы поостыли, более пристальный взгляд на октябрьский Манифест обнаружил, что этот документ действительно ознаменовал фундаментальный разрыв с прошлым; в частности, он перечеркнул сформулированные летом 1905 года парламентские инициативы Булыгина, в рамках которых Думу предполагалось наделить лишь консультативными, но не законодательными полномочиями. И хотя обнародованный 11 декабря 1905 года громоздкий и недемократичный избирательный закон во многом не соответствовал устремлениям кадетов, он все же был несколько лучше предыдущего, поскольку предоставлял ограниченные избирательные права промышленным рабочим, которых Булыгин намеревался полностью лишить права голосовать. Подобные факты говорили в пользу пересмотра негативного отношения к Думе, принятого I съездом. Ключевой вопрос формулировался так: следует ли партии по-прежнему настаивать на созыве Учредительного Собрания и либо полностью бойкотировать выборы на том основании, что они недемократичны, либо же все-таки участвовать в них, впоследствии намереваясь использовать Думу для ее самоликвидации? Или же на тот момент было бы лучше забыть о демократическом избирательном законе («четырёххвостке») и Учредительном Собрании, участвовать в выборах, прийти в Думу с проектами неотложных законов, а потом мирно добиваться расширения ее компетенции? Но какого рода законодательству отдать предпочтение в последнем случае? В свете намерения двух основных радикальных партий — социал-демократов и эсеров, в которых кадеты видели своих союзников, — бойкотировать думские выборы, ответы на эти вопросы отнюдь не казались предрешенными заранее.

Всеобщая стачка, вспыхнувшая в Москве в декабре 1905 года и поставившая страну на грань гражданской войны, весьма отрезвляюще подействовала на кадетов. Вместе с тем, стараясь не раздражать ни своих левых друзей, ни ра-

бочих, сочувствовавших забастовке, партия заняла довольно мягкую позицию в данном вопросе. На II съезде была принята резолюция, осуждавшая правительство за жестокость, с которой была подавлена московская стачка. Струве, по-видимому, оказался первым и, возможно, единственным из кадетов, кто открыто высказался против декабрьского противостояния на том основании, что пользу из этой безрассудной акции извлекли только реакционеры⁴⁹. «Дезорганизация власти, когда она переходит в дезорганизацию жизни, — заявил он в своем выступлении на съезде, — укрепляет именно ту власть, против которой идет борьба». Хотя его коллеги тогда предпочли отмолчаться, многие симпатизировали его взглядам. В целом тон нынешнего съезда был гораздо сдержаннее и терпимее предыдущего. Об Учредительном Собрании говорилось совсем немного. Идея «демократической республики», популярная среди части кадетов всего несколько месяцев назад, без лишнего шума уступила идее парламентарной монархии. Съезд без малейших протестов встретил речь, в которой Струве описывал новую русскую конституцию следующим образом: «Государственное устройство России есть наследственная конституционная монархия. Законодательная власть в ней должна принадлежать монарху и народному представительству, основанному на началах демократии, утвержденных в Основном законе. Верховное управление страной монархом осуществляется исключительно через министерство, составленное из лиц, пользующихся доверием большинства народного представительства»⁵⁰. Петрункевич, выступавший от имени ЦК партии, напомнил делегатам о перспективе хаоса, угрожавшего стране, и призвал принять участие в выборах, проводимых на основе явно неудовлетворительного избирательного закона

⁴⁹ #307. См. также 05/12-16, где он восхваляет дух восставших, но осуждает их выступление как «безумство».

⁵⁰ *Бюллетень*. — № 7. — 13 января 1906.

от 11 декабря. Данная рекомендация была принята практически единодушно.

И все же, несмотря на всю приверженность разуму и реализму, дух партии оставался расколотым. Воздав должное политической осмотрительности, делегаты приняли целую кипу взаимоисключающих резолюций, не замедлив тем самым продемонстрировать шизофреническую природу русского либерализма. Рассматривая вынесенный на съезд вопрос о том, следует ли партии «приступить в Думе к органической работе, как в нормальном учреждении», делегаты единодушно — при одном воздержавшемся — ответили отрицательно. Отсюда напрашивался вывод, что кадеты, вероятно, собираются участвовать в выборах, но, попав в Думу, намерены воздерживаться от рутинного законотворчества. Подобное впечатление, однако, должно было бы развеяться голосованием по следующей резолюции. Вопрос о том, «нужно ли ограничиться в Думе выработкой [нового] избирательного закона и закона о свободах», получил негативный ответ большинства делегатов. Следующим, в дополнение к двум предыдущим, шел вопрос о том, следует ли Думе заниматься «разработкой законодательных мероприятий безусловно неотложного характера, необходимых для успокоения страны». Такая установка была поддержана подавляющим большинством. Нужно ли заранее «перечислять те мероприятия, которые должны быть разрешены первой Думой»? На сей раз реакция была отрицательной. Иначе говоря, получалось так, что кадеты, не собираясь предаваться в Думе «органической работе», в то же время планировали провести через парламент неопределенное число срочных законов.

После всех этих голосований Струве, Родичев и А.М. Коллюбакин принялись разрабатывать основные тезисы предвыборного манифеста кадетов. На следующий день, 6 января, они представили делегатам проект резолюции: «Съезд признает, что партия не может с точностью указать пределы ее участия в законодательной дея-

тельности Думы, ибо они должны быть указаны самим ходом жизни. Партия может только указать свои ближайшие цели: разрушение бюрократического деспотизма и установление демократической конституции Российской империи на основе всеобщего и равного избирательного права с прямым и закрытым голосованием. При осуществлении этих целей партия не может не поставить в своей платформе тех реформ, настоятельная необходимость которых указывается самой жизнью, в том числе реформы земельной, рабочей и удовлетворения справедливых национальных требований»⁵¹.

Левое крыло партии резко выступило против этого документа на том основании, что он слишком расплывчат: если партия всерьез намеревается заниматься в Думе законодательной работой, необходимо принять подробную и радикальную программу политических, социальных и экономических реформ. В ходе голосования, однако, эта группа потерпела поражение (в соотношении 56 против 38), и в итоге была принята резолюция Струве—Родичева. На следующий день, 7 января, нестигаемый В.М. Гессен, возглавлявший левых, предложил вернуться к тексту документа, поскольку тот, по его мнению, противоречил другой резолюции съезда, предписывающей партии не ввязываться в «органическую работу». Он предложил компромиссную формулировку: партия призывается к участию в выборах, но вместо «органической работы» сосредотачивается в Думе на разработке нового избирательного законодательства, законов, касающихся гражданских прав и свобод, а также мерах по умиротворению страны. Вопрос о конкретном перечне вносимых законопроектов оставался на усмотрение самой думской фракции кадетов⁵². Делегаты отклонили резолюцию Гессена, подавляющим большинством голосов оставив в силе ре-

⁵¹ *Право*. – № 2. – 15 января 1906. – Приложение. – С. 155. См. также: #314/586-587; П.Н. Милоков. Воспоминания. – Т. I. – С. 355-357.

⁵² *Бюллетень*. – № 4. – 9 января 1906.

золюцию Струве—Родичева; но затем, со столь же значительным перевесом, внесли в нее поправку, основанную на предложении Гессена и обязывающую партийную фракцию рассматривать Думу исключительно в качестве переходного органа: «Если парламентская деятельность в Думе окажется возможной для партии, она должна стремиться осуществить через посредство Думы всеобщее и прямое избирательное право и мероприятия, неотложно необходимые для успокоения страны и мирного перехода к правильному представительству, а по достижении этой цели добиваться немедленной замены Думы собранием, избранным путем всеобщего и прямого голосования»⁵³.

Немало чернил было потрачено, чтобы совместить друг с другом все эти резолюции, призывавшие, как тогда казалось, в одно и то же время двигаться в противоположных направлениях. Струве же вообще отвергал сам факт противоречия, приписывая его неосторожному обращению с терминами: спорить об «органической» работе, писал он, просто бессмысленно, поскольку Думе, нацеленной на принятие экстренных мер, которые могли бы восстановить спокойствие в стране, неизбежно придется заниматься аграрным вопросом — а как можно заниматься землей, избегая «органической работы»?⁵⁴ Он яростно обрушился на князя Евгения Трубецкого, когда последний, утомленный всей этой болтовней, заявил о выходе из партии. Но, вопреки апологетическим усилиям Струве, II съезд явно зафиксировал в рядах партии глубокое «раздвоение личности», которое дорого обошлось кадетам и стране в целом: речь шла о неспособности определиться, являются ли кадеты «вождями народных масс», в этом качестве стремящимися максимально попортить жизнь властям, или же они — лояльная оппозиция, вовлеченная в процесс

⁵³ *Отчет ЦК (1907)*. — С. 40.

⁵⁴ *Народное хозяйство*. — 8 января 1906. — С. 4; см. также: #314/586-588. Уже на II съезде Струве утверждал, что Дума, которой придется разрабатывать аграрное законодательство, ipso facto будет вовлечена в «органическую работу». См.: *Бюллетень*. — № 4. — 9 января 1906.

управления страной и заинтересованная в поддержании законности и порядка⁵⁵. После десятилетий безответственного разлада с властью переход к обязанностям и компромиссам конституционной системы оказался делом не легким, и многие кадеты так и не смогли пройти этот путь.

Съезду предстояло заняться еще одним принципиальным вопросом, который касался желательности вступления в предвыборные блоки с другими партиями и политическими группами. Струве выступал против подобных альянсов: он хотел, чтобы кадеты, обособившись от правых и левых, утвердились в глазах избирателей в качестве демократической и прогрессивной общенациональной партии по типу английских либералов. По его мнению, главная задача партии, куда более важная, нежели победа на выборах, заключалась в воспитании народных масс — фабричных рабочих в особенности, — и вовлечении их в демократический процесс, выводящий из-под влияния радикалов. Он убеждал партию «разорвать интеллигентские рамки и стать партией народной». Предвыборные блоки с левыми могли поставить эту миссию под сомнение. (Поскольку союзов с правыми никто не предлагал, данная тема вообще была оставлена без внимания.) Струве считал левые партии безусловно контрреволюционными. Но съезд не поддержал его, согласившись с Винавером, представителем левого крыла, настаивавшем на заключении альянса со всеми «подлинными друзьями свободы», в состав которых, по его определению, входили и крайне левые партии, и образовании «левого блока» в расчете на то, что социалисты передумают и примут участие в выборах. Эта инициатива получила единодушную поддержку⁵⁶.

⁵⁵ Маклаков упоминает С.Н. Прокоповича, который, не являясь членом кадетской партии, отражал состояние умов многих конституционных демократов. По мнению последнего, либералы были «защитниками прав народа», а не «представителями власти». См.: В.А. Маклаков. Из воспоминаний. — С. 334.

⁵⁶ *Бюллетень*. — № 3. — 8 января 1906. — С. 6; *Народное хозяйство*. — 14 января 1906. — С. 5.

И все-таки, несмотря на последнюю резолюцию и некоторые другие решения, II съезд явно развернул партию вправо, подтолкнув ее к неохотному принятию консервативных конституционных новаций, предложенных режимом. Идея борьбы за Учредительное Собрание была тихо задвинута на дальнюю полку, тактика бойкота выборов отвергнута, и, невзирая на риторику, партия нацелилась на конструктивную законодательную работу в Думе. В значительной мере этот сдвиг состоялся благодаря Струве, который в данной ситуации выступил в роли ведущего представителя консервативного крыла партии.

Под занавес съезда Струве был избран в состав трех важных комитетов, образованных партией. Первый, в который он вошел в паре с Милюковым, возглавлялся С.А. Муромцевым и был призван выработать общие рекомендации для фракции кадетов в Государственной Думе. Второму, в котором он стал председателем, предстояло подготовить к следующему съезду проект заявления, определяющего взаимоотношения между ЦК и думской фракцией кадетов. Третьему, где он также удостоился председательского кресла, поручили заняться «рабочим вопросом».

Государственническое здравомыслие, проявленное кадетами в ходе II съезда, продержалось недолго, поскольку вскоре партия была потрясена ошеломляющей победой на первых в России парламентских выборах. По мере того как подводились итоги запутанного и многоступенчатого избирательного марафона, выяснялось, что конституционные демократы выступили куда лучше, чем рассчитывали. В конечном счете под их контролем оказалось 37,4 процента депутатских мандатов. В городах 83 процента выборщиков симпатизировали кадетским спискам. В Москве и Санкт-Петербурге выборщиками стали только кадеты. Этот триумф поверг партию и «общество» в состояние, которое один из наблюдателей назвал

«гипнотическим»; другой очевидец говорил об «опьянении успехом»⁵⁷.

Струве в Думу не избирался, поскольку лишь недавно вернулся из-за границы и жил в своем избирательном округе недостаточно долго. Но он активно участвовал в избирательной кампании в качестве постоянного оратора на предвыборных митингах и председателя комиссии ЦК по рабочему вопросу. Партия в целом и Струве в частности придавали критическое значение завоеванию прочных позиций в рабочей среде: кадеты опасались, что пролетариат, лишенный возможности голосовать за левые партии, бойкотировавшие выборы, уйдет к крайне правым. На II съезде Струве было выдвинуто поддержанное делегатами предложение зарезервировать часть мест в думской фракции за представителями рабочих, дискриминируемых избирательным законодательством. Струве также готовил предвыборные воззвания, адресованные избирателям-рабочим (например, #317а и #322). Более того, он активнейшим образом участвовал в издании рассчитанной исключительно на рабочую аудиторию кадетской газеты *Рабочее слово*, первый выпуск которой вышел в конце марта 1906 года⁵⁸. Эти усилия не пропали даром: в Петербурге собрание выборщиков от промышленных рабочих высказалось в основном за кадетов.

Левое крыло кадетов усматривало в успехе партии на выборах, обусловленном в первую очередь поддержкой оставшегося «беспризорным» левого электората, дополнительный аргумент в пользу своей тактики. Его сторон-

⁵⁷ А.С. Мартынов. Общественное движение в России в начале XX века (в 4 томах). – СПб., 1909-1914. – Том III. – С. 36; М. Винавер. Конфликты в Первой Думе. – СПб., 1907. – С. 3.

⁵⁸ Всего было выпущено тридцать четыре номера, последний – 16 мая 1906 года. Об активном участии Струве в этом начинании см.: *Речь*. – № 40. – 17 февраля 1907. – С. 3. Многие безымянные статьи, несущие на себе явный отпечаток его творчества, были, возможно, написаны В.С. Голубевым, другом Струве и публицистом, хорошо знакомым с рабочим

ники вновь начали настаивать на бескомпромиссной позиции по отношению к власти. Никто не сомневался, что кадеты не добились бы столь впечатляющих успехов, если бы им пришлось состязаться с социалистическими партиями. В силу данного обстоятельства казалось исключительно важным придать партийной программе больше радикализма и тем самым упрочить позиции в среде избирателей, голосующих за крайние партии. Сделать это следовало до следующих выборов, то есть предположительно за ближайшие пять лет.

В апреле 1906 года лидеры партии готовились к открытию первой сессии Думы. На заседании ЦК, состоявшемся 19 апреля, Струве выступил с докладом по вопросу о взаимоотношениях руководящих органов партии с ее думской фракцией. Учитывая несправедливость избирательного закона и непредставительную природу сформированного на его основе парламента, полагал он, депутаты Думы должны ориентироваться не столько на избирателей, сколько на руководящие органы партии в лице съезда и ЦК. Следовательно, кадетскую фракцию в Думе нужно просить голосовать в соответствии с директивами партии. Центральному комитету, по замыслу Струве, предстоит также регулярно участвовать в заседаниях фракции и вместе с ней работать над законодательством. В то же время депутаты-кадеты *ex officio* должны иметь возможность участвовать в партийных съездах и голосовать. ЦК поддержал это предложение⁵⁹.

III съезд Конституционно-демократической партии заседал 21–25 апреля 1906 года, непосредственно перед созывом I Государственной Думы. Его делегаты были убеждены в безоговорочной поддержке «масс»; как гово-

⁵⁹ Полный текст см.: Доклад П.Б. Струве. «О взаимных отношениях между партией и парламентской ее фракцией». – *Протоколы III Общепартийного делегатского съезда Партии народной свободы (Конституционно-демократической)*. – СПб., 1906. – С. 62–67. Материалы дискуссии по предложению Струве, состоявшейся на III съезде, см.: *Прив.* – № 18. – 6 мая 1906. – С. 1680–1682.

рил Родичев, «мы идем в Думу в сознании своей силы, в сознании, что за нами сила России». Дума, добавлял он, разогнана быть не может — она «сделает свое дело»⁶⁰. Осторожность вновь была забыта. Правда, Милюков, выступавший от имени ЦК, дал довольно взвешенную оценку ситуации и без лишних слов призвал делегатов к сдержанности и благоразумию. Главный вопрос, стоящий перед партией, представлялся ему в виде альтернативных оценок настроения страны: «Радикальнее или, наоборот, консервативнее настроена страна, чем посланные ею избиратели? Иначе и в более употребительных терминах этот вопрос мог бы быть выражен так: должны ли народные представители рассчитывать на революционный или на парламентский образ действий? В самой общей форме это есть вопрос о том, прекратилась ли уже в России революция — или еще продолжается?»⁶¹ Но для большинства делегатов из провинции ответ был ясен: революция продолжается, и, следовательно, партия должна придерживаться радикального курса, в противном случае рискуя потерять свой электорат. Под их давлением съезд добавил к предыдущим требованиям партии несколько новых, среди которых были: внедрение в избирательный закон не только «четырёххвостки», но и избирательного права для женщин; более решительная аграрная реформа; удовлетворение требований национальных меньшинств; полная амнистия политических заключенных; отмена смертной казни; парламентское расследование «незаконных административных мер, навязанных обществу с 17 октября»⁶². То была революционная программа, не слишком отличавшаяся от программы социал-демократов. А чтобы никто не сомневался в решимости партии отстаивать свои требования, невзирая на последствия, было принято постановление, обязывающее думскую фракцию кадетов доби-

⁶⁰ *Протоколы III Общеимперского делегатского съезда ...* — С. 37.

⁶¹ Там же. — С. 20.

⁶² *Право*. — № 18. — 1906. — С. 1667-1697.

ваться поставленных целей «со всей энергией и непреклонностью, не отступая перед открытым разрывом с правительством». Съезд высказывал вместе с тем «полную уверенность, что решимость депутатов в стремлении к осуществлению народных требований встретит живой отклик в широких народных массах и что в самые тяжелые минуты предстоящей борьбы им будет оказана дружная поддержка не только партией, но и всей страной»⁶³.

Пока шли заседания съезда, правительство обнародовало долгожданный текст конституции. Ознакомившись с ним, Милюков выступил с истеричной речью, в которой назвал Основные законы «заговором», добавив при этом, что «лучшее в них есть только ухудшение худших частей худших из европейских конституций»⁶⁴. Родичев немедленно откликнулся на событие резолюцией, клеймившей Основные законы как «новый вызов русскому народу», который «возвращает правящей бюрократии всю полноту принадлежавшей ей власти», а Государственную Думу пытается низвести «до роли прислужницы бюрократического правительства»⁶⁵. Кое-кто из делегатов кричал с мест, что даже эта резолюция слишком слаба. В конце концов родичевский проект был принят единогласно, причем многие из делегатов высказались против конституции, даже не потрудившись ознакомиться с ее положениями.

В переводе на понятный язык решения III съезда означали, что кадетская партия отвергла конституцию и собирается идти в Думу прежде всего для того, чтобы разрушить этот орган изнутри и заменить его парламентом, в котором правительство (бюрократия) и верхняя палата (Государственный Совет) будут лишены каких бы то ни было законодательных полномочий. Если же власти будут противиться, партия напрямую обратится к стране —

⁶³ *Вестник Партии народной свободы*. — № 12. — 25 мая 1906. — Приложение. — С. 1-4.

⁶⁴ *Протоколы III Общеимперского делегатского съезда...* — С. 161.

⁶⁵ Там же. — С. 161-162; *Вестник Партии народной свободы*. — № 12. — Приложение. — С. 4.

иначе говоря, попытается разжечь новую революцию. Кадеты ничуть не сомневались в том, что на такую поддержку можно рассчитывать: «опьяненное успехом» общество (читай: кадетское руководство) было убеждено, что всякие попытки распустить Думу, занятую «органической работой» по принятию важнейших социальных и экономических законов, поднимут такую волну протестов, что правительству неминуемо придется отступить, а Дума выйдет из противостояния еще более окрепшей⁶⁶.

По-видимому, в то время Струве поддался господствующему настроению: во всяком случае, у нас нет доказательств того, что весной 1906 года, когда кадетская партия встала на совершенно пагубный путь, он пытался возражать руководству. На III съезде он брал слово несколько раз, но так и не высказался по главному стратегическому вопросу. Его выступления были посвящены отношению партии к избирателям-рабочим — он убеждал делегатов повернуться лицом к людям труда. Он также огласил подготовленные под его началом и одобренные Центральным комитетом рекомендации, касавшиеся взаимоотношений между партией и ее думской фракцией. После непродолжительной дискуссии рекомендации были приняты и вступили в силу. Наконец, Струве предпринял серьезный демарш по аграрному вопросу. Он с энтузиазмом защищал радикальную программу земельной реформы, отставиваемую партией; ее реализация, по его словам, должна была стать беспрецедентным историческим событием. Струве закончил свое выступление словами: «Если такой проект осуществится, я буду гордиться, как экономист, как социалист, тем, что принадлежал к партии, которая осуществила этот проект»⁶⁷.

Его публичные выступления в этот период обнаруживают тот же воинственный настрой, который отличал

⁶⁶ См.: М. Винавер. Конфликты в Первой Думе. — С. 3.

⁶⁷ *Протоколы III Общеимперского делегатского съезда...* — С. 122-124. См. также: #313/446; #325/555; *Наша жизнь*. — № 429. — 26 апреля 1906. — С. 3.

его коллег. Струве восторженно встретил победу кадетов на выборах, гиперболизируя ее до события величайшего исторического масштаба и считая даже более важной, чем европейские революции 1789 и 1848 годов⁶⁸. Он горячо поддержал законодательную платформу и парламентскую стратегию, одобренную III съездом. Он выступил также в пользу отстаиваемой партией отмены смертной казни⁶⁹. Струве убеждал кадетов сверять шаги с «опозиционным большинством народа»⁷⁰. Основные законы возмутили его; в особенности это касалось положения, согласно которому Государственный Совет, устаревшая бюрократическая структура, преобразовывался в верхнюю палату парламента, наделяемую законодательными прерогативами. Реакция Струве на указ, объявлявший Государственный Совет законодательным органом, запечатлена в статье, символически названной «Государственный переворот 20 февраля»⁷¹. Он требовал немедленной отставки назначенных царем министров и замены их кабинетом, ответственным перед Думой⁷². Он призывал партию продолжать наступление на бюрократический режим до тех пор, пока царские чиновники не лишатся своих кресел, а революция не добьется решения важнейшей своей задачи — передачи всей полноты власти обществу. Сразу после выборов, когда триумф партии уже был бесспорным, Струве писал:

«Только дружное и мудрое взаимодействие оппозиционной Думы с оппозиционным большинством народа сможет побороть и начисто смести старый бюрократический порядок. К такому взаимодействию должны стремиться все левые партии. Осуществить это нелегко, но обязательно. ...

Дума будет слаба, если — при безмолвии страны — она будет говорить политический монолог, обращенный к

⁶⁸ #324/59-60.

⁶⁹ #317/81-83; #319.

⁷⁰ #320/219.

⁷¹ #317/76-78.

⁷² 06/4-28; 06/4-29; 06/5-4а; #320/220.

правительству. То, что будет говорить Дума, должно быть подхвачено, подчеркнуто, усилено дружным хором народных голосов, поддерживающих Думу в борьбе за народную свободу. ...

Дума и нация должны сойтись в одном усилии — низвергнуть чиновничье управление страной, то есть разрешить тот «кризис правительства», в котором мучится и бьется наша страна. Вот почему демократическая оппозиция прежде всего стремится к тому, чтобы превратить первую же Думу в *правительствующую*, то есть она должна добиться того, чтобы правительством были люди, облеченные доверием Думы... Задача оппозиции состоит именно в том, чтобы, пользуясь Государственной Думой как могущественным воспитательным орудием, сосредоточить народное внимание на тех вопросах государственной жизни, в которых с непреерекаемой ясностью выступает глубокое противоречие между Россией народной и чиновно-владельческой.

Когда это будет сделано, можно спокойно дать правительству разогнать Думу штыками...»⁷³

То были явно революционные призывы, которые позже Струве предпочел бы стереть из своей памяти.

В день открытия первого русского парламента — 27 апреля 1906 года — Струве выпустил первый номер новой ежедневной газеты *Дума*, которая была призвана освещать события, связанные с работой новорожденного законодательного органа. Ее издатель И.Д. Сытин владел крупнейшим в стране и процветающим книгоиздательством, ориентированным на массовый рынок⁷⁴. На страни-

⁷³ #320/219-20. См. также: 06/3-28, 06/3-31 и 06/5-15.

⁷⁴ В Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге имеются тридцать девять номеров этой газеты, последний из которых датирован 13-26 июня 1906 года. Вероятно, контракт с Сытиным был подписан Струве в декабре 1905 года: см. письмо Струве к Сытину, 19 декабря [1905]. — Российская государственная библиотека. — Отдел рукописей, фонд 259 (Русское Слово), картон 29, ед. хр. 26.

цах *Думы* можно наблюдать, как менялось отношение Струве к парламентскому эксперименту — отпущенные первой Думе семьдесят два дня он встретил с оптимизмом, на смену которому пришли разные стадии разочарования, а затем и крайнее уныние.

Уверенные в том, что правительство загнано в угол, либералы и их левые союзники усилили свой натиск. Я не собираюсь пересказывать здесь печальную историю I Государственной Думы, достаточно подробно освещенную другими⁷⁵. Довольно сказать, что возглавляемая кадетами — крупнейшей думской фракцией — оппозиция, полагавшая, что терять ей нечего, а приобрести можно все, взяла на вооружение стратегию целенаправленной конфронтации с правительством. Первым делом кадеты внесли в парламент законопроекты, предполагавшие всеобщую амнистию и радикальную земельную реформу. Министров, которые являлись в Думу для ответа на вопросы депутатов, нарочито оскорбляли. Примирительные жесты со стороны монархии и ее чиновников высокомерно отвергались. В целом кадетская политика в I Думе основывалась на столь искаженных представлениях о соотношении политических сил и настроении общества, что в ее защиту буквально нечего сказать. В данном контексте маклаковская критика собственной партии просто неопровержима.

Комментарии, публикуемые Струве в *Думе*, а также статьи в других периодических изданиях, позволяют предположить, что на тот момент он шагал в ногу с партией. Будучи уверенным, что за кадетами стоят народные массы и, следовательно, партии по плечу самые серьезные задачи, он по-прежнему настаивал, не приемля иного, на реализации конституционными демократами своей любимой идеи — министерства, назначаемого парламентом и ответственного перед депутатами. «Последний политический триумф» близок, уверял Струве читателей

⁷⁵ См., например: В.А. Маклаков. Первая Государственная Дума.

*Свободы и культуры*⁷⁶. Любые компромиссы по данному вопросу будут иметь разрушительные последствия: «Можно сказать, что весь ход нашего политического развития и даже судьбы самой монархии зависят от того, как скоро чиновничье министерство будет заменено министерством думским»⁷⁷. «Без такого соприкосновения короны и Государственной Думы в России может продолжаться и торжествовать только стихийная революция со всеми ее культурными опустошениями»⁷⁸. Когда в начале июня 1906 года появились первые слухи о том, что монархия подумывает о роспуске Государственной Думы, он отвергал подобную возможность как «сплошное недоразумение»: «В настоящее время не то что недопустимо, но прямо даже невозможно какое-либо, хотя бы временное, прекращение занятий Государственной Думы. ...Прекращение деятельности Думы означало бы переход от борьбы двух сил, протекающей в урегулированной форме, к борьбе их в форме самой грубой и беспорядочной, к борьбе, которая неизбежно сведется ко взаимному истреблению»⁷⁹.

Упрямый отказ правительства передать властные полномочия избранным народом представителям привел его в неистовство. В минуту пессимизма, где-то в конце мая, он писал, что в стране ничего не меняется: «по-прежнему первый, самый могущественный и самый неоглядный революционер — правительство». «Упорствуя в нежелании уступить власть той единственной силе, которая еще может возродить страну и водворить в ней прочный порядок, — само правительство пригоршнями разбрасывает по стране искры возмущения, разложения и анархии... Игнорируя эту единственно устроительную силу в стране, правительство усугубляет анархию, и в этой анархии может износиться, сгореть и погибнуть та сила,

⁷⁶ #327/514.

⁷⁷ 06/5-4а.

⁷⁸ 06/6-7а.

⁷⁹ 06/6-5.

которая способна еще устроить страну и спасти монархию»⁸⁰. С каждым днем, заявлял Струве, остающиеся у монархии возможности для маневра все более сокращаются. До Кровавого воскресенья она могла преуспеть, разделив власть с умеренными консерваторами типа Шипова; но после января 1905 года такой вариант отпал, и корону вынудили пойти на гораздо бóльшие уступки. Не исключено, что скоро и к кадетам взывать будет поздно; наступит такое время, «... когда и они будут бессильны направить поток революции по руслу закономерного развития, когда бушующие волны неудержимого, веками копившегося народного гнева, кипя и пенясь, зальют стародавнее здание русской монархии»⁸¹.

«Прежде была слепая вера в политическое всемогущество царя: он может сделать все. Но эта вера была не то что спокойная, а прямо-таки пассивная. Она помогала народу не двигать горами, а терпеливо нести на себе гору политического ига и социального гнета.

То была вера консервативная, и на ней недвижно покоилась самодержавная Россия. Теперь в душе народной эта бездейственная вера погасла, и ее место заняла другая вера, тоже слепая, но уже действенная. По-прежнему народ верит в политические чудеса, но верит не тихой, пассивной верой ребенка, а активной, буйственной верой юноши, распаленного страстью. Вчера он верил и, быть может, еще сегодня верит в то, что Дума может сделать все, завтра поверит, что он сам или его создание — Учредительное Собрание сотворит чудеса. Можно презрительно пожимать плечами, встречаясь с такой простодушной верой в чудотворную силу политических учреждений, можно и даже должно ее опровергать и расшатывать, но нельзя не видеть в ней огромной разрушительной силы, которая может все смести со своего пути. С этой разрушительной силой можно успешно бороться только скорей-

⁸⁰ #328/606.

⁸¹ #328/606.

шим переходом к таким политическим формам, которые способны в кратчайшее время дать народу максимум политического воспитания и самовоспитания»⁸².

Хотя слухи о возможном роспуске сопровождали I Государственную Думу на протяжении всей ее работы, само событие застало кадетов врасплох. В случае реализации подобного сценария они намеревались начать сидячую забастовку в Таврическом дворце, где проходили заседания, и оставаться в здании до тех пор, пока возмущенное население не заставит правительство отменить решение о роспуске. Но Совет министров, будучи, вероятно, предупрежденным об этих планах, не позволил кадетам осуществить их. Утром 8 июля вместо обнародования постановления о роспуске он направил к Таврическому дворцу войска, окружившие здание и не пропускавшие депутатов внутрь. Учитывая намерение многих парламентариев воспрепятствовать законному роспуску, эта неприятная процедура была не лишена оснований.

Не имея возможности исполнить задуманное, кадеты вынуждены были импровизировать. Милюков подготовил обращение к стране, в котором избиратели призывались к актам гражданского неповиновения. Для обсуждения проекта около ста двадцати кадетов, включая нескольких членов ЦК, не обладавших депутатскими мандатами, но, согласно внутривнутрипартийным правилам, обязанных консультироваться с думской фракцией (в этой группе был и Струве), в сопровождении радикальных парламентариев — всего около двухсот человек — поездом отправились в приграничный финский город Выборг. Здесь, вне досягаемости русской полиции (последняя не имела права действовать на финской территории), они пытались решить, что делать дальше. Большинство собравшихся поддерживало воззвание типа милюковского, которое подстрекало бы население не отправлять новобранцев в армию или не платить налоги. При этом они

⁸² #328/606-607.

размышляли следующим образом: раз в соответствии с Основными законами правительство без одобрения Думы не имеет права осуществлять призыв или взимать налоги, у него не останется иного выбора, кроме как скорейшим образом созвать распущенный парламент. Иным подобная инициатива казалась бессмысленной — до парламентских выборов кабинет без всякого думского давления обеспечивал и призыв, и налогообложение. В конце концов «Выборгское воззвание» (именно под таким именем известен этот документ), в основу которого лег проект Милюкова, было одобрено и опубликовано. Скептики вскоре оказались правы: страна не обратила на него ни малейшего внимания, но у правительства в результате появился блестящий предлог, чтобы отстранить от участия в следующих выборах всех депутатов, воззвание подписавших, — то есть сливки кадетской партии.

Струве принадлежал к меньшинству, возражавшему против обнародования такого документа. Поначалу, правда, он и сам склонялся к жесткому варианту ответа. На состоявшейся в ЦК 4 июня 1906 года дискуссии о том, как реагировать на возможный роспуск Думы, большинство поддержало решительные меры, которые сохранили бы репутацию партии в глазах ее левых союзников и одновременно поддержали бы контакт с массами избирателей, с чьей стороны ожидалась самая широкая поддержка. Милюков в данном случае взывал к умеренности, предостерегая от опрометчивых шагов типа упомянутой выше сидячей забастовки. По свидетельству Винавера, Струве был очень недоволен позицией Милюкова⁸³. Но в Выборге он примкнул к группе (численностью в сорок человек), которая тщетно сопротивлялась принятию воззвания на том основании, что правительство, распустив Думу, действовало конституционно безупречно⁸⁴.

⁸³ М.М. Винавер. История Выборгского воззвания (Воспоминания). — Пг., 1917. — С. 7.

⁸⁴ 26/5-19; С. Франк. Биография П.Б. Струве. — С. 57; М.Л. Мандельштам. 1905 год в политических процессах. — М., 1931. — С. 347.

Роспуск I Думы потряс Струве. Ему казалось, что бесславный крах величайшей российской надежды повлечет за собой самые трагические последствия. И, по видимому, он не впадал в патетику, несколько месяцев спустя называя последовавшие за 9 июля события «самой мрачной страницей русской истории»⁸⁵. Он начал всерьез сомневаться, достигла ли Россия той степени зрелости, которая гарантирует нормальный ход политических процессов.

Те же мысли посещали тогда многих, но в основном эти люди не состояли в кадетской партии, пребывая в «серой зоне», разделявшей либералов и крайне правых. В I Думе депутаты, проповедовавшие подобные идеи, объединились во фракцию «мирного обновления», которая насчитывала двадцать девять постоянных членов и столько же сочувствующих — прежде всего из беспартийных крестьянских депутатов. В июле 1906 года, сразу же после роспуска, лидеры этой фракции — П.А. Гейден, Д.Н. Шипов и М.А. Стахович, — все разочаровавшиеся октябристы, решили попытаться преобразовать ее в полноценную политическую партию. Основным лозунгом нового объединения стала законность. Его лидеры желали, чтобы Россия постепенно эволюционировала к правовому правлению, которое представлялось им в виде сильной государственной власти, пресекающей насилие и произвол со стороны как правительственных чиновников, так и революционеров. То была по-настоящему либерально-консервативная группа, с точки зрения программных целей близкая к конституционным демократам, а в плане процедуры — к октябристам⁸⁶. Расчет делался на то, что новая партия привлечет в свои ряды умеренных кадетов, недовольных квазиреволюционной тактикой руководства, а также тех октябристов, которые не одобряли под-

⁸⁵ #333/132.

⁸⁶ А. Кизеветтер. На рубеже двух столетий. Воспоминания, 1881-1914. — Прага, 1929. — С. 440.

держку, оказываемую их лидером А.И. Гучковым репрессивным и неконституционным шагом Столыпина.

Летом и осенью 1906 года Струве участвовал в состоявшейся в Москве серии встреч, на которых обсуждалась целесообразность формирования к выборам во II Думу партии, опирающейся на подобную программу⁸⁷. В августе он вступил в переписку с находящимся на грани выхода из октябристской партии Шиповым, от которого получил обстоятельное и весьма пессимистичное письмо. В своем послании его корреспондент пытался прозондировать вопрос о том, готовы ли Струве и поддерживающие его умеренные кадеты порвать с собственной партией. Если на предстоящем съезде кадетской партии, писал Шипов в данном документе, часть ее членов не поддержит постановление, одобряющее «Выборгское воззвание», и в знак протеста покинет партию, эта группа совместно с левыми октябристами и «мирнообновленцами» сможет образовать новую партию. По мнению Шипова, в своих основополагающих принципах программа будущей партии совпадет с кадетской, но тактика ее станет иной. Партия не станет подрывать государственность и признает необходимость компромисса. В том случае, если подобное развитие событий действительно окажется возможным, Шипов обещает действовать ему всеми доступными средствами⁸⁸.

Струве, однако, предпочел не покидать конституционных демократов, поскольку маленькая раскольническая группка, каковой оставалось Мирное обновление, не вызывала у него оптимизма, а октябристов он считал пребывающими в глубоком упадке⁸⁹. Его больше привлекало создание коалиции кадетов с правыми партиями, позволяющее сколотить такое думское большинство, которое

⁸⁷ *Товарищ*. – № 287. – 8 июня 1907.

⁸⁸ Письмо Д.Н. Шипова к Струве, 25 августа 1906. – Дом Плеханова, Санкт-Петербург. – Архив Струве. – Фонд 753, дело 134, № 1.

⁸⁹ Протоколы заседаний Центрального комитета Конституционно-демократической партии. – ГА РФ. – Фонд 523, дело 27, заседание 2 августа 1906.

не смогли бы разрушить ни Столыпин, ни радикалы. Он предлагал подобную линию своим товарищам по ЦК, но идея была отвергнута. В протоколах мнение руководства партии отражено довольно лаконично: «с правыми соединиться нельзя»⁹⁰. Струве характеризовал это решение как фатальную ошибку, имевшую роковые последствия для партии и страны⁹¹.

Хотя в то время Струве отверг возможность разрыва с кадетами и объединения с либерал-консерваторами, его контакты с последними отнюдь не были бесполезными. В 1908 году он начал печататься в двух ведущих изданиях, представлявших упомянутую тенденцию, — в журнале *Московский еженедельник* и ежедневной газете *Слово*, благодаря которым он начал оказывать заметное, хотя и косвенное, влияние на преемника Мирного обновления — Прогрессивную партию.

После бесславного провала «Выборгского воззвания», продемонстрировавшего как слабость кадетов перед лицом властей, так и отсутствие массовой поддержки, лидеры партии решили пересмотреть ее стратегию. На заседании Центрального комитета, состоявшемся 3 августа 1906 года, в центре внимания оказались правовые проблемы, которые породило воззвание. Часть членов настаивала на том, чтобы партия еще раз подтвердила приверженность идеям воззвания и перешла на нелегальное положение. Другим казалось, что ЦК должен признать обнародование этого документа ошибкой и попытаться выправить ситуацию. Разумеется, Струве поддерживал вторую позицию. Ни при каких обстоятельствах, говорил он, партия

⁹⁰ Там же. — Заседания 3 августа и 29 октября 1906. Ср. с *Отчетом ЦК* (1907), с. 46, где зафиксировано решение о сотрудничестве только с левыми партиями, хотя на деле кадетам зачастую приходилось вести оборонительную политическую борьбу с ними.

⁹¹ Позже Струве говорил, что желал союза между кадетами и октябристами, который сделал бы II Думу «неуязвимой». См.: *Товарищ*. — № 287. — 8 июня 1907.

не должна уходить в подполье. Подобная политика будет означать, что избиратели, поддержавшие кадетов, отойдут к другим партиям, а место конституционных демократов будет занято Мирным обновлением. От воззвания, безусловно, нужно отречься: «партия на условиях выборгского постановления существовать не может». Злосчастный документ он предлагал «свести на нет»⁹².

Вопрос о «Выборгском воззвании» еще более обострил противостояние между левыми и правыми кадетами. Ходили упорные слухи, что партия конституционных демократов вот-вот развалится: ее левое крыло преобразуется в подпольную революционную группировку, в то время как правое объединится с октябристами. Струве всеми силами противился подобному развитию событий. В большой политической речи, произнесенной 20 октября 1906 года в Московском кадетском клубе и названной «Идейные основы партии народной свободы» (#330), он отстаивал единство партии. С готовностью соглашаясь с тем, что кадеты не более монолитны, чем любой политический блок, он не усматривал в этом факте ничего особенного: то же самое наблюдалось у английских либералов и французских радикалов. Раскол кадетской партии еще более усугубит поляризацию русской политики. В то же самое время Струве вновь предостерегал от блокирования с радикалами и от революционных жестов типа «Выборгского воззвания». Кадеты были либеральной, демократической и социалистической партией, но ни в коем случае не радикальной. Он решительно нападал на революционный социализм, видя в нем утопию, противостоящую реализму эволюционных и образовательных методов. Задача партии заключалась не в том, чтобы пропагандировать насилие, — она должна была способствовать появлению в России «общественно ответственного гражданина». Те же аргументы он

⁹² *Красный архив*. — Т. 47/48. — 1931. — С. 131. На заседании ЦК, состоявшемся 19 сентября 1906 года, он с горечью характеризовал неспособность партии отказаться от «Выборгского воззвания» как «Eiertanz».

приводил на IV съезде партии, состоявшемся в Хельсинки в конце сентября. В выступлении, встреченном делегатами с огромным вниманием, он заявил: «Чем больше мы ударимся в революционизм, тем дальше будем отброшены в сторону реакции». Зал взорвался аплодисментами⁹³.

К тому времени Струве стал ведущим представителем правого крыла кадетов — меньшинства, опиравшегося на поддержку восьми из сорока членов ЦК. Для их левых оппонентов все надежды на конструктивную (или «органическую») работу в Думе выглядели «конституционной иллюзией»; они призывали либералов завершить то, что не удалось сделать в 1905 году, то есть стать революционерами. Правые же считали конституцию далеко не идеальной, но вполне работающей, и были готовы к значительным компромиссам ради *modus vivendi* с режимом. В данной ситуации Милюков выступал сторонником среднего пути с легким креном влево: ему нравилось использовать угрозу революционной смуты в качестве оружия в политической борьбе, но в то же время он желал, чтобы в деле продвижения реформ партия использовала любые конституционные возможности.

Именно умеренная, левоцентристская стратегия Милюкова к концу 1906 года восторжествовала в Центральном комитете партии. Как и прежде, выработанная тогда политика опиралась на конфронтацию, но гораздо менее агрессивную: «не штурм, а правильная осада» — так определял новую стратегию сам Милюков⁹⁴. Струве дополнил милюковские инициативы поддержанным большинством предложением, согласно которому все начинания кадетской фракции в следующей Думе должны были облекаться в форму «поправок к правительственным законопроектам»⁹⁵. На заседании ЦК, проведенном в конце октября 1906 года,

⁹³ *Речь*. — № 176. — 28 сентября 1906. — С. 2.

⁹⁴ *П.Н. Милюков*. Воспоминания. — Т. I. — С. 419.

⁹⁵ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. — Заседание от 30 января 1907. — ГА РФ. — Фонд 523, ед. хр. 28.

Струве заявил, что лозунг «ответственного министерства», который он сам наиболее рьяно отстаивал, необходимо смягчить в пользу требования «министерства, солидарного с Думой»⁹⁶. Это были весьма умеренные предложения. В тот период Струве пользовался большой популярностью в партии: по числу голосов, полученных в ходе избрания руководства санкт-петербургского отделения, состоявшегося 22 ноября 1906 года, он оказался третьим после Милюкова и Родичева⁹⁷. Но враждебное отношение к нему товарищей слева дало о себе знать во время выдвижения кандидатов для участия в выборах во II Государственную Думу, когда он получил лишь восьмой результат из двенадцати⁹⁸ — достаточно для того, чтобы быть выдвинутым, но явно мало для демонстрации безоговорочного доверия.

Зиму 1906–1907 годов Струве провел, занимаясь активной агитацией за собственную партию. Кадеты до сих пор не подтвердили свой легальный статус — подобная ситуация нередко делала их жертвами полицейского произвола, особенно в провинции. На предвыборных митингах их зачастую «забивали» эсеры и эсдеки. В своих выступлениях Струве нападал в основном на правые партии, в первую очередь на октябристов. И вновь его излюбленной мишенью стал Гучков, которого он уличал в лицемерии: под его началом октябристы во всеуслышание провозглашали свою приверженность конституционным принципам, но в то же время саботировали работу по-настоящему конституционных партий, обвиняя кадетов в том, будто бы их программу можно воплотить только революционным путем⁹⁹. По мере развертывания кампании становилось ясно, что радикальные организации Санкт-Петербурга и Москвы не собираются принимать кадетские предложения о со-

⁹⁶ *Е.Д. Черменский*. Буржуазия и царизм в первой русской революции. — М., 1970. — С. 339.

⁹⁷ *Вестник Партии народной свободы*. — № 38. — 23 ноября 1906. — С. 2027.

⁹⁸ *Речь*. — № 215. — 12 ноября 1906. — С. 3.

⁹⁹ 06/12-16.

здании предвыборных блоков, предпочитая идти на выборы самостоятельно. Тогда Струве решительно обрушился и на них. Он упрекал радикалов в нежелании примириться с конституционным порядком и подстрекательстве народа к насилию. Он также уличал их в неумеренной жажде власти и приверженности элитарному мировоззрению. «Революция» как политический лозунг казалась ему внутренне недемократичной: «Народ вообще не может “заниматься” революцией; всякая революция есть для народа навязанная ему властью, т.е. извне, и тягостный перерыв в обычном ходе его жизни. “Непрерывная революция” есть воистину барская выдумка кабинетных доктринеров; и осуществлять ее может только тот тип людей, который сам себя назвал “профессиональными революционерами”». Прежде всего такие формулировки приложимы к большевикам. «Большевики, возведшие в перл создания идею “непрерывной революции”, в сущности, самая недемократическая, я скажу прямо, — самая *барская* по своей тактике партия в России», — говорил он в одной из предвыборных речей¹⁰⁰. Далее он весьма недальновидно предсказывал, что Ленин и его последователи вот-вот отправятся на свалку истории¹⁰¹.

Поскольку высказанное им предложение о пересмотре партийной платформы в части, касавшейся «ответственного министерства», пока не было принято (это случилось лишь в середине февраля 1907 года), в своих предвыборных выступлениях Струве продолжал проводить прежнюю линию: он утверждал, что из-за своей невысокой репутации никакое бюрократически назначаемое министерство не сможет эффективно управлять Россией¹⁰². Поступая подобным образом, он показывал себя лояльным кадетом, поскольку его собственные устремления к тому моменту были гораздо скромнее.

¹⁰⁰ 07/2-23 и 07/1-25.

¹⁰¹ *Вестник Партии народной свободы*. — № 43. — 31 декабря 1906. — С. 2347.

¹⁰² #332.

Накануне думских выборов 1907 года Струве занимал два видных поста в Центральном комитете партии. Во-первых, он возглавлял комиссию, на которую была возложена подготовка трудового законодательства, предназначенного для внесения в парламент. Данное дело было исключительно важным, поскольку кадеты, столкнувшись с конкуренцией социалистических партий, более не могли рассчитывать на автоматическую поддержку людей труда. Под руководством Струве комиссия проводила консультации с экспертами и подготовила несколько законопроектов, регулирующих право на забастовку, вопросы продолжительности рабочего дня, здравоохранения, жилищного строительства, профсоюзной деятельности и т.п.¹⁰³ Но, как оказалось, II Государственная Дума была распущена еще до их внесения на рассмотрение палаты.

Второй комитет, в котором он состоял и который возглавлял И.И. Петрункевич, и занимался пересмотром бюджетных статей Основных законов. На хельсинкском съезде было решено внести в партийную платформу пункт о необходимости расширения крайне узких бюджетных полномочий Думы. В пункте 4 предвыборной платформы кадетов ежегодное утверждение Думой государственного бюджета рассматривалось как средство политической борьбы¹⁰⁴. К своим обязанностям в этом комитете Струве относился в высшей степени серьезно. Глубоко изучив бюджетные полномочия других европейских парламентов, он в предвыборных речах называл право Думы накладывать вето на государственные заимствования «законнейшим правом»¹⁰⁵. Позже он подготовил до-

¹⁰³ *Н.И. Астров и др.* Законодательные проекты и предположения Партии народной свободы 1905-1907 гг. – СПб., 1907. – С. 338-362. См. также: 06/11-21; 06/11-25; 06/12-3; #331.

¹⁰⁴ *Отчет ЦК (1907)*. – С. 45.

¹⁰⁵ *Речь*. – № 25. – 31 января 1907. – С. 4. Накануне созыва II Думы эта комиссия опубликовала книгу по данному вопросу: *П. Долгоруков, И. Петрункевич.* Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. – Вып. I. – СПб., 1907.

клад о бюджетных полномочиях Думы и путях их расширения (#334а).

Как и ожидалось, конкуренция с социалистическими партиями на парламентских выборах резко сократила возможности кадетов. Но, несмотря на это, санкт-петербургские кадеты смогли заручиться поддержкой достаточного числа выборщиков (одной пятой), чтобы отправить в Думу значительную депутацию, в состав которой вошел и Струве.

По мнению Струве, нужно было сделать все возможное, чтобы избавить II Государственную Думу от участи ее предшественницы: еще один роспуск — и на конституционном порядке в России можно будет ставить крест. Исходя из этого, он агитировал за тесное сотрудничество парламента с властями и занятие конструктивной позиции, нацеленной на расширение его полномочий. Причем делать это надлежало не путем драматичной и бессмысленной конфронтации, но терпеливо дожидаясь складывания таких ситуаций, когда кабинету понадобится содействие Думы и он, следовательно, ощутит зависимость от нее. Разумеется, Струве был связан предвыборной стратегией партии, призывавшей к «осаде» правительства, которую, впрочем, интерпретировал в довольно оригинальной манере: «Нам с разных сторон легкомысленно бросают упреки в том, что мы ведем какую-то осаду государственной власти. Господа, мы ведем не осаду государственной власти, а во имя укрепления русской государственности мы пришли сюда, чтобы вести осаду старого порядка»¹⁰⁶.

Первое парламентское сражение, в котором ему довелось участвовать лично, касалось бюджетных прерогатив Думы. Это дело вылилось в серьезный конфликт, противопоставивший кадетов не только правительству, но и социалистам. В единственном важном выступлении

¹⁰⁶ #334а/864.

Струве в Думе, произнесенном двумя фрагментами — 20 и 23 марта 1907 года, — критически анализировались бюджетные статьи Основных законов. Первоначально они предназначались для мертворожденной «булыгинской» Думы 1905 года, задуманной в качестве консультативного органа, но потом создатели конституции решили распространить их и на новую Думу 1906 года, наделяемую законодательной властью. Струве проанализировал контрольные полномочия парламентариев в отношении бюджета, подчеркивая их ограниченность и те затруднения, с которыми сталкивался парламент, пытаясь осуществлять фискальный надзор за правительством. Он настаивал на принятии законопроекта по данному вопросу, подготовленном при его участии комиссией Петрункевича¹⁰⁷.

Социалистические фракции были согласны с кадетами в том, что вопрос о бюджетных полномочиях необходимо поставить перед правительством, но при этом придерживались гораздо более агрессивной тактики. Три левых партии — социал-демократы, социалисты-революционеры и народные социалисты — решили, дождавшись внесения в Думу бюджетного законопроекта, потребовать его отклонения без рассмотрения на том основании, что они «не желают брать на себя ответственность за финансовую политику правительства»¹⁰⁸. Кадеты пытались отвлечь социалистов от такого курса, используя два аргумента: во-первых, безапелляционный отказ от обсуждения бюджета подорвет доверие избирателей к новому парламенту; во-вторых, он предоставит правительству блестящий повод для роспуска Думы. Струве назвал предложение левых «беспредметной бюджетной демонстрацией»¹⁰⁹. Однако миролюбивые инициативы были отвергнуты социалистами, обвинившими кадетов в соглашательстве со «старым режимом» за счет «народа». Тем

¹⁰⁷ #334а.

¹⁰⁸ В.А. Маклаков. Вторая Государственная Дума (Воспоминания современника). — Париж, (б.г.). — С. 172.

¹⁰⁹ Там же. — С. 173.

самым, вопреки ожиданиям, кадеты оказались втянутыми в бюджетную войну на два фронта: и против правительства, и против предполагаемых союзников слева. В конце концов конституционные демократы при поддержке умеренных консерваторов сумели изолировать левых. 27 марта 1907 года Дума приняла решение о передаче бюджета в парламентскую комиссию — то был шаг, обеспечивший его последующее принятие. Такое сотрудничество с октябристами и другими правыми вполне укладывалось в рамки того курса, к которому Струве подталкивал кадетов. Радикалы презирали его за это. Раздосадованные поражением, социал-демократы заклеили его как главного виновника кадетского «предательства»¹¹⁰.

Во II Государственной Думе Струве выступал еще дважды. В одной речи (#334) он поддержал маклаковские нападки на военно-полевые суды, учрежденные Столыпиным в период между роспуском первой и созывом второй Думы. По мнению Струве, эти учреждения были не только незаконны, но и бесполезны: они понадобились не столько для умиротворения страны, законность в которой к тому времени уже удалось восстановить, сколько для тихих расправ с политическими оппонентами правительства. Другое выступление было посвящено забастовке бакинских нефтяников (#335).

Он явно не был выдающимся парламентарием. Ариадна Тыркова-Вильямс, возглавлявшая пресс-службу кадетов и часто наблюдавшая его в Думе, описывает его деятельность следующим образом:

«Струве был слишком полон неожиданности. Както Вильямс, в одной из своих заметок о нем, писал: “Струве всегда отсутствует”. Действительно, что бы Струве ни делал, с кем бы он ни говорил, Струве почти никогда не отдавал беседе всего внимания, думал еще о чем-то другом, пока на него не нападал припадок интеллигентной

¹¹⁰ См. например, мнение А. Мартынова: Общественное движение в России в начале XX века. — Т. III. — СПб, 1909-1914. — С. 59, 80-81.

ярости, чаще всего полемической. Тогда он вдруг налету схватывал слова своего собеседника и отвечал по существу. У него и в теле было беспокойство. Он вертелся на стуле, отворачивался от того, с кем говорил, хватал разные предметы со стола и бесцельно их крутил, делал руками странные движения в воздухе, неожиданно обрывал фразы. И вдруг громко смеялся, часто без всякого к тому повода. Вцеплялся в какую-нибудь мысль, в какое-нибудь выражение и долбил его, как одержимый.

Все это делало его подчас смешным, иногда несносным. В Государственной Думе не только депутаты, но даже мы, журналисты, жили у всех на виду, как актеры, и на этой открытой сцене внешняя несуразность Струве больше бросалась в глаза, чем в частной жизни. В кулуарах, в этом просторном думском салоне, куда после дебатов приходили депутаты, поглаживая свои растрепанные перья, как тетерева на току после хорошей драки, они старались не попасть впросак. Но Струве не раз умудрялся что-нибудь буркнуть, что-нибудь недоговорить или переговорить. Делал он это на бегу, точно спасаясь от стаи гончих. Потом злился, когда видел в газетах собственные слова:

— Да я этого не говорил. Я совсем иначе думал. Эти болваны придали моим словам совсем не то значение. Да как они смели, идиоты?!

Не знаю, каков он был в комиссиях. Надо думать, что там его начитанность, его экономические знания, его энциклопедичность были очень полезны. Но на парламентской трибуне этот публицист, так упорно боровшийся за то, чтобы в России явилась возможность высказаться в парламенте, оказался совершенно беспомощен. Кадетская фракция поручила ему речь по какому-то экономическому вопросу. Он прибежал на трибуну, держа в руках охапку бумаг и бумажонок. Разложил свое добро перед собой на пюпитре, несколько раз оправил всегда сползавшие в сторону пенсне, стал рыться в своих записях. Бумажки ерошились и громко шелестели. Слова оратора раздавались отрывисто и не очень внятно. Голос то

падал, то возвышался. Рыжая борода то наклонялась к пюпитру, то дыбилась против слушателей, которые с недоумением, смущенно смотрели на выступление этого уже прославленного, умного политического деятеля. Фразы доносились все более беспорядочные, точно Струве потерял нить мыслей и тщетно пытается ее найти в своих летучих листках.

Все лихорадочнее перебирал он свои записки и кончил тем, что рассыпал их веером вокруг трибуны. Все бросились их подбирать: пристава, депутаты, сам оратор. На председательском месте Головин, крепко стиснув тонкие губы, над которыми топорщилось острое усов, с трудом сдерживался, чтобы не улыбнуться. Ну а в ложе журналистов и наверху, в публике, без церемонии смеялись»¹¹¹.

Во встречах парламентской фракции кадетов Струве участвовал очень нерегулярно. В первый месяц работы II Думы (с середины февраля по середину марта 1907 года) он присутствовал почти на всех пленарных сессиях, но потом являлся все реже и реже: между 17 марта и 2 июня 1907 года он посетил лишь восемь из двадцати пяти пленарных заседаний. В ходе дискуссий он предпочитал

¹¹¹ А. Тьркова-Вильямс. На путях к свободе. – Нью-Йорк, 1952. – С. 354-356. Другие относились к эксцентричным манерам Струве более терпимо, чувствуя за ними какие-то особые дарования. Один из наблюдателей, вспоминая выступления его марксистского периода, отмечал: «Его запинаящееся, точно спотыкающееся о какие-то невидимые препятствия слово, его запутанная, полная бесконечных вставочных мыслей речь производили скорее болезненное, чем чарующее впечатление. Но в этой беспомощности внешнего выражения сквозила такая глубокая искренность, такая напряженность собственной, личной мысли оратора, что неуклюжие, в муках рождаемые периоды воспринимались чутким слушателем не как недостаток, а как особенность таланта их автора; и несомненно, слово этого последнего потеряло бы значительную долю своей убедительности и заразительности, если бы ему удалось облечь его в гладкие, закругленные и всегда несколько шаблонные в своей условной красивости фразы заправского оратора». Цит. по: С.А. Венгеров (ред.). Русская литература XX в. – Т. II. – Москва, 1915. – С. 113.

говорить *ex cathedra*, преуменьшая тем самым значимость своих выступлений¹¹².

Обозревая думскую ситуацию изнутри, Струве пришел к выводу, что главной проблемой является отсутствие в парламенте устойчивого большинства, которое — несмотря на разногласия по конкретным законопроектам, — было бы готово отстаивать конституционный строй и совершенствовало бы, а не расшатывало его. Идеальным в этом смысле, полагал он, был бы альянс кадетов с умеренно правыми, и прежде всего с октябристами. Подобная тактика, однако, была невозможна в силу принятого партией запрета на предвыборные или парламентские союзы с правыми партиями. По этой причине он рекомендовал коллегам перетягивать на свою сторону отдельных депутатов справа и слева в ходе обсуждения конкретных законопроектов. «Работоспособной будет Дума только тогда, когда нам удастся оторвать часть делегатов слева и справа», — заявил он на одной из встреч думской фракции кадетов¹¹³. Но и такой подход оказался несостоятельным, отчасти из-за глубоко укоренившегося в кадетях недоверия к консерваторам, а отчасти — в силу опасений умеренных левых быть уличенными в соглашательстве с «буржуазной» кадетской партией. Меньшевики, к примеру, время от времени тяготевшие к сотрудничеству с конституционными демократами, неизменно отступали, столкнувшись с оскорблениями и шантажом со стороны большевиков. Одним словом, положение кадетов, пытавшихся, располагая лишь пятой частью думских мандатов, укреплять парламентаризм и одновременно отбиваться от врагов конституционного строя справа и слева, контролировавших в два раза больше мест, оказалось далеко не простым. Исход этой схватки решали не имевшие четких политических позиций непоследовательные радикалы и умеренные

¹¹² «Протоколы парламентской фракции (к-д) (17 II-14 XII, 1907)». — ГА РФ. — Фонд 523, оп. 1, ед. хр. 1.

¹¹³ Там же. — Заседание 22 февраля 1907.

консерваторы, и проблема всех заинтересованных в выживании российских парламентских институтов заключалась в том, чтобы убедить их сотрудничать с кадетами.

Так случилось, что Столыпин в то время тоже был заинтересован в создании сочувствующего большинства в Думе. Царь, весьма недоверчиво относившийся к идее конституционной власти, старательно разыгрывал чуждую ему роль конституционного монарха, но в итоге оказывался под перекрестным огнем социалистов и либералов. Его терпение иссякало. Подстрекаемый супругой и царедворцами, он давил на Столыпина, требуя более сговорчивой Думы. По мнению премьер-министра, наилучшим образом этой цели соответствовал бы отход кадетов, или по меньшей мере их умеренного крыла, от радикалов, а затем — побуждение «раскольников» к сотрудничеству с октябристами и прочими консерваторами. Для осуществления задуманного Столыпину требовалось формальное осуждение конституционными демократами революционных методов. В обмен правительство было готово предоставить кадетам статус легально признанной оппозиции, которого они давно и тщетно добивались. Данное предложение было не лишено смысла: следовало ожидать, что кадеты, став легитимной силой, хотя бы на словах объявят о приверженности сугубо легальным формам деятельности. Но в данном случае, как и во многих других, вновь проявилась фундаментальная непоследовательность русских либералов: несмотря на глубочайшую преданность закону, партия не смогла заставить себя публично осудить политическое насилие — отчасти потому, что с помощью угроз можно было давить на правительство, а отчасти опасаясь отпугнуть своих радикальных приверженцев. В ходе частной встречи с Милюковым, состоявшейся в январе 1907 года, Столыпин поинтересовался, не желает ли лидер кадетов выступить с публичным заявлением, отмежевывающим партию от нелегальной революционной деятельности. Когда Милюков отказался, сославшись на то, что поставить подпись под таким доку-

ментом он не в состоянии, Столыпин заметил, что его удовлетворила бы даже анонимная декларация на страницах *Речи*. Немедленно после этого, пообещав премьер-министр, он легализует партию народной свободы. Милюков заметил, что перед принятием такого решения ему необходимо проконсультироваться с товарищами по Центральному комитету. Прямо от Столыпина Милюков отправился к почтенному Петрункевичу. Услышав о предложении главы кабинета, Петрункевич впал в ярость: лучше вовсе распустить партию, нежели обречь ее на такую «моральную гибель»¹¹⁴. Тот факт, что один из ведущих членов кадетской партии рассматривал публичное осуждение политических убийств в качестве акта «моральной гибели», весьма красноречиво говорит об особенностях российского либерализма и его приверженности либеральным ценностям. Для Милюкова ответа Петрункевича оказалось достаточно, и он не дал делу дальнейшего хода. Отказ кадетов от предложения Столыпина обрек II Государственную Думу на роспуск, ибо он выбил из рук премьер-министра оружие, с помощью которого можно было бы сдержать нападки царского двора.

Если бы лидером кадетов был Струве, а не Милюков, то Столыпину в данном вопросе наверняка удалось бы добиться желаемого. И дело отнюдь не в том, что Струве питал к Столыпину какие-то теплые чувства. Напротив, его отношение к премьер-министру с самого начала отличалось предвзятостью, ибо Столыпин имел репутацию «человека Плеве» — свое первое важное назначение, губернаторство в Саратове, он получил из рук откровенно ненавистного Струве министра внутренних дел. Первые месяцы пребывания Столыпина во главе кабинета не изменили позицию Струве. Его ужасали проводимые правительством жестокие репрессии, а также открытое презрение к правовой процедуре. Как-то в сердцах Струве даже сказал, что столыпинский режим хуже, чем

¹¹⁴ П.Н. Милюков. Воспоминания. — Т. I. — С. 430-431.

Семён Франк, Мюнхен, 1904 г.

В.А. Маклаков

Кадеты, избранные в состав II Государственной Думы
от Санкт-Петербурга:
М.П. Федоров, И.В. Гессен, П.Б. Струве, Н.Н. Кутлер

«Осада власти»: карикатура на Струве и Маклакова как пособников Столыпина, опубликованная в газете «Русь» 18 июня 1907 года

«Национальное величие Струве»: карикатура, опубликованная в радикальном журнале «Рудин» в декабре 1915 года

режим Плеве, — худшую характеристику в его устах трудно представить¹¹⁵. В другой раз он описывал председателя правительства как человека, абсолютно лишённого политических принципов и сильной воли, игрушку «темных сил», фигуру, неспособную дать России то, в чем она наиболее нуждается — твердую власть¹¹⁶. Столыпинскую аграрную реформу, нацеленную на разрушение крестьянской общины и начатую с помощью принятых в «междудумье» чрезвычайных законов, он считал невиданным, произведенным одним росчерком пера попранием гражданского и правового порядка, беспрецедентным по своей «безответственности»¹¹⁷. Но по мере того как ситуация делалась все более отчаянной, Струве проявлял готовность поддержать атакуемый со всех сторон кабинет. Ведь он сам, в конце концов, неустанно призывал к твердому осуждению всякого насилия, от кого бы оно ни исходило — будь то правительство, реакционеры или те, кого он именовал «социалистической черной сотней»¹¹⁸.

Во второй половине марта 1907 года, примерно в то самое время, когда он начал пропускать регулярные встречи кадетской фракции, Струве наладил приватные контакты со Столыпиным. Точные обстоятельства, при которых два политика встретились, нам неизвестны, но не исключено, что поводом послужило выступление председателя правительства в Думе 6 марта 1907 года, выдержанное в весьма примирительных тонах. Парламенту тогда предлагалось сотрудничество по целому ряду конкретных законопроектов. Подготовку встречи взял на себя М.В. Челноков, соратник Струве по правому крылу кадетов, который, будучи секретарем Думы, имел возможность часто и вполне официально встречаться с главой ка-

¹¹⁵ #333/132.

¹¹⁶ 06/9-13.

¹¹⁷ #332/75. Спустя много лет Струве стал относиться к Столыпину более благосклонно, воздавая должное его моральным и политическим качествам. См.: #618/268-273.

¹¹⁸ #318/601-605.

бинета. Струве встречался со Столыпиным несколько раз, иногда на пару с Челноковым, а иногда в абсолютной тайне от своих кадетских коллег. Вот как он описывает эти встречи:

«В ходе работы II Государственной Думы М.В. Челноков и я считали своим долгом налаживание контактов с кабинетом министров и прежде всего лично с П.А. Столыпиным. Челноков не без юмора называл наши ночные вылазки к председателю правительства “научными экспедициями”. Одна из аномалий русской политической жизни выражалась в том, что мы, депутаты-кадеты, вынуждены были заниматься этим в тайне от собственной партии. Столыпин же, остерегаясь нападков со стороны крайне правых, также всячески избегал обнародования самого факта наших относительно частых ночных свиданий»¹¹⁹.

В одном из российских архивов, в конверте с надписью «К истории Второй Думы», хранится листок бумаги, написанный рукой Струве. На нем — конспект беседы, состоявшейся между ним и Столыпиным 10 апреля 1907 года. Документ хорошо отражает спектр затронутых тогда проблем, а также озабоченность двух политиков проблемой формирования в Думе действенного большинства.

«Мой конспект моей третьей беседы со Столыпиным.

1. Тревожное состояние Думы. Неуверенность в дальнейшем ее существовании. Царь и Головин.

¹¹⁹ 35/12-8 [Данный фрагмент дается в обратном переводе с английского. — Прим. перев.]. Французский специалист по России Анатоль Леруа-Бюлье в интервью венской газете *Neue Freie Presse* (№ 15, 16 июня 1907) описывает состоявшийся незадолго до этого визит к Столыпину, во время которого он «наткнулся на одного из лидеров оппозиции, члена кадетской партии», и имел с ним продолжительную беседу. Позже, выразив премьер-министру удивление самим фактом подобной встречи, он услышал, что здесь нет ничего необычного: по словам Столыпина, уже некоторое время они ведут переговоры о возможном формировании в Думе «работоспособного большинства». Это не просто, добавил глава кабинета, поскольку он не может доверять «этим людям» полностью. В ответ Леруа-Бюлье привел слова того же неназванного парламентария-кадета о том, что правительству тоже нельзя верить.

2. Необходимость вывести Думу из этого положения. Ввиду разноставности Думы инициатива в этом деле должна принадлежать правительству. Желательно, чтобы правительство вполне ясно довело теми или иными путями — до сведения *решающих* факторов Думы, каковы его усилия и виды. Что приемлемо и что неприемлемо?

3. Идея совместной работы Госуд. Думы и правительства должна быть построена на выявлении, как предмета Думских занятий, тех законодательных предложений, по которым в существе и в конечном итоге между Г. Думой и правительством может быть достигнуто соглашение или которые не могут служить материалом для конфликтов и без [слово неразборчиво] обострения отношений.

4. *Бюджет*: ускорение его обсуждения. Вопрос о расширении бюджетных прав. Возможность компромисса.

5. Законы по ст. 87. Аграрные законы.

6. Смягчение кар. Осуждение политических убийств. Телеграмма.

7. *Организации думского большинства*. Трудовики или поляки? Аграрный вопрос. Пусть Дума рассуждает об аграрном вопросе. *Согласительные и осведомительные совещания* по аграрному вопросу. Поляки. Отношение правительства к полякам и поляков к правит.

8. Правительств. политика должна быть нац[иональной] (государственной) и народной»¹²⁰.

Ни эти беглые наброски, ни обнародованные позже сведения не содержат ни малейшего намека на какие-либо «сделки», якобы заключенные между Столыпиным и Струве за счет других, в первую очередь радикальных, партий. В любой европейской стране, за исключением

¹²⁰ «К истории Второй Думы». — Дом Плеханова, Санкт-Петербург. — Архив Струве. — Фонд 753. Позже Струве рассказывал, что в их разговорах 1907 года рассматривалась и общая политическая ситуация. В отношении российского будущего Столыпин был настроен пессимистично, довольно точно предсказав своему собеседнику последовавшие затем события. См.: #541/23.

России, такие обмены мнениями между премьер-министром и влиятельным членом ведущей оппозиционной партии считались бы не только нормальным, но и вполне желательным делом. А в российской политической атмосфере это попахивало изменой.

В середине апреля думцы разъехались на двухнедельные пасхальные каникулы. Струве воспользовался этой паузой для того, чтобы в компании Франка отправиться в Берлин, где он посетил Калмыкову. Оттуда они проследовали на австрийский курорт Грэфенберг, на котором пятнадцатью годами ранее студент Струве лечил желудок¹²¹.

Когда в начале мая 1907 года Дума собралась вновь, слухи о роспуске зазвучали еще более настойчиво. На деле, как теперь известно, в правительственных канцеляриях уже разрабатывался новый избирательный закон, который предполагалось ввести в действие немедленно после роспуска Думы. Этот документ должен был гарантировать властям более сговорчивый парламент, с искусственно созданным «работоспособным большинством», с которым можно будет сотрудничать. Соответствующее решение тайно было принято еще в середине апреля, после того, как правительство столкнулось с трудностями при утверждении в Думе ежегодной квоты по набору в армию. Правительство, однако, не желало брать на себя ответственность за второй в течение года роспуск парламента. Иными словами, Столыпин с помощью бесчестных уловок решил обвинить в роспуске саму Государственную Думу. 1 июня 1907 года он неожиданно явился в палату и сообщил депутатам о том, что полиция раскрыла антигосударственный заговор, в который вовлечено несколько членов социал-демократической фракции. Премьер-министр просил дать согласие на лишение этих депутатов парламентского иммунитета с тем, чтобы в дело смог вмешаться суд. Данный шаг, несомненно, имел провокационный характер: обличающие социал-демократов «доказательства» были сфабри-

¹²¹ С. Франк. Биография П.Б. Струве. – С. 60.

кованы охранкой, и Столыпин прекрасно понимал, что кадеты, от реакции которых зависело решение вопроса, ни за что не решатся предать своих левых коллег. Но все иные средства к тому моменту были исчерпаны, а царский двор требовал от председателя правительства избавиться от II Государственной Думы.

Обсуждение предъявленного Столыпиным требования состоялось 2 июня на совместном заседании думской фракции и ЦК партии. Струве на этой встрече отсутствовал, но в частном порядке он рекомендовал своим товарищам следующее: кадеты должны потребовать, чтобы социал-демократы добровольно сложили с себя депутатские полномочия и предстали перед судом; если же они откажутся, покинуть парламент должны сами кадеты¹²². Но партия распорядилась иначе, решив открыто отвергнуть столыпинский ультиматум¹²³.

В те драматические часы, когда судьба II Государственной Думы висела на волоске, несколько депутатов-кадетов решили вступить в контакт со Столыпиным, чтобы выяснить, что подвигло его на столь решительный шаг, и определить, можно ли переубедить его. Челноков, наиболее близко знавший Столыпина, находился в то время в Москве, но его вызвали телеграммой и к вечеру того же дня он прибыл в столицу. Поначалу он скептически отнесся к предложению переубедить главу кабинета и заставить его отказаться от решения распустить Думу, но потом, когда Струве, Маклаков и Булгаков изъявили желание сопровождать его, Челноков уступил¹²⁴.

Той же ночью Столыпин согласился принять четырех депутатов в Елагином дворце, своей официальной ре-

¹²² *Товарищ*. – № 287. – 8 июня 1907.

¹²³ Черменский утверждает, что партийная фракция согласилась передать властям тех социал-демократических депутатов, чья вина будет доказана. См.: *Е.Д. Черменский*. Буржуазия и царизм в первой русской революции. – С. 406.

¹²⁴ П.Е. Щеголев (ред.). Падение царского режима. – Т. V. – М. – Л., 1926. – С. 312.

зиденции¹²⁵. Делегация прибыла в 23 часа 30 минут, когда заседание правительства еще продолжалось. Столыпин вышел, чтобы переговорить с гостями. После нескольких вступительных слов, довольно недоброжелательных по своему духу, Струве спросил премьер-министра, что побудило его изменить свое отношение к Думе и предъявить ей требование, с которым она явно не согласится, — и это как раз в тот момент, когда взаимоотношения правительства и парламента улучшаются¹²⁶. Подлинный ответ на этот вопрос, как выяснилось позже, заключался в том, что двор решил распустить парламент ради принятия нового избирательного закона, и в тот самый момент, когда Столыпин беседовал со своими гостями, к нему уже спешил царский курьер, которому было поручено выяснить, почему председатель правительства медлит с манифестом о роспуске. Но о подобных вещах Столыпин рассказывать не мог. Вместо этого он подверг сомнению тезис Струве об улучшении отношений между министрами и депутатами. Депутаты в четыре голоса принялись доказывать Столыпину, что он заблуждается. Казалось, собеседник колеблется; на мгновение они воспрянули духом. Но внезапно глава кабинета сменил тон и обратился к самой острой теме. Он пожелал узнать, почему кадеты противятся исключению социал-демократических депутатов. Ведь последние не признают парламентаризм и постоянно занимаются обструкцией. «Освободите Думу от них, и вы увидите, как хорошо мы с вами будем работать», — сказал он. У кадетов нашелся единственный ответ: принять подобное требование Дума не сможет. В таком случае, заявил Столыпин, прерывая аудиенцию, Дума долж-

¹²⁵ Описание этих событий основывается на воспоминаниях Маклакова. См.: *В.А. Маклаков. Вторая Государственная Дума.* — С. 245-247. Позже изложенное было подтверждено Струве: Там же. — С. 245 (прим.).

¹²⁶ Это противоречит заявлению, сделанному Струве чуть позже корреспонденту одной из газет, согласно которому в ходе встречи со Столыпиным он вообще не произнес ни слова. См.: *Товарищ.* — № 287. — 8 июня 1907. — С. 2.

на быть распущена, а ответственность за этот акт падет на кадетов. Встреча завершилась в половине первого, а спустя полчаса председатель Совета министров подписал манифест о роспуске. В тот же день — 3 июня 1907 года — правительство ввело в действие новый избирательный закон, заменивший прежний, принятый 11 декабря 1905 года. Этот документ значительно ограничил избирательные права тех групп населения, которые, как принято было считать, посылали в парламент наиболее неугомонных депутатов: крестьян, рабочих, национальные меньшинства.

Четверка кадетов, слишком возбужденная случившимся, отправилась в парк аттракционов «Аквариум». Там, «среди гуляющей, подвыпившей публики и раскрашенных дам полусвета», они обменялись впечатлениями. Много лет спустя Маклаков вспоминал: «За маленьким столиком, со Струве с его бородой патриарха, в жокейской шапочке и в каком-то желтом балахоне, за обязательной бутылкой шампанского, мы обсуждали положение»¹²⁷.

Поскольку визит к Столыпину расценивался участниками как дело сугубо частное, в кадетской партии ничего о нем не знали. Но кто-то из окружения Столыпина (видимо, министр торговли и промышленности Д.А. Философов) рассказал об этом событии С.Д. Абелевичу, корреспонденту шумной левацкой газеты *Русь*. В номере от 5 июня газета напечатала краткий отчет о встрече в Елагином дворце, упомянув два имени из четырех — Струве и Маклакова. Здесь сообщалось также, что, согласно слухам, кадетская делегация пыталась объяснить председателю Совета министров, почему Дума отказывается выдать обвиняемых социал-демократов. Но Абелевич этим не ограничился. Раскручивая сенсацию до конца, он возбуждал аппетиты своих читателей темными намеками на то, что за посещением стоит нечто большее, что речь идет о «каких-то новых комбинациях, в точности пока неизвест-

¹²⁷ В.А. Маклаков. Вторая Государственная Дума. — С. 247.

ных»¹²⁸. Первоначально Центральный комитет кадетской партии с негодованием отвергал все сведения о том, что кто-то из его членов мог вести тайные переговоры со Столыпиным¹²⁹. Но Абелевич и прочие журналисты продолжали подливать масло в огонь. Абелевич, в частности, цитировал некоего польского кадета, который утверждал, что не настолько «наивен», чтобы поверить, будто бы четыре депутата Думы встречались с председателем правительства без ведома ЦК; более того, по его убеждению, подлинная цель встречи заключалась в том, чтобы выторговать у Столыпина побольше уступок. Постепенно были преданы гласности более ранние встречи Струве и Челнокова со Столыпиным. Другой репортер *Руси* сообщал читателям, что в ходе этих посещений правое крыло кадетов в лице Струве и Маклакова пыталось выторговать II Думе спасение, не затеявая драки¹³⁰. Издания, раздувавшие скандал, предсказывали, что Струве скоро оставит кадетов и перейдет к октябристам. В прессе появлялись дикие карикатуры, изображавшие Струве в виде смиренного просителя перед лицом Столыпина.

Теперь четверем депутатам предстояло отвечать перед собственными коллегами. Члены ЦК были в ярости: обвинения оказались столь вызывающи, что Маклаков собирался даже выйти из партии¹³¹. Явно под нажимом партийного руководства четверка написала короткое письмо в редакцию газеты *Речь*, в котором разъясняла, что встречалась со Столыпиным по собственной инициативе и что обвинения в прессе совершенно беспочвенны¹³². Позже, уступая журналисту, требовавшему подроб-

¹²⁸ *СА[белевич]*. К роспуску Думы. – *Русь*. – № 144. – 5 июня 1907. – С. 2.

¹²⁹ Там же. См. также: *Русь*. – № 145. – 6 июня 1907. – С. 2.

¹³⁰ *Русь*. – № 146. – 20 июня 1907. – С. 2; № 148. – 22 июня 1907. – С. 2.

¹³¹ В.А. Маклаков. Вторая Государственная Дума. – С. 247. Протоколы Центрального комитета не зафиксировали заседание 6 июня 1907 года, на котором, как говорят, обсуждался данный вопрос. См.: *Товарищ*. – 8 июня 1907. – С. 2.

¹³² «Письмо в редакцию». – *Речь*. – № 131. – 6 июня 1907. – С. 2.

ностей, Струве говорил, что к этому письму ему добавить нечего, кроме того, что во время встречи на Елагином острове он «лично не вымолвил ни слова» (это, как мы знаем, не вполне верно), что никаких предложений или обещаний Столыпиным не делалось, и что делегация просто хотела выяснить, можно ли спасти Думу¹³³.

Скандал вокруг встречи со Столыпиным переполнил чашу терпения Струве. Его глубоко возмущало то, что русские политики всех направлений ничуть не беспокоились о построении в стране конституционного порядка. Ярость и оскорбления, подозрительность и намеки, которыми общество встретило новость о контактах кадетов с председателем Совета министров, были восприняты им как симптомы духовного саморазрушения. Иными словами, занятия активной политикой, по мнению Струве, потеряли всякий смысл. Поэтому он решил полностью покончить с подобной деятельностью, посвятив всю свою энергию изобличению главного виновника случившегося — русской интеллигенции.

¹³³ *Товарищ*. — № 287. — 8 июня 1907. — С. 2.

Глава 2

Разрыв с интеллигенцией

*Учитель учил четырем вещам:
культуре, поведению, преданности и доверию.*

Конфуций

Опыт 1905—1907 годов потряс Струве как духовно, так и физически. Он был абсолютно уверен, что старый режим никогда больше не сможет управлять Россией, и потому провал конституционного эксперимента и возвращение прежней бюрократическо-полицейской власти ввергли его в черную тоску. Будущее виделось ему в самых мрачных тонах. Надежды не было: ведь бюрократия, рассуждал он, вернулась на прежние позиции лишь номинально, и теперь ей предстоит руководить народом, утратившим всякое уважение к царю и его чиновникам, а раз так, то следующий социальный взрыв, за которым последует правая или левая диктатура, остается только вопросом времени.

Его отчаяние имело многочисленные внешние проявления. В тот краткий период Струве необычайно быстро старел. На фотографиях, сделанных после 1907 года, его живое, пытлиное выражение эпохи *Освобождения* сменилось унылым, отсутствующим взглядом. Буйная рыжая шевелюра начала седеть. Появился животик, который в сочетании с привычной сутулостью заставлял его выглядеть старше своих тридцати семи лет. В письме к Струве Нина называет его лицо «грустным, усталым и невеселым»¹. Толстой, которого он посетил в Ясной Поляне

¹ Датировано 4 августа 1910 года. — Дом Плеханова.

летом 1909 года, в своем дневнике именует его «тяжелым» и «мало интересным»².

Оценивая ситуацию, последовавшую за роспуском II Государственной Думы, Струве видел вокруг лишь руины. И пусть даже Основные законы продолжали действовать, а III Дума вот-вот должна была приступить к работе, — сам дух октябрьского Манифеста безвозвратно угас. Вместо того чтобы стать конституционной монархией, в которой конфликты разрешаются с помощью закона, а отсталое население постоянно получает гражданское образование, на что он горячо надеялся, Россия вновь превращалась в поле битвы, на котором два смертельных врага — интеллигенция и бюрократия — сражались за абсолютную власть, используя любые средства.

Значительную долю ответственности за подобный исход несла бюрократия, и Струве не стеснялся в выражениях, обличая ее. Парламент, распускавшийся дважды менее чем за год; новый избирательный закон, противоречивший конституции и лишивший избирательных прав значительную часть электората; земельная реформа, проводившаяся с помощью чрезвычайных актов, которые не получили одобрения парламента и даже не обсуждались в его стенах; широкое применение «Временных правил» 1881 года, наделявшее неограниченной властью губернаторов и военных комендантов тех регионов, где вводилось «чрезвычайное положение», и перечеркивавшее законодательство о гражданских правах 1905–1906 годов — это и многое другое лежало на совести царского правительства.

Обличая имперский режим, Струве шел в русле господствовавших тогда либеральных настроений. Но он выделялся из общего ряда, отказываясь возложить ответственность за случившееся исключительно на правительство. Обвинения в адрес властей он сопровождал уничтожающей критикой интеллигенции, уличая ее в тайном

² Дневник Толстого, запись от 13 августа 1909 года. См.: *Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений.* — Т. 57. — М., 1952. — С. 115.

сговоре с бюрократией в деле ниспровержения законности и свободы. Его нападки на интеллигенцию были неистовыми и очень личными. «Прогрессивное» общественное мнение никогда не простило ему этой измены³.

После роспуска II Думы и скандала, последовавшего за обнаружением его тайных контактов со Столыпиным, Струве исчез из поля зрения общества. Не существует почти никаких данных о его деятельности во второй половине 1907 года⁴. Основную часть этого периода он, видимо, провел в уединении, размышляя о событиях двух предшествующих лет, анализируя их причины, думая об исправлении ситуации и неустанно собирая силы для очередного из тех духовных прорывов, в которых он был столь искусен. В литературных кругах поговаривали, будто он работает над книгой о своей эволюции от марксизма к либеральному консерватизму. В то время он действительно писал монографию о «государстве и революции». Эта книга так и не была закончена, но фрагменты из нее, опубликованные в 1908–1909 годах, вызвали настоящую бурю⁵. Он по-прежнему состоял в кадетской партии и был членом ее ЦК, но лишь номинально. Его популярность в рядах конституционных демократов заметно упала. В опросе, проведенном в сентябре 1907 года в ходе выдвижения кадетского списка от Санкт-Петер-

³ Струве любил проводить различие между «образованным классом» (#348/12) или «интеллигенцией в широком смысле слова» (#310/282), с одной стороны, и «идейной интеллигенцией» (#313/443) – с другой. Последнюю представляли радикальные политические объединения. Его критика была нацелена прежде всего на вторую группу; однако, подобно многим русским мыслителям, он не всегда был последователен в терминологии.

⁴ За исключением его статей в редакционной колонке *Русской мысли* и лекций в Санкт-Петербургском политехническом институте, которые будут рассматриваться в главах 3 и 4 соответственно.

⁵ См.: #352 и #360. Его статья в сборнике «Вехи» (#376), написанная в тот период, тоже, вероятно, предназначалась для этой книги. Позже Струве собрал свои важнейшие работы тех лет (1905-1909) в отдельный том, названный «Patriotica» (СПб., 1911).

бурга в III Государственную Думу, он оказался лишь пятым из десяти кандидатов, что не позволило бы претендовать на партийный мандат, если бы Струве того пожелал. На выборах нового состава ЦК, состоявшихся в октябре 1907 года, он выступил еще хуже, заняв тридцать девятое место из сорока⁶. В кампании по избранию новой Думы он участвовал довольно вяло, а за всю вторую половину 1907 года посетил лишь одно заседание Центрального комитета (16 июля), да и на то опоздал. Неудивительно, что в партии ходили сплетни о его скором разрыве с кадетами и переходе к октябристам.

На деле, оставаясь в контакте с некоторыми правыми кадетами, Струве не собирался возвращаться к политической деятельности ни в этой, ни в какой-либо другой партии. Он не хотел даже выступать в роли идеолога, чем в свое время занимался в рядах социал-демократов и «освобожденцев». Он просто считал себя вне политики⁷, ибо утратил веру в спасение гибнущей России чисто политическими средствами. В его понимании основной недуг не был ни политическим, ни экономическим, ни социальным. Несомненно, совершенствование конституции и неукоснительное соблюдение ее, а также проведение земельной реформы оставались весьма и весьма желательными, но этих мер было недостаточно и *сами по себе* они не могли успокоить Россию и вывести ее из кризиса. Корень проблемы лежал гораздо глубже. В конечном счете революция потерпела поражение под влиянием отнюдь не внешних факторов: «Нет ничего более ошибочного, чем думать, что наши надежды и упования разбиты какой-то внешней силой»⁸. Русское общество оказалось не готовым принять на себя ответственность, налагаемую свободой, ибо ему не хватило должной *культурной* базы. Струве убеждал своих читателей в том, что хорошо пред-

⁶ *Вестник Партии народной свободы*. – № 43-44. – 8 ноября 1907. – С. 1834.

⁷ #372/196.

⁸ #348/9.

ставляет весь трагизм политических невзгод, переживаемых Россией; но в то же время он настаивал, что решения политических проблем недостаточно, ибо за ними стоят трудности куда более серьезные: это «глубокие культурные задачи, без разрешения которых Россия будет переходить от одной трагедии к другой, оставаясь игрищем ничтожных кучек и слепых сил»⁹.

«Было бы ошибочно думать, что мы пережили только “политические” годы и нуждаемся только в политическом поучении, в политических выводах. Более того, можно сказать, что в некоторых отношениях чисто политическая точка зрения пока бесплодна. Бесплодна потому, что, как ни ясны некоторые политические цели, никто не может пока указать ясных политических путей к этим целям. Сравнительно с дооктябрьским прошлым Россия сделала огромный принципиальный шаг вперед в политическом отношении. Но сделав этот шаг, она очутилась перед культурными проблемами, которые, казалось, были оттеснены на задний план политическим вопросом. Если прежде можно было сказать.., что никакой культурный прогресс невозможен без решительного, принципиального политического разрыва с прошлым, — то теперь так же решительно можно утверждать, что никакой политический шаг вперед невозможен вне культурного прогресса; без такого прогресса всякое политическое завоевание будет призраком, будет висеть в воздухе.

Из фатального круга двух основных политических положений: 1) необходима конституция, прочный правовой порядок и 2) правительство, которое в политическом смысле держит в своих руках положение, ведет всякую иную, только не конституционно-зидительную и конституционно-консервативную политику, ...из этого фатального круга самого по себе невозможно извлечь ничего положительного. Все свести к критике правительства значило бы безмерно преувеличивать значение данного

⁹ #367/168.

правительства и власти вообще: источник неудач, разочарований и поражений, постигших Россию, лежит гораздо глубже. Даже если бы каким-нибудь чудом политический вопрос оказался разрешенным, решение его лишь более выпукло выдвинуло бы значение другой, более глубокой задачи. Это значит: общество должно задуматься над самим собой. Мы переживаем идейный кризис, и его надо себе осмыслить во всем его национальном значении»¹⁰.

Распространив свои критические нападки на всю интеллигенцию (именно ее он имел в виду, говоря об «обществе»), Струве оказался в довольно сложном положении. Результатом стало (и не могло не стать) его отлучение от всех лагерей, школ и направлений — нечто вроде интеллектуального ostracism. Ведь именно интеллигенты, обвиненные им в нехватке «культуры» и разжигании революции, составляли его основную аудиторию. Его критика не встретила понимания, ибо в ходе длительной борьбы с самодержавием русская интеллигенция взрастила в себе неискоренимый комплекс величия. По мере того как Струве обнаруживал все большую неприязнь к этому социальному слою и предлагал программу духовного возрождения, основанную на идеях, которые его представителям были незнакомы или просто неприемлемы, интеллигенция давала ему сдачи. Теперь Струве стал объектом такой травли, которая не имела прецедента в русской интеллектуальной истории. Гонимый, высмеиваемый, превратно интерпретируемый оппонентами слева (которым, по иным причинам, вторили и правые), он был вынужден беспрестанно отбиваться от нападков.

Уровень той дискуссии был не слишком высок, и поэтому очертить области разногласий или выделить позитивные программы оппонентов крайне сложно. Русская интеллектуальная жизнь всегда характеризовалась логической непоследовательностью, политической ограниченностью, дефицитом реализма — качествами, в значитель-

¹⁰ #372/202-203.

ной степени обусловленными отсутствием представительных институтов и свободной прессы. Можно было бы ожидать, что после октября 1905 года, с созданием парламента и фактическим упразднением политической цензуры, ситуация изменится к лучшему. Но этого не произошло. Привычки, складывавшиеся десятилетиями, оказались столь крепкими, что русские интеллигенты не только продолжали действовать в том духе, с которым сроднились, но по-прежнему говорили и писали в той же манере. Лихорадочно развивавшаяся пресса с готовностью открыла свои страницы для публикаций, прежде годившихся только для нелегальной или эмигрантской печати. У многочисленной читающей публики развился вкус к политике, первейшим проявлением которого стала тяга к политическим сенсациям: в такой обстановке новость об убийстве очередной «знаменитости» доставляла читателям такое же извращенное удовольствие, с которым пресытившаяся политикой западная публика встречает сообщения об уголовных преступлениях или несчастных случаях.

Как и следовало ожидать, ни правые, ни левые радикалы не имели ни малейшего понятия о вопросах, поднимаемых Струве, и потому в споре преобладали аргументы *ad hominem*. Тот факт, что Струве когда-то был марксистом, потом покинул марксистов и ушел к либералам, а затем порвал и с либеральными воззрениями, был достаточным доказательством его беспринципности и «рenegатства». Следуя этой аргументации, атаки как слева, так и справа, — примечательно схожие по своему тону и стилю — концентрировались на том, кто таков Струве, а не на том, о чем он говорил. Единственное отличие в нападках, обрушиваемых на него двумя крайними лагерями, заключалось в том, что правые экстремисты постоянно поднимали в дискуссии еврейский вопрос, в то время как левые предпочитали изобличать его германские корни. Журналисты активно применяли своеобразный шантаж, не позволявший вступаться за Струве никому, кроме самых отъявленных храбрецов. Умеренный консерватор, допуская

ший робкое слово в его защиту, обвинялся правой газетой *Новое время* в проеврейских и прокадетских (или, в качестве варианта, проеврейско-кадетских) симпатиях; умеренный социалист, делавший то же самое открыто, немедленно клеймился Лениным или Троцким как «пособник буржуазии».

Даже тем, кто уважал его лично, но расходился с ним во взглядах, редко удавалось ухватить суть аргументации Струве. Выдвигаемые им идеи были столь новыми, смелыми и вызывающими, что критики, вероятно, оказывались просто не в состоянии сосредоточиться на них или подойти к ним рационально. Этот прискорбный факт стал очевидным в 1908 году, когда Струве впервые выступил в защиту патриотизма и империализма в качестве законной и желательной для интеллигенции позиции. Читая его сочинения, посвященные данному вопросу, довольно легко обнаружить логические несообразности и шаткость основных тезисов. Несмотря на это, мало кто утруждал себя поиском подобных огрехов. Например, в широком потоке откликов, вызванных его сенсационной статьей «Великая Россия» (#352), можно было найти все что угодно — насмешки, оскорбления, удрученное покачивание головой, выкручивание рук, — за исключением рациональных контраргументов. Единственным исключением из этого ряда были, по-видимому, статьи Бердяева.

Такая реакция повергала Струве в отчаяние. Он всей душой жаждал дебатов, и в тех редких случаях, когда критик затрагивал суть его концепции, энергично выступал в защиту своих взглядов. Но большую часть времени ему приходилось отбиваться от личных нападок, иной раз откровенно оскорбительных, и это выбивало его из колеи. Порой воздержаться от ответа было невозможно, и тогда ему приходилось опускаться до уровня своих оппонентов, швыряя грязью и получая в ответ грязь, время от времени прерывая это занятие ради того, чтобы на глазах изумленных зевак прочитать проповедь о порочности подобного рода полемики. Совокупный эффект всех

этих наскоков состоял в том, что Струве скатывался на позиции все более крайние, которые в случае более взвешенного подхода он никогда бы не занял. Он также был лишен благотворного влияния рациональной критики, в которой явно нуждался.

Вот небольшой образчик того, с чем Струве приходилось иметь дело. После того как разразилась первая мировая война и русские войска оккупировали Галицию, он опубликовал ряд довольно спорных статей по украинскому вопросу. Его главный тезис (подробно рассматриваемый в главе 5) заключался в том, что украинцы — это не нация, но лишь ответвление на едином «общерусском» древе, и, следовательно, украинский национализм представляет собой искусственное движение, которое, однако, для России довольно опасно. В печати развернулась острая полемика. Меньшевик Д.И. Заславский, пишущий под псевдонимом «Гомункулус», опубликовал в газете *День* статью, критикующую взгляды Струве¹¹. Он высказывал удивление по поводу того, что Струве защищает русский национализм, поскольку по происхождению немец, а свои германоязычные статьи подписывает не иначе как «фон Струве». В ответ Струве заявлял, что за «совершенно неважным и неинтересным» фактом использования подписи «фон Струве» стоит лишь обыкновенное русских властей добавлять префикс «фон» в зарубежные версии паспортов, выдаваемых потомственным дворянам. «Использование “немецкого” в моей фамилии и в моем происхождении так же принципиально-безобразно, как с моей стороны было бы принципиально-безобразно указывать на то, что г. *Nomunculus* — еврей по происхождению и национальности»¹². Данное заявление, в свою очередь, повлекло за собой новую реплику Заславского, который счел необходимым проинформировать читателей, что Струве раньше жил в Германии, буду-

¹¹ *День*. — № 333. — 15 декабря 1914.

¹² 14/12-17.

чи в то время злейшим врагом национализма¹³. Перу того же автора принадлежала и еще одна статья под заголовком «Гретхен фон Струве»¹⁴. Разумеется, достоинства и недостатки позиции Струве в украинском вопросе в подобной полемике вовсе не затрагивались.

Такого рода дискуссии самым негативным образом влияли на духовное и умственное здоровье Струве. Поначалу он пытался отбивать атаки с помощью рациональных аргументов, но делать это было все сложнее, поскольку оппоненты не отвечали взаимностью. Затем, подобно раненому быку, он начал слепо метаться из стороны в сторону, обнажая свою уязвимость и беззащитность. Между ним и его многочисленными хулителями наладилась своеобразная игра: стремясь выказать равнодушие к нападкам, он отстаивал все более радикальные позиции, которые обращались оппонентами против него самого, что, в свою очередь, толкало нашего героя к еще большим крайностям. Его размышлениям 1907–1917 годов присущи неуравновешенность, хаотичность, субъективизм, совершенно незаметные в трудах предшествующего периода. Прежде всего это объяснялось его глубочайшими переживаниями за будущее страны. Второй причиной была явная интеллектуальная дезориентация, обусловленная изоляцией и беспощадным обстрелом со всех сторон¹⁵.

¹³ Гомункулус. «Струве против Струве». – *День*. – № 342. – 16 декабря 1914.

¹⁴ *День*. – № 345. – 19 декабря 1914.

¹⁵ В этот сложный период своей жизни Струве пережил два увлечения, по-видимому, оказавших на него огромное влияние. Наша осведомленность об этом проистекает исключительно из краткого пассажа рукописи биографической работы Франка (с. 134), который по просьбе семьи Струве был изъят из опубликованной версии. Упомянутый фрагмент звучит так: «...В ранней юности, до женитьбы, он был связан страстной любовью с женщиной гораздо старше его, о которой на всю жизнь сохранил благодарное и светлое воспоминание. После женитьбы, в возрасте между 35 и 47 годами, он, несмотря на свой идеально-дружный брак, имел два страстных увлечения женщинами, из которых второе он переживал с необычайным драматизмом (Нина Александровна – как это иначе было бы и невозможно при их отношениях – была полностью посвя-

Отношение Струве к интеллигенции всегда оставалось двойственным, и поэтому критика, которой он посвятил себя после 1907 года, была не таким уж значительным отступлением от его прежних воззрений, как казалось современникам. В 1907 году он утверждал: «Те мысли, которые составляют идейную основу развиваемой мной критики революции, в существе своем созрели раньше, чем было основано “Освобождение”», то есть до 1902 года¹⁶. Разумеется, в свой социал-демократический и «освобожденческий» период он был склонен защищать интеллигенцию от обвинений в экстремизме, возлагая ответственность за все присущие ей пороки на царский режим¹⁷. Но даже тогда, прощая ей очень многое, Струве не был слеп к ее недостаткам. Он никогда не разделял присутствующего русской интеллигенции представления о себе самой как о главной движущей силе общественного прогресса, предпочитая рассматривать в роли двигателя такие безлические факторы, как экономику (в дни увлечения марксизмом) или культуру (в либеральный период). Ему была чужда и интеллигентская склонность политизировать все и вся, разграничивая «добро» и «зло» в зависимости от того, хорошо или плохо чувствует себя правительство. Он всегда настаивал на том, что «культура», причем во всех ее проявлениях, превышает политику. Так, будучи марксистом, он вполне мог восхищаться юридическими достижениями Победоносцева или поэтическим талантом Фе-

шена в эти увлечения; преодолевая естественную ревность, она относилась к ним с матерински-любовным снисхождением). Мне приходилось утешать и ободрять П.Б. в припадках скорби и отчаяния, иногда овладевавших им в этих драматических переживаниях; и из таких бесед я всегда выносил впечатления изумления и умиления перед глубиной, юношеской чистотой и юношеским горением его души». Рукопись находится в Гугеровском институте.

¹⁶ #339/235.

¹⁷ См.: *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал. – С. 467. Возмущаясь нападками на русскую интеллигенцию в письме немецкому писателю Гансу Дельбрюку 15 июля 1902 года, Струве именует ее и «создателем», и «продуктом» западной культуры в России.

та, став либералом — воздавать должное Марксу, а оказавшись в эмиграции — тепло отзываться о книгах, изданных в Советском Союзе. В позициях Струве неизменно присутствовало нечто, выделяющее его из шеренги оппозиционной интеллигенции, причем даже в те дни, когда он являлся ее духовным вдохновителем. В данной роли выступала вера в трансцендентный характер гуманистических ценностей и достижений культуры.

Опыт общения с социал-демократами в годы ревизионистских исканий еще более углубил недоверие Струве к интеллигенции. Нежелание вождей русской социал-демократии всерьез воспринимать идеи ревизионизма, их догматизм, готовность шельмовать любого, дерзнувшего мыслить самостоятельно, резко контрастировали с той реакцией, которую ревизия марксизма встретила в Германии. Как раз тогда Струве впервые предположил, что русская интеллигенция представляет собой какое-то «особое племя». Именно эти сомнения он имел в виду, когда говорил, что основы критики революции были выработаны им еще до 1902 года.

Претензии Струве к интеллигенции не получили широкой огласки лишь потому, что он, не желая подрывать единство «демократического» фронта против самодержавия, до поры до времени предпочитал не высказываться по данному поводу. Как отмечалось в первом томе настоящей биографии¹⁸, наблюдая за поведением радикалов в 1905 году, он испытывал нарастающее беспокойство по поводу их безответственности и вкуса к насилию. Тем не менее даже тогда, и вновь по чисто тактическим соображениям, он в основном молчал, не желая подвергать опасности альянс либералов и социалистов. Более того, саму степень его озабоченности не стоит преувеличивать, ибо Струве был твердо уверен, что «массы» осознают собственные интересы и, получив возможность демократического волеизъявления, мгновенно подрежут крылья наибо-

¹⁸ См.: *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал. — С. 538-540.

лее оголтелым элементам интеллигенции. В условиях демократии, победу которой он считал неизбежной рано или поздно, ультралевые, а также тяготеющие к ним либералы, будут дрейфовать к центру или просто пойдут ко дну. Иначе говоря, в то время он не слишком опасался радикальной интеллигенции, относясь к ней даже с некоторым снисхождением. В статье, написанной в начале 1905 года, он отмечал, что возглавить массы русским радикалам мешает их «революционное доктринерство», а «история, вероятно, оставит социалистические партии ни с чем»¹⁹.

Иными словами, не питая ни малейших иллюзий в отношении интеллигенции, Струве сохранял их в отношении русского народа, который, по его мнению, благодаря здоровому чувству собственного блага, обладает иммунитетом против демагогов. В 1904–1905 годах ему казалось, что для того, чтобы народный интерес заявил о себе, необходима лишь парламентарная система, основанная на всеобщем избирательном праве. «При всенародном голосовании, — писал он в 1905 году, — народные массы, став ответственными распорядителями собственных судеб, узнают и поймут, что возможно и что невозможно»²⁰. Его неистовая борьба за демократизацию избирательного процесса подогревалась именно этой надеждой, а также боязнью того, что половинчатый закон о выборах, не решающий указанной задачи, послужит дальнейшей радикализации масс. Но события 1905 года развеяли эти заблуждения. Вернувшись в Россию в октябре, Струве с огорчением обнаружил, что рабочие и крестьяне, вопреки его ожиданиям, действительно оказались под влиянием радикалов, о чем те без усталости твердили. Идея «перманентной революции», которую прежде он был склонен отметить как «элитарную утопию», получила широкий отклик среди промышленного пролетариата. Особенно его взволновала декабрьская стачка в Москве, убедительно

¹⁹ #308a/10.

²⁰ См.: *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал. — С. 533.

показавшая, насколько легко радикальная интеллигенция может толкнуть рабочих на губительный путь. Выборы в I Государственную Думу, давшие кадетам твердое большинство в промышленных районах, слегка успокоили Струве: рабочие, внушал он себе, в конечном счете разоблачатся, что для них хорошо и что — плохо. Однако, наблюдая за поведением рабочих и крестьянских депутатов в парламенте, особенно во II Государственной Думе, где последние были широко представлены, он быстро растерял весь свой оптимизм. Охваченный тревогой, он видел, как эти представители «масс» шли на поводу у радикальной интеллигенции. В газетном интервью, которое было дано вскоре после роспуска II Думы, он обвинял интеллектуалов, «курировавших» фракцию трудовиков, в том, что они отвлекали крестьян от законных классовых целей, вместо этого подталкивая их к «революционному авантюризму»²¹. Опыт того периода убедил Струве, что с идейной точки зрения «массы» были столь же не готовы к «ответственному политическому творчеству», как и интеллигенция²².

Сказанное заставляло по-иному воспринимать угрозу, исходящую от интеллигентов-радикалов. К ним нельзя было более относиться как к своенравным детям русского деспотизма, чья судьба предполагала лишь смирение или вытеснение на обочину жизни. Могучее влияние, которое они оказывали на массы в критические моменты истории, несло в себе смертельную угрозу: «Наиболее неожиданной и наиболее замечательной чертой эпохи, в которую мы вступили с 1904 года, является та легкость взаимного понимания, которая установилась между “интеллигенцией” ...и “народными массами”. “Взаимное понимание” тут, может быть, несколько слишком сильное в одном, слишком слабое в другом отношении выражение. “Понимания”, может быть, ни с той, ни с дру-

²¹ *Товарищ*. — № 287. — 8 июня 1907.

²² #368/4.

гой стороны не было, но была органическая солидарность, которая в некоторых отношениях важнее и значительнее всякого “понимания”. Интеллигенция оказалась “революционно-народнической”, а народ — “народником-революционером”»²³.

«Русская революция показала, что у народа нет своего особого “стержня”, своей “основы”, своего “цвета”, отличного от стержня, основы и цвета интеллигенции. ...Грехи русской революции — грехи общие, интеллигенции и народа. Разница только в том, что интеллигенцию мы всегда мыслим, как субъектов (физических или собирательных), которым их действия могут и должны быть вменены, тогда как к “народу” понятие вменения недопустимо. И процесс духовного и культурного лечения должен быть начинаем с “интеллигенции”. Но лекарством она не может позаимствоваться от народа. Народ сам нуждается не менее в том же лечении»²⁴.

Но, как и следовало ожидать, систематической критики русской интеллигенции Струве так и не дал. Задуманная им книга на эту тему под заглавием «Государство и революция» осталась, подобно многим другим его амбициозным проектам, незавершенной, и лишь отдельные ее фрагменты увидели свет. Его работы, касающиеся данного предмета, обычно представляли собой отклики на отдельные события или на полемические выпады в собственный адрес и потому, как правило, оказывались разрозненными и неполными. Помимо собственного журнала *Русская мысль*, у него имелись еще два канала самовыражения. Первым из них была ежедневная газета *Слово*, орган прогрессивно настроенных промышленников, с которой сотрудничали консервативные кадеты и октябристы и которая, в отличие от прочих русских газет того времени, была достаточно благосклонна к Струве и его взглядам. В 1908–1909 годах Струве регулярно печатался на ее

²³ #359/229-230.

²⁴ #359/205-206.

страницах, предпочитая *Слово* кадетской *Речи*, от случая к случаю предоставлявшей ему свою трибуну. Другим стал издаваемый Григорием Трубецким *Московский еженедельник*, в котором Струве видел прямого наследника *Поллярной звезды*. Несмотря на отрывочный характер писаний 1906–1909 годов, именно здесь нашел выражение комплекс идей Струве, который, хотя и не обрел вид системы, все же оказался весьма близок к систематическому целому.

Основное обвинение, выдвигаемое им против интеллигенции, заключалось в том, что последняя оказалась не в состоянии понять те изменения, которые принесла революция 1905 года, и политически приспособиться к новому положению вещей. В 1906 году Струве писал, что год назад, по возвращении в Россию, ничто не поразило его более, нежели отказ левых радикалов (сюда можно было бы с полным основанием добавить и левых кадетов) признать историческое значение случившегося²⁵. Почему же так получилось? Размышляя над этим вопросом, Струве обращался к стандартным аргументам, используемым против интеллигенции русскими консерваторами XIX столетия: оторванность от реальной жизни, говорил он, влекла за собой интеллектуальную косность и доктринерство. Но в отличие от консервативных критиков он был склонен обвинять в этом не столько самих интеллигентов, сколько царизм: «То самое чудовище самодержавия, которое держало народ в невежестве, нищете и угнетении, оно же держало и интеллигенцию в нездоровом искусственном отдалении и отчуждении от жизни. Люди, которым систематически мешали и запрещали прикасаться к жизни, работая для нее и питаясь ее здоровыми соками, недаром были “отщепенцами”: в своем духовном уединении и ожесточении они утратили все мерки и перестали ясно видеть возможное и нужное. “Отщепенство” породило бредовые идеи. “Пленной мысли раздраженье”

²⁵ #333/129.

перешло в опьянение мысли освободившейся, но еще не свободной, мысли не подчиненной, но в то же время и безвластной»²⁶.

«Где же, на чем можно было развиваться и окрепнуть политической даровитости русской интеллигенции? — вопрошал он риторически. — Плоды добрые не могли вырасти на сыпучих песках, которых никогда не орошала живая вода политического *творчества*»²⁷.

Из-за слабого контакта с реальностью интеллигенции не хватало гибкости: она замкнулась в тех установках и постулатах, которые сформировались в ходе долгой борьбы с самодержавием. Согласно одному из самых ярких наблюдений Струве, «русская интеллигенция вообще едва ли не самая консервативная порода людей в мире»²⁸. Именно этот врожденный консерватизм был повинен в неспособности или нежелании интеллигенции принять перемены 1905 года. Она инстинктивно продолжала воспринимать «власть» как «врага», несмотря даже на то, что отныне властные полномочия перестали быть безраздельной монополией царя и его бюрократии, превратившись в своеобразный кондоминиум, в котором народ и интеллигенция, как выразители народных интересов, получили свою долю. Интеллигенция по-прежнему раздувала вооруженные восстания, забастовки, акты бойкота и саботажа, как будто бы не замечая того, что, поступая подобным образом, она теперь вредит и себе, и народу, которому желала помочь.

Подобная установка привела к невольному альянсу интеллигенции с бюрократией, в конечном счете погубившему революцию. Радикализм и реакция взаимно дополняли друг друга. Так и не проникшись духом октябрьского Манифеста и прибегнув к самым жестоким мерам для восстановления порядка в деревне, власти и их сторонники из правых способствовали развалу конституционной

²⁶ #307/224.

²⁷ #310/282.

²⁸ #336/174; ср. #313/443.

системы. В свою очередь, интеллигенция, отказавшись жить в соответствии с предначертаниями Манифеста и Основных законов и настаивая на бесконечной революционной борьбе, снабдила бюрократию аргументами в пользу упразднения конституции. Опасность, исходящая от врагов справа, заявлял Струве в период работы I Государственной Думы, «главным образом обуславливается той поддержкой, которая оказывается им слева»²⁹. «Русская революция и русская реакция как-то безнадежно грызут друг друга, и от каждой новой раны, от каждой капли крови, которыми они обмениваются, растет мстительная ненависть, растет несправедливость русской жизни»³⁰. Он постоянно указывал на то, что своими действиями правые и левые дополняют друг друга.

«Правовая беспринципность революции выражалась в формуле: всякое действие допустимо, если оно полезно для революции. По недомыслию, хорошо известному логической теории, все вредное для правительства приравнивалось к полезному для революции, и, таким образом, к морально чудовищной посылке присоединялись допущения, фактически нелепые. Каким реальным содержанием история наполнила эту логику, достаточно известно.

Правовая беспринципность контрреволюции выражается в формуле: всякое административное действие допустимо, если оно наносит вред “крамоле”. На линии этого рассуждения может лежать всякое преступление. ...Этим готовится не умиротворение страны, а возрождение с новой силой тождественной формулы с революционным знаком»³¹.

Сговор правых с левыми отразился не только на судьбах русской конституции. Пропаганда, которую оба лагеря вели в народных массах, возбуждала ненависть к образованному меньшинству населения: и хотя правые

²⁹ #326/456.

³⁰ #333/131.

³¹ #347/165.

играли на антикультурных или антизападнических инстинктах, а левые — на классовой ненависти³², они сообща работали на один и тот же результат, поскольку в России образование издавна отождествлялось с материальным благополучием. Подобная смычка очень беспокоила Струве. Он считал, что самодержавие «социофизически» опиралось на ту врожденную подозрительность, которую невежественный народ питал к «образованным»³³. Для того чтобы ослабить монархию, необходимо было обеспечить единство интересов неграмотных и образованных. Но вместо этого интеллигенция, пропагандировавшая лозунги классовой борьбы, лишь углубляла инстинктивное неприятие культуры в народной среде: «В России ни крестьяне, ни рабочие не имеют ни малейшего понятия о научной теории классовой борьбы. Недоверие к “буржуазии”, внушаемое народу во имя этой теории, поощряет не столько складывание классового самосознания, сколько укрепляет ненависть к образованным слоям, стоящим во главе освободительного движения»³⁴. Сражаясь за один и тот же электорат, русская реакция и русский радикализм пользовались одним и тем же оружием. Они на пару препятствовали формированию у народных масс здоровых и конструктивных политических привычек: «Вот почему тем русским политическим деятелям, у которых развито чувство политической ответственности, так трудно получить доступ к умам и сердцам народных масс»³⁵.

В число наиболее значимых характеристик русской интеллигенции Струве включал следующие:

1. Боязнь ответственности и склонность к политическому негативизму и нигилизму. Издавна привыкшая лишь наблюдать за ходом политического процесса со стороны, интеллигенция считала критиканство наиболее ес-

³² #328/603-604.

³³ #308а/10.

³⁴ #308а/10; см. также #304/13-14 и #320/219.

³⁵ #313/445.

тественным своим делом. Самыми заметными проявлениями данного качества стали крайнее доктринерство и боязнь хоть как-то выказать тягу к «соглашательству»: «Кому не чужда политическая ответственность, тот не станет вкладывать в свою политическую проповедь все, что он лично считает правильным, независимо от того, какой эффект в сердцах слушателей или читателей будет иметь такая проповедь и какие реальные плоды она может дать. Идея и чувство политической ответственности создают особый вид “оппортунизма”, который, будучи некоторыми поверхностными чертами сходен с беспринципностью, на самом деле имеет глубокие моральные корни и полное нравственное оправдание»³⁶.

2. С предыдущим тесно связана неспособность интеллигенции к компромиссам, которые, по мнению Струве, составляли моральную и практическую суть политического процесса.

«Когда я произношу и пишу слово: компромисс, я знаю, что это слово имеет в нашем радикальском просторечии смысл чего-то презренного и безнравственного. Под компромиссом разумеют безнравственную сделку со злом, приспособление к неправой силе.

Между тем по своей идейной сущности компромисс есть как раз обратное: нравственная основа общежития как такового. Соглашению, или компромиссу в человеческом общежитии противостоит либо принуждение других людей, направленное на то, чтобы подчинить их волю моей, либо отчуждение от других людей, неприступность, отрезанность моей воли от их воли. Противниками компромисса являются либо деспотизм, или насилие, либо пустынночество, столпничество, бессилие в миру. Сектанство же есть нечто среднее между деспотизмом и столпничеством.

В чем заключается задача общественного устройства? В согласовании воли. А для него нужна какая-

³⁶ #313/444.

нибудь согласительная формула. Справедливость, доступная людям, их удовлетворяющая, им дорогая, для них живая справедливость, психологически всегда была, есть и будет не что иное, как формула соглашения, или компромисса.

Когда жизнь отменяет справедливость как мертвое, отвлеченное, ей чуждое, ее насилующее начало? Когда справедливость не способна исполнить свою важнейшую функцию — быть формулой соглашения, или компромисса, когда она говорит: “врагу пощады нет!”

Классовая борьба, популярнейшая идея русской революции, потому и пришлась ей так ко двору, что русские люди менее чем кто-либо воспитаны в компромиссе и к компромиссу. Современный, так называемый научный социализм, ставя во главу угла идею классовой борьбы, будущее общежитие динамически, эволюционно обосновывает на начале принуждения, в противоположность началу соглашения. В этом — основная идейная противокультурность и противообщественность, — я бы сказал, противосоциалистичность научного социализма»³⁷.

3. Интеллигенция чрезмерно политизирована. Она была не в состоянии вместить в себя более широкие культурные запросы нации, без удовлетворения которых всякая политика «повисает в воздухе».

«Культурную эволюцию такой нации, как русская, нельзя втиснуть в рамки какой-нибудь одной или двух политических или социальных идей. Незрелость и умственный фетишизм русской интеллигенции во время революции сказался именно в этом всепоглощающем политичесизме, который на наших глазах превратился в политический *Katzenjammer* и в политическую прострацию»³⁸.

«Этого мы, русские образованные люди, все еще как-то не понимаем; мы все еще как-то остаемся загнипнотизированными вчерашним, подготовительным “чисто-поли-

³⁷ #333/130-131.

³⁸ #372/197-198.

тическим” характером культурной борьбы. После всего, что пережито нами, безнадежно отправляться от идеи “борьбы с правительством” как момента, могущего определить и исчерпать культурно-политическое творчество русского общества. Между тем, как часто приходится убеждаться, что мысль многих и многих способна танцевать только от этой печки! Карфаген абсолютизма — поскольку он еще уцелел, — конечно, должен быть разрушен. Но никакое культурное творчество не может быть управляемо отрицательной идеей. И для того, чтобы разрушить Карфаген абсолютизма, русскому обществу гораздо важнее внутренне поздороветь и окрепнуть в положительном творчестве, чем в каталептическом состоянии приковать всю свою духовную силу к образу “исконного врага”»³⁹.

4. У интеллигенции полностью отсутствовало государственное мышление. Она не могла понять, что «государство» есть нечто большее, нежели «правительство». Интеллигенция отождествляла оба понятия, рассматривая государство в качестве совокупности людей, облеченных административной властью. Это, утверждал Струве, — примитивный антропоморфизм⁴⁰. Из такого смешения сущностей проистекал целый ряд негативных следствий, а именно: а) неспособность признать наличие каких-либо общих интересов, объединяющих власть и общество ради государственного блага, и, следовательно, нежелание сотрудничать с правительством, даже когда это было необходимо; б) утрата национального чувства и интерпретация патриотизма как заискивания перед властями, несмотря на то, что в действительности понятие «патриотизм», подобно понятиям «нация» и «государство», гораздо шире любого «правительства»; в) неуважение к закону как системе правил, скрепляющих общество воедино, и вытекающая отсюда готовность жертвовать правом ради сиюминутных политических выгод.

³⁹ #348/12; написано в декабре 1907 года.

⁴⁰ Об этом см.: #352/147-148; #360/187.

В целом Струве видел в русской интеллигенции начало анархическое, духовного наследника первых казаков, славившихся отрицанием нации, государства и всех сопутствующих ценностей: «В этой враждебности, приравнивающей “государство” к “начальству” и отечество к “его превосходительству”, “государственное начало” к “старому” или “существующему порядку” сказывается рабья психология, образовавшаяся в невольной отчужденности от государства, которая стала привычным, нормальным, единственным “приличным” к нему отношением. Это в то же время полицейская психология навыворот»⁴¹.

Сталкиваясь с упреками в том, что его идеи опасны, поскольку помогают реакционерам преследовать интеллигенцию, Струве отвергал подобные обвинения как неубедительные: в конце концов, кадетскую аграрную программу тоже ведь можно было обвинить в разжигании погромов в деревне⁴².

По его мнению, проблема обострилась до предела. Если представится еще одна возможность демократизировать русскую систему власти, интеллигенция будет просто обязана справиться с этой задачей, а иначе история повторится с куда более трагичными последствиями. Отсюда следовало, что главные проблемы тех дней лежали отнюдь не в плоскости политической стратегии или тактики, как то было до октября 1905 года: «Из политического тупика, в который мы попали, страну может вывести только политическое и моральное перевоспитание русской интеллигенции»⁴³.

Но что конкретно имелось в виду под «политическим и моральным перевоспитанием интеллигенции»? Струве понимал под этим ее обновление с помощью «культуры» и патриотизма. Последовательно рассмотрим каждое из этих понятий.

⁴¹ #356/115.

⁴² #388/344.

⁴³ #339/234.

Струве употреблял термин «культура» в таком значении, которое было не слишком близко русской аудитории того времени. Для его читателей культура означала одну из двух вещей: либо совокупное интеллектуальное и художественное наследие человечества, хранящееся в библиотеках и музеях, либо «материальную культуру», то есть плоды экономической деятельности. Струве же, рассуждая на данную тему, подразумевал совершенно иное. Говоря о «нехватке культуры» у русской интеллигенции или о «культуре» как национальном приоритете, он отнюдь не убеждал своих читателей читать побольше или пить поменьше. Расцвет литературы, искусства, высокие жизненные стандарты казались ему лишь продуктами «культуры», а не ее сущностью. Сама же культура представляла собой духовный процесс, который предполагал умение индивидов и общества в целом сначала определять для себя ценности и цели, а потом активно добиваться их воплощения. Культура означала триумф сознания над стихийностью, человеческой воли над хаосом, человека — над природой.

По-видимому, описанная концепция была заимствована Струве у Канта. Немецкий мыслитель определял культуру как «способность мыслящего существа задавать себе цели», то есть уметь подняться над ограничениями среды ради свободного созидания собственной жизни. Согласно Канту, подобная задача стояла как перед индивидами, так и перед обществом в целом. При таком взгляде история представляла эволюцией человечества от примитивной «грубости» по отношению к государству к более сознательному состоянию, то есть к большей свободе. Такая эволюция могла происходить только в социальном контексте; в Аркадии никакой культуры быть не могло. В кантианскую теорию культуры были встроены три положения: заинтересованность личности в собственном интеллектуальном и моральном развитии (*Bildung*); самодисциплина, с помощью кото-

рой человек преодолевает «деспотизм желаний»; и возможность участия в социальной деятельности⁴⁴.

У Струве мы находим сходную концепцию: «Культура есть творчество, сознательное и намеренное преобразование действительности в соответствии с идеалами, замена стихийного, от человека не зависящего, состояния вещей, разумно и целесообразно выработанными условиями и формами духовно-общественного бытия. Культура есть гуманизация, подчинение стихии природной, как и стихии общественной, духу мыслящего человечества, борьба сознания и воли с “древним хаосом”. ... Человечество берет свою судьбу в свои собственные руки, хочет двигаться вперед не наугад, по воле слепого случая и случайного столкновения сил, а сознательно, в полном соответствии со своими идеалами и целями»⁴⁵.

Для Струве, как и для Канта, созидание культуры — это процесс, основанный на сотрудничестве между личностью и обществом. Следовательно, разрыв с социумом, типа проповедуемого Толстым, — антикультурен. Еще более пагубны для культуры попытки деспотов как старого, «аристократического» склада, так и новых вроде «демократов»-якобинцев, отвлечь личность от приверженности собственным целям. С обществом, состоящим из таких несвободных людей, происходит то же, что с человеком, вырванным из социальной жизни и становящимся бесплодным в культурном отношении. Лишь свободная личность открыта для творчества:

«Мы не знаем и не можем допустить иного творца и носителя абсолютных ценностей, кроме личности и ее духовной жизни. Воплощение идеала в действительность, образующее сущность культурного творчества, может совершиться лишь проходя через ту точку бытия, в которой мир идеала скрещивается с миром действитель-

⁴⁴ Rudolf Eisler (ed.). Kant-Lexikon. — Berlin, 1929-1930. — S. 322-325; Raoul Richter (ed.). Kant-Aussprüche. — Leipzig, 1909. — S. 228-229.

⁴⁵ #306/174-175.

ности и творение абсолютных ценностей совмещается с их реализацией в эмпирической жизни, эта точка есть личное сознание, духовная жизнь мыслящей и действующей личности. Все идеалы, без различия их содержания, суть свободные творения личности. Личность создает науку, искусство, мораль; даже в религии, где личность часто отрицает самое себя, склоняясь перед высшим началом, это начало творится ею же. Не в материальной силе и не во внешней обстановке жизни лежит источник и корни культуры; они таятся в глубинах личного сознания, и все великие перевороты, определявшие судьбу царств и народов и изменявшие лицо земли, питались мыслями и упованиями, родившимися в тиши уединенной работы духа.

Отсюда следует, что свобода личности есть первое и существеннейшее условие культуры. Простор для духовного творчества, безусловное признание за каждой личностью права созидать идеал и действовать во имя его, образует принцип, непосредственно указуемый самой идеей культуры и из нее вытекающий. Нарушить этот принцип значит подрезать у дерева культуры его самые глубокие питательные корни. Везде, где это совершается ради торжества определенного учения, общественного порядка, господствующего склада жизни — во имя части, уголка, клочка культуры отвергается и попирается идея культуры как целого, как неистощимо развивающегося запаса духовного богатства»⁴⁶.

«Культура никогда не фабрикуется — она всегда творится. В качестве идеала общественного устройства, приспособленного к культурному прогрессу, для нас вырисовывается не деспотизм — все равно какой, демократический или аристократический, — а общежитие, строй которого тонко и тщательно приспособлен к равновесию между общественной организацией и свободой личности. Но это равновесие всегда будет оставаться колеблющим-

⁴⁶ #306/171-172.

ся, неустойчивым, и именно эта неустойчивость есть условие творчества и жизни культуры»⁴⁷.

Предложенная Струве трактовка культуры абсолютно не вписывалась в его понимание интеллигенции; для него русский интеллигент был прямой антитезой *Kultur Mensch*. Последний культивировал себя и ставил перед собой цели, в то время как первый полностью растворялся в политике и заимствовал идеалы у других. Культура требовала ответственного отношения к жизни; интеллигенция между тем погрязла в отрицании и отгораживалась от любой ответственности. Культура основывалась на компромиссе, на готовности считаться с тем, что ближние также имеют право на личные цели; интеллигенция же оставалась бескомпромиссной, нетерпимой, тоталитарной, стараясь к тому же внушить подобные установки и обществу. Отсюда знаменитый призыв Струве к русскому обществу: «Общество должно задуматься над самим собой»⁴⁸.

Это обращение, обнародованное в 1909 году, вызвало шок в кругах русских интеллектуалов, окончательно улегшийся только после того, как разразившаяся мировая война заставила забыть обо всем прочем. Со времен Новикова, то есть с конца XVIII столетия, русская интеллигенция считала своим первейшим долгом самопожертвование. Преданность общему благу вместо отстаивания личных интересов (в какой бы то ни было форме) была именно тем качеством, которое в глазах интеллигента отличало его от обывателя⁴⁹. Подобная самооценка граничила с тщеславием и манией величия. Именно этот образ стал главной мишенью Струве: в зеркале, которое он предложил интеллигенции, отражался весьма несимпатичный лик, а рекомендованные им лекарства были в высшей степени неприятны.

⁴⁷ #306/179.

⁴⁸ #372/203.

⁴⁹ Об этом см. мои работы: Россия при старом режиме. – М., 1993. – С. 330; Russian Conservatism in the Second Half of the Nineteenth Century. – *Slavonic Review*. – Vol. 30. – № 1 (March, 1971). – P. 121-128.

Второй идеей, предлагаемой Струве в качестве панацеи от русских недугов, был национализм.

Две его статьи, опубликованные в *Русской мысли* — «Великая Россия» (#352) в январском номере и «Отрывки о государстве» (#360) в майском, — стали литературной сенсацией 1908 года. Обе представляли собой фрагменты незаконченной рукописи о «государстве и революции», работа над которой началась сразу же после роспуска II Государственной Думы⁵⁰. В этих трудах Струве черпал вдохновение из нескольких источников. Сам лозунг, давший название первой статье, был выдвинут Столыпиным в знаменитой речи, произнесенной 10 мая 1907 года. Премьер-министр, имея в виду радикалов, заявил тогда следующее: «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»⁵¹ Теоретические основы этих писаний формулировались под влиянием британской и германской мысли. Сам Струве говорил о том воздействии, которое оказала на него книга Дж.-Р. Сили «Расширение Англии», столь его восхитившая, что он убедил своего шурина перевести ее на русский⁵². Карьера Бисмарка и работы Трейчке также сыграли заметную роль в его эволюции того времени. Результатом явилась смесь британских империалистических и германских националистических идей, для России совершенно чуждая, причем не только с точки зрения интеллигенции, но и тех властных кругов, которые агрессивно (но в целом неидеологично) проводили империалистическую и националистическую политику.

⁵⁰ Говорят, что в ходе публичной лекции, прочитанной весной 1908 года, Струве заявлял о том, что идеи, изложенные в «Великой России», впервые были положены на бумагу до отъезда в Штутгарт, то есть до декабря 1901 года, а в 1908 году он якобы просто подготовил ту рукопись к публикации. См.: *Русское богатство*. — № 11. — 1908. — С. 58. У меня нет возможности проверить эту информацию.

⁵¹ *Государственная Дума. Стенографический отчет*. — 2-я сессия, V, 36, 10. — 1907.

⁵² См.: Дж.-Р. Сили. *Расширение Англии*. — СПб., 1903. — (Перевод В.А. Герда.) См.: #356/126; #358/210 прим.; #516/48.

Главная мысль упомянутых эссе заключалась в том, что наиболее эффективным политическим средством от русских недугов является наращивание государственной мощи, то есть утверждение твердой, но реалистичной империалистической позиции.

«Обычная, я бы сказал, банальная точка зрения благонамеренного, корректного радикализма рассматривает внешнюю политику и внешнюю мощь государства как досадные осложнения, вносимые расовыми, национальными или даже иными историческими моментами в подлинное содержание государственной жизни, в политику внутреннюю, преследующую истинное существо государства, его “внутреннее” благополучие.

С этой точки зрения всемирная история есть сплошной ряд недоразумений довольно скверного свойства.

Замечательно, что с банальным радикализмом в этом отношении совершенно сходится банальный консерватизм. Когда радикал указанного типа рассуждает: внешняя мощь государства есть фантом реакции, идеал эксплуататорских классов, когда он, исходя из такого понимания, во имя внутренней политики отрицает политику внешнюю, — он в сущности рассуждает совершенно так же, как рассуждал В. К. фон Плеве. Как известно, фон Плеве был один из тех людей, которые толкали Россию к войне с Японией, толкали во имя сохранения и упрочения самодержавно-бюрократической системы.

Государство есть “организм”... совершенно особого свойства.

Можно как угодно разлагать государство на атомы и собирать его из атомов, можно объявить его “отношением” или системой “отношений”. Это не уничтожает того факта, что психологически всякое сложившееся государство есть как бы некая личность, у которой есть свой верховный закон бытия.

Для государства этот верховный закон его бытия гласит: всякое здоровое и сильное, то есть не только юридически “самодержавное” или “суверенное”, но и факти-

чески самим собой держащееся государство желает быть могущественным. А быть могущественным значит обладать непременно “внешней” мощью. Ибо из стремления государств к могуществу неизбежно вытекает то, что всякое слабое государство, если оно не ограждено противоборством интересов государств сильных, является в возможности (потенциально) и в действительности (*de facto*) добычей для государства сильного. ...

Отсюда получается тезис, который для обычного русского интеллигентского слуха может показаться до крайности парадоксальным:

Оселком и мерилom всей т.н. “внутренней” политики как правительства, так и партий должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует т. наз. внешнему могуществу государства?»⁵³

Внимательный исследователь жизни и творчества Струве едва ли будет удивлен подобными декларациями, столь шокировавшими его современников. Я уже говорил о его юношеских увлечениях панславизмом, социал-дарвинизмом и писаниями Достоевского, а также о неортодоксальной позиции накануне русско-японской войны, когда наперекор своим друзьям из Союза освобождения Струве отказался заниматься пораженческой пропагандой⁵⁴. Что действительно удивляет, так это крайняя, бескомпромиссная и нарочито провокационная формулировка националистических идей. Струве, несомненно, чувствовал это, поскольку позже признавал, что с тяжелым сердцем отправлял рукопись издателю, опасаясь, что его идеи будут истолкованы превратно⁵⁵.

Свой главный тезис — положение о том, что необходим перенос акцентов с внутренней политики на внешнюю, — он подкрепил двумя конкретными рекомендациями. Во-первых, России необходимо сместить вектор своей

⁵³ #352/143-144.

⁵⁴ См.: *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал. — С. 27-32; 479-480.

⁵⁵ #358/210.

экспансионистской политики с Дальнего Востока на бассейн Черного моря, где следует добиваться экономической и военной гегемонии (в 1904 году он уже говорил об этом на страницах *Освобождения*). Во-вторых, Россия должна покончить с национальным вопросом в собственных границах, в особенности в отношении поляков и евреев. Евреям, по его мнению, следовало предоставить все гражданские права, тем самым наделив их «естественной» ролью проводников русской экономической и культурной экспансии. Польша, как часть Российской империи, должна служить связующим мостом между русскими и славянами Австро-Венгрии. Ради этого русская политика в Польше должна стать «разумной»; это положение, правда, не расшифровывается. В целом рассматриваемая статья была воспринята как призыв к более тесным отношениям с Англией, поддержку со стороны которой в русском соперничестве с Германией Струве считал исключительно важной.

Что касается «Отрывков о государстве» (#360), то эта работа носила еще более провокационный характер. Отталкиваясь от ранее провозглашенного тезиса о том, что государство есть «организм», Струве рассуждает здесь о его «мистической сущности». Мистика государства являет себя в раскрываемом во времена войн желании его граждан отдавать за него свои жизни. Кроме того, в «Отрывках» рассматривается вопрос о важности языка в обеспечении национального единства, а также высказывается ряд глубоких мыслей о религиозных основаниях человеческого отношения к нации и государству.

В подготовке этих эссе Струве явно опирался на исторический опыт и интеллектуальные традиции Англии и Германии. Сили обогатил его идеей о «превосходстве внешней политики»; именно в готовности англичан подчинять внутреннюю жизнь нации внешнеполитическим задачам он усматривал основу британского величия³⁶. Ка-

³⁶ Во вступительном слове к переизданию книги Сили (Chicago & London, 1971) Джон Гросс называет эту тему центральной. См.: р. xv.

рьера Бисмарка также убеждала его в том, что разрозненную нацию можно объединить путем энергичной внешней экспансии⁵⁷. По его мнению, два наиболее передовых государства того времени продемонстрировали (каждое по-своему), что путь к национальному величию лежит через активную внешнюю политику: чем успешнее государство борется за место под солнцем, тем стабильнее развивается национальное целое.

Если бы в России можно было организовать серьезную политическую дискуссию, то в ходе нее без труда удалось бы показать логические просчеты и исторические натяжки аргументации Струве. В данном случае он явно путал причину со следствием. Готовность современных ему Англии и Пруссии к проведению экспансионистской политики представляла собой итог уже достигнутого национального единства, а отнюдь не его стимул: она свидетельствовала о переизбытке национальной энергии, который в британском случае вылился в колониальные захваты, а в прусском — в объединение страны. Согласно собственным наблюдениям Струве, Российская империя того времени не слишком походила на Англию или Германию. В России, по его неоднократным замечаниям, идеи государственности и национальности пребывали в эмбриональной стадии, причем значение этих понятий было недоступным ни для официоза, ни для интеллигенции, ни для народа. В связи с этим оставалось загадкой, кто именно возьмется за осуществление целенаправленной, неустанной, рациональной экспансионистской политики, на которой Струве так энергично настаивал. За всю свою публицистическую карьеру он не допускал столь серьезных промахов, как в этих двух эссе. И никогда выдвигаемые в его адрес обвинения в доктринерстве не были более оправданными.

Но настоящей критики было, к несчастью, совсем немного. Пресса, как левая, так и правая, встретила новые публикации Струве в обычном оскорбительном тоне. В ос-

⁵⁷ #352/155-156.

новном энергия газетчиков была направлена на выяснение того, кто стоит за этими статьями. Меньшиков, ведущий публицист *Нового времени*, называл Струве «озлобленным дурачком из подполья», отождествляя его с «евреями» и намекая, что именно в их интересах, заключающихся в разжигании европейской войны, он действует⁵⁸. Социалистические журналисты третировали его как глашатая Столыпина и наймита «буржуазии»⁵⁹. Одним словом, в то время как реакционеры отвергали идеи Струве на том основании, что некогда он был слишком радикален (и, следовательно, не заслуживает доверия), левые делали то же самое, отталкиваясь от обратного — раз он покинул радикалов, то иметь с ним дело нельзя. Принципиальную поддержку его идеям оказывало только *Слово*, орган «прогрессистского» политического движения, с которым в то время Струве поддерживал тесные отношения.

До публикации «Великой России» кадетское руководство, даже будучи недовольным публичными заявлениями Струве, старалось избегать открытой полемики с ним. Ныне с этой деликатностью пришлось покончить. Защита национализма и империализма, рассуждения о «мистике» государства и восхваление войны не могли оставаться без ответа, поскольку подобные идеи подрывали горячо лелеемый кадетами образ левоцентристской и «прогрессивной» организации. Кроме того, Струве сам являлся видным кадетом, основателем и издателем *Освобождения*, членом ЦК партии и в глазах многих представлял влиятельную партийную фракцию. Дальнейшее игнорирование его заявлений могло создать впечатление, будто бы подобные взгляды встречены кадетами с одобрением, а это совсем не соот-

⁵⁸ *Новое время*. — № 11424. — 1 января 1908. — С. 7.

⁵⁹ См.: А. Пешехонов. На очередные темы: писатель, который не ведет, куда хочет. — *Русское богатство*. — 1908. — № 11. — С. 56-67; Н. Иорданский. Вопросы текущей жизни. — *Современный мир*. — 1908. — С. 85-100; *Русь*. — № 109. — 21 апреля 1908. В последней публикации Струве был назван «философом с Елагина» — намек на официальную резиденцию Столыпина.

ветствовало действительности. Кадетов смущали не только предельно откровенные националистические и империалистические формулировки Струве; подобные идеи не воспринимались ими даже в смягченной форме, получившей широкое хождение среди западных либералов того времени. В начале XX века русские либералы продолжали проповедовать тот самый космополитичный либерализм, который был характерен для западной либеральной мысли столетием раньше и с тех пор уже вышел из моды. Поскольку в России консервативные партии были националистическими *par excellence*, а их национализм зачастую пахивал ксенофобией, кадеты солидарно со всей оппозицией отождествляли национализм с политической реакцией. Для еврейских приверженцев партии национализм означал погромы, для польских или украинских сторонников — русификацию, для друзей в рядах «демократической интеллигенции» — злонамеренное отвлечение сил страны от насущных внутренних надобностей. Читая протоколы заседаний кадетского Центрального комитета, не устаешь удивляться тому, насколько рефлекторным по своей природе был страх кадетов перед национализмом: любое проявление национальных чувств кадетские лидеры интерпретировали как весьма опасный процесс, автоматически укрепляющий монархию. Когда страна оказывалась на грани войны, кадеты неизменно впадали в ступор, не зная, как поступить: открытая поддержка правительства грозила отождествлением партии с монархией и проводимой ею внутренней политикой, но противодействие власти позволяло обвинить конституционных демократов в отсутствии патриотизма. И то, и другое было чревато потерей поддержки народных масс⁶⁰. Настойчивые попытки Струве заставить коллег отказаться от подобной позиции и перехватить на-

⁶⁰ Эти колебания особенно заметны в дискуссии, состоявшейся на заседании ЦК 12 октября 1912 года, незадолго до начала первой балканской войны, когда многие опасались, что Россия будет втянута в конфликт на стороне Сербии. См.: ГА РФ. — Фонд 523, оп. 1, ед. хр. 30.

ционалистическое знамя у реакционеров (которых он в любом случае считал лишенными подлинного патриотизма) наталкивались на стену непонимания. Формально кадеты по-прежнему проводили весьма осторожную стратегию во всех вопросах, касающихся дипломатии и национальных меньшинств. Они предпочитали традиционный либеральный курс, подчеркивающий приоритет внутренней политики над внешней, отвергая «заграничные авантюры» и, не вдаваясь в детали, обещали национальным меньшинствам удовлетворение их «законных требований»⁶¹.

Таким образом, в результате публикации двух отрывков из «Государства и революции» Струве впервые столкнулся с критикой из либерального лагеря. Ведущие представители кадетской партии, а также некоторые публицисты, ранее благосклонные к Струве, теперь взяли за него всерьез. Эти процессы, начавшиеся в 1908 году, ускорили его расставание с либеральным движением.

Один из критических откликов на рассуждения Струве о национализме и империализме вышел из-под пера Дмитрия Мережковского. Благодаря своему таланту делать простые идеи сложными, а сложные — непостижимыми, Мережковский заслужил репутацию мудреца. На самом же деле он явно страдал упрощенчеством. Прославившись после выхода книги, в которой «почитатель духа» Достоевский противопоставлялся «почитателю плоти» Толстому, Мережковский и впредь применял примитивную дихотомию тезиса и антитезиса в качестве основы, на которую нанизывал свои легковесные идеи. Ту же тактику он использовал и против Струве. В статье, опубликованной в полуофициальной кадетской газете

⁶¹ Я хотел бы подчеркнуть слово «формально», поскольку уже тогда отмечалось (а весной 1917 года, когда кадеты приняли на себя ответственность за внешнюю политику, стало очевидным), что их антинационализм и антиимпериализм были обусловлены не столько искренним убеждением, сколько тактическими соображениями.

Речь, он объявил национализм «зоологическим» феноменом, а самого Струве — «зоологическим патриотом». «Государство» и «свобода» (или «человечность») — понятия несовместные; он, Мережковский, любит свободу больше, чем родину. Струве же обвинялся в том, что сила для него превышает духа, а его политические идеалы сродни идеалам Николая I⁶². Отвечая, Струве попытался придерживаться сути дела, поскольку считал Мережковского серьезным оппонентом, но не слишком преуспел в этом, и дискуссия свелась к обмену банальностями. Впрочем, полемизировать с человеком, которому государство казалось «Зверем», противостоящим «Богу», было попросту невозможно⁶³.

«Великая Россия» вызвала многочисленные отклики и за границей, где в статье усмотрели свидетельство усиливающейся российской агрессивности на Балканах. Немецкий специалист по русской истории Теодор Шиманн, уверенный в том, что убеждения Струве совпадают со взглядами министра иностранных дел Извольского, посвятил данной проблеме пространный комментарий в консервативной газете *Neue Preussische Zeitung*. Присущую Струве патологическую боязнь Германии он называл «исторической галлюцинацией»; далее он утверждал, что призывы к русскому господству на Черном море и новые инициативы в Польше говорят о том, что Россия готовится к войне с Турцией, а конечном счете — с Австро-Венгрией и Германией⁶⁴. В Англии, разумеется, материал был воспринят теплее, а Бернард Парэс даже опубликовал пе-

⁶² «Красная шапочка». — *Речь*. — № 47. — 24 февраля 1908. — С. 2. Впервые Струве встретился с Мережковским в 1886-87 годах, будучи гимназистом. См.: 35/10-27b.

⁶³ Ответ Струве: 08/2-24 (перепечатано в: #356/109-119); последующее возражение Мережковского: *Речь*. — № 65. — 16 марта 1908. — С. 2; заключительные ремарки Струве: 08/3-18 (перепечатано в: #356/119-127).

⁶⁴ Статья Шиманна была перепечатана в издаваемом им альманахе: Ответ Струве Шиманну см.: #354/185-188. «Deutschland und die Grosse Politik anno 1908». — Berlin, 1909. — S. 84-92.

ревод «Великой России» в своем журнале *The Russian Review*⁶⁵.

Если не считать нескольких газетных откликов⁶⁶, наиболее внушительную отповедь Струве получил со стороны Николая Бердяева, своего бывшего единомышленника и почитателя (хотя и достаточно критичного). Бердяев начал литературную карьеру под покровительством Струве⁶⁷ и некоторое время шел по пути, проложенному ментором: от социал-демократии к Союзу освобождения, а затем — к отказу от активной политики в пользу занятий философией. Он регулярно печатался в редактируемых Струве изданиях, включая *Полярную звезду* и *Русскую мысль*, а также выступил соавтором сборников «Проблемы идеализма», «Вехи» и «Из глубины». Иными словами, Бердяев относился к тем русским интеллектуалам, которые на рубеже веков выросли под влиянием Струве и по примеру последнего совершили тот же переход от материализма и социализма к идеализму и либерализму. В 1906 году Бердяев называл Струве «самым выдающимся человеком в конституционно-демократической партии» и «единственным, быть может, в России творческим политическим умом»⁶⁸. Но уже в то время он считал «лидера и идеолога кадетской партии» «трагической фигурой», обреченной на неудачу. Бердяев чувствовал, что Струве не способен осознать «религиозную основу» русской души: оставаясь «скептиком», он был не в состоянии услышать биение русского сердца.

⁶⁵ «A Great Russia». — *The Russian Review*. — II. — no. 4 (November, 1913). — P. 11-30. Позднее Парэс писал, что «так называемое неославянофильское движение развивалось в духе тех предначертаний, которые были намечены Струве». См.: *The Fall of the Russian Monarchy*. — London, 1939. — P. 170-171.

⁶⁶ См. выступления А.Р. в *Северной почте* (№ 242. — 20 февраля 1908) и Е.Н. Трубецкого в *Московском еженедельнике* (1908. — № 11. — С. 3-13).

⁶⁷ См.: *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал. — С. 416.

⁶⁸ См. статью «Русская Жиронда», в 1906 году опубликованную в газете *Наша жизнь*, а позже перепечатанную в книге Бердяева «Sub specie aeternitatis»: *Н. Бердяев*. Указ. соч. — С. 392.

Бердяев начал критиковать своего учителя в 1907 году. По его мнению, Струве не понял, что единственным противоядием от отравы революции является религия, активная и даже воинствующая вера, готовая вступить на политическую арену и дать бой радикализму во всех его формах и проявлениях. Струве же, с головой ушедший в вопросы политической тактики, не замечал того факта, что и правые, и левые экстремисты, с которыми он полемизировал, возбуждали народ апелляциями к религиозному в своей основе энтузиазму, не имеющему ничего общего с лелеемыми им «моральными» ценностями:

«Россия отдана уже волею судеб во власть крайностей, черные и красные цвета господствуют, и тут не бледные теории нужны, умеренные и бестемпераментные, а новые, пламенные идеи. Такими идеями могут быть только идеи религиозные, не менее радикальные, чем социал-демократические или черносотенные. Пока Струве этого не сознает, все заложенные в нем потенции приведут его к малому. Он ведь скептик, и потому не знает секрета власти над сердцами, секрета, который знают люди красного и черного цвета»⁶⁹.

«Великая Россия» и отклики на нее утвердили Бердяева в данной позиции⁷⁰. В конце концов он заключил, что, вопреки намекам левых и правых, повлиять на убеждения Струве со стороны невозможно. «Струве по характеру своему, — отмечал он, — один из наименее оппортунистических писателей России». Но проводимая последним апология государства казалась ему весьма неубедительной и фактически дискредитировавшей заявления о том, что нация должна подчинить себя государственному началу. Струве в его глазах оставался западником-рационалистом, которому одинаково чужды и «мистическое чувство истории», и «таинственная душа России». Делая подоб-

⁶⁹ Там же. — С. 396.

⁷⁰ Н. Бердяев. Россия и Запад. — Слово. — 11 июля 1908. — С. 2-3. См. также ответ Струве: 08/7-11.

ные утверждения, Бердяев опирался на славянофильское положение о фундаментальной разнице между Россией и Западом, то есть на тезис, опровержению которого Струве посвятил всю свою жизнь и разногласиям по поводу которого суждено было развести двух мыслителей по разным лагерям после революции 1917 года.

Нападки со стороны Мережковского, а еще более — Бердяева, побудили Струве публично уточнить свои позиции по проблеме религии и ее взаимоотношениям с политикой. Он занимался этим с большой неохотой, поскольку всегда считал религию исключительно личным делом. Но вопрос не терпел дальнейшего отлагательства, поскольку с самого начала XX века среди его друзей-интеллектуалов все ощутимее набирала силу тенденция по политизации религии, крепло обозначенное Бердяевым (и уже упоминавшееся выше) стремление использовать ее в качестве оружия против левых. К подобным инициативам Струве относился с большим сомнением. С осени 1907 года по весну 1909-го он активно разрабатывал собственную философию религии; в течение этого периода в присущей ему бессистемной манере он попытался зафиксировать свои взгляды на сущность религии и соотношение ее с политикой в нескольких статьях⁷¹. Кульминационной фазой этого этапа стала лекция «Социализм и религия», прочитанная 18 марта 1909 года в Религиозно-философском обществе в Санкт-Петербурге. То был один из случаев, когда выступление Струве в качестве лектора привлекло толпы любопытных, которые стояли даже на сцене и заполнили все коридоры, ведущие к аудитории. Присутствовавший на лекции Александр Блок был глубоко тронут происходящим. «Сегодня, — записал он в своем дневнике, — из сидевших за столом умных людей самый “позитивный” (Струве) говорил о “величайшем страдании”, как о должном, так при-

⁷¹ См. наиболее важные из них: #343, #355, #356, #360, # 372, #376, #380.

вычно и просто. Остальные даже не говорили — оно написано у них на лицах»⁷².

Струве воспринимал религию в той максимально личностной, индивидуалистичной манере, которая была характерна для протестантизма, но оставалась весьма чуждой православной традиции. Ее основная идея отражена в изречении Христа: «Царство Божие внутри вас есть» (Лук. 17:21). Религия означала для него признание личной ответственности перед Богом; она основывалась на прямом контакте человека с трансцендентным началом, не нуждающемся в институциональных посредниках или догмах. Индивидуализм, по мнению Струве, играл столь важную роль в подлинном религиозном опыте, что само происхождение личностного начала он приписывал христианству⁷³. Принципиальным качеством религиозного сознания был *подвиг* — термин, который в данном контексте означает духовный героизм, прорыв духа за собственные пределы и рамки. «После христианства, которое учит не только подчинению, но и любви к Богу, основным неотъемлемым элементом всякой религии должна быть, не может не быть вера в спасительную силу и решающее значение личного творчества или, вернее, личного подвига, осуществляемого в согласии с волей Божией. ...Не может быть религии без идеи Бога, и не может быть ее без идеи личного подвига»⁷⁴.

⁷² См. газетный репортаж: *Слово*. — 20 марта 1909. — С. 7. Расширенная и переработанная версия этой лекции была опубликована отдельно: #380. Цитату Александра Блока см.: *А. Блок. Собр. соч.* в 8-ми томах. — М.-Л., 1963. — Т. VII. — С. 166.

⁷³ #316/756.

⁷⁴ #376/132-133. Весьма странным представляется тот факт, что для Струве идея не только карающего, но и любящего Бога была связана исключительно с христианством, поскольку те же положения были фундаментальными и для древнего иудаизма. (См., к примеру, следующий стих Ветхого Завета: «И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими» (Втор., 6:5) — фрагмент ежедневной молитвы каждого правоверного иудея.) У человека столь обширной эрудиции, каким являлся Струве, подобное невежество в вопросах иудейской религии и культуры выглядит более чем странно.

Понимаемая подобным образом религия была тесно связана с предложенной Струве концепцией культуры, в центре которой также лежало стремление личности к созданию «ценностей» и постановке «целей». Фактически, религия была для него всего лишь одной из нескольких «систем культуры» наряду с искусством, этикой, наукой, правом и экономикой⁷⁵, каждую из которых отличала собственная ценностная организация и вытекающая из такой совокупности поведенческих установок. Особенностью религии было осознание пропасти, отделяющей повседневную жизнь от высших форм бытия: «Религия есть признание и переживание ценностей, которые выходят за пределы личного или социального существования, т.е. жизни в эмпирическом смысле этого слова. Иными словами, религия есть признание и переживание *трансцендентных* ценностей. ...“Религия” и “опыт” существуют лишь там, где человек ощущает грань, проходящую между имманентным, эмпирическим бытием и бытием трансцендентным...»⁷⁶

Такое определение влекло за собой целый ряд выводов, совокупным результатом которых стал отказ Струве от теологии «богочеловечества» Владимира Соловьева и разрыв с такими последователями этого мыслителя, как Бердяев и Булгаков.

Яблоком раздора оказалась, выражаясь словами Струве, проблема «материализации Царства Божия на земле», то есть вопрос о том, можно ли воплотить в физическом мире такую духовную сущность, как Царство Божие. Струве признавал, что понятие «материализации» некогда играло центральную роль в христианстве, поскольку на ранних этапах помогало обращать в новую веру язычников. Тем не менее сама идея казалась ему неприемлемой по двум основаниям: во-первых, она разрушала мистическую природу подлинного религиозного опыта, а во-вторых, давно превратилась в анахронизм.

⁷⁵ См.: #445/29 и #579/6.

⁷⁶ #380/148.

Поскольку осознание контраста между материальным и трансцендентным составляло саму суть религиозного опыта, любое усилие, направленное на переустройство мира в соответствии с религиозными идеалами, — насаждение религиозных начал в суетном и греховном мире — было заведомо тщетным. Оно лишало религию ее сокровенной тайны, предполагавшей наличие непреодолимой пропасти между экзистенцией и трансценденцией. Возражая Мережковскому, Струве противопоставлял «богоматериализм» этого писателя «внутренней» религии, которая не имела ничего общего с «феериями» и, следовательно, была более мистичной, ибо «мистицизм состоит в прикосновении к тайне, а не в раскрытии ее, не в материальном и всецелом овладении ею. Богоматериализм разворачивает религию в материализованные догматы, мистицизм таит ее в интимных переживаниях»⁷⁷.

Струве отвергал «христианскую политику». Он не мог понять, каким образом принципы религии можно преобразовать в политические или социальные установки. Религия должна отстраниться от мирских конфликтов, иначе она делается пустой и никчемной. Это особенно верно в отношении христианства, являющегося религией ухода *par excellence*. «Суть христианства как такового есть не обращение к миру с целью его преобразования и даже не перенесение этого преобразования из мира здешнего в мир нездешний, потусторонний, где люди наконец устроятся как следует, а отрешение от мира и его ценностей и постановка на их место новой ценности, «спасения души». Вот фактическая сущность христианства»⁷⁸. Аутентичное христианство, по его мнению, было безразлично к экономике, политике и даже к рабству. У Константина Леонтьева его особенно привлекла трактовка христианства как «жесточкой» религии и вытекающее отсюда леонтьевское чувство «греховности». Его восхищала борьба Леонтьева с «гума-

⁷⁷ #356/124.

⁷⁸ #445/32.

низированным», «розовым» христианством XIX столетия. В глазах Струве Леонтьев предстал куда более глубоким мыслителем и лучшим христианином, нежели подавляющее большинство его соотечественников⁷⁹. Он также разделял идею В.В. Розанова о том, что Христос «никогда не смеялся»⁸⁰.

Его вторым аргументом против попытки «материализовать» Царство Божие на земле стал тезис о том, что такая установка безнадежно устарела. Человечество все дальше уходило от примитивной магии, в рамках которой идеи воплощались в физических объектах, и стремилось к более «одухотворенным» формам жизни. Следовательно, религию как ценность необходимо изъять из оборота мирских надежд и чаяний:

«Хилиазмом в истории христианства называется учение или вера в близкое осуществление на земле тысячелетнего Царства Христова. Первоначальное христианство все проникнуто этой верой; все горит хилиастическим энтузиазмом. Та же вера в близкое, полное и осязаемое осуществление нового мирового и жизненного уклада двигала людьми в великую эпоху реформации, и времени великой революции была не чужда эта вера и эта мысль.

Христианство до сих пор не может внутренне переработать своего “хилиазма”. До сих пор именно около него кружится, страждет, борется с собой философствующая христианская мысль. В особенности верно это относительно русской философии христианства, “богоматериализма” Владимира Соловьева и его учеников, ожидающих “преображения космоса”. Теперь для современного христианского хилиазма существен, конечно, не вопрос о близости, не вопрос о сроке, а существо дела, вопрос о *материализации* Царства Божия в мировом и историческом процессе.

⁷⁹ 26/5-30.

⁸⁰ См. его комментарии к лекции Розанова «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира»: Записки С.-Петербургского религиозно-философского общества. – II. – СПб., 1908. – С. 33-36.

Христианство, когда рухнула его вера в близкое наступление Царства Божия, психологически потускнело, стало более внутренним и более трудным, “серым”. Осуществление его Царства Божия из божественной космической феерии, всем доступной и для всех увлекательной, превратилось в тончайший психический процесс, бесконечный, незавершимый, далеко не для всех доступный и не всем интересный. Современное “падение” религии связано с этим вековым процессом ее “спиритуализации”, ее разрыва с теологическим материализмом. Следует прямо сказать: религия в наше время открепилась от всяких материальных представлений и потому в данную эпоху развития человечества стала в буквальном и точном смысле слова делом аристократическим, доступным немногим “лучшим”. Что бы ни говорили идеалисты материального Царства Божия (из школы Соловьева), толпа утратила или все более и более утрачивает способность верить в его материализацию, а для религии внутренней необходимо перевоспитание человека, утончение всей его духовной личности. Носить и творить Бога в своей душе гораздо труднее, чем ожидать от него материальных чудес»⁸¹.

Отстаиваемая Струве концепция религии была настолько личной, настолько связанной с сокровеннейшими духовными чаяниями, что она побудила его отвергнуть как церковь, так и догму. Самое лучшее, что Струве мог сказать о «церковной религиозности», ограничивалось констатацией «терпимого» отношения к ней; при этом он не скрывал, что лично для него «религиозные ценности» гораздо выше каких бы то ни было религиозных институтов и ритуалов⁸². Он ни в коем случае не ожидал ничего хорошего от попыток последователей Соловьева основать в России новую церковь, более гуманную и социально вовлеченную, поскольку и без нее церквей, да

⁸¹ #343/220-221.

⁸² #318/130.

еще с древними традициями, было достаточно⁸³. По его мнению, массы не откликнутся на это усилие.

К догме Струве был особенно нетерпим, считая ее противной самому духу религии: «Отрицание догматизма имеет глубочайшее основание, метафизическое и в то же время религиозное и моральное. Догматизм есть притязание конечного сознания на всецелое обладание бесконечной или окончательной истиной. И как это ни может показаться парадоксальным, я утверждаю, что для современного сознания усиление подлинной религиозности может заключаться лишь во все большем и большем преодолении догматизма»⁸⁴. В подтверждение он указывал на Толстого, человека, полностью освободившегося от религиозного догматизма и несмотря на это оставшегося одним из величайших религиозных мыслителей России. Толстой для него воплощал религию будущего. Струве был уверен, что начнется новый религиозный подъем и что в рамках этого процесса произойдет второе рождение либерализма, изначально присущего христианству и сочетающего традиционный религиозный подвиг с творческим индивидуализмом⁸⁵.

Таким образом, стремление современного человека к полной свободе не могли удовлетворить ни церковь, ни догма, ни «материализованная» или «политизированная» религия. Эта задача решалась сугубо в рамках внутреннего религиозного опыта. Общество, которое согласится с таким пониманием религии, для которого религиозный опыт сведется к индивидуальному духовному подвигу, само по себе станет «христианским обществом». И никакой нужды в прозелитизме здесь нет, ибо проповедь обесценивает религию: «“Мистика” так, как ее теперь производят *ad usum* большой публики, есть не стыдливое проникновение тайной, а какая-то назойливая и непристойная

⁸³ #372/209.

⁸⁴ #378/115.

⁸⁵ #380/156. Струве посвятил Толстому несколько статей, некоторые из них позже вошли в брошюру «Статьи о Льве Толстом» (см.: #555).

погоня за нею. То же и с религией. Тут совсем забыто то правило “мудрейшего из людей”, о котором напоминал в своей речи Карлейль: “Если ты ищешь великих вещей, не ищи их”. И уж, конечно, не предлагай их на всех перекрестках, как одолеть или помаду от выпадения волос»⁸⁶.

Подобные идеи вовлекли Струве в конфликт как с официальной церковью, так и с молодыми религиозно ориентированными интеллектуалами, стремившимися осовременить церковные институты рационально и социально. Благодаря таким высказываниям Струве заслужил репутацию религиозного скептика, человека, в глубине души, возможно, и уважающего религию, но по сути своей лишенного тех качеств, которые Боссюэ концентрировал в понятии *le goût de Dieu*. Эти оценки явно несправедливы. Сомневаться в религиозности Струве не приходится: она подтверждается как его писаниями, так и свидетельствами друзей⁸⁷. Даже дореволюционные заявления не оставляют сомнений в наличии у него тонкого религиозного чувства, а после трагедии 1917 года его религиозность стала особенно острой и всеобъемлющей. Совершенно справедливо, однако, и то, что его вера была скорее всехристианской, нежели узкоправославной: он никогда не уделял внимания церкви или ритуалам и не терпел догмы и теологии. Его религия была личностной. По сути он считал ее уходом от мира. Ничто не определяет его отношение к религии лучше, чем следующее заявление: «Христианство по отношению к этому миру есть гроб»⁸⁸.

Уточнение религиозных основ своего мирозерцания подтолкнуло Струве к окончательному разрыву с со-

⁸⁶ 08/4-20; перепечатано в: #359/207. См. также: #360/193.

⁸⁷ См., к примеру: *Игумен Константин*. Церковь и мир. – *Русская жизнь*. – Сан-Франциско. – № 124. – 30 июня 1950; *Е. Кускова*. Страницы прошлого: П.Б. Струве. – *Новое русское слово*. – № 12229. – 21 октября 1945. – С. 2.

⁸⁸ Записки С.-Петербургского религиозно-философского общества. – II. – С. 35.

циализмом. До 1906 года он продолжал называть себя социалистом, ибо полагал, что свобода и равенство вполне совместимы друг с другом. В то время ему казалось, что эволюционный социализм, избавленный от метафизического и утопического налета, представляет собой вполне реалистичную и морально оправданную доктрину. Живи Струве в Германии, он наверняка остался бы в рядах социал-демократической партии.

В 1906–1907 годах, однако, пережив глубокие сомнения, он отказался от социализма во всех его формах. Наибольшие беспокойства ему доставлял такой элемент социалистического учения, как гегемония общества над индивидом: этот момент он усматривал во всех разновидностях социализма. В статье, опубликованной в феврале 1906 года, то есть в то время, когда Струве номинально еще оставался социалистом, он обратил внимание на общность консервативных и социалистических теорий — мотив, постепенно ставший его *idée fixe*. И те, и другие исходили из принципа абсолютной власти: в первом случае — монархии над подданными, во втором — «народа» над отдельными гражданами. В работах Руссо на смену старым представлениям о подчинении человека королю пришли идеи о господстве общества над личностью. Данный тезис получил дальнейшее развитие в сочинениях таких идеологов консерватизма, как Ж. де Местр, Л.-Ж.-А. Бональд и П.С. Балланше⁸⁹. Враги индивидуализма как слева, так и справа пытались «снять» напряжение между личным и общественным, присущее любому политически здоровому организму. Что касается индивидуализма и либерализма, то эти доктрины Струве выводил из религиозных источников — прежде всего из конфессиональных конфликтов, пережитых Англией в XVII столетии. Раскрыв общие корни правых и левых идеологий и подчеркнув их сходст-

⁸⁹ На эту тему см. опубликованный мною на французском языке фрагмент незавершенной книги Струве о социализме, написанный в эмиграции: *Le Contrat Social*. — Vol. V. — № 2 (1961). — P. 81-86.

ва, а не различия, Струве выступил одним из пионеров в изучении феномена, позже названного тоталитаризмом.

Одним из клише русской мысли того времени являлось убеждение в том, что интеллигенция постоянно пребывает в религиозных исканиях (даже если их проявления не имеют к религии отношения или вовсе антирелигиозны); из этой предпосылки следовало (и об этом говорилось в пассаже Бердяева, приведенном чуть выше), что эффективно противостоять радикализму может только религия, а именно — христианство. Струве не соглашался с подобным аргументом. Его авторство он приписывал Владимиру Соловьеву, учеников которого осуждал за некритическое отношение к данному тезису. Русская интеллигенция, по мнению Струве, вовсе не была религиозной: «Религиозности у “интеллигенции” не может быть вне религиозных идей. Религиозных идей у русской “интеллигенции” никогда не было. Религиозность русской революционной «интеллигенции» есть благочестивая легенда. ...Религиозная “интеллигенция” есть твердая жидкость, *contradictio in adjecto*. Возможны разные компромиссы, но не такие»⁹⁰.

Социализм действительно обнаруживает черты формального сходства с религией, но подлинная религиозность в нем напрочь отсутствует, ибо он отвергает ключевой принцип любой религиозной системы — личную ответственность человека за совершаемые поступки:

«Основная философия социализма, идейный стержень, на котором он держится как мировоззрение, есть положение о коренной зависимости добра и зла в человеке от внешних условий. Недаром основателем социализма является последователь французских просветителей и Бентама Роберт Оуэн, выдвинувший учение об образовании человеческого характера, отрицающее идею личной ответственности.

Религия так, как она приемлема для современного человека, учит, что добро в человеке всецело зависит от

⁹⁰ #356/113.

его свободного подчинения высшему началу. Основная философия всякой религии, утверждаемой не на страхе, а на любви и благоговении, — есть “Царство Божие внутри вас есть”.

Для религиозного мирозерцания не может поэтому быть ничего более дорогого и важного, чем личное самоусовершенствование человека, на которое социализм принципиально не обращает внимания»⁹¹.

Интеллигенция «отрицает мир во имя мира и тем самым не служит ни миру, ни Богу»⁹². Струве предупредил, что кажущаяся терпимость социалистов по отношению к религии, готовность признать ее «частным делом» граждан не отражает их подлинных (глубоко враждебных) чувств: это всего лишь «тактическая директива»⁹³.

Другим аспектом социализма, вызывавшим у него отторжение, стала присущая всем вариантам этого учения страсть к всесторонней рационализации жизни. Прогресс человечества нуждается в равновесии «спонтанности» и «сознательности»; абсолютный триумф последней неминуемо ведет к деспотизму. «Идея рационализации общественной жизни, приведения всего к общему знаменателю, распределения всего в точном порядке и на своем месте есть, в принципе, антикультурная идея. Это — хула на духа святого, этого творца культуры, который не может быть превращен в машину, работающую по команде»⁹⁴.

Публикация в 1907 году русского перевода книги Сореля «Размышления о насилии» предоставила Струве возможность выступить с некрологом «научному социализму». Соответствующая статья получила название «Facies Nirprocratica» («Лик смерти») — латинское выражение, означающее появление на лице умирающего первых признаков неизбежного конца (#343). Воззрения Сореля, писал

⁹¹ #376/133.

⁹² #376/132.

⁹³ #380/152-153.

⁹⁴ #306/179.

он, окончательно подтверждают, что социалисты потеряли всякую веру в торжество своих идей и, точно так же, как до них христиане, предали хилиазм забвению. Предложенное Сорелем понимание «мифа» обнаруживает полное игнорирование марксистских постулатов, несмотря на то, что сам Сорель считал себя последователем Маркса. Социалистическое движение, по убеждению Струве, явно пребывало в упадке, и его конец был не за горами⁹⁵.

Отныне Струве полностью порвал с социализмом на том основании, что это учение несовместимо с его трактовкой культуры и религии — иными словами, с духовной свободой, наивысшей из человеческих ценностей. При этом он не стал ненавистником социализма, навсегда сохранив немалую долю уважения к подлинным социалистам эволюционного типа, вроде германских социал-демократов. Но лично он прекратил быть или называть себя социалистом.

Кампания, развернутая Струве против интеллигенции, достигла апогея с выходом в конце марта 1909 года знаменитого сборника «Вехи». Книга стала одним из крупнейших *succès de scandale* в русской интеллектуальной истории, отголоски которого слышны по сей день и, по-видимому, будут звучать до тех пор, пока в России существует интеллигенция.

⁹⁵ Разумеется, Струве говорит здесь о социализме в его исходном значении, а не о термине, используемом для обозначения всевозможных массовых политических движений. Тот факт, что Сорель позже сделался ярым приверженцем Ленина, оказав при этом глубочайшее воздействие на Муссолини, можно считать подтверждением догадок Струве, согласно которым социализм обращается в мистику, скрывающую авторитарные склонности как «правых» («фашистов»), так и «левых» («коммунистов»). См. написанную в сентябре 1919 года статью Сореля «Pour Lénine», вошедшую в четвертое издание «Размышлений о насилии», в которой он называет Ленина «величайшим теоретиком социализма со времен Маркса», а ответственность за «красный террор» возлагает на евреев, примкнувших к революционному движению: *Reflections sur la violence*. — Paris, 1946. — P. 442, 449n-450n.

Идея аналитического исследования русской интеллигенции в свете событий, сопутствовавших революции 1905 года и последовавших за ней, зародилась, насколько известно, в беседах Струве с историком литературы Михаилом Гершензоном. Интерпретация основной темы сборника, предложенная Гершензоном в предисловии, не оставляет ни малейших сомнений в том, что именно Струве вдохновлял это интеллектуальное предприятие⁹⁶. Революция 1905 года, писал Гершензон, предоставила интеллигенции возможность испытать те ценности, которые она более полувека оберегала как «наивысшую святыню». В итоге выяснилось, что эти ценности несостоятельны; следовательно, пришло время пересмотреть их. Семь авторов, продолжал Гершензон, расходятся по многим вопросам, но при этом едины в одном: «Их общей платформой является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства»⁹⁷. Выражаясь менее возвышенно, это означает, что индивид первичен по отношению обществу, а духовное перевоспитание предшествует политическим реформам. Гершензон утверждал также, что он лично и его соавторы отнюдь не намерены осуждать интеллигенцию: напротив, они желают найти выход из того тупика, в который интеллигенция завела себя и страну. В качестве предшественников «Вех» он упоминал Чаадаева, Соловьева и Толстого. Эти люди не были услышаны интеллигенцией, заключал он, но теперь, вероятно, «разбуженная великим потрясением, она услышит более слабые голоса».

⁹⁶ А.С. Изгоев, один из авторов «Вех», двадцать лет спустя писал о том, что идея сборника исходила именно от Струве. См.: «О виновных». – *Россия*. – № 31. – 24 марта 1928. – С. 2.

⁹⁷ Вехи. – М., 1909. – С. ii.

За исключением редактора Гершензона, которого в определенном смысле можно считать аутсайдером, авторы «Вех» являли собой довольно монолитное целое. Большинство из них некогда были социал-демократами, а затем, последовав примеру Струве, оставили их ряды ради конституционной демократии. Все входили в Союз освобождения и принимали участие в его первом съезде в Шаффхаузене. Все были кадетами. Бердяев и Булгаков принимали участие во всех важнейших начинаниях Струве, включая «Проблемы идеализма», *Полярную звезду*, *Свободу и культуру* и *Русскую мысль*. Франк, кроме того, был близким другом Струве и время от времени проживал в его доме. Изгоев, как говорят, «преклонялся» перед Струве. Кистяковский не был столь близок к нему, но также разделял его политическую философию и являлся соавтором «Проблем идеализма». Другими словами, «Вехи» стали продуктом коллективного творчества группы интеллектуалов, которые в большинстве своем выросли под прямым влиянием Струве. Они составляли что-то вроде «струвианской» партии. Поэтому в центре внимания сборника, в написании которого каждый из них участвовал, естественным образом казались вопросы, активно поднимавшиеся их учителем в течение предшествующих полутора лет.

Говорят, что участники «Вех», договорившись об основной теме сборника, не знакомились со статьями друг друга вплоть до опубликования⁹⁸. Если это действительно так, остается лишь удивляться тому, что представленные материалы совершенно не дублировали друг друга. Интеллигенцию атаковали с разных позиций, а каждая из семи статей имела собственную цель. Бердяев размышляет об интеллигентском презрении к философии, которую, по его утверждению, интеллектуалы всегда третировали как слуганку политики. Булгакова интересовала проблема отношения интеллигенции к религии; с его точки зрения, интеллигенция была полностью лишена внутренней религи-

С. Франк. Биография П.Б. Струве. – С. 82. См. также: #359/229.

озности и подвижнического духа. Гершензон критиковал интеллигентское равнодушие к «творческой личности» проистекающее из него духовное бессилие и зависимость от толпы. Одна из идей, высказанных в его эссе, вызвала впоследствии особо громкий взрыв негодования: «Каковы мы есть, — писал он, — нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще все казней власти и благословлять эту власть, которая одними своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»⁹⁹. Изгоев, опирающийся на результаты свежих опросов, посвященных отношению студентов к моральным проблемам, показывал, насколько неверно господствующее убеждение в нравственной чистоте русской молодежи. Ее сексуальные обыкновения, к примеру, отразились в том факте, что 5 процентов опрошенных начали половую жизнь еще до двенадцати лет, 15 процентов — до четырнадцати, 61 процент — до семнадцати. Три четверти студентов признавались в занятиях мастурбацией. Правовед Кистяковский задавался вопросом, уважает ли русская интеллигенция законность и дух компромисса, на котором она покоится. Его ответ был негативным: «правосознание нашей интеллигенции находится на стадии развития, соответствующей формам полицейской государственности», причем это утверждение подкреплялось весьма красноречивыми цитатами из Ленина. Франк, со своей стороны, критиковал отношение интеллигенции к культуре.

Статья Струве «Интеллигенция и революция» (#376) не относится к числу наиболее блестящих его трудов. Будучи фрагментом из неопубликованной рукописи «Государство и революция», она представляет собой набор довольно разрозненных рассуждений о том, что интеллигенции недостает конструктивного отношения к государству. Являясь духовным наследником казачества, интеллигенция восприимчива к анархизму и предпочитает не созидать, а подстрекать и сеять смуту. Струве пред-

⁹⁹ Вехи. — С. 88.

сказывал, что, отрешившись от своего угасающего социализма и став «буржуазной», интеллигенция перестанет существовать как культурная категория русской жизни.

Наверное, никто из авторов «Вех» не мог предвидеть бури, которую спровоцировал этот сборник. Судя по предисловию Гершензона, пределом их стремлений было обнародование некоторых неортодоксальных идей. Но на деле перед ними разверзся самый настоящий ад. За короткое время вышло не менее пяти книг, вдохновляемых одной-единственной целью: изобличить «Вехи». В этих откликах был представлен самый широкий спектр политических взглядов, от крайне левых до либеральных. Кроме того, в 1909–1910 годах увидели свет по меньшей мере 250–300 газетных и журнальных статей, а также бесчисленное количество рецензий и обзоров, посвященных «Вехам»¹⁰⁰. Вскоре после выхода книги в свет Милюков отправился в лекционное турне по стране, в ходе которого обсуждались исключительно «Вехи». Даже отшельник Толстой обзавелся этой книгой и написал на нее отклик. Высказывание позиции по отношению к «Вехам» стало социальным императивом. Некоторые общественные организации, такие, например, как Общество по распространению технических знаний, провели специальные «веховские» сессии, на которых сборник подвергся ожесточенным нападкам. Среди прочих его положений осмеивался «идеал права», который Кистяковский упоминал в качестве понятия, совершенно чуждого русской интеллигенции. При этом провозглашалось, что интеллигенция не должна менять «исконных идеалов» и «отступаться от своих требований»¹⁰¹. Интерес к книге был настолько велик, что 3 тысячи экземпляров первого издания распродали за считанные недели, после чего вышли в свет еще четыре издания: вто-

¹⁰⁰ См.: *Nikolai P. Poltoratzky. The Vekhi Dispute and the Significance of Vekhi. – Canadian Slavonic Papers. – IX. – 1 (1967). – P. 86-106; Gisela Oberländer. Die Vekhi-Diskussion (1909-1912). – [Köln], 1965.*

¹⁰¹ *Русские ведомости. – № 86. – 16 апреля 1909. – С. 4.*

рое — в июне, третье — в августе, четвертое — в сентябре и пятое — в марте-апреле 1910 года¹⁰². В России еще не было книги, посвященной общественной проблематике, которая выдержала бы пять изданий в течение одного года «Вехи», бесспорно, попали в самую точку.

И все же, исходя из чисто литературных достоинств, «Вехи» трудно считать хорошей книгой; некоторые ее фрагменты просто никуда не годятся. Из-за того что авторы, согласовав тему сборника, не пытались затем переговорить друг с другом, а редактор почти не пользовался своим влиянием (или вовсе не обладал им), работа весьма слабо структурирована. Главный предмет исследования — интеллигенция — нигде не определяется. В большинстве статей анализ не сфокусирован, а в некоторых (как, например, у Франка) вообще не имеет отношения к теме. Язык неровен и, по мнению Толстого, «претенциозен». В целом, отнюдь не соглашаясь с обозревателем, который, сардонически перефразируя Ипполита Тэна, писал, что чтение «Вех» можно уподобить поглощению двухсот стаканов «тепловатой и чистой воды»¹⁰³, следует все же признать, что, с точки зрения нормальных литературных стандартов, книга стоит не слишком высоко. Читатель, чуждый страстям, кипевшим вокруг проблемы интеллигенции, с трудом понял бы ту суматоху, которую книга породила.

Причину успеха книги, как и в большинстве подобных случаев, нужно искать в ее своевременности. К 1909 году русская «интеллигенция» в узком смысле этого слова превратилась в подобие культурного анахронизма. Она сохраняла приверженность ценностям и установкам, сформированным в 60-е и 70-е годы XIX столетия, в то время как быстро растущая образованная элита («интеллигенция» в

¹⁰² *Книжная летопись*. — №№ 5825, 10485 (3000 экз.), 15208 (4000 экз.), 19456 (3000 экз.) — в 1909 году и 6486 (3000 экз.) и 7964 — в 1910 году. Пятое издание выходило двумя выпусками: первый — в марте (1000 экз.) и второй, стереотипный (2000 экз.) — в апреле 1910 года.

¹⁰³ Д. Левин в газете *Речь*: № 82. — 25 марта 1909. — С. 2.

широком смысле слова) уже преодолела эти ценности и установки. С 90-х годов Россия переживала нечто вроде культурной революции. Изысканная и довольно эзотерическая поэзия сменила роман в качестве основного литературного жанра; традиционный реализм в живописи был вытеснен постимпрессионизмом и превознесением древнерусской иконописи; академическая музыка уступала модернистской «диссонансной» музыке; профессиональные философия и психология изгнали любительское «умствование», основанное на материализме XIX века; в моду входила религия. При этом значительная часть интеллигенции оставалась незатронутой этими веяниями, пытаясь трактовать их как отразившуюся в культуре агонию капиталистических порядков¹⁰⁴. Большинство интеллигентов по-прежнему тяготело к старым привычкам: гражданской эстетике в формулировке Чернышевского и Добролюбова; искусству «передвижников» с присущим ему «социальным звучанием»; традиционной музыке; материализму; атеизму. Словом, подошло время разоблачения класса, который, провозглашая себя самым передовым в стране, на деле оказался провинциальным пережитком, все более отстававшим от космополитичной, вестернизированной, «современной» России начала 1900-х годов.

Политические провалы 1905–1906 годов усугубили неполноценность интеллигенции. Революция предоставила ей долгожданный шанс утвердить в России более свободное и справедливое общество, но она не смогла воспользоваться такой возможностью. С учетом этого факта ее претензии на политическое руководство виделись столь же несостоятельными, как и притязания на культурное лидерство.

Даже среди тех интеллигентов, кто выступил в защиту своей социальной группы, многие вынуждены были

¹⁰⁴ Плеханов, к примеру, называл символистскую поэзию «бледной немочью», характеризовавшей собой «упадок целой системы общественных отношений». Цит. по: *Marc Slonim. Modern Russian Literature.* – New York, 1953. – P. 83.

признать, что она переживает «кризис» и что «Вехи», несмотря на ошибочность предлагаемых ими решений, заслуживают похвалы за открытую постановку данной проблемы. Тот факт, что авторы книги оказались выходцами из того же общественного слоя, который критиковали, — они сами были, если можно так выразиться, «держателями акций», — делал их атаку гораздо эффективнее тех нападок, которые могли исходить извне, то есть от консерваторов, чье мнение всегда рассматривалось как вполне предсказуемое и, следовательно, не стоящее внимания.

Невозможно — да и бессмысленно — пытаться восстановить весь ход дискуссии, рожденной выходом «Вех»: предмет слишком обширен и подробно изучен другими¹⁰⁵. Достаточно сказать, что реакция на книгу оказалась в основном негативной. Социалистическая и либеральная пресса, управляемая людьми, считавшими себя интеллигентами и, следовательно, воспринявшими книгу как личное оскорбление, сплотила ряды и ответила потоком насмешек и брани. Как повелось в России того времени, содержательная сторона проблемы вовсе не обсуждалась: в фокусе общественного внимания оказались политические следствия высказанных авторами взглядов. Результатом стало то, что писатель Андрей Белый (которому книга очень понравилась) назвал «военно-полевым расстрелом сборника»¹⁰⁶. Кадетский ответ, сборник под названием «Интеллигенция в России», можно отнести к числу наиболее мягких¹⁰⁷. Здесь признавалось, что в «Вехах» поднята вполне реальная проблема, но в то же время утверждалось, что кризис интеллигенции — явление временное, а будущность ее «блистательна». Милюков выражал абсолютную уверенность в том, что интеллигенция сумеет преодолеть «ядовитую поросль» «Вех» и сохранит приверженность

¹⁰⁵ См., в частности, работы Полторацкого и Оберландер, упомянутые в сноске 100.

¹⁰⁶ *Андрей Белый*. Правда о русской интеллигенции. — *Весы*. — VI. — № 5. — Май 1909. — С. 65.

¹⁰⁷ *Интеллигенция в России*. Сборник статей. — СПб., 1909.

пути, проложенному в течение двух предшествующих столетий¹⁰⁸. Социалисты, изображая авторов «Вех» в качестве «реакционеров», были куда суровее. Но настоящие реакционеры, со своей стороны, от книги всячески отказывались, с воодушевлением подчеркивая, что трое членов авторского коллектива принадлежали к крещеным евреям (Гершензон, Изгоев и Франк), а остальные были просто «иудофилами»¹⁰⁹. Мережковский тоже не остался в стороне: в публичной полемике со Струве он заявил, что подобно тому как Толстого в свое время отлучали от церкви, так и авторы «Вех» отлучили себя от интеллигенции¹¹⁰.

Благожелательные отклики, когда таковые были, исходили в основном от представителей тех кругов, которые сегодня принято называть «творческой интеллигенцией», то есть не от публицистов, а от настоящих писателей. Весьма бурно на «Вехи» отреагировал Толстой; в главном мотиве книги он уловил созвучие с собственным убеждением в том, что истина — это внутреннее озарение. Он набросал статью, в которой жестко критиковал язык и стиль сборника, но не стал публиковать ее, опасаясь навлечь лишние неприятности на молодых авторов, которых считал «лучшими представителями интеллигенции»¹¹¹. Андрей Белый написал страстный очерк, в котором называл сборник замечательной книгой¹¹². В.В. Розанов полагал, что это «благороднейшая книга из всех, появившихся в последние годы, преисполненная героизма и самоотречения»¹¹³.

Лично для Струве публикация «Вех» имела одно неприятное последствие. Среди почитателей книги оказался

¹⁰⁸ Там же. — С. 57, 91, 187.

¹⁰⁹ См. письмо А.С. Изгоева редактору газеты *Речь*: № 109. — 19 мая 1909. — С. 3.

¹¹⁰ *Слово*. — 23 апреля 1909. — С. 2.

¹¹¹ G. Oberländer. Die Vechi-Discussion. — S. 63. См. также: Л.Н. Толстой. [О «Вехах»]. Полное собрание сочинений. — Т. 38. — М., 1936. — С. 285-290; По поводу статьи Струве. — Там же. — С. 336-340. Интервью с Толстым по поводу «Вех» см.: *Слово*. — 22 мая 1909. — С. 2.

¹¹² «Правда о русской интеллигенции». — С. 65-68.

¹¹³ G. Oberländer. Die Vechi-Discussion. — S. 60.

архиепископ Антоний (Храповицкий), известный писатель и крайне консервативный политический деятель, опубликовавший открытое письмо ее авторам. В этом документе Антоний заявлял, что знакомство с «Вехами» стало для него настоящим «праздником»: прежде он полагал, что русское общество безвозвратно потеряно, но теперь к нему вернулась надежда¹¹⁴. Струве немедленно отреагировал¹¹⁵, поблагодарив архиепископа за добрые слова. Но, не ограничившись этим, он высказал озабоченность по поводу того, что церковь в России «в плену у той же самой “политики”, духовное освобождение от которой есть в нашем понимании единственный путь к оздоровлению интеллигенции». По его словам, «плененная и несчастная» церковь была национальной трагедией: ее политическое порабощение означало «разложение и гибель». Ответ Антонию вызвал новую бурю в прессе. Уже само по себе обращение «интеллигента» к церковнику как к равному воспринималось негативно; а проведение каких-либо параллелей между интеллигенцией и духовенством было и вовсе непростительно¹¹⁶.

На эту кампанию Струве ответил статьей «Мой ответ на газетную травлю»¹¹⁷. По его словам, он полагал, что реакция газет на его предыдущие публикации уже достигла «предела в смысле необъективности, злобности и несправедливости», но отклики на письмо архиепископу Антонию убеждают в обратном. «Всякий новый образчик этой травли вначале возмущает меня, но это чувство сменяется затем изумлением и тревогой. Тут есть нечто прямо болезненное и даже уродливое». Он напоминал читателям, что в послании иерарху подчеркивал трагические последствия вовлеченности церкви в политику. Его кри-

¹¹⁴ Слово. – 10 мая 1909.

¹¹⁵ 09/5-10; см. также: 35/10-27б.

¹¹⁶ См.: М. Антонович. «Покаявшийся блудный сын и пропавший человек». – *Новая Русь*. – № 133. – 17 мая 1909. На заседании Санкт-Петербургского литературного общества, состоявшемся 22 мая 1909 года, один из ораторов называл Струве «изменником» и «лицемером» (*Слово*. – 26 мая 1909).

¹¹⁷ 09/5-19б.

тики, однако, этим моментом нисколько не интересовались: их волновало лишь то, что Струве «бросился в объятия архиепископа». Он намеренно воздержался от личных нападок на Антония (иерарх был активным деятелем Союза русского народа), разъярял Струве, поскольку путать идеи с личностью крайне опасно: «Нетерпимость к злу не есть нетерпимость к людям: смешивая одно с другим, неизбежно придешь к признанию того, что ради истребления нетерпимого зла можно и должно истреблять людей, являющихся носителями этого зла. Этот путь логически ведет к оправданию смертной казни. Моральное истребление противников ничем принципиально не отличается от истребления физического».

Но все эти рассуждения оказались бесполезными. Его репутация была окончательно опорочена, причем даже среди либералов. Тыркова-Вильямс в своем дневнике сообщает о беседе с Р.Г. Винавер, женой видного кадета, которая вполне недвусмысленно дала понять, что считает Струве психически ненормальным¹¹⁸.

Направленная против интеллигенции кампания 1907–1909 годов, которую Струве вдохновлял, возглавил и жертвой которой пал, наделала много шума, но не достигла своей цели. Русская интеллигенция, как социалистическая, так и либеральная, не нуждалась в критике; напротив, она с негодованием отвергала подобную критику и безжалостно исторгала из своей среды всех, кто пытался усомниться в ее моральном превосходстве или исторической миссии. Таким образом, как и предсказывал Струве, 1917 год оказался лишь повторением 1905-го. Тогда русская интеллигенция вновь не сумела освоить конструктивные политические установки и встать выше партийных дрызг; в итоге она так и сгорела в огне, который после 1917 года в течение нескольких десятилетий бушевал в России.

¹¹⁸ Дневник Ариадны Владимировны Тырковой. – Запись от 19 января 1910 года. – ГА РФ. – Фонд 629, оп. 1, ед. хр. 16.

Глава 3

Экономическая теория

Существует ли что-нибудь еще более постоянное, менее изменчивое, подкрепляющее собой реальные цены, вырабатываемые в живом процессе обмена...?

Это проблема, которую предстоит разрешить политической экономии.

Парето, 1907

Рядом с ценой, над нею, или под нею, не существует никакого другого экономического явления.

Струве, 1913

В своей профессиональной, академической жизни Струве занимался в первую очередь историей и теорией экономики; даже если бы он не успел отличиться ни в чем другом, экономические труды уже обеспечили бы ему выдающееся место в истории русской мысли. В 1917 году он был удостоен высшего научного отличия в России — полноправного членства в Академии наук. В следующем году большинство факультетских преподавателей самого престижного в стране Московского университета (тогда еще свободного от коммунистического диктата) рекомендовало его на заведование кафедрой политэкономии. Иными словами, Струве не испытывал недостатка в общественном признании; по всей видимости, можно с полным основанием утверждать, что к середине своего пятого десятка он был признан наиболее выдающимся российским экономистом-теоретиком.

Обеспечивая Струве известность и престиж, экономические изыскания выполняли в его жизни еще одну важную функцию. Согласно его убеждению, любой человек, активно занятый общественной деятельностью, нуждался в духовном пристанище, в котором можно было бы переждать трудные времена. Для Струве таковым было изучение экономики. По меньшей мере четыре раза, как только обстоятельства оборачивались против него, а ак-

тивное участие в политике делалось недоступным, Струве замыкался в научной работе: так было в 1898–1900 годах, когда друзья социал-демократы, наказав Струве за отступничество, исключили его из движения; примерно то же самое повторилось в 1915–1917, когда он расставался с Конституционно-демократической партией, затем — в 1921–1924, когда, покинув Россию, ему пришлось налаживать жизнь в эмиграции, и, наконец, — с 1927 до самой смерти в 1944 году.

Экономические изыскания составляли существенную часть духовной работы Струве как в теоретическом (философском), так и в публичном ее аспекте. Ибо, несмотря на приписываемое ему интеллектуальное непостоянство, этот мыслитель всю свою жизнь сохранял примечательную приверженность определенным умственным установкам и методикам, а его взгляды на самые разные вопросы были куда более целостными, нежели казалось современникам или — позже — исследователям его карьеры.

В контексте европейской интеллектуальной традиции идеи Струве можно отнести к крайней разновидности позитивизма — к той школе, которая на протяжении всего предыдущего столетия наносила сокрушительные удары традиционной философии, преобразовывала художественную и литературную критику, и, самое главное, произвела революцию в методологии естественных наук. Я имею в виду течение, первоначально представленное неокантианством, последователи которого, намеревавшиеся вскрыть тайные пружины понятийного мышления, отделить эмпирически подтверждаемое от «метафизического» и выявить пределы приложения законов и терминов любой научной дисциплины, подвергли логику и терминологию науки скрупулезному критическому анализу. Предполагалось, что подобное начинание обогатит другие отрасли познания преимуществами методологии, столь ярко проявившей себя в физике и химии. Более того, было принято считать, что тотальная критика методов и логики самих естественных наук также продвинет их вперед. Так, крити-

ка механистической философии физики, осуществленная неопозитивистами (прежде всего Эрнстом Махом), проложила дорогу открытию квантовой теории и теории относительности. В философском познании критические усилия так называемого «венского кружка» (Карнапа и Витгенштейна), а также его английских единомышленников (Рассела и Мура) низвели традиционную философию до состояния бледной тени самой себя, превратив ее в служанку науки, главными средствами выражения которой стали формальная логика, лингвистика и математика. В литературе «новая критика», сосредоточившаяся на формальном анализе словаря, образного ряда, структуры текста и полностью игнорировавшая содержательную и эстетическую сторону художественного произведения, вытеснила академическую традицию. В этом и других подобных случаях основу народившихся направлений тоже составлял «логический позитивизм»: его последователи воспринимали явления в строго позитивистской манере, ограничивая себя сугубо эмпирически доказуемыми и количественно фиксируемыми «фактами». Анализируя эти «факты», позитивисты действовали в основном методами логики, главное внимание уделяя непротиворечивости и состоятельности своих тезисов. Новая методология «очищала» ту или иную дисциплину, исключая из сферы ее интересов все феномены, не поддающиеся эмпирической верификации и логической доказуемости.

Струве стал пионером логического позитивизма в экономике. Он попытался применить в политэкономии ту же бескомпромиссную логическую критику, которую его современники столь успешно реализовали в физике, философии, исследовании литературы и искусства. Создавая точную и научно непротиворечивую концепцию, он стремился изгнать из экономической теории всякие признаки «устаревших» способов мышления, как философско-метафизического, так и примитивно-механистического. Все его достижения, таким образом, по духу оказывались деструктивными. Он подвергал беспощадной

атаке сами основы классического, а также современного ему экономического знания, включая весь концептуальный арсенал: понятия ценности, производства, распределения, дохода и капитала. А затем, когда с развенчанием было покончено, он выдвинул собственную теорию экономики, главным и единственным «фактом» которой оказался феномен рыночных цен.

В ноябре 1913 года, в ходе бурной защиты своей магистерской диссертации, Струве сформулировал наиболее важную для себя научную проблему: «Чем может и должна быть история хозяйственного быта как самостоятельная дисциплина?»¹ Этой декларацией было обозначено его место в когорте экономистов-теоретиков. Он оказался с теми, кого вопросы методологии волновали больше, нежели прикладная экономика. Действительно, в его многочисленных научных публикациях почти не затрагиваются такие центральные для современников темы, как образование капитала, занятость, производство и распределение, инфляция или экономический рост. Струве касался подобных вопросов лишь походя, исключительно для того, чтобы покончить с распространенными заблуждениями. И напротив, он всегда тщательно добивался того, чтобы используемые им категории были корректно сформулированы, а отношения между ними логически непротиворечивы. Он был стойким последователем Карла Менгера — основателя так называемой «австрийской школы» — экономиста, оказавшего на него наиболее значительное влияние. Последний настаивал на формулировке понятий «чистой» экономики, которые были бы изолированы от породившего их исторического и социального контекста. Но для Менгера критика метода оставалась проблемой вторичной, в то время как для Струве она всегда была центральной: конструктивная часть его экономической теории явилась побочным продуктом тех

¹ #441/iv.

усилий, которые он как-то назвал «критическим пересмотром основных проблем и положений политической экономики»² и которым посвятил всю свою научную карьеру. Такой подход не слишком отличался от применявшегося ранее, в пору занятий Струве марксистской социологией: в обоих случаях метод был неокантианским и позитивистским, а во главу угла выдвигались не практические следствия, а терминологическая точность и внутренняя непротиворечивость.

Эта озабоченность вопросами метода во многом объясняет весьма ограниченное влияние Струве на экономическую мысль. Когда его главный труд — «Хозяйство и цена» — вышел в свет, сначала в виде журнальных статей (в 1900, 1908–1913), а потом и отдельной книгой (1913, 1916), экономисты все еще интересовались вопросами метода. Но писания Струве на данную тему, за редкими исключениями, публиковались только на русском и, следовательно, были незнакомы западной аудитории. После войны, в эмиграции, он начал переводить ключевые главы книги на немецкий и французский, но страсть к методологии скоро остыла: ведь не кто иной, как сам авторитетнейший Иосиф Шумпетер презрительно называл известный *Methodenstreit* между Менгером и главой немецкой исторической школы Густавом Шмоллером «историей напрасно потраченных усилий»³. Сложнейшие вопросы регулирования экономики в годы первой мировой войны и в послевоенное время переориентировали экономистов на практические темы типа распределения скудных ресурсов, инфляции и дефляции, объема денежной массы, учетных ставок, тарифов, занятости и тому подобные материи, возобладавшие в экономической науке XX столетия под именем «макроэкономики». В связи с этим воззрения Струве, даже будучи обнаруженными в Германии, Авст-

² #454/i.

³ Joseph A. Schumpeter. History of Economic Analysis. — New York, 1954. — P. 814.

рии и Франции, не привлекли значительного внимания, а его имя не вошло в анналы экономической науки⁴.

Струве профессионально занялся экономикой довольно поздно. Первую университетскую должность он получил в тридцать шесть лет, не имея к тому времени ни ученой степени, ни преподавательского опыта. Он предпринимал кое-какие изыскания в области экономической истории, но делал это скорее любительски, под влиянием политического момента — изобличая народнические представления об «особом пути России». Однако, получив в ноябре 1907 года свой первый академический пост (в Санкт-Петербургском политехническом институте), он с неумемным рвением взялся за исследования. Большая часть его экономических сочинений была написана между 1907 и 1917 годами; особенно интенсивно Струве работал накануне первой мировой войны, в период несвойственного для него спокойствия, посвященный в основном исследованиям, писательскому и редакторскому труду, а также преподаванию.

⁴ Единственным исследованием, полностью посвященным экономическим изысканиям Струве, является докторская диссертация Эрмины Саш: *Hermine Sachs. Peter von Struve; ein Beitrag zur russischen Nationalökonomie* (Breslau, 1904). Написанный еще до того, как Струве удалось развить свои взгляды, этот труд имеет довольно незначительную ценность. Краткое, но весьма глубокое введение в экономическую мысль Струве было подготовлено Б.С. Ижболдиным. П.Б. Струве как экономист. — *Наша жизнь*. — № 9 (1944). — С. 349-357. Трактовка Струве понятия ценности критически рассмотрена А. Чупровым. Место понятия ценности в статистической теории цены. — *Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве*. — Прага, 1925. — С. 163-171. См. также: А. Билимович. Два подхода к научной картине экономического мира. — *Экономический вестник*. — III. — 1924. — С. 3-32. Изданная в советское время четырехтомная «История русской экономической мысли» (II, часть 2, М., 1960; III, часть 1, М., 1966), как и следовало ожидать, о Струве почти не упоминает; о научном уровне этого издания можно судить по характеристике Струве как «образованного лакея капитализма» (II, часть 2, с. 400). Краткие замечания, касающиеся его экономических воззрений, изложенные в работе: Suranyi-Unger. «Die Entwicklung der theoretischen Volkswirtschaftslehre im ersten Viertel des 20 Jahrhunderts» (Jena, 1927. — S. 126, 172), Струве называл «чепухой» (#615a/17).

Стойкий интерес к экономике проявился у Струве на втором или третьем курсе университета⁵. Как уже отмечалось, весной 1892 года он поступил в качестве слушателя в университет Граца, где среди прочих посещал лекции Рихарда Хильдебранда, выдающегося австрийского экономиста, подчеркивавшего роль демографических факторов в экономическом развитии⁶. Разумеется, в то время Струве оставался ярким марксистом. Он полагал, что марксизм обеспечивает ему явное преимущество: в разговорах с друзьями он утверждал, что был рад освоить Маркса до знакомства с экономистами других направлений⁷. Тем не менее, даже избрав экономику своим призванием, Струве еще какое-то время продолжал рассматривать экономическую литературу лишь в качестве подспорья в борьбе с теми, кто идеализировал экономическое положение России.

Стремление к научным занятиям экономикой пробудилось у Струве зимой 1897–1898 годов, когда изучение русского крепостничества заставило его коренным образом пересмотреть традиционную трактовку причин и следствий освобождения крестьян⁸. С удовлетворением разрешив эту проблему, он обратился к экономической теории. Первоначально Струве занимали интеллектуальные предпосылки идей и понятий, лежащих в основе экономической науки; подобное увлечение проистекало из весьма болезненного осознания того факта, что теория Маркса, несмотря на всю свою новизну, сама прочно коре-

⁵ См.: *Сергей Водов*. П.Б.Струве. – *Студенческие годы*. – Прага. – № 1/18 (1925). – С. 34. Струве рассказывал Н. Цурикову, что впервые интерес к экономике возник у него под влиянием книги К.П. Крамара об австрийских финансах (скорее всего, речь шла о работе «Das Papiergeld in Oesterreich seit 1848», изданной в Лейпциге в 1886 году). См.: *Н. Цуриков*. Петр Бернгардович Струве: воспоминания. – *Возрождение*. – № 28 (1953). – С. 79.

⁶ См.: *Ричард Пайтс*. Струве: левый либерал. – С. 118.

⁷ *А.М. Воден*. На заре «легального марксизма». – *Летопись марксизма*. – 1927. – № 3. – С. 74.

⁸ *Ричард Пайтс*. Струве: левый либерал. – С. 285-298.

нилась в классической экономике и разделяла большинство ее недостатков. К октябрю 1899 года он закончил рукопись под названием «Ценность и цена», представлявшую собой набросок будущей книги. Весной 1900 года краткая версия этой работы была опубликована в виде статьи в двух частях под заголовком «К критике некоторых основных проблем и положений политической экономики»⁹. В этом важном эссе содержались зачатки многочисленных экономических прозрений Струве: их было настолько много, что тринадцатью годами позже обширные фрагменты этой работы вошли в вводную главу книги «Хозяйство и цена». Струве намеревался подвергнуть данный предмет еще более пристальному анализу, но в 1900 году его вновь захватила политическая деятельность. Весна началась с бурных объяснений с «искровцами», которые тянулись до самого ареста Струве и его ссылки в Тверь в марте 1901 года. Затем последовали четыре года эмиграции, всецело отданные *Освобождению*. Времени для научной работы совсем не оставалось, а незаконченная рукопись была отложена в стол.

Первая возможность вернуться к исследовательской деятельности представилась в 1906 году, когда Струве было предложено место преподавателя в Санкт-Петербургском политехническом институте. Это щедро финансируемое заведение к тому времени существовало всего четыре года. Оно было основано Витте для распространения технического образования университетского уровня. Экономике здесь уделялось особое внимание; кадровое обеспечение этой дисциплины было не хуже, чем в более престижных старых университетах, где экономическая наука с трудом утверждала себя¹⁰. В ноябре 1906 года Струве попросили сменить И.И. Янжула и взять на себя чтение го-

⁹ #90; см. также #89/297 и #447.

¹⁰ См.: Объединение Санкт-Петербургских политехников. – Юбилейный сборник в 2-х тт. – Париж – Нью-Йорк, 1952-1958; С.Ю. Витте. Воспоминания. – П. – М., 1960. – С. 255-258.

дичного курса по экономике торговли и промышленности. Формально предложение исходило от М.М. Ковалевского и А.С. Постникова, но, как Струве выяснил позже, его вдохновителем был статистик А.А. Чупров, сын профессора Московского университета А.И. Чупрова, с которым Струве полемизировал в 1897 году¹¹. Он вступил в должность осенью 1907 года и в последующие десять лет читал разные курсы. Названия некоторых из них запечатлены в конспектах, подготовленных его студентами: «Экономика промышленности» (#390 и #407), «Торговая политика России» (#444), «Историческое введение в политическую экономию» (#445), «Теория международной торговли» (#497). Струве также вел семинары.

Его преподавательская деятельность, как свидетельствуют стенографические отчеты и воспоминания бывших студентов, в полной мере раскрыла все плюсы и минусы его сильного, но беспорядочного ума. Кругозор Струве был беспределен, а сила мысли поразительна; он никогда не говорил банальностей. Но лекции страдали от той же хаотичности, которая отличала его публикации. Судя по конспектам, Струве всегда начинал лекцию в довольно строгой манере, но рано или поздно уклонялся в посторонние рассуждения, уводящие все дальше и дальше от центральной темы. Манера преподнесения материала также оставляла желать лучшего. Студенты вспоминают, насколько мучительными им казались длинные паузы, во время которых Струве, роясь в раскиданных перед ним листках, пытался найти нужную цитату или просто подходящее слово — *mot juste*. Иногда он приходил в аудиторию, не подготовившись, и импровизировал, обычно на тему книги, которую в тот момент читал¹². Но своеобразным возмещением этих провальных лекций становились исключитель-

¹¹ См.: Ричард Пайнс. Струве: левый либерал. – С. 219-222. О том, как происходило это назначение, см.: 27/10-22б. Заявление Струве о назначении от 26 ноября 1906 года хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

¹² Интервью с В.Ф. Гефдингом и Б.П. Кадомцевым.

но тесные личные отношения, которые налаживались у него с отдельными студентами. «Как и других студентов, — вспоминает один из них, — так и меня притягивали к П.Б. не только его изумительная эрудиция, но также чрезвычайно благодарное и теплое отношение к студентам. У него не было ничего “профессорского”, то есть снисходительно-холодного отношения к студентам. Он был в распоряжении студентов и всегда охотно помогал советом, обсуждая темы работ, входил во все детали и т.д. Около него немедля образовался кружок студентов-струвевцев, которые питали к нему совершенно сыновние чувства»¹³.

Из его семинаров вышел целый ряд ученых, которые, если бы не революция, вполне могли сыграть ведущую роль в формировании русской экономической науки.

Именно в течение десятилетия, проведенного в политехническом институте сначала в качестве простого преподавателя, а потом — доцента, Струве наиболее интенсивно занимался экономическими изысканиями и формулировкой собственной теории. Приступив к преподавательской деятельности, он сразу же начал публиковать в научных журналах фрагменты, позже вошедшие в первый том «Хозяйства и цены». Книга была в основном завершена и передана машинистке в 1910 году, но ее выход в свет затянулся на три года, поскольку Струве никак не мог покончить со второстепенной проблемой, касающейся истории взаимоотношений свободных и фиксированных цен. Погружение в эту непростую тему завело его на Древний Восток и вылилось в огромную главу (#451), законченную лишь весной 1913 года. В августе того же года том наконец вышел. Струве представил его Московскому университету в качестве диссертации на соискание магистерской степени, которая была успешно защищена в ноябре. Несмотря на энергичные возражения двух членовченого совета (подробнее об этом ниже), Струве полу-

¹³ Б.П. Кадомцев. «Воспоминания о Петре Бернгардовиче Струве». — Рукопись, принадлежащая Глебу П. Струве.

чил искомую степень. Сразу же после первого тома он намеревался выпустить второй, заверченный накануне мировой войны. Но последовавшие вслед за тем события вновь вовлекли его в журналистику и политику. Вернуться к исследованиям удалось только в конце 1915 года. К тому времени ранее опубликованные фрагменты второго тома были несколько расширены и к ним добавилась еще одна глава (#458). Первая часть второго тома вышла из печати зимой 1916–1917 годов; она была одобрена цензурой 10 февраля 1917 года, за несколько дней до революции. Памятуя о сложностях, с которыми пришлось столкнуться в ходе первой защиты в Москве, Струве решил защищать докторскую диссертацию в Киеве. Защита состоялась 17 февраля; на этот раз решение было принято единогласно. Через три месяца, 13 мая 1917 года, он получил приглашение стать членом Академии наук. В 1918 году при неясных обстоятельствах Московский университет предложил ему кафедре политической экономии¹⁴, но поскольку к тому моменту Струве пришлось скрываться от ЧК, занять это место ему так и не удалось. Публикация завершающей части второго тома вновь была отсрочена по политическим причинам — на этот раз из-за начавшейся гражданской войны. Работа над ним возобновилась в эмиграции, в Праге, где куски второго тома публиковались отдельными статьями. Но в виде книги вторая часть так и не была издана; та же участь постигла и планируемые переводы «Хозяйства и цены» на немецкий и французский языки, над которыми Струве с перерывами работал в межвоенный период. В данном случае также публиковались только фрагменты.

Такова, в самом общем виде, внешняя канва экономических изысканий Струве. Теперь следует обратиться к их содержательной стороне. Руководствуясь практическими соображениями, я разделю повествование на методологическую и систематическую части.

¹⁴ *Н.К. Каратаев*. Экономические науки в Московском университете, 1775-1955. — М., 1956. — С. 246.

По своим философским взглядам Струве относился к крайним номиналистам. Он не отвергал «универсализм» или «реализм» напрочь, но полагал, что общие понятия имеют право на существование только после тщательного логического анализа. Струве инстинктивно не доверял идеям, которые не поддавались разложению на эмпирические компоненты или, пройдя такой анализ, по-прежнему содержали в себе некий метафизический остаток. Он утверждал, что «реализм» произошел из тенденции «приписывать реальность общим понятиям, не анализируя их происхождение и значение, не подвергая их “эмпирической” обработке»¹⁵.

По мнению Струве, общественные науки, включая экономику, были «засорены» некритически сформулированными или некритически заимствованными понятиями универсалистского толка. Данный недуг объединял внешне отличающиеся друг от друга социоэкономические школы: меркантилизм, либерализм, социализм и более современные, математически ориентированные доктрины. Все эти направления, полагал он, пытались материализовать или «субстанциализовать» свои базовые понятия, такие, как богатство, ценность, деньги, производительность, распределение, и по этой причине каждое из них коренилось в предшествующей допозитивистской культуре, которую давно преодолели естественные науки. Немногочисленные исключения, к которым он относил труды Буридана, Николая Орезмия, сэра Вильяма Петти и физиократа Тюрго, будучи в меньшинстве, не оказывали решающего влияния.

Струве утверждал, что наиболее пагубное «универсалистское» влияние на экономическое мышление оказала идея естественного закона. Фундаментальной ее особенностью является смешение эмпирических и нормативных (этических) элементов, убеждение в том, что сущее и должное соседствуют друг с другом, с точки зрения неокантианцев совершенно неприемлемое. Он отмечал, что

¹⁵ #447/vii.

хотя с XVII столетия и по сей день политическая экономика все более превращалась в прикладную науку, становилась отраслью государственного управления, ее философские основания по-прежнему коренились в традиционной метафизике.

Идейной опорой всех ведущих экономических доктрин была, согласно Струве, вера стоиков в существование всеобщего закона, управляющего космосом. Предшественник стоической школы Гераклит усматривал в этом законе источник как физического, так и морального миропорядка; в свою очередь Зенон и его ученики полагали, что законы природы и принципы нравственности имеют сходное происхождение и, следовательно, тождественны по сути. Применяя свою концепцию, стоики, отдававшие приоритет этике, ставили моральное выше физического. «Можно сказать, — отмечал в данной связи Струве, — что эта концепция наложила свой отпечаток на целые столетия экономического мышления»¹⁶. Взгляды стоиков были восприняты Цицероном и римскими правоведами, а через них усвоены и средневековой мыслью. Явные следы рассматриваемой установки можно обнаружить в писаниях таких относительно современных философов, как Гуго Гроций и Локк.

Даже после того как экономика утвердила себя в качестве самостоятельной научной дисциплины, — Струве датирует это событие второй половиной XVIII века — естественное право продолжало в ней доминировать. Все физиократы, начиная с Кенэ, разделяли убеждение стоиков об идентичности физического и морального порядка. Они первыми выдвинули тезис о том, что свобода экономической деятельности представляет собой «естественный закон» — до сего момента понятие естественного права использовалось для оправдания только политических

¹⁶ #449/297. В этой части своего анализа Струве опирался на работы Вильгельма Хасбаха, в особенности на его книгу «Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der vom François Quesnay und Adam Smith begründeten politischen Oekonomie» (Leipzig, 1890), которую он начал цитировать еще в 1896 году. См.: #33a/531.

или экономических свобод. Кенэ предполагал существование «естественного» мирового порядка, нерушимого, совершенного и выражающего Божью волю. Из этого убеждения проистекала его апология *laissez faire*, призывавшая отвергнуть законы, установленные людьми, ради «естественных», дарованных свыше. Несмотря на свои разногласия с Кенэ, Адам Смит также усвоил эту моральную позицию: экономические воззрения обоих мыслителей были выношены «во чреве этики»¹⁷.

Но даже в то время, когда теория естественного права почти безраздельно доминировала в экономической мысли, сумело заявить о себе новое, эмпирическое течение, питаемое естественнонаучными открытиями. Ведущим его представителем был сэр Вильям Петти, английский врач XVII века, которого Струве, им восхищавшийся, считал предтечей современной научной экономики. Петти имел дело только с измеряемыми сущностями. Струве с удовольствием цитировал следующее его высказывание: «Вместо сравнительных и превосходных степеней и умственных аргументов я решил выражаться... посредством *чисел, веса или мер*»¹⁸. Свой «физико-математический» подход к экономике Петти противопоставлял «этическому натурализму», берущему начало в философии стоиков.

В свете сказанного неудовлетворенность философским рационализмом и естественным правом, обнаружившаяся на заре Французской революции, должна была, по идее, привести к изгнанию стоического наследия из экономической теории. В определенном смысле это действительно произошло. Теорию естественного права отверг сначала Бентам, а затем — своей известной фразой «бытие определяет сознание» — Маркс. Но если присмотреться к экономическим концепциям XIX столетия повнимательнее, можно увидеть, что идея естественного права оказа-

¹⁷ #449/300.

¹⁸ С.Н. Hull (ed.). The Economic Writings of Sir William Petty. – Vol. I. – Cambridge, England, 1899. – P. 244. Цит. в: #449/301.

лась удивительно живучей. Центральный тезис любой либеральной экономической теории — положение о «гармонии интересов» — напрямую проистекал из естественного права. Даже Маркс и его друзья-социалисты, нарочито отвергавшие естественное право как «буржуазную» идею, иногда протаскивали через черный ход своих построений что-нибудь весьма похожее. Отстаивание экономической регламентации (плановой экономики), составлявшее, по мнению Струве, обязательное требование всех социалистических доктрин, предполагало способность «разума» постигать и упорядочивать человеческие взаимоотношения. Подобно либерализму, «научный социализм» исходил из возможности гармонии между умозрительной концепцией и естественным ходом вещей, полной рационализации социоэкономического процесса¹⁹. Подобное убеждение роднило либерализм с социализмом, невзирая на кажущуюся несовместимость обеих доктрин. Два доминирующих учения нашего времени расходились отнюдь не в том, достижима ли совершенная гармония мысли и действия, морального и материального — ни то, ни другое не ставило такую возможность под сомнение. Разделяли же их различные представления о путях достижения подобной гармонии: либералы предполагали, что она сложится сама собой, спонтанно, через свободную игру рыночных сил, в то время как социалисты делали упор на фактор сознания, на волевое усилие²⁰. Подлинное расхождение касалось веры в «полную рационализацию социоэкономического процесса» и убеждения (которое исповедовал сам Струве) в том, что «социоэкономическому процессу присущ внутренний дуализм», лишь один сегмент которого поддается рационализации.

Свою собственную философскую систему Струве предпочитал обозначать термином «сингуляризм», который он встретил вначале Гёте, а потом обнаружил у Бэ-

¹⁹ #449/309.

²⁰ #408/345-346.

ция — римского философа, жившего в VI веке. Иногда он называл ее также «номинализмом» и «плюрализмом». Он не оставил точного определения данных понятий, но из практики их применения очевидно, что речь идет об анти-тезе «универсализму», то есть тенденции приписывать реальное существование абстрактным понятиям или рассматривать умственные конструкции в качестве реально существующих феноменов. Историческому противостоянию двух философий Струве уделял немалое внимание, особенно в 30-е годы, когда собирался посвятить этой теме отдельную книгу²¹. Для него то был один из центральных конфликтов в истории человеческой мысли, исход которого имел самые серьезные последствия, в том числе и для экономической теории. В одной из своих последних работ Струве на примере христианского учения раскрыл сложную диалектику «универсалистских» и «сингуляристских» тенденций; в другом месте он сделал то же самое в отношении понятия «обычай»²². В теоретических работах по экономике он неизменно подчеркивал фундаментальную важность задачи по раскрытию и, если нужно, разоблачению скрытых «универсалистских» предпосылок. В 1923 году, уже завершив работу над «Хозяйством и ценой», он следующим образом обобщил собственные достижения: «Я пытался — считаю это самым важным в своей работе как теоретика-экономиста — поставить политическую экономию на “плюралистическую” основу, заменив монизм ценности плюрализмом цен и вернув таким образом... экономическую науку к известному реальному “социологическому атомизму” или “сингуляризму”»²³.

²¹ #650/174 прим. Впервые термин был использован Струве в 1911 году в материале (#408), позже вошедшем в предисловие к «Хозяйству и цене» (#447/хi и след.). См. также: #632.

²² #650; Хозяйство и цена. — Т. I. — С. 89.

²³ #585/199. См. также: *Jean Wahl. Les Philosophes pluralistes d'Angleterre et d'Amérique.* — Paris, 1920. Струве комментировал эту книгу; см.: #585/196-199.

Струве прекрасно понимал, что номинализм, последовательно применяемый в экономике (или в других социальных науках), воспрепятствует любому обобщению и сведет задачу ученого к простому описанию. Такая перспектива его не устраивала, поскольку польза теории не вызывала сомнений, а радикальная антитеоретическая установка немецкой исторической школы не пользовалась у него поддержкой. Решение, сформулированное Струве под влиянием французского математика Поля Панлэвэ, заключалось в том, чтобы превратить статистику в «мостик», соединяющий частное с общим. В своем предисловии к французскому изданию «Теории политической экономики» Джевонса этот ученый заявлял, что обычная математика не способна к осмыслению явлений, в которых задействована непредсказуемая человеческая воля: единственной отраслью математики, хоть как-то применимой в экономике, является статистика²⁴. Струве полностью разделял подобные воззрения. Он был убежден, что экономика постепенно движется к «статистификации» и что это неплохо. Цитируя А.А. Чупрова, он писал: «Статистика, устанавливая закономерность массовых явлений, утверждает в то же время, что эта “закономерность... ни в коей мере не свидетельствует ни в пользу, ни против детерминированности тех единичных процессов, которые слагаются в массовые итоги: она равно мирится и с тем, и с другим допущением”»²⁵.

Упомянутый выше термин «внутренний дуализм» обозначает позицию, согласно которой лишь некоторые сферы социальной жизни можно рационализировать, в то время как другие рационализации не поддаются; иными словами, существует вполне четкая (хотя и подвижная) граница, за которой социоэкономические процессы не регулируются. По-видимому, впервые Струве пришел к та-

²⁴ См.: *W. Stanley Jevons. La théorie de l'économie politique.* – Paris, 1909. – P. v-xxiii.

²⁵ #585/202-203.

кому выводу, размышляя о процессе формирования цен, в ходе которого последние являют себя то в виде «фактов», то в виде «норм». Как факты они выступали продуктом человеческого своеволия, отражающего субъективно формулируемые запросы, и менялись с изменением ситуации на рынке; нормы же означали, что цена, будучи установленной, способна оказывать влияние на поведение будущих покупателей и продавцов. Так или иначе, впервые идея «основного дуализма» посетила Струве осенью 1910 года, когда он занимался исследованием взаимоотношений между свободными и регулируемымими ценами²⁶.

Различие, проводимое Струве между двумя областями, не было чуждо экономической теории XIX столетия. Оно отразилось, к примеру, в практикуемом Родбертусом противопоставлении «логических» и «исторических» экономических явлений, а также обозначенном Джоном Стюартом Миллем в предисловии к «Принципам политической экономии» разграничении экономических явлений, зависящих, с одной стороны, от физических или естественных сил, а с другой — от социальных институтов и отношений. Указанная дихотомия проистекала из того, что взаимоотношения человека с его социальным и природным окружением (или, как говорил Струве, «зависимость человека от природы» и «отношения между людьми»²⁷) фундаментально различны. Струве воспринял и углубил эту дихотомию, придав ей более важное теоретическое значение, нежели его предшественники.

Согласно Струве, отношения человека с природой можно полностью упорядочить; разумеется, речь идет о рационализации не природы как таковой — возможности человека здесь ограничены, но контактов людей с их природным окружением. В той мере, в какой человек знает, чего хочет и представляет, как добиться желаемого, он способен к планированию собственных действий с целью

²⁶ #400а и #408.

²⁷ #40/107.

обеспечения «рациональных» результатов, то есть получения максимальной отдачи от вложенного труда и прочих затрат. Но взаимоотношения *между* самими экономическими ориентированными индивидами, каждый из которых действует, исходя из собственных частных надобностей, не могут быть рационализированы полностью, ибо здесь сталкивается множество человеческих волей. Струве (вероятно, под влиянием Макса Вебера) признавал, что сфера общественной жизни, подверженная рационализации, постепенно расширяется: «Человечество несомненно движется по пути все большей и большей рационализации [общественно-экономического процесса]. В этом смысле можно было бы сказать, что человечество идет к социализму, если бы социализм в сколько-нибудь специализированном смысле не означал лишь одного метода этой рационализации, метода ее принудительно-коллективного осуществления, и даже для этого метода не являлся лишь весьма грубой и слишком общей формулой»²⁸. Но в отличие от Вебера, полагавшего, что людям не остается ничего иного, как подчиниться натиску рациональных технологий и стоящей за ними вездесущей бюрократии, Струве был настроен более оптимистично:

«Идея, что всю жизнь можно рационализировать, идея, поддерживаемая обоими крайними враждующими лагерями: и социалистами, требующими полного и всецелого, в принципе, хозяйственного регулирования, и реакционерами, настаивающими на этом основании на уничтожении покровительства слабым и отмене социального законодательства, идея эта объективно неверна. Человеческая жизнь в целом — и в частности социальная и хозяйственная жизнь может развить *maximam* совершенства и *maximam* творческих сил лишь при условии совместного действия планомерной и сознательной деятельности человека и действия таких сил, которые по самому существу своему рационализации со стороны человека не под-

²⁸ П.Б. Струве. Хозяйство и цена. — Т. I. — С. 66.

даются. Эта мысль, конечно, включает в себе признание некой имманентной границы для разумного творчества человека. Против нее может быть выставлено, и действительно выставляется облеченное в торжественную и чрезвычайно эффектную форму возражение, будто не следует людям внушать идею, что человеческий разум имеет границы, что подобное подчеркивание ограниченности и предельности человеческого разума ведет не вперед, на пути великой борьбы и великих достижений, а назад, к застою, к остановке. Однако это возражение, несмотря на всю свою эффектность и на бесспорное значение тех психических сил, к которым оно апеллирует, опровергается не только объективно, фактами, но и должно быть отвергнуто по соображениям практическим. Ни на одну минуту человек не может допустить мысли, что все поддается его рационализации: допустить такую силу человеческого разума значит логически неизбежно допустить, что когда-нибудь человеческое творчество прекратится, разум человеческий иссякнет. И символически характерно, что философ, учивший о безграничности человеческого разума, о неиссякаемости его творчества, пришел не более не менее как к отрицанию этого тезиса. А именно Гегель в конце концов вообразил, что философское развитие закончилось его системой»²⁹.

Дуализм, присущий социоэкономическому процессу, хорошо иллюстрируется природой денег и историей монетаристских теорий. Еще во времена Аристотеля отмечали, что в деньгах есть две не связанных между собой стороны: одна обусловлена общественным консенсусом, другая — решениями власти; первая запечатлена в рыночной стоимости денег, а вторая — в их номинальной стоимости. В данном случае рыночная стоимость (покупательная способность) представляет спонтанные, стихийные силы, в то время как номинальная стоимость денег фиксирует целенаправленные устремления сил, называемых Струве «ав-

²⁹ #445/130-131.

тогеническими». Римские юристы, пытавшиеся постичь сущность денег, но не сумевшие справиться с их двойственной природой, колебались между двумя интерпретациями. Средневековые мыслители предпочитали «автогеническую» трактовку, полагая, что деньги обладают ценой только потому, что монарх приказал отчеканить на них определенный номинал. Эту идею средневековья усвоили и меркантилисты; по словам английского последователя этого учения Николаса Барбона, «деньги — это ценность, установленная законом». В начале XX века данная теория была реанимирована Г.Ф. Кнаппом и школой, отстаивающей «государственническую» теорию денег.

Последняя, полагал Струве, усматривала лишь половину истины. Ведь на деле в деньгах всегда присутствовали и должны были присутствовать обе составляющие, хотя «гетерогенический» элемент все же преобладал. Это происходило по следующей причине: «Не только *ex definitione*, но и по существу действия государства суть действия «рациональные» или, выражаясь нашим более общим термином, явления автогенические. Ведь именно в этом и отличие государства от общества, что явления государства приурочены как целесообразные действия к государству, как к их субъекту, и потому суть явления принципиально автогенические. Поскольку государство делает не то, что оно хочет, оно растворяется в обществе, и его действия тонут в системе гетерогенических явлений, из которых складывается то, что мы называем обществом»³⁰.

Теория «внутреннего дуализма социэкономического процесса» имела для Струве далеко идущие последствия. Она устанавливала пределы «рационализации» или «социализации» любого общества, то есть степень его подчинения расчетам единой воли. Даже в наиболее эффективно управляемых системах всегда сохраняется элемент спонтанности и, соответственно, те экономические и

³⁰ П.Б. Струве. Хозяйство и цена. — Т. I. — С. 76.

социальные явления, которые ассоциируются с «гетерогенной» стороной социоэкономического процесса.

Вероятно, страсть Струве к экономической методологии была напрямую обусловлена его разочарованием в марксизме. Столкнувшись в теории Маркса с целым рядом неразрешимых противоречий, Струве решил усовершенствовать собственный метод. От критики Маркса он перешел к критике немецкой исторической школы, а затем — к критике концепции предельной полезности. Подобно многим бывшим марксистам, он постоянно, даже занимаясь чем-то совершенно другим, продолжал полемизировать с Марксом. (Примером тому могут служить, в частности, его лекции в Политехническом институте, где он работал с молодой аудиторией.)

Для того чтобы понять, что именно не устраивало Струве в методологии Маркса, лучше всего обратиться к предложенному последним определению капитала. Капитал, говорит Маркс, «это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер»³¹. Дополняя эту формулу, Маркс заявляет, что существенным признаком подобных взаимоотношений является эксплуатация рабочих капиталистами через присвоение прибавочной стоимости. В приведенном определении есть два момента, которые занимают центральное место в марксизме и признаются последователями Маркса наиболее важным вкладом их учителя в политическую экономию. Первый заключается в том, что капитал представляет собой *социальную* категорию: выступая экономическим по своей сути явлением, на деле он зависит от тех отношений, в которые вовлечены представители различных классов. Во-вторых, капитал — *историческая* категория, присущая экономической деятельно-

³¹ К. Маркс. Капитал. — Т. III. — М., 1962. — С. 794.

сти далеко не всегда, но формирующаяся лишь на определенном этапе общественной эволюции. Такое смешение экономической и социальной составляющих и формулировка экономических категорий в исторических терминах характеризуют всю систему Маркса: именно это отличает его теорию от классической экономики, несмотря на общность ряда предпосылок. Подобно многим как до, так и после него, Струве поначалу был очарован новизной и замысловатостью марксистского метода, возможности которого казались неисчерпаемыми; даже убедившись в его несостоятельности, он продолжал считать марксизм творением человеческого гения. Именно эти особенности марксистской теории необходимо иметь в виду для того, чтобы понять, как Струве разрабатывал собственную методологию и почему в развенчании теоретических построений Маркса он видел необходимое условие для создания логически последовательной и эмпирически достоверной экономической теории.

Анализируя противоречие между первым и третьим томами «Капитала», Струве пришел к выводу, что главным источником затруднений являются изъяны марксистской методологии. Уместно напомнить, что, согласно Марксу, капиталу присущи две составляющие, одна «постоянная», инвестируемая в сырье, оборудование и так далее, а другая — «переменная», из которой выплачивается заработная плата. Только вторая форма капитала производит «прибавочную стоимость», присваиваемую капиталистом-эксплуататором. Из такой предпосылки следует, что чем выше доля затраченного переменного капитала, тем выше уровень прибыли и интенсивнее капиталистическая эксплуатация. Но данное заключение не согласуется с очевидным фактом, не отрицавшимся и самим Марксом, согласно которому уровень капиталистической прибыли тяготеет к некоторому устойчивому показателю. В посмертно опубликованном третьем томе Маркс устранил это несоответствие, тихо отказавшись от применения трудовой теории стоимости по отношению к

индивидуальным предпринимателям и прилагая ее только к «общественному продукту» в целом. Но, как обескураженно отмечал Струве, занимаясь критикой третьего тома Бем-Баверком, «ценность всего общественного продукта не может быть ни с чем сравниваема, как ценность, и не есть, таким образом, ценность»³². Действительно, будучи доведенной до логического завершения, марксистская концепция капитала должна была привести к парадоксу: по мере того как в ходе капиталистического производства доля переменного капитала проявляет тенденцию к снижению (в силу растущей механизации производства), уровень прибыли также должен падать³³.

В чем же была ошибка? Во-первых, согласно Струве, Маркс ошибался, когда определял капитал, представляющий собой явно экономическую категорию, в терминах классовых отношений, то есть посредством социальных категорий. Указанные сферы функционируют отдельно друг от друга, несмотря на то, что иногда *предстают в единстве*: использование капитала стимулируется стремлением к прибыли, которое не имеет отношения к общественному статусу вовлеченных в данный процесс сторон, в то время как в социальных (классовых) отношениях по определению сходятся неравные партнеры. Во-вторых, Маркс заблуждался, толкуя капитал в историческом смысле. Категории экономической науки всегда должны выступать в роли «чистых» категорий, «идеальных типов», не связанных специфическими условиями места и времени. Изложенные воззрения впервые оформились у Струве в 1899–1900 годах; именно на их основе позже был воздвигнут его экономический метод.

Начнем с природы категорий, используемых в экономике: нужно ли привязывать их к историческим ситуациям, или же они более абстрактны? Эта проблема, впервые поставленная в 1880-е годы в дискуссии Менгера — Шмол-

³² #89/297.

³³ *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал. — С. 325-328.

лера, глубоко интересовала Струве, поскольку он был уверен, что от ее решения зависит развитие экономики как научной дисциплины. Тогда столкнулись две концепции. Лидер исторической школы Густав Шмоллер и его последователи, преобладавшие в академических кругах Германии в середине XIX столетия, отрицали существование абсолютных и вечных экономических принципов, постулируемое экономистами-классиками. Они подчеркивали разницу между объектами, изучаемыми естественными и социальными науками, указывая, что в последних задействовано бесконечное множество переменных, которые делают любую историческую ситуацию уникальной и не позволяют формулировать законы, аналогичные законам естественных наук³⁴. В своем крайнем варианте историческая школа пыталась ограничить себя чисто фактуальной стороной дела, что превращало экономику в ответвление истории. Иные последователи исторической школы пытались найти компромиссный путь, выдвигая историко-экономические типологии («меркантилизм», «капитализм», «империализм») или модели типа предложенной Карлом Бюхером (триада «домашнего», «городского» и «народного» хозяйства). В двух книгах, опубликованных в 1883 и 1884 годах, Карл Менгер подверг исторический подход критике как за слабость его теоретических оснований, так и за практическую несостоятельность. Некоторые базовые экономические явления действительно происходят в границах места и времени, но задача экономиста в том, чтобы «очистить» их. Экономические типы или модели должны быть не описательными или историческими, но аналитическими и абстрактными. В центре их внимания должен, в качестве стержня всего экономического процесса, находиться *der wirtschaftende Mensch* — «человек, занятый экономической деятельностью». «Идеальные типы»

³⁴ По терминологии В. Виндельбанда и Г. Риккерта, естественные науки были «номотетическими», в то время как исторические — «идеографическими».

Макса Вебера были попыткой синтезировать исторический и антиисторический подходы. Будучи основанными на историческом опыте, последние все же не были связаны с конкретной эпохой и применялись по всему временному спектру. По словам самого Вебера, его «идеальные типы» определяли явления в манере «абстрактно-типической», а не «абстрактно-родовой».

После некоторых колебаний³⁵ Струве встал на сторону Менгера и Вебера. В 1896 году он все еще настаивал на том, что «исторический» подход к политэкономии должен стать дополнением «философского» подхода³⁶. В 1900 году он отверг типологию Бюхера, ранее им разделяемую, и призвал к формулировке экономических категорий, не зависящих от истории³⁷. Наиболее обстоятельно он высказался по данному поводу в 1913 году, в ходе защиты своей магистерской диссертации по теме «Теория политической экономии и история хозяйственного быта» (#441). Струве тогда заявил, что главная проблема экономической типологии, «привязанной» к истории, заключается в том, что последняя настаивает на жестком разделении тех явлений, которые в реальных пространственно-временных рамках мирно соседствуют друг с другом. Это верно, к примеру, в отношении трех экономических типов, предложенных Бюхером. Передача товаров непосредственно от производителя к потребителю, которую Бюхер считал отличительной особенностью досовременной («домашней» и «городской») экономики, во множестве случаев наблюдалась и в XX веке. «Но историческую действительность это схематическое наблюдение [Бюхера] не отображает и не изображает, ибо для исторической действительности существенно все качественное и количественное многообразие реальных явлений»³⁸. Собственными историческими изы-

³⁵ См.: #445/27.

³⁶ #40/106.

³⁷ #90/252.

³⁸ #441/ix.

сканиями Струве доказал, что тип экономики, названный им «крепостным хозяйством», вполне сопоставим с ранним капитализмом³⁹. Все это укрепило его недоверие к историко-экономическим типам и тщетному использованию таких терминов, как «меркантилизм», «капитализм» и тому подобные.

Стараясь избежать просчетов исторического метода, Струве предложил синтетический подход, не слишком отличающийся от веберовской теории «идеальных типов»: «История хозяйственного быта как самостоятельная научная дисциплина есть обработка исторического материала и хозяйственной жизни при помощи систематических категорий политической экономии, которые сами вовсе не суть “исторические” понятия»⁴⁰. В 1913 году, когда это было написано, Струве по-прежнему находил идеи Вебера весьма привлекательными. В целом, заявлял он в своей речи на защите, «чем “утопичнее” идеальный тип или систематичнее схема, тем менее она насилует действительность, ибо тем яснее: 1) что в каждом разрезе действительности сплетаются и переплетаются элементы разных систематических построений, 2) что качественное и количественное многообразие всего исторического заполнения действительности вовсе не может быть уловлено никакими схемами»⁴¹. Но в неустанной критике и самокритике, с помощью которых он пытался добраться до чисто эмпирических оснований политической экономии, Струве не остановился на «идеальных типах». К 1932 году он решил, что от веберовских категорий нужно и вовсе отказаться. Но его критика Вебера, несмотря на всю свою эмоциональность, не слишком конкретна⁴². По-видимому, он заключил, что теория Вебера осталась непродуманной самим ее создателем. (Струве, в частности, обращал вни-

³⁹ *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал. – С. 292.

⁴⁰ #441/vi-vii.

⁴¹ Там же. – С.х.

⁴² #619/502-503; #637/14-19.

мание на тот факт, что Вебер сформулировал теорию «идеальных типов» как бы между делом, подготавливая программу научного журнала, который собирался возглавить.) По мнению Струве, Вебер относил к «идеальным типам» довольно разнообразные и логически не связанные явления, такие, как «экономический обмен», «государство» или «раннее христианство». Из сказанного можно заключить, что в своей интеллектуальной эволюции Струве шел к еще более абстрактной и неисторичной системе экономических категорий.

Струве развил довольно всестороннюю теорию «экономической деятельности». Последнюю он именовал одной из фундаментальных «систем» человеческой культуры наряду с религией, этикой, искусством, наукой и правом⁴³. В этом понятии он усматривал куда больше, нежели просто аккумуляцию товаров и услуг, производимых для удовлетворения людских нужд. Стандартные ученические определения такого типа он отвергал, поскольку ему претило постулируемое в них упрощенческое понимание человеческих потребностей, сводимых в основном к материальным факторам. Материальные запросы составляют куда меньшую часть совокупных потребностей человека, нежели принято считать; кроме того, их довольно нелегко отделить от остальных желаний, включая и те, которые имеют психическую природу (подобных, например, стремлению опередить ближнего или заслужить похвалу). Человеческие запросы настолько субъективны и настолько иррациональны, что попытка четко определить их и бесполезна, и бессмысленна: *«Жизнь состоит из переживания и удовлетворения потребностей. Понятия “потребность” и “удовлетворение” столь же мало нуждаются в определении, как и понятие “жизнь”»*⁴⁴. Макс Вебер в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма» (эту работу Струве счи-

⁴³ #445/29; #579/6.

⁴⁴ #619/500.

тал выдающейся⁴⁵) продемонстрировал, насколько значительную роль психокультурные и социокультурные факторы способны играть в экономической мотивации. «Экономическая деятельность, прежде всего, обеспечивает жизнь во всем многообразии ее проявлений. Или, выражаясь иначе и более точно: экономическая деятельность складывается из *приобретения и использования средств* для удовлетворения потребностей, причем всех потребностей. Это не просто пассивное усвоение материи ради поддержания жизни и, следовательно, не просто *пропитание*. Несводима она и к потреблению в широком смысле слова. Также неправильно отождествлять ее и с самой жизнью в целом, будь то жизнь материальная или духовная»⁴⁶.

Осознание потребности и попытка удовлетворить ее, несомненно, относятся к экономической деятельности, но они отнюдь не исчерпывают ее содержания. Определяющей чертой экономической деятельности, позволяющей отнести ее к сфере «культуры», является рационализм, который понимается как «стремление к достижению наибольших результатов с наименьшей затратой сил и средств»⁴⁷. Струве обращает внимание на тот факт, что корень слова «рационализм» — латинское *ratio* — в римской юриспруденции обозначал ведение бухгалтерских книг. И это весьма точное понимание, добавляет он, ибо нацеленность на «рациональные» результаты (присущая любой экономической активности) требует калькуляции, то есть цифровой фиксации соотношения между затратами и приобретенной выгодой. Поскольку экономика в трактовке Струве выступает оперативным понятием, он предпочитал глагол «хозяйствовать» (*wirtschaften*) существительному «хозяйство» (*Wirtschaft*).

Всякая целенаправленная деятельность, первейшим примером которой является экономика, предполагает на-

⁴⁵ #389/462-463.

⁴⁶ #619/500.

⁴⁷ #448/4.

личие сознательной и автономной воли, способной определять потребности и нужды и прогнозировать расходы, необходимые для их удовлетворения. Струве принял предложенное Менгером понятие «*wirtschaftender Mensch*» как *sine qua non* любой экономики. В данной роли может выступать индивид, юридическое лицо или государство. В первом случае мы имеем дело с семейной экономикой или, как довольно нескладно высказался Струве, с «совокупностью рядом стоящих хозяйств», прообразом которой служит экономика феодальной Европы. Там, где экономических субъектов много, причем как индивидуальных, так и корпоративных, формируется «система взаимодействующих хозяйств», подобная экономике современного индустриального Запада. И, наконец, бывают экономические системы, в рамках которых все контролируется государством («общество-хозяйство») — напоминающие, например, режим, созданный иезуитами в Парагвае в XVII столетии, или мечтания социалистов. Подобная классификация казалась ему более логичной и внутренне последовательной, нежели предложенная Бюхером. В связи с тем, что применяемые последним категории «городского хозяйства», «народного хозяйства» и «ойкосного хозяйства» не предполагают автономно действующих субъектов, Струве отказывался пользоваться ими, называя «национальную» и «мировую» экономику «псевдонауками»⁴⁸. Нет нужды говорить, что его уважением по тем же самым основаниям не пользовались и такие понятия современной экономической науки, как «валовой национальный продукт» или «показатели экономического роста». Нетрудно представить и возможную реакцию Струве на открывающее популярный американский учебник утверждение о том, что предметом экономической науки является изучение «функционирования экономики как единого целого»⁴⁹. «Что представляет

⁴⁸ #441/vii-x.

⁴⁹ Paul A. Samuelson. Economics: An Introductory Analysis. 7th ed. — New York, 1967. — P. 7.

собой это целое?» — непременно поинтересовался бы он. За исключением жестко централизованных социальных систем типа «общество—хозяйство» экономика никогда не составляет «целого». Напротив, это арена, на которой состязаются индивидуальные и корпоративные экономики, каждая из которых преследует частные цели и стремится при этом обеспечить наиболее «рациональные» результаты. Струве, вне всякого сомнения, усмотрел бы в понятии «экономики как целого» типичный пример «универсалистских» заблуждений.

Здесь уместно повторить, что сам Струве считал свою экономическую типологию не столько дескриптивной или исторической, сколько логической; иными словами, он не предполагал наличия поступательного движения от одного типа к другому. Предложенные им категории не предназначались для описания реальности — они были сугубо аналитическими инструментами. В то же время следует заметить, что они оказались настолько общими, что даже сам их создатель почти не обращался к ним в своей теоретической работе.

Мы, таким образом, можем выделить три элемента, присущих любой экономической деятельности. Среди них: 1) ее содержание, а именно удовлетворение разнообразных человеческих нужд через приобретение товаров и услуг (благ); 2) психологическая составляющая, то есть «рациональное» стремление получить побольше по наименьшей цене; 3) ее субъект, или автономная воля тех, кто испытывает какую-то потребность и рациональным образом пытается удовлетворить ее (Струве называет это «телеологическим» единством). Из всего перечисленного вытекает определение экономики как «субъективного телеологического единства рациональной экономической деятельности»⁵⁰.

⁵⁰ Впервые данная формула появилась в 1900 году; см. #90/253. Она неоднократно использовалась Струве и в дальнейшем — см., к примеру, #448/5.

Во всем разнообразии *экономической* деятельности — подразумевающей активные взаимоотношения теоретически равных субъектов — Струве различал два фундаментальных типа: деятельность, определяемую взаимоотношениями человека с природой, которую он называл «чистым хозяйствованием» или, иногда, просто «хозяйствованием», и деятельность, определяемую взаимоотношениями автономных экономических субъектов между собой, именуемую «межхозяйственной». Как отмечалось ранее, это различие явно перекликается с воззрениями Родбертуса и Милля.

Категории «чистой экономики» исключительно нормативны: они говорят о том, каким образом должен действовать человек, намеревающийся добиться цели экономической активности, а именно получить максимум прибыли при минимуме затрат. Главными среди них являются три: потребность, субъективная оценка и сам труд. «Межхозяйственные» категории отражают результаты экономического взаимодействия множества субъектов, преследующих частные интересы. На этом уровне принципиальными элементами выступают деньги, обмен, цена, распределение и рынок. «Чистые» и «межхозяйственные» категории формируют континуум. Но категории третьего типа — социальные категории — коренным образом выделяются из двух предшествующих групп. Теоретически вовлеченные в экономическое взаимодействие стороны равны. Предпринимателя, договаривающегося о сделке, никоим образом не волнует богатство или социальный статус его партнера: он заинтересован исключительно в увеличении прибыли «рациональным» путем. Социальные отношения, напротив, сводят друг с другом стороны (общественные группы или классы), которые по определению не равны. В реальности, разумеется, абстрактного равенства, постулируемого теоретической экономикой, не существует: заключающие сделку партнеры вполне могут иметь разный социальный статус или быть в различной степени удачливыми. Одна из опасностей, постоянно подстерегающих исследователей

«межхозяйственных» явлений, состоит в том, что подобные феномены зачастую предстают не в экономическом, но в социальном обличье. Ради точности анализа, однако, необходимо четко отделять одно от другого. Ибо, как указывал Струве, идентичные экономические явления совместимы с радикально различными социальными системами: «Всякая социальная или политическая система совместима с хозяйством»⁵¹. Именно неумение отделить общественные формы от экономических обусловило трудности, с которыми столкнулся Маркс при разработке своей теории капитала. Смешение «капитала», являющегося по сути своей экономической категорией, с «классами» и «классовыми отношениями», представляющими собой социальные феномены, лежало в основе той дилеммы, которую Струве обнаружил в марксизме. Кстати, подобные трудности возникали и в так называемой «теории распределения», разрабатываемой классической экономикой. Если доходы всех социальных групп действительно воплощаются в ценах, из самой теории цен (явно «межхозяйственной» концепции) невозможно вывести теорию распределения, которая относится к области общественных явлений⁵².

Для рассмотрения *социальных* феноменов Струве предложил две принципиальные категории: «единство» и «целое». «Единство» постулирует субъективную волю, способную к целенаправленному усилию; первейшим примером здесь выступает государство. Общество, однако, никогда не бывает «единым», оно способно быть лишь «целым», то есть совокупностью различных волей и устремлений. Есть несколько разновидностей целого. Случайные скопления, такие, как, например, куча камней, части которых пребывают лишь в неопределенных отношениях друг с другом, составляют первый вариант. Это — «реальная совокупность». Очевидно, что общество представляет собой «целое» иного рода. Другим типом являет-

⁵¹ #445/44.

⁵² #90/265-267.

ся организм. Но общество невозможно уподобить и данному типу, так как в нем отсутствует единое волевое начало, отличающее любой организм. Подбирая термин, наилучшим образом описывающий социальную целостность, Струве обратился к словарю экологии. То, что экологи называют «доминирующим сообществом» — сеть взаимозависимостей между животными, а также между ними и их окружением, наблюдаемую, скажем, в лесу, — Струве назвал «системой». В отношении элементов системы нельзя говорить ни об отсутствии индивидуальных волей (отличающих составные части организма), ни о совершенно раздельном их сосуществовании. Напротив, они пребывают во вполне осмысленных взаимоотношениях, позволяющих им сохранять индивидуальную идентичность и волю. Система — это царство «иррационального», управляемое гегелевской «гетерогонией целей»; единство, напротив, представляет собой сферу рационального, в которой преобладает то, что Струве называл «автогонией» (то есть самозарождением) целей. В системе доминирует бессознательное, в единстве — сознание. «Организм» (категория, для которой Струве не находит места ни в экономике, ни в социологии) представляет собой синтез того и другого⁵³. Этому различию Струве придавал принципиальное значение, ибо именно на нем основывалась его концепция «основного дуализма социоэкономического процесса».

В тех случаях, когда «потребность» направлена на ограниченное число объектов или услуг, в дело вступают экономические механизмы. Поскольку экономика означает стремление к максимальной прибыли при минимальных затратах, она требует установления единой системы мер и стандартов. По этой причине количественная измеримость оказывается неотъемлемой чертой экономических процессов; эта особенность отличает экономику от прочих сфер культуры. Универсальной единицей измерения становятся «деньги», независимо от того, идет ли

⁵³ П.Б. Струве. *Хозяйство и цена*. — Т. I. — С. 38-39.

речь о настоящих деньгах или же об абстрактных единицах калькуляции, которые Робинзон Крузо мог использовать на своем абсолютно изолированном острове. Деньги и их коррелят — цена — неотделимы от экономической деятельности. Там, где власть насильственным путем лишает деньги их естественных функций, происходит не исчезновение денег, но распад рынка⁵⁴.

Столь широкое понимание денег заставило Струве отказаться от условного разграничения «натуральной» и «денежной» экономики. Он предпочитал говорить о «первичной» и «вторичной» экономике. Первичная — это та, в которой потребности человека четко не определены, а ресурсы неистощимы. Во вторичной экономике нужды конкретизированы, а ресурсы ограничены, в результате чего количественная фиксация ее процессов делается обязательной. Элементами первичной экономики являются спрос и запас; во вторичной экономике они дополняются третьим измерением — ценой⁵⁵.

Объекты, пользующиеся спросом, но не имеющиеся в достаточном количестве, превращаются в блага. Это понятие Струве также определяет предельно широко: помимо материальных вещей, оно распространяется на широкий круг желаемого, наилучшим образом отражаемый немецким словом *Leistung* или, чуть менее точно, английскими словами *service* и *utility*. «Всякое благо есть лишь овеществление услуги»⁵⁶. Формальным атрибутом блага становится цена: любое настоящее благо несет на себе «клеймо цены»⁵⁷; следовательно, всякая вещь или всякая услуга, обладающие ценой, *ipso facto* превращаются в товары. В 1917 году, опираясь на наблюдения, сделанные во время войны, Струве заключил, что деньги тоже представляют собой разновидность благ, но это «отсылочное» или,

⁵⁴ #596/88.

⁵⁵ #596/82; #579/5-7.

⁵⁶ #459/1402; Хозяйство и цена. — Т. II. — С. 34.

⁵⁷ #606/377.

по терминологии Кобдена, «посредующее» благо — в отличие от благ производства и потребления. Их отличительная особенность обусловлена тем фактом, что это единственное из благ, которое не потребляется по мере производства, но используется и в дальнейшем. Вместе с тем, обладая ценой, деньги, по собственному определению Струве, также должны рассматриваться в качестве блага⁵⁸.

Обращаясь к проблеме взаимоотношений между экономикой и иными формами человеческой активности, Струве постепенно отказался от представлений о том, что экономика — это «базис», а все прочее лишь «надстройка». Более того, отталкиваясь от марксизма, он чуть было не впал в противоположную крайность, рассматривая экономическую деятельность в качестве одной из разновидностей культуры, то есть приписывая ей «надстроечные» характеристики. Он полагал, что с ходом времени значимость экономики будет падать. В подтверждение такого предположения Струве ссылался на тот факт, что в примитивных обществах религия и экономика были неразрывно связаны, поскольку первобытные верования носили «заземленный» характер, а дикарь не отделял себя от окружающих его материальных объектов. В подобных обществах право собственности на те или иные объекты и магия были столь тесно переплетены, что невозможно было понять, где заканчивается экономика и начинается религия. Но постепенно религия становилась все более одухотворенной, отстраняясь от сиюминутных проблем и порождая ценности, свободные от экономических резонансов. В процессе этого развития, полагал Струве, появилось христианство, в котором он видел акт отторжения от «мира сего» и уход в царство духа, ставящий своей целью спасение души. Сходную эволюцию прошли наука и искусство. Эти культурные формы тоже эмансипировали себя от материального мира, постепенно составив автономную область культуры: «Суть науки или искусства, их функция в психической жизни человека состоит именно в том, что они выводят человека из среды “хозяйственной” деятельнос-

ти»⁵⁹. Распространенное убеждение в том, что вся жизнь зависит от экономики, проистекает из точно подмеченного, но неверно интерпретированного факта — из огромной роли денег в развитии любых искусств: «Все мы знаем, что искусство стоит дорого. В этой банальной истине выражается зависимость искусства от хозяйственной жизни. Но эта зависимость не может определять содержание ни науки, ни искусства, так же, как ни физический факт движения, ни физиологический факт затраты энергии не определяют собой содержание хозяйственной деятельности»⁶⁰. Наименее всего эта «надстроечная» трактовка культуры была применима к праву, которое Струве понимал в традиционно немецком смысле — как сферу, включающую все политические и социальные институты. Рудольф Штаммлер вполне справедливо уподоблял взаимоотношения экономики и права отношениям содержания и формы⁶¹.

Будучи разновидностью культуры, экономическая деятельность сама подвержена историческим влияниям. «“Экономическое” объяснение истории потому не может быть всеобъемлющим, что само понятие “экономического” (= “экономически рациональному”) есть, так сказать, историческая категория»⁶².

В систематической части своих исследований (противопоставляемой методологической части) Струве в основном занимался уточнением базовых экономических категорий, таких, как «производство», «распределение» и, более всего, «ценность». Все три понятия Струве считал бесполезными. По его убеждению, то были реликты донаучного мышления, глубоко укоренившиеся в античной и средневековой традиции и никогда не подвергавшиеся надлежащей критике. Сначала, по примеру самого Стру-

⁵⁸ #459/1408.

⁵⁹ #444/35.

⁶⁰ #444/35.

⁶¹ См.: *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал. — С. 267-269.

⁶² #389/476.

ве, я остановлюсь на теории ценности, а затем кратко охарактеризую его взгляды на производство, распределение и некоторые другие понятия экономической науки.

Как известно, классическая школа экономики придерживалась «объективной» теории ценности, согласно которой цена любого товара, предлагаемого на рынке, определялась затратами на его производство — в первую очередь трудовыми. Подобные взгляды, однако, начали выходить из моды в 70-е годы XIX века, когда сложилась школа «предельной полезности», представленная Карлом Менгером в Австрии, Леоном Вальрасом в Швейцарии и У.С. Джевонсом в Англии. Эта школа выдвинула «субъективную» теорию ценности, в рамках которой цены на товары определялись не масштабами производственных затрат, а их полезностью для потребителя. По словам историка, в то время как старая теория ценности выделяла то, что было вложено в товар производителем, данная концепция делала упор на извлекаемое из него покупателем⁶³.

Школа «предельной полезности» добилась впечатляющего, но не окончательного триумфа. Оставались скептики, которые, даже будучи неудовлетворенными традиционной трактовкой, не считали новую теорию достаточно убедительной. На рубеже XIX и XX веков наиболее решительные теоретики стали задумываться над тем, удалось ли вообще добиться чего бы то ни было, заменив одно понимание ценности другим, и не пришло ли время поставить вопрос о состоятельности самого этого понятия. В рядах скептиков наиболее заметными фигурами были Фр.-Й. Науманн, Ирвинг Фишер, Густав Кассель и, прежде всего, Вильфредо Парето. Не отказываясь от ценности как от инструмента научного анализа, Парето критиковал распространенное наделение данного термина «метафизическими и мистическими» качествами, лишавшее его смысла. Цитируя предлагаемое в одном из научных трактатов определение цены как «конкретного выражения ценности», Па-

⁶³ Charles Gide. Le Juste Prix. — Paris, 1941. — P. 10-11.

рето говорил, что это напоминает ему о реинкарнациях Будды, добавляя, что с равным успехом можно определять кошку как «конкретное проявление кошачности», а воду — как «воплощение принципа текучести». Именно в таком контексте на свет появился пассаж (взятый в качестве эпиграфа к настоящей главе), в котором Парето убеждает экономистов выяснить, скрывается ли за бесконечными флуктуациями цен хоть что-нибудь постоянное и устойчивое, то есть нужно ли вообще понятие ценности⁶⁴.

Струве был знаком с работами Парето и других представителей этой школы. Но, по-видимому, ученым, который напрямую подтолкнул его к критике теории ценности, стал малоизвестный венгр О. фон Гёмёри. В блестящей статье, опубликованной в 1897 году, Гёмёри подверг критике политэкономия своего времени на том основании, что она была обременена метафизическими понятиями, унаследованными от философской традиции естественного права. Современная наука, заявлял он, должна заниматься не таинственными причинами тех или иных феноменов, но их проявлениями — лишь в таком случае она станет по-настоящему «позитивной» наукой. Как только это будет сделано, выяснится, что подлинным объектом экономического исследования должна стать не «ценность», но «цена». А первейшей заботой экономистов станет раскрытие законов, управляющих динамикой цен; спекуляции же об укорененности цены в ценности вообще отойдут на задний план⁶⁵.

⁶⁴ *Vilfredo Pareto. L'économie et la sociologie au point de vue scientifique. — Revista di Scienza. — Bologna. — I. — 1907. — P. 302-304. См. также его известный учебник: Manuel d'économie politique. — Paris. — 1909. — P. 205-209, 242-246. См.: Eric Roll. A History of Economic Thought. 4th ed. — London, 1973. — P. 412; Rudolf Kaulla. Die geschichtliche Entwicklung der modernen Werttheorien. — Tübingen, 1906. — S. 275.*

⁶⁵ *Der Preis als selbständige Kategorie. — Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. — Jena. — III Folge. — Band 13 [68]. — (1897). — S. 177-192.* Струве цитирует эту статью во многих работах (#450/194; #451/102 прим., 117 прим.; #652/344), называя ее «замечательным исследованием», но, что интересно, в связи с совершенно иными идеями.

Еще в университете Струве удивляло, насколько большое значение экономисты приписывают категории ценности. Уже в 1894 году в энциклопедической статье, посвященной трудам Тюнена, он отвергал понятие «справедливой заработной платы» на том основании, что объективное ее определение невозможно, ибо оно всегда зависит от субъективных представлений о справедливости⁶⁶. Два года спустя, вникая в затруднения Маркса, касающиеся уточнения понятия «норма прибыли», он обратился к проблеме стоимости. В большом теоретическом эссе, написанном в 1896 году (#40), была предпринята мужественная попытка найти устраивающее марксистов определение «ценности» («стоимости»). Еще через два года Струве вновь обратился к той же проблеме. На этот раз он решил предпринять исследование, которое продемонстрировало бы состоятельность теоремы Маркса, согласно которой стоимость товаров определяется их «социальной оценкой». Однако по мере погружения в тему он, к своему разочарованию, обнаружил, что во взглядах Маркса на данный предмет царит изрядная путаница. В конце концов молодой Струве пришел к выводу, что во все периоды истории свободное формирование цен на открытом рынке опережало «социальную оценку» и предопределяло ее; или, говоря более конкретно, свободный рынок неизменно предшествовал «указной» или «социально фиксированной» цене⁶⁷. Изучению данного вопроса Струве посвятил большую часть 1899 года. Дрейф его мысли чувствуется в заявлении, опубликованном им в январе 1899 года: критики Маркса, говорил он тогда, в первую очередь должны заниматься понятием ценности⁶⁸. Как уже отмечалось, к концу этого года он завершил набросок «критического исследования», посвященного ценности и цене⁶⁹. Быстрый и радикальный переворот в

⁶⁶ #17/289.

⁶⁷ #652/345.

⁶⁸ #76/49.

⁶⁹ #89/297 прим.

его мировоззрении характеризуется пассажем, написанным в сентябре 1899 года, в котором понятие цены объявлялось историческим предшественником понятия ценности⁷⁰. В марте 1900 года он назвал «фикцией» представления о том, что понятие ценности обладает какой-либо «субстанциальностью»⁷¹.

Все эти свидетельства, запечатленные в работах Струве, позволяют нам говорить о том, что хотя некоторые элементы критики присутствовали в его мышлении и раньше, целостный подход к понятию ценности сложился между осенью 1898 и осенью 1899 года. Поначалу Струве занимался критикой трудовой теории ценности, но со временем, подметив связь между данной теорией представлениями о ценности, разделяемыми другим экономическими школами, он расширил диапазон исследования, включив в него все существующие концепции, как субъективистские, так и объективистские. Позже, не останавливаясь на достигнутом, Струве пошел еще дальше, сделав предметами своей критики другие основные понятия экономической науки, такие, как производство и распределение. Иными словами, начав «точечных» нападков на марксистскую теорию ценности Струве подверг атаке всю теоретическую структуру экономики. В ходе этой «очистительной» работы он формулировал собственную экономическую концепцию, основанную на понятии цены как квинтэссенции экономического процесса.

Как и обычно, критический метод Струве был двойным, историческим, с одной стороны, и аналитическим с другой. Прежде всего он стремился продемонстрировать, каким образом ценность заняла столь выдающееся место в экономической мысли, а затем с помощью логического анализа пытался показать, почему от такого подхода необходимо отказаться.

⁷⁰ #85/xxx; см. также: #86/178.

⁷¹ #89/304.

По утверждению Струве, понятие ценности было выдающимся примером предрасположенности человеческого интеллекта на определенном этапе его развития приписывать абстракциям реальное существование. Склонность «субстанциализировать» цены, рассматривая их в качестве проявления какой-то высшей силы, прослеживается на всем протяжении классической античности. Вера Платона в то, что цена товаров определяется «разумом» (а вовсе не спросом и предложением), а также убеждение Аристотеля, согласно которому всякий обмен должен быть «справедливым», уже содержали в себе зачатки поздней теории ценности. Потом эти мотивы были развиты Альбертом Великим и Фомой Аквинским, сформулировавшими теорию «справедливой цены». Далее, будучи переименованной в «объективную ценность», «справедливая цена» обрела псевдонаучную легитимацию, став для экономистов-классиков *idée fixe*. Кульминацией этого процесса явилась трудовая теория ценности Маркса, которая, несмотря на весь свой научный антураж, была прочно укоренена в схоластической традиции: «Для меня совершенно ясно, что Марксова теория трудовой ценности по своему логическому строению много столетий тому назад имела грандиозную аналогию и прообраз в «реалистически» обоснованном схоластическом учении о первоначальном грехе. Отдельный товар, с точки зрения Маркса, также необходимо участвует в общественной ценности субстанции, как для схоластики отдельный человек участвует в грехе Адама»⁷². В другом месте Струве уподобляет роль ценности в экономической мысли известнейшей фикции раннего естествознания: «Отношение между метафизически-объективной, субстанциальной теорией цены—ценности и эмпирически-субъективной психологической теорией представляет с точки зрения общего типа

⁷² #447/xxvi. Критики Струве часто ссылались на этот пассаж как на свидетельство его предполагаемой интеллектуальной безответственности.

научной мысли поразительную аналогию с отношением между объяснением горения при помощи знаменитой теории флогистона, или явлений теплоты при помощи теплорода, и современными воззрениями химии и физики на процесс горения и на явления теплоты»⁷³.

Этой универсальной традиции противостояло другое, менее заметное течение экономической мысли. Для «психологов», «субъективистов» или «номиналистов» «нет ценности вне отдельных конкретных актов оценки, объективирующихся в цене»⁷⁴. Данная школа также опиралась на авторитет Аристотеля, а виднейшими ее представителями в средние века были схоласты Буридан и Николай Орезмий. Представленная ими тенденция, однако, так и не смогла возобладать в экономической мысли и постепенно была смята натиском универсализма.

Согласно Струве, сущность, называемая «ценностью», представляет собой не что иное, как универсальное толкование цены: это — норма (то есть идеальное соотношение товаров в процессе обмена), в то время как цена — это факт («реализованное меновое отношение»)⁷⁵. Таким образом, если для Маркса главной ценностью был труд, для последующих теоретиков в данной роли выступала приносимая товаром польза, то для Струве таковой являлась цена. Как бы отвечая Парето, он настаивал на том, что помимо цены, ни над ней, ни под ней никаких иных реальных экономических феноменов просто не существует. «Ценность есть либо прямой приказ о цене, то есть назначенная, «уставная» или «указная» цена, либо отвержение некоторого множества свободных цен в оценочную среднюю. Ценность, как нечто отличное от цены, от нее независимое, ее определяющее, есть фантом»⁷⁶. «Ценность» бывает либо дирек-

⁷³ П.Б. Струве. Хозяйство и цена. — Т. I. — Гл. 1. — С. 96.

⁷⁴ #447/xxii.

⁷⁵ П.Б. Струве. Хозяйство и цена. — Т. I. — Гл. 1. — С. 88.

⁷⁶ Там же. — С. 96.

тивно, либо статистически вырабатываемой величиной: *tertium non datur*.

Рассматривая первую составляющую этой альтернативы, Струве предпринял пространный обзор административных попыток ценового регулирования. Он ощущал потребность в подобном исследовании, поскольку намеревался опровергнуть тезис одной из наиболее влиятельных в то время школ истории экономики, полагавшей, будто цены устанавливаются решениями государственных органов⁷⁷. Ему хотелось также показать, что цена является наиболее фундаментальным фактом политической экономики.

В ранних обществах, продолжал Струве, доминировала свободная (или рыночная) цена: в таких социальных системах регулирование цен, если таковое осуществлялось, преследовало своей целью обеспечение свободного обмена. (Он, впрочем, признавал, что свою роль в этом деле могли играть как фискальные, так и социополитические соображения: например, желание защитить слабых.) В подтверждение своей позиции Струве ссылается на положения, касающиеся регулирования цен в вавилонском, древнееврейском, германском и арабском праве. Во всех этих случаях он обнаруживает, что цены, устанавливаемые законом, оказывались всего лишь сложившейся на тот или иной момент времени «усредненной» ценой, которую юристы пытались стабилизировать с помощью официальной санкции. В Риме вплоть до III века н. э. свободные цены оставались преобладающими: раннее римское право вообще не касалось ценообразования и даже допускало коммерческий обман. Идею ценового контроля

⁷⁷ Ведущими представителями «государственнической» точки зрения на ценообразование были Рудольф Каулла, Вальтер Лотц и Георг Зиммель. Струве познакомился с их сочинениями в конце 1890-х годов. Аргументы в пользу свободного ценообразования, впервые намеченные Струве в предисловии к новому переводу «Капитала» в сентябре 1899 года (#85/xxix), получили всестороннее развитие во второй главе первой части «Хозяйства и цены» (#451).

римляне освоили достаточно поздно. Будучи высказанной в рескриптах Диоклетиана, она ознаменовала уникальную в мировой истории попытку регулировать цены на пространствах громадной империи. После завершения царствования этого императора понятие «справедливой» (или «подлинной») цены прочно вошло в правовой оборот. Струве, однако, утверждает, что римские юристы использовали эти концепции не для того, чтобы ограничивать свободный обмен товарами, но с целью более эффективного разрешения споров с участием частных лиц: в действительности римское *iustum (verum) pretio* представляло собой то, что на современном языке может быть названо справедливой или разумной оценкой имущества ради урегулирования споров о нанесении ущерба. Лишь в средневековой Европе, под влиянием схоластики, «справедливая цена» стала нормативным понятием и начала использоваться в качестве инструмента вмешательства в процесс свободного обмена.

Завершая свой исторический обзор, Струве делает следующие выводы. Во-первых, свободные цены исторически предшествовали регулируемым; во-вторых, последние, складываясь на основе свободных цен, постепенно превращались в формализованный статистический инструмент. Иными словами, «ценность», выражаемая в директивно устанавливаемой цене, выступала производной от свободной цены. Подобный вывод едва ли удивителен, ибо по мысли Струве цена относится к сфере «межхозяйственных» отношений, то есть к тому ряду гетерогенных феноменов, который не поддается окончательной рационализации: «Социальное (властное, начальственное) регулирование цен сводится к ряду попыток — превратить цену из гетерогенического явления, получающегося в результате столкновения множества человеческих произволов, в явление автогеническое, в заранее учтенное и построенное решение воли какого-либо надиндивидуального социального субъекта, субъекта хозяйствования и властвования. История учит тому, что при самых различных

формах политического, социального и хозяйственного строя эти попытки плохо удаются. Цена и в самых примитивных, и в довольно сложных условиях хозяйствования и властвования упорно остается в общем и целом гетерогеническим явлением, сопротивляющимся рациональному социальному построению»⁷⁸.

Струве заключал, что в XX столетии с его железнодорожными тарифами, регулированием заработной платы и картелями, область экономической деятельности, подверженная регуляции, постепенно расширяется, но вместе с тем он чувствовал, что данный процесс имеет свои пределы. «И в наше время цена остается все-таки по преимуществу явлением гетерогеническим — и идея полной рационализации цен и всецелого управления их царством представляется фантастической»⁷⁹. В акционировании современных капиталистических предприятий Струве видел блестящий пример синтеза гетерогенических и автогенических элементов ценообразования, а в фондовой бирже — успешную попытку комбинировать рационализацию и спонтанность.

Главным объектом нападок Струве стала так называемая «теория равновесия», господствовавшая в науке конца XIX века (и сохраняющая свое доминирующее положение до сих пор). Согласно ее базовому постулату, цена формируется на том вполне конкретном рубеже, где спрос соответствует предложению, то есть в том перекрестке («точке равновесия»), где «кривая спроса» и «кривая предложения» пересекаются друг с другом. Если данный эквilibrium нарушен, то цена колеблется до тех пор, пока он не будет восстановлен, либо же сделки вообще не заключаются. Концепция «предельной полезности» — родственная доктрина — пытается объяснить, каким образом покупатель формулирует свои приоритеты на рынке, то

⁷⁸ #451/312.

⁷⁹ #451/312-313. Струве отмечал в данной связи, что сознательно воздерживается от обсуждения регулирования учетных ставок, поскольку это — относительно недавнее историческое явление.

есть как он добивается того, чтобы «один и тот же уровень затрат обеспечивал один и тот же уровень удовлетворения потребности»⁸⁰. Соотношение спроса и предложения в рассматриваемой концепции определяется всецело в математических терминах.

Впервые Струве обратился к «теории равновесия» в статье, написанной в 1923 году и задуманной в качестве заключительной главы «Хозяйства и цены»⁸¹. Затем он вернулся к этому предмету в 1936 году, проведя полгода в Статистическом институте экономических исследований в Софии, в богатой библиотеке которого ему удалось познакомиться с научными трудами, недоступными в Белграде, где Струве проживал с 1928 года. Именно в Болгарии он подробно ознакомился с послевоенной экономической литературой, которая в свое время ускользнула от его внимания в силу занятости политикой. Результатом всех этих изысканий стало детальное эссе о «теории равновесия», в котором в полной мере был развит тезис о том, что, подобно объективистским теориям ценности, последняя также несостоятельна концептуально и неприменима практически⁸².

Хотя корни этой экономической идеи, подобно многим другим, лежали в сфере схоластики и классической философии, в первую очередь «теория равновесия» представлялась Струве порождением механистической философии XVII–XVIII веков. Сами понятия «колебание цен» и «эквilibриум» показывают, насколько тесно данная концепция была связана с механистическим мышлением. Эту историческую связь Струве иллюстрирует множеством примеров, включая яркую цитату из письма

⁸⁰ Формулировка Дж. Р. Хикса. Цит. по: *E. Roll. History of Economic Thought*. – P. 405.

⁸¹ #575а. Эта статья вызвала критический отклик А.Д. Билимовича: Два подхода к научной картине экономического мира. – *Экономический вестник*. – № 3/1 (1924). – С. 3-32. Ответ Струве на эту публикацию см.: #595.

⁸² #460.

Тюрго Д. Юму, в котором колебания цен уподобляются движениям механизма и применяется сам термин «эквилибриум»⁸³.

Такая интеллектуальная «родословная» позволяет понять, в чем именно Струве видел главные изъяны «теории равновесия». Последняя усматривает в цене *атрибут* вовлеченных в процесс обмена предметов, подобно тому, как механика рассматривает массу в качестве атрибута физических объектов⁸⁴. Именно убеждение в том, что цена — это качество товара, в конечном счете сближает нынешнюю «субъективную» теорию ценности с прежней «объективной», несмотря на их кажущуюся несовместимость. Эти концепции различаются лишь в объяснении того, чем обусловлен тот или иной атрибут.

«Эквилибристы» полагают, что участники обмена выходят на рынок со своими представлениями о цене: «личный интерес» позволяет им завышать ее, если они продавцы, и занижать — если они покупатели. «Утверждение о том, что цена формируется в точке совпадения спроса и предложения, само по себе постулирует существование цены как атрибута или проявления спроса-предложения»⁸⁵. Но реалистична ли подобная предпосылка? Так ли функционирует подлинный рынок? Ответ Струве отрицателен. За пределами самого акта обмена, в котором формируются цены, никакого равенства или «равновесия» спроса и предложения просто не существует. Таким

⁸³ #460/489-490.

⁸⁴ #460/508-512.

⁸⁵ #595/36. В работе, написанной в 1908 году, Симьен замечает: «cette théorie, destinée à expliquer la formation du prix, implique cette condition que les prix existent déjà» («эта теория, предназначенная для объяснения образования цены, имплицитно предполагает, что цена уже существует»). *François Simiand. La méthode positive en science économique.* — Paris, 1912. — P. 200. Сравним со следующим фрагментом Струве: «Объяснение явления цены равенством спроса и предложения... логически стоит приблизительно на том же уровне, что объяснение равенства углов или сторон треугольников равенством самих треугольников. Это не тавтология, а, пожалуй, хуже, чем тавтология» (#595/35).

образом, кривые спроса и предложения, на которые ссылается «теория равновесия», просто безосновательны.

Струве воспринимал рынок как нечто динамичное и гетерогенное. В момент встречи покупателей и продавцов рынка еще нет: здесь имеют место лишь индивидуальные акты обмена, итог которых определяется психологическими факторами, лежащими за пределами научного анализа. Только после того, как оформится последовательность подобных обменов и откристаллизуется ценовая норма, можно будет говорить о рынке. Рынок — это не «топографическое» и не «юридическое» понятие, то есть не место и не учреждение, не какая-нибудь абстракция, устанавливающая цены: это «система реальных и возможных, осуществляемых и предполагаемых актов обмена, которыми производится измерение и непрерывно поддерживается измеримость хозяйственных благ»⁸⁶.

«Теория равновесия» пытается искусственно «заморозить» рынок и процесс ценообразования, хотя ни то, ни другое не является статическим феноменом. Если уж в экономике вообще можно рассуждать о каком-либо равновесии, это будет нечто вроде «кинетического равновесия» современной химии⁸⁷. Струве соглашается с мнением Панлэва, который, критикуя «теорию равновесия», говорил о том, что «до сих пор уподобление законов экономического эквилибриума принципам статической механики оставалось лишь фигурой речи»⁸⁸. По убеждению Струве, даже на публичном аукционе, в котором Вальрас видел идеальную модель рынка, покупатели действуют, исходя из предпосылки, что цена весьма эластична. В неафишируемом, но важном постулате «теории равновесия», согласно которому цены являются предустановленными еще до начала самого акта обмена, и заключается главный ее порок. «Единая рыночная цена не есть какой-то “идеальный тип”

⁸⁶ #596/86-87.

⁸⁷ #460/519.

⁸⁸ Цит. по: *St. Jevons*. La theorie de l'economie politique. — P. xii.

или теоретическая “усредненность”; это среднее арифметическое всех ценовых предложений, сделанных покупателями и продавцами. Эта средняя величина почти всегда выводится из последовательности индивидуальных цен, не на основе некой “нормы”, но независимо от нее, еще до того, как последняя установилась. Рыночная цена одновременно представляет собой и “норму”, и “факт”. Она является нормой потому, что на основании ее вершатся отдельные сделки. И она – факт, поскольку при совершении таких сделок норма безусловно учитывается...»⁸⁹

Это смешение формальной и фактической стороны дела Струве рассматривал в качестве одной из особенностей экономической деятельности. В силу прежде всего этого обстоятельства понятия и аналитические методы, разработанные в физических науках, не подходят для экономики. В физическом мире вообще нет аналогов процессу ценообразования:

«Понятие равенства (*Gleichheit*) отражает некое соотношение, в то время как понятие цены (или ценности) также есть определенное соотношение. Соотношение, передаваемое термином “равенство” (когда мы говорим о процессе обмена), никаким абстрактным образом невозможно оторвать от соотношения, обозначаемого словом “цена” (или “стоимость”). Подобное положение обусловлено и обосновано тем, что обмениваемые объекты (блага), которые приравниваются друг к другу в цене, не просто отождествляются, но в определенном смысле взаимозаменяют друг друга. Они замещают друг друга не потому, что одинаковы, но, наоборот, воспринимаются в качестве равных именно из-за того, что способны заменять друг друга. В материальном мире ни процесс обмена, ни ценообразование не имеют аналогов. В отношении живой и неживой материи «обмен» есть всего лишь “фигура речи”, родившаяся благодаря достижениям экономики. В явлениях обмена и цены перед нами одновременно и реально

⁸⁹ #460/505.

раскрывается совершенно уникальная комбинация *идеальных* (сугубо математических) взаимоотношений: обмена и равенства. В комбинациях *abc, acb, bca, cab* мы переставляем три элемента с места на место, не приравнивая их друг к другу. Но в процессе прямого обмена, уступая экономические блага за определенную плату, мы не только “перемещаем”» их, но и уравниваем между собой. “Перемещение” в смысле менового оборота всегда суть уравнивание. Равенство спроса и предложения полностью уничтожает спрос. Если в сочетаниях *abc* и *acb* *b* будет отождествлено с *c*, то перемещение потеряет смысл, ибо *abc* перестанет отличаться от *acb*. Комбинация перемещения и уравнивания (*equatio*), которая для математики не имеет смысла, образует саму суть обмена и ценообразования. Цена есть своеобразная категория “реальности”, которая зародилась в сфере хозяйствования и не имеет аналогов в других областях бытия. ...Измерение веса физических тел также основывается на уравнивании (или отождествлении), производимом в ходе соответствующего акта, при котором искусственно фиксируется равновесие. Однако здесь процедура измерения только подтверждает наличие особой разновидности физического равенства (равенства по весу), которое существовало до начала акта измерения и автономно от него. В обмене же экономическое равенство не только констатируется с помощью равенства цен, но и реально достигается. Подобное соотношение между экономическим равенством и экономическим измерением есть соотношение *sui generis*; именно оно конституирует самобытность обмена и всякого хозяйствования вообще. ...Только в мире экономики уравнивание и измерение совершаются в процессе одного и того же акта»⁹⁰.

Благодаря специфическим особенностям процесса ценообразования вся статическая концепция, рассматривающая покупателя и продавца в качестве пассивных игроков, действия которых заданы уровнем спроса и предложе-

⁹⁰ #460/508-509.

ния, оказывается, как считает Струве, недостоверной. Механистический способ мышления тут просто неприменим. «Когда физические системы или химические соединения взаимодействуют друг с другом, они видоизменяются или на их месте образуются новые системы и соединения. Когда спрос и предложение окончательно «соединяются» в цене или посредством цены, они как таковые перестают существовать. То, что изменяется, но, по сути своей, продолжает существовать, есть *хозяйства*, участвующие в обмене. «Реализованные» блага по-прежнему относятся к хозяйствам, но уже не как факторы спроса и предложения данного рынка, ибо этот рынок уже состоялся»⁹¹.

Его окончательный вывод сводится к тому, что с точки зрения экономической статики «эквилибриум» — довольно «элегантная» логическая и математическая конструкция, которая, однако, «не соответствует экономической реальности и не выдерживает столкновения с нею»⁹².

В конечном счете за «ценностью» закрепляется лишь одна легитимная экономическая функция: она служит статистической абстракцией реальных рыночных цен. За рамками подобного применения это понятие бесполезно и должно быть изгнано из экономического словаря как метафизический пережиток.

В своем анализе «производства» и «распределения» Струве пользовался методом очень похожим на тот, который применялся им к понятию «ценности». Здесь он также исходил из представления о цене как фундаментальном факте экономической жизни.

Он полагал, что термин «производительность» в течение долгого времени способствовал смешению двух совершенно разных явлений: создания материальных благ и установления «ценностей» (в смысле цен). Вершиной этой путаницы стало понятие «прибавочной стоимости» у

⁹¹ #460/512.

⁹² #460/506.

Маркса, в котором «под ценность просто подставляется продукт»⁹³.

В каком смысле можно говорить об экономической производительности? Только в том, какой был использован физиократами, для которых указанное понятие означало воспроизводство, то есть создание посредством одного объекта нескольких объектов того же рода. Строго говоря, подобное имеет место только в животном и растительном царстве, прежде всего в сельском хозяйстве: если мы посеяли количество семян, равное x , а в урожай собрали x плюс n , n составляет «прибавочный продукт». Во всех прочих случаях экономические усилия дают лишь «переоценку», то есть приращение «цены» материалов за счет труда, который затрачивается на производство данного товара. За пределами сельского хозяйства никакого прибавочного продукта (*Mehrprodukt*) не существует, есть только прибавочная стоимость (*Mehrwert*).

Как только мы начинаем анализировать «прибавочную стоимость», продолжает Струве, выясняется, что в ней концентрируется весь смысл экономической деятельности, а именно получение максимальной отдачи за минимальную плату. Иными словами, любая деятельность, ведущая к увеличению цены товара, будь то предмет или услуга, представляет собой форму производительности. Это определение охватывает и коммерцию, хотя последняя обычно не воспринимается в качестве производительной деятельности. И, соответственно, любая прибыльная экономическая деятельность ведет к росту «производительности». В силу сказанного единого и всеобъемлющего определения производительности, охватывающего все формы «экономической деятельности», просто не существует. Следовательно, мы вновь имеем дело с фантомом, что незамедлительно обнаруживается, как только мы отказываемся от «наивно-материалистического представления о том, будто бы товарами являются исключительно физиче-

⁹³ #455/7.

ские объекты, а производство подразумевает создание подобных объектов».

Таким образом, «производительность» и «доход» представляют собой синонимы, и экономическому словарю нет надобности проводить различие между ними. Производить означает получать прибыль; получать прибыль, в свою очередь, можно только в процессе производства. Единственная причина, оправдывающая использование двух разных терминов в отношении одного и того же феномена, заключается в том, что в «межхозяйственных» системах, в которых оперирует множество активных субъектов, интересующее нас явление как бы раздваивается. «Производство» и «доход» по-прежнему, как и в иных случаях, остаются выражениями экономического прироста, но воспринимаются они с позиций двух различных субъектов, вовлеченных в сделку. Там, где имеется лишь один экономический субъект, как, например, в социалистическом государстве, различие исчезает; «производство» и «доход» бесследно растворяются в «приросте». Данный вывод, отмечает Струве мимоходом, имеет важное практическое значение. Он означает, что в социалистическом обществе совокупный рост «производства» отнюдь не обязательно идет на пользу отдельному гражданину, поскольку в обществах подобного типа «национальный доход» растворяется в «национальном производстве»⁹⁴.

Капитал и доход тоже идентичны: «капитал есть ученный (= капитализированный) доход»⁹⁵. Это, по определению, — все, что порождает доход, будь то деньги, земля или иные материальные блага. В то время как не всякие деньги являются капиталом, любой капитал может быть обращен в деньги. Именно доход определяет капитал, а не наоборот. «Восхождение от услуги к вещи, от дохода к капиталу, характеризует всю нашу систему. В этом восхождении выражается ее последовательно проводимый психоло-

⁹⁴ #455/29; #389/463-464.

⁹⁵ #459/1403.

гический функционализм в отличие от материалистического субстанциализма. Основной функцией хозяйственных благ является их потребляемость, сообщающая им в условиях ограниченного количества благ ценность и превращающая их в цены»⁹⁶. Таких вещей, как «общенациональный» или «социальный» капитал просто не существует, и лишь при социализме государство, как единственный субъект экономической деятельности, рассматривает все национальное богатство в качестве своего капитала. В плюралистической экономике «народно-хозяйственный капитал» — это всего лишь еще одна «универсалистическая фикция»⁹⁷.

Желание же использовать заемный капитал говорит вовсе не о том, что люди ценят будущие блага более высоко, нежели блага сегодняшнего дня, как полагал Бем-Баверк; заем — это своеобразная премия, выплачиваемая собственнику капитала за воздержание от потребления. А начисляемый на долг процент объясняется ограниченным количеством всех товаров: «Люди потому уплачивают процент на занимаемый ими капитал, что иначе, без этого условия, ввиду ограниченности хозяйственных благ, никто не стал бы ни в какой форме уступать ни натуральных, ни отсылочных благ, которые по общему правилу находятся в частнохозяйственном обладании»⁹⁸.

Сказанное о «производстве» применимо и в отношении «распределения». Традиционные представления экономистов о распределении «общественного продукта» основываются на двух ложных посылах. Согласно первой,

⁹⁶ Там же. Воззрения Струве на доход и капитал представлены в следующих работах: #534 и #459. Обе статьи задумывались как вступительная глава части 2 второго тома «Хозяйства и цены», который так и не был завершен. Струве утверждает, что его взгляды на капитал в целом совпадают с концепцией Ирвинга Фишера. Единственная оговорка, которую он делает, заключается в том, что он не разделяет фишеровского определения «ценности».

⁹⁷ #459/1405-1406

⁹⁸ #459/1411.

доход представляет собой некую конкретную и делимую физическую массу. Струве, как мы уже убедились, отвергает подобный взгляд: в ходе экономической деятельности производятся не материальные объекты, но «стоимости», выражаемые в цене. «Сумма экономической деятельности может быть адекватно выражена в сумме цен, но не в массе продукта»⁹⁹. Отсюда следует, что «процесс сложения доходов не есть распределение, а есть процесс образования цен»¹⁰⁰. В заимствованном политэкономией у физиократов представлении о том, что «общественный продукт» делим путем распределения, есть что-то мифологическое.

Во-вторых, традиционная концепция распределения постулирует существование общественных классов как чего-то предшествующего (предполагаемому) распределению и тем самым предопределяющего его течение. Струве, однако, полагает, что «классы» складываются в результате формирования дохода — не классовый статус устанавливает принадлежащую индивиду долю «общественного продукта», или, как он предпочитает говорить, дохода, но наоборот: доход человека намечает его общественное положение. Принадлежность к «пролетариату» или «среднему классу» определяется исключительно доходной базой.

Таким образом, как и в случае с понятиями «производительности» и «стоимости», понятием «распределения» экономическая наука может пренебречь.

Обсуждение экономических взглядов Струве будет неполным, если мы не упомянем о его взглядах на роль демографии в экономическом процессе.

Струве всегда полагал, что рост населения оказывает громадное влияние на экономическое развитие. Не случайно, отправившись в 1892 году на учебу в Грац, он из-

⁹⁹ #457/57.

¹⁰⁰ #457/56. Предложенная Струве теория распределения обсуждается С. Солнцевым в книге: М.И. Туган-Барановский (ред.). Новые идеи в экономике. — Сборник I. — СПб., 1913. — С. 1-40.

брал одним из своих наставников Хильдебранда, отстаивавшего схожие взгляды. В марксистские годы он считал довольно полезной попытку примирить Маркса с Мальтусом, или, как он тогда говорил, обогатить Мальтуса Марксом¹⁰¹. Уже тогда он был удручен неспособностью Маркса выдвинуть собственную теорию народонаселения: по мнению Струве, марксистская концепция «относительной перенаселенности» капиталистического общества была концепцией пауперизации, а не народонаселения как такового. Мальтус, с другой стороны, разработал теории и народонаселения, и пауперизации, хотя сформулировал их довольно абстрактно. Задача, следовательно, заключалась в том, чтобы примирить мальтузианские абстракции с научной теорией пауперизации, выдвинутой Марксом. От этого начинания Струве не могла отвратить даже широко известная неприязнь Маркса к Мальтусу. Он был убежден, что, несмотря на отрицание этого факта, Маркс испытал глубокое влияние Мальтуса, и что Энгельс в своей работе о Л.Г. Моргане фактически попытался соединить взгляды обоих ученых¹⁰². Со всеми сомнениями на сей счет Струве справился, читая один из ранних демографических трактатов Каутского, написанный под явным мальтузианским воздействием¹⁰³. В 1890-е годы размышления на данную тему имели для Струве принципиальное значение, поскольку, как мы помним, его главный аргумент против народничества заключался в том, что основной проблемой российского сельского хозяйства было перенаселение аграрных областей. Такое затруднение, полагал он, можно преодолеть только за счет роста современной индустрии и рыночной экономики, которые позволят стране поддерживать большую плотность населения¹⁰⁴.

¹⁰¹ *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал. – С. 169.

¹⁰² #646/572-573.

¹⁰³ *Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft*. – Vienna, 1890. См.: #24/772.

¹⁰⁴ #2/343-346; #15/115-116; #21/32-36.

Позже, как считал Струве, ему удалось раскрыть главное противоречие демографических построений Маркса. Анализируя их скрытые предпосылки, он заключил, что, по мнению Маркса, «производительные силы» каким-то образом всегда приспособляются к росту населения. Для Струве данный тезис был логически неприемлемым¹⁰⁵. В конце концов, он сам выступил в роли посредника между Мальтусом и Марксом: отвергая мнение первого о том, что рост народонаселения неизменно опережает рост производства продуктов питания, он одновременно не соглашался с позицией последнего, согласно которой такой дисбаланс вообще невозможен. По мнению Струве, оба фактора постоянно стимулируют и поддерживают друг друга. В целом производство товаров растет вслед за увеличением народонаселения (как и учил Маркс), но такое происходит отнюдь не мгновенно, два процесса могут не совпадать, и тогда сбываются предсказания Мальтуса¹⁰⁶. В любом случае Струве рассматривал увеличение численности населения в качестве одного из первейших факторов, стимулирующих экономические процессы. «Поскольку мы становимся на точку зрения экономического объяснения эволюции человеческих обществ, — провозглашал он в первой лекции своего курса политэкономии, — естественно именно этот фактор [демографический рост] положить во главу угла такого объяснения»¹⁰⁷.

С течением времени Струве придавал демографическим факторам все большее значение. Постепенно он пришел к убеждению, что «демографическая трактовка» экономических явлений является вполне законной разновидностью экономической интерпретации истории, параллельной версиям Сен-Симона и Маркса, делавших акцент на развитие производительных сил. С тем же основанием, заключал Струве, можно заявлять, что произво-

¹⁰⁵ #389/460-462.

¹⁰⁶ #389/473; #445/18-20.

¹⁰⁷ #445/18.

дительность труда представляет собой способ адаптации экономики к росту народонаселения и что снижение этого роста влечет экономический упадок¹⁰⁸.

Осенью 1913 года Струве вынес первую часть первого тома «Хозяйства и цены» на соискание ученой степени магистра экономических наук. Публичная защита, состоявшаяся в Московском университете, обернулась одним из тех скандалов, которые регулярно сопровождали появление Струве на публике¹⁰⁹. Работа, опубликованная в августе 1913 года, вызвала много толков, причем не только в академических кругах, ибо повсеместно была воспринята как атака на экономическое учение Маркса, которое в то время доминировало в русских университетах и среди интеллигенции. Приглашения на защиту пользовались огромным спросом: на мероприятие смогла попасть лишь небольшая часть желающих. В назначенный день, в воскресенье 10 ноября 1913 года, зал заседаний ученого совета был наполнен до отказа. О степени общественного интереса говорит тот факт, что на следующий день одна из ведущих российских газет, *Речь*, вынесла репортаж о диспуте на первую полосу.

Появление соискателя, состоявшееся ровно в 14 часов, было встречено взрывом аплодисментов: в намечающемся столкновении социалистов и их противников аудитория была явно на его стороне. Подобное проявление симпатий разгневало оппонентов Струве, сообщив последующей процедуре дух крайней язвительности, обычно несвойственной русским академическим диспутам. Струве начал защиту со вступительной речи (#441), в которой пояснил задачи диссертации, а также остановился на широком круге методологических проблем.

¹⁰⁸ #389/473-474.

¹⁰⁹ Нижеследующее повествование основано на репортажах газет *Речь* (№ 309. – 11 ноября 1913) и *Русские ведомости* (№ 261. – 12 ноября 1913).

Университет назначил ему двух официальных оппонентов — известного статистика Н.А. Каблукова и молодого специалиста по римскому праву М.П. Бобина. Поначалу Каблуков мягко отчитал Струве за некоторые неясности в изложении своей позиции. Затем он покритиковал диссертанта за излишнюю суровость по отношению к Марксу и слишком решительный отказ от понятия «ценность». Но в целом вердикт Каблукова был положительным; он заключил, что представленная на защиту диссертация вполне заслуживает присвоения магистерской степени. Скандал вспыхнул после того, как слово взял второй оппонент. Без лишних церемоний Бобин обвинил Струве в искажении центрального пункта марксистской теории ценности: когда Маркс именовал ценность «овеществленным трудом», настаивал оппонент, он делал это исключительно в метафорическом смысле, и именно так, вопреки Струве, его следует понимать. Отвечая Бобину, соискатель рьяно защищал свою репутацию грамотного марксиста. Никогда раньше, заявил Струве, ему не приходилось слышать, чтобы марксистскую теорию ценности называли «метафорой». Заявление было сочтено им столь вызывающим, что он не видел ни малейшего смысла в дискуссии с человеком, столь невежественным в азах марксизма. Аудитория страстно поддержала диссертанта. Бобин, побледнев от гнева, ответил, что если Струве не видит нужды с ним полемизировать, он просто сядет и не произнесет ни слова. Такая угроза, однако, не помешала Бобину разразиться получасовой речью, в которой он старался опираться на хорошо знакомые ему постулаты римского права. Теперь он упрекал Струве в неточной или заведомо ложной интерпретации Дигест, кодекса Юстиниана и других древнеримских документов, на основе которых диссертант прослеживал эволюцию «свободных» и «фиксированных» цен в античности. Струве, по его словам, демонстрировал «поразительное неуважение» к первоисточникам; его ошибки были столь вопиющими, что обнаружить их мог бы «любой образованный человек». Струве, который еще

во вступительном слове признал возможные неточности в анализе римских текстов, в ответ заявил, что по целому ряду фрагментов, упомянутых Бобиным, единодушия нет даже среди специалистов по римскому праву. Но Бобин не принял эти аргументы. Полемика ученых часто прерывалась выкриками неодобрения в адрес Бобина и аплодисментами, адресованными Струве. Прежде чем покинуть кафедру, Бобин обратился к присутствующим с вопросом, можно ли так поощрять ученого, допускающего столь грубые методологические ошибки. Источники не зафиксировали реакцию аудитории.

Корреспондент либеральной газеты *Русские ведомости* заметил, что Бобин напал на Струве в такой жесткой манере, которая была вовсе не характерна для диспутов в Московском университете. Но худшее было еще впереди. После выступления официальных оппонентов было предложено высказаться другим ученым факультета. Первым оратором оказался другой эксперт по римскому праву — А.К. Митюков. Поддержав Бобина, он решительно осудил Струве за вольное обращение с латинскими текстами. Свою гневную реплику Митюков перемежал ударами кулака по столу. В конце концов, вне себя от ярости, он перевернул стакан с водой. Аудитория, к тому моменту уже как следует «разогревшаяся», неоднократно загнула его выкрики свистом и гоготом.

После того, как высказались педанты-холерики, подошел черед еще трех ученых: С.А. Котляревского, И.А. Ильина и С.Н. Булгакова. Все они были друзьями Струве, и каждый по-своему хвалил диссертацию за эрудицию и оригинальность. В половине восьмого вечера — через пять с половиной часов после начала защиты! — диспут завершился. Ученый совет объявил, что Струве достоин присуждения магистерской степени по экономике. Зал встретил это решение продолжительной овацией.

Нет ни малейших сомнений в том, что выступление Струве, как и двадцать лет назад, было скорее политическим, чем научным событием. Едва ли многие из присутст-

вующих на самом деле интересовались тем, предшествовали ли свободные рыночные цены в Древнем Риме регулируемым и следует ли сохранять понятие «ценности» в словаре политэкономии. Суть проблемы заключалась в том (и именно это обусловило желчность дебатов), что правота Струве означала неправоту марксистской экономики, а это, в свою очередь, означало, что политэкономия, преподаваемая в то время в ведущих русских университетах, была несостоятельной. В этом столкновении студенческая молодежь, вместо того, чтобы встать на защиту марксизма, приветствовала человека, который, бросив вызов основным постулатам экономической теории Маркса, в то же время слыл либерал-консерватором, националистом и империалистом. Марксизм, совсем недавно служивший жизненным кредо молодых русских, теперь превращался в догму людей средних лет. Именно так описанное выше событие было интерпретировано корреспондентом журнала социалистов-революционеров, который назвал статью о защите Струве «Ученый поход против Маркса». Он отмечал, что аргументы Струве разили марксистскую экономику в самое сердце и усматривал зловещее предзнаменование в том, что интеллеktуал, решившийся на подобную авантюру, увлек за собой и аудиторию: «Впервые, может быть, в истории академической жизни России мы встретились в Москве, в центре прогрессивного студенчества, с таким приемом, оказанным нашей учащейся молодежью диспутанту, выступающему с резкими нападками против научного наследия Маркса»¹¹⁰. Русская молодежь, с грустью заключал журналист, явно движется вправо.

Парадоксально в данном случае то, что симпатии присутствующих в конечном счете сработали против Струве. Через два дня после защиты *Речь* поведала о слухах, что некоторые профессора юридического факультета предложили по итогам защиты представить Струве не магистер-

¹¹⁰ М.В. Ратнер. Ученый поход против Маркса. – *Заветы*. – № 1 (январь 1914). – С. 62.

скую, но сразу докторскую степень. Факультет, однако, отклонил такое предложение, «опасаясь подозрения в симпатиях к диссертанту как политическому деятелю»¹¹¹.

После всех неприятностей, пережитых в Москве, Струве решил защищать докторскую диссертацию в другом университете, остановив свой выбор на Киеве. Это событие, состоявшееся накануне Февральской революции (17 февраля), прошло гораздо более достойно¹¹². Вновь аудитория была многочисленной и благожелательно настроенной; критика также высказывалась, но на сей раз она оказалась корректной и конструктивной.

Диссертация, которую Струве выдвинул на соискание ученой степени доктора политической экономии и статистики, представляла собой вторую часть первого тома «Хозяйства и цены». После кратких вступительных замечаний, в которых Струве рассказал, как двадцатью годами ранее разочарование в экономических концепциях сначала Рикардо и Маркса, а потом и субъективной школы, подтолкнуло его к формулировке собственной теории (#521), слово было предоставлено официальным оппонентам. А.Д. Билимович ограничился похвалами в адрес диссертанта; в частности, особо он выделял тот вклад, который Струве внес в экономическую теорию, заменив понятие «производство» понятием «приобретение». Второй оппонент, К.Г. Боблый, оказался более критичен. Он считал, что работа плохо структурирована, и сожалел о том, что явная спешка, с которой она компоновалась, снизит ее влияние. Были высказаны также и критические замечания содержательного порядка. Вопреки утверждениям диссертанта, Боблый полагал, что не только доход зависит от цены — между двумя феноменами существуют отношения взаимозависимости. Предложенную Струве

¹¹¹ Речь. — № 310. — 12 ноября 1913. — С. 3.

¹¹² Изложение обстоятельств этой защиты основывается на репортажах двух местных газет: *Киевской мысли* (№ 49. — 18 февраля 1917) и *Киевлянина* (№ 49. — 18 февраля 1917). Краткая заметка об этом появилась также в *Речи* (№ 61. — 23 февраля 1917. — С. 5).

классификацию доходов он назвал недостаточно продуманной. Далее, оппонент считал, что Струве преувеличивает значение бухгалтерского учета как инструмента анализа экономических процессов. Но в целом, заключил Боблый, исследование Струве стало заметным вкладом в развитие экономической мысли. После того как высказались еще два специалиста (В.А. Косинский и Е.В. Спекторский), ученый совет единодушно проголосовал за признание Струве искомой степени.

Состоявшийся в 1913 году выход первого тома «Хозяйства и цены» широко комментировался в газетах и журналах. Часть первая второго тома, появившаяся накануне революции, удостоилась гораздо меньшего внимания.

Наиболее серьезным критиком этого сочинения выступил давний соперник Струве за звание ведущего экономиста России, его старый друг Туган-Барановский. На публикацию первого тома он откликнулся дважды: сначала в краткой газетной заметке, а затем в большой журнальной статье¹¹³. Но прежде чем изложить его воззрения на экономическое творчество Струве, необходимо хотя бы коротко остановиться на личных факторах, которые, вероятно, сыграли свою роль в формировании позиции этого ученого. Несмотря на то, что сегодня он известен гораздо шире, с точки зрения просвещенных современников Туган-Барановский не только стоял ниже Струве с интеллектуальной точки зрения, но и был ученым, который напрямую заимствовал большинство своих теоретических идей из разработок Струве. Для характеристики взаимоотношений этих двух ученых, складывавшихся в 1890-е годы, когда оба являлись ведущими пропагандистами марксистской экономики в России, типична следующая оценка: Туган-Барановский, писал один из критиков, «гораздо менее разносторонний и интересный ум, чем П.Б. Струве.., и он в идейно-обществен-

¹¹³ См.: *Речь*. – № 274. – 7 октября 1913. – С. 5; *Новый труд по экономической теории*. – *Русское богатство*. – № 10. – 1913. – С. 371-382.

ных битвах 90-х годов выступал оруженосцем этого последнего»¹¹⁴. Суждения такого рода помогают понять, почему в 1917 году именно Струве, экономист по совместительству, а не Туган-Барановский, полноценный профессионал, был отмечен Академией наук как единственный специалист в экономической сфере. Положение Туган-Барановского усугубляло и то, что он оказался мишенью почти неприкрытых обвинений в плагиате. В 1903 году, к примеру, обозреватель одного из его эссе по марксистской экономике без обиняков утверждал, что свои главные идеи автор заимствовал у Струве, просто реализовав исследовательскую программу, намеченную последним несколькими годами ранее¹¹⁵. Та же злосчастная судьба постигла и главный труд — *magnit opus* — Туган-Барановского, книгу «Основы политической экономии», ибо в данном случае комментатор вновь обратил внимание на сходство ее центральных положений с марксистскими статьями Струве (особенно #83 и #90): «эти идеи отзываются чем-то знакомым», «читатель невольно будет поражен сходством, доходящим едва ли не до тождества»¹¹⁶. Струве, который до того момента хранил молчание, теперь тоже решил высказаться. В рецензии на «Основы...» он заявил, что не собирается обвинять автора в открытом плагиате, но тем не менее считает нужным заметить, что Туган-Барановский систематически игнорировал его «работы в области политической экономии, которые ему были хорошо известны»; далее Струве поддержал мне-

¹¹⁴ В. Базаров в книге: С.А. Венгерова (ред.). Русская литература XX в. — Т. II. — Ч. 1. — М., 1915. — С. 115.

¹¹⁵ И. Розенберг. «"Система" г. Туган-Барановского». — *Русская мысль*. — № 7. — 1903. — С. 74-89. Автор комментировал статью Туган-Барановского о Марксе, помещенную в журнале *Русское богатство*: № 7. — 1902. — С. 160-190.

¹¹⁶ В. Дмитриев. Новый русский трактат по теории политической экономии. — *Русская мысль*. — № 11. — 1909. — С. 124-125. Снисходительные намеки на присущую Туган-Барановскому склонность делать заимствования у Струве имеются также у Железнова. См.: *Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart*. — I. — Vienna, 1927. — S. 173.

ние тех комментаторов, которые полагали, что главные теоретические труды этого ученого представляли собой реализацию сформулированной Струве еще в 1899 году «программы критической переработки Маркса»¹¹⁷. Естественно, слава далеко не первоклассного интеллектуала и плагиатора не могла не задевать Туган-Барановского и наложила свой отпечаток на оценку, выданную им очередному шедевру Струве.

Туган-Барановский приветствовал выход в свет первого тома «Хозяйства и цены». В этом событии он усмотрел свидетельство того, что русская экономическая мысль, традиционно остававшаяся послушной ученицей западной науки, наконец-то повзрослела. Он отдал должное — хотя, может быть, чуть-чуть иронично — широчайшей эрудиции Струве: «Чего только он не знает и какие только книги не цитирует!» Но вместе с тем работа показалась ему исключительно плохо структурированной: по мнению рецензента, она напоминала беспорядочное скопище научных работ, собранных под одной обложкой, ни одна из которых не доведена до конца, а некоторые противоречат остальным. Он заметил, что Струве присуща дурная привычка отвлекаться от одной научной проблемы ради какой-то другой, только что подвернувшейся под руку, причем в итоге ни одна из проблем не доводится до ума. В качестве образца подобных беспорядочных и беглых изысканий он цитировал презрительные выпады Струве в адрес теории «предельной полезности», не подкреплявшиеся какими бы то ни было основательными аргументами.

Лучшей главой книги, по мнению Туган-Барановского, оказалась первая, в которой определялись разновидности экономических систем и проводилось разграничение социальных и экономических категорий. Более то-

¹¹⁷ #391/118. При этом Струве великодушно добавлял, что Туган-Барановский — «самый видный в Европе экономист-теоретик, который в то же время является социалистом» и «может быть, самый замечательный из теоретиков, продолжающих Маркса» (#391/127).

го, он поддержал предложение Струве заменить понятие «натуральной экономики» на то, что было названо «агломерацией параллельных экономик». Глава вторая, посвященная «основному дуализму» общественных наук, понравилась ему значительно меньше. Туган-Барановский полагал, что проводимое автором различие между поддающимися и неподдающимися рационализации феноменами не содержит в себе теоретической новизны, поскольку для современной науки это общее место. Его также раздражали бесконечные выпады автора против Маркса и марксизма. Что же касается центрального тезиса Струве, согласно которому «ценность» — лишь универсальное выражение «цены», то Туган-Барановскому он показался трюизмом, экономистам давно известным, хотя и не всегда артикулируемым. Он отмечал также некоторую непоследовательность при рассмотрении автором соотношения «ценность—цена», когда, с одной стороны, писал он, осуществляется логический переход от ценности к цене, а с другой — наоборот, от цены к ценности. Не соглашался он и с утверждениями Струве о том, что Маркс «субстанциализировал» ценность или рассматривал ее метафизически. В конечном счете Туган-Барановский решил, что построения Струве едва ли могут претендовать на оригинальность. Принципиальный вклад в экономическую науку книга сделала исключительно благодаря историческим разделам, посвященным эволюции цен, но даже здесь анализ оказался слишком несистематичным для того, чтобы быть убедительным. «В области экономической теории, — заключает Туган-Барановский, — новый труд Струве не прибавляет ничего существенно нового сравнительно с его более ранними статьями, появившимися около 15 лет тому назад в журнале «Жизнь». Самым лучшим из сказанного Туган-Барановским о трактате Струве было то, что он нашел книгу «интересной», в особенности

¹¹⁸ *Русское богатство*. — № 10. — 1913. — С. 382; *Речь*. — № 274. — 7 октября 1913. — С. 5.

«исторические экскурсы», которые явно превосходят теоретические пассажи¹¹⁸.

Наиболее основательные материалы по первому тому появились в двух номерах *Вестника Европы*, вышедших друг за другом. Один из них написал А. Кауфман¹¹⁹, второй — А. Мануйлов¹²⁰. Оба автора были поражены широтой интеллектуального охвата предпринятых Струве изысканий, простиравшихся далеко за пределы экономики и включавших философию и юриспруденцию. Они единодушно утверждали, что книга представляет собой выдающееся научное достижение и имеет огромное значение для экономической мысли. Однако их отношение к центральному тезису Струве оказалось различным. Мануйлов полагал, что в той части своих рассуждений о «ценности», которая претендовала на новизну, Струве был недостаточно оригинален, а там, где новаторство казалось бесспорным, — не слишком убедителен. Он указывал также, что, несмотря на все свое негодование по поводу понятия «ценности», Струве так и не смог от него избавиться. Кауфман, напротив, считал Струве абсолютно правым и упрекал его лишь в том, что в борьбе с понятием «ценности» он остановился на полпути. Вместе с тем он предсказывал теоретическим построениям Струве крайне неблагоприятную реакцию со стороны профессиональных экономистов, которые слишком привязаны к

¹¹⁹ А. Кауфман. К пересмотру основных понятий политической экономии. — *Вестник Европы*. — Т. 48. — 1913. — С. 264-273. Кауфман, статистик по профессии, был одним из основателей Конституционно-демократической партии.

¹²⁰ А. Мануйлов. Вопросы экономической теории в новой книге П.Б. Струве. — *Вестник Европы*. — Октябрь 1913. — С. 328-339. Мануйлов опубликовал также более краткую и в высшей степени хвалебную рецензию в газете *Русские ведомости*: № 204. — 4 сентября 1913. — С. 5.

¹²¹ См., например, поверхностную рецензию Н. Бухарина «Фокус-покус г-на Струве», опубликованную в большевистском журнале *Пролетариец* (№ 12. — 1913. — С. 81-89), в которой будущее светило советской экономики превращает серьезный теоретический трактат в анекдот, сводя его идеи к образам циркового представления.

привычному понятию, чтобы с легкостью от него отказаться.

Если не брать во внимание политически инспирированные отклики, которые довольно бестолковы¹²¹, общее мнение было таково, что «Хозяйство и цена» явилась в высшей степени оригинальной и насыщенной работой, блестящим достижением русской экономической науки, причем наиболее впечатляющим именно в исторической, а не теоретической части. Предпринятое Струве доказательство того, что свободные («рыночные») цены исторически предшествовали фиксированным («указным») ценам — точка зрения, не согласующаяся с господствующими тогда взглядами, — выделялось в качестве его главной заслуги. В то же время критика ценности как экономической категории виделась обозревателям либо не доведенной до конца, либо менее оригинальной, чем представлялось самому Струве.

В настоящее время, учитывая отсутствие серьезных исследований его трудов специалистами, мы едва ли можем объективно оценить научные достижения Струве. Следует, однако, иметь в виду, что его изыскания развивались сразу в двух направлениях — историческом и теоретическом. Как экономист-историк, он внес значительный вклад в изучение русского крепостничества (я уже говорил об этом в первом томе настоящей работы) и эволюции понятия цены. И в том, и в другом случае он решительно выступал против господствующих теорий. Что касается крепостничества, ему удалось показать, что упразднение последнего в 1861 году было мотивировано отнюдь не провалами крепостной экономики. В исследовании цен он продемонстрировал, что на всем протяжении истории свободные цены предшествовали фиксированным. В теоретической экономике он занимал крайне позитивистские или эмпирические позиции, практикуя чисто «идеографический» подход. Такая установка побудила его поставить под сомнение логичность и полезность большинства понятий, применяемых господствующими

экономическими школами — классической, марксистской, модернистской, — и в конце концов попытаться сузить область экономической науки до статистических изысканий. Некоторые эксперты считали Струве первейшим экономистом его поколения: среди них были члены Академии наук и прочие ученые светила. В своем обзоре русской экономической теории начала XX века В. Железнов, к примеру, оценка которого была уникальной в силу его знакомства как с европейской, так и с русской экономической литературой, утверждал, что «благодаря выдающимся аналитическим и в то же время интуитивно-творческим талантам, благодаря чрезвычайно основательному и многостороннему образованию, Струве с самого начала своего научного пути не имел достойных соперников в рядах русских экономистов»¹²². Но окончательный вердикт, разумеется, остается за будущим.

¹²² Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart. — I. — S. 165.

Глава 4

«Русская мысль»

В годы, предшествующие первой мировой войне, Струве занимался самой разнообразной деятельностью: на постоянной основе преподавал в Санкт-Петербургском политехническом институте, работал над диссертацией, регулярно печатался в газетах и журналах, принимал участие во всевозможных публичных дискуссиях (в частности, в заседаниях Религиозно-философского общества и в так называемых «экономических беседах»). Одному человеку, в особенности такому беспорядочному и недисциплинированному, каким был Струве, этого хватило бы с лихвой, но он, тем не менее, в конце 1906 года взялся за новое начинание — стал соредактором *Русской мысли*, одного из ведущих русских журналов. Неудивительно, что каждую весну Струве пребывал в состоянии полного физического изнеможения, которое неизбежно выливалось бы в нервные срывы, если бы жена не настаивала на продолжительном летнем отпуске. Резкий и раздраженный тон его писаний того времени во многом объясняется именно этой перегруженностью.

Хотя деятельность Струве разворачивалась в самых различных сферах, ей неизменно была присуща одна и та же внутренняя идея. В те годы (1908–1914) Струве оказался ведущим представителем влиятельного направления русского общественного мнения, которое лучше все-

го именовать «национал-либеральным». Оно было национальным в том смысле, что его приверженцы ставили благосостояние и могущество России выше любых групповых интересов, будь то интересы идеологические, классовые или этнические. Будучи либеральным, данное направление полагало, что упомянутые благосостояние и могущество обеспечиваются не одной только властью, но проистекают из свободного и творческого сотрудничества последней с обществом. Националистический пафос обособлял это движение от либералов кадетского толка, в то время как преданность свободе противопоставляла его правым «патриотам».

Нарождающееся движение долгое время не имело партийного оформления. Его главными институтами были фракция «мирного обновления», сформированная в I Государственной Думе, и «экономические беседы», начатые в 1908 году по инициативе группы крупных московских предпринимателей. Периодические издания, среди которых были *Русская мысль* и несколько газет (таких, как *Слово*, *Утро России*), популяризировали философию либерального национализма среди широкой публики. В 1912 году движение породило Прогрессивную партию, которой было суждено сыграть заметную роль в русской истории последних лет старого режима.

Над всем этим парил мятущийся дух Струве — «Иоанна Крестителя всех наших возрождений», как называл его Горький¹, — проповедовавшего свободу, культуру и патриотизм.

Русская мысль была основана в 1880 году в качестве славянофильского органа. В 1884 году издание полевело, вобрав в круг своих читателей бывших подписчиков *Отечественных записок*, видного либерального и социалистического журнала, закрытого цензурой. Через год после

¹ *Новая жизнь*. — № 26. — 18-31 мая 1917. Цит. по: Maxim Gorky. *Untimely Thoughts*. — New York, 1968. — P. 43.

этого редактором» стал В.А. Гольцев², который преобразовал его в орган умеренного народничества. На его страницах публиковались ведущие сторонники «самобытного пути России», среди которых были Михайловский, Даниельсон и Воронцов, а также романисты, склонные к «реалистическому» описанию современной крестьянской жизни, включая Успенского, Короленко и Горького. В целом издание оставалось довольно эклектичным, но в 1880–1890-е годы, когда цензура была особенно свирепой, оно внесло значительный вклад в интеллектуальную жизнь страны. Данный факт признавал даже Струве, хотя политической и экономической философии *Русской мысли* той поры он отнюдь не симпатизировал³. По меркам того времени тираж журнала был необычайно высоким: в конце 80-х годов он достигал 13–14 тысяч экземпляров⁴.

Имя Гольцева настолько прочно ассоциировалось с *Русской мыслью*, что когда осенью 1906 года он заболел и не смог выполнять редакторские обязанности (в ноябре того же года Гольцев скончался), издатель И.Н. Кушнерев решил закрыть журнал. Однако протесты редакции и авторов оказались столь энергичными, что он сдался и согласился пересмотреть прежнее решение, попросив А.А. Кизеветтера, бывшего тогда членом редколлегии, возглавить редакцию. То был довольно странный выбор. Кизеветтер, крупный специалист по социальной и политической истории России, являлся приват-доцентом Московского университета, где готовился занять профессорскую кафедру. Несмотря на то, что этот человек часто выступал со статьями по политическим вопросам в периодической печати, никакого редакторского опыта у него не было, а судя по мемуарам, изданным в эмиграции, и с литературными талантами де-

² О Гольцеве см.: А.А. Кизеветтер (ред.). Памяти Виктора Александровича Гольцева. – М., 1910. См. также краткие заметки Струве: #415 и #507.

³ #507.

⁴ #507/143 прим. – 144 прим.; Русская периодическая печать (1702-1894). – М., 1959. – С. 616.

ло обстояло неважно. Преподавание и работа над докторской диссертацией почти не оставляли Кизеветтеру свободного времени, а то, что все-таки было, он предпочитал отдавать Конституционно-демократической партии, в ЦК которой входил и которая выдвинула его кандидатом в депутаты II Государственной Думы. Возможно, Кушнерев исходил из того, что после революции 1905 года и утверждения конституционного порядка славянофильский либерализм в духе *Русской мысли* изжил себя, а будущее — за либерализмом западного типа, который представляли Кизеветтер и его партия. Сам Кизеветтер также не испытывал большого энтузиазма по поводу сделанного ему предложения. Но желание спасти журнал оказалось сильнее; он согласился на предложенный пост с тем условием, что вторым соредактором *Русской мысли* станет Струве⁵.

Сам Струве, по-видимому, воспринял идею с готовностью, ибо уже в ноябре 1906 года журнал поместил уведомление о том, что в будущем году издание будет совместно редактироваться Струве и Кизеветтером, а штаты редакции будут усилены. Соредакторы распределили обязанности следующим образом: Кизеветтер взялся вести рубрики, посвященные общей истории и истории литературы. Он также принял на себя управление самой редакцией, по-прежнему находившейся в Москве. Предполагалось, что в этом деле ему поможет С.В. Лурье, богатый дилетант, интересовавшийся литературой и философией и согласившийся вести финансовые дела *Русской мысли*. Струве же достались статьи по философии, экономике и политике. Он должен был также пополнять целый ряд других разделов, включая колонку разнообразных комментариев, озаглавленную «На разные темы». (Первоначально он использовал это название в *Новом слове*, своем социал-демократическом журнале 1890-х годов.) Каждый из двух редакторов имел право вносить предложения, касающиеся любых рубрик, но последнее слово оставалось

⁵ А.А. Кизеветтер. На рубеже двух столетий. — Прага, 1925. — С. 500-501.

за тем из них, в чьей «зоне ответственности» находилась та или иная тематика. Литературный раздел, от содержания которого в значительной мере зависели тираж и финансовое благополучие журнала, был закреплен в совместном ведении: на практике, правда, им занимался специально нанятый литературный редактор⁶.

Подобное распределение оказалось не слишком эффективным. В эпоху, когда междугородняя телефонная связь отсутствовала, поддерживать постоянный контакт между проживающими в разных городах редакторами было весьма непросто, и поэтому внутриредакционная координация оставляла желать много лучшего. Указания, которые Струве любил отдавать Кизеветтеру, зачастую бывали неясными или же приходили слишком поздно, а это вело к частым недоразумениям и ссорам. Как показывают письма Кизеветтера к Струве, только деликатность первого сдерживала разногласия: и уж конечно этому творческому союзу было далеко до «полной гармонии», о которой Кизеветтер говорит в своих мемуарах⁷. Современный читатель должен был бы с восхищением взирать на двух полноценных редакторов, живущих в разных городах и обрабатывающих, месяц за месяцем, сотни и сотни печатных страниц довольно сложных материалов, опираясь при этом только на незначительную литературную и финансовую поддержку.

Со временем Струве превратил журнал в свою личную трибуну; Кизеветтер, с головой погружившийся в преподавание и архивные исследования, постепенно уходил в тень. Струве намеревался сделать *Русскую мысль* главным распространителем появлявшихся на Западе политических и культурных идей. При этом, как и во всех изданиях,

⁶ Я не видел самого контракта (если он вообще существовал) и опираюсь в основном на резюме этого соглашения, содержащееся в письме Кизеветтера к Струве от 31 января 1910 года.

⁷ А.А. Кизеветтер. На рубеже двух столетий. – С. 501. По-видимому, письма Струве к Кизеветтеру утеряны. Письма Кизеветтера к Струве (их восемьдесят шесть), датированные 1907-1911 годами, хранятся в Доме Плеханова в Санкт-Петербурге.

редактируемых ранее, он проводил четкое разграничение между политикой и культурой. В политическом разделе, по устоявшемуся русскому обыкновению занимавшем вторую половину журнала, предпочтение отдавалось авторам, которые в основном поддерживали его философию либерального национализма. Но в рубриках, посвященных культурной проблематике — литературе, философии, религии, экономике и так далее, — Струве обнаруживал крайнюю интеллектуальную терпимость, предлагая страницы любым талантливым писателям, невзирая на их политические предпочтения. В редакционной статье, опубликованной в январском номере 1908 года, такой подход обосновывался следующим образом:

«Редакция *Русской мысли*, отстаивая со всей силой убеждения начала конституции и демократии, о чем достаточно свидетельствует состав постоянных и ближайших сотрудников журнала, — в то же время в вопросах общекультурного характера охотно предоставляет страницы журнала и таким статьям, в которых читатель найдет хотя бы и не совпадающую со взглядами редакторов, но серьезную, оригинальную и свежую постановку выдвигаемых жизнью проблем. Редакция полагает, что свободное, всестороннее обсуждение таких проблем, не имея ничего общего с беспринципностью и индифферентизмом, более ценно для зрелого и сознательного читателя, чем простое повторение готовых, догматически застывших решений».

Те же взгляды Струве подтвердил в письме, адресованном правоведам А.Ф. Кони. Здесь он настойчиво убеждает своего собеседника в том, что при новом руководстве *Русская мысль* отнюдь не станет выражать взгляды какой-то одной партии или движения (в первую очередь кадетов); это будет «орган мысли»⁸. Аполитичная позиция редакции вполне соответствовала той, которую Струве проводил десятью годами ранее, возглавляя соци-

⁸ Письмо из Лондона, датированное 24 августа 1908 года. — Пушкинский дом, Санкт-Петербург. — Фонд 134, оп. 3, № 1643.

ал-демократический журнал *Новое слово*. В то время он сознательно отверг традицию русской радикальной журналистики, настаивавшую на единой идейной «линии» по каждому вопросу⁹. В некоторых случаях он позволял высказываться авторам, чья точка зрения заметно отличалась от его собственной — явление, которое западный читатель сочтет вполне нормальным, но которое для России было скорее исключительным. Столь демократичная политика редакции порождала недоумение и гнев в стане радикалов¹⁰. Но для Струве то было дело принципа. Солидаризируясь с основателем *Русской мысли* В.М. Лавровым, он подчеркивал: «Непосредственное художественное чувство брало в нем верх над предубеждениями, порождаемыми временными счедами различных журнальных приходов. Он свободно протягивал руку истинному таланту, хотя бы последний и находился под опалой прогрессивных кружков благодаря самобытности некоторых своих воззрений»¹¹.

И хотя под началом Струве и Кизеветтера *Русская мысль* зачастую воспринималась в качестве кадетской трибуны, фактические отношения редакции с руководством конституционных демократов всегда были довольно прохладными, а временами и откровенно враждебными. Вожди партии почти не появлялись на страницах журнала; в то же время они регулярно атаковали *Русскую мысль* в своей ежедневной газете *Речь*. С политической точки зрения журнал превращался в орган либерально-консервативной интеллигенции и «прогрессивных» элементов делового сообщества. Философские и политические рубрики находились под неослабным контролем «струвистов», в состав которых входили все авторы «Вех». В литературном разделе публиковались поэты-авангардисты; их

⁹ *Ричард Пайтс*. Струве: левый либерал. — С. 257.

¹⁰ См., к примеру, едкие замечания Л. Клейнборта в статье: «Русская мысль» и судьбы интеллигенции. — *Современный мир*. — Октябрь 1912. — С. 262-277.

¹¹ #421/xxii.

политические взгляды простирались от консервативного патриотизма до нигилистического анархизма, порой даже без каких бы то ни было промежуточных пунктов между ними — этих «ненавистных полумер» либерализма, как именовал их Брюсов¹².

Благодаря взглядам, которые Струве пропагандировал со страниц *Русской мысли* и других идеологически родственных изданий, он наладил тесные контакты с кругом молодых и богатых московских предпринимателей, первых за всю русскую историю представителей своего класса, имевших смелость высказываться по политическим вопросам и даже претендовать на управление страной. То была «буржуазия» в классическом марксистском смысле слова — осознающая свои классовые интересы, экономически динамичная и политически амбициозная, — которая, исходя из неразрывной связи своего благополучия с процветанием России, не собиралась более молчаливо сносить господство анахроничной знати и бюрократии.

Традиционно российский средний класс был не только малочисленным, но и политически робким. Его представители из опыта знали, что в стране, где государство веками монопольным образом распоряжалось людскими и природными ресурсами, доминировало в промышленности и торговле и практически не гарантировало частной собственности, приспособленчество и политическая пассивность являлись собой наиболее благоразумный курс. По формулировке историка, в России «частное богатство появлялось и рассматривалось как следствие милости правительства, как правительственная награда за благонравие политического поведения», а ценой за доступ к богатству было «полное политическое обезличивание»¹³. Покорность среднего класса, его бессилие в борьбе с автократией принимались русскими

¹² Валерий Брюсов. Стихотворения и поэмы. — Л., 1961. — С. 276.

¹³ П.А. Берлин. Русская буржуазия в старое и новое время. — М., 1922. — С. 169.

интеллектуалами XIX века как должное. В 1898 году Струве лишь выразил общее настроение, вставив в Манифест российской социал-демократии известную фразу: «Чем дальше на восток, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия»¹⁴.

В «освобожденческий» период и в годы первой русской революции средний класс придерживался тех же настроений. Купцы и промышленники сторонились Союза освобождения и борьбы, которую тот, при поддержке многих помещиков, вел за гражданские и политические права. Как только сложились политические партии, средний класс потянулся к консервативным октябристам, организации, на словах преданной законности и порядку, но на деле поддерживающей стремление правительства обеспечить порядок за счет законности. Конституционно-демократическая партия привлекала незначительное число деловых людей, оставаясь органом интеллектуалов-профессионалов и землевладельцев.

Но потом, в 1908–1909 годах, буржуазия внезапно пришла в движение. «Купец идет!» — объявил нации миллионер П.П. Рябушинский в 1912 году. Ко всеобщему изумлению, забытые русские капиталисты выбирались из «темного царства», в тиши которого на протяжении целых поколений таились от пристального взгляда государства и его слуг, на свет общественной жизни, выдвигая требования, отстаивая свои интересы, возражая правительству и в целом ведя себя так, как будто бы они вознамерились править страной.

Столь неожиданному развитию событий способствовали несколько факторов. К 1908 году улеглись последние всполохи революции: два хороших урожая подряд в сочетании с безжалостными полицейскими репрессиями позволили умиротворить деревню, в то время как промышленный подъем, пришедший на смену продолжавшемуся несколько лет спаду, покончил с безработицей и забастовками. Деловое сообщество более не боялось массовых бес-

¹⁴ Цит. по: *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал. — С. 281.

порядков, страх перед которыми в былые времена толкал буржуазию в объятия патерналистского государства. Столыпин пребывал в зените власти, и впереди перед Россией, как тогда казалось, простирались бесконечные годы стабильности и процветания. Это ощущение самоуверенности подвигло деловые круги на отстаивание собственных устремлений и интересов страны в целом. Более того, к тому моменту «капиталистическая» экономика России — крупная промышленность и торговля — «повзрослела» до такой степени, что у ее лидеров не оставалось иного выбора, как порвать с тесным мирком купцов и начать мыслить национально — то есть политически. Тресты и картели, активно создаваемые в то время, заставляли предпринимателей пристально следить за налоговым и тарифным курсом правительства; точно также рост промышленного производства, сопровождавшийся беспокойством по поводу рынков, вынуждал их интересоваться качеством государственного управления, внешней политикой страны и ее оборонной мощью. Короче говоря, крупный бизнес России начал отождествлять свои интересы с интересами нации — и ожидал взаимности в данном отношении. Выдающийся представитель крупного капитала А.И. Коновалов кратко сформулировал эту позицию в речи, посвященной столетию своего дела: «Для промышленности, как воздух, необходимы плавный, спокойный ход политической жизни, обеспечение имущественных и личных интересов от произвольного их нарушения, нужны твердое право, законность, широкое просвещение в стране. Таким образом, господа, непосредственные интересы русской промышленности совпадают с заветными стремлениями всего русского общества, и оно должно осознать, что высокое развитие торгово-промышленной деятельности в стране непременно вносит известные оздоровляющие начала во всю атмосферу государственной и общественной жизни»¹⁵.

¹⁵ Цит. по: П.А. Берлин. Русская буржуазия в старое и новое время. — С. 295.

Рассматривая действительность под таким углом зрения, большой бизнес имел все основания быть недовольным сложившимся положением вещей: ему не нравились ни полуавтократическая, полуконституционная система, принятая Россией после 1905 года, ни люди, ею управлявшие. То общество, о котором мечтали ведущие предприниматели — законопослушное, процветающее и внутренне сильное, — требовало серьезных перемен. Речь шла о подлинном конституционном и парламентском режиме с самым широким избирательным правом; ограничении бюрократического произвола; и, наконец, тесном сотрудничестве между правительством и предпринимателями, которые были единственными носителями знаний и навыков, способных превратить Россию в современную великую державу. Как писал один из принадлежащих к этой группе публицистов в «прогрессистской» газете *Утро России*, «наш новогодний тост обращен к буржуазии, к третьему сословию современной России. К той крепнущей, мощно развивающейся силе, которая, по заложенным в недрах ее духовным и материальным богатствам, уже и сейчас далеко оставила за собою вырождающееся дворянство и правящую судьбами страны бюрократию»¹⁶.

Наиболее видными представителями этой «новой поросли» политически амбициозных предпринимателей стали Рябушинские. Семейство происходило от крепостного-старовера, основавшего в начале XIX столетия прибыльную стекольную мануфактуру, доходы от которой позволили ему купить членство в купеческой гильдии и благодаря этому преуспеть. В отличие от потомков многих таких же удачливых крепостных-предпринимателей его наследники не промотали оставленное им состояние, но преумножили семейное дело, став к началу XX века богатейшей фамилией России. Они владели хлопковыми плантациями, текстильными фабриками, стекольными мануфактурами, лесозаготовками, недвижимостью, изда-

¹⁶ Там же. — С. 292.

тельствами и банками. Во главе клана стоял старший из братьев, Павел Павлович, который получил образование в Англии и по мировоззрению своему был убежденным западником. Его младшие братья тяготели к наукам и искусствам: С.П. Рябушинский был ведущим специалистом по иконописи; Н.П. Рябушинский издавал и финансировал авангардистские журналы; Д.П. и В.П. Рябушинские интересовались авиацией и основали первый в Европе Российский аэродинамический институт¹⁷. Помимо управления обширной семейной корпорацией, Павел занимался активной общественной деятельностью, будучи гласным Московской городской Думы, членом правления Московской фондовой биржи и заместителем главы староверческой общины Москвы. Он был уверен, что будущее державы накрепко связано с ее предпринимателями, и неустанно пытался заинтересовать своих коллег общественно-политическими проблемами. С ним были тесно связаны такие капиталисты, как текстильный фабрикант-миллионер А.И. Коновалов, также учившийся в Англии и столь же оптимистично настроенный по поводу будущего русской буржуазии, владелец процветающих овцеводческих ферм в Сибири и на Кавказе С.И. Четвериков, представитель знаменитой семьи меценатов С.Н. Третьяков. По-видимому, в целом «прогрессивное» сообщество московских и сибирских капиталистов насчитывало около пятидесяти — ста членов.

Подобно большинству купцов, все эти предприниматели в 1905–1906 годах поддерживали октябристов. Данная партия, однако, далеко не во всем их устраивала, особенно после того, как ее возглавил Гучков (который сам являлся промышленником), безапелляционно отождествивший ее с фигурой Столыпина. По их мнению, ок-

¹⁷ С. Султанов. «Купец идет!..» — *Биржевые ведомости*. — № 14905. — 15 июня 1915. О Рябушинских см. также: И.Ф. Гиндин (ред.). К истории концерна бр. Рябушинских. — Материалы по истории СССР. — VI. — 1959. — С. 603-640.

тябристы преувеличивали достоинства русской конституционной системы и были слишком снисходительны по отношению к правящей бюрократической и аристократической элите. Кадеты им нравились еще меньше: последних они считали одной из радикальных интеллигентских организаций. Их симпатии были на стороне партии, которая сумела бы сочетать свойственное консерваторам уважение к законности и порядку (то есть к сильной государственности) с либеральными взглядами по экономическим и социальным вопросам; партии, которая смогла бы взять на себя труд по «модернизации» России, не злоупотребляя при этом насилем. Лишь к 1912 году они нашли предмет своих чаяний в лице Прогрессивной партии, возникшей на основе различных либерально-консервативных течений.

А в описываемый период в наибольшей степени их идеалу соответствовала фракция «мирного обновления», созданная в I Государственной Думе. Как отмечалось в главе 1 данного исследования, еще в июле 1906 года, сразу после роспуска парламента, лидеры фракции решили преобразовать ее в самостоятельную партию. Их программа, как свидетельствовало само название объединения, предполагала прогрессивное развитие общества в законных рамках: они мечтали об автократии, не впадающей в произвол, и о прогрессе без революций. Они отвергали любое насилие, будь то насилие правительства или интеллигенции. Некоторые их заявления как будто бы дословно заимствовались из знаменитого программного манифеста, опубликованного Струве на страницах *Полярной звезды*, в котором он обличал грубую силу и произвол независимо от того, кто их порождает.

«Мирнообновленцы» надеялись привлечь на свою сторону умеренных кадетов, напуганных «Выборгским воззванием», а также тех октябристов, которые высказывали недовольство безоговорочной поддержкой столыпинского режима со стороны Гучкова. В конце 1906 года несколько видных либерал-консерваторов действительно

объединились в группу «мирного обновления»; среди них были Дмитрий Шипов и братья Трубецкие — богослов Евгений и издатель Григорий. К ним присоединился также Павел Рябушинский, приведший с собой ряд крупных предпринимателей. Но массового исхода из кадетско-октябристского лагеря не получилось. Как отмечалось ранее, даже Струве отверг предложение Шипова оставить кадетов и присоединиться к «мирнообновленцам», хотя политическая философия последних, вдохновляемая лозунгом «Свобода и культура», несомненно, пришлась бы ему по вкусу. В свете столь разочаровывающих результатов, а также стремясь не повредить электоральным шансам кадетов и октябристов, которых они предпочитали любым другим альтернативам, «мирнообновленцы» в конечном счете решили воздержаться от создания собственной партии. Им удалось провести нескольких депутатов во II Государственную Думу, но в основном те чувствовали себя там не слишком уютно.

Хотя партия «Мирного обновления» так и не появилась на свет, ее идеи продолжали жить, оказывая весьма заметное влияние на общество. Их ведущими пропагандистами стали ежедневная газета *Слово*, издаваемая в Санкт-Петербурге бывшим министром торговли М.М. Федоровым, и *Московский еженедельник*, редактируемый Григорием Трубецким по образцу закрытой властями *Полярной звезды*. Между 1907 и 1909 годами эти издания активно распространяли философию либерального национализма и империализма, заимствованную из теоретических статей Струве и по звучанию близкую к публикациям *Русской мысли*. Струве регулярно печатался в *Слове*, предпочитая эту газету кадетской *Речи*. Время от времени его имя появлялось также и на страницах *Московского еженедельника*. Отношения между *Русской мыслью* и *Московским еженедельником* были столь тесными, что читателям, оформлявшим подписку на оба издания, предоставлялась скидка. После того как в июле 1910 года перестало выходить *Слово*, а в августе того же года — *Московский еженедельник*, их

место заняли два других издания: основанная Рябушинским и поддерживаемая группой промышленников газета *Утро России*, ставшая официальным органом «прогрессистов», и ее петербургский партнер *Русская молва*. В первой Струве печатался лишь единожды (10/6-1), а для второй подготовил программный манифест, главная идея которого состояла в том, что власть, для того чтобы быть сильной, должна быть прогрессивной и либеральной¹⁸.

Несмотря на пренебрежительное отношение к данной теме со стороны большинства историков, у нас есть убедительные доказательства того, что накануне первой мировой войны в России шел довольно бурный процесс объединения различных либеральных элементов, разочаровавшихся в радикальном либерализме Конституционно-демократической партии и отстаивавших консервативную трактовку либеральной идеи, которая предполагала сочетание сильной власти, социальных реформ, законности и активной внешней политики. Струве, после негативного опыта двух думских созывов решивший уйти от политики, в данном процессе не участвовал. Вместе с тем его публикации играли ключевую роль в формулировке программы нового политического течения; в силу этого, пусть даже сохраняя некоторую дистанцию, он вновь занял привычное место в авангарде российской общественной жизни.

Предприниматели-«прогрессисты» и разделявшие национал-либеральные убеждения интеллектуалы, идейным наставником которых выступал Струве, имели все основания для того, чтобы негодовать по поводу дурного управления государством. Первой причиной была российская внешняя политика, которую Струве и его единомышленники считали хронически слабой и потому пагубной для страны. Следующие один за другим кризисы на Балканах, в которых, несмотря на свое активное вовлече-

¹⁸ 12/12-9.

ние, Россия неизменно уступала Австрии, стали источником особо острого недовольства.

Струве всегда полагал, что бассейн Черного моря и Балканы представляют для России вполне естественные и законные векторы империалистической экспансии, поскольку страна располагала свободным доступом в этот регион и имела здесь культурное влияние. Эти факторы позволяли рассчитывать на мирное освоение указанных территорий¹⁹. Далее, Струве был уверен, что активная политика России на Балканах, в отличие от ее устремлений на Дальнем Востоке, будет поддержана Францией и Великобританией. Его взгляды на данный предмет в основном совпадали с воззрениями московских предпринимателей, которым категорически не нравилось, что транзит значительной доли (около половины) российского экспорта зависел от доброй воли недружественного государства, контролирующего черноморские проливы. Эти люди активно поддерживали всевозможные панславянские инициативы, в том числе панславянскую конференцию, организованную газетой *Слово* в апреле 1908 года²⁰, в которой Струве принял активное участие.

Учитывая подобный контекст, не стоит удивляться тому, что слабое выступление России в ходе кризиса в Боснии и Герцеговине в 1908–1909 годах произвело на Струве и его единомышленников самое удручающее впечатление. Правительство усматривало в аннексии Австрией спорной территории, на которую претендовала также Сербия, вызов, дискредитирующий Россию в глазах сербских союзников. Но, ослабленная японской войной и стремящаяся избежать нового столкновения, Россия не спешила поддержать Сербию. Столыпин, который был убежден в том, что любое военное вмешательство на сто-

¹⁹ #352/146. См. также: *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал. – С. 474.

²⁰ *Д.Н. Шипов*. Воспоминания и думы о пережитом. – М., 1918. – С. 525. О взглядах Струве на внешнюю политику того времени см.: #375; #392; #404; #430; 12/12-13.

роне сербов подорвет его амбициозную программу внутренних реформ, предпочел остаться в стороне. В конце концов министр иностранных дел Извольский был вынужден поступиться принципами: он предложил австрийцам такой вариант решения, который, удовлетворяя аппетиты Австрии, в то же время позволял России сохранить лицо. Австрийцы, подстрекаемые Германией, отклонили компромисс: в марте 1909 года они выставили Сербии ультиматум с требованием признать аннексию Боснии и Герцеговины, а спустя несколько дней немцы предъявили аналогичное требование России. Не будучи способной противостоять австро-германскому давлению, Россия уступила, не оставив Сербии иного выхода, кроме капитуляции.

Подобная политика повергла сторонников Струве в неистовство. Сам Струве немедленно провел параллель между позорным поведением Извольского в отношении Боснии и Герцеговины и сдачей Горчакова на Берлинском конгрессе сорока годами ранее. Перефразируя кумира своего детства Ивана Аксакова, называвшего Берлинский конгресс «унижением нации», он заклеил боснийское фиаско как «национальный позор»²¹. Страна, с подобной легкостью уступающая внешнему диктату, серьезно больна, полагал он. Струве опасался того, что Австрия и Германия, неправильно истолковав этот инцидент, могут решиться напасть на Россию. А если такое случится — если России придется столкнуться с Австрией и Германией без какой бы то ни было поддержки со стороны Англии и Франции, — она не только проиграет, но и будет отброшена назад в XVII век²². Боснийский кризис представил Струве свежие доказательства того, что режим, не опирающийся на общенациональный консенсус, не способен эффективно противостоять внешним угрозам²³. Подобная

²¹ #357/197.

²² 29/7-27б.

²³ #357/199.

линия аргументации активно поддерживалась *Словом* и *Московским еженедельником*.

Именно в этот период (в 1908 и последующие годы) Струве наладил тесные рабочие контакты с московскими предпринимательскими кругами, поддерживающими «мирнообновленцев», особенно с П.П. Рябушинским, который, по-видимому, полностью подчинился его интеллектуальному влиянию. Рябушинский и его соратники понимали, что для обеспечения намеченных ими политических целей они нуждаются в содействии интеллектуалов, в первую очередь специалистов по экономике. Пытаясь создать форум, на котором эксперты могли бы общаться с предпринимателями, Коновалов и Рябушинский организовали в своих роскошных московских особняках встречи, получившие известность как «экономические беседы». Эти собрания начались в апартаментах Коновалова на Поварской улице, а потом переместились в дом Рябушинского на Пречистенском бульваре. Среди ученых, регулярно принимавших участие в подобных мероприятиях, можно отметить экономиста и ректора Московского университета А.А. Мануйлова, историка экономики М.М. Ковалевского, юристов П.И. Новгородцева и С.А. Котляревского, историка П.Г. Виноградова и богослова С.Н. Булгакова (получившего экономическое образование). Струве неизменно присутствовал в тех случаях, когда его визиты в Москву совпадали с датой очередного заседания. По мере того как беседы приобретали все большую славу, на них стали появляться и правительственные чиновники среднего звена. Посиделки, объединявшие профессоров, капитанов промышленности и бюрократов, привлекали пристальное внимание прессы, а это, в свою очередь, заставляло радикальные издания сетовать на то, что столь широкая огласка обеспечивает русской буржуазии ореол респектабельности в глазах молодежи.

Коновалов, которому, вероятно, и принадлежала идея экономических бесед, оценивал их назначение вполне практически. Он надеялся, что эти мероприятия помо-

гут «выяснить условия, необходимые для развития хозяйственной жизни страны, совместными силами людей практического опыта и представителей науки»²⁴. По мнению Рябушинского, участники дискуссий составляли нечто вроде политического клуба, из членов которого будут призваны лидеры России. Но, несмотря на политическое значение бесед, их инициаторы в основном избегали открытых политических дебатов, не желая провоцировать внутренние разногласия.

Раз в месяц, а иногда и чаще, под аккомпанемент столового серебра и чайной посуды, ученые представляли доклады по экономической проблематике. Как свидетельствует один из очевидцев, профессора обычно пользовались своими университетскими записями, а предприниматели, ошеломленные эрудицией собеседников, обращались в слух²⁵. Трудно сказать, чем конкретно мужи науки обогащали мужей дела. Но вместе с тем очевидно, что в ходе бесед рождался тот дух, который помогал бизнесменам расширить горизонты и осознать себя авангардом прогресса. Подобное чувство, в свою очередь, подталкивало предпринимателей к политическим выступлениям, иногда довольно смелым. В феврале 1911 года, к примеру, в ответ на введение новым министром образования Л.А. Кассо репрессивных мер в отношении Московского университета, Коновалов распространил среди своих друзей адресованную этому чиновнику петицию протеста, под которой подписались 66 предпринимателей²⁶. Данная акция стала, пожалуй, первым случаем в российской истории, когда деловое сообщество попыталось защитить интеллигенцию от монархии. Примерно в то же самое время другая группа бизнесменов, объединенная в Общество фабрикантов и заводчиков московского района, вручила министру финансов Коковцову письмо, в котором высказывался протест

²⁴ *Русские ведомости*. – № 90. – 21 апреля 1909. – С. 5.

²⁵ С. Четвериков. Безвозвратно ушедшая Россия. – Берлин (б.г.). – С. 53.

²⁶ Там же. – С. 53-54.

против дискриминации евреев, — акт, для русской буржуазии столь же беспрецедентный, поскольку она всегда болезненно воспринимала конкуренцию со стороны еврейского бизнеса и была в значительной степени ответственна за введение черты оседлости²⁷.

Струве тоже участвовал в экономических беседах; более того, он фактически открыл их лекцией «Народное хозяйство и интеллигенция», прочитанной 15 ноября 1908 года²⁸. В своем выступлении он упрекал русскую интеллигенцию в недоверии к капиталистам и капитализму, которое приписывал интеллигентской озабоченности «распределением» в ущерб «производству». Он призывал интеллектуалов ценить важность высокой производительности труда, а также стимулирующей ее культуры. Кроме того, Струве предлагал промышленникам и торговцам выйти за узкие рамки классовых интересов и начать мыслить национально. Еще одну лекцию, которая называлась «Развитие производительных сил страны», он произнес 18 апреля 1909 года²⁹.

Призывы к воссоединению науки и капитала и более активному вовлечению буржуазии в политическую жизнь, которые звучали в салонах Коновалова и Рябушинского, не встречали поддержки ни справа, ни слева. *Речь* с издевкой писала о «братании миллионов и науки»: «все те же лица ученых и миллионщиков за уставленными сладостями и фруктами столами»³⁰. Радикальная пресса в свойственной ей бесшабашной манере раздувала подобные нападки. У правой печати экономические беседы

²⁷ П.А. Берлин. Русская буржуазия в старое и новое время. — С. 289.

²⁸ 08/11-16 (перепечатано в: #372/202-206). Отчет о лекции см.: *Новое время*. — № 11740. — 16 ноября 1908. — С. 3.

²⁹ *Русские ведомости*. — № 90. — 21 апреля 1909; В.Н. Селецкий. Прогрессисты. Докторская диссертация. — Московский университет, 1969. (Депонировано в Российской государственной библиотеке.) — С. 215-220; П.А. Бурьяшкин. Москва купеческая. — Нью-Йорк, 1954; П.А. Берлин. Русская буржуазия в старое и новое время. — С. 296.

³⁰ *Речь*. — № 61. — 3 марта 1912. — С. 3.

также не пользовались расположением. Привычно усматривая повсюду еврейский заговор, она призывала русских предпринимателей отвергнуть увещевания евреев и их прислужников-интеллектуалов и не ввязываться в политику. Ведущий политический комментатор *Нового времени*, неподражаемый Меньшиков, для которого жизнь была непрекращающейся борьбой сил света, представляемых автократией, и сил тьмы, олицетворяемых евреями, крещеными евреями и их сторонниками, возмущался «жидокадетским раздражением против власти», вносимым в ряды московских предпринимателей³¹.

Важным итогом сотрудничества академиков и бизнесменов стал изданный на деньги Рябушинского (и при тесном содействии Григория Трубецкого) двухтомник «Великая Россия: сборник статей по военным и общественным вопросам». Его авторы анализировали военные проблемы страны в политической и экономической перспективе. Милитаристский и империалистический пафос «Великой России» произвел сильное впечатление на деловое сообщество, не привыкшее к тому, чтобы его воспринимали как фактор российской военной мощи³².

Струве выступил в сборнике с программной статьей «Экономическая проблема “Великой России”» (#416), в которой анализировались взаимоотношения между богатством страны и ее военным потенциалом. Он утверждал, что в настоящее время способность вести войну должна измеряться не живой силой, которую государство готово выставить на поле боя, а экономической мощью. Последнюю, в свою очередь, вполне в духе своей экономической теории, он предпочитал определять в объемах не столько промышленного производства, сколько капитала и дохода. «Чем выше экономическое развитие страны, тем — при прочих равных условиях — выше ее боевая готовность, и тем значительнее та сила, которую данная

³¹ П.А. Берлин. Русская буржуазия в старое и новое время. — С. 291.

³² Великая Россия. — М. [1911-1912].

страна может развить в военном столкновении»³³. Сегодня такое заявление кажется до банальности очевидным, но в предвоенной России это было далеко не так. Влиятельное течение военной мысли придерживалось противоположной доктрины: экономически развитые страны, по мнению его сторонников, внутренне настолько зависят от импорта, что военные неурядицы, которые легко смогут преодолеть относительно отсталые и экономически самодостаточные страны типа России, для них окажутся непосильными³⁴. Струве новаторски отверг эту распространенную позицию. По его мнению, война влияла на экономику куда меньше, чем экономика на войну, а российская экономическая немощь была источником военного упадка.

«Следует сказать прямо: слабость России при сопоставлении ее с нашими реально возможными противниками, с Германией и Австрией, заключается в недостаточной экономической мощи России, ее хозяйственной неразвитости и вытекающей отсюда финансовой зависимости от других стран. В современных условиях военного столкновения все мнимые преимущества русского натурального или полунатурального хозяйства обратятся в источники нашей военной слабости. ...С точки зрения военной готовности России нет более настоятельной общей задачи, чем укрепление ее экономического состояния или иначе, чем политика, направленная на накопление капиталов в стране. ...Нет теоретически более превратной и практически более опасной мысли, что в экономической отсталости России могут заключаться какие-либо преимущества в военном отношении»³⁵.

Практический вывод из данной предпосылки заключался в том, что России необходимо всерьез взяться за экономику, а это, в свою очередь, требовало от прави-

³³ #416/144.

³⁴ Ведущими представителями этой теории выступали И. Блюх и А. Гулевич. См.: *А.Л. Сидоров. Экономическое положение России в годы первой мировой войны.* – М., 1973. – С. 5-7.

³⁵ #416/151-152.

тельства гораздо большего, чем прежде, внимания к запросам и нуждам делового сообщества: проблемы, которые выдвигала угроза мировой войны, можно было разрешить только «параллельным и дружным действием частной инициативы и государственной политики»³⁶.

Вскоре после блистательного старта у *Русской мысли* начались проблемы. Номера 1907 года дышали свежестью и были переполнены новыми именами. Но потом журнал стал портиться, в основном из-за того, что ни один из редакторов почти не уделял ему времени. В 1908 году оба приступили к работе над диссертациями. Струве с головой погрузился в исследования, итоги которых пятью годами позже превратились в первый том «Хозяйства и цены», а Кизеветтер вносил последние штрихи в свою докторскую, посвященную Жалованной грамоте городам, изданной Екатериной II. После завершения работы над диссертацией весной 1909 года Кизеветтер по рекомендации Ключевского возглавил кафедру русской истории Московского университета; кроме того, он преподавал в других учебных заведениях, включая Народный университет³⁷. По несчастливому стечению обстоятельств (о причинах этого речь пойдет ниже) зимой 1908–1909 годов оставил пост литературный редактор *Русской мысли* Дмитрий Мережковский. Сразу после его ухода уровень поэзии и беллетристики в журнале немного повысился, но затем вновь упал; постепенно первую часть журнала заполнили переводные работы, подбор которых был не слишком затруднителен и которые, в среднем, стоили на треть дороже, чем отечественные авторские произведения. К осени 1909 года *Русская мысль* выродилась в мрачное академическое издание. Сентябрьский номер, к примеру, украшали теоретическая статья по химии, высокопарное эссе Бердяева о «философском оправдании христианства» и несколько переводов. Следую-

³⁶ Там же. – С. 153.

³⁷ А.А. Кизеветтер. На рубеже двух столетий. – С. 467, 500.

щий номер был не лучше: тут была статья по статистике, а также материал, в котором рассматривался домашний бюджет простонародья; литературная часть состояла в основном из переводов с польского, немецкого и датского.

Читательская аудитория, с самого начала не слишком обширная, начала сокращаться. К январю 1909 года у журнала осталось всего 2522 подписчика. Струве, мучивший Кизеветтера упреками и критикой, не мог сказать, что конкретно должно быть сделано. Журнал пребывал в постоянном бюджетном кризисе: в 1908 году дефицит составлял 11 тысяч рублей, в 1909 сократился до 4 тысяч, но в 1910 вновь возрос до 10 тысяч³⁸. Кизеветтер полагал, что причины упадка издания лежали в «эзотеричности» его содержания: *Русская мысль* не может и не должна быть журналом для всех, писал он Струве, «но не издается ли она для *слишком немногих?*»³⁹. Он считал также, что Струве уделяет недостаточное внимание выполнению своих редакторских обязанностей, и просил последнего сделать их приоритетными. Он постоянно звал Струве на редакционные совещания в Москву, и особенно настойчиво — в начале 1910 года, когда стало очевидно, что журнал не только не привлекает новых подписчиков, но и теряет прежних.

Между тем Струве медлил. Он был занят другими делами, включая «Вехи», дебаты вокруг которых поглощали большую часть его времени в 1909 году. Наконец, летом 1910-го, во время отпуска, проводимого неподалеку от Твери, он тщательно обдумал ситуацию и решил, что серьезные перемены неизбежны. Редакционное соглашение с Кизеветтером не работало; только единоличное редактирование вновь могло поставить журнал на ноги. Струве полагал также, что в дальнейшем журнал должен более широко освещать текущие события, а его литературный раздел следует решительно обновить.

³⁸ Письмо Кизеветтера к Струве, 10 января 1910; письмо Д. Жукова к Струве, 27 октября 1910. — ГА РФ. — Фонд 604, оп. 1, ед. хр. 9.

³⁹ Письмо Кизеветтера Струве, 19 апреля 1910.

В августе 1910 года Струве предложил Кизеветтеру полностью передать ему редакционное руководство *Русской мыслью*. Тот с радостью согласился, и Струве сделался «редактором-издателем», обладающим правом решающего голоса в отношении любого материала, который появлялся на страницах журнала. Он даже подумывал о переезде в Москву⁴⁰, чтобы быть поближе к редакции, но, в конце концов, оставил эту идею, поскольку такое перемещение вынудило бы отказаться от преподавания в Санкт-Петербургском политехническом институте. Из-за такого решения в течение последующих двух лет редакционный совет оставался расколотым: шеф-редактор жил в столице, а сама редакция размещалась в Москве. Пока подобное положение вещей сохранялось, Кизеветтер продолжал быть активным членом редакционного совета, но в 1912 году вышел из его состава, полностью посвятив свой журналистский талант либеральной газете *Русские ведомости*. Финансовые дела журнала, ранее находившиеся в ведении Лурье, теперь, по-видимому, перешли к Нине Струве. Пытаясь одолеть дефицит, Струве решил сократить объем каждого номера до двадцати пяти печатных листов⁴¹ с января 1910 года, но выполнить это решение, вероятно, не смог, ибо уже следующий, февральский номер превышал тридцать листов. Наконец, новый редактор повысил цену годовой подписки с двенадцати до пятнадцати рублей.

Серьезные изменения произошли в содержании *Русской мысли*. Появился новый раздел «В России и за границей», в котором давались подробные обзоры внутри- и внешнеполитических проблем, статьи по экономике, социальной политике, религиозным и церковным вопросам, литературе и искусству. За подготовку этой рубрики отвечали несколько постоянных авторов. К ней также прилагалась колонка некрологов, посвященная видным людям,

⁴⁰ Письмо Нины Струве к Петру Струве, 24 января 1911.

⁴¹ Письмо Струве к Л.Я. Гуревич, 26 октября 1909.

почившим как в России, так и за рубежом. Еще одной новинкой стала рубрика «Материалы по истории русской литературы и культуры», совместно редактируемая Кизеветтером, Гершензоном и Валерием Брюсовым и публиковавшая многочисленные документальные материалы.

Но самые глубокие перемены коснулись литературной секции. Они достойны упоминания не только в контексте биографии Струве, но и в связи с общей историей русской литературы того времени.

В первые десятилетия XX века наиболее интересные художественные произведения в России создавались поэтами, а самые выдающиеся поэтические таланты принадлежали к символистам. Роман, царивший в русской литературе в предшествующие полвека, переживал упадок, и русские символисты, вдохновляемые примером своих французских собратьев, пытались пробудить в читателе то или иное эмоциональное состояние, искусно манипулируя словесными и звуковыми сочетаниями и создавая тем самым всевозможные ассоциации, в основном бессознательные по своей природе. Как и в искусстве импрессионистов, главной заботой творца оказывалось не само произведение (картина или стихотворение), но отклик, им порождаемый; а это означало, среди прочего, что художник свободен от каких бы то ни было регламентаций и правил. Новая эстетика заметно расширила диапазон творческой свободы. В своем отрицании конвенций и стандартов «модернизм» значительно превзошел романтизм: по мнению его адептов, для получения желаемой реакции зрителя, слушателя или читателя можно было использовать любые средства. Преследуя эту цель, русские символисты, как и их французские наставники, значительно расширили границы поэтического выражения, введя в оборот *vers libre* (свободный стих), до того русской поэзии совершенно неизвестный. Это подтолкнуло их к более свободному обращению со словом и либо к полному отказу от рифмы, либо к экспериментам с несовершенными рифмами и замене

традиционного слогового стиха акцентным. Все эти новации сделали русскую поэзию гораздо более гибким и интимным средством самовыражения, чем прежде. Впервые появившись в России в 1890-е годы, несмотря на ожесточенное сопротивление как консервативных, так и радикальных критиков, новая поэзия завоевывала признание и к 1905 году вышла на первый план; можно сказать, что 1905 год был отмечен не только политической революцией, но и революцией в русской литературе.

Важнейшей трибуной символистской поэзии и прочих модернистских течений в России начала 1900-х годов выступал журнал *Весы*, издаваемый Валерием Брюсовым и взявший за образцы для подражания такие зарубежные издания, как *Mercur de France* и *The Yellow Book*. Помимо публикаций работ русских авторов, он также информировал читателей о новинках современной западноевропейской литературы. Вместе со своим предшественником, журналом *Мир искусства*, *Весы* осуществили в России настоящий эстетический переворот. Его итогом стало завершение длительного господства гражданской, утилитарной, националистической эстетики — по крайней мере, среди образованной публики Санкт-Петербурга и Москвы — и утверждение эстетики новой, космополитичной, пропагандировавшей искусство для искусства.

Политические позиции русских символистов были неоднозначны и даже противоречивы. С равным основанием их можно считать литературным авангардом большевистской революции (которую кое-кто из них позже приветствовал) и выразителями интересов «реакционной», «антидемократической», «контрреволюционной» буржуазной интеллигенции (в чем их потом обвиняли критики эпохи Сталина⁴²).

Общий настрой, а также эстетические теории символистов заставляли их провозглашать собственную

⁴² См., например, обличительную статью В. Асмуса: Литературное наследство. — № 27/28. — 1937. — С. 5 и след.

аполитичность. Воспринимая искусство в качестве высшей и самодостаточной цели, они не видели ни малейшей необходимости во вмешательстве художника в низменные материи повседневной жизни. Сама их литературная техника, с ее постоянными обращениями к «символам», коренящимся в личном опыте и представлявшим на деле персональные, а не социальные коды коммуникации, подталкивала к крайностям индивидуализма. По природе своей они являлись элитаристами; многие из них считали общественную жизнь до того отталкивающей, что предпочитали ей полную изоляцию. Они презирали массы за озабоченность материальными проблемами и подозрительное отношение к гению. Дух, запечатленный в характерном высказывании Брюсова — «символист должен больше всего бояться банальности»⁴³, — делал их естественными противниками социализма и демократии.

В то же время они отнюдь не тяготели к антисоциалистическим, «буржуазным» политическим движениям. В буржуазии они презирали ту же самую ориентированность на материальные блага, которая столь не нравилась им в социализме, а ее стремление к законности и порядку казалось им еще более ненавистным: ведь социалисты, по крайней мере, хотя бы желали перемен. Таким образом, недолюбливая социализм, символисты находили его призывы к революционному насилию весьма привлекательными: последние были интерпретированы ими по-своему — как протест против бессмысленных правил и условностей и утверждение абсолютной духовной свободы. Хаос революции вполне соотносился с их пониманием вселенной как начала непрерывно текущего и подвижного. Когда Брюсов писал о своей преданности «великому демону перемен», он делал не только философское, но и политическое заявление, неявно поощрявшее революцию.

⁴³ Цит. по: Д.Е. Максимов. Поэзия Валерия Брюсова. — Л., 1940. — С. 23.

Так и получилось, что символисты, проповедуя аполитичное мировоззрение и отвергая политическую вовлеченность, в своих социальных установках постоянно колебались: в периоды стабильности они уходили в свой внутренний мир, но при первых признаках революционной смуты немедленно ввязывались в драку и скрывались, разочарованные, как только волнение вновь утихло. Данная особенность помогает понять, каким образом виднейшие писатели большевистской революции — такие, как Блок, Брюсов и Белый — одновременно могли печататься в *Русской мысли* и выказывать симпатии политическим взглядам ее редактора.

Естественный альянс между символистами и Струве, идеологом национал-либерализма, обеспечивался двумя факторами. Первым выступал их космополитизм. Символисты хорошо знали литературу Западной Европы, которую неустанно пропагандировали в собственных публикациях. Культура в их глазах была явлением интернациональным, и в современной Европе они чувствовали себя как дома. В этом смысле их убеждения вполне соответствовали редакционной программе *Русской мысли*, которая несла в Россию западную культуру. Вторым фактором стал присущий им дух культурного миссионерства. Замечание историка символистского движения о том, что «недостаток культуры являлся одним из наиболее тяжелых обвинений, на которое только было способно модернистское поколение русских»⁴⁴, вполне понятно биографу Струве. Определенные основания имели под собой и те утверждения, согласно которым символистские обличения узости русской культуры и свойственной ей тирании гражданственности, распространившиеся в начале XX столетия, проложили дорогу сборнику «Вехи»⁴⁵.

⁴⁴ *Georgette Donchin. The Influence of French Symbolism on Russian Poetry.* — The Hague, 1958. — P. 9.

⁴⁵ *Литературное наследство.* — № 27/28. — 1937. — С. 6.

В разгар кампании по выборам в I Государственную Думу к Струве попал новый сборник стихов Брюсова — «Венок». Книга (для символиста довольно нетипичная) произвела на него сильнейшее впечатление. Он незамедлительно отрецензировал ее в *Полярной звезде* (#321), назвав уникальным сочинением, в котором красота классического стиха идеально сочетается с современными веяниями. В отличие от прочих образчиков «декадентской» поэзии, писал Струве, это довольно серьезная работа, ибо во многих своих стихотворениях Брюсов затрагивает патристические темы типа русско-японской войны. И при этом, подчеркивал он, речь отнюдь не шла об искусстве, находящемся на службе у политики: «тут не политика вторгается в поэзию, а поэзия расширяется на все, все захватывает и все преобразует». Энтузиазм Струве был столь велик, что он даже написал Брюсову, пригласив того к сотрудничеству со *Свободой и культурой*, преемником *Полярной звезды*⁴⁶. Этот журнал прекратил существование еще до того, как Брюсов собрался там печататься, но уже в следующем, 1907 году, поэт опубликовал несколько своих стихотворений в мартовском номере *Русской мысли*.

Сделавшись в августе 1910 года единоличным руководителем *Русской мысли*, Струве был озабочен поисками способного литературного редактора. Прежде Мережковский более или менее справлялся с этими обязанностями, но зимой 1908–1909 годов между двумя литераторами вспыхнул острый конфликт. Поводом послужило эссе Александра Блока «Россия и интеллигенция», представлявшее собой сокращенную версию лекции, с которой автор выступил в ноябре 1908 года перед Религиозно-философским обществом. Струве был недоволен этим произведением, которое считал «наивным» и которое на деле, будучи прочитанным сегодня, кажется излишне претенциозным и весьма путаным. Однако Мережковскому статья понравилась; он настаивал на ее публикации, а когда

⁴⁶ Письмо Струве к Брюсову, 2 апреля 1906 (см. сноску 50).

Струве использовал свое право вето, заявил об уходе из журнала⁴⁷. После этого разрыва на посту литературного редактора *Русской мысли* довольно быстро сменились несколько человек, включая Лурье и Ю. Айхенвальда, но ни один из них не справлялся с обязанностями должным образом⁴⁸. И тогда Струве вновь вспомнил о Брюсове.

К концу 1908 года Брюсов устранился от активного участия в работе редакционного совета *Весов*. Узнав об этом, Лурье организовал его встречу с сотрудниками *Русской мысли*. Впечатления от знакомства со Струве поэт кратко описал в своем дневнике: «Знакомство с П.Б. Струве. Человек оригинальный... Меткие слова. А.А. Кизеветтер, — торная, удобная, хорошая дорога. Лурье — талантлив в меру»⁴⁹.

В результате всех этих переговоров Брюсов принял приглашение присоединиться к редакции *Русской мысли* на правах «постоянного автора». Это означало, что его имя было внесено в платежную ведомость. С января 1909 года новые стихотворения Брюсова печатались в основном в *Русской мысли*.

Во многих отношениях Брюсов казался идеальным кандидатом на пост литературного редактора. Известный поэт и основатель русского символизма, он был также выдающимся литературным импресарио. Работа в *Весах*, ярко продемонстрировавшая его редакторские способности, позволила ему наладить контакты с ведущими российскими и зарубежными писателями. В то время он был

⁴⁷ Подробнее об этой ссоре см.: А. Блок. Собрание сочинений в 8-ми томах. — М., 1960-63. — Т. V. — С. 742-744, Т. VIII. — С. 261-262; З. Гунтуус-Мережковская. Дмитрий Мережковский. — Париж, 1951. — С. 187. Статью Блока, озаглавленную «Народ и интеллигенция», см. в упомянутом собрании сочинений: Т. V. — С. 318-328.

⁴⁸ Об Айхенвальде, который позже стал известным литературным критиком, Струве говорил: «Я не думаю, чтобы редакторство было в числе его призваний». См.: 29/1-12а.

⁴⁹ В. Брюсов. Дневники, 1891-1910. — М., 1927. — С. 142. См. также: Литературное наследство. — Т. 85. — 1976. — С. 304-305.

близок к Струве и по политическим взглядам: не случайно наиболее благожелательная рецензия на сборник «Ве-хи» появилась именно в *Весах*.

В начале августа 1910 года Струве предложил Брюсову возглавить литературно-критический отдел *Русской мысли*⁵⁰. Условия соглашения были урегулированы во время приезда Струве в Москву 21–22 августа 1910 года, после чего Брюсов незамедлительно и энергично приступил к работе. Он разослал приглашения выступить на страницах *Русской мысли* ведущим авторам *Весов* (в декабре предыдущего года этот журнал прекратил свое существование), а также крупным западным писателям, включая бельгийского поэта Эмиля Верхарна, весьма популярного в России. Брюсову очень хотелось привлечь к делу и Блока, который был в обиде на Струве после истории с его статьей об интеллигенции. Кроме того, Брюсов выполнял и другие редакционные обязанности: в частности, регулярно печатался в разделах «Литература и искусство», «В России и за границей» и совместно с Кизеветтером и Гершензоном помогал готовить «Материалы по истории русской литературы и культуры». Летом и осенью 1910 года он вел активную переписку со Струве, добиваясь (как правило, успешно) одобрения последним своих многочисленных инициатив. Будучи от природы несамостоятельным человеком, Брюсов советовался со Струве по любому поводу.

Сказанное касалось и политики. Позже, переметнувшись к левым (в 1918 году Брюсов стал одним из немногих известных в России писателей, вступивших в коммунистическую партию), Брюсов пытался скрыть свое политическое прошлое, заявляя, что у Струве он был чуть ли не

⁵⁰ Переписка Струве с Брюсовым хранится в Петербурге в Институте литературы (Пушкинский дом), фонд 444 (Архив В.Я. Брюсова). В этом собрании имеются письма Брюсова к Струве (частично опубликованные в журнале *Литературный архив* (№ 5. – 1960. – С. 257–345) с отвратительными комментариями А.Н. Михайловой), а также самого Петра и Нины Струве к Брюсову (№№ 59–64 и 58 соответственно).

техническим редактором и, следовательно, не нес ни малейшей ответственности за политическую ориентацию *Русской мысли*. Уже в 1916 году, добиваясь места в редакции *Летописи* — литературного журнала, издаваемого Максимом Горьким, он говорил, что не разделял «общественно-политических взглядов» *Русской мысли*, и пытался свести к минимуму свою причастность к журналу, утверждая, что мог лишь «до некоторой степени влиять на художественную часть» этого издания⁵¹. Даже в период полноценного сотрудничества с *Русской мыслью* он в частной переписке называл его «странным прибежищем»⁵². И в то же время со Струве он говорил совершенно по-иному. В 1911 году, принимая в подарок экземпляр книги «*Patriotica*» — собрания политических статей Струве за 1907–1910 годы, пронизанного националистическими и империалистическими мотивами, — он благодарил автора в записке, содержащей следующий пассаж: «Вы знаете, что я (хотя и не вникаю особенно тщательно в вопросы государственные и политические) стою приблизительно на тех же позициях, какие защищаете Вы. Поэтому меня очень интересует, что будут говорить Ваши критики (“слева”, конечно) и как будут опровергать то, что мне кажется явным и неопровержимым»⁵³.

Впрочем, какой бы ни была гражданская порядочность Брюсова, он оставался блестящим литературным редактором. Он привлек в журнал не только известных авторов, но и молодые таланты нового поколения. Среди последних была, в частности, Анна Ахматова. Число подписчиков начало расти. Струве, весьма довольный работой Брюсова, поднял ему жалованье и расширил его полномочия по управлению московской редакцией до тех пор, пока тот фактически не занял пост ответственного секретаря журнала.

⁵¹ Литературное наследство. — № 27/28. — 1937. — С. 652.

⁵² Литературный архив. — № 5. — 1960. — С. 260.

⁵³ Письмо Брюсова к Струве, 16 апреля 1911.

Единственное серьезное расхождение между Струве и Брюсовым имело место в 1912 году. Поводом для него оказался новый роман Андрея Белого «Петербург», который Струве принял, но, найдя слишком вызывающим, отказался печатать, вопреки рекомендациям Брюсова.

Белый задумывал «Петербург» в качестве продолжения «Серебряного голубя», впервые опубликованного в *Весах* и составлявшего вторую часть трилогии «Восток или Запад». В начале 1911 года писатель получил от Струве аванс в тысячу рублей, в котором остро нуждался, но за роман вплоть до осени не садился и завершил его лишь за пару месяцев лихорадочной работы. В январе 1912 года рукопись была передана в *Русскую мысль*.

В этом романе Белый попытался проделать с прозой то же самое, что символисты делали с поэзией: образы-вспышки и звуки-взрывы были обращены не к интеллекту, но к чувствам читателя, и должны были породить отклик, для классического произведения совсем нетипичный. «Петербург» оказался неоспоримо новаторской работой, в связи с чем его часто сравнивают с «Улиссом» Джойса, появившимся десятью годами позже. Содержание, однако, было весьма эклектичным. Здесь всего понемножку: видения бюрократического Петербурга — от Гоголя, тема отцеубийства — от Достоевского, приближающиеся орды монголов — от Соловьева; время от времени появляется даже Христос, а вслед за ним, как в пушкинском «Медном всаднике», и статуя Петра работы Фальконе. Действие романа приходится на революционный 1905 год. В главную интригу вовлечены видный сенатор, персонифицирующий бездушную бюрократию, и его сын, представляющий революционеров-нигилистов. Агент полиции, скрывающийся под маской революционера, приказывает молодому человеку убить отца бомбой, запаянной в жестянку из-под сардин. Бомба взрывается в пустой комнате, никому не причинив вреда, но породив острый конфликт между отцом и сыном. Мораль повествования выявить довольно сложно. Белый, вероятно, пытался

отождествить силы реакции и революции, представив их в равной степени деструктивными и нигилистическими: «Холодом смерти веет и от старого, гибнущего мира и от нового, несущего с собой гибель»⁵⁴. Он стремился создать атмосферу отчаяния и мрачных предчувствий, но это не слишком удалось из-за излишней увлеченности техникой слова и литературными эффектами.

Оценивая негативную реакцию Струве на то, что впоследствии было признано выдающимся литературным произведением, необходимо помнить, что текст, публикуемый сегодня на русском и переведенный на иностранные языки, значительно отличается от того, который Белый вручил редакции *Русской мысли* в 1912 году. В 20-е годы Белый, неудовлетворенный своим романом, радикально переработал его, в результате чего рукопись сократилась на треть, а повествование стало более «плотным». Внешне не приемля реакцию Струве, писатель вынужден был согласиться с его критикой. В издании 1928 года Белый писал, что сокращенная работа фактически представляет собой новое произведение: «Первое издание — черновик, который судьба (спешность срочной работы) не позволила доработать до чистовика; сухость, краткость, концентрированность изложения (так выделялся автору «Петербург» в замысле) черновик превратили в туманную витиеватость»⁵⁵.

Но в то время он явно не был готов признать промахи, на которые указывал ему Струве. Последнего роман возмутил; он немедленно информировал автора, что «Петербург» напечатан не будет. В то время он писал Брюсову: «Спешу Вас уведомить, что относительно романа Андрея

⁵⁴ К. Мочульский. Андрей Белый. — Париж, 1955. — С. 171. Б. Кузьмин в «Литературном наследстве» (№ 27/28. — 1937. — С. 412) заявляет, что «реакция» и «революция» рассматривались Белым в качестве «двух выражений одной и той же силы — мирового нигилизма», нацеленного на разрушение «культуры».

⁵⁵ Предисловие Белого к московскому изданию 1928 года, нумерация страниц отсутствует.

Белого я пришел к совершенно категорическому *отрицательному* решению. Вещь эта абсолютно неприемлема, написана претенциозно и небрежно до последней степени. Я уже уведомил Белого о своем решении (телеграммой и письмом)... Мне лично жаль огорчать Белого, но я считаю, что из расположения к нему следует отговорить его от печатания подобной вещи, в которой проблески крупного таланта утоплены в море настоящей белиберды, невообразимо плохо написанной»⁵⁶. Брюсов неуверенно возражал, но Струве стоял на своем: «роман плох до чудовищности», публиковать это «незрелое и прямо уродливое произведение» нельзя⁵⁷. Белый, между тем, направил отвергнутую рукопись в литературный журнал *Сирин*, где она и была напечатана в 1913–1914 годах.

В воспоминаниях, написанных в 20-е годы, Белый объясняет негативную реакцию Струве личными мотивами. Он полагал, что Струве был задет одним из второстепенных персонажей романа, в котором узнал карикатуру на самого себя: «У меня в романе изображен рассеянный либеральный деятель, на последнем митинге сказавший радикальную речь и тут же переметнувшийся вправо»⁵⁸. Действительно, в переработанной версии книги мельком появляется некий профессор статистики, который участвует в светской вечеринке: «воистину допотопного вида мужчина, с рассеянным ликом, со вздернутой складочкой сюртука, отчего между фалдами — просунулся хлястик», с подбородка которого «висела клочкастая борода, а на плечи, как войлок, свалилися космы». Этот персонаж определяется как завсегдатай собраний, проводимых патриотами и сторонниками умеренных реформ. На приеме он завязывает беседу с земским деятелем; из этого разговора приводится лишь одна фраза: «По статистическим сведе-

⁵⁶ Письмо Струве к Брюсову, 2 февраля 1912. Перепечатано в издании: *Литературный архив*. – № 5. – 1960. – С. 263.

⁵⁷ Из литературного наследия Андрея Белого. См.: *Литературное наследство*. – № 27/28. – 1937. – С. 344.

⁵⁸ *Литературное наследство*. – № 27/28. – 1937. – С. 455.

ниям... Годовое потребление соли нормальным голландцем...»⁵⁹ Весьма вероятно, что выписывая эту фигуру, Белый действительно имел в виду Струве, но в то же время в высшей степени сомнительно, чтобы столь незначительный пассаж мог побудить последнего воспрепятствовать публикации. Для Струве было вовсе не характерно переводить личные взаимоотношения в плоскость цензуры.

Белый напал на Кизеветтера и Брюсова, обвиняя последнего в предательстве, а самого Струве — в нарушении ранее подписанного контракта. Его отношения с Брюсовым прервались на многие годы. Этот эпизод, утверждал Белый, «надолго разбил его»⁶⁰.

Струве издавал журнал с помощью Брюсова вплоть до августа 1912 года, когда редакция переехала в Санкт-Петербург. Брюсов, отказавшись переезжать, оставил свой пост в ноябре 1912 года, сохранив дружеские отношения со Струве и продолжая печатать почти все свои новые стихи исключительно в *Русской мысли*⁶¹. Позже Струве поручил ведение литературного отдела Л.Я. Гуревич — писательнице, переводчице и критику, которая занимала этот пост вплоть до начала первой мировой войны, когда Струве решил, что более не может себе позволить содержать литературного редактора⁶². Впоследствии он редактировал журнал самостоятельно.

⁵⁹ Peterburg. — Letchworth, 1967. — P. 119-121. К сожалению, мне не удалось ознакомиться с оригинальной версией романа, напечатанной в *Сирине*.

⁶⁰ *Литературное наследство*. — № 27/28. — 1937. — С. 455.

⁶¹ *Литературное наследство*. — № 85. — 1976. — С. 702. Они продолжали переписываться и во время войны, что опровергает утверждение А.Н. Михайловой (*Литературный архив*. — № 5. — 1960. — С. 263-265) о том, что их отношения были прерваны из-за разногласий по поводу романа Белого.

⁶² Письмо Струве к Л.Я. Гуревич, 8 сентября 1914. — Пушкинский Дом, Санкт-Петербург.

Часть II
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Глава 5

Мировая война

Весной 1914 года Струве принял участие в конкурсе на замещение вакантной должности приват-доцента Санкт-Петербургского университета по специальности «Русская история. Декан исторического факультета Сергей Платонов поддерживал его кандидатуру, и перспективы казались вполне благоприятными¹. Летом, возможно, в связи с предстоящим назначением, Струве решил отказаться от традиционного отпуска в Германии и вместо этого отправился в поездку по России, позже названную им «научно-исследовательским путешествием». Он вернулся в Санкт-Петербург в середине июля, во время сараевского покушения, и в последующие дни все свое внимание посвятил разгоравшемуся международному

¹ 33/1-21а. За год до этого Струве опубликовал сборник статей по аграрной истории России, включавший слегка переработанную версию его знаменитой статьи 1899 года об отмене крепостного права (#87). Книга называлась «Крепостное хозяйство» (#442). Возможно, она была призвана упрочить его репутацию среди профессиональных историков русской экономики и проложить дорогу к университетской кафедре. Отклики на нее оказались в основном критическими. См.: *М. Туган-Барановский*. О причинах падения крепостного права в России. – *Речь*. – № 48. – 19 февраля 1914. – С. 1-2; *В. Воронцов*. – *Вестник Европы*. – 1914. – С. 357-359; *М. Покровский*. – *Голос минувшего*. – № 3. – 1914. – С. 296-299; *А. Корнилов*. – *Научно-исторический журнал*. – № 5. – 1914. – С. 30-53.

кризису². Университетский конкурс был отменен в связи с началом войны.

В своих основных чертах международная обстановка, сложившаяся в результате убийства эрцгерцога Фердинанда, напоминала кризис 1908—1909 годов вокруг Боснии и Герцеговины. Австрия вновь предъявляла Сербии заведомо неприемлемые требования, а Россия, главный союзник и защитник сербов, опять оказывалась перед нелегким выбором. Вопрос, мучивший Струве в июле, заключался в том, не поступит ли Россия так же, как в 1909 году, то есть не бросит ли она сербов на произвол судьбы. Частные контакты с высокопоставленными правительственными чиновниками, организованные с помощью его друга Григория Трубецкого, в то время возглавлявшего ближневосточный департамент министерства иностранных дел, вселяли в него уверенность в том, что на сей раз повторения «национального позора» не будет³.

Вечером 11 (24) июля Струве из газет узнал об австрийском ультиматуме Сербии. Его возбуждение достигло высшей отметки. Не в силах оставаться в стенах своей квартиры, он вышел в город. Он ожидал увидеть толпы людей, которые, как и он сам, будучи потрясенными историческим смыслом происходящего, не смогли остаться наедине со своими мыслями. Но улицы были пусты, и тогда Струве направился в Летний сад. Здесь, рука об руку, прогуливались влюбленные парочки, не беспокоившиеся ни о чем на свете. Он всматривался в лица прохожих, надеясь хотя бы на проблеск близких ему чувств, хоть на какой-нибудь знак, обнаруживающий родственную душу. «Мне хотелось заговорить с кем-нибудь, проверить свое немое впечатление, но всегдашняя разъединенность куль-

² Из письма Струве к Брюсову, 9 [22] августа 1914 года: «С 11-12 июля и по нынешний день я живу только политическими событиями, буквально сгораю от них... Весь месяц прошел как в лихорадке».

³ 15/7-18.

турных людей, привычка не выходить из своего одиночества – остановили меня». Струве вернулся домой⁴.

На следующий день (12 (25) июля), когда неизбежность войны между Австрией и Сербией не вызывала больше ни малейших сомнений, он проанализировал ситуацию, назвав свой набросок «Роковые минуты». Отчасти из-за отсутствия расположенных к нему газет, а отчасти в силу убеждения в том, что неофициально полученные данные не дают ему основания «давить» на правительство, Струве спрятал этот материал в стол и опубликовал его лишь через год⁵. По всей вероятности, писал он, австрийский ультиматум означает общеевропейскую войну. Спор с участием Сербии и Австрии – не просто локальная балканская стычка; это побочное проявление международной борьбы за сферы влияния. Выставив ультиматум Сербии, Австрия фактически бросила вызов России, и поступая таким образом, она, скорее всего, действовала с согласия Германии. Тогда, как и впоследствии, Струве был убежден, что причина первой мировой войны заключалась не в немецко-британском соперничестве, как принято было думать, но в стремлении Германии сокрушить Россию: только реализация этой цели позволит немцам претендовать на европейскую и глобальную гегемонию⁶. По этой причине ответ на новый балканский кризис был крайне важен для будущего страны: неспособность помочь Сербии отдавала Россию на милость «центральных держав» и означала ее закат как великого государства. Россия должна была поддержать Сербию, даже если это означало войну. Струве публично заявлял о своих радужных надеждах на исход такого конфликта. «Как ни велики трудности и превратности войны, силы России неисчерпаемы».

15 (28) июля Австрия объявила войну Сербии. На следующий день Россия приступила ко всеобщей мобили-

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ #541/7.

лизации. В ответ на это 18 (31) июля Германия объявила войну России. Струве безоговорочно поддержал позицию своего государства, хотя, как никто другой, отчетливо видел его военные и экономические слабости. Он был убежден, что выступление Франции и Англии на стороне России обеспечит союзникам победу, а в конечном счете — ликвидацию величайшей угрозы самому существованию страны — Германской империи с ее лозунгом «*Drang nach Osten*». Он хорошо понимал, что вернуться к прежнему порядку вещей невозможно. «Начинается новая эпоха всемирной истории»⁷, — написал он, получив известие об объявлении Германией войны России.

Теперь, когда стало ясно, что Россия не собирается поддаваться австро-германскому давлению, предметом беспокойства Струве стал иной вопрос: вступит ли Англия в общеевропейский конфликт? Перспектива российского противостояния с «центральными державами» без поддержки со стороны англичан волновала его уже много лет⁸. Вступление в войну Франции, связанной с Россией договором о взаимопомощи, представлялось Струве предпринятым, но этот шаг не был для него главным. Подобно большинству русских генералов и политиков, он, видимо, сравнительно невысоко оценивал военный потенциал французов: перечисляя великие державы — Англию, Россию и Германию, — он даже не вспоминал о Франции⁹. В случае Англии критическое значение принадлежало ее морской и промышленной мощи. Спустя несколько месяцев после начала войны Струве вынужден был написать следующее: «Без Англии борьба России с Германией представлялась очень трудной, почти безнадежной. С другой стороны, конфликт с объединенными Россией и Англией заранее сулил Германии в конечном счете поражение. Англия становилась осью, вокруг которой, как сто лет то-

⁷ #471/ii.

⁸ 29/7-27.

⁹ #473/170.

му назад, неизбежно должна была возвращаться мировая политика»¹⁰. Летом 1917 года, в разгар революции, когда было модно рассуждать о том, что России незачем продолжать войну, поскольку она выгодна только Англии и Франции, Струве напоминал соотечественникам о «трепетном ожидании тех дней, пока не было известно, выступит Англия, или не выступит»; он был уверен, что если бы Англия заявила о нейтралитете, Россию ждал бы скорый конец¹¹. В течение тех пяти дней, пока намерения англичан оставались неясными, его ум был занят исключительно этим вопросом. Только 23 июля (4 августа), когда Англия наконец объявила войну Германии, Струве успокоился. Он полагал, что Россия теперь вне опасности, а окончательный итог сражений предreshен.

Уверенность Струве в неизбежной победе союзников проистекала отнюдь не из эмоционального патриотизма; напротив, она основывалась на взвешенных расчетах соотношения сил, складывавшегося между двумя коалициями. Как он писал в изданном в 1911–1912 годах сборнике «Великая Россия», исход современной войны будет решаться экономической мощью противостоящих держав, а не количеством «живой силы»; экономический фронт выйдет на первый план. Исходя из такой позиции, по своим людским и материальным ресурсам, как наличным, так и потенциальным, союзники настолько превосходили «центральные державы», что у последних не оставалось никаких шансов. Несмотря на признанное совершенство военной машины и искусенность в стратегии, они просто не могли победить. Струве полагал, что германское руководство, бросив вызов всему миру, поступило крайне безответственно. В конечном счете организованность, дисциплина и национальная сплоченность, которыми всегда славилась Германия, не смогут перевесить суровых реалий экономики, обрекающих страну на поражение. Оценка,

¹⁰ Там же.

¹¹ См. главу 6.

выносимая им глобальным притязаниям Германии, была весьма схожа с вердиктом Макса Вебера: этот социолог, который оставался немецким националистом в той же степени, в какой Струве был русским, также заключал, что в силу неблагоприятной геополитической ситуации его государство не в состоянии соперничать с Англией и эффективно осуществлять свою *Weltpolitik*.

Чем же объясняется немецкое безрассудство? Почему страна, которая целенаправленно добивалась места между главными европейскими державами, обеспечивая себе примечательно высокий уровень материальной культуры, решила ради победы в одной-единственной войне поставить на карту труд целых поколений — причем в такой войне, в которой соотношение сил складывалось для нее столь неудачным образом? Ответ, предлагаемый Струве, отражал скорее сожаление, нежели злобу. Ведь в конце концов Германия, ныне сделавшаяся смертельным врагом России, была его второй родиной, как кровной, так и духовной. Он никогда не пытался снять проблему, просто отгородившись от Германии и собственного прошлого. Струве не только отказывался участвовать в шельмовании «гуннов», но даже нашел в себе смелость, невзирая на господство антигерманских настроений, публично выступить против предложений бойкотировать немецкие товары (в первые месяцы войны еще доступные) и свернуть преподавание немецкого в школах. Подобные требования противоречили коренным интересам России; они гипнотизировали народ «общими фразами и общими лозунгами»¹². Струве не позволял использовать свое имя в антигерманской истерии, которая в годы войны оставалась весьма типичной для союзных стран и к которой люди немецкого происхождения особенно тяготели.

На деле существуют две Германии, говорил Струве, отвечая на вопрос о том, как страна, достигшая столь высокого уровня цивилизации, могла повести себя так ирра-

¹² 14/10-23.

ционально¹³. Первая — это старая Германия, культуру которой олицетворяли Лессинг, Кант и Гёте, а политическим воплощением являлся Бисмарк; для прежней Германии были характерны интеллектуальный гуманизм и общественная терпимость. Но, наряду с этой, существовала и другая, «новая» Германия, рожденная во франко-прусской войне и повзрослевшая в 1890-е. Ее духовность определялась крайним позитивизмом, обрамленным ницшеанской одержимостью «эго». «Новая» Германия пыталась загнать жизнь в предустановленные рамки, она стремилась господствовать везде, где только можно; ее этосом стал крайний рационализм. Политически движущие силы этой Германии персонифицировались в Вильгельме II с его безмерными аппетитами.

«Та трагедия, которую сейчас переживает Германия, есть катастрофическое пожирание этой одной Германии другою. Германия Бисмарка — это Германия, в создание которой вложились одинаково и реализм прусской державы с ее военной дисциплиной, и идеализм германской философии с ее духовным строем. Действующая сейчас Германия Вильгельма II — нельзя достаточно подчеркивать это — совсем другое порождение и другая фигура. Это Германия буржуазии и буржуазной социал-демократии, Германия рафинированной буржуазно-интеллигентской культуры и откровенного культа богатства и экономической силы. В этой Германии милитаризм Фридриха Великого, Блюхера, Гнейзенау и Вильгельма I превратился в бесподобную и бездушную технику 42-сантиметровых “берт”, “цепеллинов” и подводных лодок. В этой Германии лишь по видимости господствует юнкерство; в ней... фигура Бисмарка лишь стильное циклопическое сооружение, украшающее

¹³ Взгляды Струве на Германию и германскую политику в начале первой мировой войны сформулированы в следующих работах: 14/9-14; 14/9-26; 14/10-3; 14/10-14; 14/11-30; #473. 1 ноября 1914 года он выступил с публичной лекцией «Германия и Англия», содержание которой кратко изложено в газете *День* (№ 298. — 2 ноября 1914).

колониально-торговое царство маммонархов — Баллинов и Гельферихов с буржуазным до мозга костей социал-демократическим народом больших городов»¹⁴.

Демон рационализма, в течение веков одолевавший Германию, стал причиной ее фатальной слабости. Поскольку жизни присущ внутренний «дуализм», не позволяющий рационализировать ее полностью (см. главу 3), всякий, пытающийся сделать это, неизменно обречен на поражение. Тем не менее в краткосрочной перспективе превосходная способность немцев к организации и дисциплине могла стать источником впечатляющей мощи. С самого начала войны Струве предостерегал против распространенной в России тенденции недооценивать противника. Германия во всех отношениях была достойным оппонентом. Возможно, цензурные соображения не позволяли Струве высказаться более открыто, но все написанное им в 1914 году о войне пронизано твердым убеждением: начавшийся конфликт будет долгим и изнурительным.

Струве считал, что неминуемое поражение Германии приобретет катастрофические формы: страна утратит все свое могущество и будет сотрясаться в «невообразимых конвульсиях». Ему виделись также затяжные моральные потрясения, вызванные внутренними дебатами об ответственности за проигранную войну.

«Для огромной части немецкого народа это будет целый *морально-политический кризис*, весь грозный характер которого трудно преувеличить. Вина и ответственность за войну 1914 г., лежащая на тех, кто вверг мир в эту катастрофу, столь громадны, сознание немецкого народа еще так мало освоилось с мыслью о том, что вину эту надо искать на германской стороне, это сознание еще так усыплено перспективой, в которую германское правительство с самого начала старалось вдвинуть процесс возникновения войны, что пробуждение от этого сна будет для Германии прямо ужасно.

¹⁴ #487/6.

Ведь когда война придет к своему неизбежному концу, который не может быть благоприятен для Германии, то для немцев отпадет возможность и смысл — обвинять своих противников в чем-либо. Вопрос будет ставиться так: кто же с германской стороны виновен в том, что не предохранил страну от военного столкновения, которое не могло привести ни к чему, кроме поражения, материального умаления и морального унижения Германии? И тогда для всякого немца станет ясно то, что ясно теперь всем нам, а именно, что преступная инициатива этой войны принадлежит ответственным руководителям германской политики. Тогда немцы поймут, что их не только ввергли в войну, но что в вопросе о смысле и реальных двигателях событий их прямо обманывали.

Есть что-то роковое и зловещее в том упорстве, с которым Германия ведет теперь эту войну. Конечно, упорство это совершенно неизбежное, но чем больше оно будет, тем полнее и бесповоротнее будет крушение германского могущества и тем глубже будет тот морально-политический кризис, которым будет отвечать душа Германии на это крушение»¹⁵.

В сентябре 1914 года, за четыре года до того как Макс Вебер пришел к аналогичному выводу, Струве предрекал: «Немецкая *Weltmachtpolitik* приходит к концу»¹⁶.

Касаясь Австро-Венгрии, другого оппонента России, Струве был критичен по отношению не столько к австрийцам, сколько к мадьярам, крайний национализм которых не позволял Габсбургам, по его мнению, решить этнические проблемы. В самом начале войны он предсказывал, что сложившаяся ситуация станет проклятием Австро-Венгерской империи: после неизбежного поражения государство Габсбургов подвергнется расчленению. Австрия, как он предполагал, вернется к границам 1526 года, то есть

¹⁵ #473/174.

¹⁶ 14/9-14; см.: *Marianne Weber. Max Weber: ein Lebensbild.* – Tübingen, 1926. – S. 648.

к состоянию, предшествовавшему битве при Мохаче, которая положила начало австрийской имперской экспансии. Данное пророчество оказалось предельно точным. Струве считал также, что урезанная подобным образом Австрия попытается объединиться с Германией. Венгрии, превратившейся в маленькое, этнически однородное мадьярское государство, придется отказаться от попыток доминировать над славянами. На развалинах Австро-Венгрии появятся два новых славянских образования: одно, южное, объединит Боснию и Герцеговину, Хорватию, Далмацию и Словению (фактически именно эти территории в совокупности с Сербией в 1918 году составили Югославию), в то время как другое, северное, включит в свой состав Богемию, Моравию и Силезию (за вычетом последней, из упомянутых территорий образовалась Чехословакия)¹⁷.

В целом ему удалось (причем это было сделано спустя всего несколько недель после начала войны) с удивительной точностью предсказать участь противников России: поражение «центральных держав» после упорной борьбы; крушение великой Германии и последующие «конвульсии» немецкой нации; распад Австро-Венгрии на четыре самостоятельных государства, два из которых действительно оказались славянскими.

Правда, в отношении союзников пророческий дар Струве оказался куда менее убедительным. Здесь его разум затмевали чувства. Он решительно недооценивал роль Франции в войне и влияние последней на мораль и экономику французского общества; он полностью игнорировал Соединенные Штаты как фактор мировой политики; он, наконец, полагал, что Англия после победы окрепнет и утвердит во всем мире свой демократический империализм, который вытеснит «казарменный империализм».

¹⁷ 14/9-2; 14/9-4; 14/9-20. В газетной статье, опубликованной в начале сентября 1914 года (14/9-2), Струве утверждал, что Австро-Венгрию может спасти преобразование на федеративных началах, но вскоре оставил эту идею.

лизм» немецкого типа¹⁸. Но что хуже всего, он совершенно не предвидел тех испытаний, на которые война обречет экономически отсталую, социально и национально разобщенную, дурно управляемую Россию.

Для всякого, столь же осведомленного в политических и экономических проблемах страны, забвение Струве тех опасностей, которым подвергает себя Россия, схватившаяся в продолжительной и масштабной борьбе с таким мощным противником, как Германия, показалось бы по меньшей мере странным. Главную причину этого фундаментального просчета следует искать в его ошибочных взглядах на природу национализма и империализма. Ранее (в главе 2) уже отмечалось, что за несколько лет до начала мировой войны Струве уверился в том, что энергичная внешняя экспансия способна сгладить внутрироссийские противоречия и, следовательно, укрепить страну политически. В лекции, прочитанной им в ноябре 1914 года, явно звучали мотивы Сили: «Процесс расширения Англии гораздо важнее в ее истории, чем борьба короля с парламентом»¹⁹. Из подобных высказываний следовало, что под влиянием успешного зарубежного опыта Россия способна искупить неудачу своего эксперимента с парламентской монархией. И поэтому, в наилучшей доктринерской манере, он предпочитал не замечать реалии, очевидные даже для людей куда меньшего интеллектуального калибра, и продолжал настаивать, что Россия выйдет из войны еще более великой и сильной: «Война 1914 года призвана довести до конца внешнее расширение Российской империи, осуществить ее имперские задачи и славянское призвание»²⁰. При этом, словно полагая, будто сказанного недостаточно, Струве заявлял, что пробуждаемый войной патриотический порыв морально оздоровит нацию. Первые признаки этого

¹⁸ 14/9-14.

¹⁹ *День*. — № 298. — 2 ноября 1914.

²⁰ #479/178.

процесса он усмотрел в императорском декрете, запрещающем на время войны продажу алкогольных напитков. Это странное начинание, на потреблении спиртного практически не отразившееся, но заметно ударившее по доходам казны, показалось ему важным «нравственным актом»²¹. Струве предсказывал, что война породит не просто реформы, но «глубокое возрождение и преобразование человеческого духа»: мы стоим, писал он в 1915 году, «на повороте истории нравственного сознания человечества»²².

Цели, стоявшие перед Россией в ходе первой мировой войны, он определял исключительно в панславистских терминах, высказывая при этом удовлетворение, что западные политики, среди которых был и Уинстон Черчилль, готовы иметь дело с панславизмом²³. Вступление Турции в войну на стороне Германии Струве приветствовал, поскольку данный акт, по его мнению, в конечном счете гарантировал России контроль над черноморскими проливами (после неминуемого поражения турок)²⁴. В восторженной статье (#479), опубликованной в декабре 1914 года в разгар ошеломляющих побед русских над австрийцами, Струве совсем потерял голову. Он предсказывал, что Россия аннексирует Галицию, воссоздаст Польшу в виде «единого национального организма» (по-видимому, воссоединив под своей эгидой немецкий и австрийский сегменты польской территории) и возьмет под опеку проливы, выполнив тем самым свою панславянскую миссию. И во всем этом ликовании ни слова не было сказано о российском провале в Восточной Пруссии, который гораздо лучше любых триумфов на австрийском фронте показал, насколько зыбки упования России на имперское величие.

²¹ 15/2-21b.

²² Там же.

²³ 14/9-15.

²⁴ 14/10-18.

Украина всегда оставалась для Струве слабым местом. Он вполне признавал обоснованность национальных протестов в Польше и Финляндии и даже готов был смириться с наделением поляков и финнов самой широкой внутренней автономией. Задолго до начала войны он высказывался в пользу возвращения этим народам конституций, дарованных им Александром I²⁵. Его также ужасали ограничения, наложенные имперскими властями на еврейское население. Но при этом он не только наотрез отказывался признавать наличие украинской (как, впрочем, и белорусской) нации, обладающей правом на политическое самоопределение, но и отрицал даже существование отдельной украинской культуры. Нетерпимость Струве в данном отношении заходила столь далеко и настолько контрастировала с его политическим либерализмом, что источники его воззрений на упомянутый предмет надо искать за пределами просто невежества или предубеждения.

Струве полагал, что глубокое чувство национальной идентичности, преодолевающее социальные, этнические и политические барьеры, является исключительно важным для выживания России. По его мнению, русские того времени еще не оформились в качестве полноценной нации, представляя собой нацию *in statu nascendi*; используя американское выражение, он говорил о «творимой нации»²⁶. Подобно Соединенным Штатам, утверждал он, Российская империя объединяла различные этнические группы и скреплялась в единое целое прежде всего культурными узами, причем русская культура выполняла здесь ту же роль, что и английская в Америке. Продолжающийся процесс культурной интеграции подталкивал

²⁵ См.: *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал. – С. 495. Вместе с Н.Н. Львовым Струве помогал Григорию Трубецкому готовить обращение к полякам, обнародованное великим князем Николаем Николаевичем в августе 1915 года и обещавшее им национальное воссоединение и самоуправление после победоносного завершения войны. См.: #609/29.

²⁶ #409/185.

Струве к выводу о том, что Россия, несмотря на свое этническое разнообразие, была не многонациональной империей, как Австро-Венгрия, с которой ее часто сравнивали, но по-настоящему национальным государством (или «национальной империей»), подобным Великобритании или Соединенным Штатам²⁷. Поскольку, с его точки зрения, национальное единство России предопределялось не этнически, но культурно, а процесс культурного слияния был далек от завершения, Струве выказывал горячую заинтересованность в поддержании единства русской культуры. В этом единстве он усматривал важнейшее условие политического и морального возрождения России и ее дальнейшего превращения в великую державу. Общая культура казалась ему более важной для будущего страны, чем единая государственность; следовательно, политический сепаратизм представлялся не столь пагубным, как сепаратизм культурный. Украинское национальное движение бросало вызов этой стройной концепции. Признание того, что, наряду с русской, существует отдельная украинская культура или же сведение общероссийской культуры к ее «великорусской составляющей разрушало саму основу его воззрений на будущее Великой России. «Если вопрос о сепаратизме нерусских народностей имеет почти исключительно государственный интерес, то, наоборот, украинское движение предстает перед нами как сепаратизм культурный»²⁸, а это — гораздо более серьезная угроза. «Если интеллигентская “украинская” мысль ударит в народную почву и зажжет ее своим “украинством”, ... [это обернется] величайшим и неслыханным расколом в русской нации, который явится, по моему глубочайшему убеждению, подлинным государственным и народным бедствием. Все наши «окраинные» вопросы окажутся совершенными пустяками в сравнении с такой перспективой “раздвоения” и — если за “малороссами” по-

²⁷ #479/177.

²⁸ 14/11-5.

тянутся и “белорусы” — “растроения” русской культуры», — заявлял Струве²⁹.

Подобные взгляды вовлекли Струве в один из самых острых интеллектуальных диспутов его жизни. Начало дискуссии положило появление на страницах январского номера *Русской мысли* за 1911 год статьи еврейского националиста Владимира Жаботинского. Автор оспаривал утверждения Струве, согласно которым Россия являлась национальным государством, а не многонациональной империей, указывая на тот статистический факт, что русские («великороссы») составляли всего 43 процента населения страны. Струве ответил Жаботинскому в том же номере журнала³⁰. Для российской государственности, писал он, определяющее значение имеет не этнический, но культурный фактор: существование в Российской империи одной доминирующей культуры — культуры не просто «великорусской» (этот термин Струве с презрением отвергал), но всероссийской. Населяющие страну этнические группы, включая те из них, которые в повседневной жизни пользуются «диалектами» типа украинского или белорусского, обеспечивают себе доступ к культуре в широком, космополитическом смысле лишь при посредничестве русского языка. По мысли Струве, гегемония русского языка, русской литературы и русского образования на всей территории страны гарантирует существование единой нации и позволяет говорить о многонациональной России как о подлинно национальном государстве.

Столь неортодоксальные (для либерала) воззрения вызвали бурные протесты, особенно в среде украинских интеллектуалов. В майском номере 1911 года *Русская мысль* опубликовала один из таких откликов, анонимный автор которого настаивал на признании самобытности украинской культуры, отвергая вместе с тем какие бы то ни было сепаратистские устремления. Полгода спустя Стру-

²⁹ #420/85.

³⁰ #409/184-187.

ве отозвался на эту публикацию обширной статьей «Общерусская культура и украинский партикуляризм» (#420), где наиболее полно сформулировал свои взгляды по национальному вопросу.

Защищая положение о том, что общерусская культура составляет основу политического единства России, Струве обратился к историческим аналогиям. Несмотря на разнообразие региональных диалектов (ионического, дорического, аттического и так далее) к III веку до н. э. классическая Греция, указывал он, сумела выработать так называемый *koine*, основанный на афинской разновидности местного языка. Именно эта версия была принята в качестве средства общения образованных людей эллинистического мира и послужила основой для объединения последнего. В более позднее время «высокий немецкий», выросший из языка саксонских канцелярий и популяризованный Лютером при переводе Библии, постепенно завоевал превосходство и получил статус языка образованных классов и средства коммуникации, связавшего между собой различные регионы Германии. При этом, продолжал Струве, ни *koine*, ни *Hochdeutsch* не уничтожили местные диалекты, которые продолжали сосуществовать бок о бок с ними: посредническую роль они выполняли исключительно в литературе, образовании, управлении, формировании общественного мнения. Струве был убежден, что в России аналогичный процесс сплочения нации вокруг единого языка шел с XVIII столетия, когда русский получил статус *koine*. Незнание языка Пушкина, Гоголя и Толстого, языка Свода законов Российской империи, Манифеста об освобождении крестьян и октябрьского Манифеста обрекало жителей страны на исключение из общественной жизни.

Выдвинув данный тезис, Струве приступил к анализу перспектив, ожидавших, по его мнению, украинский язык. Прежде всего он подтвердил неприятие любых полицейских мер в отношении украинского, назвав их аморальными и непродуктивными (хотя, как представляется, сделано это было недостаточно твердо, поскольку в пос-

ледствии оппоненты обвиняли его в апологии насильственного подавления украинской культуры). Перед «украинством», полагал Струве, открывались два пути. Первый отводил украинскому (как и белорусскому) языку «скромную региональную роль», сводившуюся к стимулированию начального образования и местной литературы. Вторым предполагал обеспечиваемое национальной интеллигенцией искусственное «подтягивание» украинской и белорусской культур до равноправия с общероссийской культурой. Принятие последней альтернативы влекло за собой два практических вывода. Во-первых, украинскую и белорусскую культуры предстояло создать, ибо прежде, как считал Струве, ни той, ни другой просто не было. Во-вторых, попытка это сделать не могла не вызвать глубочайшие политические последствия. Струве не уточняет, что конкретно имеется в виду, но, по всей видимости, речь шла о разрушении российского национального единства и конце России как великой державы. Последний вариант он считал маловероятным на том основании, что в ходе своей исторической эволюции Россия всегда стремилась искоренять региональные культуры. Вместе с тем полностью исключать возможность того, что украинская и белорусская интеллигенция сумеет навязать народу именно такой курс, Струве не мог; последствия подобного выбора представлялись ему катастрофическими, и это весьма его беспокоило.

Позиция Струве по украинскому вопросу, высказанная с присущей ему жесткостью, доставила кадетской партии немало хлопот. Конституционные демократы пользовались на Украине большим влиянием и получали заметную поддержку от украинских депутатов в Государственной Думе. Поскольку Струве состоял членом ЦК, возникла угроза того, что его воззрения будут ошибочно приписаны всей партии. Действительно, по меньшей мере одна украинская газета, выходящая в Киеве, ссылаясь на высказывания Струве, обвинила кадетов в «недостатке демократизма». В ответ партийная конференция кадетов, состояв-

шаяся весной 1912 года, заявила, что взгляды Струве по украинскому вопросу представляют собой его частное мнение и не отражают позицию партии в целом³¹.

После этого страсти улеглись, но мировая война сообщила украинскому вопросу новую остроту. Немцы и австрийцы, ранее действовавшие тайком, теперь открыто поддерживали украинский сепаратизм, намереваясь с его помощью ослабить противника и в конечном счете развалить Российскую империю. В то же время успешное наступление русских войск в Галиции открыло возможность аннексии этой территории, которую многие русские считали частью исторического наследия Киевской Руси, тем более что значительную долю ее населения составляли православные славяне.

В то время когда сражения за Галицию еще продолжались, некий украинский депутат австрийского парламента опубликовал в газете *Berliner Tagblatt* статью с призывом создать «буферное» украинское государство, которое изолировало бы «московитскую Россию» от Черного моря и Балкан. С некоторым опозданием этот материал попал к Струве; статья подтвердила его худшие опасения касательно тех угроз, которые сулило России украинское национальное движение. Свой комментарий он дал в газетной статье «Австро-Германское “украинство” и русское общественное мнение»³², которая вновь, причем в более резкой манере, открыла дебаты по поводу Украины. На этот раз Струве решил устроить выволочку не только украинским националистам и их австро-германским сторонникам, но и тем представителям русской общественности, которые своей готовностью признать притязания украинцев на самостоятельную культуру играли на руку неприятелю. «“Украинская” опасность не есть выдумка, но она существует и будет существовать лишь постольку, поскольку притязания так называемых “украинцев” на ка-

³¹ Речь. – № 134. – 19 мая 1912. – С. 2.

³² 14/9-29.

кую-то особую государственную и национальную культуру рядом с культурой общерусской не будут в русском образованном обществе встречать надлежащего отпора», — писал он.

Статья, обличавшая русских либералов, вызвала бурную реакцию. Она побудила Центральный комитет кадетской партии провести 5 октября 1914 года специальное заседание, посвященное национальному вопросу³³. Члены ЦК были практически единодушны в том, что для партии пришло время более внятно высказаться по данной теме, особенно в отношении Украины. Милюков полагал, что перед тем как сформулировать партийную позицию, неплохо было бы посоветоваться с украинскими кадетами. Петрункевич поднял вопрос о том, должна ли партия и до какой степени брать на себя ответственность за мнения, публично высказываемые отдельными членами ЦК; касаясь шумевших статей Струве, он выразился в том духе, что Центральному комитету в подобных случаях не стоит принимать на себя роль цензора. Тыркова-Вильямс, называвшая Струве «вольным стрелком» (*Freischütz*), поддержала Петрункевича: партия не должна нести ответственность за «безусловно вредные» статьи Струве.

Струве, присутствовавший на заседании, затронул оба пункта. Прежде всего он дал понять, что намерен и впредь высказываться по украинскому вопросу как считает нужным. Кроме того, он не видел ничего плохого в том, чтобы неформально консультироваться со сторонниками партии на Украине, но решительно возражал против привлечения «кадетоподобных» украинцев к выработке решений ЦК.

Поскольку Центральный комитет последовал совету Петрункевича и не стал занимать какой-либо формальной позиции по статьям Струве, его члены чувствовали себя обязанными отмежеваться от Струве в индивидуальном порядке. В ноябре — декабре 1914 года *Речь* опубликовала на своих страницах несколько статей (среди них

³³ ГА РФ. — Фонд 523, оп. 1, ед. хр. 32, год 1914.

были и передовицы без подписи), в которых такие партийные знаменитости, как Милюков, Кокошкин и Гродескул полемизировали с воззрениями Струве по украинскому вопросу, причем иной раз довольно резко³⁴. Дебаты разгорелись еще жарче, когда Струве в своем ответном слове заявил, что, вопреки всем заявленным протестам, большинство образованных русских — к которым он, несомненно, относил и своих товарищей-кадетов, — абсолютно презирает украинское национальное движение³⁵. Это обвинение привело к открытой словесной войне между газетой *Биржевые ведомости*, в которой Струве регулярно печатался с сентября 1914 года, и *Речью*, чьи атаки подкреплялись со страниц более радикального *Дня*. Любое заявление Струве, касавшееся Украины, немедленно получало отповедь, зачастую личного свойства.

Струве считал, что главная причина его разногласий с оппонентами заключалась в нежелании либералов воспринять русский национализм: «Русский либерализм будет всегда осужден на слабость до тех пор, пока он не осознает себя именно русским и национальным»³⁶. Он решительно не соглашался с утверждением Кокошкина, отражавшим, вероятно, мнение кадетского руководства, что либерализм несовместим с национализмом³⁷. Совсем на-

³⁴ П.Н. Милюков. Украинский вопрос и П.Б. Струве. — *Речь*. — № 303. — 9 ноября 1914. — С. 2; Ф. Кокошкин. — *Русские ведомости*. — № 259. — 9 ноября 1914. — С. 2-3. Кроме того, в ноябре и декабре 1914 года *Речь* напечатала еще несколько материалов, посвященных данному предмету, причем некоторые из них были без подписи (см., например: № 327. — 3 декабря 1914. — С. 1; № 329. — 5 декабря 1914. — С. 1). В тот же период в газете *День* украинские позиции Струве неоднократно критиковались Н. Коробкой; для их общего настроения типичен фрагмент из статьи этого автора, напечатанной в номере за 7 ноября 1914 года, в котором он называет Струве «рядовым воинствующим националистом, видящим торжество русской культуры в уничтожении всяких других».

³⁵ 14/11-5.

³⁶ 14/12-6.

³⁷ 14/12-7.

против, возражал Струве, повсеместно, включая Западную Европу, либерализм (как и его социалистическая разновидность) был смешан с национализмом. В России национализм также перестал быть исключительной собственностью, или «монополией», правых³⁸.

Таким образом, к кануну рождества 1914 года, когда Струве в компании товарища по партии С.А. Котляревского отбыл в Галицию для изучения ситуации на территориях, отбитых русской армией у австрийцев, линии размежевания в данном вопросе были проведены предельно четко, а страсти — накалены до предела. В течение трехнедельного пребывания во Львове в качестве представителя Всероссийского земского союза Струве общался с местными политиками, которых расспрашивал об отношении здешнего населения к России и русской культуре. Учитывая его настрой, мы не должны удивляться: он без труда нашел то, что искал. Полученные впечатления были обобщены в трех газетных публикациях³⁹, а также в устном отчете, представленном Центральному комитету кадетской партии 31 января 1915 года. Оценки Струве оказались вполне однозначными. Явление, известное в качестве «украинской культуры», заключал он, в Галиции представляло собой не что иное как «суррогатную культуру», первоначально рожденную православным населением данной местности для противодействия польскому давлению. То было секуляризованное дополнение униатства, сопротивлявшегося натиску католицизма. Без этой суррогатной украинской культуры местные жители уже давно подверглись бы полонизации. Главный вывод предпринятого Струве анализа состоял в следующем: поскольку Россия завоевала Галицию, а польское господство подошло к концу, выполнившая свою роль «украинская культура» более не нужна; постепенно она будет низведена до сугубо регионального феномена. «Необходимо и неизбежно глубокое

³⁸ Там же.

³⁹ 15/1-1; 15/1-12; 15/1-27.

и широкое *обрусение* Галиции»⁴⁰. На галицийских землях он обнаружил явные симпатии к объединению с Россией как среди униатского духовенства, так и в рядах пророссийски настроенных местных политиков. Со временем, предсказывал Струве, украинская культура в Галиции обратится в «региональную», соседствующую с преобладающей русской культурой. Аннексия Галиции Россией казалась ему предрешенной.

Эти идеи, обнародованные в январе 1915 года на страницах газеты *Биржевые ведомости*, настолько противоречили либеральным и либерально-демократическим установкам ее читателей, что издатели посчитали необходимым снять с себя какую бы то ни было ответственность за высказывания Струве. *Речь*, со своей стороны, разразилась целой серией статей, направленных против его эссе о Галиции: эта акция была призвана продемонстрировать, что кадетская партия окончательно изгнала их автора из своих рядов⁴¹.

Расхождения Струве с собственной партией по украинскому вопросу вышли наружу в ходе заседания ЦК 31 января 1915 года, на котором он докладывал о результатах своей поездки. Струве прибыл на встречу с опозданием, после чего выступил с сумбурной речью, в которой в очередной раз воспроизвел свою позицию. После того как оратор закончил, председатель пожурил его за уклонение от предмета обсуждения и попросил других выступающих не следовать подобному примеру. Затем Кизеветтер заявил, что из сообщения Струве он не узнал ничего нового. Ему вторил Милюков. Винавер полагал, что Струве полностью исказил отношение русской публики к украинско-галицийскому вопросу. Неназванный в протоколе украин-

⁴⁰ 15/1-12.

⁴¹ См., например, опубликованные в *Речи* статьи М. Могилянского (№ 11. – 12 января 1915. – С. 2; № 61. – 4 марта 1915. – С. 2) и Л. Пантелеева (№ 30. 31 января 1915. – С. 2; № 32. – 3 февраля 1915. – С. 2). В рассматриваемый период широкую кампанию против Струве развернул также и *День*.

ский депутат Государственной Думы, присутствовавший в качестве гостя, попросил ЦК не придавать отчету Струве особенного значения, поскольку столь эксцентричные оценки были якобы «схвачены на лету». Столкнувшись с единодушным осуждением, Струве попытался расставить акценты более четко, но его второе выступление оказалось еще резче первого.

Изоляция, в которую он попал в связи с украинской проблемой, теперь оказалась полной: никто из видных кадров, включая его друзей и единомышленников по консервативному крылу, не сказал в его поддержку ни слова. А поэтому решение Струве о том, что в партии, которую он основывал, для него больше нет места, оставалось лишь вопросом времени. Поводом для ухода стало постановление, принятое состоявшейся в Петербурге 6–8 июня 1915 года конференцией Конституционно-демократической партии, которая формально осудила воззрения Струве по украинской проблеме⁴². Буквально на другой день, 8 июня, он направил князю Павлу Долгорукову следующее письмо о выходе из партийных рядов:

«Многоуважаемый князь Павел Дмитриевич! Я давно собирался сложить с себя звание члена Центр. Комитета, так как разногласия между большинством Комитета и большинством партии, с одной стороны, и мною, с другой, настолько глубоки, что дальнейшее мое пребывание в ЦК может лишь стеснять и связывать как Комитет, так и меня, не принося делу никакой пользы. Доводя о своем решении до сведения Центр. Ком., я прошу товарищей моих по Ком[итету] верить неизменности моих добрых чувств к ним. С моим пребыванием в составе ЦК для меня связано много драгоценных воспоминаний. Искренно преданный Вам П. Струве».

⁴² См. сообщение в газете «День»: № 157. – 10 июня 1915. Конференция была закрытой, и в настоящее время доступны лишь незначительные извлечения из ее материалов. См.: *Красный архив*. – № 4/59. – 1933. – С. 110-144.

Получив заявление Струве, Долгоруков набросал ответ, который с незначительными стилистическими изменениями был одобрен Центральным комитетом:

«Вполне понимая мотивы П.Б. Струве, передаю его письмо в ЦК, который, не сомневаюсь, весь без исключения разделяет со мной чувство глубочайшего уважения и самое хорошее теплое отношение к дорогому нашему товарищу по Союзу Освобождения и по к.-д. партии П.Б. Струве. Какое бы то ни было наше партийное взаимоотношение с П.Б., уверен и надеюсь, что даже в ближайшем будущем нам неизбежно придется вместе с ним работать на общественно-политическом поприще. П. Долгоруков»⁴³.

Однако в лаконичном извещении о выходе Струве из состава ЦК, опубликованном в *Речи* три дня спустя, никакой теплоты не чувствовалось. Газета лишь уведомила читателей, что отставка Струве положила конец «недоразумениям»⁴⁴. Струве, в свою очередь, полагал, что его выход из Центрального комитета равносителен разрыву с партией в целом⁴⁵.

В годы войны Струве был вовлечен в важную консультационную работу, касавшуюся экономической разведки и продовольственного снабжения. Спустя несколько месяцев после начала боевых действий, зимой 1914–1915 годов, когда союзникам стало ясно, что война будет затяжной и потребует систематических усилий по подрыву экономической мощи противника, британское правительство учредило министерство военной торговли, которое располагало собственным разведывательным департаментом. В задачи последнего входили сбор данных о вражеских операциях по блокированию Англии, а также отслеживание грузопотоков, осуществляемых между союзными державами. В феврале 1915 года новое ведомство

⁴³ Оба письма хранятся в ГА РФ: Фонд 523, оп. 1, ед. хр. 32, год 1915.

⁴⁴ *Речь*. – № 158. – 11 июня 1915. – С. 4.

⁴⁵ 27/11-26b.

было переименовано в министерство по делам блокады, которое возглавил сэр Роберт Сесил.

Следуя британскому примеру и, возможно, по прямой просьбе англичан, русское правительство в 1915 году образовало Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля (КОС). О работе этого важного учреждения мало что известно. Его операции были секретными, а публикации — закрытыми. Советские историки не уделяли ему ни малейшего внимания, а Струве никогда не раскрывал информацию о комитете или о своей работе в нем⁴⁶.

КОС напрямую подчинялся министерству торговли и промышленности. Глава последнего, В.Н. Шаховской, воспользовавшись рекомендацией министра сельского хозяйства А.В. Кривошеина, пригласил Струве на должность председателя комитета. В помощники Струве выбрал двух своих студентов-«политехников» — Н.Н. Нордманна и В.Ф. Гефдинга. Именно эта группа разрабатывала для русского генерального штаба рекомендации, касающиеся экономических аспектов войны⁴⁷. Хотя в комитете были представлены профильные министерства, его рекомендации не являлись обязывающими: комитет лишь предлагал русским ведомствам, в особенности министерству торговли и промышленности, те или иные меры по ужесточению блокады противника и облегчению грузопотока внутри России. Кроме того, комитет следил за экономической активностью «центральных держав»: Гефдинг, как говорят, готовил весьма ценные записки о состоянии немецкой экономики, опираясь на статистические дан-

⁴⁶ См.: *Samuel Hoare. The Fourth Seal.* — London, 1930. — P. 183-198; дополнительные данные были получены мной из интервью с В.Ф. Гефдингом, состоявшегося 1 апреля 1959 года в Нью-Йорке. Ни в русских, ни в британских архивах я не нашел материалов о деятельности КОС. Б.Е. Нольде в своей книге «Россия в экономической войне» (*Russia in the Economic War.* — New Haven, 1928) также не упоминает о работе комитета. Краткие ремарки на его счет можно найти в монографии бывшего студента Струве Я.М. Букшпана: *Военно-хозяйственная политика.* — М. — Л., 1929. — С. 77.

⁴⁷ *S. Hoare. The Fourth Seal.* — P. 185.

ные, которые извлекал из германской страховой программы. Его разработки, а также ежемесячные бюллетени КОС о попытках Германии прорвать блокаду регулярно передавались в Лондон Самюэлем Хором, британским представителем в КОС. Благодаря информации, получаемой комитетом, Струве прекрасно разбирался в проблемах германской и австрийской экономики; эта осведомленность окончательно убедила его в том, что в экономическом смысле и Австрия, и Германия дошли до крайности и поражение их неизбежно⁴⁸.

С практической точки зрения Струве как председателя КОС более всего интересовала нейтральная Швеция. Ему хотелось быть полностью уверенным в том, что поставки союзников, направляемые через Швецию, доходят по назначению, а не передаются неприятелю. Он должен был также предпринимать меры к тому, чтобы свести к минимуму (а если удастся, то и свернуть вообще) шведский экспорт в Германию стратегического сырья — в первую очередь высококачественной железной руды. В 1916 году Струве при содействии Нордманна разрабатывал проект соглашения с шведским правительством, которое, будь оно подписано до выхода России из войны, устранило бы самую заметную брешь в блокадной системе союзников⁴⁹. По утверждению Хора, Струве, пытаясь пресечь доступ немцев к богатым рыбным запасам Северного моря, организовал также довольно успешное давление на Норвегию⁵⁰. Обобщая опыт своей работы в России, Хор дает исключительно высокую оценку работе комитета, возглавляемого Струве: «Если бы не эта группка русских интеллектуалов, кольцо блокады распалось бы, а «центральные державы», несмотря на засовы, крепко запертые с юга и запада, смогли бы поддерживать себя через бреши на севере и востоке»⁵¹. Хор полагал, что его работа в КОС в качестве британ-

⁴⁸ #510/164; 16/1-24.

⁴⁹ *S. Hoare*. *The Fourth Seal*. — P. 195-196.

⁵⁰ *Ibid.* — P. 196-197.

⁵¹ *Ibid.* — P. 198.

ского представителя была самой важной службой из всех, выполняемых им в России военной поры.

Вторым учреждением, с которым сотрудничал Струве, стало Особое совещание по продовольственному делу, одно из четырех «особых совещаний», сформированных правительством в середине 1915 года с целью перевода экономики на военные рельсы. Задача этого органа заключалась в том, чтобы наладить бесперебойное снабжение продовольствием тех регионов страны — прежде всего крупных городов и промышленных районов, — которые ко второму году войны начали испытывать трудности с продовольственным обеспечением. Струве имел собственные рецепты преодоления кризисной ситуации, но, как оказалось впоследствии, не смог убедить в своей правоте власти, включая собственного друга и почитателя, министра сельского хозяйства Кривошеина⁵².

На заседании Особого совещания, состоявшемся в марте 1916 года, Струве поднял вопрос о том, почему, несмотря на два урожайных года подряд и почти полное прекращение экспорта зерна, зимой 1915–1916 годов в России обострилась продовольственная проблема⁵³. По его мнению, тому способствовали две различные, но взаимосвязанные причины. Во-первых — и этот фактор был наиболее очевидным, — не хватало транспорта для доставки продовольствия из районов его избытка (с юга и юго-востока) в районы дефицита (на север и северо-запад). Российские сложности с транспортом не были, однако, уникальными, поскольку в военное время с ними сталкивались все воюющие страны. Крайняя ситуация в России, по мнению Струве, объяснялась отсутствием планирования и четкой организации.

⁵² См. основные работы Струве по продовольственным проблемам военного времени: #515; #612. См. также его меморандум «Продовольственный вопрос в России», подготовленный для лорда Милнера и датированный 19 февраля 1917 года: *S. Hoare*. Fourth Seal. — P. 192-195.

⁵³ # 515/3.

Вторая причина была не столь явной. Если в срыве поставок хлеба был виноват только плохой транспорт, то тогда следовало ожидать, что в регионах, располагавших излишками хлеба, цены на него должны были бы снизиться. На деле, однако, уровни цен в регионах перепроизводства и недопроизводства почти не различались. Струве предположил, что крестьяне повсеместно укрывают продукты, не допуская их на рынок, отчасти из-за отсутствия минимальных фиксированных цен, а отчасти потому, что война породила острый дефицит промышленных товаров, на покупку которых крестьянство могло бы тратить вырученные деньги. По мнению Струве, правительство, руководствуясь «узкими фискально-административными соображениями», совершало грубейшую ошибку, фактически вводя в России две шкалы цен на продукты питания: одну, фиксированную, для армии, а другую — для гражданского населения, устанавливающего цены самостоятельно. Позже Струве отмечал, что русское правительство «приняло систему, которую США, вступив в войну, немедленно отвергли»⁵⁴. Он настоятельно просил власти немедленно установить максимальные и минимальные пределы цен на продукты, продаваемые гражданскому населению. Подобный механизм, по его мнению, мог предотвратить спекуляцию и побудил бы крестьян открыть амбары для рынка.

Говоря вкратце, Струве предлагал двойственную политику: государство «должно отказаться от безразличного отношения к ценообразованию в продовольственной сфере, предложив фиксированные цены всем участникам рынка и содействуя организации доставки и распределения продуктов»⁵⁵. В феврале 1917 года он полагал, что до тех пор, пока перечисленные меры не будут должным образом реализованы, ситуация с продовольственным снабжением останется критической, тем более что к тому вре-

⁵⁴ # 612/xiv.

⁵⁵ # 515/7.

мени, вдобавок к упомянутым факторам, Россия стояла перед угрозой резкого падения сельскохозяйственного производства, вызванного непрекращающимися призывами на военную службу⁵⁶.

В 1930 году, оглядываясь на трудности с продовольствием в воюющей России, Струве заключал, что проблема состояла не в дефиците продуктов, как то было в «центральных державах», но в проводимой русским правительством политике *laissez faire*, не позволявшей доставлять зерно от производителя потребителю. По его мнению, «речь здесь шла не об анемии, но скорее о патологической закупорке кровеносной системы»; в подтверждение такой оценки Струве ссылался на тот факт, что продовольственные резервы, накопленные на окраинах России в первую мировую войну, использовались затем в течение всей гражданской⁵⁷.

После провальных кампаний 1915 года, стоивших России всех с таким трудом отвоеванных у Австро-Венгрии территорий, а также центральной Польши и Литвы, Струве начал всерьез сомневаться в способности имперской бюрократии управлять страной в военное время. Перед Россией стояли проблемы, типичные для всех воюющих стран, — инфляция, разруха, нехватка рабочих рук, постоянный дефицит оружия, амуниции и прочих ресурсов, необходимых для ведения боевых действий, — преодоление которых требовало эффективного взаимодействия власти с народом. Политика «все как обычно», проводимая бюрократией, просто не работала. Размышляя над тем кровавым тупиком, в котором застыл Западный фронт, Струве приходил к выводу, что мир втянут в войну совершенно нового типа, решающим фактором которой является способность «национальных организмов» приспособливаться к экстремальным ситуациям:

⁵⁶ S. Hoare. Fourth Seal. — P. 193.

⁵⁷ # 612/xx.

«Война неизбежно превращается из непосредственного состязания вооруженных живых сил в систематическое истощение самих источников этих живых сил, в настоящую *guerre d'usure*. Великая европейская война 1914 и последующих годов вообще как-то незаметно устранила старые представления о войне, в основе которых лежат технические и экономические условия, характеризовавшие прежние войны. Аксиомой военного дела считалось прежде — и в условиях прежних войн это было верно — во-первых, что решающее значение на войне имеет уничтожение живой силы противника и что занятие территории противника, наоборот, значения не имеет. Опыт настоящей войны показывает, что непосредственное, милитарное уничтожение противника, достаточное для окончания войны, в современных условиях неосуществимо, и что, наоборот, занятие территорий противника в условиях окопного закрепления их за тем, кому удалось их занять, есть факт и фактор первостепенной важности. Отсюда именно и вытекает тот основной вывод, который теперь должен быть внедряем в общественное сознание и превращаем в общественное действие, а именно, что *эта война решится не столкновением вооруженных живых сил как таковых, а состязанием целых народных организмов во взаимной осаде, или блокаде*.

Если так, то проблема войны и ее продолжения ставится иначе, чем она ставилась до сих пор, и я бы сказал — с большей серьезностью и остротой. Первые, кто сделал этот вывод из действительных условий войны, были германцы. Но не только им, — и нам, их противникам, необходимо сделать тот же вывод и *приложить* его ко всем решительно областям и проблемам. Необходима стройная, до конца продуманная организация всех сторон жизни применительно к целям неопределенно длительной войны, направленной на полное истощение противника путем планомерной осады с суши и моря. Если все сказанное верно, то совершенно ясно, что проблема войны носит не только милитарный в точном смысле характер; она в такой же мере проблема всесторонней организации наро-

да — хозяйственной, политической и, быть может, всего более духовной»⁵⁸.

Самая настоятельная задача заключалась в том, чтобы «организовать страну к победе»,⁵⁹ — во второй половине 1915 года этот лозунг часто звучал со страниц газеты *Биржевые ведомости*, в которой Струве вел постоянную колонку. Ход войны требовал коренных преобразований в военном командовании, экономической организации и, самое важное, — политическом руководстве.

10 июня 1915 года в частной записке министру иностранных дел С.Д. Сазонову, регулярные контакты с которым он поддерживал с помощью Григория Трубецкого, Струве настаивал на немедленном смещении военного министра В.А. Сухомлинова. На последнего возлагалась основная ответственность за неудачи русской армии в 1915 году. Его дальнейшее пребывание на своем посту, писал Струве, приведет к катастрофе, поскольку появились угрожающие свидетельства того, что недовольство министром зашло слишком далеко и может приобрести опасные «политические» формы. На место главы военного ведомства Струве предлагал генерала А.А. Поливанова, исключительно способного управленца, который гораздо лучше большинства русских военных понимал суть современной войны и поддерживал самые теплые отношения с лидерами русского делового сообщества, включая Гучкова⁶⁰. Получилось так, что через два дня (12 июня) царь Николай действительно сменил Сухомлинова на Поливанова. И хотя это было сделано по настоянию верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, данный факт говорит о политической проницательности Струве.

Со страниц *Биржевых ведомостей* Струве открыто призывал правительство предпринять самые решительные меры по организации производства сырья, оживле-

⁵⁸ # 510/167; написано в декабре 1916 года.

⁵⁹ 15/7-10.

⁶⁰ 496/147.

нию промышленности и транспорта, упорядочению трудовых ресурсов. О его рекомендациях, касавшихся продовольственного снабжения, говорилось выше. Во втором письме Сазонову, написанном 3 июля по настоянию Трубецкого, Струве наметил программу неотложных экономических реформ. Среди предлагаемых шагов перечислялись упрощение правил, которые регламентировали создание частных предприятий, участие правительства в оборонном производстве, создание условий для оперативного перемещения трудовых ресурсов, организация системы социальной защиты, допуск к земским и городским выборам групп, лишенных избирательных прав из-за высокого имущественного ценза⁶¹. В июле 1915 года он писал о своей уверенности в том, что если тыл России будет мобилизован, перелом в ходе войны станет делом ближайших месяцев⁶².

Но возможны ли столь глубокие перемены при действующей администрации? Струве сомневался в этом. Отчуждение от народа, консерватизм и медлительность, ревнивое отношение к собственному господству не позволяли короне и ее слугам по-настоящему возглавить страну. Следовательно, требовались радикальные политические реформы. Струве полностью поддержал деятельность Прогрессивной партии и созданного ею в 1915 году «Прогрессивного блока», настаивавших на передаче политической власти правительству, формируемому парламентом. Подобно «прогрессистам», он призывал к конституционным реформам в самый разгар войны, когда все воюющие страны тяготели к централизации власти. При этом он исходил не из абстрактных размышлений, но из убеждения в том, что без активного участия общества в принятии политических решений Россия не вынесет трудностей войны. Политические реформы как *sine qua non* эффективного ведения войны стали главной темой его газетных статей ле-

⁶¹ 496/148.

⁶² 15/7-26.

та 1915 года. В одной из публикаций Струве писал, что русскому правительству необходимо расширить официальное понимание легальности, что позволило бы гражданам свободно делать все, не запрещенное законом; в другой — призывал к установлению свободы печати, которая, по его мнению, помогла бы правительству вести войну⁶³. В июне 1915 года, в связи с предстоящим созывом Государственной Думы, Струве требовал от правительства представить депутатам широкую мобилизационную программу, рассчитанную на сотрудничество с Думой, а от самих думцев — сосредоточиться исключительно на оборонных вопросах⁶⁴. Наконец, в конце июля 1915 года он призвал пополнить кабинет министров представителями «общества»: говоря конкретно, он рекомендовал на министерские посты Г.Е. Львова, председателя Всероссийского земского союза, и А.И. Гучкова, возглавлявшего Центральный военно-промышленный комитет, — в будущем двух лидеров первого состава Временного правительства⁶⁵.

Если перечисленные меры не будут приняты, предсказывал Струве, Россию ждут еще более тяжкие поражения на фронте, которые, в свою очередь, повлекут за собой внутреннюю смуту. Страна, писал он в июле 1915 года, пребывает в состоянии небывалого кризиса: «Послепетровская Россия не переживала никогда исторического момента более значительного и серьезного. Можно смело сказать, что со времен событий начала XVII века Россия не была еще в таком положении, а как с той критической эпохи изменились все масштабы и усложнились все отношения!»⁶⁶

Когда в августе 1915 года сложился думский «Прогрессивный блок», нацеленный на конституционные реформы, Струве объявил его последней надеждой страны.

⁶³ 15/6-21; 15/8-3.

⁶⁴ 15/6-29.

⁶⁵ 15/7-30.

⁶⁶ Там же.

В статье «Спасительный выход» он приветствовал создание нового объединения, усматривая в нем факт необычайной важности. Он полагал, что благодаря «прогрессистам» динамизм Думы возобладает над пассивностью правительства. Блок, по словам Струве, должен был послужить основой для нового управленческого аппарата. Он обвинял власть в «старческом бессилии» и «пассивном следовании в хвосте событий». Лишь опираясь на «Прогрессивный блок» и стоящие за ним общественные силы, кабинет сможет выправить ситуацию. Русская власть «должна быть и национальна, и прогрессивна и таким образом смело осуществить то сочетание, которого так давно и тщетно искала наша политическая мысль и которое в тяжкую годину войны обозначается как единственный спасительный выход из трудных поворотов и переворотов русской государственной жизни»⁶⁷.

Как известно, подобные призывы не были услышаны. Царь Николай, подстрекаемый супругой, отвергал любые предложения о политических реформах. 3 сентября 1915 года деятельность Думы была приостановлена. После этих событий Струве в очередной раз отошел от политики. Он продолжал выполнять обязанности председателя КОС, но в публичных политических дискуссиях больше не участвовал. Его статьи в *Биржевых ведомостях* становились все более редкими и мрачными. В этих материалах осталась единственная тема, повторявшаяся *ad nauseam*: в ведении войны колебания недопустимы. В феврале 1916 года сотрудничество Струве с *Биржевыми ведомостями* закончилось: либо газета прервала контракт с ним, либо ему просто надоело все время повторять одно и то же.

Летом 1916 года в компании историка И. Лаппо-Данилевского и своего старшего сына Глеба Струве через Швецию и Норвегию отправился в Англию. Целью путешествия было получение степени почетного доктора права

⁶⁷ 15/8-30.

Кембриджского университета. Церемония состоялась 11 августа⁶⁸. В Англии он выступил с лекцией «Прошлое и настоящее русской экономики», которая позже была опубликована в сборнике статей о современной России, подготовленном Джеймсом Даффом. Он также провел консультации с министром по делам блокады Робертом Сесилом и встретился с живущими там славянскими политиками, среди которых были Масарик, Бенеш и Дмовский⁶⁹. Затем Струве проследовал во Францию, где обсуждал блокадную тему с Дени Кочином. Французы возили его на передовую; он инспектировал позиции союзников под Верденом и в Аргоннском лесу. В сентябре 1916 года, вернувшись в Англию, Струве сел в Абердине на корабль, отправлявшийся в Петроград через Берген и Стокгольм.

В последние предреволюционные месяцы он усердно работал над докторской диссертацией. Насколько мрачно — и реалистично — Струве представлял себе ситуацию в России, можно понять, ознакомившись с двумя записками, подготовленными им по просьбе Самюэля Хора для лорда Милнера, главы британской делегации на конференции союзников, которая состоялась в Петрограде. Первый из этих документов, более концептуальный, назывался «О положении дел в России» и датирован 7 февраля 1917 года; второй, написанный четыре дня спустя, перед самыми беспорядками, положившими начало революции, назван «О продовольственной проблеме в России»⁷⁰. Ниже приводится полный текст первого меморандума, подготовленного, по словам Хора, «в духе трезвости, порой доходящей до крайности».

«7 февраля 1917

Внутриполитическая обстановка в России в настоящее время характеризуется двумя особенностями:

⁶⁸ См.: *The Times*. – August 12, 1916. – P. 9d; *The Times Educational Supplement*. – September 7, 1916. – P. 114a.

⁶⁹ 30/3-8.

⁷⁰ См.: *S. Hoare*. Fourth Seal. – P. 188-195.

1) экономическими трудностями, связанными с войной;

2) все более углубляющимся противостоянием между царской властью и народом.

Серьезность первого из этих факторов не требует пояснений, но его нельзя рассматривать в отрыве от второго фактора — массового разочарования населения. Недовольство положением дел в стране стало предельно острым и ясно ощутимым. Вполне очевидно, что доведение войны до победного конца требует национального соглашения, основанного на компромиссе между различными интересами и подчинении этих интересов единой, высшей цели. В принципе нация готова к подобному уровню согласия, о чем не раз заявляли представители различных социальных групп и слоев. Корона, однако, не только не сделала из складывающегося положения вещей необходимые выводы, не только не сформировала новое правительство с четко поставленными новыми политическими задачами, но, напротив, продолжает систематически игнорировать общественное мнение, теряет драгоценное время, подавляет настоящих патриотов и поддерживает надежды тех, кто желает ослабления России как великой державы. Едва ли стоит говорить, что своей реакционной политикой царизм ослабляет наиболее умеренную и культурную часть общества, выбивает почву из-под ног патриотически мыслящих элементов и способствует распространению нигилизма.

Именно отсюда проистекает то повсеместное для нынешней России ощущение, затронувшее также и армейские круги, что конфликт царской власти с народом угрожает России полномасштабной революцией. Патриотически мыслящие элементы армии и общества полностью осознают, какую громадную ответственность влечет разжигание внутренней смуты в военное время, и только этим можно объяснить относительное спокойствие в стране, где все мыслящие люди непрерывно обдумывают и обсуждают трагическую сложность создавшегося поло-

жения. Дело еще более усугубляется тем обстоятельством, что общественное мнение склонно видеть в ближайших сподвижниках царя германских агентов. Переубедить публику одними лишь словами нельзя; только реорганизованное правительство, располагающее всеми рычагами управления и пользующееся доверием народа, сможет развеять тот тлетворный дух подозрительности и страха, который в настоящее время понапрасну изнуряет нацию.

Свидетельствовать о подобном состоянии умов перед иностранцами, пусть даже союзниками, в высшей степени неприятно, но в то же время исключительно важно, чтобы такое свидетельство прозвучало. Ибо мы всеми силами должны поддерживать солидарность в рядах союзных держав, перед лицом которой отходят на второй план все более или менее второстепенные соображения, возможно, полностью учитываемые в мирное время.

Сегодня все здравомыслящие и политически образованные граждане вдохновляемы единственным желанием: корона не должна позволить себе необратимый и совершенно неоправданный шаг — роспуск Государственной Думы под тем предлогом, что ее полномочия истекли и срочно требуются новые выборы.

Подобные действия окончательно скомпрометируют царизм и ослабят консервативно-государственные силы, объединившиеся ради продолжения войны и ведения ее до победы. Совершенно очевидно, что крайне негативную роль в нынешних событиях играет министр внутренних дел, полностью утративший доверие соотечественников (причем независимо от того, какие политические взгляды они разделяют) и едва ли способный рассматриваться в качестве психически нормального человека.

Следует заметить, что в настоящее время старый лозунг «борьбы с бюрократией» исчерпал себя. В сегодняшнем противостоянии лучшие представители бюрократии — на стороне народа.

Таково нынешнее положение дел в России»⁷¹.

Хор, который считал, что записка Струве «от начала и до конца предельно точно описывает ситуацию», добавляет: «Хотя я всячески подчеркивал важность этих документов, практически никто не обратил на них внимания. Миссия [Милнера] вместе с Ноевым ковчегом союзников отбыла из России на Запад, а Струве и его комитет остались продолжать свою работу, зная при этом, что делегаты, вернувшись домой, по-прежнему будут верить тому, во что верить нельзя, и не верить тому, во что верить просто необходимо»⁷².

⁷¹ Ibid., 188-191 [Данный документ дается в обратном переводе с английского. – Прим. перев.].

⁷² Георгий Катков (*George E. Katkov*, *Russia 1917: The February Revolution*. – New York, 1967. – P. 226) упоминает о секретном послании, которое лорд Милнер передал Николаю II во время своего пребывания в России. В этом документе он тактично настаивал на привлечении общественности к реализации русской оборонной политики, воспроизводя при этом, как считает Катков, некоторые аргументы Струве. (Меморандум Милнера опубликован в книге: *В.П. Семенников*. *Монархия перед крушением, 1914-1917*. – М.-Л., 1927. – С. 77-85.) Однако сопоставление дат обоих документов показывает, что записка Струве не могла повлиять на меморандум Милнера: первая бумага датирована 7 февраля, а вторая – 4 февраля.

Глава 6

Революция

В отличие от прочих представителей так называемой «русской оппозиции» Струве встретил Февральскую революцию без малейшего восторга. Впечатления, которые на него произвели в свое время события 1905–1907 годов, гасили какую бы то ни было радость от долгожданного падения имперского режима. С самого начала уличных беспорядков, отметивших революцию 1917 года, его одолевали мрачные предчувствия.

Беспокойство Струве проистекало из убеждения, уже не раз высказывавшегося им в прошлом: без легитимной передачи власти из рук бюрократии в руки представителей «общества» Россия рухнет. Он опасался, что утопические надежды интеллигенции, облеченные в лозунги «классовой борьбы», взывавшие к наиболее примитивным пластам массовой культуры и подхватываемые людьми, которые с готовностью отождествляли «классового врага» с образованными слоями, ввергнут страну в анархический бунт. Кроме того, он считал, что как только маховик анархии начнет раскручиваться, в России не найдется политической, экономической или социальной силы, способной его остановить. Смута будет терзать страну до тех пор, пока сами основы государства и общества не окажутся в руинах. Здесь вновь, как и прежде, единственное средство, которое способно справиться с деструктивными веяния-

ми, Струве видел в идеологии национализма, преодолевающей любые проявления социального эгоизма. Но, как свидетельствовал печальный опыт 1905 года, в условиях разгула революционных страстей взывать к патриотизму было бесполезно. А потому, признавался Струве много лет спустя, с первых дней антимонархической революции он чувствовал, что она принесет с собой «поток нового разрушительного варварства» — варварства, в котором «западная отравка интернационального коммунизма сочетается с архирусским ядом родной сивухи»¹. Игнорируя революцию, он устремлял свой взор в следующую историческую эпоху, когда разрушительные порывы исчерпают себя и начнется труд созидания. С революцией он не связывал никаких надежд: в его глазах она оставалась исключительно регрессивным процессом, перечеркивающим два столетия творческой работы нации, начало которой положил Петр Великий (подробнее об этом ниже, в главе 8).

Впервые в те роковые дни мы видим Струве в воскресенье 26 февраля 1917 года, в самый канун падения старого режима. Царь Николай, полагавший, что все еще управляет страной, продолжал отдавать суровые приказы о подавлении уличных беспорядков, но его уже никто не слушал: взбунтовавшиеся толпы подожгли штаб-квартиру полиции, и даже гвардия вышла из повиновения. Утром этого дня Струве неожиданно приехал к В.В. Шульгину, консервативному депутату Думы и редактору одной из киевских газет, с предложением вместе отправиться к Маклакову и из первых рук узнать, что же происходит. Водители трамваев и извозчики бастовали, поэтому им пришлось пешком пройти несколько верст по заснеженным улицам. Шульгин вспоминает, что Струве казался крайне возбужденным и полубольным; ему приходилось поддерживать своего товарища, который с трудом передвигал ноги. Из дома Маклакова они втроем проследовали в Таврический дворец, в одном из залов которого заседал «Прогрессивный

¹ 26/6-7а.

блок», намеревавшийся в союзе с основными думскими партиями взять на себя управление страной. В Думе им повстречался неистовый Керенский, метавшийся взад и вперед и отдававший распоряжения с видом человека, контролирующего ситуацию. В конце концов, им удалось более обстоятельно поговорить со спокойным, рассудительным Маклаковым. В целом им показалось, что там было слишком много болтунов и слишком мало людей, готовых принять на себя реальную ответственность².

Тремя годами ранее, оказавшись в сходной ситуации, Струве был бы в самой гуще событий, занимаясь стратегией высшего порядка и выступая на митингах. Теперь же, поскольку он не состоял в партии, в первое Временное правительство его не пригласили. Вместе с тем через несколько дней после формирования этого органа Миллюков, новый министр иностранных дел, попросил его возглавить экономический департамент МИДа. Хотя предложение было принято, Струве, по свидетельству Гефдинга, также перешедшего вместе с ним на новую работу из КОС, сделал на этом посту немного³. В то время его интересовали не столько внешняя политика или экономика, сколько армия. Он по-прежнему считал, что победа союзников исключительно важна для политической стабилизации и последующего подъема России. Успех казался ему несомненным, но лишь в том случае, если русской армии удастся сохранить дисциплину и волю к победе. Более того, лояльные и боеспособные вооруженные силы были нужны и для поддержания внутреннего мира. Знаменитый приказ № 1, изданный Петроградским советом в первые дни революции и призывавший солдат взять управление войсками в свои руки, дезорганизовал армию; складывающееся положение беспокоило Струве более всего. 17 апреля он вместе с Григорием Трубецким посетил премьер-министра Г.Е. Львова. В ходе беседы они убежда-

² См.: *В.В. Шульгин. Дни.* – Белград, 1925. – С. 142-148.

³ Интервью с В.Ф. Гефдингом.

ли главу правительства предпринять самые энергичные меры по восстановлению порядка на фронте⁴. Через месяц, 16 июня, как сообщает Гефдинг, Струве и Трубецкой изложили свою позицию в ставке верховного главнокомандующего в Могилеве. Разумеется, подобные усилия не принесли результатов. Они обнаружили, однако, главный предмет волнений Струве и обусловили безоговорочную поддержку им в будущем так называемых «белых» армий.

В 1917 году Струве продолжал много писать. Он по-прежнему редактировал *Русскую мысль*, на страницах которой время от времени публиковал комментарии к текущим событиям. Но поскольку ежемесячник не поспевал за стремительным их ходом, со второй половины апреля Струве начал издавать новый малоформатный политический еженедельник, *Русская свобода*, бесплатно рассылавшийся подписчикам *Русской мысли* и распространявшийся в розницу. Подобно *Полярной звезде* в 1906 году, *Русская свобода* была призвана оперативно анализировать политическую обстановку. В редактировании журнала Струве помогали Маклаков и Н.Н. Львов, однако основную редакторскую нагрузку нес, видимо, Франк. На страницах *Русской свободы* публиковались «веховцы» и авторы *Русской мысли*. Но растущие затраты и трудности с печатанием не позволили Струве выпускать журнал регулярно: поначалу он выходил более или менее еженедельно, но к концу года — лишь раз в три или четыре недели. В конечном счете в свет вышли семнадцать номеров. После большевистского переворота журнал был закрыт.

В опубликованной в первом номере *Русской свободы* статье «Наша задача» (#519) Струве изложил собственную политическую платформу. Он начинает с беглых похвал в адрес революции: она была «историческим чудом», событием мирового значения, уникальной возможностью, но, добавляет тут же с предостережением, — и событием, которое влечет за собой колоссальную ответственность.

⁴ 21/5-1. Перепечатано в: #548/215.

Уже в этой работе, написанной всего через месяц после отречения царя, Струве подметил опасности, рождаемые революцией. Он сделал это раньше и глубже кого-либо из современников. Главную угрозу, полагал он, представляла собой социальная разобщенность. Прежний режим утвердил в народе традиции ненависти. В былые времена это чувство служило благой цели; но теперь, когда царизм пал, дух ненависти должен уступить духу любви. Струве не поясняет, что имел в виду, но его критические выпады явно направлены против социалистов и проповедуемой ими «классовой войны». Он говорил, что разрушительные чувства, вдохновлявшие русское общество в период борьбы с имперским режимом, не должны выливаться в классовую ненависть, настраивающую одну часть народа против другой. Между тем «силы тьмы» вышли на поверхность: «Эти злые силы будут покушаться, обольщая нас, возвести, вместо разрушенного, новое здание насилия, основанное на ненависти и разобщении людей». То была не столько конкретная политическая программа, сколько политическая проповедь, вполне в духе Достоевского. И действительно, до конца 1917 года Струве почти не уделял внимания преобразованиям политических институтов, аграрной политике или национальному вопросу, столь беспокоившим его современников. По сравнению с фундаментальными темами духа и воли все перечисленные проблемы казались ему вторичными.

Для того чтобы подкрепить свои идеи организационно, в мае 1917 года Струве учредил ассоциацию, предназначенную для пропаганды русских национальных ценностей и названную Лигой русской культуры⁵. Занятия сугубо культурной деятельностью в самый разгул революционных баталий можно рассматривать в качестве еще одного доказательства безнадежного отрыва Струве от реальной жизни. Но в то же время допустима и другая интерпретация данного факта: не исключено, что он гораздо

⁵ 34/6-1с.

лучше своих современников — социалистов и либералов — понимал суть происходящего и тщетность попыток одолеть события с помощью традиционных политических, экономических или социальных средств. Основную проблему России следовало искать в области национальной культуры; именно здесь лежали главные задачи, стоявшие перед страной. Требования того или другого, а также составление всевозможных программ просто не отражали сути момента: русским предстояло научиться быть выше партийных пристрастий. «Впервые в русской истории, — писал Струве в манифесте Лиги, — чисто культурная проблема национальности отчетливо отделяется от политических требований и программ»⁶. Сохранение национальной культуры выступало важнейшей из целей. Как говорил Струве позже, «материальная сторона жизни... гораздо легче восстанавливаема, т.е. может быть создана наново, чем жизнь духовная. “Духовный” же “капитал” в известных условиях и в известном смысле вечен, но зато он и невосстановим, поскольку утрачен. Последнее возможно потому, что духовный капитал, оставаясь вечным в смысле объективного бытия, может для живых людей перестать существовать как их собственная живая сила и стать “музейным” предлогом или “памятником”»⁷.

Непосредственная цель Лиги заключалась в том, чтобы внедрять в сознание русской интеллигенции чувство общей национальной судьбы; ее усилия вдохновлялись надеждой, что обновленная таким образом интеллигенция понесет в массы патриотические чувства — подобно тому, как в прошлом она сеяла в народе семена анархизма и социализма. Это было исключительно важно: без ощущения национального единства России не выжить. Как известно из довоенных работ Струве, под «русской национальной культурой» он имел в виду не только культуру великороссов в узком смысле слова, но всероссийскую

⁶ #528/25; см. также #529/26-27.

⁷ #581/307.

культуру, включающую субкультуры (ассимилированных) русских евреев, украинцев, прочих этнических групп. Будущим членам Лиги надлежало соответствовать двум критериям: «Во-первых, их должно объединять сознание, что без известных основ общественно-правовой культуры общество распадается на бессвязные толпы озверелых людей, прослоенные группами иступленных фанатиков, не сознающих никакой ответственности, не ощущающих прошлого, не прозирающих в будущее. Во-вторых, эти люди должны чувствовать себя русскими, любить свою национальную культуру во всем ее историческом богатстве и во всем ее своеобразии»⁸. Членство было открыто для всех, готовых подписаться под этими широкими требованиями, причем независимо от партийной, религиозной или этнической принадлежности.

Формальное учреждение Лиги состоялось 7 июня 1917 года. Ее контора обосновалась в редакции *Русской мысли*. Руководящим органом был Временный комитет в составе Струве, М.В. Родзянко (председателя Государственной Думы), А.В. Карташева (заместителя прокуратора Святейшего синода), В.В. Шульгина (депутата Думы и редактора газеты *Киевлянин*) и Н.В. Савича (депутата Думы). Ему подчинялся Совет из пятнадцати членов. Среди основателей были друзья Струве по сборнику «Вехи» (Бердяев, Булгаков, Изгоев и Франк), видные ученые (С.Ф. Платонов, С.Ф. Ольденбург и С.А. Котляревский), депутаты Думы (в том числе — В.А. Маклаков), религиозные деятели (Андрей, архиепископ Уфимский)⁹. В июле Струве вовлек в свое начинание и А. Блока (сообщая об этом своей матери, поэт писал: «Как видишь, и я “правею”»)¹⁰. Проклама-

⁸ # 524/4-5.

⁹ *Русская свобода*. — № 9. — 21 июня 1917. — С. 20-23.

¹⁰ Письма Александра Блока к родным. — М. — Л., 1932. — Т. II. — С. 396. О переписке и отношениях Блока со Струве см.: А. Блок. Собрание сочинений в восьми томах. — М. — Л., 1960-1963. — Т. VII. — С. 296, 502 и Т. VIII. — С. 509-510; Дневник Александра Блока, 1917-1921. — Л., 1928. — С. 257-258.

ции и заявления Лиги, взывавшие к патриотическим чувствам, нашли довольно широкий отклик среди армейских офицеров и простых граждан. Струве рассказывает, что в 1917 году он получал письма поддержки с фронта, а Франк вспоминает, как «в приемной П.Б. толпились десятки людей, желавших записаться в Лигу». Но руководство, способное объединить все эти силы, отсутствовало, и потому они рассыпались, так и не сумев создать ничего стоящего¹¹. Предполагалось перенести деятельность Лиги в провинцию, учредив там ее отделения¹², но никаких свидетельств об осуществлении этих планов у нас нет.

В статьях 1917 года Струве неустанно нападал на социализм *à la Russe*. Теперь, когда бывшие враги — царизм и бюрократия — были повержены, социализм сделался в его глазах главным противником.

В эссе, написанном в июне 1917 года («Иллюзии русских социалистов», #526), он рассматривает распространенное в левых кругах мнение о том, что в России началась социалистическая революция, которая со временем выйдет за ее границы и захлестнет Западную Европу. По утверждению Струве, и базовая предпосылка, и заключительный вывод здесь были ложными. Процессы, идущие в стране с февраля 1917 года, означали не торжество социализма, но его «попрание и крушение». В его понимании социализм представлял собой особый вид взаимоотношений между государством и национальной экономикой (введение плановости), предполагающий подчинение частных экономических интересов запросам национального целого. В своих экономических работах Струве называл подобную систему «общество—хозяйство». В России 1917 года не происходило ничего, даже отдаленно напоминавшего такие процессы. Русский «социализм» означал «полную свободу и самоопределение в преследовании групповых и личных интересов», в результате чего хруп-

¹¹ 34/6-1с; С. Франк. Биография П.Б. Струве. — С. 116.

¹² *Русская свобода*. — № 9. — 21 июня 1917. — С. 22.

кое экономическое единство, присущее рыночной экономике до 1917 года, разрушалось. В России утверждался не социализм, а экономическая анархия, деградация к низшим стадиям экономической жизни. Струве подчеркивал, что его критика не направлена против социализма как такового. Социализм в его «абстрактном значении» «не представляет ровно никакой опасности для нормальной политической и экономической эволюции»; все дело в том, что русская революция не имеет с социализмом ничего общего. Далее, считал Струве, абсурдно думать, будто бы русский анархизм в социалистическом обличье способен найти хоть какой-то отклик на Западе. Вера в «неминуемое» утверждение русского социализма в Европе, столь типичная для России, казалась ему «национализмом дураков». За ней стояло то же самое невежество, которое вдохновляло традиционных правых националистов с их лозунгом «шапками закидаем».

В середине мая 1917 года Временное правительство пережило первый внутренний кризис. Дело закончилось отставкой министров-кадетов, включая Милюкова, и формированием коалиционного кабинета. Но эйфорическая стадия революции, когда единство нации поддерживалось отчасти силой привычки, а отчасти — переходящим ощущением общности целей, подходила к концу. Отныне и до самого окончания гражданской войны, продолжавшейся три с половиной года, России суждено было идти от одного кризиса власти к другому. Общественное мнение страны становилось все более поляризованным. Левые, откликаясь на то, что казалось им наиболее насущными требованиями народа, занимали все более крайние позиции в политике и экономике. Их экстремизм, в свою очередь, способствовал консолидации противоположного лагеря, объединявшего предпринимателей, либеральных и правоцентристских политиков, а также высшее офицерство, и превратившегося со временем в «белое движение». Именно эти силы безоговорочно поддержал Струве, став-

ший интеллектуальным лидером и идейным вдохновителем «белых». Будучи ведущим теоретиком нарождающегося антибольшевистского фронта, он внес заметный вклад в его становление.

Майский кризис убедил Струве в том, что дальнейшие призывы к сплочению нации бесполезны: трудно было представить политическую платформу, способную объединить утопистов-интернационалистов и патриотов-прагматиков. Куда более разумными казались попытки отделить по-прежнему здоровые части национального целого от зараженных тканей. Эта мысль получила развитие в очередной программной статье «России нужно организовать патриотическое движение» (#529), опубликованной Струве в середине июня 1917 года. Трагедия левых русских политиков, писал он, проистекает из того факта, что все они поднялись на антипатриотической волне революции. Оставаясь на гребне этой волны, они совершают государственную измену, но противиться ходу вещей у них не хватает сил. Пока Временное правительство сохраняет верность своему первоначальному мандату, ему приходится подрывать собственную власть. Иными словами, перед Временным правительством стоит неразрешимая проблема: для того чтобы оставаться у руля, оно вынуждено разрушать страну и самое себя. В выражениях, свидетельствующих о том, что теперь он не питает по отношению к этому правительству никаких иллюзий и, подобно Ленину, сосредотачивается на следующей фазе борьбы за власть, Струве предсказывал неминуемое рождение военно-патриотического движения, которое будет призвано восстановить национальное единство. «Какова бы ни была судьба отдельных деятелей, вынесенных на гребне революционной волны, — столкновение между патриотической и антипатриотической стихиями революции неизбежно... К этому моменту патриотические элементы должны сознательно готовиться во всех отношениях, должны организоваться по тому единственному признаку, который существует в настоящий момент. Вопрос ста-

вится о бытии и достоинстве Державы Российской. В России только два устремления: патриотическое и антипатриотическое и соответственно этому только две большие партии» (с. 28). В качестве постскриптума к этой пессимистичной статье Струве печатает текст речи, с которой незадолго до этого генерал Деникин выступил перед офицерами-фронтовиками. Речь названа «исключительным по силе и выразительности документом».

Надежды, возлагаемые Струве на военно-патриотическое движение, в отличие от упований на единение нации, отнюдь не были просто благими пожеланиями. К лету 1917 года была заложена организационная основа пропагандируемого Струве национального фронта. В июле группа видных предпринимателей (среди которых были многие «прогрессивные» промышленники), политиков и военных, объединенных общим беспокойством по поводу сползания страны в анархию, образовала в Москве новое общественное объединение — «Организационную группу московских общественных деятелей». Их замысел — открыто не провозглашаемый, но явно присутствовавший, — заключался в том, чтобы предоставить противникам радикальных движений институциональный эквивалент Петроградского совета, то есть создать орган, способный уравновесить советское давление на Временное правительство. Деловое сообщество в новом объединении было представлено Торгово-промышленным союзом, вдохновителем которого выступал П.П. Рябушинский. Политиков представляли в основном кадеты, включая Милюкова и Маклакова, то есть как правые, так и левые. Присутствовали также известные земские деятели (М.М. Щепкин и М.Н. Новиков) и думские лидеры (М.В. Родзянко). Из интеллектуалов наиболее заметным был Струве. От военных участвовали видные генералы (некоторые из них позже возглавили военное сопротивление большевикам): бывшие главнокомандующие М.В. Алексеев и А.А. Брусиллов, Н.Н. Юденич и недавно избранный атаман Донского казачества А.М. Каледин.

Подобно многим политическим организациям, создаваемым русским «обществом», «Организационная группа» не имела ни твердого руководства, ни четкого плана действий. О ее создании стало известно после конференции, проведенной ее членами 8–10 августа в Москве для разработки программы, которую можно было бы представить Государственному совещанию, запланированному правительством Керенского на сентябрь. В работе конференции участвовали только специально приглашенные лица. Присутствовали около четырехсот человек, среди них и Струве, хотя зал вместил далеко не всех пришедших.

В ходе заседания, состоявшегося в богословской аудитории Московского университета, ораторы один за другим сокрушались по поводу развала страны. Отношение к Временному правительству было единодушно негативным; в особенности это касалось задуманной властями радикальной земельной реформы, разработанной социалистом-революционером В.М. Черновым, новым министром сельского хозяйства. Под занавес первого дня работы генерал Алексеев рассказал собравшимся о бедственном положении армии. В перерывах участники горячо чувствовали его и других высших офицеров. У наблюдателей не возникало ни малейших сомнений, что присутствующие на конференции бизнесмены и интеллектуалы ставят престиж вооруженных сил исключительно высоко, а в генералах склонны видеть грядущих спасителей России¹³.

Струве выступал на следующий день, в ходе сессии, посвященной обсуждению экономических и финансовых проблем. Он критиковал рабочих, настаивавших на реализации социалистической программы, которая, по его убеждению, не могла поднять производительность труда

¹³ О конференции см.: *Новое время*. – № 14848. – 9 августа 1917. – С. 3; П.Н. Милуков. *История второй русской революции*. – Т. I. – Ч. 2. – София, 1922. – С. 112-117; С. Мельгунов (ред.). *Совет Общественных Деятелей в Москве, 1917-1919 гг. – На чужой стороне*. – IX. – 1925. – С. 92-93.

или утвердить социалистические порядки, но зато привела бы к крушению экономики. Пока экономические ресурсы страны, за три года войны серьезно истощившиеся, не исчерпаны полностью, предостерегал Струве, нужно немедленно принять меры по подъему производства. Кроме того, он советовал Временному правительству смириться с неизбежным и девальвировать рубль¹⁴.

Выступление Струве было прервано председательствующим, который зачитал резолюцию, принятую Советом казачьих войск России. Главное требование этого документа заключалось в том, чтобы Корнилов и впредь оставался главнокомандующим вооруженными силами страны; если Керенский будет упорствовать в попытках сместить его, говорилось в резолюции, Совет не сможет поручиться за лояльность казачьих армий. Ознакомившись с данной резолюцией, конференция направила Корнилову телеграмму поддержки. «В грозный час тяжкого испытания, — говорилось в телеграмме, — вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой»¹⁵. Неудивительно, что Керенский усматривал в конференции средоточие «реакции»¹⁶.

Собственные резолюции конференции, обсужденные и принятые на третий день заседаний, оказались гораздо более взвешенными. В них многократно повторялись вполне благозвучные фразы о необходимости организации, дисциплины и жесткости, но ничего не говорилось о том, как добиться всего перечисленного. Некоторые формулировки как будто бы вышли из-под пера Струве: так, в качестве причины ухудшающегося положения России одна из резолюций указывала на то, что «в настоящее время великие общенародные задачи затемнены утопическими мечтаниями социалистических партий».

¹⁴ *Новое время*. — № 14849. — 10 августа 1917. — С. 3

¹⁵ Цит. по: П.Н. Миллюков. История второй русской революции. — Т. I. — Ч. 2. — С. 113.

¹⁶ См.: С. Мельгунов (ред.). Совет Общественных Деятелей в Москве, 1917-1919 гг. — С. 93.

Перед закрытием конференции на ней неожиданно появился сам Корнилов. Оказанный ему восторженный прием, несомненно, укрепил Керенского в убеждении, что за генералом стоят мощные консервативные силы, намеревающиеся уничтожить Временное правительство.

Перед тем как разойтись, делегаты избрали совет, который позже вел беспорядочные переговоры с Керенским; этот орган, однако, не оказал влияния ни на главу кабинета, ни — по причине отсутствия собственного печатного издания — на общественное мнение¹⁷.

Нам ничего неизвестно о размышлениях Струве в критические дни конца августа — начала сентября 1917 года. Не вызывает сомнений то, что в безуспешной схватке Корнилова с премьер-министром он симпатизировал генералу, но, если верить Франку, поражение и последующая отставка главнокомандующего не были восприняты им трагически. Франк вспоминает, что в сентябре в ходе доверительной беседы Струве сказал ему, что поражение Корнилова стало «Нарвой русской контрреволюции, за которой вскоре последует ее Полтава»¹⁸.

По мере того как 1917 подходил к концу, Струве охватывало все более глубокое чувство безнадежности. В октябре он принял участие в еще одном форуме, на этот раз организованном в Петрограде Керенским. Формально он назывался Временным Советом Российской Республики (а неформально — «предпарламентом») и задумывался находящимся в изоляции премьер-министром в качестве замены бездействующей Думы в разработке неотложных законодательных инициатив. Мероприятие, ставшее по-

¹⁷ Известно, что 18 сентября 1917 года состоялась вторая встреча московской группы, на которой присутствовал и Струве. На ней обсуждались вопросы спасения армии и вхождения в состав Временного правительства. См.: В. Владимирова. Революция 1917 года (Хроника событий). — Т. IV. — Л., 1924. — С. 238; С. Мельгунов (ред.). Совет Общественных Деятелей в Москве, 1917-1919 гг. — С. 93-94.

¹⁸ С. Франк. Биография П.Б. Струве. — С. 118.

следней попыткой гбнущего режима заручиться общественной поддержкой, открылось 7 октября в Мариинском дворце в атмосфере, близкой к истерической. Большая часть делегатов представляла консервативные и либеральные партии, хотя социалисты тоже присутствовали. Делегация большевиков, возглавляемая Троцким, в самом начале объявила о своем намерении покинуть заседание и немедленно удалилась. Дело в том, что к моменту созыва «предпарламента» большевистские планы по захвату власти уже были запущены: до переворота оставалась всего неделя.

Струве поднялся на трибуну в первый же день. Его выступление, в котором защищались позиции кадетов, было посвящено в основном вопросам внешней политики, хотя в данной связи затрагивались и некоторые внутривполитические темы, в частности ведение войны¹⁹. Речь была адресована левым, не связанным с большевиками. Оратора часто прерывали выкрики слева и аплодисменты справа. Струве начал с обличения демагогов, обещавших стране абсолютно несбыточные блага. «Мы недаром живем в сумасшедшем доме, — говорил он. — Россия в настоящее время представляет собой аукцион, на котором русская душа продается предлагающему наивысшую цену. У нас влиянием пользуются люди бесстыжие, люди зычные, люди, выдающие какие угодно векселя в твердом намерении не платить по этим векселям». Эти слова, как сообщает стенограмма, были встречены «большим волнением слева».

Подхватывая вопрос радикалов о том, ради чего Россия ведет войну, Струве говорил: на него уже ответили немцы, стоящие под стенами Петрограда. Кадетов часто обвиняли в неспособности четко сформулировать цели этой войны; «но на каком расстоянии от этого зала должен находиться враг для того, чтобы вы поняли кадетские цели войны? Враг идет на нашу страну все глубже, а пустословие развивается все шире и шире». Так ради чего ка-

¹⁹ *Новое время*. — № 14903. — 21 октября 1917. — С. 2.

деты добиваются продолжения войны? Разумеется, это делается для блага самой России, а не ради ее союзников, как утверждают демагоги.

«Кадеты борются за неприкосновенность русской территории и за свободу нашего экономического развития. (*Аплодисменты справа.*) Кадеты борются еще со всякой программой, противоречащей этим принципам, как с изменной родине. (*Аплодисменты справа.*) Только тупоумие может утверждать, что мы сейчас сражаемся не за наши интересы, а за интересы наших союзников. И это — в тот момент, когда речь идет об эвакуации столицы. (*Голос слева: за Дарданеллы!*) Дарданеллы не взяты, а Рига нами уже потеряна. Верным является как раз обратный тезис: теперешняя война является прежде всего войной Германии с Россией. Германия напала на Россию, учитывая наш подготавлившийся государственный распад. Вспомните, в каком трепетном ожидании мы находились в течение тех дней, пока нам не было известно, выступит ли Англия, или не выступит. (*Бурные аплодисменты справа.*) Если бы Англия не выступила, то, поверьте, мы сейчас с вами здесь не заседали бы. Чем страшна Россия Германии? Это давно раскрыто германской литературой. При здоровом развитии России мы можем представить для немцев такую опасность, с которой они не будут в состоянии справиться».

Затем, воздав должное победам русских армий в первые месяцы войны, Струве обратился к генералу Алексееву, присутствовавшему в зале. Алексеев приветствовал собравшихся; правые вскочили с мест. Слева кто-то спросил: «Это Корнилов?» В ответ Струве гневно воскликнул: «Корнилов, после почти смертельных ран, бежал из германского плена. Его честное имя мы здесь считаем честным». Эта реплика вызвала настоящую бурю в стане большевиков: возгласы «измена», дикие вопли и свист не утихали целые пять минут. Несмотря на это, дождавшись восстановления порядка, Струве продолжил выступление. Настоящими изменниками, говорил он, следует считать украинцев, которые, вынуждая Времен-

ное правительство принять их требования, угрожают сепаратным миром с Германией.

И не стоит рассчитывать на то, что немецкие социалисты способны затеять революцию в ответ на события в России. Для Струве германские социал-демократы — «не имена, вычитанные из газет, а живые люди». «Вот что я вам про них скажу: они прежде всего немцы, а кроме того, они добрые буржуа. (*Смех справа.*) Именно как немцы, как буржуа, они совершенно неспособны делать революцию. Поверьте, что самый смиренный русский кадет более революционен, чем самый свирепый социал-революционер в Германии». И поэтому едва ли стоит полагаться на то, что антивоенные настроения будут расширяться отсюда.

Струве закончил свою речь, критикуя Керенского за недооценку большевистской опасности, которую описывал в следующих выражениях: «Большевизм — это смесь интернационалистического яда со старой русской сивухой. (*Аплодисменты справа, смех, шум слева.*) Этим ужасным пойлом опаивают русский народ несколько неисправимых изуверов, старых и молодых, подкрепляемых тучей германских агентов. Давно пора этот ядовитый напиток заключить в банку и по всем правилам фармацевтического искусства поместить на ней мертвую голову и надпись “яд”».

23 ноября 1917 года, спустя месяц после большевистского переворота, Струве написал статью «В чем революция и контрреволюция?», напечатанную в номере *Русской мысли* за ноябрь-декабрь того же года (#352). Здесь он обратился к своей излюбленной мысли: к одновременному развертыванию в России двух взаимоисключающих процессов. Оба процесса «революционны» в том смысле, что каждый влечет за собой разрыв со *status quo*; но если первый представляет собой настоящую революцию, второй оказывается революцией лишь внешне. Подлинная русская революция началась в 1902 году, когда вышел первый номер *Освобождения* и был основан Союз

освобождения. Это движение пыталось активно созидать в России совершенно новые формы политического и экономического быта — обеспечить гарантии политических и гражданских свобод и доступ всех граждан к собственности. Грубо говоря, двуединой целью настоящей революции выступали *свобода* и *собственность*. Ее бесспорными достижениями стали конституция 1906 года и аграрная реформа Столыпина.

Иная тенденция, тоже изображавшая из себя революцию, на деле была контрреволюционной. В ней стремление народных масс к собственности приобретало уродливые и жестокие формы: «Если рассматривать события 1917 года независимо от всей предшествующей эпохи, то им, конечно, нельзя дать почетного титула революции. Это солдатский бунт, “из политики” принятый интеллигенцией страны за революцию в надежде превратить бунт в революцию. Надежда эта не оправдалась, и бунт превратился не в славную революцию, а в грандиозный и позорный всероссийский погром» (с. 57).

И все же Струве считал, что под сенью насилия и погрома разворачивается другая, настоящая, «буржуазная» революция, ибо крестьянская масса жаждет и добивается отнюдь не социализма, а собственности. Рано или поздно русское общество успокоится и встанет на естественный путь развития.

Но до той поры необходимо действовать. Как же изжить «погромный яд»? Учредительное Собрание, на которое левые демократы возлагают столь большие надежды, не сумеет умиротворить страну. Созыв подобного органа в разгар войны, под вопли «опьяневших “революционеров” и обезумевших солдат», ничего не даст: «ни острые, ни хронические погромы не врачуются парламентскими речами и постановлениями». Не является панацеей и немедленный мир с «центральными державами»: «Война не породила революции, и мир сам по себе отнюдь не приведет к ее завершению и переходу к новым основам политического и социально-экономического бытия России». Что

действительно требуется стране, так это «большая вооруженная сила в руках твердой государственной власти», ибо только она способна восстановить порядок и вновь двинуть общество вперед. «Под каким наименованием погромная зараза будет раздавлена, совершенно неважно. Раздавлена же и выжжена из русской жизни она должна быть во что бы то ни стало» (с. 61).

Когда номер *Русской мысли*, содержащий все эти рассуждения, появился на прилавках, Струве уже был в пути. Он отправился на юг, на Дон, с тем, чтобы присоединиться к генералам, пытавшимся организовать вооруженные силы страны для восстановления порядка.

Захват власти большевиками и установление советского режима вовсе не казались столь необратимыми событиями, в какие они впоследствии превратились под руками историков. С марта 1917 года российские правительства часто сменяли друг друга; ни одно из них не могло обеспечить эффективную власть. В последний месяц своего существования Временное правительство представляло собой «декоративный» режим, не имевший нормально функционирующего кабинета и руководимый слабым диктатором. Власть, в той степени, в которой таковая вообще существовала, была сосредоточена в Петроградском совете. По этой причине большевистский переворот 26 октября, проходивший под лозунгом «Вся власть Советам!», казался своеобразной легализацией *status quo*, при котором советы управляли на деле, не обладая при этом формальной властью. За исключением небольшой группы современников, большинство русских даже не подозревало, что данный лозунг специально был придуман Троцким с целью замаскировать установление долгосрочной диктатуры большевиков, для которой советы станут лишь верным прислужником единственной партии. По всей стране шли выборы в Учредительное Собрание, и многие, включая рядовых коммунистов, полагали, что как только новый орган приступит к работе, ле-

нинский Совет народных комиссаров мирно прекратит свое существование.

Подобная картина помогает понять, почему в течение нескольких месяцев после октябрьского переворота в Петрограде видные противники большевиков (такие, как Струве) могли свободно передвигаться по стране и даже вести легальную политическую работу.

Непосредственно после переворота Струве отошел от общественной деятельности. 15 ноября он выступил в Академии наук с докладом о торговой политике (#537), две недели спустя — с еще одним докладом, посвященным классификации доходов (#534). Затем, где-то в середине декабря, он покинул Петроград и отправился на юг²⁰. Инициатором поездки выступил Григорий Трубецкой, который, опасаясь ареста, предложил Струве отправиться на территорию Войска Донского, где Алексеев, Каледин и другие военные и политические деятели занимались организацией вооруженного сопротивления немцам и большевикам²¹. Трубецкой добыл целый железнодорожный вагон, который позволил беглецам путешествовать с дореволюционным комфортом. Помимо самого Трубецкого и Струве, в группу входили три молодых человека: сын Струве Глеб, сын Трубецкого Петр и сын В.Н. Львова. Струве ехал по документам, выданным Земским союзом (членом которого он оставался в годы войны), якобы командировавшим его на Кавказ. У молодых людей имелись свидетельства о том, что они поправляют здоровье после боевых ранений. (Петр Трубецкой в то время действительно приходил в себя после скарлатины.) Путешествие шло без приключений, но на границе казачьих земель в вагон поднялся большевистский патруль, проверявший у пассажиров документы.

²⁰ Мое повествование о путешествии Струве на Дон основывается по большей части на мемуарной записке «П.Б. Струве в 1918-1919 гг.», подготовленной по моей просьбе в ноябре 1976 года профессором Глебом Струве.

²¹ См. высказывания Струве о Трубецком: 30/1-18; #609; #610; #627/297-298.

Бумаги старших удовлетворили солдат, но с молодым Струве и Львовым вышла заминка: обоим предложили покинуть поезд. На помощь пришел Трубецкой. «Даю вам слово князя Трубецкого, — сказал он, — что молодые люди следуют к месту назначения, указанному в их документах». Командир стражи щелкнул каблуками, взял под козырек и со словами «слушаюсь, Ваше превосходительство» вышел из купе.

Приехав в Новочеркасск — столицу Войска Донского — в середине декабря, Струве и его спутники застали нарождающееся национальное движение в состоянии разброда²². В середине ноября генерал Алексеев, прибывший на Дон с намерением создать совместно с казаками дисциплинированные и патриотично настроенные вооруженные формирования, основал Добровольческую армию. «Организационная группа московских общественных деятелей» обещала поддержать его людьми и деньгами. Алексеев являлся блестящим штабным офицером, одним из лучших в то время, но лидером он явно не был: ему не хватало личных качеств, необходимых боевому командиру. К счастью для него, в декабре в Новочеркасске объявился Корнилов. Прославившийся своей импульсивностью и безрассудностью («лев с овечьими мозгами»), этот генерал пользовался огромной популярностью в войсках. Алексеев предложил разделить командование: он был готов принять на себя финансовые и административные вопросы, уступив Корнилову непосредственно военное руководство. Но последний, настаивая на безраздельной власти над армией, отверг эту идею, а когда Алексеев сумел заручиться поддержкой политиков, продолжавших прибывать в Новочеркасск из центральной России, Корнилов пригрозил отставкой и отъездом в родную ему Сибирь.

Преимущества каждого из генералов обсуждались на нескольких бурных заседаниях, состоявшихся в Ново-

²² См. краткие воспоминания Струве о пребывании в Новочеркасске: 25/6-26а.

черкасске в декабре и январе. Струве, принимавший участие в этих встречах, изо всех сил пытался смягчить противоречия между оппонентами. Присутствовал он и на решающей сессии 29 января 1918 года, на которой конфликт был наконец разрешен. Отчасти силой логики, но в основном угрозами лишить московских денег гражданские сторонники Алексеева убедили Корнилова согласиться с разделением командования. Раздосадованный поражением, тот немедленно перевел свою ставку из Новочеркаска в Ростов; там, полагал он, политики не смогут ему надоедать.

Струве считал Добровольческую армию ядром, вокруг которого со временем объединятся все патриотические силы России и которое положит конец анархии. Подобно прочим политическим деятелям, он прибыл на Дон с намерением предоставить свои знания и опыт генералам, стремящимся восстановить российскую государственность. К несчастью для него и его коллег, сами генералы воспринимали данную проблему несколько иначе. Именно на политиков они возлагали ответственность за горести, обрушившиеся на Россию. Причем в тонкости различий между социалистами, коммунистами и либералами военные не вдавались: для них все в равной степени были виновны. Генералы полагали, что чем меньше политики будет в стране, тем лучше. Возмущение Корнилова «политиканами, сующими нос не в свое дело», оказалось лишь крайним выражением чувств, разделяемых значительной долей офицеров Добровольческой армии.

В январе 1918 года с генералами договорились о том, что гражданские общественные деятели образуют совещательный политический орган — Донской гражданский совет. Струве стал постоянным членом этой структуры. Ее функции были определены не слишком четко (характерное качество всех политических институтов, дававших рекомендации военным в годы гражданской войны); в то же время предполагалось, что совет будет представлять генералам свои предложения по тем или иным вопросам, под-

держивать контакты с деловыми и общественными кругами центральной России и служить каналом для передачи денежных средств, поступающих из Москвы.

К тому времени положение дел казалось достаточно обнадеживающим, но очень скоро ситуация изменилась к худшему. Предводители Добровольческой армии решили базироваться на территории Войска Донского, поскольку думали, что могут положиться на местное казачество; кроме того, их поддерживал атаман Каледин, который был ярким русским националистом. Но в январе 1918 года на Дон пришла революционная смута, поставившая перед армией вопрос о том, насколько долго она сможет полагаться на гостеприимство казаков. Беспорядки были порождены конфликтом между местными малоземельными крестьянами, в большинстве своем переселенцами из других регионов России (так называемыми «иностранцами»), и коренными зажиточными казаками. Среди первых оказалось также множество дезертиров, которые, пробираясь зимой 1917–1918 годов с развалившегося Кавказского фронта домой, будоражили молодых казаков. Старшее поколение, всеми силами старавшееся отстоять свою собственность от посягательств «пришлых», столкнулось с бунтом собственной молодежи и не желало добавлять к своим заботам проблемы Добровольческой армии. Некоторые даже считали, что присутствие добровольцев на их территории провоцирует «красных», и призывали армию убираться как можно скорее. Каледин, неспособный далее управлять собственными людьми, впал в депрессию; 11 февраля он оставил свой пост и в тот же день застрелился. С его гибелью Добровольческая армия лишилась самого верного сторонника в рядах донского казачества. Отношение к ней повсеместно было враждебным. Рядовые казаки отказывались от сотрудничества; иностранцы, дезертиры и городские рабочие были откровенно недружелюбны; в довершение ко всему, с севера на Новочеркасск и Ростов надвигалась большевистская армия, посланная Лениным на подавление зарождающейся «Вандеи».

В таких условиях Корнилов пришел к выводу о неизбежности эвакуации. После некоторых колебаний он решил перебросить свои войска на земли кубанских казаков, которые считались непреклонными противниками коммунистов. 22 февраля он повел свою небольшую армию — от 4 до 5 тысяч человек, в основном молодых офицеров и студентов — из Новочеркасска на юг. Так начался легендарный «ледяной поход» Добровольческой армии — бросок, совершенный по враждебной территории и в тяжелейших погодных условиях. По всей видимости, Струве и прочие члены Донского совета собирались сопровождать добровольцев в этой степной эпопее, но их планы были отвергнуты генералами, не желавшими обременять войска стариками-гражданскими²³. Для Струве, скорее всего, такое решение оказалось благом, поскольку ему едва ли удалось бы пережить страшный, сопровождавшийся почти непрерывными боями восьмидесятидневный переход через тысячу километров снежной пустоши.

После ухода армии Струве на некоторое время задержался в городе. Но время подгоняло: дальше откладывать отъезд было нельзя, так как захватившая Ростов большевистская армия неумолимо приближалась к Новочеркаску. Он выехал 23 февраля, незадолго до прихода «красных», сопровождаемый Трубецким и его сыном. С ними отправился также молодой писатель Николай Арсеньев, менивший Глеба Струве, который был арестован и в качестве заложника брошен в тюрьму. Хотя нам довольно трудно представить Струве в седле, не вызывает ни малейших сомнений то, что он и его спутники покинули Новочеркасск верхом²⁴. Они намеревались как можно скорее пересечь территорию Войска Донского, направляясь к Царицыну, а там сесть на московский поезд. Это путешествие

См.: *А.И. Деникин. Очерки русской смуты.* — Париж, 1921-1924. — II. — С. 233.

А.С. Лукомский. Воспоминания. — Берлин, 1922. — Т. I. — С. 296.

стало одним из самых злополучных эпизодов в жизни Струве и едва не завершилось трагедией²⁵.

Выехав из Новочеркасска, путники сменили лошадей на сани, которыми правил надежный казак. Первым пунктом назначения была Константиновка, большое казацкое село, до которого добрались беспрепятственно. Там вся группа расположилась на ночлег в избе, принадлежавшей родственнику их провожатого. Кто-то, однако, выследил пришельцев и сообщил местным властям о пребывании в селе незнакомцев. Вечером в избу для проверки документов явился патруль. Как ни странно, путешественники были не готовы к столь предсказуемой встрече. Трубецко имел бумаги, удостоверявшие, что он — московский торговец, прибывший на юг для закупки продовольствия, и при этом его паспорт был выписан в Новочеркасске, бастионе «контрреволюции», а не в Москве, и разъяснить это несоответствие он не мог. Дело оборачивалось весьма скверно. Струве и Арсеньев, слушая запинаящегося Трубецкого, уже думали, что все пропало. Если бы патрульные тщательно обыскали их вещи, то нашли бы пачку писем офицеров Добровольческой армии родственникам оставшимся в советской России. В каблуках башмаков брошенных Трубецким перед входом в избу, были спрятаны золотые монеты. Он не потрудился даже спороть с своих вещей золотые вензеля, свидетельствующие о его княжеском происхождении.

Патруль, однако, ушел, не сделав обыска. Снаруж был поставлен охранник. Все четверо оказались под домашним арестом, имея все основания опасаться того, что довольно скоро их выведут из избы и расстреляют. В время казни подозрительно выглядевших «буржуев» были довольно незамысловатой процедурой, поскольку палачам не приходилось отчитываться перед кем-либо,

²⁵ Рассказ о возвращении Струве в Москву основывается на воспоминаниях профессора Николая Арсеньева, записанных мной в Нью-Йорке 26 марта 1965 года.

Григорий Трубенкой

Струве в Стокгольме
в январе 1919 года, вскоре после
бегства из России

Струве. Нина Струве и их сын Аркадий. Прага, 1920-е годы

Благотворительная шахматная партия в пользу эмигрантов,
организованная в Париже в 1928 году;
на заднем плане гроссмейстер А. Алехин

Николай Бердяев. 1934 год

Струве в Белграде. 1930-е годы

собственные труды они всегда могли возместить, «национализируя» вещи казненных. Пока они ждали своей участи, Арсеньев достал Библию и в ночной тиши начал читать псалом, в России традиционно связываемый со смертью:

«Сколько дней раба Твоего? Когда произведешь суд над гонителями моими?..

Вижу отступников, и сокрушаюсь; ибо они не хранят слова Твоего...

Призываю Тебя; спаси меня, и буду хранить откровения Твои...» (Пс., 118, 84; 146; 158)

Примерно в два часа ночи в дверь постучали; к изумлению путешественников, то был не командир патруля, но их возница. Этот человек договорился с патрульными, убедив их в том, что его гости — не шпионы. Охрану сняли; им нужно было без промедления собирать вещи и уезжать. Возок снова двинулся на восток, остановившись только для того, чтобы закопать в снегу злополучные письма.

Через три часа они прибыли на какой-то отдаленный хутор. Его хозяин, хороший знакомый возницы, предложил им еду. Попытка Арсеньева вымыть руки вызвала неудовольствие Струве, который усмотрел в этом опасное излишество: приверженность личной гигиене была отличительным знаком контрреволюционеров. После короткого отдыха они продолжили путь. Примерно через час их остановил еще один патруль, представлявший, как выяснилось позже, местный Военно-революционный совет, только что расправившийся с несколькими казачьими офицерами. Командир приказал вознице вернуться назад, в Константиновку. Правда, прошедший затем обыск не выявил ничего подозрительного; даже княжеские монограммы Трубецкого не попались солдатам на глаза. Паника охватила путников лишь в тот момент, когда один из солдат, копаясь в бумагах Арсеньева, нашел листок с гимном Добровольческой армии. Он показал находку офицеру, но тот, будучи, видимо, неграмотным, или же просто не вникнув в суть дела, молча вернул бумажку владельцу. Закончив обыск, командир под охраной отправил четырех задержан-

ных обратно, а багаж оставил у себя. В Константиновке их доставили в чрезвычайный военный трибунал. На сей раз инициативу взял на себя Арсеньев, представивший членам трибунала бумаги, из которых следовало, что он — преподаватель Московского университета, возвращающийся домой для возобновления своей научной деятельности. Затем подошел черед Струве. Его фамилия привлекла внимание одного из допрашивающих; тому хотелось знать, не является ли задержанный родственником известного астронома Василия Васильевича Струве. После того как в данный вопрос была внесена ясность, ни Трубецкого, ни его сына просто не стали допрашивать. Убедив трибунал в том, что они являются всего лишь безобидными учеными, четверка отправилась дальше. Перед отъездом они догадались попросить выписать им документы, свидетельствующие, что группа направляется в Москву через Царицын. Это гарантировало путешественникам безопасность на всю оставшуюся часть дороги.

Заехав за своими вещами, они вновь двинулись на восток. Пока возок летел по заснеженной степи, Арсеньев и молодой Трубецкой, сидевшие впереди, рассказывали притихшему вознице истории о Христе и христианских мучениках²⁶. До Царицына добрались без приключений. Здесь с помощью константиновских документов четверке удалось устроиться в гостиницу, переполненную большевистскими чиновниками. В начале марта, после пяти дней в поезде, они прибыли в Москву.

Весной и летом 1918 года Москва была настоящим политическим ульем. Социалистические и либеральные партии, стоявшие в оппозиции к большевикам, объединялись в различные союзы и блоки. Демобилизованные офицеры создавали подпольные боевые группы. Исключительную активность проявляли представители иностранных держав. Немцы продолжали оказывать больше-

²⁶ 26/8-26с.

вистскому режиму самую широкую дипломатическую и финансовую помощь, но, желая обезопасить себя на случай его возможного краха, одновременно вели тайные переговоры с консервативными группами. Эмиссары союзников, отчаянно пытаясь реанимировать Восточный фронт, работали как с либералами, так и с социалистами. Большевики, вероятно, знали об этой деятельности, но в тот момент предпочитали не вмешиваться, поскольку противопоставление союзников «центральной державам» повышало их ставки в политическом торге.

Оказавшись в Москве, Струве первым делом должен был найти жилье для себя и своей семьи, только что прибывшей из Петрограда. Этот вопрос уладил Трубецкой, имевший в городе многочисленных родственников. Чтобы защитить приютивших его людей от возможных преследований, Струве никогда не рассказывал о том, где его семья проживала в 1918 году; он упоминал только, что место было уютным и не тронутым грабежами²⁷. Впрочем, опираясь на информацию, полученную от сына Струве и его друзей, мы теперь можем раскрыть точное местонахождение этого семейного убежища. Нина и мальчики жили в изящном частном доме, принадлежавшем родственнику Григория Трубецкого, гвардейскому лейтенанту В.Н. Гагарину (в то время бывшему на юге), и находившемся на Новинском бульваре, 36. Здесь в их распоряжении был целый этаж. Стремясь обеспечить безопасность семьи в случае своего ареста, сам Струве поселился отдельно, с семьей некоего Н.Н. Авинова, проживавшей неподалеку, на улице Поварской, 3а, в доме княгини А.С. Гагариной. Отказавшись от регистрации в милиции, он вел нелегальное существование и часто ночевал в различных местах. Для Струве было весьма опрометчиво появляться на публике, поскольку его необычно высокая, сутулая фигура и всклокоченная, патриархальная борода были слишком хорошо известны. Тем не менее он вел на ред-

²⁷ 26/4-29.

кость активную жизнь, соблюдая лишь минимальные меры предосторожности. Струве часто виделся с друзьями, иногда на тенистом Тверском бульваре, а иногда — у них дома. Он принял участие в нескольких докторских защитах, темы которых интересовали его. Он присутствовал также при рукоположении своего друга Сергея Булгакова. Он проводил собрания Лиги русской культуры, на которых читались доклады о русской литературе, искусстве и науке (например, Вячеслав Иванов выступил с сообщением о русском языке, а Александр Гречанинов — о русской музыке). Наконец, он редактировал тот номер *Русской мысли*, который оказался для журнала последним. Кроме того, Струве занимался подготовкой и публикацией обновленной версии «Вех» — сборника статей «Из глубины», который должен был подытожить события предшествующего года и наметить пути возрождения страны. Он, однако, ни разу не приходил на Новинский бульвар, 36, неизменно настаивая, чтобы семья сама навещала его.

К прибытию Струве в Москву его друзья образовали комитет из девяти членов, так называемую «девятку», который задумывался в качестве координационного центра антибольшевистской деятельности. В состав комитета вошли по три представителя от Торгово-промышленного союза, «Организационной группы московских общественных деятелей» и Конституционно-демократической партии. Номинально «девятку» возглавлял А.В. Кривошеин, известный специалист по земельному вопросу, но ее фактическим лидером был тогдашний руководитель кадетов П.И. Новгородцев. Организации предстояло подготовить создание надпартийной общероссийской коалиции, о которой конституционные демократы мечтали со времен Союза освобождения — альянса всех патриотически настроенных граждан, готовых работать над восстановлением в России законности и порядка²⁸. К участию был приглашен и

²⁸ Об этой организации см.: В. Владимирова. Год службы «социалистов» капиталистам. — М.-Л., 1927. — С. 234-235.

Струве; он вошел в состав комитета в качестве представителя «Организационной группы московских общественных деятелей», к тому моменту влачившей жалкое существование. Сразу после образования «девятка» наладила рабочие контакты с двумя небольшими, но влиятельными группами — Правой партией и Союзом землевладельцев, в результате чего был создан Правый центр. (Эту группу следует отличать от другой надпартийной коалиции, сформированной антибольшевистски настроенными социалистами и называвшейся Союзом возрождения России.) О первых шагах Правого центра почти ничего неизвестно. По-видимому, организация боролась с большевистской диктатурой методами саботажа и сбора разведанных, привлекая для этого бывших офицеров, которые, не имея ни работы, ни денег, проживали в основном в двух столичных городах. Правый центр намеревался также помочь Добровольческой армии людьми и деньгами, но в марте и апреле 1918 года, когда добровольцы совершали свой «ледяной поход» по северокавказской степи, подобное содействие было невозможным.

Летом 1918 года Правый центр сосредоточился на переговорах с дипломатами союзных стран. Обсуждалась предполагаемая высадка союзников на российской территории, задуманная с тем, чтобы воссоздать Восточный фронт. Направляя войска в Россию, союзники, в особенности французы, хотели заручиться одобрением двух главных оппозиционных коалиций — Правого центра и Союза возрождения. К их немалому удивлению и раздражению, сделать это оказалось не так-то легко. Проявляя серьезную заинтересованность в получении союзной помощи для свержения поддерживаемого немцами большевистского режима, большинство вождей оппозиции сомневалось в разумности и эффективности планируемой операции. В особенности их смущало намерение Антанты организовать доставку крупных японских формирований через Сибирь в европейскую часть России. С одной стороны, русские считали, что переброска японцев в количе-

ствах, позволяющих вести эффективные боевые действия, технически невозможна, а с другой — они подозревали (и как оказалось позже, вполне справедливо), что японцев интересует не столько борьба с немцами, сколько захват российских земель. Эти дебаты раскололи Правый центр. Консервативное меньшинство, убежденное в том, что «центральные державы» обязательно выиграют войну и что их поддержка исключительно важна для победы над большевиками, настаивали на прогерманской ориентации. Эта группа вела секретные переговоры с немецким послом графом Мирбахом и его экспертом по русским делам Рицлером. Между тем большинство, к которому принадлежал и Струве, сохраняло верность союзникам и рассчитывало на интервенцию последних.

В июне 1918 года под давлением внутренних разногласий Правый центр окончательно распался. Былое название сохранило за собой прогерманское меньшинство, в то время как приверженцы союзников образовали Национальный центр, в дальнейшем превратившийся в самую крупную контрреволюционную организацию в России времен гражданской войны. Политическая программа Национального центра, разработанная во второй половине 1918 года, подчеркивала необходимость сильной политической власти. Такая власть виделась в форме временной военной диктатуры, которая сначала свергнет коммунистический режим, а потом, восстановив порядок, передаст полномочия всенародно избранному правительству. Во внешней политике Национальный центр сохранял приверженность делу союзников и поддерживал их высадку с целью воссоздания Восточного фронта, но при этом явно предпочитал британские и французские экспедиционные корпуса японским. В военных операциях внутри российских границ приоритет отдавался сибирским силам, а не Добровольческой армии; в основном это было обусловлено тем, что чехословацкий мятеж, вспыхнувший в волгоуральском регионе, и предполагаемая высадка союзных войск на севере казались более перспективными с воен-

ной точки зрения, нежели действия добровольцев на юге²⁹. В июне 1918 года Струве поставил свою подпись под письмом, адресованным Национальным центром генералу Алексеву с просьбой оставить Дон и Кубань и прибыть в Сибирь, чтобы возглавить там антибольшевистские формирования³⁰. Кроме того, Струве, вероятно, поддерживал тесные контакты с польскими националистами, а также с Борисом Савинковым, который при содействии французов руководил тайной военной организацией, в июле 1918 года поднявшей мятеж в Ярославле³¹. Но подробности этих сторон его деятельности нам неизвестны.

В июле 1918 года *Русскую мысль* постигла участь всей небольшевистской периодики. Журнал пал жертвой новой цензуры — его закрыли после четырех десятилетий непрерывного издания. Главной литературной заботой Струве тем летом были подготовка и редактирование сборника «Из глубины». Он начал заниматься этим еще в апреле 1918 года, спустя месяц после возвращения в Москву. Кни-

²⁹ Несмотря на обширную литературу, посвященную Национальному центру, до сих пор никто не пытался написать общую историю этой важной организации. См.: Национальный центр в Москве в 1918 г. — *На чужой стороне*. — № VIII. — 1924. — С. 123-142; В. Владимирова. Год службы «социалистов» капиталистам. — С. 237-242.

³⁰ А.С. Лукомский. Воспоминания. — II. — С. 116 прим.

³¹ 25/6-14b; *Wladyslaw Glinka*. Pamiętnik z Wielkiej Wojny. — IV. — Warsaw [1928?]. — S. 41. Струве также вспоминает, что весной или летом 1918 года он присутствовал на встрече, организованной по инициативе Д. Шаховского и проходившей на квартире князя П. Долгорукого (оба были видными фигурами Союза освобождения), в ходе которой обсуждалась возможность возрождения Союза на основе двух программных пунктов: 1) бескомпромиссного отношения к большевикам и 2) признания республиканской формы правления. По словам Струве, он решительно воспротивился такой идее, поскольку, во-первых, революция сделала его монархистом «по чувству» и, во-вторых, воссоздание Союза освобождения казалось ему нереалистичным. Кускова и Прокопович, которые также присутствовали на встрече, согласились с ним, хотя и по иным причинам (они поддерживали республику, но были готовы общаться с большевиками). См. письмо Струве к Мельгунову, 26 февраля 1926.

га была посвящена революции: ее причинам, значению, будущности. Круг авторов составили бывшие «веховцы», а также публицисты, симпатизировавшие идеологии «Вех». Струве подготовил для сборника обширную аналитическую статью об исторических корнях русской революции (#539), которую мы рассмотрим в главе 8.

Однако сборнику «Из глубины» (в качестве его названия взяты строки, открывающие псалом 129: «Из глубины взываю к Тебе, Господи!») не было суждено выйти в свет в России. Написанная и отредактированная между апрелем и июлем 1918 года книга была передана издателю где-то во второй половине июля. Тираж был изготовлен в начале августа, но через месяц большевики провозгласили политику «красного террора» против «контрреволюционеров». Вместо книжных магазинов отпечатанные экземпляры отправили на склад. Там они пролежали два с половиной года. И лишь во время восстания кронштадтских моряков в марте 1921 года, сопровождавшегося массовыми забастовками рабочих, печатники типографии Кушнерева распространили какое-то количество экземпляров среди публики³². Распространение вскоре было прервано, а остатки тиража конфискованы. Через год Николай Бердяев вывез принадлежавшую ему книгу в Германию; в 1930-м еще один ее экземпляр купил голландский славист в советской России. Струве так и не увидел сборника, поскольку экземпляры, которые ему пытались переправить друзья, либо потерялись, либо были украдены при пересылке. Спустя сорок лет, в 1967 году, сборник переиздали в Париже, и с тех пор он получил довольно широкое распространение³³.

³² *Из глубины*. – Париж, 1967. – С. х

³³ Здесь уместно заметить, что в январе 1919 года Ленин, неизвестно по какому праву, подписал указ о конфискации личной библиотеки Струве и передаче ее в Петербургскую публичную библиотеку и Политехнический институт. Одновременно он не без галантности распорядился, чтобы портрет отца Нины работы Н.А. Ярошенко, висевший в квартире Струве, был возвращен владелице. См.: *Ленинский сборник*. – XXXV, 1945. – С. 45.

Нам трудно установить, как ощущал себя Струве в те дни. Его безбрежный оптимизм, о котором говорит Франк, неизменно проявлял себя, по крайней мере, в частных беседах, но то были мгновенные вспышки. О глубине его отчаяния можно судить по статье, напечатанной в последнем номере *Русской мысли*. Здесь он впервые высказывает сомнения в самом выживании России. А фраза, вставленная в невинную, на взгляд рядового читателя, рецензию книги об Аполлоне Григорьеве, была подлинным *cri du coeur* (криком души):

«Совершенно ясно, что либо в России родится, зажжет своим пламенем все мыслящее и образованное, а затем заразит народные массы, сильный, страстный и упорный *национализм*, либо Россия погибнет»³⁴.

Летом 1918 года ситуация в России стала крайне неопределенной. По всему было видно, что коммунистический режим теряет контроль над страной: начавшийся в мае бунт чехословацкого корпуса охватил всю транссибирскую магистраль и волжский бассейн; в Самаре депутаты распущенного Учредительного Собрания от партии социалистов-революционеров создали собственное правительство; в Москве, а также в Ярославле и его окрестностях одновременно вспыхнули антибольшевистские мятежи; крестьяне все более активно сопротивлялись проводимым коммунистами реквизициям хлеба. Германское посольство в Москве, чья дипломатическая и финансовая поддержка была для большевиков крайне важна, на сей раз решило, что режим доживает последние дни, и запросило санкцию Берлина на содействие русским оппозиционным группам (то есть Правому центру) в его свержении. В июне союзные войска высадились в Мурманске, а в начале августа — в Архангельске; ходили слухи о том, что отсюда они проследуют на Москву и сместят Ленина. Казалось, большевистского вождя вот-вот постигнет судьба Керен-

³⁴ #535/2.

ского; но ответ Ленина на нависшую угрозу оказался совершенно иным. Он развернул кампанию террора, которая благодаря Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) приобрела общенациональный характер. Политика «красного террора», провозглашенная в сентябре 1918 года, официально была направлена на ликвидацию политической и экономической «контрреволюции». Ее подлинная цель заключалась в том, чтобы породить в сознании населения неослабное чувство ужаса; забота о физическом выживании, как предполагалось, отодвинет все прочие соображения на второй план и, следовательно, позволит правительству безраздельно распоряжаться в публичной сфере.

Для людей, обладавших столь широкой известностью, как Струве, дальнейшее пребывание в Москве делалось невозможным. Большинство оппозиционных лидеров — руководители Правого центра, Национального центра, Союза возрождения — уехали из города, оставив здесь лишь горстку храбрецов, готовых выполнять свой долг даже под угрозой смерти. (Впоследствии многие из них действительно погибли.) Консервативные политики, включая Григория Трубецкого и Кривошеина, отправились на юг, на оккупированную немцами Украину. Социалисты предпочитали ехать на восток — поддерживать комитет Учредительного Собрания; либералы искали пристанища в Сибири или отбывали на юго-восток, под крыло Добровольческой армии. Что касается Струве, то он принял довольно странное решение двинуться на север. Ему хотелось затаиться где-нибудь в деревне и таким образом дожидаться прибытия из Архангельска британского экспедиционного корпуса.

Очевидно, что Струве не мог реализовать этот план самостоятельно; ведь его, человека абсолютно беспомощного в житейском смысле, рано или поздно обязательно схватил бы и расстрелял один из «красных» патрулей, во множестве рыскавших по советской России в поисках «контрреволюционеров» и «спекулянтов». Поэтому Национальный центр приставил к нему в качестве персонального помощника проверенного молодого человека,

его давнего знакомого. Это был Аркадий Борман, сын Ариадны Тырковой-Вильямс от первого брака, дружба которой со Струве началась еще в начале 1890-х годов. Мальчиком Борман жил с матерью в Париже, где она работала в редакции *Освобождения*, и помогал разносить журнал по парижским почтовым отделениям. Позже он часто виделся со Струве у матери дома; они также мимо-летно встретились в Новочеркасске зимой 1917–1918-го. Весной 1918 года, действуя, вероятно, по указанию Национального центра, Борман устроился на работу в советское правительство и в составе дипломатической делегации выезжал на Украину. Будучи чиновником нового режима, он без труда добыл документы, освобождавшие его от армейской службы и позволявшие беспрепятственно путешествовать по стране. Для Струве Национальный центр изготовил паспорт на имя Николая Васильевича Белица, жителя Киева. Согласно замыслу, Борман должен был взять Струве-Белица в официальную командировку в качестве личного секретаря. Глебу Струве предстояло временно сопровождать их, а иногда передвигаться отдельно. Он также путешествовал по подложным документам.

Основным источником, повествующим о четырехмесячных скитаниях Струве и его спутника в северных лесах, являются воспоминания Бормана. Правда, поскольку Борман, видимо, не отличался острой памятью, в своих повествованиях о происшедшем он не раз путался в довольно важных деталях. Достаточно сказать, что в одном месте он датирует их отъезд из Москвы июлем, в другом — августом, в третьем — даже сентябрем. Кроме того, он почти полностью игнорирует участие в этом путешествии Глеба Струве³⁵.

³⁵ См. мемуары А. Бормана: «Воспоминания о страшных годах, 1917-1918». – Рукопись. – Archive of Russian and East European History and Culture – Columbia University. – С. 257-278; В умирающем Петрограде. – *Новости Толстовского Фонда*. – № 12. – 1953. – С. 4 и след. (данная работа частично опубликована на английском: Peter Struve's Escape from Soviet Russia. – *The Russian Review*. – January 1953. – P. 42-50); Из воспоминаний о П.Б. Струве. – *Новое русское слово*. – № 21636. – 8 сентября 1969. – С. 2.

Подготавливаясь к походу, Струве избавился от своей знаменитой бороды: соответствующую операцию проделал и его ученик, экономист Букшпан, позже сгинувший в сталинских лагерях. С одежды и вещей Струве были удалены признаки, по которым его можно было бы опознать. Нина приготовила для него странноватый кожаный наряд — то была дань тогдашней моде, считавшей кожу «пролетарским» материалом (в противопоставление «буржуазным» мехам и «мелкобуржуазной» овчине). Его личные вещи были разложены по нескольким желтым саквояжам. Как вспоминает Борман, во время встречи на вокзале внешний вид Струве показался ему столь эксцентричным, что он немедленно усомнился в вероятном успехе предстоящей эскапады.

Первая часть путешествия прошла без происшествий. Струве, Глеб и Борман расположились в комфортабельном купейном вагоне, причем проводник, приносивший им чай, извинялся за отсутствие сахара. Пунктом их назначения была станция Вергежа, находившаяся в 50 верстах к юго-востоку от Петрограда на реке Волхов; там было семейное поместье Тырковых³⁶. Здесь они провели несколько дней. Тихое местечко, утопающее в садах и рощах, находящееся вдали от любопытных взоров, Вергежа была идеальным убежищем. Но неудобство этого места состояло в том, что оно находилось слишком далеко от предполагаемого маршрута британского корпуса, и потому оставаться здесь было бессмысленно. Где-то в середине августа, покинув Глеба, Борман и Струве тронулись в путь, на сей раз на восток, к древней Вологде, миновать которую англичане просто не могли, ибо там проходила железная дорога Архангельск — Москва. Путникам пришлось вернуться в Петроград, сделать там пересадку и только потом выехать в Вологду.

В то время революция распространялась по России довольно неравномерно. Ее главными артериями стали

³⁶ Описание Вергежи см. в книге: *А. Тыркова-Вильямс. То, чего больше не будет.* — Париж, 1954. — С. 50-78.

железные дороги, кишевшие воинскими эшелонами, матросскими патрулями и чекистами. А в районах, лежащих в стороне от магистралей и обслуживаемых гужевым и водным транспортом, как будто бы царили тихие довоенные дни. Трудность, однако, заключалась в том, что путь в спокойные гавани пролегал как раз через железные дороги, где Струве, с его необычной внешностью и поведением, легко могли опознать. Струве просто не умел изменять себе; он всегда оставался интеллектуалом-космополитом — и это в то время, когда подобную публику считали неисправимо контрреволюционной. У Бормана были все основания для беспокойства: «Струве не мог не привлекать к себе внимание. Из-под его пальто европейского покроя выглядывала кожаная куртка и какие-то странноватые кожаные бриджи. В то время как другие пассажиры тащили только мешки и корзины, его багаж состоял исключительно из роскошных заграничных чемоданов. Его запросто могли счесть «буржуем». Ситуацию еще более усугубляла его абсолютная неспособность общаться с простым народом. Я даже хотел выдать Струве за глухонемого, чтобы пресечь его возможные разговоры с попутчиками»³⁷.

Борман привез своего спутника в поместье Алятино, находившееся приблизительно в 40 верстах к югу от Вологды и принадлежавшее родителям его школьного друга. Владельцы, хорошо зная, кем был Струве и какому риску они подвергают себя, предоставив ему приют, все же согласились оказать гостеприимство. Революция еще не пришла в эти края, и присутствие в усадьбе двух гостей (чуть позже к ним присоединился и Глеб) ни у кого не вызывало подозрений: ведь внешне Струве и его товарищи просто предавались отдыху в деревне. События, происходившие в Москве и Петрограде, сюда доносились в виде отдаленного эха, иногда как слухи, а иногда — как рассказы редкого гостя, ссылавшегося на собственные впечатления. Даже пища, которой так не хватало в городах, здесь была в изобилии. В

³⁷ А. Borman. *Peter Struve's Escape*. — P. 45.

Алятино имелась прекрасная библиотека, и Струве с головой ушел в книги. Особенно интересовал его Пушкин, воплощавший, как полагал Струве, все лучшее и обнадеживающее, что было в русской культуре. Он проштудировал пушкинское собрание сочинений от корки до корки и сразу же задумал новую книгу: трактат о Пушкине и его значении для русской жизни³⁸. Книга, разумеется, так и осталась ненаписанной. Но подборка пушкинских цитат и пушкинский словарь, составленные им тогда, время от времени всплывали в работах периода эмиграции. После прибытия Глеба Струве начал также практиковать несвойственные ему физические упражнения — он заготавливал дрова. А вечера, как вспоминает Борман, проходили в обществе хозяев, за обычными интеллигентскими разговорами, в основном о «путях и судьбах родины».

Так, в тишине и согласии, прошли август и сентябрь. Листья уже начали желтеть, а о британском наступлении на Москву не было никаких вестей. Борман начал беспокоиться; он решил выдвинуться поближе к Архангельску, чтобы на месте разведать ситуацию. Оставив Струве и Глеба в алятинском уединении, он проездил на поездах и пароходах весь октябрь. На его пути встречались дикие матросские патрули; он проходил через монастырь, десять монахов которого только что были расстреляны по приказу комиссара; он на каждом шагу видел нищету и страх — но об англичанах нигде не было ни слуху, ни духу. Тем не менее Борману показалось, что перебравшись подалее на север и поближе к Архангельску, Струве будет в большей безопасности, нежели в Алятино. Проезжая на обратном пути через Вологду, он с помощью своего чиновничьего удостоверения выписал в местном совете командировку в район лесозаготовок. Его секретарь, естественно, должен был ехать с ним.

Борман вернулся в Алятино в конце октября. Струве отнесся к его плану без особого энтузиазма, ибо риск

³⁸ #583/434-435.

был слишком высок, но узнав о том, что Нина с тремя мальчиками покинула Москву и переехала в Вятку, позволил себя убедить. Поезд, на котором они с Борманом отправились в путь, регулярно прочесывали патрули, искавшие незаконные запасы продовольствия, но их самих не трогали. В Вятке Струве ненадолго повидался с семьей. Проведя вместе один день, они вновь расстались — на сей раз на два года, в течение которых между ними не было буквально никаких контактов³⁹. Струве и Борман продолжили продвижение к Архангельску. Пока было возможно, беглецы ехали на поезде, сойдя в конце ветки в Котласе; там пересели на пароход, шедший по Северной Двине, и высадились неподалеку от Великого Устюга. Когда они распаковывали вещи в арендованной ненадолго комнатке, Бормана прошиб холодный пот: на подкладке пальто своего компаньона он заметил гордо вышитую золотой нитью фамилию владельца. В панике он запер дверь и немедленно спорол буквы. После краткого пребывания в Великом Устюге они возвратились в Котлас, где погрузились на другой пароход, доставивший их в Сольвычегодск. Борман снял комнату на окраине городка, поближе к лесу, стараясь не вызывать никаких подозрений. Стояла поздняя осень, было дождливо. Путники, опасаясь лишний раз показываться на дворе, в основном сидели взаперти. Струве, одолеваемый неутолимой тягой к чтению, нашел в доме роман Гюго «Труженики моря» и подшивки старых журналов. За чтением этой литературы он коротал время, дожидаясь англичан, которые тем временем готовились к зимовке в нескольких сотнях верст севернее.

Неделя прошла в полной безмятежности. Но как-то раз в дверь постучали; на пороге появился милицио-

³⁹ В письме Маклакову от 5 октября 1920 года, вскоре после ее побега в Финляндию, Нина Струве пишет, что она ничего не знала о судьбе мужа в течение двух лет (Maklakov Archive. — Box 12. — Hoover Institution).

нер, который, бегло осмотрев комнату, предложил Струве пройти в отделение. Борман отметил, что Струве надевал пальто трясущимися руками. Сам Борман почти не сомневался, что это конец, и даже подумывал о побеге, чтобы не пропасть самому. Но в конце концов он не решился бросить Струве на произвол судьбы. Через полтора часа тот вернулся; сопровождавший его милиционер на этот раз пригласил в отделение самого Бормана. Там Борман выяснил, что в нем заподозрили дезертира из «красной» армии, а Струве допрашивали именно по этому поводу. Свой статус советского служащего он подтвердил без малейших затруднений, но все же, не желая искушать судьбу, решил покинуть Сольвычегодск на следующий же день.

Путники ненадолго вернулись в Алятино. К тому моменту стало ясно, что англичане, если они вообще когда-нибудь придут, в зимние месяцы точно не снимутся с места, а посему дожидаться их в северных лесах бессмысленно. В связи с этим Борман собрался перевезти Струве и его сына в Петроград, а потом попытаться перебросить их за пределы советской России, в Финляндию.

Троица появилась в Петрограде в конце ноября. Перед ними предстало мрачное зрелище:

«Мертвым кажется гранит набережных. Мертвы Дворец, Сенат, Крепость. Окаменел Петр. Только Нева в своем хмуром осеннем величии напоминает о русской стихии, о том, что так легко ее поработить и уничтожить до конца.

Жалобно дует заунывный ноябрьский ветер вдоль пустых улиц, на которых год перед тем бурлили солдатские серые толпы. Летом на пустых площадях уже появилась трава. Тут и там виднеются ее засохшие остатки. Извозчиков стало совсем мало, и только мчатся по улицам автомобили с седоками в черных куртках или в защитных шинелях. На Невском еще есть прохожие, еще не все магазины заколочены. Но чем дальше от Невского, тем

меньше людей на улицах и тем боязливее пробираются они по улицам своего города»⁴⁰.

Бормана немедленно охватило желание исчезнуть, бежать туда, где «живут люди, а не напуганные тени».

Они поселились в квартире матери Бормана на Статорусской улице, 16, где им предстояло провести две недели, пока будет готовиться побег за границу. Тыркова-Вильямс и ее муж уже перебрались в Лондон, а в квартире жили немецкая гувернантка Бормана и ее друг, бывший офицер императорской гвардии, ныне красноармеец. Руководствуясь элементарной предусмотрительностью, Струве нужно было сидеть дома и не показываться на улицах города, где его хорошо знали. Но, как и в Москве за полгода до этого, он просто не мог сдерживать себя, особенно по ночам. Однажды он рискнул даже выйти среди белого дня, чтобы встретиться в Академии наук с С.Ф. Ольденбургом. Возможно, они говорили о сохранении архива Союза освобождения⁴¹. У самого здания Академии Струве неожиданно наткнулся на давнего знакомого, некоего профессора Пергамента, который, разволновавшись от нечаянной встречи, на всю улицу выкрикивал его по имени. После этого инцидента Струве больше ни разу не выходил в дневное время.

Оставаясь в Петрограде, Борман и Струве поддерживали тесные контакты с П.В. Герасимовым, кадетом и бывшим депутатом Думы, который, в глубочайшей тайне, совместно с инженером В.И. Штейнингером, руководил петроградским отделением Национального центра. Человек выдающейся храбрости, отказавшийся, несмотря на угрожавшую ему опасность, эмигрировать (через год он был арестован ЧК и расстрелян), Герасимов убеждал Бормана как можно скорее отправить Струве за рубеж. С его помощью Борман установил связь с Яковом Лившицем, молодым человеком, который с помощью фин-

⁴⁰ Рукопись А. Бормана. – С. 271-272.

⁴¹ *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал. – С. 432-433.

ских контрабандистов занимался переброской людей в Финляндию.

Наиболее короткий путь в Финляндию проходил по железной дороге Петроград — Выборг. Но эта ветка тщательно охранялась, и у человека, обладавшего известностью Струве, практически не было шансов перейти границу незамеченным. К счастью, имелся еще один путь, более безопасный. В годы войны русское правительство построило второстепенную железнодорожную колею от Петрограда до Финляндии, которая, соединяясь с мурманской магистралью, использовалась для доставки военных грузов, поступавших от союзников. Линия начиналась на петроградской станции Охта и вдоль западного берега Ладожского озера тянулась до финского городка Сортавала (Сердоболь). В холодную и голодную зиму 1918–1919-го ветка использовалась в основном жителями Петрограда для поддержания меновой торговли. Горожане везли по этой дороге разные вещи, которые можно было обменять у русских или финских крестьян на продукты или, скажем, спички. Попутно крестьяне, занимавшиеся подобным бартером, помогали желающим пересекать границу. Патрулей коммунистов здесь почти не было.

Борман предварительно запасся вещами, которые Лившиц мог использовать для торга с контрабандистами. Договориться с ними удалось довольно быстро, а цена оказалась весьма умеренной. Борман так описывает этот переход⁴².

«Нас было трое, Петр Струве, я и молоденький студент. Раз я не называю его имени, значит, пока не следует называть. Мы взяли с собой только по малюсенькому чемоданчику. У меня был за спиной рюкзак. Поезд отходил с Охтенского вокзала часов в десять вечера. Мы боялись строгого контроля, но его совсем не было. Через сорок минут мы вышли на заснеженной станции. Там нас ждали

⁴² Рукопись А. Бормана. — С. 276-278.

розвальни. Куда он нас вез по полям и перелескам? Вдруг прямо на советский пограничный пункт. Ехали больше часу. Остановились у низенькой избы, где нас ждали и даже напекли в нашу честь лепешек, которые мы с удовольствием ели.

Было уже за полночь, когда мы двинулись в путь. Наш проводник взял с собой сына подростка. У обоих были топоры за поясом. Наш северный крестьянин не ходит в лес без топора за поясом. Я-то это хорошо знал, а Струве на топоры покашивался.

По условиям мы должны были заплатить деньги только по переходе границы. Проводник обещал перевести нас в два часа. Но в общем он водил нас по лесу не меньше шести часов. Мы шли по целине, но снег был неглубокий. Иногда наш проводник останавливался и прислушивался. Два раза он заставил нас минут по пяти пролежать на снегу. Уверял, что где-то близко ходил советский патруль. А может быть, это было сделано только для важности. Струве устал и, несмотря на свои 49 лет, шел с большим трудом. Время от времени мы его вели под руки.

Наконец мы вышли на поляну. Уже начинало светать. Проводник спросил нас, боимся ли мы белых финнов. Мы, конечно, сказали, что не боимся. А он боялся, потому что они назад не выпускали. Поэтому он дальше не хотел идти.

— Вон там перейдете через ручей, потом напрямик до большой сосны. От нее и будет видна сторожка. В ней финский пограничный пункт. К ним и идите, ежели их не боитесь, — пояснил он нам.

Выхода не было, приходилось выполнять его указания. Он нам настолько внушил доверие к себе, что мы даже дали ему записку к нашим в Петрограде. Позже он перевел Глеба Струве, Г.И.Новицкого и других.

Ручей, отделявший нас от сосны и заветной сторожки, был покрыт льдом. Я ступил на него и провалился. Пришлось из забора вытягивать длинные жерди и ус-

траивать переход. Нашли сосну и издали увидели сторожку.

— Вдруг чекистская застава? — мелькнуло у меня в голове.

Я подошел к сторожке один и не без волнения постучал. Мне открыл дверь финский солдат и сразу заговорил со мной по-немецки. Оказалось, что финскую пограничную службу несут так называемые финские егеря. Эта часть была составлена из финнов, которые во время войны бежали в Германию и там были не только обучены немцами военному строю, но и соответственным образом препарированы немцами.

Никаких англичан нигде не было.

Часа через два нас отвезли на санях в какие-то казармы. Там мы ночевали и на следующее утро были отправлены на десять дней в карантин в Териоки. Это было 9-го декабря 1918 года».

Глава 7

Гражданская война

В течение двух лет после бегства из России Струве полностью и безоговорочно отдавал себя «белому делу». Едва ли кто-нибудь из русских интеллектуалов его поколения был более предан вооруженному сопротивлению большевикам или же более усердно работал ради этой цели. Как и в 1890-х, посвятив себя идеалам социал-демократии, или в начале 1900-х, поддержав либерализм, — каждый раз с убеждением, что делает это ради освобождения России, — Струве солидаризировался теперь с «белым» движением, причем по той же самой причине.

Несколько дней Струве и его спутники оставались в карантине в Териоки, после чего финские власти разрешили им проследовать в Хельсинки. В столице Финляндии проживала внушительная русская колония, которая к тому моменту заметно разрослась за счет беженцев, спасавшихся от ЧК, а также холода и голода той кошмарной зимы. Члены русского сообщества, преуспевающие торговцы и землевладельцы, занимались в основном собственными делами, почти не заботясь о том, что происходит на родине; подобная установка, кстати, возобладала и в других центрах русской эмиграции. Только русский гарнизон, состоявший из нескольких тысяч офицеров, которые остались на своих постах после того, как солдаты разбежались, всерьез интересовался политикой. Им коман-

довал генерал Н.Н. Юденич, типичный штабной офицер старой выучки. Его политическим советником был кадет А.В. Карташев, возглавлявший министерство по делам религий во Временном правительстве¹. Оба деятеля пользовались расположением Маннергейма, правителя Финской республики, ярого противника большевиков, который до революции сам служил в русской императорской армии. В Хельсинки находилась также постоянная английская миссия, прибывшая туда вскоре после перемирия; она поддерживала Юденича в его стремлении собрать силы для военного удара по большевикам. Через курьеров Юденич осуществлял контакт с Национальным центром в Петрограде.

Вскоре после прибытия в Хельсинки Струве опубликовал в местной русской газете рассказ о том, что происходит дома. Это первое за целый год политическое заявление свидетельствовало, что его основные взгляды на русский кризис, впервые сформулированные в 1907 году, по-прежнему не изменились. Коммунистический режим, писал он, необходимо свергнуть любой ценой, хотя нельзя исключать и возможность его саморазрушения. Но само по себе крушение коммунизма, спровоцированное извне или изнутри, ничего не решит: контрреволюция, непрерывно меняющая одних лидеров на других, не сможет покончить с кризисом, а сформированное ею правительство «повиснет в воздухе». Куда более важно восстановить стабильность и создать условия, способствующие прогрессу. Россия нуждается в культурном возрождении, с помощью которого можно будет искоренить причины, приведшие коммунистов к власти: политическую незре-

¹ См.: *Г. Курдецов. У ворот Петрограда (1919-1920 гг.)*. – Берлин, 1921. Я беседовал с Карташевым в Русском богословском институте в Париже в январе 1959 года, за год до его кончины. К сожалению, этот 83-летний человек, вместо того чтобы отвечать на вопросы о гражданской войне, прочитал мне страстную проповедь о неприличном поведении Русской православной церкви, сотрудничавшей с советским правительством.

лость масс, приверженность образованных классов абстрактным формулам, повсеместное неуважение частной собственности. Большевизм, по его мнению, был не просто преходящей хворью здорового организма, как полагали противники большевиков справа и слева; это хроническое заболевание нации. «Большевизм нездоров — и как народная дикость, и как интеллигентская этикетка. Но и в том и в другом своем качестве он глубоко национален, он подготовлен всем историческим развитием народа и интеллигенции. Это — глубокая и в известной мере органическая болезнь, от которой нельзя излечиться одними лишь хирургическими средствами»². До тех пор пока население России не приобщится к культуре, уважающей достоинство личности, индивидуальную ответственность и частную собственность, кризис будет углубляться — несмотря на то, в чьих руках находится власть.

В Хельсинки Струве установил контакты с Юденичем и Карташевым, которые обращались к нему за консультациями по политическим вопросам. Но финские задворки были ему не по душе. Молодому русскому офицеру, в январе 1919 года приставленному к нему петроградским Национальным центром в качестве секретаря, Струве говорил, что намеревается отправиться в Западную Европу. Там, опираясь на остатки русской дипломатической службы, он хотел наладить постоянную связь с подпольем, действующим в советской России (предположительно Национальным центром), и склонить европейское общественное мнение в его пользу³.

В середине января 1919 года Струве, в сопровождении Бормана и Глеба (прибывшего в Финляндию тем же путем, что и отец), уехал в Лондон. 18 января шведская газета *Dagens Nyheter* сообщила о его транзитной остановке в Стокгольме. Она также опубликовала фотографию, на которой по-прежнему безбородый Струве, болезненно

² 19/1-3а.

³ Интервью с Г.И. Новицким.

щурясь, напоминает узника, только что выбравшегося из темного застенка на дневной свет. Гарольд Вильямс, встречавший его на вокзале в Лондоне, был поражен тем, насколько изменился его друг: «Эти роковые месяцы тяжело отразились на д-ре Струве. Он изнурен и измучен, сутулится более, чем обычно, а во взоре появилось какое-то новое, отсутствующее выражение, и я пока не знаю, как его интерпретировать». Пока журналист искал багаж Струве, тот разразился страстным монологом: он с ходу отверг предложенную русскими идею мирной конференции, предостерегал от распространения прокоммунистических настроений в Англии и остальной Европе в том случае, если западные государства все же пойдут на дипломатическое признание советской России, и презрительно отзывался о «красной» армии, состоявшей, по его словам, «из латышей, немногочисленных китайцев и множества хулиганов, которые служат за деньги»⁴.

Струве провел в Лондоне шесть недель, в основном в компании четы Вильямсов и русского посла К.Д. Набокова. Он присутствовал на гостевой галерее парламента во время дебатов, касавшихся взаимоотношений Британии и России⁵. Он также дал интервью о ситуации в своей стране газете *The Times*, в котором попытался опровергнуть наиболее распространенные заблуждения о большевизме. Струве просил Англию «не заигрывать с большевиками», поскольку английские рабочие, будучи менее образованными, нежели германские, подвержены их пропаганде. Профсоюзы, предостерегал он, не смогут противостоять проникновению большевизма. «Умеренного большевизма не существует», — говорил Струве.

⁴ См. репортаж Гарольда Вильямса: *Harold Williams. Toying with Leninism.* — *The Daily Chronicle.* — London. — No. 17768. — January 30, 1919.

⁵ Письмо Струве к К.Д. Набокову, 14 января 1919 (оригинал принадлежит профессору Глебу Струве); см. также: *The Times.* — London. — No. 42013. — February 1, 1919. — P. 7b.

В начале марта он отбыл в Париж, центр политической жизни русской эмиграции.

Сформировавшиеся у него в ходе этих поездок представления об отношении Запада к русской революции оказались в высшей степени негативными. Струве показалось, что европейцы плохо информированы о происходящем в России, причем не только из-за нехватки достоверной информации, но и потому, что склонны воспринимать события в искаженном свете. Более всего Струве возмущало то, что западное общественное мнение не проявляло особого беспокойства по поводу распада России как суверенного государства и многонациональной империи: на деле он обнаруживал некоторые признаки злорадства на этот счет. Даже бывшие союзники России разделяли то, что он называл «Брест-Литовской точкой зрения», то есть в целом позитивно относились к развалу Российской империи⁶. Повсюду он ощущал удовлетворение от того, что имперского режима больше нет, и связанное с этим беспокойство, не приведет ли свержение большевиков с помощью военной силы к его реставрации. В письме, направленном из Парижа Н.В. Устрялову, кадету, работавшему на Колчака и позже получившему дурную славу теоретика «национал-большевизма», он следующим образом изложил свои впечатления:

«Общественное мнение союзных стран чрезвычайно нервно относится к мысли, что подавление большевиков может привести к политической и социальной реакции... Победила в мировой войне западная демократия, и борьба с большевизмом может сейчас иметь поддержку у Запада, лишь если она ведется во имя принципов демократии.

Вот истинная разгадка той осторожности, с которой относятся союзники к правительствам противобольшевистской России и какая подчас удручает русское общественное мнение.

Нашей реакции на Западе опасаются едва ли не в той же мере, как нашего большевизма. Если последний угрожа-

⁶ #541/9.

ет мировому порядку и праву и несет с собою своеобразный модернизированный «империализм», то первая представляется существенною угрозой мировой свободе и тоже означает торжество империалистических стремлений.

Тем более что планы русских реакционных кругов нередко связываются в заграничном сознании с возможным будто бы воссозданием германофильских путей русской внешней политики»⁷.

Чего ему не удалось обнаружить на Западе, так это понимания, что исход разворачивающегося в России противостояния «белых» и «красных» самым серьезным образом скажется на судьбах самой Европы.

Практический вывод из предпринятого им анализа заключался в следующем: русские, пытающиеся свергнуть большевизм, должны апеллировать к Западу на его условиях. Иными словами, им необходимо убеждать партнеров в том, что они сражаются не за реставрацию прежнего режима, но за новую Россию — не царскую и не коммунистическую, а Россию, с которой Запад будет чувствовать духовное родство и которую, следовательно, сможет поддерживать без колебаний и страха.

В марте 1919 года, к моменту прибытия Струве в Париж, ведущей эмигрантской организацией здесь было «Сообщание русских дипломатических представителей». Эту коалицию возглавляли: первый премьер-министр Временного правительства Г.Е. Львов, ныне служивший представителем адмирала Колчака; бывший министр иностранных дел С.Д. Сазонов, выполнявший сходные функции при генерале Деникине; герой-народник 1870-х годов Н.В. Чай-

⁷ Письмо Устрялову было опубликовано в пермском журнале *Отечество* (№ 10. — 27 июля 1919), а затем перепечатано в *Петроградской правде* (В. Быстрянский. Либо большевизм, либо Великая Россия. — № 175. — 6 августа 1919). Сходные настроения обнаруживаются и в телеграмме от 4 мая 1919 года, направленной Струве чиновнику колчаковского правительства Устругову и хранящейся в архиве А. Тырковой-Вильямс. См.: Archive of A. Tyrkova-Williams. — British Museum. — ADD 54436. — Packet 2.

ковский, связанный с русским правительством в Архангельске. На заметных ролях находились также Маклаков и Савинков. Принципиальная задача Совещания заключалась в том, чтобы добиться от союзных держав признания антибольшевистских сил, действующих на территории России, в качестве законных представителей российского государства и обеспечить им западную финансовую и военную помощь. Совещание считало себя официальным зарубежным представителем российского государства, временно захваченного мятежниками, и в течение некоторого времени именно так воспринималось французским правительством. Совещание исходило из того, что намеченные им цели требуют объединения всех «белых» армий под единым командованием, которое станет легитимным носителем российского суверенитета. Кроме того, Совещание хотело, чтобы объединенное «белое движение» выдвинуло политическую и социальную программу, приемлемую для западного общественного мнения. 5 марта 1919 года Совещание выступило с программным заявлением, в котором на освобожденных территориях России гарантировались демократические выборы, равенство всех граждан перед законом, децентрализация управления (включая автономию или федеративный статус для меньшинств), социальная защита трудящихся, а также юридическое признание последствий аграрной революции, совершившейся в стране⁸. Для большей представительности участники Совещания приглашали к сотрудничеству и некоμμунистические социалистические партии, хотя подобные начинания не увенчались успехом. Русские левые политики относились к «белому делу» и всему, что с ним связано, с неодолимым подозрением и потому в годы гражданской войны предпочитали отсиживаться в стороне — в соответствии с принципом «ни Ленина, ни Деникина».

⁸ См.: *Hans von Rimscha. Der Russische Bürgerkrieg und die Russische Emigration, 1917-1921.* — Jena, 1924. — S. 53.

Обосновавшись в Париже, Струве присоединился к Совещанию в качестве уполномоченного Национального центра. Как уже говорилось, весной 1919 года наиболее острой задачей коалиции было объединение всех «белых» армий под единым началом. Подобный шаг казался желательным по соображениям как внешнего, так и внутреннего порядка. Западные политики, симпатизировавшие «белому делу» (в особенности Уинстон Черчилль), пытались объяснить русским эмигрантам, что им было бы гораздо легче обеспечивать военное и дипломатическое признание «белых» европейскими правительствами, если бы вместо нескольких региональных командующих в стране утвердился один общенациональный лидер. Внутри самой России объединение также сулило немалые выгоды — прежде всего, более четкую координацию военных усилий и появление фигуры, способной стать альтернативой Ленину.

Однако, несмотря на всю свою актуальность, консолидация была делом довольно трудным. Весной 1919 года «белые» командиры пребывали на гребне успеха: Деникин, завоевавший большую часть Украины, собирал силы для «решающего похода» на Москву; войска Юденича наступали на Петроград; Колчак готовился развернуть наступление в центральной России. Предполагалось, что человек, избранный в качестве верховного главнокомандующего всеми антибольшевистскими силами, вскоре станет правителем всей России, подобно Пилсудскому в Польше или Хорти в Венгрии. Очевидными кандидатами на данный пост были Деникин и Колчак. В некоторых отношениях притязания Деникина казались более весомыми: Добровольческая армия первая бросила вызов большевикам и по-прежнему оставалась наиболее боеспособной составляющей «белого» войска. Но Деникину явно вредила репутация консерватора и русского националиста, не привлекавшая (по причинам, подмеченным Струве) Запад. В данном смысле более предпочтительным кандидатом оставался Колчак. Бесспорно, присвоение им диктаторских полномочий в ноябре 1918 года вызвало нена-

висть социалистов-революционеров, рассчитывавших утвердить в восточной России социалистический режим, который стал бы альтернативой большевизму. Но политические и общественные ориентиры Колчака носили явно либеральный характер. Он принес торжественную клятву уважать волю русского народа, выраженную на свободных выборах. Он также отстаивал прогрессивную социальную политику и пользовался серьезной поддержкой крестьян и рабочих Сибири, чего нельзя сказать о непопулярном Деникине. В пользу Колчака говорили и стратегические соображения: действуя в центре России, его армии представляли большую угрозу для «красных», нежели деникинские добровольцы.

Учитывая все перечисленные обстоятельства, Совецание решило встать на сторону Колчака. Теперь нужно было убедить Деникина и его окружение в правильности выбранного курса, а также в том, что ему следует подчиниться адмиралу. Этому вопросу была посвящена обширная переписка между Парижем и штабом Добровольческой армии в Екатеринодаре. В конце мая в южную Россию для переговоров с Деникиным прибыла целая делегация из французской столицы. Она привезла с собой дополнительную корреспонденцию, в том числе два письма Струве, датированные 10 мая 1919 года и оказавшие, как потом выяснилось, заметное влияние на колеблющегося генерала. Первое письмо было адресовано М.М. Федорову, руководителю Национального центра в Екатеринодаре; второе — П.И. Новгородцеву, председателю местного отделения кадетской партии. (В плане членства две организации пересекались между собой.) В своих посланиях Струве энергично высказывался в пользу верховенства Колчака и переподчинения ему деникинских формирований. Касаясь Совецания русских дипломатических представителей, Струве писал Федорову, что «его главная задача и роль — привести к признанию на западе русского антибольшевистского правительства, каковым является правительство Колчака в Омске. Значение и шансы

Колчака очень возросли здесь за последнее время, и вопрос о его признании стал на реальную почву. Содействие русским силам Колчака и Деникина путем привлечения к ним реальной и моральной союзнической поддержки должно завершиться признанием русского Правительства, силы которого охватывают большевиков»⁹.

В письме Новгородцеву речь шла о том, что принятие Деникиным такого решения разом поможет улучшить как внутреннее, так и внешнее положение «белого движения»: «С признанием Колчака тем самым отвергается советская власть и становится силой, бунтующей против законной всероссийской власти. Это приобретение весьма существенное, имеющее большое практическое значение. Ждать соединения обеих армий — значит терять время»¹⁰.

Екатеринодарские отделения Национального центра и кадетской партии прислушались к аргументам Струве; в итоге действовавший при Деникине гражданский совещательный орган — Особое совещание, в котором преобладали представители этих двух организаций, решительно высказался в пользу признания Колчака верховным правителем России. На заседании Особого совещания, состоявшемся 11 июня, один из выступавших, Нератов, подкреплял эту позицию ссылками на «уважаемое имя Струве».

Деникину пришлось подчиниться давлению. На следующий день, 12 июня 1919 года, на прощальном обеде в честь отбывающего английского генерала, он, к изумлению присутствовавших, объявил о готовности признать Колчака верховным правителем России. Рассказывая об этом Струве, Федоров говорит, что «момент объявления этого акта имел такое захватывающее драматическое значение, которое не поддается описанию»; письмо к Новго-

⁹ «Записка Н.И. Астрова об отношениях Юга с парижскими русскими политическими организациями». См.: Denikin Archive. — Archive of Russian and East European History and Culture. — Columbia University.

¹⁰ Там же.

родцеву, добавляет корреспондент, «сделало Вас живым и высоко ценимым участником нашей общей работы»¹¹.

Казалось бы, все складывается нормально, но Струве, будучи в Париже, за тысячи верст от решающих битв, по-прежнему не находил себе места. Именно по этой причине в середине сентября 1919 года, когда армии Деникина широким фронтом приближались к Москве, он принял предложение возглавить выходящую на юге России ежедневную газету *Великая Россия* — самое крупное издание на деникинской территории. В последующие несколько месяцев Струве регулярно печатал на ее страницах краткие и не всегда последовательные статьи, изобиловавшие восхвалениями храбрости и решительности, подобные тем, которые он публиковал в *Биржевых ведомостях* во время мировой войны. Наиболее значительной работой Струве того периода стал анализ причин и значения русской революции, сначала послуживший основой для лекции, прочитанной в ноябре 1919 года в Ростове, а потом вышедший в свет в качестве отдельной брошюры (#541; см. ниже, главу 8). О его пребывании на юге в последние месяцы 1919 года нам неизвестно практически ничего, за исключением единственного факта: он все более разочаровывался в Деникине и, в конце концов, поддержал оппозицию, объединившуюся вокруг генерала Врангеля.

Струве по-прежнему находился на юге, когда Добровольческая армия, дошедшая до Орла и уже видевшая золотые купола Москвы, была сначала остановлена контрнаступлением «красных», а потом беспорядочно покати-лась назад. Он наблюдал эту одичавшую толпу людей, одетых в военную форму, ужасной зимой 1920 года в Новороссийске, когда они со всех сторон текли в порт, отчаянно сражаясь друг с другом за места на русских, англий-

¹¹ Письмо Федорова к Струве, Екатеринодар, 31 мая 1919. См.: Hoover Institution Archives. — Russia. — Posol'stvo. — France. — Box no. 12, correspondence with P.B. Struve.

ских и французских кораблях под круглосуточным обстрелом, который обрушила на город «красная» артиллерия. Он видел тифозные опустошения, унесшие его новороссийских друзей, среди которых были Богдан Кистяковский и Евгений Трубецкой. Некоторых из них Струве хоронил сам, не зная, удастся ли уцелеть в следующую волну эпидемии. Те кошмарные дни навсегда запечатлелись в памяти выживших.

В разгар всех этих напастей он нашел в себе силы написать некролог деникинскому режиму, оказавший впоследствии значительное влияние на преемника Деникина, генерала Врангеля, а также на ведущего оппонента «белого движения» в эмигрантских кругах Милюкова¹². В этом любопытном эссе ответственность за поражение возлагается в основном на ошибки военных, в то время как политические и социальные факторы, в которых обычно усматривают причины краха, полностью игнорируются. И тогда, и позже Струве был убежден, что борьбу за Россию ведут между собой два меньшинства, тогда как основная масса населения остается равнодушной к происходящему и склоняется на сторону тех, кто берет верх в данный момент. По его мнению, большевикам в 1917 году удалось захватить власть только потому, что они были лучше организованы; отсюда следовало, что одолеть их сумеет сила, столь же (или даже лучше) организованная. Решающим фактором здесь выступало не количество, а качество живой силы. Размышляя над тем, как развивалась Добровольческая армия в 1918–1919 годах, он отмечал неуклонную тенденцию жертвовать качеством ради количества. Именно такая политика, по мнению Струве, привела к катастрофе. Первоначально Добровольческая армия, рождение которой он лично наблюдал двумя годами ранее, была вдохновляемым об-

¹² «Смысл происшедшего на Юге России». – Miliukov Archive. – Archive of Russian and East European History and Culture. – Columbia University. См. также #554/359 и ср. с работой *К.Н. Соколова*: Правление генерала Деникина (Из воспоминаний) (София, 1921), в особенности со стр. 239–241, посвященными последним дням Деникина.

щей идеей элитным подразделением, которое, благодаря своему качественному превосходству, могло снова и снова побеждать численно превосходящего неприятеля. Но по мере расширения отвоеванной у большевиков территории Деникин приступил к созданию большой армии, основанной на призыве. В результате численность его вооруженных сил заметно увеличилась, но при этом они утратили былую дисциплину и мораль. Некогда элитные корпуса превратились в обмундированных бандитов, готовых грабить и насилловать, но мгновенно терявшихся при малейших признаках опасности. (Нечто подобное, полагал Струве, происходило и в «красной» армии: по его словам, в октябре 1919 года Деникин говорил ему, что исход гражданской войны будет решен тем, какая армия — «красная» или «белая» — развалится быстрее.) Допускались и другие ошибки — например, наделение военнотружущих земельными участками, резко обострившее отношения с крестьянством, или излишняя доверчивость по отношению к ненадежным казакам, — но в целом средоточием проблем оказались мораль и дисциплина добровольцев.

Исходя из этих предпосылок, Струве наметил план военной реформы. На данном этапе, полагал он, политические программы и лозунги не имеют первостепенного значения — их следует отложить до той поры, пока не будут проведены насущные преобразования в военной сфере. «Белые» должны незамедлительно улучшить качество своих воинских формирований, что означает восстановление порядка и дисциплины. В Новороссийске и в Крыму необходимо основать новые, компактные и более подготовленные к обороне базы. Зависимость от казачества следует сократить. Только после этого армии можно будет заняться политическими и экономическими проблемами, заявив о своей приверженности восстановлению монархии и признав итоги аграрных преобразований 1917 года.

Несмотря на поражения, свидетелем которых ему довелось быть зимой 1919–1920 и которые вскоре поколе-

бали даже самых преданных приверженцев «белого дела», Струве не впал в уныние. Предпринятый им анализ краха Деникина убеждал в том, что причины неприятностей вполне определены, а следовательно, и исправимы. Кроме того, мировая война и дальнейшие события демонстрировали категорическую непредсказуемость жизни: нередко победитель и побежденный менялись местами за одну-единственную ночь. С возрастом, став более искушенным, Струве больше не верил в «непреодолимые силы истории», столь завораживающие его в юности: «Наше время мало пригодно для прорицаний. Человечество, все видимые руководители его судеб, живут в коротких отрезках времени. Людей окружают необозримые развязавшиеся стихийные силы, то вырастающие высоким валом, то падающие в политическом океане и уступающие другим силам, меняющим направление событий»¹³. Недовольство, тлеющее под монолитной скорлупой коммунистической России, в любой момент могло выплеснуться наружу и поглотить советское государство. Поэтому нужно было сосредоточиться на самом принципиальном из насущных вопросов — на реконструкции побежденной армии.

Решение этой задачи требовало нового лидера. Колчак, на которого Струве и его единомышленники возлагали такие надежды, сошел со сцены: в январе 1920 года он оказался в руках большевиков и через месяц расстрелян¹⁴. Деникин по-прежнему командовал на юге, но он был полностью дискредитирован и не мог сохранить свой пост. В его предстоящем уходе Струве не усматривал особой потери. Он не считал Деникина настоящим вождем, поскольку тот не интересовался своими подчиненными. Из-за своего безразличия — он жил «как улитка в своей скорлупе»¹⁵ — Деникин закрывал глаза на коррупцию и

¹³ *Великая Россия*. — № 74/486. — 29 июля/11 августа 1920.

¹⁴ 26/2-9.

¹⁵ Глеб Струве (ред.). К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России. — *Мосты*. — № 15. — 1970. — С. 415.

разложение, в конце концов погубившие армию. Человеку, шедшему ему на смену, кто бы он ни был, предстояло внимательнее относиться к людям и проявлять лидерские наклонности. По возможности ему следовало бы также разбираться в политике и экономике, чего Деникин, как почти все офицеры старой школы, совсем не умел делать.

Данным требованиям соответствовала единственная фигура — барон П.Н. Врангель, с которым Струве связывал теперь все свои упования. Врангель, которому не было еще и сорока, проявил выдающиеся способности, командуя кавказскими частями Добровольческой армии. Его стратегическое чутье было подтверждено настоятельными (и отвергнутыми) рекомендациями, которые представлялись Деникину летом 1919 года: Врангель тогда предлагал пожертвовать наступлением на Москву ради укрепления слабого тыла и соединения с Колчаком. Амбициозный и даже резкий по своим манерам, высокомерно аристократичный по внешности, Врангель производил порой неблагоприятное впечатление, но при этом пользовался уважением офицеров за личную порядочность и храбрость. Деникин его терпеть не мог. Острая критика, с которой Врангель обрушивался на военную и административную практику Деникина, раздражала командующего до такой степени, что в определенный момент он решил вовсе разорвать отношения с мятежным бароном. В феврале 1920 года, убежденный, что Врангель злоумышляет против него, он отобрал у барона и его ближайших сподвижников воинские части и приказал им покинуть территорию Добровольческой армии. Врангель решил обосноваться в Константинополе¹⁶.

Нам неизвестно, каким образом Струве удалось покинуть Новороссийск до захвата города «красными». Скорее всего, он отплыл на одном из тех судов, которые

¹⁶ О ссоре Деникина и Врангеля см.: П.Н. Врангель. Записки. — Белое движение. — V. — С. 276-301; А.И. Деникин. Очерки русской смуты. — V. — Париж, 1926. — С. 336-339.

англичане прислали из Константинополя для эвакуации русских беженцев. Как бы то ни было, в марте 1920 года он был в Турции. В течение нескольких недель он часто встречался с Врангелем; они подолгу беседовали в кофейнях¹⁷. Струве, как уже говорилось, стал почитателем барона еще в России. (Зимой 1919–1920 в Новороссийске оба некоторое время даже жили в одном железнодорожном вагоне.) Теперь, сойдясь с Врангелем поближе, Струве стал еще сильнее восхищаться его характером и умом. Он полагал, что барон превосходит прочих русских офицеров благодаря «чрезвычайной эластичности, высокой культурности и сильной личной восприимчивости»¹⁸. (Позже, после кончины Врангеля, Струве называл его одним из самых одаренных лидеров «белого движения», в личности которого сочетались выдающиеся воинские и политические таланты, ставившие его в один ряд с такими видными сынами России, как Н.С. Мордвинов, П.Д. Киселев, Н.Н. Муравьев-Амурский, С.Г. Строганов, Я.И. Ростовцев и М.Т. Лорис-Меликов.¹⁹) Но тогда, в Турции, ни тот, ни другой даже не предполагали той будущности, которую судьба уготовила Врангелю; в те дни барон всерьез считал, что его воинская карьера закончена, и готовился навсегда поселиться в Югославии²⁰.

Пока Струве и Врангель вели разговоры за турецким кофе, в Крыму, куда перебрались остатки Добровольческой армии, разворачивался последний акт деникинской драмы. 2 апреля 1920 года, будучи неспособным и дальше отбиваться от своих подчиненных, Деникин ушел в отставку. Опрос генералов показал, что они единодушно желают возвращения Врангеля в качестве его преемника. Об этом волеизъявлении узнали в Константинополе: со-

¹⁷ П.Н. Врангель. Записки. – С. 302-303.

¹⁸ Г. Струве. К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России. – С. 415.

¹⁹ 33/6-1а.

²⁰ В. Оболенский. Крым при Врангеле. – *На чужой стороне*. – IX. – 1925. – С. 6.

ответствующую телеграмму Врангелю передал глава британской дипломатической миссии. Врангель немедленно сел на корабль, предоставленный в его распоряжение англичанами, и на следующий день, 3 апреля, прибыл в Севастополь. 4 апреля он принял командование Добровольческой армией.

Положение нового командующего было незавидным. В Крыму скопилось от 100 до 150 тысяч солдат, причем пять шестых из них были ранены или больны; здесь же находились 400 тысяч гражданских беженцев. Маленький полуостров не мог выдержать такой нагрузки. Будущее армии всецело зависело от поддержки союзников, а она становилась все менее ощутимой. В день отплытия из Константинополя Врангелю передали полученный из Лондона жесткий ультиматум, требовавший от Добровольческой армии прекратить «неравную борьбу» (то есть капитулировать); в случае подчинения британское правительство обещало предоставить политическое убежище верхушке «белых» и договориться с советскими властями об амнистии в отношении их подчиненных. Отказ, говорилось в документе, будет означать полное прекращение английской помощи. Французы, которые были заинтересованы в свержении большевистского режима гораздо больше англичан, ультиматум не поддерживали, но, учитывая состояние французской экономики и общественные настроения, на их содействие тоже не стоило полагаться. Мужественно приняв создавшееся положение, Врангель потребовал (и добился) от своих генералов права начать с союзниками переговоры об эвакуации армии. Затем, действуя энергично и решительно, он восстановил на полуострове военную дисциплину и гражданский правопорядок.

Струве оказался настолько неготовым к внезапным переменам в жизни Врангеля, что когда последнего призывали к командованию, отсутствовал в Константинополе. Узнав об этой новости, Струве поспешил в Крым. Прибыв на место 11 апреля, он успел как раз к формированию нового правительства. Врангель предложил Струве пост на-

чальника управления иностранных дел — это оказался единственный министерский пост, который Струве когда-либо занимал. (В октябре 1920 года, с тем чтобы дать ему возможность вести полноценные переговоры с французским правительством, Струве наделили также полномочиями министра финансов²¹.) В его распоряжении находилась сильно урезанная, но вполне работоспособная сеть русских посольств в основных мировых столицах, которая продолжала функционировать, ибо к тому моменту ни одна великая держава не признала советское правительство. На пост своего заместителя Струве пригласил Григория Трубецкого, опытного дипломата и, по-видимому, самого близкого политического единомышленника. Струве участвовал также в гражданском управлении Крымом, хотя, судя по имеющимся записям, довольно редко посещал сессии созданного Врангелем Совета²². Врангелевское правительство испытывало острую нехватку квалифицированного гражданского персонала: лишь немногие из десятков тысяч интеллектуалов, бывших чиновников и предпринимателей, нашедших приют в Берлине, Париже или Белграде, были готовы выносить лишения и опасности прифронтовой жизни, защищая дело, которое тогда казалось безнадежным. Так и получилось, что последняя попытка спасти остатки России, созданной Петром Великим, легла на плечи двух потомков прибалтийских немцев²³.

Оценка ситуации в Крыму самим Струве, выраженная в его письмах русскому послу в Париже Маклакову,

²¹ См. интервью с П.Б. Струве: *Общее дело*. — № 111. — 3 ноября 1920. — С. 1.

²² Протоколы заседаний Совета имеются в архивах Гуверовского института: General Wrangel's Personal Archives. — File no. 4. — Hoover Institution.

²³ Кривошеин, ранее отказавшийся войти в денкикинское правительство, выполнял для Врангеля некоторые дипломатические поручения в Париже, а 2 июня 1920 прибыл в Севастополь. См.: *Руль*. — Берлин. — № 290. — 30 октября 1920. — С. 5; *К.А. Кривошеин*. А.А. Кривошеин. — Париж, 1973. — С. 312-317.

которые были датированы апрелем 1920 года, сводилась к следующему. Международная обстановка настолько нестабильна, а внешнеполитическое положение советской России шатко, что коренные перемены могут произойти в любой момент. Удерживая за собой даже маленький кусочек исторической России, Добровольческая армия сможет задействовать преимущества будущих кризисов в стане большевиков и использовать этот анклав в качестве трамплина для возвращения себе всей страны. Но для реализации подобной перспективы следует предпринять несколько конкретных шагов. Во-первых, необходимо превратить Крым в несокрушимую крепость. Во-вторых, с помощью социальных и экономических реформ нужно сделать полуостров оазисом стабильности, а его лидера — действенной альтернативой Ленину. Данная задача требовала серьезных уступок русскому крестьянству и национальным меньшинствам (в особенности — казакам), представлявшим собой ключевые и наиболее разочарованные слои советского населения²⁴. Общая концепция, вдохновлявшая Струве, напоминала схему, реализованную Чан Кайши в 1949 году, после эвакуации его армии на Тайвань. Принципиальное отличие, однако, заключалось в том, что Крым был не островом, но всего лишь полуостровом, уязвимым перед нападением с суши. В сфере внешней политики, полагал Струве, правительству Врангеля следовало сосредоточиться на попытках предотвратить примирение между союзниками и большевиками. Западные державы, налаживающие отношения с Москвой, надо убеждать в том, что диалог с Лениным не принесет им никакой пользы: ни международной стабильности, которая Москву явно не интересовала, ни продовольственных и сырьевых ресурсов, которых отчаянно не хватало самой

²⁴ Г. Струве. К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России. — С. 415-419; см. также: Richard Pipes (ed.). *Les Relations diplomatiques du Gouvernement Wrangel en Crimée (1920)*. — *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. — IV. — no. 4. — 1963. — P. 406.

России. В итоге он высказывал умеренный оптимизм. «Сейчас люди осторожные говорят: “появилась надежда”, — писал он Маклакову, — тогда как они же еще недавно говорили о полной безнадежности»²⁵.

Ожидания Струве, которые в апреле 1920 года показались бы не слишком реалистичными всем, за исключением самых неисправимых оптимистов, уже через месяц выглядели совсем иначе. Произошло это благодаря войне между Польшей и советской Россией. Отношения двух стран начали ухудшаться с начала года, а к весне маршал Пилсудский, в свое время отказавшийся координировать военные операции с Деникиным, заключил союз с украинскими националистами. В апреле 1920 года вооруженные стычки, происходившие по всей протяженности границы вот уже полгода, вылились в полномасштабную войну. Польско-украинские войска энергично продвигались вглубь советской территории: 9–10 мая они выбили «красную» армию из Киева и начали наступление на Одессу. Перед лицом возникшей опасности Троцкий был вынужден вывести с подступов к Крыму и бросить в бой войска, подготавливаемые для наступления на Врангеля. Оставшиеся у полуострова части коммунистов перешли к обороне.

Неожиданное развитие событий, вполне укладывавшееся, впрочем, в прогнозы Струве, предоставило Врангелю возможности, которые казались недостижимыми еще месяц назад, когда барон вступал в должность главнокомандующего. Вместо того чтобы вести арьергардные бои с превосходящими силами противника, готовясь при этом к эвакуации, он мог теперь перейти в наступление. В первую очередь его привлекала Северная Таврия — примыкавший к Крыму богатый сельскохозяйственный регион, зерновые запасы которого позволяли Врангелю прокормить вверенное ему население. Интерес представляли также казачьи территории. Война между большевистской Россией и

²⁵ Г. Струве. К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России. — С. 415.

Польшей давала ему и дипломатические преимущества. На стороне поляков выступила Франция, а способность Врангеля оттянуть на себя часть «красных» дивизий повысила его значение в глазах Парижа и, соответственно, позволяла надеяться на получение военной и экономической помощи. Стремясь воспользоваться предоставленным шансом, Врангель начал подготовку к широкомасштабному наступлению. Задачей-минимум было объявлено завоевание Северной Таврии и некоторых казачьих земель, задачей-максимум — освобождение всей России от коммунистов. Об идее эвакуации Крыма тихо забыли.

В связи с описанными планами Врангель отправил Струве с дипломатической миссией в Западную Европу, где в пользу барона в течение уже нескольких недель активно работал А.В. Кривошеин. Перед Струве были поставлены следующие цели: добиться от французов существенной помощи оружием и деньгами; не допустить, чтобы англичане сорвали предстоящее наступление; договориться о взаимодействии с поляками; воздействовать на западное общественное мнение в пользу «белого дела».

Струве отплыл из Севастополя в середине мая и после краткой остановки в Константинополе пересел на французский военный корабль, доставивший его в итальянский порт Бриндизи. Отсюда он через Рим проследовал в Париж²⁶. Оказавшись во французской столице, Струве незамедлительно взялся за дело. С помощью газетных интервью и публичных выступлений он пытался развенчать предубеждения и иллюзии Запада в отношении ситуации в России. Особый упор он делал на два обстоятельства. Прежде всего Запад не должен обманываться, полагая, будто признание советской России принесет какие-то политические или экономические выгоды. По самой своей природе большевистский режим является дестабилизирующей силой: идеология и неразрешимые внутренние проблемы будут подталкивать его к экспансионистской поли-

²⁶ См. архив Маклакова: Maklakov Archive. – Hoover Institution. – V/1.

тике. Кроме того, советское правительство не располагает излишками сырья или продовольствия, которые можно было бы предложить западным странам. Если же западные державы все-таки признают легитимным режим, отказавшийся от внешних обязательств российского государства и конфисковавший иностранную собственность, то правительство, которое придет на смену большевикам, столкнется с «огромными психологическими проблемами». Второй темой, которую активно развивал Струве, была прогрессивная сущность врангелевского правительства. Он заверял свою аудиторию, что Врангель согласился с итогами произошедшей в России земельной революции, что он является приверженцем демократической формы правления и признает права национальных меньшинств, которым собирается предложить федерацию, основанную не на силе, но на экономической выгоде. Врангель, по его словам, полностью осознавал нужды и потребности русского крестьянства, удовлетворение которых считал своей первейшей заботой²⁷.

В своей публичной деятельности Струве тесно взаимодействовал с Владимиром Бурцевым, прославленным разоблачителем провокатора Азефа и одним из немногих русских социалистов, с началом гражданской войны безоговорочно поддержавших генералов против большевиков. Бурцев издавал в Париже еженедельник *Общее дело*, который теперь превратился в ежедневную газету, фактически ставшую органом — правда, весьма критичным, — врангелевского правительства²⁸. С помощью Бурцева Струве расширил деятельность Русского пропагандист-

²⁷ См.: Внутренняя и внешняя политика ген. Врангеля. — *Общее дело*. — № 77. — 2 июля 1920. — С. 2; Из архива П.Б. Струве. — *Возрождение*. — № 231. — 1971. — С. 108-115.

²⁸ В архиве барона Врангеля имеется перечень субсидий, выплаченных Бурцеву с ноября 1920 по март 1922 года. См.: Baron Wrangel's Personal Archives. — Hoover Institution. — File no. 38. — P. 510. Среди постоянных авторов *Общего дела* были Иван Бунин, Александр Куприн, Леонид Андреев, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус.

ского бюро, открыв несколько филиалов этой организации в различных европейских столицах. Позже Врангель высказывал удовлетворение достижениями Струве в данной сфере, тем более знаменательными, что информация из России, принимаемая на Западе в годы гражданской войны, исходила в основном из большевистских источников²⁹.

В своих менее заметных дипломатических делах Струве полагался на помощь Маклакова и двух видных французских политиков: Мориса Палеолога, бывшего французского посла в Санкт-Петербурге, и Эжена Пети, руководителя канцелярии премьер-министра Мильерана, которого Струве знал еще с 1890-х годов³⁰. Эти люди организовали для Струве аудиенцию у Мильерана. Встреча состоялась 8 июня 1920 года, в тот самый день, когда врангелевские части начали успешное наступление на позиции «красной» армии. Премьер-министр заверил Струве, что Франция по-прежнему верна «белому делу». Что касается британского правительства, то последнее, по его мнению, отнюдь не является столь враждебным, как можно предположить на основании некоторых его шагов: это, как высказался Мильеран, просто «дружеские советы, которыми нельзя воспользоваться». Он предложил русским не отвергать британские рекомендации о переговорах с большевиками, по крайней мере до тех пор, пока территориальная целостность Крыма и казачьих земель не будет обеспечена, а Кавказ не будет «очищен» — по-видимому, от местных националистических правительств. Мильеран старался убедить Струве в том, что Врангель с большей легкостью получит западную помощь, если на подконтрольных ему территориях будет проводиться «ясная и твердая политика» и если он договорится с поляками³¹. Во

²⁹ П.Н. Врангель. Записки. — Белое движение. — VI. — С. 107. См. также: Н. von Rimscha. Der Russische Bürgerkrieg... — S. 58-59. О Русском пропагандистском бюро см.: Великая Россия. — № 1/413. — 2 мая 1920.

³⁰ #660/201 прим. — 202 прим.; интервью с госпожой Пети.

³¹ R. Pipes (ed.). Les Relations diplomatiques du Gouvernement Wrangel en Crimée (1920). — Doc. no. 7. — P. 410-412.

время пребывания в Париже в июне 1920 года Струве сотрудничал также с Борисом Савинковым, который комплектовал из русских эмигрантов добровольческие группы, отправлявшиеся воевать против «красных» на стороне поляков и украинцев³².

В ответ на пожелания французского премьера Струве передал ему ноту, в которой разъяснялась аграрная, национальная и конституционная политика Врангеля. В документе затрагивались также вопросы внешней политики. В нем принимался принцип достигаемого через посредников перемирия с советской Россией на условиях территориальной целостности Крыма, казачьих территорий и Кавказа³³. Предполагалось, что нота Струве подготовит французов, а возможно и англичан, к признанию правительства Врангеля в качестве легитимной власти «Южной России».

Если во Франции миссия Струве была относительно успешной (даже несмотря на то, что ему не удалось получить от французов твердые гарантии военной и финансовой поддержки), в Англии она завершилась полным провалом. Наступление Врангеля, которое грозило прервать деликатные торговые переговоры с Москвой, настолько разозлило англичан, что они немедленно отозвали из Крыма свою военную миссию и поручили своему представительству в Константинополе задерживать все британские и русские суда, доставляющие грузы в Крым³⁴. Струве, прибывшего в Лондон в середине июля, ждал исключительно холодный прием. Ему отказали в статусе дипломатического представителя³⁵, и ни один чи-

³² *Разгром Врангеля. Сборник статей.* – М., 1930. – С. 44.

³³ П.Н. Врангель. Записки. – *Белое движение.* – VI. – С. 107-109. Нота Струве датирована 20 июня 1920 года.

³⁴ R. Pipes (ed.). *Les Relations diplomatiques du Gouvernement Wrangel en Crimée (1920).* – Doc. no. 6. – P. 410.

³⁵ См. документ, датированный 12 июля 1920 года: Maklakov Archive. – Hoover Institution. – V/2. См. также: *Красный архив.* – Т. 2/39. – 1930. – С. 21.

новник не согласился принять его. Если не считать публикации его интервью о политике Врангеля в *The Times* за 10 июля, его просто проигнорировали.

Пока Струве находился в Лондоне, ход войны в Восточной Европе внезапно изменился к худшему. Генерал Брусилов, некогда командовавший русскими армиями, а теперь служивший у большевиков, сумел остановить польско-украинское наступление, а затем контратаковать и отбросить наступавших. К середине июля казалось, что «красным» удастся не только вытеснить силы вторжения с русской земли, но и оккупировать Польшу, по территории которой они стремительно продвигались. Это обеспокоило англичан, заставив их занять более жесткую позицию в отношении Москвы. 11 июля британское правительство направило советской России ноту, в которой, среди прочих пунктов, содержалось предложение начать в Лондоне мирные переговоры между Польшей и большевиками. Мимоходом затрагивалась и крымская проблема: о судьбе полуострова также предлагалось начать переговоры. По замыслу англичан, после отвода войск Врангеля в Крым в этих переговорах примет участие и представитель барона, правда, не в качестве дипломата, а как частное лицо, озабоченное гуманитарным аспектом ситуации — судьбой военных и гражданских беженцев³⁶.

Если бы Москва приняла британское предложение, все надежды на утверждение в Крыму альтернативного русского правительства погибли бы. Чтобы не допустить этого, Струве отправился в Спа, бельгийский городок, где Высший Совет союзных держав собрался для обсуждения международной обстановки, включая советскую угрозу Польше. Очевидно, он надеялся, ис-

³⁶ *Richard H. Ullman. Anglo-Soviet Accord. – Princeton, N.J., 1972. – P. 135-183; R/ Pipes (ed.). Les Relations diplomatiques du Gouvernement Wrangel en Crimée (1920). – Doc. no. 10. – P. 414; The New York Times. – July 15, 1920. – P. 15:3.*

пользуя поддержку Мильерана, добиться для представителя Врангеля полноценного дипломатического признания на предстоящей лондонской конференции. В Спа он выступил в нотой, в которой утверждалось, что правительство генерала Врангеля имеет такое же право на признание союзниками, как и любое другое политическое образование, возникшее на территории бывшей Российской империи, и по этой причине оно также должно быть приглашено в Лондон. Далее, предвосхищая британское давление, Струве заявлял о том, что было бы нереалистично требовать от Врангеля отказа от недавно им завоеванной Северной Таврии, поскольку без этого региона и его хлебных запасов прокормить растущее население Крыма невозможно³⁷. Вероятно, Струве встречался здесь с Мильераном, который рекомендовал вывести войска из Северной Таврии в обмен на приглашение на лондонскую конференцию. В докладной записке, направленной в Крым 17 июля, за день до окончания форума в Спа, Струве писал Врангелю, что разгром польских войск очень скоро заставит крымские части принять на себя удар всей «красной» армады и что в свете складывающейся ситуации настаивать на сохранении захваченных территорий просто неразумно³⁸.

Положение дел действительно представлялось весьма мрачным. Единственным утешением, которое принесла советская агрессия в Польше (где к концу июля Москва сформировала Революционный комитет Польской советской республики во главе с небезызвестным Феликсом Дзержинским, претендующий на роль временного правительства Польши), стал тупик в торговых переговорах между Россией и Англией. Несговорчивость «красных» немного отсрочила неминуемое прими-

³⁷ См.: Maklakov Archive. – Hoover Institution. – V/2; *The New York Times*. – July 20, 1920. – 1:4.

³⁸ R. Pipes (ed.). *Les Relations diplomatiques du Gouvernement Wrangel en Crimée (1920)*. – Doc. no. 10. – P. 414.

рение Запада с Москвой. Именно политика большевиков заставила французов открыто выступить на стороне Врангеля. 20 июля, через несколько дней после того, как Советы отвергли британские инициативы, Мильеран информировал Струве о готовности Франции признать правительство Врангеля в качестве фактической власти на юге России. Подобное признание влекло за собой принятие принципа «двух Россией», который отстаивал Струве. При этом, однако, французы выдвигали несколько условий: Врангель должен взять на себя ответственность за долю государственного долга прежней России, пропорциональную территории, которую занимали его армии; он должен признать собственностью крестьян землю, захваченную ими во время революции; его правительству надлежит учредить демократические институты³⁹. Нам не совсем ясно, как правительство, управлявшее небольшим кусочком бывшей России, населенным татарами, солдатами и беженцами, могло возложить на себя столь серьезные обязательства, но Мильерану явно требовались гарантии, которые необходимо было предъявить французскому общественному мнению. Струве немедленно известил Врангеля о французских условиях и через три дня получил телеграмму, подтверждающую их принятие. Тем не менее французское признание было отложено еще на три недели, очевидно, из-за нежелания мешать британско-советским торговым переговорам. Как только переговоры провалились, руки французов оказались развязаны, и 10–12 августа 1920 года они признали правительство Врангеля *de facto*. Этот шаг, предпринятый, вероятно, без консультаций с Лондоном, стал мировой сенсацией⁴⁰.

Завершив свою работу, Струве 6 августа покинул Париж и после двухнедельного путешествия через Бел-

П.Н. Врангель. Записки. – Белое движение. – VI. – С. 128.

См.: Maklakov Archive. – Hoover Institution. – V/2; *The New York Times*. – August 12, 1920. – 1:7-8.

град, Софию, Варну и Константинополь добрался до Севастополя. Его первая дипломатическая миссия оказалась успешной лишь наполовину: ему не удалось склонить англичан на сторону Врангеля и добиться от французов твердых гарантий помощи, но в то же время он обеспечил частичное французское признание и помог созданию в Западной Европе более выгодного для Врангеля информационного климата.

Ситуация в Крыму показалась ему обнадеживающей. В письме Маклакову от 9 августа 1920 года он восторженно описывал достижения Врангеля и выражал уверенность в будущем. Вероятнее всего, источником его оптимизма был расчет на то, что упрямство Советов предотвратит сближение союзников с Москвой и заставит Запад задуматься об альтернативном русском правительстве. Подобно Черчиллю, он полагал, что политические деятели и общественное мнение европейских стран рано или поздно поймут, насколько смертельную угрозу ценностям и интересам Европы представляет коммунизм. Мир, в его понимании, втягивался в беспощадную борьбу, в которой «национальный принцип противостоял интернационализму, собственность — коммунизму, а законность — беззаконию, возведенному в рамки закона».

«Этот конфликт неизбежен: покончить с ним может только ниспровержение противокультурной силы международного коммунизма. Ибо если даже кто-то рассуждает о “завершении гражданской войны”, говорить об этом можно лишь в смысле прекращения или приостановки военных операций, которые ведутся организованными вооруженными формированиями, но ни в коем случае не об окончании борьбы между интернациональным коммунизмом и национальной государственностью, основывающейся на праве и собственности. Эта борьба не прекратится ни при каких обстоятельствах, и первое поколение борцов завещает ее своим детям и внукам — до самой победы. Отстаиванием идей и идеалов не пре-

небрегают ради удобства. В таких делах всегда идут до конца»⁴¹.

Безусловно, Струве чувствовал удовлетворение от того, что ему довелось лично участвовать в возрождении «белого движения» после казавшихся фатальными потрясений. Правительство Врангеля, в котором он играл видную роль, за короткое время не только восстановило законность и порядок на подконтрольной территории, но и всерьез занялось двумя основными проблемами русской революции — аграрной и национальной, — которые намеревалось решить рационально и реалистично. Режим Врангеля, вне всякого сомнения, оказался единственным из появлявшихся в ходе гражданской войны «белых» режимов, которому удалось сочетать эффективное управление с готовностью заниматься долгосрочными нуждами страны. И это правительство несколько не виновато в том, что его политика уже не могла повлиять на окончательный итог противостояния; общее поражение «белых» ничуть не преуменьшает заслуг людей, в этом правительстве работавших.

⁴¹ Рукописный текст лекции, с которой Струве выступил 29 августа 1920 года в Севастополе на конференции политических и общественных деятелей, передан мне Аркадием Борманом. См. также: Беседа с П.Б. Струве. — *Великая Россия*. — № 74/486. — 29 июля/1 августа 1920. Данный пассаж интересно сопоставить с выступлением Уинстона Черчилля, произнесенным 14 февраля 1920 года, в ходе предвыборной кампании, в которой он отстаивал необходимость дальнейшей поддержки антибольшевистских сил в России: «Единственное, о чем я сожалею... — это то, что мы не способны делать больше. Я боюсь, что в будущем, причем в ближайшем будущем, союзным державам придется заплатить немалую цену за успехи большевиков. В мировой истории подобные вещи всегда искупались дорогой ценой. ...Трудно сказать, что в конечном счете сварится в русском котле, но у меня почти нет сомнений, что вышедшее оттуда нечто принесет зло Британии, Франции и Соединенным Штатам» (*The Times*. — London. — February 16, 1920. — P. 7:1-2). Черчилль, однако, желал не возобновления конфронтации с Россией, но разумного мира с побежденной Германией, который не позволил бы ей пасть в руки большевиков.

В начале октября 1920 года Струве вновь упаковал чемоданы и отправился в Париж. На этот раз ему предстояло вести переговоры о военных поставках. С собой он взял генерала Я.Д. Юзефовича, который должен был занять пост военного представителя Врангеля в Варшаве. Миссия Струве рассчитывалась на несколько недель, но, как оказалось, ему больше никогда не довелось ступить на русскую землю. Отъезд из Севастополя 6 октября 1920 года стал началом пожизненного изгнания⁴².

Переговоры с французами, происходившие в октябре-ноябре, не принесли практических результатов, но они интересны в том плане, что позволяют пролить свет на отношения французов, самых стойких союзников «белых», к своим русским друзьям. По прибытии в Париж Струве узнал, что французское правительство готово предоставить Врангелю значительные объемы вооружения и амуниции на общую сумму 100 миллионов франков (по курсу того времени это составляло 2,5 миллиона долларов США). Данная сумма, однако, немедленно сокращалась на 29 миллионов франков, ранее предоставленных в долг Деникину, и еще на 11 миллионов, которые Врангель в начале года получил в качестве аванса. Для того чтобы погасить производимые французами поставки, Врангелю нужно было продать, исходя из мировых цен, половину крымского экспорта пшеницы, угля, шерсти, табака и прочих товаров; причем половина этих затрат ушла бы на погашение предыдущих долгов Деникина и самого Врангеля. Взамен он получил бы на 60 миллионов франков залежавшееся на складах французское оружие, а также вооружение, захваченное союзниками у турок и болгар⁴³. По словам историка, речь

⁴² Примерно в то же время (в октябре 1920 года) Нина с тремя сыновьями перебралась в Финляндию. Предыдущие два года она провела в Алятино, скрываясь под видом прислуги. См.: Письмо Нины Струве к Маклакову, 5 октября 1920. – Maklakov Archive. – Hoover Institution. – Box 12.

⁴³ R. Pipes (ed.). *Les Relations diplomatiques du Gouvernement Wrangel en Crimée (1920)*. – Doc. no. 19. – P. 424-426.

здесь шла не о помощи, но о механизме возврата (под видом помощи и в обмен на ненужное оружие) тех денег, которые ранее были одолжены «белым»⁴⁴. К сказанному можно добавить, что французы не отказывались и от ценных сырьевых ресурсов. Такой была «безграничная», как говорят некоторые, помощь, оказанная французской «буржуазией» русским антибольшевистским силам.

Несмотря на абсурдность предъявленных условий, Струве передал их Врангелю, ожидая дальнейших указаний⁴⁵. Чтобы позволить правительству Врангеля продержаться до прибытия французской помощи, русский Торгово-промышленный союз в Париже намеревался выдать ему ссуду в 20 миллионов франков (500 тысяч долларов), но эти деньги так и не были выделены.

12 октября 1920 года в Риге поляки и советское правительство подписали соглашение о перемирии, которое положило конец войне, временно оживившей антибольшевистские силы в Крыму. Теперь положение Врангеля стало безнадежным. Позже в беседах со Струве барон говорил, что сразу же после заключения рижского соглашения он понял, что партия проиграна, и начал лихорадочно готовиться к эвакуации⁴⁶. В начале ноября он вывел свои войска из Северной Таврии, а 14 ноября в Севастополе лично координировал погрузку 130 тысяч военных и гражданских лиц на французские суда, в тот же день отбывшие в Константинополь. Сложнейшая эвакуация, блестяще проведенная в разгар непрерывных боев с наступающими «красными», вновь подтвердила военные таланты Врангеля. Сам он взошел на борт корабля последним.

Гражданская война в России завершилась, но на многие вопросы она так и не дала ответа. Наиболее сложным

⁴⁴ К.А. Кривошеин. А.А. Кривошеин. – С. 332.

⁴⁵ R. Pipes (ed.). Les Relations diplomatiques du Gouvernement Wrangel en Crimée (1920). – Doc. no. 19. – P. 424, 426.

⁴⁶ Ibid. – Doc. no. 23. – P. 430, 432.

был вопрос о дальнейшей участи 70 тысяч солдат «белой» армии, которых Врангель превратил в идейную и дисциплинированную силу. Многие из этих людей непрерывно воевали с 1914 года. Организованно эвакуировавшись из Крыма, они, с помощью французов, были расселены в Турции, Греции и Северной Африке. Первый русский корпус, размещенный в Галлиполи и составлявший основу Добровольческой армии, сумел сохранить высокий моральный дух, несмотря на исключительно неблагоприятную обстановку⁴⁷. Врангель хотел сберечь армию в неприкосновенности: она была нужна и как символ национального единства, и как инструмент, с помощью которого когда-нибудь удастся возобновить борьбу с коммунизмом. Но в этом деле он не встретил понимания французов, которые после крымской эвакуации утратили всякий интерес к «белым» и желали как можно скорее избавиться от надоевших союзников⁴⁸.

23 декабря 1920 года Струве прибыл в Константинополь для консультаций с Врангелем и Кривошеиным⁴⁹. По-видимому, он вместе с Кривошеиным пытался убедить Врангеля сохранить за собой как военные, так и по-

⁴⁷ *Hans von Rimscha. Russland jenseits der Grenzen 1921-1926. – Jena, 1927. – S. 5-7.*

⁴⁸ 11 декабря 1920 года французское министерство иностранных дел ответило на письмо Струве от 6 декабря, в котором тот протестовал против решения Франции рассматривать солдат и офицеров армии Врангеля в качестве простых беженцев. Напоминая о значительных затратах своей страны на поддержание, а потом и эвакуацию русских войск, министерство извещало Струве, что с 1 января 1921 года всякая помощь им будет прекращена. Далее министерство настаивало на том, чтобы в возмещение 100 миллионов франков, израсходованных французами на содействие «белым» во время гражданской войны, Врангель передал Франции золотой и валютный запас своего правительства, а также остатки своего флота. Оригинал этого письма находится в распоряжении Глеба Струве.

⁴⁹ См.: *Н. Чебышев. Близкая даль. – Возрождение. – № 2412. – 9 января 1932. – С. 3, 5; № 2425. – 22 января 1932. – С. 3-4; а также: П. Шатилов. Русский общевоинский союз (РОВС). – А.А. фон-Лампе (ред.). Генерал барон П.Н. Врангель. – Берлин, [1938]. – С. 170-177. Есть данные, что по пути с константинопольского вокзала в посольство Струве едва не погиб, когда с его автомобилем столкнулась груженная повозка. См.: *Н. Чебышев. Близкая даль. – 9 января 1932. – С. 5.**

литические функции. Врангель же, заявляя, что ему было вверено управление Южной Россией, ныне прекратившей свое существование в качестве политического целого, настаивал на сложении всех политических полномочий. Он согласился, однако, остаться главнокомандующим вооруженными силами и впоследствии отчаянно сопротивлялся усилиям французов раздробить его формирования и рассеять его людей. В Константинополе, вероятно, была достигнута договоренность и о дальнейшей поддержке *Общего дела*, а также возобновлении издания *Русской мысли* как органа национального движения. Позже Врангель перебрался в Югославию, где с небольшой группой генералов основал штаб русской армии в изгнании. Но в эмигрантской политике он участвовать отказался; в этом деле ведущая роль осталась за Струве.

Для Струве поражение Врангеля было тяжелым ударом. Но, исходя из своего представления о глобальном характере борьбы между свободой и коммунизмом, он считал этот провал лишь проигранной битвой, и не более. Спустя три дня после отплытия врангелевских войск из Крыма он опубликовал в *Общем деле* статью под названием «*La séance continue*»:

«Как старый борец против самовластия, я говорю сознательно и уверенно: борьба не только не сократится, она станет, наоборот, более напряженной и более глубокой, ничем не связанной в своих методах, наоборот, более гибкой и всесторонней... Обрушившийся на нас тяжкий удар отнюдь не лишает нас бодрости и веры в окончательную и даже весьма близкую победу. Сейчас, с поражением последней значительной антибольшевистской военной силы, еще резче, чем прежде, выступит мировой смысл большевизма. С исчезновением крымской цитадели сцена борьбы между большевизмом и культурой расширяется. Большевизм есть мировое явление, и судьба его будет решена только на мировой сцене»⁵⁰.

⁵⁰ 20/11-17.

Глава 8

Что же произошло?

Русская революция, понимаемая в самом широком смысле, интересовала Струве всю жизнь. В юности он размышлял о том, как не допустить ее, в зрелом возрасте — как направить ее в созидательное русло, в старости — как с ней справиться. Поэтому едва ли удивительно, что он не только активно занимался русской политикой как до, так и после 1917 года, но и постоянно анализировал причины и следствия русской катастрофы. Летом 1918 года, нелегально живя в Москве, он нашел время для редактирования сборника «Из глубины», посвященного исследованию революции и содержащего его собственную большую статью. В ноябре 1919-го, когда денкинские армии шли на Москву, развивая свое последнее и в конце концов провалившееся наступление, он выступил в Ростове-на-Дону с лекцией на ту же самую тему. А позже, в Западной Европе, во время двадцатипятилетнего изгнания, он вновь и вновь обращался к данному предмету в многочисленных статьях, многие из которых носили полемический характер. Его представления о революции, как и о прочих предметах, не были систематическими или последовательными¹. Обыч-

¹ На тему настоящей главы я опубликовал небольшую статью «Peter Struve on the Russian Revolution». См.: D. Gerhardt (ed.). *Orbis scriptus*. — Munich, 1966. — P. 633-639.

но Струве рассматривал интересующие его явления под разными углами зрения (как социолог, историк, политик и так далее). В результате в одном месте выделялся один аспект проблемы, а в другом — совершенно иной. Иногда, к примеру, он обвинял в событиях 1917 года германских «режиссеров»², а иногда — исключительно русских интеллигентов³. В большинстве случаев он настаивал на том, что корни революции уходили в глубь русской истории, но порой утверждал, что ее источник следует искать на Западе, ибо у нее не было «почвенных» основ⁴. Иногда Струве заходил столь далеко, что превозносил административные качества имперской бюрократии⁵. Но то были скорее аберрации; они не отражали основополагающей идеи, которую он пронес через всю жизнь и согласно которой революция была подготовлена всем ходом послепетровской истории и в особенности политикой, проводимой русской монархией после 1730 года.

Русские трактовки революции 1917 года делятся на две большие школы. Исследователи левоцентристского толка склонны рассматривать это явление как вторую постановку французской революции. По их мнению, в дореволюционной России существовала «феодальная» монархия, в конце концов изжившая себя. Власть, за которую она изо всех сил цеплялась, подрывалась новыми силами, нарождавшимися в экономике и социальной сфере. Анархия 1917 года и последовавшая за ней большевистская диктатура уподоблялись аналогичным событиям во Франции после 1789 года. Следовательно, и завершиться русской смуте предстоит в той же манере —

² #541/23.

³ «Если позволительно вообще говорить об ответственности разных исторических сил за происшедшую революцию, то я всегда думал, что главная ответственность в этом отношении падает все-таки на русскую интеллигенцию» (28/3-24а). См. также в этой маязи его замечания о губительном влиянии Герцена: 27/11-5а.

⁴ #558/114-115.

⁵ #539/291.

через установление синтетического режима, который откажется от крайностей революции, но одновременно упрочит ее позитивные достижения типа участия граждан в государственном управлении или массового передела земельной собственности. Подобную точку зрения отстаивал, к примеру, Павел Милюков, который в 20-е годы стал ведущим представителем социалистического и леволиберального крыла русской эмиграции. В ходе лекционного турне по Соединенным Штатам в 1921 году он представил плачевные итоги коммунистического правления в России, но в то же время просил американскую аудиторию не упускать из вида «созидательные процессы революции». «Мы являемся свидетелями рождения российской демократии на руинах прошлого, — утверждал Милюков. — Я уверен, что развитие завтрашней России не обманет тех ожиданий, которые наша великая революция пробудила в стране»⁶. Столь оптимистичное видение, основанное скорее на исторических аналогиях, а не на фактах, пользовалось в то время весьма широкой популярностью — не в последнюю очередь благодаря тому, что оно предлагало желанное оправдание многим русским эмигрантам, посвятившим себя сугубо личным делам и бросившим свою страну на произвол слепых сил истории. Практически полное неприятие русскими левыми «белого движения» основывалось на убеждении, что триумф «белых» уничтожит не только зло, но и благо революции; между тем, если вещи будут предоставлены сами себе, то разбухшие революцией здоровые демократические тенденции постепенно возьмут верх.

Русские консерваторы, со своей стороны, отвергали аналогии как с французской революцией, так и с другими событиями зарубежной истории. Они считали русскую революцию огромным несчастьем, полным крахом всей организованной жизни, за которым стояли иностранцы

⁶ *Paul N. Miliukov. Russia, To-day and To-morrow. — New York, 1922. — P. viii, 294.*

(в основном немцы) или изменившие России национальные меньшинства (евреи, латыши, украинцы). Для них единственную здравую аналогию тому, что произошло со страной в 1917 и последующие годы, представляло «смутное время». Теперь, как и в начале XVII столетия, внезапный уход со сцены монархической власти породил политический кризис и развязал многочисленные конфликты, которые (как они надеялись) неизбежно повлекут за собой подъем и мобилизацию нации. Именно такую схему сформулировал историк Сергей Платонов в своих известных исследованиях «смутного времени». Сейчас, как и тогда, писал он, силы анархии подстрекались и поддерживались иностранными державами, заинтересованными в распаде России: в 1600-х годах это были поляки, а ныне — немцы. Следовательно, сегодня, как и в то время, порядок смогут восстановить только вожди-патриоты, которые возглавят народное восстание против иностранных захватчиков и их прихвостней. Генерал Деникин отнюдь не случайно назвал свои мемуары о гражданской войне «Очерками русской смуты»: он, подобно другим «белым» генералам, считал себя новым Дмитрием Пожарским, который в 1613 году возглавил народное ополчение и изгнал поляков и их марионеточного царя. Обращение к «смутному времени» было характерно для трудов всех, кто поддерживал «белое движение» словом или делом.

Из этих двух направлений Струве, несомненно, симпатизировал последнему. Но хотя он принимал аналогию со «смутным временем» и отвергал параллели с французской революцией, едва ли можно утверждать, что господствующая консервативная трактовка разделялась им безоговорочно, целиком и полностью. В частности, Струве не одобрял присущее ей преувеличение роли заговоров или исторических случайностей; кроме того, в поведении русского народа в 1613 и 1917 годах было слишком много различий, делавших сопоставление не слишком продуктивным.

Что касается параллели между 1917 и 1789 годами, то ее он считал явно ошибочной. Русская и французская революции были принципиально разными феноменами, поскольку общества, в которых они совершались, самым серьезным образом отличались друг от друга⁷. Для Франции эпохи Бурбонов были характерны три особенности: (1) раздробленность права и порядка управления в национально и культурно объединенной среде; (2) связанность торговли и промышленности многочисленными ограничениями и (3) крайнее развитие сословных привилегий, в особенности проявляющееся в податном неравенстве сословий. В России ничего подобного не было. Россия при старом режиме всегда отличалась значительной цельностью и согласованностью административных и правовых норм. Свобода внутренней торговли восторжествовала здесь в XVIII веке, еще до начала революции во Франции. Что же касается сословных привилегий, включая различия в налогообложении, то они были упразднены до 1917 года. Таким образом, заключал Струве, «хозяйственное и административно-правовое содержание французской революции в большей его части было осуществлено в России так называемым “старым порядком”»⁸. Для того чтобы выполнить «историческую миссию» французской революции, России вовсе не требовалось переворачивать все вверх дном. Еще одно отличие заключалось в том, что во Франции философский радикализм, добившийся триумфа в 1789 году, не имел конкурентов и господствовал безраздельно, в то время как в дореволюционной России сформировалось мощное религиозное направление общественной мысли, представленное Пушкиным, Гоголем, славянофилами, Достоевским, Леонтьевым, Соловьевым и Розановым, которое активно противостояло восторжествовавшему в 1917 революционному духу⁹. В целом анало-

⁷ #558/110-112; 29/2-2.

⁸ #559/159.

⁹ #558/114.

гия с Францией оказывается несостоятельной. Позже Струве отвергнет модную в эмигрантских кругах интерпретацию, согласно которой России приписывался «коммунистический термидор», а Сталин объявлялся «советским Бонапартом». Несмотря на то, что параллели со «смутным временем» проводились Струве неоднократно¹⁰, он обращался к подобным сопоставлениям не столько с эвристической целью, сколько желая пробудить в соотечественниках стремление подражать героям 1613 года.

В конечном счете Струве полагал, что русская революция была событием *sui generis*, не имеющим прецедентов ни в отечественной, ни в мировой истории, — за исключением, вероятно, падения Римской империи. «Мы пережили *несравненные* ни с чем испытания и катастрофы, — писал он в 1935 году, когда масштабы сталинского террора еще не прояснились, — мы находимся в совершенно *несравнимых* ни с чем положениях»¹¹. Уникальным качеством русской революции стал ее беспредельно разрушительный характер. «Вообще созидательных потенций нет и не видно в русской революции»; то было «*государственное самоубийство государственного народа*», «самое *истребительное* событие в мировой истории»¹². Вопреки Милюкову и прочим левым, он не усматривал в коммунистической системе возможностей для эволюции. Русскую революцию нельзя изменить, ее можно только преодолеть. По этой причине Струве даже сомневался в том, можно ли называть «революцией» столь катастрофическое событие. В частности, в одной из статей он объявлял ее исторической аналогией того процесса, который в биологической науке называют «регрессивной метаморфозой»¹³.

¹⁰ #541/23-27; #562.

¹¹ 35/10-13.

¹² #539/300; #541/22; #562/217.

¹³ 33/3-14. Струве заимствовал данное понятие у Ж. Демура. См.: J. Demoor et al. *Evolution by Atrophy in Biology and Sociology*. — New York, 1899.

Но как подобная абсолютно нигилистическая революция стала возможной? И почему она произошла именно в России, а не где-либо еще? Обычно, отвечая на этот вопрос, исключительную жестокость русской революции объясняют низкой культурой населения, одичавшего от столетий крепостного рабства и, как саркастически говорил Троцкий, не обученного правителями хорошим манерам. Струве подобное объяснение не устраивало. Культурную отсталость русского народа он не отрицал — ведь именно для борьбы с нею в разгар революционных событий им была основана Лига русской культуры. Но в то же время такой ответ казался ему недостаточным по двум причинам. Во-первых, в XVII–XVIII веках, когда случились восстания Разина и Пугачева, русские люди были еще более некультурны, но все же разрушить государство тогда не удалось. Во-вторых, во времена английской и французской революций 1688 и 1789 годов простые англичане и французы были ненамного культурнее русских мужиков 1917 года: «У нас как-то очень легко забывают, что «культурность» народных масс там, где она налицо, и поскольку она действительно наблюдается, есть приобретение почти исключительно XIX в. и что для XVII и XVIII вв. о культурности этих масс даже у самых передовых народов Запада речи быть не может»¹⁴.

Решающим фактором, обусловившим особо деструктивный характер русской революции, Струве считал неучастие в политическом процессе двух ключевых групп российского населения — образованной элиты и крестьянства. В самом сжатом виде его диагноз звучит так: «Несчастье России и главная причина катастрофического характера русской революции состоит именно в том, что народ, население, общество (назовите, как хотите) не было в надлежащей постепенности привлечено и привлекаемо к активному и ответственному участию в

¹⁴ 539/290.

государственной жизни и государственной власти»¹⁵. Этот ключевой пассаж, написанный Струве еще в 1919 году и в различных вариациях воспроизводимый в работах последующих двадцати пяти лет, хорошо показывает преемственность его мысли. С самых первых студенческих публикаций он настаивал на том, что единственным способом преодоления всеобъемлющего кризиса, в котором находилась Российская империя, является более широкое вовлечение населения в политический процесс и соответствующее «образование» масс. Уже в «Открытом письме Николаю II», написанном в 1895 году, он предсказывал, что если режим и дальше будет настаивать на бюрократическом управлении страной в условиях абсолютного молчания общества, его ждет печальный конец¹⁶. Впоследствии, несмотря на свои идейные перемещения слева направо, он не менял взгляды на данный предмет. Таким образом, посмертный приговор, вынесенный Струве имперскому режиму, возник не на пустом месте; это было лишь подтверждение оценок, выставленных империи в период, когда последняя была еще жива и способна к переменам.

Такой диагноз, однако, требовал ответа на следующий вопрос: почему именно Россия не смогла породить такие формы центральной и местной власти, которые позволили бы гражданам участвовать в принятии политических решений и тем самым защитили бы страну от революции, подобно тому как оказались гарантированы от нее

¹⁵ 541/29-30. Позже, в 30-е годы, познакомившись с западной интеллигенцией поближе, Струве пересмотрел свои взгляды. См., например, 31/10-24, где он утверждает, что качества, некогда казавшиеся исключительно русскими, присущи, как выяснилось, представителям образованных классов всех современных наций, включая Англию и даже Соединенные Штаты. Но даже тогда он считал, что революция большевистского типа возможна только в периферийных странах типа Венгрии или Кубы, но не во Франции, Англии или Германии (32/7-30).

¹⁶ См.: *Ричард Пайнс*. Струве: левый либерал. – С. 225-226.

политически грамотные граждане Западной Европы?¹⁷ Иными словами, какие особенности национального характера или исторического опыта обрекли Россию на этот путь? Оставаясь непреклонным западником, Струве не принимал ссылки Бердяева и евразийцев на то, что «особая» революция произошла в России из-за «уникальности» самой страны. Но если Россия принципиально не отличалась от других стран, что же сделало ее революцию непохожей на остальные?

Размышляя над данным вопросом, Струве обращался к русской истории, хотя до конца разобраться с проблемой ему так и не удалось. Аномальный путь России, по его мнению, объяснялся конкретными решениями конкретных деятелей, принимаемыми в «узловых точках» русской истории. В ряду подобных событий он особо выделял конституционный кризис 1730 года, когда только взошедшая на престол императрица Анна Иоанновна, опираясь на поддержку рядового дворянства, не позволила Дмитрию Голицыну и старой знати связать корону конституционными ограничениями. Струве усматривал здесь поворотный пункт в истории России:

«Владимир Ильич Ленин-Ульянов мог окончательно разрушить великую державу Российскую и возвести на месте ее развалин кроваво-призрачную Совдепию потому, что в 1730 г. отпрыск династии Романовых, племянница Петра Великого, герцогиня курляндская Анна Иоанновна победила князя Дмитрия Михайловича Голицына с его товарищами-верховниками и добивавшееся вольностей, но боявшееся «сильных персон» шляхетство, и тем самым окончательно заложила традицию утверждения русской монархии на политической покорности культурных классов пред независимой от них верховной властью. Своим основным содержанием и характером собы-

¹⁷ Пока русская революция не закончилась, Струве был уверен, что на Западе большевизм невозможен. См.: 541/15.

тия 1730 г. имели для политических судеб России роковой предопределяющий характер»¹⁸.

Разрешение кризиса 1730 года в пользу самодержавия означало, среди прочего, что освобождение крестьян было отложено до 1861 года, а учреждение парламентских институтов — до 1905–1906. Эти отсрочки самым пагубным образом отразились на развитии в России как частной собственности, так и демократии, а также усугубили отчуждение граждан от государства и закона. Впрочем, подобная теория, представляясь вполне убедительной, не была достаточно глубокой. Она не разъясняла, к примеру, почему за провалившейся в начале XVIII века попыткой внедрить конституционные начала не последовали другие попытки того же рода. Не задавался Струве и вопросом о том, что события 1730 года говорят о живучести сил, которые выступали против самодержавия.

Как бы то ни было, 1730 год, по убеждению Струве, проявил себя двумя неприятными и взаимосвязанными последствиями: во-первых, русская монархия научилась отвлекать дворянство от политики, удовлетворяя все материальные (экономические) нужды этого сословия; во-вторых, ради умиротворения дворян монархии пришлось пожертвовать интересами значительной части крестьянского населения. Настойчивое стремление короны сохранить монополию на власть привело к отчуждению высших слоев общества (из которых впоследствии вышла интеллигенция) от политического управления, а крестьянской массы — от собственности и закона. Таковы были исторические предпосылки катастрофы. «Теперь для нас должно быть совершенно ясно, — писал Струве в 1918 году, — что русская монархия рушилась в 1917 г. оттого, что она слиш-

¹⁸ #539/292; см. также #541/30. Пренебрежительный термин «Совдепия» использовался некоторыми эмигрантами для обозначения Советского Союза. Я пришел к аналогичным выводам за несколько лет до знакомства с работами Струве в связи с моим исследованием, посвященным «Записке о древней и новой России» Н. Карамзина.

ком долго опиралась на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьянства»¹⁹. Таким образом, вина за случившееся лежит прежде всего на царизме. Подобная точка зрения явно противоречила позициям русских консерваторов. Тот факт, что Струве разделял ее как до, так и после 1917 года, позволяет нам утверждать: несмотря на приверженность правым идеям, его подлинное место в русской традиции — среди либералов.

Но вернемся к предпринятому им анализу. Полностью отстранив имущие и образованные классы от рычагов политического управления, монархия лишила их ответственности.

«Извращенное идейное воспитание интеллигенции восходит к тому, что близоруко-ревнивое отстаивание нераздельного обладания властью со стороны монархии и узкого круга близких к ней элементов отчудило от государства широкий круг образованных людей, ослепило его ненавистью к исторической власти, в то же время сделав эту интеллигенцию бесчувственной и слепой по отношению к противокультурным и зверским силам, дремавшим в народных массах. Старый режим самодержавия опирался в течение веков на социальную власть и политическую покорность того класса, который творил русскую культуру и без творческой работы которого не существовало бы и самой нации, класса земельного дворянства. Систематически отказывая сперва этому классу, а потом развившейся на его стволе интеллигенции во властном участии в деле устройства и управления государством, самодержавие создало в душе, помыслах и навыках русских образованных людей психологию и традицию государственного отщепенства. Это отщепенство и есть та разрушительная сила, которая, разлившись по всему народу и сопрягшись с материальными его похотями и вожделениями, сокрушила великое и многосоставное государство»²⁰.

¹⁹ #539/295.

²⁰ #539/291-292.

Подчинившись воле государства в абстрактном ее понимании, русская интеллигенция все более отстранялась от «реального» государства со всеми его чиновниками и институтами. (Струве уже говорил об этом в 1909 году в статье, опубликованной в сборнике «Вехи».) Она превозносила всевозможные абстракции, а в особенности социализм — течение, которое, по воле обстоятельств, распространилось на Западе как раз в то время, когда русские интеллигенты стали восприимчивыми к западным идейным веяниям²¹. Таким образом, русская интеллигенция оказалась не только обвиняемым, но и жертвой: она встала на пагубный путь потому, что монархия, ревниво оберегающая свои властные прерогативы, пресекла для нее пути, на которых можно было усвоить иные политические привычки. Политическая и духовная беспочвенность дворянства и его интеллигентской поросли стала той искрой, которая разожгла пожар революции: «Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации»²². Именно это обстоятельство позволяет понять, почему в 1917–1920 годах высшие классы России вели себя совершенно иначе, нежели их предки в «смутное время», и в итоге так и не сумели отстоять национальные интересы.

Сами по себе эти асоциальные и аполитичные склонности русского образованного меньшинства не помекли бы столь разрушительных последствий, если бы в стране имелись силы, способные их уравновесить. Так было, в частности, во Франции, где консерватизм деревни неизменно нейтрализовал утопические мечтания городской интеллигенции. В России же подобный консервативный противовес отсутствовал: в основном безграмотная сельская масса была подвержена деструктивным гувствам в той же мере, что и образованный класс. Если верхи шли в анархисты от недостаточной причастности к

¹ #541/31; 28/3-3.

² #541/20.

политической жизни общества, то низы поступали так же из-за того, что не имели возможности укреплять чувство частной собственности, института, который, по мнению Струве, повсюду выступал в роли главной школы политического и правового образования масс. Частная собственность пришла в Россию слишком поздно и не смогла укорениться в народном сознании: «Чувство и идея собственности чрезвычайно слабо развиты в широких массах русского народа. Это вовсе не делает русский народ социалистическим в культурном западноевропейском смысле слова, в этом выражается лишь известная его хозяйственная незрелость, связанная со слабым развитием в нем правосознания. Ибо несомненно, что факт и идея собственности есть тот главный стержень, на котором развивалось, опиралось и упражнялось человеческое правосознание вообще»²³.

Главная причина такого положения вещей заключалась, несомненно, в крепостничестве, сохранение которого в XIX веке стало своеобразной платой короны за политическую пассивность дворянства: «Крепостным правом русская монархия откупалась от политической реформы»²⁴. Крепостная зависимость не позволяла большинству русских крестьян приобщиться к собственности и законности, делая их восприимчивыми к интеллигентской проповеди классово-войны и анархизма. Хуже того, крестьяне выхватывали из этих поучений лишь те моменты, которые касались разрушения и грабежа; конструктивные идеалы соци-

²³ 19/1-3b. «Тогда как западноевропейский феодально-крепостной строй в своих недрах выработался и прообразовал крестьянскую собственность, в России именно этого не произошло и, хотя ни в одном крупном европейском государстве не было в момент русской революции такого абсолютно и относительно значительного количества хозяйственно самостоятельных земледельцев, сидящих не на чужой земле, — крестьянской собственности в России еще не существовало. Не существовало в том смысле, что институт собственности не сделался еще привычкой, не стал еще прочным регулирующим началом жизни народных масс» (#558/109).

²⁴ #539/295.

альной справедливости и демократии, заложенные в социализме, полностью ускользали от их внимания.

«Отвлеченное социологическое начало классовой борьбы, брошенное в русские массы, было ими воспринято, с одной стороны, чисто психологически, как вражда к “буржуям”, к “господам”, к “интеллигенции”, к “кадетам”, “юнкрям”, к “дамам в шляпах” и к т.п. категориям, не имеющим никакого производственно-экономического смысла; с другой стороны, оно как директива социально-политических действий было воспринято чисто погромно-механически, как лозунг истребления, заушения и ограбления “буржуев”. Поэтому организующее значение идеи классовой борьбы в русской революции было и продолжает быть ничтожно; ее разрушительное значение было и продолжает быть безмерно»²⁵.

Таким образом, Струве удалось выявить силы, ответственные за катастрофу 1917 года. Здесь были две ключевых составляющих, причем каждая явилась порождением монархии, слишком долго и слишком ревностно настаивающей на своих самодержавных прерогативах. Это — интеллигенция и крестьянство, одинаково отчужденные от государства, собственности и права. В 1917 году обе эти илы объединились: «Из политического бесправия дворянства и других культурных классов родилось государственное отщепенство интеллигенции. А это государственное отщепенство выработало те духовные яды, которые, зоникнув в крестьянство, до 1861 г. жившее без права и зав, не развившее в себе ни сознания, ни инстинкта собственности, подвинули крестьянскую массу, одетую в серые шинели, на ниспровержение государства и экономической культуры»²⁶. В России XX века основы цивилизации подверглись атаке сразу с двух сторон: они оказались од перекрестным огнем со стороны элиты и народных масс, объединивших усилия ради разрушения государст-

#539/298.

#539/295.

ва, правопорядка и собственности. Столь пагубного альянса не знала прежде ни одна революция. В конечном счете ответственность за эту трагедию ложится на монархию, не сумевшую своевременно осуществить политические и социальные преобразования. Конституционную реформу и освобождение крестьян, писал Струве, необходимо было провести не позже начала XIX столетия. «Слишком поздно свершилась в России политическая реформа; слишком поздно произошла отмена крепостного права»²⁷.

Но таковы были лишь долгосрочные исторические предпосылки 1917 года. Сам ход событий после февраля 1917 года — падение династии, бессилие Временного правительства, триумф большевиков — отнюдь не был предрешен или неизбежен. «Конечно, кто “сделал” февральские дни (если кто-нибудь их сделал), тот совершил, с моей точки зрения, огромную историческую ошибку. Но если 27-го февраля — 5-го марта были сделаны ошибки, то это вовсе не значит, что позже, после 5-го марта, до самого большевистского переворота, эти ошибки не могли быть исправлены. Никакая историческая ошибка, своя или чужая, не может наперед почитаться неисправимой. Утверждать противоположное значит именно впасть в фатализм»²⁸.

Со временем Струве начал более терпимо относиться к Николаю II, которого в молодые годы считал воплощением зла. И дело заключалось не в том, что он был готов простить последнему царю его политику. Напротив, именно на Николая он возлагал тяжкую ответственность за неумение наладить эффективное партнерство между государством и обществом, а также за недостойное обращение с верными слугами России, такими как Витте и Столыпин²⁹. Но отречение, совершенное в «буддийском духе» и вверившее царя и его семейство судьбе, а также

²⁷ #541/30.

²⁸ 30/8-16.

²⁹ #541/32; #618/272; 26/9-26.

отказ монарха бежать за границу, вознесли последнего самодержца до того уровня, на котором, по мнению Струве, чисто политические критерии уже не работали³⁰. Смерть Николая стала чем-то вроде религиозного мученичества. Струве полагал, что поведение царя наилучшим образом можно объяснить в религиозных терминах.

«В политическом мировоззрении Николая II просматривалась какая-то религиозная твердость. В основе ее лежал пиетет перед отцом и его наследием, напоминавший поклонение предкам и глубоко запечатленный в понимании царем призвания самодержца. Николай II был талантливым человеком, способным быстро схватывать суть вещей, но обладавшим слишком слабой волей для того, чтобы действовать. Эта слабая воля, на которую легла величайшая политическая ответственность, была напрочь отстранена от всех живительных веяний внешнего мира исключительно потому, что ее носитель обладал статусом неограниченного монарха. Это отчуждение Николая от мира питалось политико-религиозным настроением, который уже давно перестал соответствовать политической реальности»³¹.

В трактовке колебаний, явленных Николаем в критические моменты русской истории, ссылки на политику «поклонения предкам» и связанное с последним обоже-ствление принципов самодержавия казались Струве наиболее удовлетворительным аргументом.

По отношению к Керенскому он был гораздо непреклоннее: в глазах Струве немощь последнего вообще не

³⁰ «В целом, и это *факт*, как бы мы к нему не относились, в годы русской революции 1917 года члены царской семьи довели свое воздержание от политики до самой крайней степени. За крушением империи и династии они наблюдали с поистине буддийской невозмутимостью». См.: На кончину великого князя Николая Михайловича. 25 февраля 1919. – Archives of Ariadna Tyrkova-Williams. – British Museum. – No. 54436. – Packet 2. [Данный фрагмент дается в обратном переводе с английского. – *Прим. перев.*] Ср.: 25/7-17.

³¹ #618/267.

имела никаких оправданий. Психологически Керенский был укоренен в старом режиме, он так и не сумел приспособиться к новым условиям, созданным революцией. Наиболее пагубно это сказалось в истории с Корниловым, которой Струве приписывал решающее значение в последующей победе большевиков. Вместо того чтобы обвинять Корнилова и его сторонников в измене и арестовывать их (что было не только «ни с чем не сравнимой низостью», но и «величайшей политической глупостью»³²), Керенскому следовало объединиться с Корниловым против крайне левых. Во взаимоотношениях с генералом Керенский повел себя не как революционер, а как демократический аналог А.Д. Протопопова, последнего царского министра внутренних дел³³. Прояви он храбрость типа той, которую немецкие социал-демократы Эберт и Носке продемонстрировали в 1918 году, когда их родине угрожала коммунистическая опасность, «большевики не уселись бы на двенадцать лет в России»³⁴.

Вспоминая об «окаянных днях» октября 1917, очевидцем которых он был, Струве говорит, что более всего он тогда поразился тому, как мало людей проявили готовность встать на защиту свободы и патриотизма против немногочисленной банды узурпаторов. Таковы были горькие плоды традиции политической пассивности русской элиты, которую он считал центральным фактом революции. В речи, посвященной десятой годовщине большевистского переворота, он особо отмечал жалкие масштабы сопротивления. Временное правительство, вспоминает он, было дезорганизовано и разобщено. Военный министр Керенского,

³² #577/278-279.

³³ #548/215.

³⁴ 30/8-16. Мнение Керенского о Струве было не лучше; когда в 1959 году я спросил его об этом человеке, Керенский охарактеризовал его как личность, не только постоянно меняющую политические позиции, но и никогда не признававшуюся в этом. Особенно осмеянию подверглось мнение Струве о том, что «белые» проиграли гражданскую войну из-за некоторых тактических просчетов.

полковник А.И. Верховский, уже продан коммунистам, в правительство которых позже вошел. Сразу же после выступления большевиков стало ясно, что в самом Петрограде всякое сопротивление бесполезно. Оставалось надеяться лишь на то, что верным генералам типа Алексеева удастся организовать оппозицию где-нибудь за пределами столицы. Если не считать разрозненных группок молодежи, среди которой было много школьников, сердце России оказалось не способным встретить вызов большевизма — напротив, город впал в смиренное ожидание. «Это было не жертвенное дерзание, а жертвенное претерпение»³⁵.

По мнению Струве, исход революции и гражданской войны также решался при полной пассивности народных масс. Противостояние «белых» и «красных» в 1918–1920 годах было борьбой одного меньшинства с другим. Победителям удалось выиграть исключительно благодаря тому, что они были лучше организованы и готовы к условиям революционной войны, а отнюдь не из-за большей поддержки со стороны народа.

«Неудачи “белого” движения везде и всюду сводились к недостаткам *военной* или, общее, *боевой* организации и к характеру ведения военных или, общее, боевых операций. Победила в конечном счете военная, или боевая организация большевиков, как более крепкая.

Возможно, что “политика” белого движения бывала часто или даже была сплошь плоха. Но это не имело того значения, которое приписывается этому обстоятельству. Во-первых, как бы ни был плох “белый” режим, он всегда, в каждый данный момент, с точки зрения населения, могшего сравнивать два режима, не мог не быть лучше красного. Поскольку же население не знало большевизма и не могло сравнивать два режима (это было как раз в Сибири, где белое движение не было предварено достаточно глубоким проникновением большевизма), постольку процесс большевизации населения был совершенно неизбежен.

³⁵ 27/11-12б.

Но и не это самое главное. Я утверждаю, что ни в одном случае столкновения белых с красными вопрос не решался отношением населения к той или другой стороне. Вопрос всегда решался только одним — качественным и количественным соотношением сил, которое одна сторона могла противопоставить другой.

Можно сказать, конечно, что это качественное и количественное соотношение сил зависело от отношения населения. Но как раз это утверждение неверно; оно есть тот публицистический графарет, который не дает возможности видеть суть дела. Население всегда составляло либо совершенно пассивный элемент, либо, в лице зеленых и иных банд, элемент одинаково враждебный обеим сторонам. Гражданская война между красными и белыми велась всегда относительно ничтожным меньшинством при изумительной пассивности огромного большинства населения. Большевизм был популярен в населении, когда он призывал к прекращению войны, то есть к уходу с фронта, когда он разнуздывал в массах грабительские инстинкты, но когда он стал тащить на фронт, когда он стал обирать население в пользу красной армии, вообще, когда он формально стал вести себя как государство, он стал ненавистен массам. Мобилизации большевистские были даже еще более непопулярны, чем мобилизации царские и белые.

Я не хочу, чтобы моя мысль, которая сложилась на основе наблюдений за гражданской войной, начиная с конца 1917 г. до конца 1920 г., была понимаема в грубой форме. Я весьма хорошо, а в некоторых случаях и довольно близко, по собственному опыту, знаю недостатки разных “белых” режимов и не желаю вовсе ни затушевывать, ни оправдывать этих недостатков. Но я все-таки утверждаю, что дело было вовсе не в них. ...

Неудача “белого” движения... коренится в том, что в нем никогда не была достаточно хорошо организована боевая сила, приспособленная к гражданской войне. Она не была организована ни как военная, ни как революционная сила. По своей психологии большевики оказались бо-

лее приспособленными к гражданской войне, чем белые. Поэтому боевое, ударное ядро красной армии оказалось сильнее такого же ядра белой армии. В этом нет ничего удивительного. Мне, как человеку, имевшему несколько другое прошлое, чем большинство “белых”, всегда бросались в глаза революционная наивность и неподготовленность белых деятелей.

Конец декабря 1917 г., январь и начало февраля 1918 г., то есть первую эпоху существования Добровольческой армии, я провел в Новочеркасске и Ростове. Когда я бывал в Парамоновском особняке в Ростове, где размещалась, после переезда из Новочеркасска, ставка Корнилова и Алексеева, меня всегда поражало сходство, внешнее и внутреннее, этой новой ставки с прежней, Могилевской. В распоряжении последней ставки было около десяти миллионов солдат, в распоряжении первой едва ли состояло даже три тысячи бойцов. По объективному положению одна ставка была абсолютной противоположностью другой. Но на отношении к внешнему врагу и к врагу, с которым приходилось бороться, и вообще, на психологии участников борьбы это различие в объективном положении отражалось очень мало. Психологически белые держали себя так, как будто ничего не случилось, а между тем целый мир рушился вокруг них, и для того, чтобы одолеть врага, им самим в известном смысле нужно было переродиться. Вот этого перерождения и не произошло. Тогда же я своими размышлениями и практическими соображениями на эту тему поделился с покойным Л.Г. Корниловым, который со свойственным ему боевым темпераментом очень быстро и живо уловил практическую суть моих мыслей. ...

Дело тут, конечно, не только или даже не столько в практических приемах и методах борьбы, сколько в ее психологии. ...Ничто не было столь вредно для «белого» движения, как именно состояние *психологического пребывания в прежних условиях*, которые перестали существовать, эта не программная, а психологическая “староружимость”. В России в 1917 г. началась длительная рево-

люционная борьба, в которую руководящие “красные” вошли с революционными навыками, а руководящие “белые” с навыками “старорежимными”, соответствующими старому общественному укладу и прочному государственному порядку. Между тем ни того, ни другого уже не существовало. Люди с этой “старорежимной” психологией были погружены в бушующее море революционной анархии, и в нем они психологически не могли ориентироваться. Я нарочно подчеркиваю, что “старорежимность” я понимаю в данном случае вовсе не в программном, а в чисто психологическом смысле. В революционной буре, которая налетела на Россию в 1917 г., даже чистые реставраторы должны бы были стать революционерами в психологическом смысле. Ибо в революции найтись могут только революционеры»³⁶.

Иной раз в пылу споров по поводу «белой» армии и ее будущего Струве впадал в крайности. К примеру, в одной из газетных статей, написанных в начале 1921 года, когда эмигрантские политики разделились на сторонников «активизма» и «неактивизма», он зашел столь далеко, что приписал провал деникинского наступления 1919 года нехватке лошадей в белогвардейской кавалерии³⁷.

³⁶ 21/5-1 (перепечатано в #548/211-215). Данная статья была частью цикла «По существу», опубликованного в берлинской газете *Руль*. Публикация вызвала заметный отклик в эмигрантских кругах, поскольку в ней один из ведущих деятелей «белого движения» впервые попытался разобраться в причинах его поражения. Статьи оказались в центре полемики между Струве и Милюковым. Струве определял «революционный дух» как «психологическое условие», которое может сочетаться с различными идеалами и стратегиями, но во всех случаях предполагает «активный и творческий поиск, а также созидание свежих путей политической борьбы». Подобный дух исключительно важен в эпохи революций; в иное время это всего лишь глупая «поза» (#548/215). О пассивном отношении масс к гражданской войне см. 29/1-19b и отрывки из письма Струве к Е. Кусковой от 15-16 января 1940 года, изданные в книге: D. Gerhardt (ed.). *Orbis scriptus*. – S. 636-637.

³⁷ #548/211-214.

Впрочем, подобные полемические эксцессы никак не отражались на качестве аналитических выкладок, вырабатываемых им в минуты трезвого размышления.

Его оценки большевизма — причин, практики и перспектив последнего — коренились в общем восприятии им социализма. Разумеется, иногда Струве вообще отрицал какую бы то ни было связь между социализмом и большевизмом, называя, скажем, учение Ленина «пугачевщиной», развернутой во имя социализма, разновидностью «популизма» или «нелепостью» с марксистской точки зрения³⁸. В данном вопросе он был особенно непоследователен. И на то имелись веские причины: признание социалистических, марксистских корней большевизма делало Струве уязвимым перед обвинениями в том, что, являясь одним из основоположников русского марксизма, он несет личную ответственность за деяния Ленина и Сталина. И все же в своих исследовательских работах Струве был склонен признать, что большевизм представлял собой законное дитя социализма. «Экономическая политика советской власти всецело подчинена социалистической идее и программе, — писал он в 1921 году. — Отрицать социалистический характер советского законодательства значит отрицать нечто логически очевидное»³⁹. Хотя во многих своих проявлениях и особенно в присущей ему жестокости большевизм отошел от социалистических принципов, тем не менее в основном эта доктрина остается разновидностью социализма.

Что же показал опыт большевизма? Он продемонстрировал недостижимость социалистического идеала. 26 октября 1917 года навсегда осталось для Струве «проклятым днем», убившим подлинную идею социализма, которая вдохновляла целые поколения русской интеллигенции⁴⁰. Большевизм исполнил пророчество Чаадаева, со-

³⁸ См., например: 541/35; 28/12-29.

³⁹ #549/14, 15.

⁴⁰ 27/11-5а.

гласно которому русские существуют как будто только для того, чтобы преподать миру какой-то великий урок⁴¹, и суть этого урока заключается в том, что социализм — невозможен.

«Социализм требует, во-1-х, *равенства* людей... Социализм требует, во-2-х, организации всего народного хозяйства и, в частности, процесса производства. Социализм требует и того, и другого, и одного — во имя другого. Но оба эти начала в своем полном или конечном осуществлении противоречат человеческой природе и оба они, что, быть может, еще несомненнее и еще важнее, противоречат друг другу. На основе равенства людей вы не можете организовать производства. ...

Социализм — учит марксизм — требует роста производительных сил. Социализм — учит опыт русской революции — несовместим с ростом производительных сил, более того, он означает их упадок.

Русская революция потому имеет всемирно-историческое значение, что она есть практическое опровержение социализма, в его подлинном смысле учения об организации производства на основе равенства людей, есть опровержение эгалитарного социализма»⁴².

Опыт русской революции полностью излечил Струве от иллюзий, которые он сохранял даже после того, как порвал с социализмом лично: от убеждения в том, что на социалистических принципах, по крайней мере теоретически, можно построить свободное и справедливое общество. Свобода и справедливость, учила его революция, достижимы только на основе рыночной экономики, краеугольным камнем которой является частная собственность и которая предполагает ту или иную степень неравенства.

Струве довольно быстро понял, что большевистский режим никогда не сможет трансформироваться в

⁴¹ #549/23.

⁴² #541/19; см. также 25/11-5а.

более демократичную систему. Это убеждение, горячо отстаиваемое им в 20-е — 30-е годы, поссорило его со многими русскими эмигрантами, а также иностранными наблюдателями, которые, опираясь на опыт французской революции, утверждали, что рано или поздно «советский термидор» станет неизбежным. Подобное едва ли возможно, заявлял Струве, по целому ряду причин и прежде всего потому, что альянс между радикальной интеллигенцией и крестьянскими массами, ниспровергший русское государство, по сути своей фундаментально негативен: это союз *против*, а не *за*. Летом 1918 года он излагал следующие мысли:

«В том, что произошло, характерно и существенно своеобразное сочетание, с одной стороны, безмерной рационалистической гордыни ничтожной кучки вожаков, с другой — разнузданных инстинктов и вожделий неопределенного множества людей, масс.

Таково реальное воплощение в жизни проповеди революционного социализма, опирающегося на идею классовой борьбы. Вожаки мыслят себе организацию общества согласно идеалам коммунизма, как цель, разрыв существующих духовных связей и разрушение унаследованных общественных отношений и учреждений — как средство. Массы же не приемлют, не понимают и не могут понять конструктивной цели социализма, но зато жадно воспринимают и с увлечением применяют разрушительное средство.

Поэтому идея социализма как организации хозяйственной жизни, — безразлично, правильна или неправильна эта идея, — вовсе не воспринимается русскими массами; социализм (или коммунизм) мыслится ими только либо как раздел наличного имущества, либо как получение достаточного и равного пайка с наименьшей затратой труда, с минимумом обязательств. Раздел наличного имущества, равномерный или неравномерный, с признанием или непризнанием права собственности, во всяком случае ничего общего с социализмом как идеей

организации хозяйственной жизни не имеет и есть не конструктивно-социалистическая, а отрицательно-индивидуалистическая манипуляция, простое перераспределение или перемещение благ или собственности из одних рук в другие.

“Справедливое распределение” в смысле получения каждым гражданином достаточного и равного пайка с наименьшими жертвами есть в лучшем случае заключительный потребительный результат социализма. Без социалистической организации народного хозяйства этот результат безжизнен и висит в воздухе, есть чистейшее “проедание” без производства.

Таким образом, социализм как идея строительства планомерной организации хозяйства явился в русской жизни рационалистическим построением ничтожной кучки доктринеров-вожаков, поднятых волной народных страстей и вожделий, но бессильных ею управлять. Социализм же как идея раздела, или передела имущества, означая конкретно уничтожение множества капитальных ценностей, упирается в пассивное потребление, или расточение, “проедание” благ, за которым не видится ничего, кроме голода и борьбы голодных людей из-за скудного и непрерывно скудеющего запаса благ»⁴³.

Описанная здесь внутренняя несовместимость созидательных устремлений большевистских лидеров с низменными инстинктами масс препятствовала позитивной эволюции советского государства. Система была поражена неразрешимым внутренним противоречием: ее вождям оставалось либо изо всех сил держаться за власть и в таком случае оставить всякие надежды на экономический подъем, без которого социализм невозможен, либо же предпринять меры по оживлению народного хозяйства, что означало возвращение частного предпринимательства, способного покончить как с социализмом, так и с их собственным владычеством. «Своей собственной

⁴³ #539/297-298.

эволюцией, и, в частности и в особенности, эволюцией своей экономической политики большевистская власть создаст только, так сказать, технические предпосылки своего собственного низвержения и физического истребления»⁴⁴. Как утверждал Струве в мае 1921 года, в то самое время, когда внедрение «новой экономической политики» повсеместно породило большие надежды, в коммунистической системе конфликт между политическими и экономическими задачами категорически неразрешим. Из-за него советская Россия «застыла» подобно ледяной скульптуре:

«Хозяйственное и социальное задание есть цель, политический режим есть средство. Таково исходное соотношение между экономикой и политикой в большевистском перевороте и большевистском режиме. Но это только исходная точка. Разрушив хозяйственную жизнь и создав вместо нее экономическую пустоту, советская власть перевернула соотношение между своей экономикой и своей политикой. Хозяйство советской России влачит призрачное существование, реальностью же является могущественная политическая организация, опирающаяся на армию и на господство в ней скованной железной дисциплиной партии. И в то же время — и в этом заключается парадоксальность того явления, которое представляет советская власть, — от призрачной коммунистической экономики эта, казалось бы, могущественная политическая власть и организация не может отказаться, ибо на ней и ею она только и держится. В самом деле, предположим, что советская власть, разом или постепенно, отказывается от своей экономической системы, что она, как принято теперь говорить, эволюционирует. Тогда она лишается кадров своих приверженцев, каковыми являются непосредственно зависящие от нее привилегированные и «коммунистические» элементы и, что еще важнее, открывает путь для образования, сплочения и работы в стране

⁴⁴ #548/222.

кадров абсолютно враждебных. Полное удушение как экономической свободы, так личной и имущественной безопасности городского населения есть одно из основных условий экономического упадка и регресса советской России. Но в то же время именно это удушение есть безусловно необходимое условие политического господства коммунистической партии; вне этого условия оно не может чисто полицейски продержаться и несколько дней. Вся сложная система экономических ограничений, свободы передвижения, собственности, хозяйственного оборота теперь уже существует не столько ради экономических и социальных целей данной системы, сколько в силу политической и полицейской необходимости этих ограничений для самой власти»⁴⁵.

Изучая советское государство, Струве уже в 1921 году был поражен тем, насколько политика в нем довлеет над экономикой. Его анализ в неявном виде учитывал возможность насильственной централизации советской экономики, то есть ее упорядочение в соответствии с социалистическим каноном, действительно состоявшееся в 1928–1932 годах. Но, как полагал Струве, даже столь решительный шаг не избавит большевиков от стоявшей перед ними дилеммы. Выбор, перед которым оказались коммунисты, содержал лишь два варианта: экономическая неэффективность или крах политического режима. «Препоны и шиканы экономические, из которых соткан весь коммунистический строй, выполняют сейчас, главное всего, задачи в узком смысле полицейские. В силу этого соотношения между экономикой и политикой большевизма эволюция большевизма будет условием и сигналом для революции против большевизма. Это не значит, что такая эволюция невозможна, но это определяет политический и социальный характер этой эволюции и ее неизбежный и скорый исход»⁴⁶. «Даже той степе-

⁴⁵ #549/28-29.

⁴⁶ #549/30.

ни свободы, которую мог в свое время допустить Иван Грозный, — писал Струве в 1920 году, — Ленин допустить не может, просто потому, что в таком случае он и ему подобные будут безошибочно и очень быстро истреблены... Вот почему формула “эволюция большевизма” вызывает только улыбку у тех, кто знает историю России, кто, как пишущий эти строки, с ранней юности своей боролся за свободу и значительную часть своих духовных сил потратил на эту борьбу»⁴⁷.

Поскольку Струве был убежден, что Ленин и его соратники руководствуются прежде всего жадной властью⁴⁸, исследования с неизбежностью подводили его к следующему выводу: режим не рискнет всерьез заниматься экономикой, а это в свою очередь означало, что Россию ждет длительный период нищеты и культурной деградации. Новации «новой экономической политики» с ее уступками частному предпринимательству, которые побудили милюковскую газету к восторженным разговорам о полной трансформации советской экономики, не произвели на Струве ни малейшего впечатления⁴⁹. Он признавал, что нэп представляет некоторую опасность для советского режима, но не усматривал в нем никаких признаков разрыва с большевистским прошлым.

«Кажется очевидным, что “новая экономическая политика”, то есть частичный возврат к капиталистическому порядку, есть не что иное, как механизм политического самосохранения для той части коммунистов, которые действительно ждут лучших времен. Но по убеждению самих советских властей, новые ориентиры экономической политики являются лишь временными: согласно статье 9 советской конституции, долгосрочной целью большевиков

⁴⁷ 20/11-17.

⁴⁸ Вспоминая о 1890-х годах, Струве писал: «Властолюбие было у Ленина подлинной стихией его существа. Вся его личность была объята этой похотью. В этом страшном властолюбии была его сила, как политического деятеля и организатора власти» (#589/315).

⁴⁹ *Последние новости*. — № 330. — 17 мая 1921. — С. 1.

остается всемирная революция. Поэтому, несмотря на провозглашение нэпа, советский режим сохраняет в неприкосновенности четыре фундаментальных принципа своей политики: национализацию земли, транспорта, тяжелой промышленности и внешней торговли. Иными словами, нэп вовсе не означает сколько-нибудь радикальных и глубоких перемен»⁵⁰.

Приведенный выше анализ случившегося в 1917 и последующие годы вдохновлял всю политическую деятельность Струве в эмиграции. Не веря в эволюционное преобразование советской России, он считал, что необходимо продолжать борьбу с утвердившимся в ней режимом, если возможно — вооруженную, если невозможно — политическую. А когда и то, и другое окажется бесполезным, нужно хотя бы поддерживать зарубежные очаги русской культуры — самой основы национальной жизни.

⁵⁰ #575/х-хi; написано в 1922 году.

Часть III

В ЭМИГРАЦИИ

*Tu proverai si come sa di sale
Lo pane altrui, e com'è duro calle,
Lo scendere e 'l salir per l'altrui scale.*

Данте

*Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.*

Данте

Глава 9

Эмигрантская политика

Своеобразным тестом для первоклассного интеллекта является умение придерживаться двух противоположных идей одновременно и при этом не терять способности к функционированию. Такой человек, к примеру, считая ситуацию совершенно безнадежной, не оставляет попыток изменить ее к лучшему.

Ф. Скотт Фицджеральд

Поражение врангелевских армий в ноябре 1920 года оказало глубочайшее воздействие на русскую эмиграцию. Пока шла гражданская война, еще теплилась надежда, что большевистское господство над Россией так или иначе ослабнет и падет. Лишь немногие из эмигрантов готовы были примириться с мыслью, что банда никому не известных революционеров-заговорщиков, с помощью немцев подхватившая власть в хаосе 1917 года, а затем приступившая к осуществлению невиданного социального эксперимента, задержится у руля надолго. Одной из причин, весьма затруднявших стяжание «белыми» общественной поддержки, стало распространенное среди правых и левых противников большевизма убеждение в том, что коммунистическая диктатура неизбежно рухнет под собственной тяжестью. Пессимистические оценки Струве, обобщенные в предыдущей главе, были скорее исключением. Крах Деникина и Колчака, дополненный крымской катастрофой, заставил эмигрантов взглянуть фактам в лицо. К концу 1920 года выяснилось, что советский режим не только отбил все посягательства на свое господство в России, но и вот-вот приобретет статус легитимного правительства в глазах великих держав. Подобный поворот событий самым решительным образом поколебал моральный дух эмиграции и по-

родил острые дебаты о смысле революции и судьбе тех, кого она выбросила из России.

Русская эмиграция 1917–1922 годов не имела исторических аналогов: как теперь известно, то была первая волна масштабного переселения, которое в XX столетии сняло с насиженных мест десятки миллионов людей¹. Сравнения русской послереволюционной эмиграции с европейскими миграциями предшествующего столетия не слишком продуктивны. Европу покидали представители экономически уязвимых слоев населения, по доброй воле отправлявшиеся искать счастье за границей. Русская эмиграция, напротив, состояла из привилегированных, имущих, образованных, отправлявшихся в чужие края не за удачей, но ради выживания; для подавляющего большинства из них отъезд с родины означал резкое понижение жизненного уровня. Этих скитальцев нельзя сравнивать и с эмигрантами, которые покидали Европу из-за политических или религиозных преследований. Русских изгнанников преследовали дома не за то, во что они верили (и что, *in extremis*, способны были отстаивать), но за принадлежность к социальным группам, которые новый режим, стремившийся полностью переделать человека и общество, обрекал на уничтожение. Особо пагубны аналогии между эмиграцией из России после 1917 и из Франции после 1789-го. Большинство из 150 тысяч французов, покинувших родные места в годы революции, осели в близлежащих странах и вернулись сразу же после прекраще-

¹ Лучшими исследованиями, посвященными послереволюционной эмиграции, являются работы Ганса фон Римши: *Hans von Rimscha. Der Russische Bürgerkrieg und die Russische Emigration, 1917-1921.* – Jena, 1924; *Russland jenseits der Grenzen, 1921-1926.* – Jena, 1927. Русскую эмиграцию в Германии изучал также Ганс-Эрих Фолькманн (*Hans-Erich Volkmann. Die Russische Emigration in Deutschland, 1919-1929.* – Würzburg, 1966; в Чехословакии – С.П. Постников (Русские в Праге, 1918-1928. – Прага, 1928); во Франции – Ш. Ледрэ (*Ch. Ledrè. Les émigrés russes en France.* – Paris, 1930); в Китае – П.П. Балакшин (Финал в Китае (в 2-х томах). – Сан-Франциско, 1958-1959).

ния террора; со временем домой вернулись практически все². Русская эмиграция, в семь—десять раз более многочисленная, рассеялась по всему свету, и почти никто из эмигрантов не вернулся назад. Вероятно, единственной основательной аналогией с эмиграцией из послереволюционной России остается еврейская эмиграция из нацистской Германии. В обоих случаях в процесс были втянуты представители образованной элиты общества, изгоняемые по соображениям «классовой» либо «расовой» войны. И в той, и в другой ситуации отъезд наносил их странам тяжелый, а иногда и невосполнимый урон.

В русской эмиграции можно выделить три большие волны. Первые беженцы шли из западных и юго-западных губерний империи (Украины, Белоруссии и Крыма), которые в 1918 году были оккупированы германской армией. Эти люди, прожившие под властью коммунистов зимой 1917–1918 и не желавшие повторять подобный опыт, покинули Россию в конце 1918 года вместе с отступающими немцами. В основном они обосновались в Польше, балтийских республиках и Германии. То был самый большой исход, захвативший, вероятно, около миллиона человек. Следующую волну составили беженцы из Поволжья и Сибири, причем среди них было немало тех, кто ранее перебрался из центральной России. После краха Колчака многие противники большевиков ушли в Китай. В третьей волне оказались ветераны Добровольческой армии и ее гражданские сторонники, в ноябре 1920 года эвакуированные из Крыма в Турцию или Грецию и осевшие потом по всей Европе, прежде всего на Балканах. Кроме того, было несколько малых миграционных потоков — беженцы, в 1919 году покинувшие Одессу вместе с отступающими французами, а также группа видных интеллектуалов, высланных за рубеж советским правительством в 1922 году.

² *Donald Greer. The Incidence of the Emigration during the French Revolution. — Cambridge, Mass. — 1951. — P. 92-97.*

Сразу после гражданской войны русские изгнанники были склонны сильно преувеличивать свою численность. Данный факт способствовал значительной переоценке ими (в том числе и Струве) своей будущей роли. В начале 20-х годов считалось, что общее число русских эмигрантов составляло три миллиона человек или даже больше. Более тщательные подсчеты, произведенные позже, сократили эту цифру наполовину. Наиболее трезвые цифры говорят о том, что в ходе русской революции страну покинули от одного до полутора миллионов человек³. Самые многочисленные колонии образовались во Франции и Германии: в 20-е годы в каждой из этих стран проживало по 400 тысяч русских. Более 60 тысяч поселились в Польше, примерно по 30 тысяч в Югославии, Латвии, Чехословакии и Болгарии. Еще 76 тысяч эмигрантов нашли приют в Китае, в основном в Манчжурии. Незначительные общины беженцев можно было найти по всему миру.

Масштабы русской эмиграции казались весьма внушительными, особенно в начале 20-х, но еще более впечатляющим было ее качество. Среди бежавших от большевиков были выдающиеся писатели, ученые, политики, военные, предприниматели. Одного перечисления имен видных деятелей литературы и искусства, оказавшихся в изгнании, уже достаточно, чтобы оценить общий уровень русских беженцев; при этом не следует забывать, что рядом с прославленными именами стояли другие, менее известные за границей, но столь же значительные. (В приведенном ниже списке звездочкой отмечены имена деятелей, впоследствии вернувшихся в советскую Россию.)

Музыка: Стравинский, Рахманинов, Прокофьев*, Шаляпин, Кусевицкий, Гречанинов, Глазунов (после 1928).

Живопись: Репин, Шагал, Кандинский, Бакст, Бенуа.

³ См.: *Б. Никольский*. Беженство в освещении Лиги Наций. – *Возрождение*. – № 348. – 16 мая 1926. – С. 4.

Литература: Бунин, Алексей Толстой*, Набоков, Цветаева*, Мережковский, Зинаида Гиппиус, Белый*, Горький*, Ходасевич, Замятин, Куприн*, Ремизов, Бальмонт, Вячеслав Иванов.

Среди ученых-эмигрантов оказались пять членов Академии наук (из сорока, назначенных до 1917 года) и сто сорок профессоров высших учебных заведений — в целом около тысячи ученых и исследователей, и это из страны, относительно небогатой квалифицированными специалистами. Интенсивность интеллектуальной жизни русской эмиграции в ранний послереволюционный период можно подтвердить и статистическими данными. Так, только в 1920 году за рубежом начали выходить 138 новых русских газет, а в 1924 году 142 русских заграничных издательства опубликовали 4 тысячи книг⁴.

Учитывая подобный уровень эмиграции и стимулируемый им подъем творческой жизни, резко контрастировавший с усилением ее регламентации в советской России, вполне можно было предположить, что в период коммунистического господства русскому национальному организму предстоит жить в состоянии раздвоенности: тело нации будет под ярмом коммунистов, в то время как разум и сердце останутся в изгнании. Когда-нибудь обе составляющие снова объединятся, и Россия вернется к нормальной жизни. Без этой концепции нам трудно понять, почему Струве придавал эмиграции столь серьезное значение.

По своей социальной структуре и политическим установкам русская диаспора являлась отражением дореволюционной России, с более заметным, правда, уклоном в пользу «старого порядка» и консервативных партий.

Ганс фон Римша, видный исследователь русской эмиграции, выделяет в ней две главных составляющих: «старый режим» и «интеллигенцию». К первой он отно-

⁴ *Robert C. Williams. Culture in Exile. — Ithaca, N.Y., 1972. — P. 133; Глеб Струве. Русская литература в изгнании. — Нью-Йорк, 1956. — С. 21.*

сит представителей царской династии, имперскую бюрократию, иерархов церкви, профессиональных военных — иными словами, те сословия, на которые русская монархия традиционно опиралась и которые исчезли в 1917 с ее крушением. В разряд «интеллигенции» он зачисляет писателей, художников и прочих профессионалов, то есть традиционную оппозицию. Русское деловое сообщество в эмиграции, оказавшееся под контролем бывших московских «прогрессистов», предпочитало оставаться в стороне от обеих групп: хотя по своему социальному происхождению оно тяготело к «старому режиму», либеральные и оппозиционные пристрастия подталкивали его к умеренной интеллигенции.

Неудивительно, что политические размежевания в эмигрантских кругах вполне соответствовали социальным. Среди сторонников «старого режима» преобладали консерваторы и монархисты, хотя здесь было много интеллигентов, которых опыт революции толкнул вправо. Консервативное крыло эмиграции, видным представителем которого являлся и Струве, не признавало февральскую революцию и ее последствия. Это, правда, отнюдь не значило, что оно желает восстановления монархии. За исключением небольшой группки ярых монархистов, сплотившихся вокруг живущего в Германии великого князя Кирилла Владимировича и желавших, невзирая на настроения народа, вернуть к жизни царскую Россию образца до 1905 года, верхушка консервативной эмиграции считала «старый режим» не подлежащим восстановлению. Струве выразил эти настроения следующим образом: «В России произошло настоящее *социальное землетрясение* и, в частности, в области земельной реставрировать то, что было до революции и сметено ею, никакой власти, никакой полиции, никакой партии не по силам»⁵. Их идеалом была новая Россия с крепкой и демократически избираемой государственной властью, основывающаяся на законе и собственно-

⁵ 26/12-26.

сти. Испытывая личные симпатии к конституционной монархии, эта группа не собиралась навязывать свои предпочтения русскому народу, вкусившему плоды свободы.

Эмигрантская «интеллигенция» также не была политически единой. Как уже отмечалось, после 1917 года многие интеллектуалы заметно поправили, а большинство либералов и даже некоторые социалисты теперь были готовы поддержать восстановление монархии. Но, помимо этого, в рядах «интеллигенции» сформировалось влиятельное направление, хранившее верность старым идеям и лозунгам. По мнению этой группы, русская революция, несмотря на все ее отталкивающие аспекты, представляла собой конструктивный и прогрессивный феномен, значение которого лишь временно искажалось большевиками. Свои надежды на лучшее будущее она связывала с мирной эволюцией страны в соответствии с предназначениями февральской революции, то есть с социалистической и демократической республикой.

Различное восприятие минувших событий обусловило разницу в политических стратегиях. Преобладавшее консервативное течение желало продолжать активную борьбу с советским режимом, с помощью иностранных держав (или без таковой) возобновив гражданскую войну и осуществляя террористические акты. Либерально-социалистическое меньшинство считало новую гражданскую войну донкихотством, иностранную интервенцию непродуктивной, а терроризм, питаемый из-за границы, — бесполезным. Это крыло ориентировалось на поддержку и стимулирование, в основном морального свойства, массового недовольства внутри самой России, которое должно было спонтанно зародиться в массах крестьян, рабочих и военных.

Положение дел еще более осложнялось тем, что внутри эмиграции складывалась третья тенденция, вбравшая в себя элементы двух предыдущих. С консерваторами ее объединяло неприятие революции, а с социалистами — нежелание активно действовать. Отрицая револю-

цию, эта группа считала всякую борьбу с ней бессмысленной, обосновывая подобное мнение тем, что неизбежные исторические процессы должны идти своим чередом.

Так называемые «демократические» силы возглавлял Милюков, в то время как Струве выступал от имени консервативных («патриотических») элементов. Третье течение, распадавшееся на несколько ответвлений, опиралось на группу идеологов, наиболее заметными из которых были Н.А. Бердяев, Н.В. Устрялов, а также евразийцы Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий. Для Струве ранний период эмиграции стал последней страницей долгой политической карьеры. В 1921–1927 годах он выступал непререкаемым интеллектуальным наставником тех эмигрантов, которые отказывались примириться с ленинизмом и боролись с ним ради законности, собственности и демократии. Никто не питал больших иллюзий в то время, чем он, по поводу эмиграции и меньших — по поводу советского режима. Никто не выступал более рьяно против надежд на коммунистический «термидор» и не пытался с таким же упорством поддерживать жизнестойкость русской эмиграции, от которой, как он полагал, зависело выживание самой России.

Во время гражданской войны Милюков занимал крайне оппортунистическую позицию, поддерживая ту из противоборствующих сторон, которая на данный момент казалась ему наиболее близкой к победе. Очередную смену курса он всегда производил трезво и расчетливо. Струве заметил как-то, что будь политика игрой в шахматы, а люди — деревянными фигурками, Милюков стал бы политическим гением; но для того чтобы сделаться настоящим политиком, ему не достает важнейшего качества — сочувствия живым людям⁶. Летом 1918 года, находясь в оккупированном германскими войсками Киеве, Милюков, еще недавно в качестве министра иностранных дел

⁶ 29/3-9.

Временного правительства энергично поддерживавший союзников, внезапно решил, что немцы вот-вот одолеют Антанту на Западном фронте и выступил в поддержку «центральных держав». Такое решение настолько противоречило преобладавшим в рядах кадетов настроениям, что стоило ему партийного руководства. Через несколько месяцев, после капитуляции Германии, он перебрался в Болгарию, где все годы гражданской войны тихо работал над историей русской революции. И хотя Милюков не ассоциировал себя с «белым движением» — эпизодическое германофильство не позволяло объединиться с ориентировавшимися на Антанту генералами, — он все же поддерживал Колчака и Деникина и просил западные правительства об их признании и оказании помощи⁷. Однажды он заметил Деникину, что порой испытывал желание открыто встать на сторону «белых», но воздерживался от подобного шага сугубо из-за того, что не хотел дискредитировать их своим присутствием⁸.

В начале 1920 года, когда деникинские армии уже перешли к обороне, Милюков жил в Лондоне. В то время он еще поддерживал «белых», но по мере того, как удача им изменяла, позиции Милюкова корректировались. По его собственным свидетельствам, первые сомнения зародились в нем после знакомства с подготовленным в январе 1920 года меморандумом Струве, в котором анализировалось поражение Деникина (см. главу 7). Милюков истолковал данный документ так, будто бы причины обрушившихся на «белых» несчастий были укоренены столь глубоко, что справиться с ними просто невозможно.

⁷ См., к примеру, его работу «Russia and England» (1920), в которой он призывает к международному признанию колчаковского правительства в Омске и настаивает на иностранном военном вмешательстве в России.

⁸ См.: П. Милюков. Дневник. — С. 671-672. Рукопись хранится в Колумбийском университете: Columbia University Archive of Russian and East European History and Culture. Здесь же приводится текст обращения, в котором в апреле 1920 года Милюков призывал Деникина возглавить русское правительство в изгнании.

Это, кстати, полностью противоречило выводам самого Струве⁹. Скорее всего, Милюков сменил ориентиры, осознав, что с «белым движением» покончено и поддержка проигравших не принесет никаких политических выгод. Зимой 1919–1920 разочарование в «белой идее» захватило и те круги левоцентристской эмиграции, которые в прошлом относились к ней довольно терпимо. Социалисты, в 1918–1919 годах сохранявшие по отношению к «белым» враждебный нейтралитет, теперь заявляли, что царские генералы и чиновники в принципе неспособны вести борьбу за освобождение России. Подобные взгляды активно поощрялись эсерами, которых ожесточил предпринятый Колчаком разгон Комитета Учредительного Собрания, лишивший Россию, как они считали, солидной демократической альтернативы коммунизму¹⁰.

Милюков между тем еще немного потянул время; очевидно, прежде чем открыто выступить против «белых», он дожидался их окончательной дискредитации. Подходящий момент настал в ноябре 1920 года, когда Врангель эвакуировался из Крыма. Уже через месяц Милюков выступил с заявлением, в котором провозглашалась так называемая «новая тактика» — программа действий, которая, по его мнению, могла получить всеобщую поддержку в качестве альтернативы вооруженной борьбе. «Новая тактика» основывалась на уже известной нам предпосылке, согласно которой Россия в свое время пережила прогрессивный революционный процесс, достигший своего апогея в марте 1917 года, а все последующие события стали временным его искажением. За фасадом большевистской диктатуры скрываются здоровые демократические силы,

⁹ П. Милюков. Не по существу (Ответ П.Б. Струве). — *Последние новости*. — № 312. — 26 апреля 1921. — С. 2. В этой статье Милюков упоминает «письмо Струве Врангелю» от января 1920 года; по-видимому, имеется в виду документ, рассмотренный нами в предыдущей главе.

¹⁰ Объективный взгляд на события, происходившие в Омске в ноябре 1918 года, во время захвата власти Колчаком, см. у Мельгунова: Трагедия адмирала Колчака (в 2-х томах). — Белград, 1930-1931.

которые рано или поздно утверждают себя и сметут большевизм. Доказательства этого тезиса Милюков усматривал в крестьянских беспорядках, захлестнувших Россию в 1919 и 1920 годах, а в Тамбовской губернии даже вылившихся в массовое народное восстание. Вспыхнувший в марте 1921 года кронштадтский мятеж стал для Милюкова и его последователей неопровержимым подтверждением того, что крестьянам, рабочим, солдатам и матросам советская власть надоела и скоро они от нее избавятся. Но процесс демократизации советской России должен созреть: любая попытка «реставрации», осуществляемая «белыми» генералами путем открытой интервенции или террористических актов, вновь толкнет напуганные массы в объятия большевиков и тем самым реанимирует режим.

Подобные предположения, в которых без труда усматриваются провозвестники политики, полвека спустя получившей на Западе название «разрядки», позволяли Милюкову настаивать на том, что эмиграция должна посвятить себя поддержке демократических сил, действующих внутри России. Его стратегия призывала к сотрудничеству между русским зарубежьем и демократическими партиями, которые в 1920–1921 годах все еще существовали (правда, полулегально) в Советском Союзе. Целью такого взаимодействия должно было стать нагнетание массового недовольства среди населения. Но справиться с этой задачей в одиночку или в союзе с генералами и консерваторами кадеты не могли. У кадетской партии, которая была запрещена Лениным одной из первых, не осталось в России никакой организации; особо тяжелый удар был нанесен конституционным демократам в сентябре 1919 года, когда ЧК раскрыла штаб-квартиры Национального центра и расстреляла его лидеров. Кроме того, объединение с политиками, которых в советской России считали представителями «старого режима», могло дискредитировать партию в глазах народа. С учетом данных обстоятельств, говорил Милюков, идеальными союзника-

ми кадетов в проведении «новой тактики» стали бы социалисты-революционеры. Выборы в Учредительное Собрание продемонстрировали популярность этой партии в сельских районах, а аграрная политика большевиков и в особенности принудительное изъятие продуктов усилили поддержку эсеров крестьянством. В 1920 году, несмотря на многочисленные ограничения, большевики еще позволяли социалистам-революционерам иметь собственный центральный комитет и партийные организации. Их эмиссары часто выезжали в Европу. Все это побудило Милюкова призвать кадетов к сотрудничеству с эсерами и поддержке провозглашенной последними политики противодействия большевизму¹¹.

Таковы были главные постулаты «новой тактики», в конце 1920 года представленные Милюковым своим сбитым с толку коллегам. Сначала он изложил эту программу на конференции бывших депутатов Государственной Думы, состоявшейся в Париже в декабре 1920. На данном форуме он объявил о кончине «белой» армии: по словам Милюкова, у белогвардейцев не было шансов выиграть гражданскую войну и в российском будущем для них нет места. Столь презрительное отношение к борьбе, в которой пали тысячи патриотов, вызвало скандал среди делегатов; Струве, как говорят, был настолько взбешен новейшим *volte face* Милюкова, что просто ушел¹². Так началась вражда двух политиков, которая длилась всю жизнь. Она была настолько острой, что в 1929 году, когда Милюков праздновал свое семидесятилетие, Струве посвятил ему критическую статью, в которой, вместо позд-

¹¹ См. протоколы заседаний Центрального комитета Конституционно-демократической партии, хранящиеся в Гуверовском институте: Archive of the Constitutional Democratic Party. – Hoover Institution, Stanford, California. На заседании 28 мая 1921 года Милюков заявлял, что судя по сообщениям, поступающим из России, кадеты воспринимаются там как «чужаки», а эсеры – как «свои».

¹² H. von Rimscha. Der Russische Bürgerkrieg und die Russische Emigration, 1917-1921. – S. 110.

равлений, обвинил его в манипулировании людьми и идеями¹³.

Не обращая внимания на враждебную реакцию консервативного крыла эмиграции, Милюков приступил к созданию коалиции «демократических» сил. В январе 1921 года он организовал в Париже совещание депутатов распущенного Учредительного Собрания. Разумеется, тон на этой встрече задавали его новые союзники — социалисты-революционеры. Он также заручился поддержкой парижского комитета кадетской партии, состоявшего в основном из кадетов, всегда сторонившихся «белых». Далее, он привлек на свою сторону кое-кого из левых политиков — в частности, Керенского, Мельгунова (на короткое время) и (после ее эмиграции) Кускову. К тому моменту Милюков уже возглавлял парижскую ежедневную газету *Последние новости*, которую по его просьбе поддерживал Эдуард Бенеш, чешский министр иностранных дел, и которая довольно быстро стала ведущей газетой русской эмиграции. Кроме того, Милюков тесно сотрудничал с *Современными записками*, престижным политико-литературным ежемесячником, в конце 1920 года основанным группой эсеров, причем также при финансовой поддержке со стороны чехов¹⁴.

Все перечисленные достижения, однако, в конце концов были сведены на нет неспособностью Милюкова убедить в своей правоте большинство кадетов-эмигрантов. Вопреки милюковским увещаниям, теснейшая связь этой партии с «белым движением» не позволяла ей отторгнуть разгромленных белогвардейцев как бесполезный балласт. Политика кадетов слишком часто совпадала с политикой «белых»; в открытых и подпольных сражениях с коммунистами именно Национальный

¹³ 29/3-9.

¹⁴ См.: М.В. Вишняк. *Современные записки: воспоминания редактора*. — Bloomington, Ind. — 1957.

центр, ответвление кадетской партии, проявил себя наиболее эффективной политической организацией. Конечно, лишь немногие кадеты всерьез надеялись на то, что остатки «белой» армии, 70 тысяч человек, многие из которых были безработными и инвалидами, разбросанные по лагерям в Турции и Греции и лишенные поддержки союзников, вновь способны бросить вызов «красным». Но вместе с тем конституционные демократы не готовы были принять бестактное предложение Милюкова об объявлении всей гражданской войны ошибкой. Кадеты не могли отвернуться от бездомных ветеранов, которые многие годы и в сложнейших условиях сражались за родину, сначала с немцами и австрийцами, а потом с большевиками, причем в то самое время, когда Милюков и его друзья-эсеры спорили друг с другом или писали мемуары. Для многих из них армия, даже побежденная, оставалась последней нитью, связывающей их с исторической Россией, символом русского национального духа. Наконец, конституционные демократы в большинстве своем не разделяли высоких оценок, которые Милюков выставлял эсерам: по мнению кадетов, в 1917–1918 годах эта партия безнадежно дискредитировала себя глупостью и оппортунизмом. Они полагали, что три года большевистского правления отбили у русского народа всякую тягу к социализму, а Учредительное Собрание, игравшее столь заметную роль в расчетах Милюкова и его последователей, казалось им мертворожденным¹⁵. Да, действительно, правые кадеты, подавленные крахом «белых», пока не могли выдвинуть собственную стратегию, но они знали, что «новая тактика», предлагаемая Милюковым, была столь же аморальной, сколь и нерелигиозной.

Милюковская программа была вынесена на обсуждение недельного заседания кадетского ЦК, открывшего

¹⁵ См.: В. Бурцев. Тем, кто против Национального Съезда. – *Общее дело*. – № 321. – 2 июня 1921.

ся в Париже 26 мая 1921 года, накануне общего съезда русской эмиграции¹⁶. Милюков, который председательствовал на заседании, изложил собравшимся свою позицию, закончив предложением порвать с генералами и политическими группировками «правее кадетов» и вступить в альянс с эсерами. Разгоревшаяся дискуссия напоминала обсуждение кадетским руководством в годы первого и второго созывов Государственной Думы вопроса о том, с какими партиями — левыми или правыми — следует заключать предвыборные союзы. Тогда победили сторонники левой ориентации; но на сей раз все складывалось иначе. В ходе голосования окрепшие правые, возглавляемые Владимиром Набоковым, решительно отвергли инициативы Милюкова¹⁷. В результате Набоков встал во главе всей партии и занял пост председателя Русского национального союза (созданной кадетами межпартийной организации), в то время как Милюков с горсткой последователей присоединились к эсерам и прочим социалистам, учредившим Демократический альянс. В последующие годы Милюков сохранил за собой репутацию абсолютно непредсказуемого человека, сначала поддержав Сталина в его борьбе с Троцким, а потом оправдывая сталинский пакт с Гитлером¹⁸.

Организационно порвав с кадетской партией в 1915 году, Струве не участвовал в этих дебатах. Тем не менее он поддерживал тесные отношения с кадетским большинством и неформально сохранял за собой привычную роль

¹⁶ Протоколы этой конференции хранятся в архиве Конституционно-демократической партии Гуверовского института.

¹⁷ Hoover Institution. — Archive of the Constitutional Democratic Party. — Box I. — P. 151-187; см. также: *Общее дело*. — № 323. — 4 июня 1921. Вильям Розенберг в своей работе «Либералы в русской революции» утверждает, что мнения в Центральном комитете разделились почти по ровну, но такое суждение представляется необоснованным. См.: *William G. Rosenberg. Liberals in the Russian Revolution*. — Princeton N.J., 1974. — P. 458-459n.

¹⁸ *М.В. Вишняк. Современные записки: воспоминания редактора*. С. 283.

идейного лидера консерваторов и правых либералов в борьбе с социалистами и левыми либералами¹⁹.

В январе 1921 года его главной заботой стала подготовка к изданию *Русской мысли*, возрождение которой было оговорено на январской встрече с Врангелем в Константинополе. Эта работа была завершена довольно быстро; в феврале того же года в Софии вышел первый номер журнала, как две капли воды похожий на своих предшественников. Сначала финансовая поддержка данной затеи исходила из практически пустой казны Врангеля. В следующем году Струве перевел редакцию в Прагу, где проживал в то время. Здесь он получил финансовую помощь от Карела Крамаржа, богатого чеха, интересовавшегося русскими проблемами и не разделявшего присущих Бенешу симпатий к левому крылу эмигрантов²⁰. Руководство журналом Струве доверил Кириллу Зайцеву, бывшему студенту Санкт-Петербургского политехнического института. Зайцев не был учеником Струве, но отношения между ними завязались именно в институте и упрочились позже, во время работы последнего в министерстве сельского хозяйства и в деникинской администрации. Заметную роль в редактировании журнала, особенно в берлинский период его издания, играл также Глеб Струве. *Русская мысль* выходила в свет с разными перерывами до зимы 1923–1924 годов, когда издание было прекращено из-за недостатка средств. Отдельный и последний номер вышел в Париже в 1927 году.

С января 1921 по май 1922 семейство Струве проживало во Франции. Вместе с женой и четырьмя сыновьями (старший, Глеб, продолжал учебу в Англии) Струве поселился в одном из фешенебельных пригородов Пари-

¹⁹ См., например, статью «Правые кадеты о Национальном Съезде» (*Последние новости*. – № 338. – 26 мая 1921. – С. 1), в которой Набоков и его группа именуются «последователями Струве».

²⁰ О Крамарже и его жене, дочери русского купца, см.: #359/214-215; #644; 25/12-27. См. также книгу: Надежда Николаевна Крамарж. Прага, 1937.

жа. Нам неизвестно, откуда он брал средства на поддержание себя и своей семьи.

Здесь он немедленно включился в политические споры, расколовшие эмиграцию. Начиная со знаменитого цикла статей «Историко-политические заметки о современности» (#548), появившегося в берлинской газете *Руль* весной и летом 1921 года, Струве на протяжении нескольких лет вел жесткую полемику со всеми — будь то левые или правые, — кто отстаивал «примиренчество» с положением вещей, сложившимся в России. Его собственный курс наилучшим образом можно определить как «революционную контрреволюцию»: он предлагал активную борьбу с коммунистическим режимом и всем наследием революции 1917 года любыми доступными средствами, целью которой должно было стать восстановление основ западной России, заложенных Петром Великим. Присущее Струве восприятие новейшей российской истории не позволяло ему предаваться бездействию в надежде на то, что советский режим либо эволюционирует к демократии естественным порядком, либо рухнет под давлением масс. Как мы уже отмечали, Струве считал коммунистическую систему «застывшей» и неспособной к спонтанной эволюции, а русский народ — слишком инертным, чтобы восстать. Трудно судить, насколько высоко он оценивал шансы собственной борьбы (тем более что такие оценки год от года менялись), но совершенно очевидно, что успех не был для него первостепенным фактором. Непреклонное сопротивление он считал нравственной обязанностью. Струве презирал позицию, которую называл «фактопоклонством», и был убежден, что готовность погибнуть за идею сама по себе является ее оправданием. Иными словами, стремление к цели, моральная обоснованность которой не вызывала у него ни малейших сомнений, оказывалось для него самодостаточным.

Он придавал огромное значение русской эмиграции, которую предпочитал называть «зарубежьем» или, более идиоматически, «диаспорой».

«Я не люблю слова “эмиграция”. Это слово, по усвоенному ему и им историко-культурному смыслу и значению, неприложимо к нашему положению и нашим задачам. Эмиграция означает либо постепенное выселение больших масс с умыслом окончательной экспатриации, и притом исключительно или преимущественно по экономическим побуждениям. Либо это слово означает оставление небольшими группами или кучками своей родной страны по мотивам очередных политических разногласий. Ни в том, ни в другом смысле русское Зарубежье не есть эмиграция. Она есть явление количественно массовое и качественно весьма внушительное. Зарубежье — есть великий и беспримерный исход — *Exodus*, вытекший из величайшего исторического катаклизма, не приведшего или не пришедшего еще ни к какому, хотя бы относительно, хотя бы временному равновесию. Поэтому Зарубежье не есть вовсе отрезанный от Внутренней России ломоть, и *исторические судьбы Внутренней России* не только интересны для Зарубежья, они *суть и его судьба*»²¹.

Таким образом, Струве как бы перефразировал Эдмунда Бёрка, для которого Франция в нравственном смысле не совпадала с Францией географической; подобно этому автору он также утверждал, что подлинная России — как раз в эмиграции²².

Русская диаспора оказалась уникальной, поскольку русская революция была уникальна. Ее изгнанники не просто спасались от гибели; они вывезли с собой преемственность политики и культуры, которую коммунистический режим решительно истреблял внутри страны, но без которой возродить Россию было нельзя. Диаспора, таким образом, — это «представительница и выразительница не только старой России, но и России грядущей, не только

²¹ 28/4-7b.

²² Ross J. Hoffman, Paul Levack (eds.). *Burke's Politics*. — New York, 1959. — P. 440.

прошлого, но и будущего»²³. «Мы здесь блюдем национальную культуру, там растаптываемую и уродуемую. Мы здесь отстаиваем там пока скрывшееся *национальное* лицо России»²⁴. И хотя сам Струве эту аналогию не использовал, трудно избавиться от впечатления, что для него захват власти большевиками был подобен разрушению храма Соломона, а сама русская эмиграция похожа на иудейское изгнание. Он упорно и безжалостно боролся с любыми проявлениями усталости и примиренчества в эмигрантской среде. К несчастью для Струве, параллель оказывалась не совсем точной; тому было множество причин и важнейшая заключалась в том, что культура, в которой он видел связующее начало русской диаспоры, была лишена универсальных качеств, позволивших изгнанным евреям сохранять национальную идентичность на протяжении двух тысячелетий. Ведь Петр Великий — это не Моисей, сочинения Пушкина — не Тора, а Москва — не гора Сион.

Вслушиваясь в аргументы Милюкова в пользу «новой тактики» и внимательно читая его передовицы в *Последних новостях*, Струве испытывал болезненное ощущение *déjà vu*. Русские интеллигенты не умели учиться на собственном опыте: здесь, в Париже 20-х, они говорили и действовали так же, как в дореволюционной России. Они сражались друг с другом «как правоверные русские радикалы всех оттенков боролись с “Вехами”, точно угаданная “Вехами” русская революция не осуществилась и не опустошила, в буквальном смысле, русскую землю! Словом, идеология *Последних новостей* есть идеология чистейшей интеллигентской реставрации — полный идейный *pendant* к той *soi-disant* “монархической” идеологии, которая пишущего эти строки трактует как подозрительного социалиста»²⁵. В противовес Милюкову, который целена-

²³ #33/12-1а (речь по случаю присуждения Ивану Бунину Нобелевской премии по литературе); см. также 28/5-26а и 32/1-30а.

²⁴ 26/8-5.

²⁵ 21/7-6 (перепечатано в #548/216).

правленно пытался расколоть эмиграцию, — в глазах Струве подобный грех был непростительным, — он сам отстаивал единство в рядах эмигрантов, невзирая на внутренние различия во взглядах и мнениях. Лишь один вопрос имел значение — Россия. Как и в годы *Освобождения*, когда он стремился, и довольно успешно, сплотить все противостоящие самодержавию группы вокруг лозунга свободы, ныне он добивался единения против советской диктатуры под знаменем патриотизма.

«Идеологически и политически дело большевиков состояло в разложении национально-государственного состояния и политически в разрушении национального государства. Пред этим идейным содержанием и политическим смыслом т.н. большевизма должны смолкать и исчезать все другие разногласия. Черта проходит не только четко, — но и разительно: она проведена в сердцах и написана кровью в истории. *Национализм против интернационализма*. Поскольку эта черта разительно проведена в сердцах, — остальные черты блекнут и пропадают»²⁶.

Таким образом, главной задачей выступало объединение, а не размежевание: взаимные обвинения в прошлых ошибках необходимо оставить, старые партийные разногласия забыть, ибо без этого невозможно будет сформировать программу на будущее.

Однако в 20-е годы создание объединенного фронта оказалось неизмеримо сложнее, нежели в начале века, в дни *Освобождения*. Советское правительство возглавлялось ветеранами борьбы с самодержавием, которые знали все тонкости подпольной работы. В то же время, в отличие от своего имперского предшественника, в борьбе за власть этот режим не признавал никаких моральных или правовых ограничений. В феврале 1918 года ЧК получила право по собственному усмотрению расстреливать подозреваемых в антигосударственной деятельности; подобную власть можно было использовать не только для ликвида-

²⁶ #597/62.

ции тысяч людей, но и для принуждения многих в обмен на жизнь стать тайными агентами и провокаторами. Политические настроения ныне также были иными. Союз освобождения сложился после двух десятилетий «малых дел», в эпоху, когда образованное русское общество рвалось в бой с самодержавной системой. В 20-е годы, после долгого кровопролития, русские отчаянно нуждались в мире и спокойствии. Между 1901 и 1921 имелись и другие отличия, причем все они были не в пользу последней даты.

Тем не менее, несмотря на то, что старые революционеры привыкли называть «неблагоприятными объективными условиями», серьезные усилия реанимировать «освободительную» борьбу — на сей раз с коммунистической автократией — действительно имели место. С завершения гражданской войны и вплоть до 1927 года предпринимались неоднократные попытки преобразовать широкий альянс русской диаспоры в организованную силу, которая позволила бы изгнанникам вести активную борьбу с коммунистическим режимом. Эти инициативы, в которых Струве суждено было сыграть ведущую организационную и теоретическую роль, не достигли поставленных целей, а подчас напоминали даже комическое представление. Но при этом нельзя забывать, что советские власти не только относились к подобным устремлениям крайне серьезно, пытаясь расстроить их с помощью органов контрразведки, но под давлением этого вызова даже корректировали собственную внутреннюю политику, все более терпимо относясь к русскому национализму.

Первая попытка организовать русскую эмиграцию была предпринята в 1919–1920 годы. Ее вдохновителем выступал Владимир Бурцев, чья активная деятельность в рядах социалистов-революционеров до 1917 года и сотрудничество с «белыми» впоследствии делали его идеальным посредником между радикальным и консервативным лагерем эмигрантов. В июне 1920 года Бурцев попытался созвать в Париже конференцию с участием всех ведущих эмигрантских политиков за исключением край-

них монархистов — последователей великого князя Кирилла. Идея не увенчалась успехом, но Бурцев не сдался и зимой 1920–1921, сразу после крымской эвакуации, попробовал еще раз. Теперь он оказался более удачлив: форум, проведенный под эгидой газеты *Общее дело*, учредил организационный комитет по подготовке представительного общенационального съезда русской диаспоры. Этот комитет, в котором участвовал и Струве, в феврале и марте 1921 года провел несколько заседаний. Сам съезд был назначен на июнь. По словам А.В. Карташева, который активно помогал Бурцеву в подготовке этого мероприятия, организаторы съезда сторонились как левых (поскольку не ждали от советского режима никакой спонтанной эволюции), так и правых (ибо не желали предвосхищать форму правления, которая должна будет утвердиться после краха коммунизма)²⁷. Их философия представляла собой сочетание «непримиренчества» и «непредрешенства».

Весной 1921 года оргкомитет разослал широкому кругу политических, профессиональных и общественных объединений, а также видным политикам приглашения принять участие в предстоящем съезде. Две группы были исключены из списка: первой оказалась черновская фракция эсеров, которую, вероятно, посчитали слишком скомпрометированной прежним сотрудничеством с большевистским режимом, а второй — ориентировавшиеся на Кирилла монархисты. (Великий князь Кирилл учредил в начале 1921 года в Берлине Временный русский монархический союз, который в мае того же года провел в баварском городке Рейхенхалле свой собственный съезд²⁸.) Од-

²⁷ Интервью с А. Карташевым.

²⁸ Общий список приглашенных организаций см.: *Общее дело*. — № 320. — 1 июня 1921. — С. 1. За несколько дней до открытия съезда Струве присутствовал на собрании Союза национального объединения, на котором, как сообщается, говорил о том, что хотя недавние события продемонстрировали «трагедию» социализма, социалисты все же должны быть приглашены на съезд. Он выдвинул два условия их участия: во-первых, они должны отказаться от поклонения социализму как «идолу,

нако многие из приглашенных инициативу не поддержали. Социалистические партии и их леволиберальные союзники, то есть весь Демократический альянс, возглавляемый Милюковым, решили бойкотировать мероприятие: по их мнению, Национальный союз, который спонсировал съезд, являлся фашистской организацией²⁹. Русское деловое сообщество в лице парижского отделения Торгово-промышленного союза тоже отказалось прислать своих делегатов. В то время его лидеры (среди которых был и П.П. Рябушинский) занимали по отношению к советскому режиму весьма двойственную позицию. На собрании предпринимателей, состоявшемся в Париже накануне общенационального съезда, Рябушинский выступил с «покаянной» речью, фактически призвав к примирению с Москвой³⁰. Очевидно, во введении в марте 1921 года «новой экономической политики» бизнесмены-эмигранты усмотрели предвестие лучших дней и в связи с этим решили воздерживаться от каких-либо шагов, способных подорвать их шансы на репатриацию и возвращение утраченной собственности. В съезде по разным причинам не участвовали и другие организации.

Первый общенациональный съезд русской эмиграции открылся 5 июня 1921 года в отеле «Majestic» на аве-

стоящему выше родины»; во-вторых, им следует признать «белую» армию, ибо не признающие ее не будут участвовать в форуме ни при каких обстоятельствах. Об этом выступлении см.: «Накануне: перед Национальным съездом». – *Последние новости*. – № 343. – 1 июня 1921. – С. 2. Монархисты, со своей стороны, отвергали «белое движение» на том основании, что оно *слишком* демократично; более того, они одобряли большевизм за то, что он помог сокрушить российские демократические силы. Они были близки к нацистам и зачастую финансировались из тех же источников. См.: R. Williams. Culture in Exile. – P. 160-181. Об исключении черновцев и «правых экстремистов» см.: Национальные съезды. – *Возрождение*. – № 1412. – 14 апреля 1929. – С. 1.

²⁹ См., например, написанную в 1925 году статью Е. Кусковой «Die Elemente des russischen Faschismus»: Karl Landauer, Hans Honneger. Internationaler Faschismus. – Karlsruhe, 1928. – S. 111-126.

³⁰ *Последние новости*. – № 331. – 18 мая 1921.

ню Клебер³¹. Наиболее широко представленной оказалась кадетская партия. Владимир Набоков, возглавивший кадетов после ухода сторонников милюковской «новой тактики», обеспечивал политическое руководство, в то время как Струве выступал в роли идейного лидера. Открывая съезд, председательствующий Карташев заявил, что его целью является сплочение всех антибольшевистских организаций и партий и создание органа, который сможет выступать от имени подлинной России, отстаивать ее интересы и честь, а также координировать борьбу с коммунистическим режимом³². В ходе недельных заседаний зачитывались документы, затрагивающие различные аспекты жизни в Советском Союзе и проблемы, с которыми страна может столкнуться в будущем. В выступлениях преобладал конституционный и демократический настрой, не мешавший, впрочем, некоторым ораторам высказывать более консервативные или более радикальные взгляды. Струве зачитал доклад об экономической ситуации в советской России, в котором доказывал, что в экономическом смысле коммунистический режим является настолько отсталым, что его выживание проблематично³³. Он также не удержался от резких выпадов в адрес Милюкова и социалистов в связи с их решением бойкотировать съезд. На пятый день Струве выступил вновь, на сей раз обрушившись на левую интеллигенцию за ее нетерпимость; дело дошло до того, говорил он с негодованием, что несколько месяцев назад, когда потребовалось организовать гуманитарную помощь для десятков тысяч беженцев из Крыма, социалисты отказались участвовать в этой акции. Нежелание социалистов пересмотреть прежние по-

³¹ Ежедневные отчеты о работе съезда можно найти в номерах *Общего дела* и *Руля* (сочувствующие), а также *Последних новостей* (враждебные) за 6-15 июня 1921 года. См. также: А. Карташев. 10-летие Русского Национального Комитета. – *Россия и славянство*. – № 135. – 27 июня 1931.

³² *Общее дело*. – № 325. – 6 июня 1921. – С. 2-3.

³³ 21/6-8; 21/6-9.

зиции или возвысить интересы России над узкими партийными или личными чувствами казалось ему непостижимым. Струве заявил, что может прямо на съезде признаться в том, насколько далеко он сам готов идти ради блага родины: «Если бы я верил и поверил, что большевизм, хотя бы самым уродливым образом, осуществляет какое-то национальное призвание, как-то подымает и блюдет национальное лицо России, я вот таков, каков я есть, индивидуалист, человек религиозный и фанатически любящий подлинный исторический образ России Петра Великого и Пушкина, этих мужественных выразителей русского национального духа, я бы ни одну минуту не призывал бы к гражданской войне»³⁴. Так почему же Милюкову и социалистам не хватает великодушия и патриотизма для того, чтобы взяться за руки с теми русскими, с которыми они расходятся лишь в стратегии и тактике, но не в конечной цели?

В принятых резолюциях съезд высказывался в пользу конституционной монархии, гарантирующей равные права всем гражданам. Резолюция по национальному вопросу оказалась, как считал Струве, недостаточно радикальной: в то время как он призывал к безоговорочному признанию суверенного статуса всех государств, образовавшихся на месте Российской империи, съезд не решился пойти столь далеко. Касаясь экономических и социаль-

³⁴ *Общее дело*. – № 330. – 11 июня 1921. – С. 2. Ранее Струве был готов даже на большее. В феврале 1920 года, возражая против примирительных жестов Ллойд Джорджа в адрес советской России, он писал: «Если бы большевизм, подобно французскому якобинству, был призван объединить и сплотить Россию, а не раскалывать и разрушать ее, то русские патриоты, невзирая на свое отношение к внутренним проблемам, к политическим и социальным симпатиям, сумели бы найти общий язык с большевиками» (# 542). То было весьма неосторожное высказывание. Именно такого рода рассуждения, когда национальные интересы России выступали главным мерилем отношения к коммунизму, способствовали зарождению в эмигрантской среде консервативных просоветских течений (типа национал-большевизма), которые, как мы увидим ниже, горячо осуждались самим Струве.

ных проблем, съезд поддерживал восстановление частной собственности и свободного предпринимательства, но одновременно признавал, что земля, захваченная крестьянами в 1917 году, отныне принадлежит им по праву и не может быть возвращена бывшим владельцам³⁵. По мнению русской эмигрантской печати, документы съезда в основном отражали влияние Струве.

Важнейшим практическим достижением эмигрантского съезда 1921 года стало образование Национального комитета, который позже выполнял функции главного исполнительного органа несоциалистической и немонархической части эмиграции. Избранный в составе 74 человек, данный орган получил право кооптировать в свои ряды новых членов, общим числом до 111. У нас нет уверенности в том, что декларации и заявления, впоследствии принимаемые Национальным комитетом по таким вопросам, как голод в Поволжье или выделение советской России западных кредитов, имели сколько-нибудь заметное влияние. Вместе с тем комитет мог записать в свой актив одно совершенно бесспорное достижение. Один из его подкомитетов, возглавляемый М.М. Федоровым, без лишнего шума развернул широкую программу филантропической и образовательной помощи эмигрантам. В межвоенный период около 8 тысяч молодых русских с помощью федоровского подкомитета получили университетское образование за границей³⁶. Кроме того, Национальный комитет ежегодно занимался «Днями русской культуры» — любимым детищем Струве, призванным поддерживать в эмигрантах высокий национальный дух и препятствовать их ассимиляции. В этой деятельности Струве усматривал про-

³⁵ См. выше сноску 31.

³⁶ За девять лет (с 1922 по 1931) организация Федорова потратила на образовательные цели 200 миллионов французских франков (около 10 миллионов долларов), полученных из частных и государственных иностранных источников. См.: *Возрождение*. — № 2212. — 23 июня 1931. — 2.

должение работы, начатой Лигой русской культуры, основанной им в 1917 году³⁷.

Возможно, Русский национальный союз и образованный им Национальный комитет добились бы более впечатляющих результатов, если бы не понесенная ими тяжелая утрата. В марте 1922 года кадетская партия, составлявшая основу союза, проводила в Берлине собрание, на которое был приглашен Милюков. Крайние монархисты решили воспользоваться этой возможностью для устранения человека, которого считали ответственным за беды России. Когда Милюков начал выступать, с места вскочил неизвестный и с криками «За царя и Россию!» открыл беспорядочную стрельбу. Несколько делегатов, сидевших неподалеку (среди них оказался и Набоков), бросились к преступнику и пытались обезоружить его. В это мгновение второй бандит оставшийся до той поры незамеченным, сразил Набокова. С его гибелью кадеты лишились лидера, а Русский национальный союз — одного из самых решительных сторонников. Для конституционных демократов и прочих «умеренных» эмигрантов эта потеря оказалась невосполнимой³⁸.

Второй съезд Русского национального союза прошел в Париже 11–15 сентября 1924 года, накануне ожида

³⁷ В подготовленной КГБ истории ЧК содержится фантастический рассказ о том, что в 1919–1921 годах Струве и бывший царский министр финансов В.Н. Коковцев из Парижа финансировали деятельность антисоветского подполья, намеревавшегося захватить Петроград. По словам авторов, деньги на эти цели поступали от русского Торгово-промышленного союза в Париже. Благодаря бдительности ЧК, сообщается в рассматриваемом исследовании, в июне 1921 года сотни заворшиков во главе с их предполагаемым лидером В.Н. Таганцевым были арестованы. См.: Из истории Всероссийской Чрезвычайно Комиссии, 1917–1921 гг. — М., 1958. — С. 445–447.

³⁸ Струве был знаком с Набковым еще со школьных дней в Санкт-Петербурге. По случаю его гибели он написал два некролога (#561 #587), в которых обращал внимание на высказываемое покойным еще до 1917 года предчувствие катастрофы. Милюков же в ближайшем номере собственной газеты опубликовал поздравительные телеграммы свой адрес; он почти не уделил внимания памяти человека, который спас его ценой собственной жизни.

емого признания СССР со стороны Франции. То было не слишком представительное и довольно унылое мероприятие. Подготовленный Струве краткий анализ основных идейных течений русской эмиграции (#597) стал единственным заметным следствием этого серого события³⁹.

Струве задержался в Париже на полтора года. Время от времени печатался в *Руле* и *Русской мысли*. Весной 1921 года он принял участие в парижской конференции торговцев и промышленников⁴⁰, а в октябре того же года ездил в Прагу на съезд русских ученых, на котором выступил с речью о роли науки в русской культуре⁴¹. Тогда же были подготовлены к публикации во французском журнале две ключевые главы «Хозяйства и цены» (#449 и #450). Но, тем не менее, Струве так и не обзавелся постоянной работой, а следовательно, и стабильным заработком; именно поэтому он с готовностью принял предложение занять профессорскую должность в Чехословакии.

В начале 20-х годов чешское правительство активно поддерживало так называемую «демократическую» русскую эмиграцию; проводя подобную линию, оно рассчитывало на то, что советская власть долго не продержится и скорее рано, чем поздно, уступит левоцентристскому режиму, в котором эмигранты будут играть значительную роль. Выше уже упоминалось о финансовой поддержке, оказываемой чехами *Последним новостям* и *Современным апискам*. В дополнение к субсидиям, выделяемым этим мигрантским изданиям, правительство Чехословакии учредило при Пражском университете Русский юридический факультет, который должен был готовить адвокатов и гражданских служащих для будущей демократической России. Его директор П.И. Новгородцев, бывший предсе-

О съезде см.: *Вестник Русского Национального Комитета*. – Париж. – 10. – 1 декабря 1924.

Руль. – № 429. – 13 апреля 1922. – С. 4.

¹ 26/6-7б.

датель кадетской партии и видный теоретик права, пригласил Струве, своего давнего друга, занять должность на факультетской кафедре политической экономии. Сюда же были приглашены В.А. Косинский, ранее преподававший в университетах Одессы и Киева, и В.Ф. Тотомянец, специалист по кооперативному движению⁴². Струве данное приглашение показалось привлекательным не только потому, что сулило щедрое жалованье (как член Академии наук он мог претендовать на самую высокую зарплату). Он полагал, что открытие за границей полноценного русского факультета поддержит русскую культуру в эмиграции⁴³.

Открытие юридического факультета было запланировано на середину мая, и в конце апреля семейство Струве перебралось в Прагу. Здесь они прожили до середины 1925 года. Как потом выяснилось, за три десятилетия, прошедших с начала первой мировой войны и до самой смерти Струве, этот период был для него самым безмятежным. Внешне его пражская жизнь 1922–1925 годов очень напоминала ту, которую он вел в довоенном Петербурге. Он читал русским студентам лекционные курсы на русском языке, очень похожие на ранее читанные в Санкт-Петербургском политехническом институте — в частности, по политической экономии и экономической истории. Он возобновил экономические исследования, прерванные революцией. Работа в данной сфере шла в нескольких направлениях. Струве уточнял собственную концепцию, базирующуюся на понятии цены, всесторонне критиковал конкурирующие теории, в особенности так называемую «теорию равновесия» (#579 #585, #596). Он намеревался пересмотреть русское издание «Хозяйства и цены» и подготовить немецкий пер

⁴² В книге Постникова «Русские в Праге» (с. 83-84) приводится список преподавателей этого факультета.

⁴³ В 1923-1924 годах, в период его расцвета, на Русском юридическом факультете обучались около 500 студентов; факультет был закрыт 1928 году из-за нехватки средств.

вод этой книги⁴⁴. Струве приступил также к написанию фундаментального труда по политической экономии («Основы политической экономии»), набросок которого был, видимо, завершен еще в 1923 году, но о дальнейшей судьбе этой рукописи ничего неизвестно⁴⁵. И, как и до 1917 года, он продолжал редактировать *Русскую мысль*. Семья тогда довольно комфортно проживала в Смихове, пригороде Праги. Струве почти никуда не отлучался: за три пражских года он ездил за границу лишь однажды, когда весной и летом 1924 года посетил Берлин, Лондон и Париж, встречаясь с друзьями, работая в библиотеке Британского музея и участвуя в заседаниях второго съезда Русского национального союза.

Как и в петербургский период, Струве неустанно полемизировал со своими интеллектуальными и политическими противниками. Он беспощадно нападал на каждого, включая своих старых друзей, у кого усматривал малейшее намерение «принять» революцию, приписать ей ациональный смысл, приукрасить ее. Он отвергал коммунизм с той же бескомпромиссностью, с какой Ленин трицал капитализм и «буржуазию», хотя в его случае, в тличие от ленинского, теоретический радикализм отюдь не подкреплялся совершенно жутким видением политической реальности. В своем антикоммунистическом неистовстве Струве иногда впадал в крайности, раздраавшие даже его друзей. В 1922 году Семен Франк, вероятно, самый близкий личный друг Струве, прибыл из советской России в Германию. Он не виделся со Струве ять лет. И хотя сам Франк не питал ни малейших симпай ни к революции, ни к возвращенному ею режиму, фанализм Струве неприятно удивил его:

⁴⁴ #585/200 прим. В письме Борису Никольскому от 27 января 1946 гоа Аркадий Струве сообщает, что в основном завершенная его отцом /копись немецкого перевода, включавшая теоретическую часть «Хойства и цены» с некоторыми дополнениями, была потеряна в 1942 /ду во время переезда Струве из Белграда в Париж.
#579/3.

«П.Б. был прежде всего *действенной* натурой, *моральным борцом*; моральное отвержение большевизма, сознание необходимости активной борьбы с ним охватило все его существо с такой силой, он испытывал такой огромный моральный “шок”, что именно этим было *всецело* определено его отношение к совершившемуся в России; не только чисто теоретическое, познавательное восприятие действительности — к которому он, вообще говоря, обладал таким выдающимся дарованием — должно было в нем ступешаться, отойдя на задний план перед моральной оценкой, но под влиянием испытанного им горестного удара, он, как мне кажется, на время — я готов сказать — потерял душевное равновесие, в значительной мере утратил присущую ему широту и свободу мысли»⁴⁶.

Главная проблема Струве заключалась в том, что в 1920–1921 годах в советской России действительно происходили перемены, в которых при известном желании можно было усмотреть симптомы превращения режима во что-то более «нормальное» и приемлемое. Террор прекратился: крестьяне вновь обрели право продавать свою продукцию на рынке; было легализовано мелкое предпринимательство. Власть терпела и даже поощряла русский патриотизм. На деле за всеми перечисленными тенденциями стояла новая тактика коммунистического правительства, сознававшего, что борьба за власть выиграна и теперь измученному народу следует дать возможность восстановить силы для новых испытаний, которые для него готовились. Но русские эмигранты, отчаянно искавшие хотя бы проблеск надежды, едва ли годились на роль непредвзятых наблюдателей. События в России убеждали многих из них, что худшее уже позади, а режим меняет свою природу. Левая эмиграция видела в происходящем возобновление прерванного пути к демократии, в то время как правая — возврат к традиционным русским ценностям. Общественные группы, однако, объединяло то, что они руководствовались

⁴⁶ С. Франк. Биография П.Б. Струве. — С. 125.

лись политическими мнимостями, то есть заявлениями и тактическими шагами советского правительства, забывая о его сущности. Из-за недостатка исторического образования или же в силу всепоглощающего желания во что бы то ни стало выявить знаки перемен они были неспособны к более глубокому проникновению в структуру советской власти или, говоря конкретнее, в диалектику взаимоотношений между политическим господством и контролем над ресурсами страны. Если бы это было сделано, эмигранты поняли бы, что несмотря на внешние новации 1920–1921 годов, органических подвижек не происходило; природа системы оставалась прежней. Советский режим теперь не просто заявлял о монопольных притязаниях на власть, но подкреплял эту монополию делом, подавляя социалистические партии, которые свободно действовали во время гражданской войны. Что касается монополии на ресурсы, то «новая экономическая политика», допустив возрождение небольших частных предприятий, сделала это лишь временно, чтобы оживить почти рухнувший потребительский рынок. Крупные предприятия вообще не были затронуты новшествами. Таким образом, механизм тоталитарного государства, созданный в 1917–1918 годах, остался в неприкосновенности. Благодаря глубоким познаниям в политической и экономической истории Струве, в отличие от своих оппонентов, правильно интерпретировал эти факты. То был первый, но далеко не последний раз, когда поспешные и тенденциозные суждения убеждали людей в том, что советская Россия «меняется».

Мы уже излагали аргументы левых, анализируя воззрения Милюкова. Его позиции поддерживались и укреплялись Екатериной Кусковой, покинувшей Россию в 1922 году. То была смелая и благородная женщина, которую уважали даже оппоненты, но ее политические идеалы всегда оставались довольно расплывчатыми, а оценки — весьма неточными. Вместе с мужем, экономистом С.Н. Прокопичем, она выехала на Запад под давлением советских властей, используя эту возможность для пополнения собст-

венного благотворительного фонда, известного, благодаря фамилиям его учредителей (Прокопович, Кускова и Кишкин), как «Прокукиш». Вскоре супруги решили остаться за рубежом. Едва ступив на немецкую землю, Кускова включилась в кипевшую в эмигрантских кругах дискуссию, отстаивая крайние «эволюционистские» взгляды. В последующие несколько лет она заявляла, что несмотря на политический режим — достижения которого, по ее мнению, недооценивались эмиграцией, — страна идет вперед. Создается «прекрасная новая Россия», уверяла она эмигрантов. Не существует ни малейшей возможности того, что советский режим навяжет стране плановую экономику, утверждала она в 1926 году, всего за два года до начала первой пятилетки. Россия вынашивает собственный термидор. У эмиграции, по словам Кусковой, была лишь одна миссия — помогать родине в движении вперед. Более точно это означало воздействие на западные правительства с целью дипломатического признания советской России и предоставления ей кредитов, а потом — возвращение домой⁴⁷.

Вопреки собственным рекомендациям, ни Кускова, ни ее муж в Россию не собирались, но другой «благой шаг» они все же сделали: в Берлине был открыт «научный кабинет» для изучения СССР и в особенности его экономических успехов. Многим эмигрантам это учреждение казалось «слишком красным», однако Струве, несмотря на многочисленные разногласия с Кусковой, бойкот не поддержал. Он передал в издаваемый Прокоповичем *Экономический вестник* три научные статьи и одну рецензию⁴⁸ — еще одно доказательство того, что он никогда не позволял политическим расхождениям вмешиваться в вопросы образования и культуры. Точно так же его неистовая газетная полемика с

⁴⁷ Взгляды Кусковой на происходящее в Советском Союзе, а также ее оценки русской эмиграции кратко изложены в речи, с которой она выступила в Париже 16 марта 1926 года. См. критический отчет об этом событии: Четвертый фронт. — *Последние новости*. — № 1821. — 18 марта 1926. — С. 1.

⁴⁸ #575а; #579; #595; #580.

предлагаемым Кусковой розовым видением советской действительности⁴⁹ не затрагивала личных отношений с этой семьей, которые всегда оставались самыми дружескими. Навещая их в Праге, Струве неизменно разыгрывал один и тот же шуточный ритуал. Он звонил в дверь и, как только Кускова или Прокопович открывали, кричал: «В этом доме принимают контрреволюционеров?»⁵⁰

Как бы то ни было, споры с Милюковым и Кусковой оставались для него делом вполне привычным, продолжением в изгнании тех битв, которые он вел с левой интеллигенцией с 1905 года. Куда большее беспокойство доставлял ему новый вариант «примирения» с революцией и коммунизмом, зародившийся в начале 20-х годов среди национально мыслящих, консервативных эмигрантов. Противодействие этой тенденции оказалось для Струве в высшей степени сложным. Ее отстаивали люди его собственного круга, друзья и ученики, разделявшие его ценности, также считавшие славу и величие России высшим благом — и в то же время приходившие к заключениям, диаметрально противоположным выводам самого Струве.

Доктрины национал-большевизма, неославянофильства и евразийства, распространившиеся в 20-е годы среди патриотически настроенных эмигрантов, объединяло с теориями Милюкова, Кусковой и прочих «демократических» левых то, что они тоже настаивали на поиске некоего положительного содержания большевистской революции. Правда, представители новых течений усматривали этот позитивный смысл отнюдь не в поступательном развитии демократии, которую недолго любили и которой не доверяли. В их глазах несчастья России были симптомом эпохальных исторических перемен, муками становления новой эры человеческой истории. С точ-

⁴⁹ 26/10-16; 28/2-4; 30/4-26; 35/11-10.

⁵⁰ *Е. Кускова*. Страницы прошлого: П.Б. Струве. — *Новое русское слово*. — № 12229. — 21 октября 1945. — С. 2.

ки зрения неославянофилов и евразийцев (национал-большевики в данном вопросе держались особняком), «отрицать» русскую революцию и порожденный ею большевизм было столь же бессмысленно, как, скажем, не признавать наступление ледникового периода или крушение Римской империи. Отказавшись от аналогий с французской революцией или «смутным временем», они опирались на современную философию истории и прежде всего — на сочинения славянофилов прошлого века, а также работы Освальда Шпенглера и немецких геополитиков. Они «принимали» революцию в качестве неизбежного результата исторического процесса: поскольку повлиять на ход вещей абсолютно невозможно, люди, с их точки зрения, не могли «любить» или «не любить» это явление.

Национал-большевизм (известный также как «сменовеховство» — по названию его манифеста, «Смена веx», нарочито отсылавшему к «Веxам») стал первой серьезной примиренческой инициативой, зародившейся в правом лагере⁵¹. Его основатель и ведущий теоретик Н.В. Устрялов в годы гражданской войны был руководителем информационной службы в правительстве Колчака и одновременно возглавлял восточное (сибирское) отделение кадетской партии. Он являлся большим почитателем Струве, которого называл «давнишним властителем своих политических дум»⁵². После падения колчаковского режима он перебрался в Манчжурию, где с января 1920 года начал публиковать в русской прессе статьи, наметившие основные постулаты национал-большевизма⁵³. С точки зрения Устрялова, поражение «белых» армий (которое он, в отли-

⁵¹ Об этом движении см.: *H. von Rimscha. Russland jenseits der Grenzen, 1921-1926.* — S. 163-178; *R. Williams. Culture in Exile.* — P. 263-272. Исключительно интересные материалы, касающиеся «Смены веx», можно найти в архиве Устрялова, который хранится в Гуверовском институте.

⁵² *Н. Устрялов. В борьбе за Россию.* — Харбин, 1920. — С. 66.

⁵³ Там же; цитируемая книга представляет собой сборник этих статей.

чие от Струве, считал бесповоротным) не означало конец России как великой державы. Он был уверен (в особенности после начала в апреле 1920 года советско-польской войны), что несмотря на всю свою интернационалистскую риторику и формальное наделение этнических меньшинств правом на самоопределение, большевизм вдохновляется традиционными для России националистическими и империалистическими импульсами. Возвращение Советами отпавших национальных окраин, а также агрессивная внешняя политика Ленина, сопровождаемые подъемом нового, «советского» патриотизма, убеждали Устрялова в том, что традиционная Россия вновь утверждает себя. На деле советская власть выполняет великую миссию исторической России. Следовательно, патриотам не нужно тратить силы на борьбу с коммунистическим режимом; вместо этого следует всячески поддерживать его централизаторские и имперские начинания. «Первое и главное — собирание, восстановление России как великого и единого государства. Все остальное приложится»⁵⁴. Еще до введения нэпа Устрялов предсказывал, что большевики примут капитализм с той же неизбежностью, с какой они приняли империализм. Для него большевизм оставался лишь маской, за которой скрывалось возрождение русского национального духа.

Устрялов переписывался со Струве по поводу всех упомянутых вопросов, причем в этой переписке он более откровенно, нежели в публичных выступлениях, раскрыл политические следствия своих воззрений. По мнению Струве, устряловская концепция исходила из двух главных предпосылок: 1) воссоединение отколовшихся территорий, входивших ранее в состав империи, а также отбитое польское вторжение продемонстрировали, что какой бы ни была идеология советского режима, на деле он выполняет национальную миссию; 2) любая вооруженная борьба с этим режимом, в особенности опирающаяся на

⁵⁴ Там же. — С. 5.

зарубежную помощь, даже в случае успешного завершения будет иметь для России разрушительные последствия⁵⁵. Особое значение Устрялов придавал подъему националистических настроений, наблюдавшемуся в «красной» армии во время польской войны. Он полагал, что, поощряя эти чувства, можно будет преодолеть коммунизм; Струве позже охарактеризовал такую стратегию как попытку предложить Советам «картонного троянского коня»⁵⁶. Поскольку Устрялов намеревался действовать изнутри, для него было важно как можно скорее покончить с эмиграцией. «Мы должны пресечь эмигрантские потоки и помирить эмиграцию с советским правительством», — писал он одному из друзей в 1922 году⁵⁷. На практике его программа концентрировалась на репатриации русской диаспоры.

Взгляды Устрялова оказали заметное влияние на националистическое крыло эмиграции, в особенности после того, как в июле 1921 года в Праге вышел сборник «Смена вех», подготовленный им в сотрудничестве с несколькими единомышленниками. Из названия сборника следовало, что пришло время установить новые вехи, отличные от обозначенных в 1909 году. Тогда русских патриотов призывали уйти от политики к самосовершенствованию; теперь им предлагалось покончить с эмигрантской жизнью и вернуться домой.

Большевики без труда разглядели в подобных начинаниях идеологическую диверсию; вместе с тем они смогли оценить ее выгоду и решили использовать национал-большевизм в собственных целях. Совершенно очевидно, что Ленину было удобно представлять свой режим в качестве защитника традиционных российских интересов. Создание подобного имиджа помогало ему сеять раздоры среди националистов как в эмиграции, так и в самой Рос-

⁵⁵ #548/217.

⁵⁶ См.: 32/4-26.

⁵⁷ Цит. по: *R. Williams. Culture in Exile.* — P. 266.

сии, которые считали его режим порождением международного заговора. Вслед за выходом «Смены вех» в Праге Москва разрешила публикацию книги в Советском Союзе. Кроме того, она выделила щедрые субсидии для финансирования деятельности «сменовеховцев» на Западе, благодаря чему лидеры движения издавали огромное количество брошюр и периодических изданий, а также учредили сеть репатриационных комитетов со штаб-квартирой в Софии. Наибольшую популярность «сменовеховство» завоевало среди патриотически настроенных эмигрантов, которые боролись с коммунизмом в первую очередь из-за того, что видели в нем «интернациональный режим», навязанный России немцами и евреями, но при этом не слишком разбирались в основополагающих принципах и целях ленинизма. Многие из этих людей считали, что Запад их предал, отказавшись поддерживать «белое движение» и сурово обойдясь с его осколками; они испытывали злобное удовлетворение от того факта, что «их» Россия сумела выстоять и даже посрамить западные державы так же, как в свое время унизили их самих. За деятельностью «сменовеховцев» стояли советские спецслужбы, которые мгновенно взяли под контроль все их организации. Всероссийская конференция партии большевиков, состоявшаяся в августе 1922 года, описывала «Смену вех» как течение, которое «до сих пор играло и еще будет играть объективно-прогрессивную роль»⁵⁸. В том же году Ленин восхвалял «сменовеховство» как «очень полезную вещь», как выразителя «настроений тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики»⁵⁹. Покровительственный

⁵⁸ В.И. Ленин. Собрание сочинений в 30-ти томах. – Т. XXVII. – С. 526. Ленин и подражавшие ему коммунистические историки обычно связывали появление «сменовеховства» с введением нэпа, изображая его как попытку реставрировать капитализм. Данный подход не только нарушал хронологию, но и полностью игнорировал главные постулаты движения, в основе которых лежал национализм.

⁵⁹ Там же. – С. 243.

тон, публично взятый большевистскими лидерами, должен был бы подтолкнуть устряловцев к мысли о том, что из манипуляторов они превратились в объект манипуляций. Но этого не случилось, хотя сам Устрялов, по всей видимости, отмечал подобные тенденции. Позже, когда движение выполнило свою задачу, его без лишнего шума «прикрыли». Многие откликнувшиеся на его призывы по возвращению в Россию были расстреляны; среди них оказался и Устрялов, который, став репатриантом в 1935 году, через три года сгинул в сталинских «чистках».

Струве с самого начала уделял национал-большевизму серьезнейшее внимание. Весной 1921 года, комментируя устряловские статьи, только что вышедшие отдельной книгой («В борьбе за Россию»), он называл движение одним из наиболее интересных феноменов, появившихся в эмиграции — в отличие от идеологии Милюкова, которая, будучи порождением интеллигенции, привыкшей противопоставлять себя *ancien régime*, была наименее интересной⁶⁰. Ему нравился общий подход Устрялова, стремившегося оценивать большевизм по национальному критерию, то есть по тому, что данный режим сделал для России. Но в то же время Струве считал устряловскую идеологию порочной. Не собираясь спорить с тем, что «красные» одолели «белых» (хотя вопрос о необратимости поражения виделся ему открытым), Струве сознавал, что победа досталась коммунистам ценой полнейшего истощения национальной экономики и культурного упадка — иными словами, за счет подлинных национальных интересов России. Следовательно, представление о том, что большевизм служит национальным интересам, можно было считать поверхностным. Что же касается будущего, то, по мнению Струве, полагаться на то, что такое интернационалистское учение, как большевизм, внезапно проникнется национализмом, ни в коем случае не стоило.

⁶⁰ #548/215-216.

Когда сборник «Смена вех» вышел в свет, Струве сразу же распознал за его высокопарными патриотическими рассуждениями коллаборационистские мотивы. Он незамедлительно развернул атаку на «сменовеховцев». В его глазах этот сборник, с его оскорбительными аллюзиями в отношении «Вех», был пропитан трусливым почтением к большевистской революции. То было проявление «рабской» ментальности; по своей идейной сути книга была просто «смрадной». Но даже подобная терминология казалась Струве недостаточно сильной; в определенном смысле, продолжал он, «Смена вех» представляет собой «самое чудовищное явление в истории духовного развития России»⁶¹. Последующее подчинение «сменовеховства» советскими спецслужбами укрепило Струве в его негативных оценках. Но все-таки, как оказалось впоследствии, он решительно недооценивал важнейший факт, подмеченный национал-большевиками. Речь идет о том, что со временем советский режим действительно преуспел в сокрытии своей «интернационалистской» сущности, трансформировавшись в силу, готовую действовать в национальных интересах России и эксплуатировать русский патриотизм в собственных целях.

Неославянофильство, также родившееся после гражданской войны, в интеллектуальном плане заметно превосходило национал-большевизм. В начале 1920-х под обаяние этой доктрины попали даже лучшие представители молодых интеллектуалов-эмигрантов. Это движение породило не столько стратегию разрушения советского режима изнутри, сколько философскую систему, пытавшуюся вписать русскую революцию в контекст мировой истории.

Неославянофилы воскресили, усилили, а в некоторых аспектах радикально переосмыслили идеологию русского славянофильства. Для евразийцев, как и для последователей Бердяева (во многих других отношениях эти

⁶¹ #556/227.

группы различались), русская революция представляла собой одно из проявлений общего кризиса западной цивилизации. Обе школы испытали заметное влияние работы Шпенглера «Закат Европы», опубликованной в 1918–1922 годах и завоевавшей широчайшую популярность среди русских интеллектуалов как в России, так и в эмиграции — в значительной степени потому, что ее аргументы давно были знакомы русской читающей публике. Проводимое Шпенглером разграничение «культуры» и «цивилизации», свойственное ему восприятие культур как «органически структурированных» сущностей, не подверженных внешним влияниям, а также убеждение в том, что рационалистически-материалистическая цивилизация Запада стоит на пороге гибели, уже обсуждались в России в книгах Алексея Хомякова, Николая Данилевского и Константина Леонтьева⁶².

Подобно своим предшественникам, неославянофилы придавали фундаментальное значение различию между Западом и Востоком или, говоря более точно, между славянской (славяно-туранской) и романо-германской культурами. Русская революция, рассматриваемая в подобном свете, представляла не событием национальной истории, которое было обусловлено прошлым России и предопределяло только ее индивидуальное будущее, но эпизодом распада романо-германской цивилизации, затрагивающим в числе прочих и Россию из-за пережитой ею насильственной вестернизации. Иными словами, революция явилась кризисом русского западничества, а не русским национальным кризисом. Появление большевизма стало естественным следствием мировой войны. Оба события обозначили важный рубеж в истории человечества, причем за ними неизбежно последуют и другие катаклизмы. Писания неославянофилов буквально пронизаны апокалиптичес-

⁶² В работе «Россия и Европа» (1869) Данилевский настолько предвосхитил некоторые идеи Шпенглера, что не раз поднимался вопрос, насколько многим Шпенглер обязан своему русскому предшественнику.

кими предчувствиями и духом смирения. Они не сомневались, что в конечном счете из всех этих потрясений родится что-то совершенно новое. А возвращение в прошлое невозможно; по их мнению, только в этом смысле следует «принимать» революцию и большевизм или же «примиряться» с ними.

Евразийство, одно из двух основных направлений неославянофильства, представляло собой сугубо академическое течение, главными теоретиками которого выступали профессиональные историки, филологи и теологи⁶³. Все они претендовали на оригинальность собственных построений, но, вопреки подобным заявкам, пристальный исследователь обнаруживает в их произведениях эклектичную смесь позднего славянофильства (в особенности мотивов Данилевского и Леонтьева) и популярных для того времени немецких веяний — геополитики и учения Шпенглера. Движение зародилось в 1920 году среди эмигрантов, обосновавшихся в Болгарии. Его основателями стали Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий, ученик Струве, ранее сотрудничавший с ним в *Русской мысли*. Главный тезис евразийства заключался в том, что Россия — это не Европа и не Азия, но «Евразия», то есть синтетический сплав культур обоих континентов. «Евразия» определялась как географическое целое, простирающееся от Галиции до границ Китая, которое с течением веков произвело на свет общую культуру. Русские лишь во вторую очередь славяне; прежде всего они — евразийский народ, умственный и культурный склад которого формировался в условиях длительного сосуществования с прочими обитателями этой обширной территории, главным образом туранцами (тюрками). В приложении к средневековой Руси данная концепция продемонстрировала довольно интересные результаты; но в других областях, в

⁶³ О евразийстве см.: *Otto Böss. Die Lehre der Eurasier.* — Wiesbaden, 1961; *Nicholas V. Riasanovsky. Emergence of Eurasianism.* — *California Slavic Studies.* — IV. — 1967. — P. 39-72.

частности в лингвистике, ее открытия зачастую оказывались абсурдными.

Евразийцы видели в революции естественную реакцию евразийского элемента, присущего русской культуре, на западничество, которое было навязано стране Петром Великим и его последователями. В конце концов, этот кризис завершится возвращением России к своим сокровенным евразийским истокам. Евразийцы не защищали советский режим, хотя и не слишком возражали против его политики, поскольку усматривали в нем «прогрессивное» начало, способствовавшее окончательному возвышению Евразии. Среди тех шагов коммунистов, которые оправдывались ими, были удаление слова «Россия» из принятого в 1924 году наименования государства («Советский Союз») и вовлечение в политику «демократических» сил, не испорченных западными влияниями. Политические идеалы евразийцев были по-детски наивны (некоторые из них усматривали свое призвание в том, чтобы принять Россию из рук коммунистов) и потому оказали гораздо меньшее влияние, нежели их исторические и культурологические концепции.

Поначалу Струве отнесся к построениям евразийцев вполне терпимо: он считал, что в них запечатлен дух подлинного патриотизма⁶⁴. Но по мере того как движение оформлялось, прилагая свои концепции к различным аспектам российской жизни, в том числе и к политике, он испытывал разочарование. По мнению Струве, в евразийстве были своя правда и своя ложь, но в любом случае это учение оказывалось настолько пронизанным «мифологией», что никак не могло претендовать на истинно научную аналитику⁶⁵. Струве нигде не подвергал данную доктрину серьезной и систематической критике, полагая, вероятно, что журналистских выпадов в ее адрес вполне достаточно⁶⁶. Со временем, после того как организационные структуры ев-

⁶⁴ #571/376.

⁶⁵ #571.

⁶⁶ См., например: 25/9-28; 27/2-8; 27/5-8.

разийцев также оказались под контролем советских спецслужб, он энергично выступал против этого течения, обвиняя его в пропаганде «примиренчества» среди эмигрантов. В 1932 году он называл евразийство «вторым изданием» «Смены вех» и полностью коррумпированным течением⁶⁷. В другом случае он высказывался о нем как о «разновидности большевистского ревизионизма, как бы самом правом крыле большевистской оппозиции, практически приемлющем советский строй, но желающем поновому обосновать, так сказать, подвергнуть “капитальному ремонту” и выкрасить на новую краску»⁶⁸. Особенно неприятное впечатление на него производили личное тщеславие евразийских мыслителей, их безудержное самолюбование и «политическая предприимчивость». Струве казалось, что в евразийском движении жизнь и смерть сплелись воедино: «Читая новый сборник “евразийцев”, я испытывал явственнее, чем когда-либо раньше, духовное, но доходящее у меня до физической яркости и непререкаемости не впечатление, а ощущение. Сколько раз такое же физическое ощущение испытывалось, с тех пор как впервые еще ребенком, страшно боявшимся смерти и всего даже лишь намекающего на нее, меня привели к отпеванию, и я ощутил смесь физического тлена — заглушенного или еще рождающегося трупного зловония — с запахом благовоний и ароматом цветов»⁶⁹. Евразийство несло в себе ту же комбинацию запахов; гниение революции сливалось в нем с ароматами патриотизма и религиозной веры.

Но самые большие сложности для Струве создавал Бердяев. Обоих мыслителей связывала старая дружба; кроме того, Бердяева можно считать учеником Струве, добившимся литературной славы именно под покрови-

⁶⁷ 32/4-26. О вовлеченности ГПУ см.: *Geoffrey Bailey* [Ryszard Wraga?]. *The Conspirators*. — New York, 1960. — P. 82.

⁶⁸ 28/12-8.

⁶⁹ #571/376.

тельством последнего. Во время революции 1905 года они разошлись, отчасти из-за проповедуемой Бердяевым разновидности славянофильства, интерпретировавшей революционное движение в терминах «подавленной» религиозности. Такая точка зрения, в свою очередь, заставляла Бердяева усомниться в ценности конституционализма, парламентаризма и многих других вещей, столь дорогих сердцу Струве. Как я отмечал выше (в главе 2), принятие Бердяевым теологии Соловьева углубило разногласия между бывшими единомышленниками. И все же до 1918 года они продолжали сотрудничать: Бердяев считал Струве интеллектуальным гигантом, которому не удалось понять подлинного пафоса русской революции, в то время как сам Струве со свойственной ему идейной терпимостью был готов вообще закрыть глаза на их расхождения. Бердяевское «примиренчество», таким образом, стало для Струве особенно болезненным ударом, усугубляемым еще и тем, что Бердяев, опиравшийся на поддержку своих зарубежных почитателей, имел возможность заниматься популяризацией своих взглядов среди западной публики.

Во время гражданской войны Бердяев жил в Москве. Вопреки своей обычной практике коммунисты его не трогали, поскольку провозглашаемый Бердяевым нейтралитет был им на руку. Ему даже разрешили выступать с публичными лекциями и основать Вольную академию духовной культуры. В 1920 году Московский университет предложил ему должность на кафедре философии⁷⁰. В те годы Бердяев испытывал сильное влияние Шпенглера, идеи которого комбинировал со славянофильством и теологией Соловьева. Его философию истории начала 20-х годов можно обобщить следующим

⁷⁰ См. работу Дональда Лоури «Мятежный пророк: жизнь Николая Бердяева» (*Donald A. Lowrie. Rebellious Prophet: A Life of Nicolai Berdyayev.* – New York, 1960). Эта книга, написанная одним из ведущих поклонников бердяевской философии, представляет собой агнографический труд: в ней Бердяев описывается как человек, постоянно оказывавший героическое сопротивление большевикам.

бразом⁷¹. Человечество переживает масштабный кризис, свидетельствующий о конце одной исторической эпохи и начале другой. За грандиозными потрясениями X века стоит углубляющееся разложение западной цивилизации, подтачиваемой рационализмом и материализмом. Люди на пороге «нового средневековья» — эры, которой будет господствовать не машина, но дух. Религиозное сознание вновь возьмет верх, а самые вопиющие проявления безбожия, возникшие в последнее время, предстанут собственной противоположностью: нынешнее неверие скрывает глубочайшие религиозные увствa современного человечества.

В этих величайших исторических катаклизмах русская революция и русский народ выполняют особую миссию: «В душе русского народа, быть может, сохранилась ольшая способность обнаруживать волю к чуду религиозного преобразования жизни. Мы нуждаемся в культуре, как и все народы мира, и нам придется пройти путь цивилизации. Но мы никогда не будем так скованы символикой культуры и прагматизмом цивилизации, как народы апада. Воля русского народа нуждается в очищении и креплении, и народ наш должен пройти через великое окаяние. Только тогда воля его к преобразению жизни ист ему право определить свое призвание в мире»⁷².

Бердяев считал революцию отталкивающей и вечественной одновременно. Ее подлинный смысл не был воспринят ни революционерами, ни их противниками; он открывался лишь религиозным натурам и умиротворял только их. Каждая революция — это «апокалипсис в миниатюре», «некий трибунал внутри истории»⁷³.

¹ Главным источником его воззрений того периода выступает книга «Смысл истории», в основу которой легли лекции, прочитанные Бердяевым в Москве в 1919-1920 годах, а также работа «Новое средневековье», написанная после отъезда из советской России. См.: *Н. Полторацкий*. Бердяев и Россия. — New York, 1967.

² *The Meaning of History*. — P. 223-224.

³ *Н. Полторацкий*. Бердяев и Россия. — С. 85.

Революцию нужно пережить, различая в ней знаки грядущего.

В ноябре 1922 года в ходе продолжающейся чистки небольшевистских партий советское правительство приказало семидесяти ведущим интеллектуалам, среди которых были «веховцы» Бердяев, Франк и Изгоев, покинуть страну. Группу выслали в Германию. Здесь в контакт с Бердяевым вступила Христианская молодежная ассоциация — YMCA (*Young Men's Christian Association*). При финансовой поддержке этой организации Бердяев учредил в Берлине Религиозно-философскую академию, «наследницу» закрытой в Москве. YMCA помогла также запустить масштабную издательскую программу, позволившую Бердяеву познакомиться со своими воззрениями не только русских эмигрантов, но и западного читателя. Близость его идей со шпенглеровскими и личные знакомства с такими известными немецкими мыслителями, как Кайзерлинг и Макс Шелер в сочетании с особой восприимчивостью западной публики к теориям «русской души» «славянской миссии» обеспечили Бердяеву широкую аудиторию. Со временем он стал наиболее известным из русских философов-эмигрантов и единственным, чьи работы были доступны на основных европейских языках.

Как только московские друзья Струве оказались в Германии, он захотел увидеться с ними. Проведя несколько дней в обществе Франка в Гейдельберге, Струве вместе с ним отправился в Берлин. Франк следующим образом описывает встречу:

«В эти же дни П.Б. устроил — в квартире Н.А. Бердяева — совещание между приехавшими из России лицами его единомышленниками по Белому движению. В числе участников совещания были, кроме П.Б., Бердяева и меня — еще В.В. Шульгин, И.М. Биккерман, Г.А. Ланда И.А. Ильин, А.С. Изгоев. П.Б. открыл совещание характерными для его умонастроения словами: узнав, что прибывшие только что из Советской России друзья не понимают значения Белого движения, он считал необходимым свес:

их с деятелями этого движения, чтобы постараться устранить возникшее недоразумение. Я сразу же заметил ему, что считаю искусственным и нецелесообразным такое сужение нашей беседы; Белое движение, как бы к нему ни относиться, есть только средство, а не цель; встретившись после долгой разлуки, в течение которой мы имели разный опыт этих бурных лет, мы, естественно, должны были поделиться мнениями на основную тему о судьбе России и смысле совершившегося в ней. Фактически разговор пошел все же по руслу оценки Белого движения. И.А. Ильин — один из немногих прибывших из России безусловных приверженцев Белого движения — произнес, по своему обыкновению, красивую патетическую речь; он восхвалял моральную красоту Белого движения, как борьбу за право “умирать за родину” (имея в виду борьбу против поражения большевизма в немецко-русской войне). П.Б. сразу загорелся от этих слов; он признал себя “потрясенным ими”, и этим признанием и указанием на моральную правоту защищаемого им дела исчерпывалось то, что он имел нам сказать. А.С. Изгоев и я снова развили наши соображения о более глубоких причинах обнаружившейся неудачи Белого движения. Разговор принял драматический характер с бурного вмешательства в него Н.А. Бердяева, который с страстным возбуждением и в очень резкой форме начал упрекать сторонников Белого движения в “безбожии” и “материализме” — именно в том, что они возлагают все свои надежды на внешнее, насильственное ниспровержение большевизма, не учитывая его духовных источников и не понимая, что он может быть преодолен только медленным внутренним процессом религиозного покаяния и духовного возрождения русского народа. Меня поразила реакция П.Б. на это выступление Бердяева. Оно его, конечно, тоже не переубедило, и он даже пренебрежительно отозвался об одном московском “старце”, мнение которого Бердяев привел в подтверждение своих мыслей. Но вместо того, чтобы поднять брошенный ему вызов и отвечать на него, как это было бы для него естественно, столь же стра-

стной полемикой, он вдруг подошел к расхаживавшему в возбуждении по комнате Бердяеву, обнял его и стал его успокаивать. В этом сказалась обычная, знакомая мне широта и любовная мягкость его натуры, так трогательно-прекрасно сочетавшаяся в нем с необычайной твердостью и фанатизмом морального направления воли»⁷⁴.

После этой встречи Струве и Бердяев отправились на прогулку вместе, проговорив на берлинских улицах всю ночь. Но ни тогда, ни позже взаимопонимания между ними уже не было. Корень разногласий лежал в принципиально различной религиозной философии. Бердяев, как ученик Соловьева, верил в теоцентричный космос, в котором небесное и земное постоянно взаимодействуют. Струве, напротив, рассматривал религию в узком смысле, в качестве трансцендентного царства, которое не укоренено в мире эмпирии и не зависит от него. Свою концепцию он проводил весьма жестко. Мы помним горькие упреки, в 1908 году адресованные им Соловьеву и его адептам в связи с попытками «продавать» религию на каждом углу точно так же, как «одоль или помаду от выпадения волос». Для него религиозный опыт был сугубо личным переживанием, индивидуальным поиском самосовершенствования, не имеющим ни малейшего отношения к политике. Как он писал в 1909 году, «религия как признание и переживание трансцендентных ценностей начинается там, где человек улавливает трансцендентное как таковое и неспособен смешивать его с имманентным или эмпирическим»⁷⁵.

В этой связи стоит упомянуть еще один характерный эпизод. В 1925 году в Прагу с визитом прибыл из Советского Союза генерал А.А. Брусилов. Когда-то он был одним из самых ярких офицеров царской армии, командовал большим наступлением 1916 года, а в 1917 году возглавлял вооруженные силы Временного правительства. После большевистского переворота он стал служить но-

⁷⁴ С. Франк. Биография П.Б. Струве. – С. 131-132.

⁷⁵ #380/148.

вому режиму и летом 1920 года, во время польского вторжения, фактически принял на себя командование «красной» армией. В тот момент Брусилев призвал бывшее офицерство поддержать «красных». Позже он работал в советском министерстве обороны. Понятно, что человека с подобной биографией многие эмигранты считали ренегатом. Струве также был не слишком расположен к нему, но при этом он не считал возможным осуждать Брусилева (и вообще кого бы то ни было) за политическую деятельность с религиозных позиций:

«Мне припоминается нечто, пережитое мною не так давно в Праге. В русскую церковь Св. Николая пришел... генерал Брусилев. К его поведению за последние годы я относился и отношусь совершенно отрицательно. Но я религиозно и церковно не понимал и не понимаю тех, кто возмущались присутствием генерала Брусилева в нашей церкви и доходили даже до желания его оттуда удалить. Церковь от себя не прогоняет ни обыкновенных, ни политических преступников. ...В этом смысле в церкви нет и не должно быть места политике»⁷⁶.

Бердяевская трактовка революции как суррогатной религии, его философские сальто и апокалиптические видения отталкивали Струве. По его мнению, Бердяев постоянно переходил от какой-то общей философской или религиозной предпосылки, в принципе не поддающейся верификации, к конкретным политическим рекомендациям. Струве был готов признать, что «конечный» смысл истории может оказаться абсолютно отличным от того, что усматривали в ней современники: возможно, рассматриваемые *sub specie aeternitatis*, все эти смертоубийства, гибель людей от холода и голода, удушение свободы, сопровождавшие революцию, на самом деле обретут смысл. Но для тех, кому суждено было жить в гуще событий, он недоступен, и поэтому призывать их действовать исходя из этого смысла попросту нелогично. Человеку остается

⁷⁶ 26/8-31.

лишь следовать моральному императиву, следовать здесь и теперь, предоставив право последнего суда будущему. Люди неспособны в одно и то же время служить пешками на шахматной доске и вникать в логику тех, кто эти пешки передвигает. Думать иначе — значит совершать логическую ошибку, которую Струве называл «коротким замыканием». В ее основе лежало перескакивание с общей философской предпосылки к практическому политическому выводу, минуя все промежуточные звенья: «заклучение из посылки получается с быстротой, простотой, ослепительностью и разрушительностью “короткого замыкания”»⁷⁷. Он считал, что Бердяев и другие ему подобные, пережившие кошмарные годы в революционной России, перестали отличать собственные страхи от реальности:

«В писаниях Н.А. Бердяева несостоятельна и соблазнительна та искусственная и нездоровая напряженность и выпренность, которые характеризуют, в особенности — в Зарубежье, писания этого талантливового публициста-философа.

В чем же эта несостоятельность и соблазнительность? В двух прямо противоположных пороках. В отрешенности от живой жизни, с одной стороны, и, с другой стороны, в горделивой мании — от каких-то общих положений философского или богословского характера прямо переходить к жизненным выводам конкретного свойства. Это — та ошибка, о которой я в свое время как о специфической слабости многих русских философствующих умов, и в частности и в особенности самого Бердяева, уже писал — *ошибка короткого замыкания*.

В этом отношении советская власть оказала воистину медвежью услугу таким людям, как Н.А. Бердяев, выслав их. Удаленные из той обстановки, в которой они были поставлены лбом к стене, а спиной — к стенке, — эти люди, попав после этого на вольную волю пусть убогого, но свободного “эмигрантского” существования, свое соб-

⁷⁷ 26/5-27.

ственное кошмарное стояние на коротком расстоянии между стеной и стенкой превратили в какую-то историческую перспективу, и эту воображаемую историческую перспективу одни стали для себя еще укорачивать, а другие наполнять мистическими туманами.

Вот почему случилось то, что они ясные и простые при всей их трудности и запутанности, проблемы конкретной человеческой политики возжелали подменить апокалиптическими вещаниями, ненужными и соблазнительными, ибо никому не дано конкретно-исторически истолковывать апокалипсис, а тем менее его исторически-действенно “применить”⁷⁸.

В построениях Бердяева, этой «причудливой смеси апокалиптики с марксизмом»⁷⁹, Струве был готов критиковать и многие другие моменты. Его глубоко уязвляло то, что перед бердяевским очарованием не устояли многие близкие друзья, среди которых были Франк, Карташев и Зайцев. В 30-е годы, когда русская трагедия превзошла все пределы вообразимого, а миллионы людей были отправлены в лагеря, ничуть не поколебав философскую невозмутимость Бердяева, Струве стал относиться к этому мыслителю с нескрываемым отвращением. Говорят, каждая встреча с Бердяевым в Париже (где последний проживал с 1923 года) вызывала у него физическое недомогание, и он изо всех сил старался избегать подобных случайностей — вплоть до того, что, заметив Бердяева на улице, переходил на другую сторону тротуара. Примирение состоялось лишь в годы нацистской оккупации, незадолго до кончины Струве⁸⁰.

В своем собственном отношении к советскому режиму Струве оставался верным предписанию Герцена: «По моему убеждению, исключительный смысл эмиграции составляет лубочная, сектантская, фанатичная нена-

⁷⁸ 29/2-16.

⁷⁹ 27/11-26а.

⁸⁰ С. Франк. Биография П.Б. Струве. — С. 132.

висть»⁸¹. В своей пражской квартире он повесил такое предупреждение для гостей: «Здесь о примирении с революцией разговаривать воспрещается».

Хотя непримиримость Струве имела нравственное обоснование, у нее обнаруживалась и практическая сторона. В 20-е годы борьба эмиграции с советским режимом не была сплошным донкихотством: порой возникали столь яркие моменты, что даже скептики начинали задумываться о возможном успехе.

В 1921 году 70 тысяч белогвардейцев, первоначально вывезенных в Галлиполи и Лемнос, были эвакуированы и расселены по разным странам, в основном по Югославии и Болгарии. Операция состоялась по требованию французского правительства, которое опасалось, что дисциплинированная и целеустремленная антибольшевистская армия помешает сближению Франции с советской Россией. Для того чтобы раздробить подразделения, связанные годами боевого товарищества, применялись различные уловки: французы даже пытались вывезти «белые» формирования в советскую Россию⁸². Однако и после роспуска «белая» армия сохранила внутреннюю целостность. Основная масса ее солдат и офицеров была вынуждена тяжким трудом зарабатывать свой хлеб на новой родине, строя дороги, работая в каменоломнях и на лесоповалах, возделывая землю или неся воинскую службу. Но даже в таких условиях они сохраняли *esprit de corps* и облик военной организации, которой командовал генерал Врангель, обосновавшийся в югославском городке Сремски Карловцы. Нет ни малейших сомнений, что при удобном случае Врангель смог бы за короткое время восстановить несколько сильных и боеспособных дивизий. Сам генерал не особенно рассчитывал

⁸¹ Цит. по: *H. von Rimscha. Russland jenseits der Grenzen, 1921-1926.* – S. 95.

⁸² См.: *В.К. Даватиц, Н.Н. Львов. Русская армия на чужбине.* – Белград, 1923. – С. 59-62; *H. von Rimscha. Russland jenseits der Grenzen, 1921-1926.* – S. 8-11.

на то, что ему вновь доведется вести своих людей в бой: он полагал, что России предстоит длительный период выздоровления, в течение которого вмешиваться в ее внутренние дела извне не стоит. Как и в 1920 году, когда он принял на себя командование потрепанными деникинскими войсками, Врангеля более заботила судьба самой армии.

Но его правая рука, генерал А.П. Кутепов, думал иначе. Этот офицер отличился в кампаниях гражданской войны и еще более — в трудные времена, наступившие после крымской эвакуации, когда он практически в одиночку сумел восстановить порядок и дисциплину среди деморализованных «белых», стоявших лагерем в Галлиполи. В отличие от Врангеля он был убежден в необходимости продолжать борьбу: если пока нельзя воевать по-настоящему, надо действовать по-партизански, используя террористические и подрывные методы, которые применялись революционерами в борьбе с царизмом. По его мнению, армия являлась не только резервом, который следует беречь на случай грядущих потрясений (типа революции в России); из ее рядов можно было бы рекрутировать революционеров-антикоммунистов, чтобы нелегально перебрасывать их через границу для налаживания контактов с подпольем и противодействия режиму.

Реализация подобной схемы требовала заметного и активного руководства. В свете нежелания Врангеля заниматься политикой Кутепов, с согласия самого барона, в начале 1923 года установил контакт с великим князем Николаем Николаевичем, который уединенно проживал на юге Франции. Он намеревался убедить великого князя принять на себя титул «вождя», впервые присвоенный Лениным и впоследствии использовавшийся многими европейскими политиками межвоенного периода. В основном именно по инициативе Кутепова начала раскручиваться та цепочка событий, которые в течение двух лет поглощали всю энергию Струве.

Николай Николаевич был наиболее выдающимся представителем царской династии в последние десятилетия

ее существования. Это был единственный из поздних Романовых, пользовавшийся уважением и даже восхищением рядовых русских. Внук Николая I и двоюродный брат Николая II, он был видным кадровым офицером. Закончив академию Генерального штаба, он служил в армии, показав себя способным и популярным командиром. Но что более удивительно, несмотря на свою родословную, он демонстрировал заметный интерес к политике. В октябре 1905 года, к примеру, именно Николай Николаевич убедил царя не назначать его военным диктатором, но вместо этого принять предложение Витте о предоставлении народу политических и гражданских прав — совет, завершившийся обнародованием октябрьского Манифеста. Когда началась первая мировая война, он был назначен верховным главнокомандующим русской армией. На этом посту он также обнаружил политическое чутье, выступив с известным обращением к польскому народу, к разработке которого приложил руку и Струве (см. главу 5). Императрица Александра, ревновавшая к популярности великого князя, недолго любила его и отчасти именно поэтому заставила своего супруга отправить того в отставку. Уйдя с поста главнокомандующего в августе 1915 года, Николай Николаевич провел остаток войны на Кавказском фронте. В феврале 1917 он поддержал тех, кто настаивал на отречении Николая II. Оставаясь в душе монархистом, он на протяжении всей жизни выказывал, когда это было необходимо, ту же способность договариваться с либеральными силами, какой отличался его дядя Александр II. Перед самым отречением царь восстановил Николая Николаевича в должности верховного главнокомандующего, но тот так и не смог занять пост из-за возражений Петроградского совета; вместо этого великий князь удалился в крымское имение своего брата⁸³.

Николаю Николаевичу было шестьдесят девять, когда к нему обратился Кутепов. Во многих отношениях вели-

⁸³ О великом князе Николае Николаевиче см.: *Jurij Daniloff. Grossfürst Nikolai Nikolajewitsch; Sein Leben und Wirken.* — Berlin, 1930.

кий князь казался идеальным лидером как для эмиграции, так и для освобожденной России. Он был широко известен и незапятнан скандалами; среди бывших военных он заслужил славу способного офицера, а многие политики считали его трезвым государственным деятелем. В немалой степени в его пользу говорило и отсутствие сколько-нибудь заметной жажды власти; данное обстоятельство имело значение, поскольку армия и поддерживающие ее политические группировки придерживались принципа «непредрешенности» будущего устройства России и не желали, чтобы их возглавлял претендент на престол. В 1918 году, реагируя на запрос Григория Трубецкого о своей готовности возглавить Добровольческую армию, Николай Николаевич дал довольно уклончивый ответ, напомнивший Трубецкому о признании, сделанном князем ранее: «Я родился вскоре после смерти императора Николая Павловича, и все мое воспитание прошло в его традициях. Я солдат, который привык повиноваться и повелевать. Теперь мне некому повиноваться. Я сам должен в известных случаях решать, что должен кому-нибудь повиноваться, — например, Патриарху, если бы он мне сказал, что я то-то должен сделать»⁸⁴. Иными словами, речь шла не о том тесте, из которого делаются властолюбцы. Великий князь покинул Крым вместе с германскими войсками, прибыл во Францию и поселился на Лазурном берегу. Подобно прочим выжившим членам императорской фамилии, он не принимал участия в эмигрантской политике.

Кутепов навестил Николая Николаевича в Антибе в марте 1923 года. О том, как происходила их встреча, ничего неизвестно, но некоторое время спустя великий князь согласился именоваться «лидером» эмиграции. Через два месяца он перебрался в небольшое поместье Шуани в двадцати пяти километрах от Парижа, откуда мог поддер-

«Из дневника князя Григория Трубецкого», 52. — Denikin Archive. — Archive of Russian and East European History and Culture. — Columbia University.

живать непосредственный контакт с эмигрантскими политиками. За связь с эмиграцией отвечал Григорий Трубецкой, сделавшийся его личным секретарем.

Первым ощутимым результатом деятельности Кутепова стало учреждение в сентябре 1923 года Российского общевойскового союза (РОВС), объединившего вeterанов «белых» армий. Формально его возглавлял Врангель, но фактическим руководителем был сам Кутепов. То была весьма любопытная организация, члены которой, занимаясь самой разнообразной мирной деятельностью, рассматривали себя в качестве резервистов русской армии в изгнании. «Впоследствии, где бы ни селились бывшие “белогвардейцы”, там обязательно появлялись организованные ветеранские группы, подживавшие тесный контакт друг с другом и со штаб-квартирой Врангеля в Югославии. Со временем “белые” ветераны, днем работающие на угольных шахтах фабриках Бельгии, Болгарии или Югославии, сидящие за баранкой такси в Париже, Лондоне или Берлине, а по вечерам, переодевшись в старую, но тщательно заштопанную, выстиранную и отглаженную военную форму отправлявшиеся на дежурство в свою ветеранскую ячейку, сделались столь же характерной приметой русско-эмигрантской жизни, как, скажем, цыганские ночные кабаки для Монмартра, Сохо или Курфюрстендамм»⁸⁵.

Внешне все это могло показаться глупой игрой солдатики: «бывшие», неспособные примириться с тем что их армии больше нет, никому ненужные и всеми гонимые, пытаются забыться, облачаясь в старую униформу. Но подобное суждение было бы несправедливым. середине 20-х годов будущее коммунистического режима все еще было под большим вопросом. Ленин не оставил официального преемника, а соперничество между Сталиным и Троцким грозило расколоть большевистскую партию на две враждующие фракции и даже смести сам р

⁸⁵ G. Bailey. *The Conspirators*. – P. 10-11.

жим. Частное предпринимательство, казалось, вернулось навсегда, а за углом уже маячил полноценный капитализм. Из России сообщали, что национализм и монархизм здесь переживают новый подъем, и это еще более обнадеживало. Исходя из всех перечисленных фактов, вполне можно было рассчитывать, что в советской России вот-вот вспыхнет политическая и социальная революция; как только это произойдет, энергичное вмешательство эмигрантских военных организаций может решить исход дела.

Подобные надежды поддерживались также слухами о том, что в России действует мощная подпольная организация монархистов. Осенью 1921 года советский чиновник, находящийся проездом в Эстонии, признался усскому эмигранту, что принадлежит к нелегальной партии под названием «Монархическое объединение [центральной России]»⁸⁶. Другие советские путешественники сообщали дополнительные детали, из которых следовало, что этой организации удалось просочиться в советские институты, широко использовавшие «буржуазных специалистов», — в особенности в армию и экономические структуры, появившиеся в годы нэпа. Информация немедленно дошла до русских монархистов в Берлине. К концу 1922 года последние наладили остойнный контакт с единомышленниками из «Монархического объединения», используя для этого экспертов советских предприятий, выезжавших на Запад по заданиям правительства. Поскольку в период нэпа многие из аких предприятий назывались «трестами», в эмигрантских кругах, посвященных в эту историю, «Монархичес-

Наиболее подробно деятельность этой и других похожих организаций освещается в работах: *G. Bailey. The Conspirators; S.L. Voitsekhovskii. Rest.* — London, Ontario, 1974. См. также: *Р. Врага. «Трест».* — *Возрождение.* — № 7. — 1950. — С. 114-135; *С. Войцеховский. Советские «сверхзефы».* — *Там же.* — № 8. — С. 153-159; «XXX». *Легенда и действительность (Материалы по истории «Треста»).* — *Там же.* — № 14. — 1951. — С. 144-158; № 15. — 1951. — С. 114-129.

кое объединение Центральной России» стали именовать «Трестом». Первоначально посланцы «Треста» просили лишь о финансовой поддержке их подрывной деятельности, но позже стали настаивать на более тесной связи с эмигрантскими организациями, в частности, с Врангелем и возглавляемым им «Российским общевойсковым союзом». Агенты «Треста» привозили из России хорошие новости: страна пресытилась коммунизмом, возрождаются старые традиции, падение советской власти — вопрос времени. Легкость, с которой они пересекали границу, лишь подтверждала заявления об огромном числе сторонников «Треста» в спецслужбах и пограничной страже.

В 1923 году представители «Треста» вышли на Кутепова. Врангель не доверял «Тресту» и отказывался иметь с ним дело, но Кутепов, тоже отчасти сомневавшийся, все же пошел навстречу. Решающую роль сыграл тот факт, что во главе «Треста» стоял известный генерал царской армии А.М. Зайончковский, который в то время являлся профессором советской военной академии. В марте 1924 года, через два месяца после смерти Ленина, Кутепов переехал из Югославии во Францию, чтобы находиться поближе к великому князю Николаю Николаевичу, выполняя при нем роль начальника канцелярии. В этом качестве он курировал всю подпольную работу в Советском Союзе, тесно сотрудничая с «Трестом», хотя у него имелись и независимые источники информации. На протяжении 1924–1925 годов Кутепов и некоторые эмигрантские организации (в частности, монархисты и «евразийцы») поддерживали постоянный контакт с антисоветским подпольем. Масштабы подпольной сети, высокое положение ее членов, ее способность воздействовать на советский аппарат, подтверждаемые многочисленными фактами, говорили о том, что Советский Союз стоит на пороге знаменательных событий.

Весной 1925 года академическая безмятежность Струве была нарушена получением двух приглашений.

В одном ему предлагалось возглавить кафедру политической экономии Софийского университета⁸⁷. При этом учебном заведении действовал известный научно-исследовательский институт экономического профиля (который Струве также должен был возглавить), где работало много русских, и в любое другое время Струве обязательно прельстился бы такой идеей. Но второе предложение, поступившее 30 апреля из Парижа по телеграфу, затмило предыдущее. На сей раз Струве просили возглавить новую русскую газету «патриотического» направления, которая, как задумывалось, сможет конкурировать с милюковскими *Последними новостями*. Проект являлся составной частью политического плана великого князя Николая Николаевича и Кутепова.

Спонсором будущей газеты выступал богатый русский промышленник армянского происхождения А.О. Гукасов, некогда занимавшийся нефтью на Кавказе. В апреле 1920 года, после захвата Азербайджана коммунистами, его месторождения были утрачены. Но часть гукасовских капиталов находилась за границей — средства были вложены в нефтяные танкеры, арендуемые английским правительством во время войны. Когда Гукасов в 1920-м бежал на Запад, британское правительство выдало ему компенсацию, и с помощью этих денег он возродил былое богатство. Гукасов родился в 1872 году и вырос в атмосфере консервативного национализма, отличавшей царствование Александра III: он был монархистом и русским националистом до мозга костей. Но причины, заставившие его субсидировать новое издание, до конца неясны. В интервью, состоявшемся много лет спустя, он утверждал, что прежде всего намеревался противостоять разлагающему влиянию Милюкова на эмигрантов. Однако Зайцеву, позже работавшему в этой газете под началом Струве, казалось, что Гукасовым двигали личные амбиции и жажда наживы, которые тот надеял-

⁸⁷ См.: 28/1-7б; *Глеб Струве*. К столетию со дня рождения П.Б. Струве. — *Записки русской академической группы в США*. — III. — 1969. — С. 145.

ся удовлетворить, прибрав к рукам эмигрантскую печать⁸⁸. Как бы то ни было, Гукасов определенно хотел бросить вызов *Последним новостям*, а для этого ему требовался редактор масштаба Милюкова. Благодаря своей репутации интеллектуала, редакторскому опыту и связям среди эмигрантских литераторов и политиков, Струве казался наиболее очевидным претендентом на этот пост.

Струве прибыл в Париж для консультаций в мае 1925 года. Он связался с Кутеповым и Трубецким, а через них вышел на Николая Николаевича, весьма заинтересованного в гукасовской инициативе. Таким образом, его редакторские обязанности с самого начала были связаны с успехом всего предприятия, разработанного Кутеповым ради сплочения эмигрантов для активной борьбы с советским режимом. «Мое согласие взять на себя редакторство “Возрождения” в свое время было не просто единоличным решением с моей стороны, а результатом настоящего *политического уговора* между мною и А.П. Кутеповым и Г.Н. Трубецким, как лицами, пользовавшимися особым доверием великого князя Николая Николаевича», — отмечал сам Струве⁸⁹. Или, как он писал Ивану Бунину, он принял редакторские обязанности «не как литературно-публицистический режиссер, а как политический деятель, по мотивам политическим, для действия политического»⁹⁰. Точное содержание этого политического соглашения неизвестно, но оно, несомненно, предполагало координацию редакторской деятельности Струве с политическими и военными планами Кутепова и Николая Николаевича.

⁸⁸ Я интервьюировал Гукасова в Париже в 1959 году, когда ему было 87 лет. Тогда, невзирая на свои монархические убеждения и бывшие пронацистские симпатии, он сообщил мне, что полностью одобрял аннексию Сталиным трех прибалтийских республик. По воспоминаниям Гукасова, самое первое политическое влияние на него оказали редакционные статьи Михаила Каткова. Появившись в Париже в 1920 году, он с удивлением узнал, что в глазах русских радикалов и либералов человек с подобными убеждениями не мог считаться интеллигентом.

⁸⁹ #627/297.

⁹⁰ Письмо Струве к Бунину, 17 мая 1925.

Одновременно Струве вел переговоры с Лукасовым. Учитывая политические задачи всего начинания, он стремился обеспечить себе ту степень независимости, которой до революции традиционно пользовались русские редакторы в отношениях с владельцами газет, но которая была непривычна для западной журналистики. По-видимому, он не слишком доверял доброй воле Лукасова, поскольку настаивал на максимальной детализации контракта; причем, как выяснилось позже, подобная предосторожность не избавила его от неприятностей⁹¹. Лукасов сохранял за собой практически полный контроль над финансовыми потоками; он мог блокировать распоряжения Струве, включая кадровые назначения, просто не финансируя их. Контракт был подписан 11 мая 1925 года. На один год Струве гарантировался пост главного редактора, полностью независимого в пределах своей компетенции, со щедрым месячным жалованьем в 3 тысячи франков, что о тех временах составляло 150 долларов⁹².

Как только политические и правовые вопросы были регулированы, Струве погрузился в редакторскую работу. Он решил назвать свою газету *Возрождение*; такое название отражало его убеждение в том, что все случившееся после 1917 года стало разрушением подлинной России — что страна испытывает физическую потребность в возрождении. Точно так же двадцатью годами ранее он дал своей газете имя *Освобождение*, поскольку считал, что страна прежде всего нуждается в свободе от полицейско-юнкратического режима. Родство между двумя изданиями прослеживается и в редакционной статье, которой

Лукасов, не скрывая своего презрения, рассказывал мне о том, что с точки зрения интересов Струве контракт был составлен плохо.

Самого контракта я не видел; мои подсчеты основываются на заработной плате, полученной Струве через полтора года, после кадровых перемен в редакции, о которых речь пойдет ниже. См. также письмо Струве к Бунину от 11 мая 1925 года. Кроме того, в период редакторства Струве французский франк продолжал падать, так что к декабрю 1925 он получал около 120 долларов, а в 1926 — и вовсе около 80.

Струве открыл первый номер — она называлась «Освобождение и возрождение». Здесь была намечена «либерально-консервативная» платформа как самой газеты, так и политического движения, от имени которого она намеревалась выступать.

«[Либерализм] означает вечную правду человеческой свободы, славной традицией записанную и на страницы русской истории. К свободе вело и начатое великой Екатериной гражданское устройство нашей родины, и восславленное величайшим русским писателем “дней Александровых прекрасное начало”; духом свободы рождены были и великие реформы Александра Второго, затоптанные и растоптанные коммунистическим нашествием, и великие реформы 1905 года, давшие России гражданские свободы и народное представительство... [Консерватизм] означает великую жизненную правду охранительных государственных начал, без которых государства вообще не стоят, без действия которых не было бы и никогда вновь не будет Великой России. Отечества не знают и не имеют и не помнящие родства. Вне любовной преданности велики началам и великим образцам родной истории народ становится жалким стадом или даже просто людской пылью. Возродить Россию можно только в духе любовного и самоотверженного созидания, уроки которого нам преподавал св. Сергей Радонежский, Дмитрий Донской, Петр Великий, Пушкин, Сперанский. Вот те великие светочи нашей собственной государственной, подлинно охранительной или консервативной, мысли, на уроки которых должен опереться русский консерватизм»⁹³.

Это программное заявление, нарочито изложенное довольно архаичным русским языком, вполне могло быт написано полвека назад Иваном Аксаковым. То же самое подчеркивание свободы и национализма как взаимодополняющих принципов, каждый из которых исключительно важен в деле государственного управления, вдохновля

⁹³ 26/6-3.

ло аксаковские передовицы 1860-х и 1870-х годов, которые, насколько нам известно, оказали заметное влияние на формирование личности Струве. С этого момента и до самой кончины Струве определял себя в качестве «либерал-консерватора». По его мнению, наиболее ярким образом эта политическая философия воплотилась в мысли и деятельности Бориса Чичерина; в числе ее приверженцев, помимо упомянутых выше, были также Николай Карамзин, адмирал Николай Мордвинов, Петр Вяземский, Иван Тургенев, Дмитрий Шипов и Петр Столыпин⁹⁴.

Из своего редакторского кабинета, располагавшегося в фешенебельной конторе Гукасова на улице де Сез, 2, Струве начал рассылать приглашения интеллектуальным светилам эмиграции. Литературный отдел газеты он предложил будущему Нобелевскому лауреату Ивану Бунину, известному своим непримиримым отношением к коммунизму и советскому режиму. Бунин согласился помочь, но, несмотря на всю свою известность, в привлечении первоклассных талантов почти не преуспел: единственным видным эмигрантским писателем, регулярно печатающимся в *Возрождении*, стал Куприн. Прочие кандидаты отпадали по тем или иным причинам, иногда личным, а чаще всего политическим. Мережковский, к примеру, отказал Струве потому, что не любил В.В. Шульгина, сотрудничавшего с редакцией на постоянной основе⁹⁵. Список ученых и публицистов, согласившихся взаимодействовать с новым изданием, оказался куда более впечатляющим. Среди них были М.И. Ростовцев, Б. Нольде, А.А. Кизеветтер, Г.Н. Трубецкой, В.В. Шульгин и А.В. Тыркова-Вильямс. Но и здесь обозначились досадные пробелы: в частности, Бердяев и

25/6-10; 29/1-26с; 31/12-19а. Продолжение темы см. ниже в главе 10. По-видимому, наименование «либерал-консерватор» впервые было использовано группой политиков (*conservadores liberales*), разрабатывавших испанскую конституцию 1876 года. См.: Arnold R. Verduin. Manual Spanish Constitutions, 1808-1931. – Ypsilanti, Michigan, 1941. – P. 77. См.: Г.П. Струве. Страницы из истории зарубежной печати: начало зеты «Возрождение». – *Мосты*. – № 3. – 1959. – С. 374-392.

Франк не принял предложение Струве из-за общей политической ориентации газеты, которая, как им показалось, слишком тесно связана с монархистами. Так же поступил и Бурцев, ранее безоговорочно поддерживавший «белое дело»⁹⁶. В целом уровень авторов нового издания оставлял желать лучшего, что снижало возможности *Возрождения* в конкуренции с *Последними новостями*.

Семья Струве пока решила не переселяться в Париж. Нина осталась в Праге, где ухаживала за больным сыном Львом, а сам Струве снял для себя жилье на улице Конвенсьон, 85, в пятнадцатом округе французской столицы. Время от времени супруга навещала его. На должность заместителя главного редактора Струве пригласил Зайцева, которого выписал из Праги. Последний руководил повседневной жизнью редакции и писал в основном безымянные передовицы о русских проблемах в Советском Союзе и в эмиграции; многие из этих материалов Струве приходилось переделывать от начала и до конца⁹⁷. Ему помогал штат молодых сотрудников, среди которых были Глеб Струве, Аркадий Борман и С.С. Ольденбург.

Струве вел в газете две постоянные рубрики. Одна называлась «Дневник политика», и каждый ее выпуск (иногда в номере содержалось по два или три выпуска) имел порядковый номер. Эти краткие комментарии были посвящены в основном проблемам Советского Союза, эмиграции, международных отношений. В последующие десять лет он опубликовал 486 статей названного цикла; последняя из которых появилась в русской газете, издава-

⁹⁶ Там же. – С. 379, 382-385. См. также: *Глеб Струве*. Дневник читателя П.Б. Струве и Н.А. Бердяев. – *Русская мысль*. – № 2663. – 30 ноябрь 1967. – С. 5. Об отказе Франка см.: *С. Франк*. Биография П.Б. Струве. С. 136-138.

⁹⁷ Впоследствии Зайцев переехал в Харбин. После войны он принял духовный сан и сделался настоятелем православного монастыря Джорданвилле, штат Нью-Йорк, где я беседовал с ним 15 апреля 1966 года. Он опубликовал свои воспоминания о Струве под именем игумена Константина: *Церковь и мир*. – *Русская жизнь*. – Сан-Франциско. № 124. – 30 июня 1951.

емой в Польше. Этот материал заканчивался известным изречением: «Духа не угашайте!»⁹⁸ Другая колонка, «Заметки писателя», выходила не столь регулярно. В ней печатались очерки из истории русской литературы и науки, часто перемежавшиеся автобиографическими заметками, которые содержали важные сведения о его жизни. Кроме того, многие материалы Струве публиковались за пределами упомянутых рубрик: здесь были некрологи выдающихся русских (также содержащие автобиографические вкрапления), рецензии на книги и тексты его публичных выступлений.

В конце мая 1925 года, перед самым выходом первого номера *Возрождения*, Струве убедил великого князя Николая Николаевича обнародовать манифест, излагающий цели возглавляемого им движения. Данный документ, опубликованный 1 июня, отвергал монархические идеалы: «Мы не собираемся восстанавливать царскую власть; наша цель в том, чтобы исцелить раны России и привести ее к миру». Земля, говорилось в манифесте, должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Нациям, отделившимся от России после 1917 года, гарантировалось уважение их нынешнего статуса. В своей внешней политике освобожденная Россия будет сторониться явных симпатий и антипатий, что, вероятно, означало ориентацию сугубо на национальные интересы. Манифест заканчивался призывом к молодым русским эмигрантам: «Не забывайте о своем долге перед Отчиной. С благодарностью принимайте все доброе, что может предложить зарубежье, но при этом оставайтесь русскими. Гордитесь тем, что вы — русские, ибо вы сыны великой нации!»⁹⁹ Данный документ, текст которого скорее всего готовился Григорием Трубецким¹⁰⁰, восстанавливал программу, сформулиро-

⁹⁸ 35/11-10.

⁹⁹ Цит. по: *H. von Rimscha. Russland jenseits der Grenzen, 1921-1926.* — S. 100-101.

¹⁰⁰ #627/298.

ванную Струве для правительства Врангеля и вдохновлявшую его до конца жизни. Теперь манифест задумывался в качестве платформы большой эмигрантской коалиции, которую Кутепов, Струве и Трубецкой предполагали сплотить вокруг великого князя в преддверии неминуемой революции в советской России.

После трех недель тяжелейшей работы 3 июня первый номер *Возрождения* вышел в свет. Струве был в изнеможении. «Я работаю как каторжник и вчера, поэтому, в относительно свободный день лежал без задних ног от крайнего переутомления»¹⁰¹, — писал он Маклакову.

Начинание, в которое Струве включился весной 1925 года и которому предавался с присущим ему энтузиазмом, казалось в высшей степени странным. Поддерживаемое монархистским большинством эмигрантов, объединившееся вокруг Николая Николаевича движение категорически отказывалось от восстановления монархии. Его политической основой была армия, сохранившаяся лишь в виде ветеранских кружков. И все же энтузиазм был заразительным, а вера в скорые перемены в России постоянно крепла. Даже Струве поддался всеобщему оптимизму. Еще в январе 1924 года он не ожидал никаких серьезных новостей из России. «Здесь многие ждут в России больших перемен в 1924 году. Я, как Вы знаете, агностик в этой области», — писал он из Парижа Тырковой-Вильямс. И всего через полтора года он заверял читателей своей газеты в том, что они стоят «в *преддверии* великой и решительной борьбы»¹⁰².

В значительной степени подобному оптимизму способствовало постоянное укрепление связей между эмиграцией и монархическим подпольем в России. Созданный Кутеповым революционный центр, названный, по примеру социалистов-революционеров, «Боевой организацией»

¹⁰¹ Письмо Струве к Маклакову, 22 июня 1925.

¹⁰² Письмо Струве к Тырковой-Вильямс, 2 января 1924; 25/6-20b.

регулярно посещался агентами «Треста» и получал детальные доклады из России. Эти связи настолько высоко оценивались западными спецслужбами, что некоторые из них также начали использовать каналы «Треста». Разумеется, были и провалы. В августе 1924 года Борис Савинков, тесно взаимодействовавший с «Трестом» и отправившийся в СССР с секретной миссией, был арестован ОГПУ; его предали публичному суду, после которого он был убит или принужден к самоубийству. Год спустя офицер британской разведки Сидней Рейли, нелегально приехавший в Россию в сопровождении одной из лучших кутеповских женщин-агентов для установления личных контактов с руководством «Треста», также был задержан. Но подобные инциденты, типичные для революционной борьбы, отошли на второй план в свете сенсационного дела Шульгина, убеждавшего в могуществе «Треста». В декабре 1925 года Шульгин, ближайший сподвижник Врангеля, был переправлен в Советский Союз агентами «Треста». Почти полгода он нелегально путешествовал по стране, посетив Ленинград, Москву и Киев. Наблюдая советскую жизнь внутри, он встречался и с представителями тайной организации, своими гостеприимными хозяевами. Его впечатления сводились к следующему выводу: «господство живов» подошло к концу, возрождается настоящая Россия. Мертвящий коммунизм ушел в теоретическую область, в лавные слова, в идиотские речи... А жизнь восторжествовала. ...Коммунизм же был эпизод. Коммунизм (“грабь на рабленное” и все прочее такое) был тот рычаг, которым овые властители сбросили старых. Затем коммунизм сдвинули в музей (музей революции), а жизнь входит в старые уклады при новых властителях»¹⁰³. Организаторы поездки излучали такую самоуверенность, что даже побудили Шульгина опубликовать отчет об этом невероятном путешествии. Книга, названная «Три столицы», вышла в январе 1927 года и стала международной сенсацией.

¹⁰³ В.В. Шульгин. Три столицы. – Берлин, б.г. – С. 135-136, 137.

В такой эйфорической атмосфере все громче звучали разговоры о том, что пришла пора созвать еще один эмигрантский съезд, на сей раз что-то вроде учредительного собрания русской диаспоры, который облек бы все надежды и чаяния в некую официальную форму. Струве и Кутепов отнеслись к идее довольно прохладно, опасаясь, что большое начинание породит надежды, которые не будут реализованы¹⁰⁴. Но давление нарастало, и они вынуждены были уступить. Предполагался созыв съезда, на котором будут представлены все русские общины, рассеянные по миру, и все политические направления, от левых социалистов до правых монархистов; в этот раз, в отличие от 1921 года, никого не исключат. Исходя из сказанного, организаторы ожидали, что противники коммунизма поддержат следующую приемлемую для всех платформу: 1) свержение Третьего интернационала; 2) признание ответственности диаспоры за положение дел на родине (то есть недопустимость замыкания эмиграции в себе и оставления России на произвол судьбы); 3) необходимость «единого волевого центра» (в виде исполнительного комитета), руководящего борьбой с большевизмом¹⁰⁵.

Но практического объединения эмигрантов вокруг этой платформы так и не получилось. Пропасть, разделяющая правых и левых, защитников «старого режима» и его ниспровергателей, оказалась слишком глубокой для того, чтобы ее можно было заполнить патриотическими призывами: отстаиваемая Струве идея *Russland, Russland über Alles* после революции была столь же неприемлемой, как до нее. За пять лет, прошедших с завершения гражданской войны, политические настроения эмигрантов стали еще более поляризованными; таков был неизбежный результат политической деятельности, реализовавшейся в единственной форме — в публичной полемике. Бывшие генералы и чиновники, которые во время гражданской войны

¹⁰⁴ #627/296-297.

¹⁰⁵ 25/9-13.

сразу после нее были готовы бок о бок с социалистами защищать общее дело, теперь не желали и слышать об этом. С каждым годом их ожесточение в отношении тех, кого они винили в революции и поражении «белых», лишь усиливалось. Монархизм, почти лишившийся сторонников (по крайней мере явных) в 1917–1920 годах, опять находил последователей среди изгнанников, для которых прошлое с каждым годом становилось все привлекательнее. По оценкам Струве, в 1925 году доля монархистов среди эмигрантов составляла 85 процентов¹⁰⁶. На левом фланге согласия также не наблюдалось. Левые либералы и социалисты, сохранявшие твердую уверенность в том, что советская Россия неуклонно продвигается к демократии, не желали пятнать себя связями со сторонниками монархии и прочими представителями «старого режима». Чем решительнее правые шли к монархическим идеалам, тем менее левые были склонны сотрудничать с ними. Синдром «мы» и «они», сыгравший фатальную роль в русской политике предреволюционных лет, сохранился и окреп в эмиграции, причем даже после того, как обе группы оказались в сходном положении, а «они» превратились в совершенно постороннюю третью силу.

В середине сентября 1925 года в Париже прошла конференция по подготовке большого форума русской диаспоры — Зарубежного съезда. Струве, отправившийся в Прагу, чтобы повидаться с семьей на летних каникулах и заболевший там, не принял участия в мероприятии, но прислал проект платформы, вокруг которой можно было бы организовать дискуссию. На этой подготовительной встрече были представлены около сотни эмигрантских организаций самого широкого политического спектра. Два заметных исключения составили милюковский Демократический альянс и Русский монархический союз. На глазах у присутствовавших разворачивалось знаменательное действо. В зале рядом сидели бывшие министры и бывшие тер-

¹⁰⁶ См.: *H. von Rimscha. Russland jenseits der Grenzen, 1921-1926.* – S. 95.

рористы; «люди, прежде швырявшие друг в друга не только грязь, но и бомбы, теперь аплодировали друг другу»¹⁰⁷. Учитывая разнородный состав делегатов, учредительная встреча прошла в редкостной гармонии. В завершение конференция наметила проведение съезда на апрель 1926 года и избрала Струве *in absentia* председателем организационного комитета, состоявшего из семидесяти двух членов. Вернувшись в Париж в октябре, Струве принялся за работу, которая, по-видимому, поглощала большую часть его свободного времени в последующие шесть месяцев.

Накануне съезда в эмигрантских общинах по всему миру прошли выборы делегатов. Монархисты продемонстрировали свое влияние, заручившись большинством в двух крупных центрах эмиграции — в Германии и Югославии. Их присутствие, однако, вовсе не означало, что съезд выскажется в пользу восстановления монархии. Его организаторы твердо решили, что независимо от делегатских предпочтений форма правления освобожденной России будет определена волеизъявлением избирателей. В данном вопросе Струве и великий князь были единомышленны.

Зарубежный съезд русской диаспоры открылся в 14 часов в воскресенье, 3 апреля 1926 года в отеле «Majestic»¹⁰⁸. Здесь собрались около четырехсот делегатов из почти всех европейских государств (по некоторым причинам не была представлена Венгрия), а также с других континентов. Русские изгнанники никогда больше не проводили столь масштабного форума; можно утверждать, что после разгона в январе 1918 года Учредительного Собра-

¹⁰⁷ Ibid. — S. 105.

¹⁰⁸ Прозвучавшие на съезде выступления были опубликованы Исполнительно-финансовой комиссией Российского зарубежного съезда: *Российский зарубежный съезд в Париже*. — Париж, 1926. См. также газетные отчеты о работе съезда в *Возрождении* и *Последних новостях* за 5-12 апреля 1926. (Освещение события в последней откровенно враждебно, иногда до преднамеренной карикатурности.) Наиболее подробный вторичный отчет предлагает фон Римша: *H. von Rimscha. Russland jenseits der Grenzen, 1921-1926*. — S. 107-126.

ния Россия вообще не знала подобных мероприятий. Среди присутствовавших были бывшие царские чиновники, церковные иерархи, ученые, журналисты, предприниматели, студенты. Прибыли также делегации от казаков и нескольких этнических меньшинств, включая одного представителя русских евреев (который, однако, покинул съезд до его завершения). Приверженцы Милюкова, как и великого князя Кирилла, бойкотировали событие, но из-за раскола в рядах монархистов некоторые из них все-таки появились в зале заседаний. Представительство оказалось достаточно широким для того, чтобы оправдать ожидания организаторов форума. Уже одно то, что им удалось собрать под одной крышей столь пестрое русское общество, было знаменательным событием. Сбылась давняя мечта Струве: русские всех политических направлений забыли о разделявших их разногласиях ради России. То, что не удавалось до 1917 года, наконец, пусть на какой-то краткий миг, свершилось в изгнании.

Несмотря на кажущуюся гармонию, трения между деятелями «старого режима» и интеллигенцией время от времени все же прорывались на поверхность. Началось все с первого заседания, на котором предстояло избрать председателя съезда. Струве, руководивший всей подготовительной работой, многим казался наиболее очевидным кандидатом на данный пост, но монархисты, для которых он навсегда остался бывшим марксистом и наставником Ленина, выдвинули собственного ставленника, доктора И.П. Алексинского. Струве заручился поддержкой большинства (232 против 193), но победа его была не прочной. На последующих заседаниях часть правых делегатов, возглавляемая Н.Е. Марковым-вторым, головорезом, прославившимся антисемитскими тирадами в Государственной Думе, нередко нападала на ораторов от «интеллигенции», рождая у собравшихся болезненные воспоминания о самых мрачных днях русского парламентаризма.

Новый председатель выступил с обращением к делегатам, в котором обращал внимание на узы, связываю-

щие русских за границей с русскими под пятой коммунистов, «Россию в изгнании с Россией в страдании». В своей речи впервые с открытия съезда Струве упомянул имя великого князя Николая Николаевича. Как только оно было произнесено, собрание разразилось громкими аплодисментами и приветствиями. Подобное повторялось всякий раз, когда на съезде упоминалось это имя.

В ходе сессий съезду были представлены доклады о ситуации в Советском Союзе, о положении русских в эмиграции, о неотложных задачах, стоявших перед диаспорой. В дискуссиях постоянно чувствовалось самоотождествление эмигрантов с родиной. Подобный настрой был столь всеохватывающим, что в один из дней делегаты, среди которых было много бывших белогвардейцев, единодушно проголосовали за прощение тех своих коллег, кто в годы гражданской войны воевал на стороне «красных». Принятые съездом резолюции также несли в себе дух терпимости; в них не содержалось и намека на стремление к реваншу или реставрации. Вопрос о политическом устройстве освобожденной России не поднимался, поскольку его предстояло решить самому русскому народу. Съезд принял специальную резолюцию по национальному вопросу, обещающую полное дипломатическое признание не только государствам, уже отделившимся от России в 1917–1918 годах (то есть Польше, Финляндии и балтийским странам), но и, как ни странно, Грузии и Армении, двум приграничным республикам, которые после краткого периода независимости вновь были покорены и включены в состав Советского Союза. Резолюция по аграрному вопросу подтверждала законную собственность крестьян на земли, отобранные ими в годы революции; при этом бывшим владельцам не обещали ни реституции, ни компенсации. Принятые документы соответствовали убеждениям Струве: какими бы ни были их практические последствия, здесь явно не просматривалось «контрреволюционных» тенденций, в которых зачастую обвиняли эмиграцию.

В заключительный день работы съезд с большим эмоциональным подъемом принял формальное обращение к великому князю. Документ именовал Николая Николаевича «его императорским высочеством», «носителем русской государственности» и «славным вождем христоролюбивого русского народа», с самых первых дней смуты призванным «возглавить священную борьбу за Родину». Обращение, написанное, вероятно, Струве и представленное делегатам без предварительного обсуждения, съезд принял стоя. После этого в работе форума наступил перерыв, во время которого Струве с несколькими делегатами отправился в поместье великого князя для вручения принятого адреса. Ответ Николая Николаевича был выдержан в стиле императорских манифестов. Он благодарил съезд и просил делегатов сосредоточить все свои усилия на утверждении в России «законности и порядка»: хотя невозможно оставаться безразличными к страданиям русского народа, говорил великий князь, эмигранты все-таки должны воздерживаться от попыток предопределить судьбу страны наперед¹⁰⁹. Струве и сопровождавшие его доставили манифест в «Majestic». Делегаты встретили документ овацией и аплодисментами.

Последняя (и, как выяснилось, наиболее деликатная) задача, стоявшая перед съездом, заключалась в том, чтобы избрать постоянный совет, которому предстояло работать под руководством великого князя и выполнять его распоряжения. На данной идее отчаянно настаивали монархисты, полагавшие, что если подобный орган не будет создан, то вся работа съезда останется пустым сотрясением воздуха. Возможно, только ради этой цели сторонники монархии согласились работать бок о бок с представителями «интеллигенции». Но делегаты от «интеллигенции», со своей стороны, решительно сопротивлялись созданию совета: они опасались, что новый орган попадет под влияние монархистов, которые с его помощью превратят Николая

¹⁰⁹ *Возрождение*. – № 309. – 7 апреля 1926. – С. 1.

Николаевича в самодержца в изгнании, а себя — в правительстве в изгнании. Струве, как представляется, против создания совета не возражал, но не желал наделения его какой-либо властью и, бесспорно, не хотел, чтобы эта структура стала послушным орудием претендента на престол. Он рассматривал великого князя как символическую фигуру *par excellence*. Как он отмечал впоследствии, предложения монархистов о «безоговорочном подчинении» Николаю Николаевичу, не имевшему никакого государственного аппарата, были «сугубо бессодержательны и бессмысленны»¹¹⁰. Напряжение на съезде нарастало; правые делегаты, до того момента державшиеся в рамках приличий, рвались в драку. В один из моментов Марков, взбешенный неговорчивостью «интеллигентов», вскричал: «Мы рассуждаем спокойно, а там, в России, судят проще: теперь ставят к левой стенке, а потом будут ставить к правой»¹¹¹. Позже он пытался взять свои слова обратно, но эхо его угроз продолжало звучать как в зале заседаний, так и в его пределах — к удовлетворению сторонников Милюкова, почувствовавших, что бойкот съезда был вполне оправдан. Николай Николаевич, которого постоянно информировали о ходе дебатов, отказался поддержать монархистов вопреки воле большинства, и идея создания совета тих угаšla. Вместо него съезд образовал довольно безвредное малоэффективное Российское центральное объединение.

Под занавес съезд принял несколько торжественных резолюций, восхвалявших состоявшееся воссоединение патриотических групп. В действительности, однако, ниче подобного не произошло: речь могла идти лишь о незначительном одномоментном примирении. Съезд 1926 го, вновь показал, насколько непреодолимы различия между теми, кто управлял прежней Россией, и теми, кто представлял в ней оппозицию. Заделать этот провал так и не удалось. Трагедия дореволюционной России вновь разыгрыв

¹¹⁰ 27/12-31а.

¹¹¹ *Возрождение*. — № 312. — 10 апреля 1926. — С. 1.

ввалась на эмигрантском микроуровне: здесь тоже существовали только крайности, между которыми зияла пустота.

Струве, игравший в этих событиях ключевую роль, оказался в довольно неприятном положении. Он мечтал о единении эмиграции на общей националистической платформе. Но поскольку левые такую инициативу не поддержали, он был втянут в самое тесное сотрудничество с правыми, в рядах которых оказались наиболее неискоренимые — люди, с которыми у него никогда не было общего языка, которые в тайне презирали его и, преуспевая в свержении коммунизма, скорее всего готовы исполнить угрозу Маркова и поставить его к «правой стенке». Что еще хуже, ради таких союзников он отстранился от многих умеренных либералов и социалистов, чьи ценности разделял и с кем чувствовал себя как дома.

В июне 1926 года, спустя два месяца после завершения эмигрантского съезда, Струве отправился в Варшаву. Заявленной целью его визита было участие в Международном конгрессе ученых, в то время как подлинная задача заключалась в установлении контактов с польскими представителями «Треста» и снятии некоторых тревожных вопросов в отношении этой организации.

Ранее Струве не взаимодействовал с «Трестом» напрямую, хотя через Кутепова был неплохо информирован о его деятельности¹¹². Несмотря на блестящее завершение русской миссии Шульгина, Струве, по-видимому, терзали сомнения касательно надежности этой тайной организации, от которой теперь столь зависело сложившееся вокруг Николая Николаевича движение. Подобное беспокойство, весьма усугублявшееся решительным отказом «Треста» от терроризма, разделяли и другие — в частности маршал Пилсудский. Сразу же после совершенного им в мае 1926 года государственного переворота Пилсудский приказал начать расследование деятельности «Треста», с

¹¹² 27/10-15а.

которым польская разведка установила тесные рабочие отношения. Не исключено, что поездка Струве в Польшу была связана с озабоченностью Пилсудского; возможно, он даже действовал по просьбе маршала.

Струве прибыл в Варшаву 22 июня 1926 года¹¹³. В тот же вечер он должен был присутствовать на приеме для делегатов съезда, на котором ожидали Пилсудского. Собираясь на это мероприятие в номере отеля, Струве обнаружил, что забыл сорочку для вечернего костюма; в ходе лихорадочного рейда по близлежащим магазинам он не смог отыскать рубашку нужного размера и решил пойти в обычной, рассчитывая, что пышная борода создаст ему необходимое прикрытие. На вечере он кратко пообщался с Пилсудским, с которым был мельком знаком еще с парижских дней *Освобождения*. Затем Струве представили некоему Петровскому, человеку, через которого Кутепов поддерживал связь с «Трестом». Струве вручил Петровскому рекомендательное письмо, подписанное Шульгиным; они договорились встретиться на следующий день.

В ходе встречи Струве сообщил Петровскому, что уполномочен открыть «Тресту» доступ к британским или чешским деньгам, но прежде чем это будет сделано, тайная организация должна представить твердые доказательства своей дееспособности. На вопрос Петровского, какого рода доказательства требуются в данном случае, Струве пояснил, что борьбу можно вести двумя разными способами: либо нанося «бесперывные точечные удары», либо подготавливая «один решающий удар». По всей вероятности, здесь подразумевались индивидуальный террор или полномасштабный государственный переворот. Стратегия второго типа (на которую опирался «Трест») казалась ему непродуктивной, поскольку на деле оборачивалась отказом от активной борьбы. Разумеется, добавлял Струве, секрет-

¹¹³ Отчет о поездке Струве в Польшу основан на следующей публикации: С.Л. Войцеховский. П.Б. Струве в Варшаве. – *Возрождение*. – № 9. – 1950. – С. 139-149. Ее автор, по-видимому, имел доступ к архиву Кутепова.

ные вояжи типа шульгинского и дальше будут полезны. Кроме того, он потребовал разъяснений касательно того, какого рода поддержкой «Трест» пользуется в Советском Союзе. Оба деятеля договорились поддерживать контакты, и на следующий день Струве покинул Польшу.

Ответ «Треста», написанный в Москве 26 июня, натиг Струве в Праге 5 июля. Руководители тайной организации сообщали, что если под «бесперывными точечными дарами» Струве имеет в виду серию террористических актов против Советов, то они будут вынуждены отклонить такое предложение, ибо не верят в эффективность терроризма в борьбе с коммунистическим режимом. В то же время ни выражали заинтересованность в финансовой поддержке и желали узнать, на какие суммы можно рассчитывать.

Струве так и не ответил на эту депешу, возможно, из-за того, что ее уклончивость усиливала подозрения.

вскоре появились и иные доказательства его предчувствий¹¹⁴. Этим же летом Пилсудский попросил «Трест» добыть для него советский мобилизационный план. Документ, доставленный после долгих препирательств, был отвергнут польскими военными тщательному изучению. ни пришли к выводу, что это — фальшивка. Весной следующего года видный агент «Треста» на Западе признал, то с 1921 года сотрудничает с советскими секретными лужбами. А затем и вся эта фантастическая история вышла на поверхность. Выяснилось, что «Монархическое бьединение», которое на самом деле было основано опонентами коммунистов, сразу же после создания подверлось «обработке» спецслужбами, превратившись в оружие, с помощью которого они манипулировали монарстской эмиграцией. Обнаружилось также, что славное тешествие Шульгина по Советскому Союзу от начала и о конца было организовано ГПУ¹¹⁵. Петровский, с котом Струве встречался в Варшаве как с доверенным ли-

О крахе «Треста» см.: *G. Bailey. The Conspirators.* – P. 72-86.

¹ *V. Shulgin. How I was Hoodwinked by the Bolsheviks. – The Slavic view.* – VI. – no. 18. – March 1928. – P. 505-519.

цом Кутепова, оказался высокопоставленным сотрудником советской контрразведки: ответ, переданный им Струве от имени «Треста», был подготовлен в штаб-квартире ГПУ в Москве. Таким образом, все монархическое подполье, с которым консервативные эмигранты связывали такие надежды, исчезло подобно миражу. «Трест» явился одной из наиболее успешных провокаций, организованных советскими спецслужбами в отношении противников режима. Подобно тому как деятельность Азефа в начале века обескровила ряды социалистов-революционеров, «Трест» преуспел в нейтрализации антикоммунистического монархистского подполья, руководимого из Западной Европы. Его работа полностью деморализовала всю консервативную эмиграцию.

Прибыв из Варшавы, Струве задержался в Праге. В течение последующих трех с половиной месяцев он выполнял редакторские обязанности, навестив парижскую контору единственный раз — в августе 1926 года. В его отсутствие *Возрождением* руководили Зайцев и его помощники. Струве не баловал газету своими публикациями, а что все же писал, выглядело беспорядочным и хаотичным: с июня по октябрь он представил редакции лишь несколько статей, среди которых были материалы о генеалогическом древе его жены, мальгузианстве и чешском историке XIX века Франтишке Палацком.

Лукасов, разумеется, был раздражен столь продолжительным отсутствием своего редактора: по его подсчетам, сделанным в сентябре 1927 года, за шестнадцать месяцев действия контракта между ним и Струве последний отсутствовал в Париже семь месяцев. Ему также казалось, что Струве не оправдал ожиданий в роли духовного лидера эмиграции. Лукасов хотел получать от него проникновенные передовые статьи, намечающие программу действий, а вместо этого поступали, по его мнению, какие-то безделицы вроде нелепых полемических материалов о детской тактике в I Государственной Думе. Наконец, в

дельца газеты уязвляло и то, что Струве распоряжался изданием как своей собственностью, уделяя лишь поверхностное внимание издателю и его желаниям.

У Струве, в свою очередь, также накопились серьезные претензии¹⁶. Контракт предоставлял Гукасову исключительный контроль над финансами газеты, вследствие чего Струве вынужден был обращаться к издателю по поводу любых, даже самых незначительных, денежных трат. Эта процедура настолько ему не нравилась, что порой он предпочитал оплачивать мелкие счета из собственного кармана. Жалованье сотрудников редакции было столь нищенским, что некоторые из них добирались до работы пешком, ибо не имели денег на общественный транспорт. По мере того как газета завоевывала репутацию и привлекала читателей, Струве требовались дополнительные ресурсы для расширения деятельности, но Гукасов не желал предоставлять их. В денежных проблемах Струве усматривал не столько скарденность, сколько желание владельца поддерживать полный контроль над газетой финансовыми методами. Он не отрицал своих частых отлучек из Парижа, но категорически не соглашался с обвинениями в небрежности, выдвинутыми против него Н.Н. Львовым, близким к Гукасову членом редколлегии:

«Ни на один день своего отсутствия я не переставал быть главным редактором и политическим руководителем газеты. Другими словами, ни одного дня своего отсутствия я не провел так, как проводят люди на отдыхе: читал рукописи, заказывал и доставал таковые, писал вои “Дневники” и другие статьи, посылал корреспонденции. В дни своего отсутствия я каждый день, а иногда по несколько раз в день посылал письма и рукописи моему помощнику... Для полноты картины, может быть, I.Н.Львов навел бы в типографии справку, сколько вечеров и ночей я провел там, наблюдая за выпуском номера

¹⁶ Свои разногласия с Гукасовым Струве изложил в рукописи «Почему и как меня вытеснили из «Возрождения»?»; см. также 28/1-7b.

и, в частности, участвуя в окончательном составлении первой страницы»¹¹⁷.

По мере того как отношения между издателем и редактором ухудшались, газета раскололась на две фракции; прогукасовские силы, возглавляемые видным эмигрантским политиком Ю.П. Семеновым, имея на руках все козыри, активно интриговали против Струве, делая его положение невыносимым. По-видимому, затянувшиеся каникулы в Праге летом 1926 года были попыткой вырваться из удушающей атмосферы на рю де Сез.

К ноябрю 1926 года конфликт достиг кульминации. Гукасов информировал Струве через Семенова о своем желании назначить последнего соредактором *Возрождения*. Наблюдатели, в том числе и сам Струве, сделали вывод, что Гукасов принимает на себя непосредственное руководство газетой. Струве был вне себя от столь бесцеремонного унижения, но ради «дела» решил остаться на своем посту. И хотя на страницах газеты он по-прежнему именовался главным редактором, с этого момента он более не мог в одиночку определять содержание *Возрождения*; оно теперь подвергалось регулярной «цензуре» со стороны соредактора, которого Струве прозвал «гукасовским экономом по редакционным делам». В политическом смысле газета заметно поправела, полностью растеряв те элементы либерализма, которые привнес в нее Струве. Для увеличения тиража на ее страницах печатались всевозможные сенсационные материалы. Фактически она перестала выражать позицию Струве. В март 1927 года друг написал ему о слухах, согласно которым *Возрождение* намеревались прибрать к рукам Марков второй и Алексинский, вожди непримиримых монархистов-реставраторов. Тот же корреспондент предлагал Струве расстаться с газетой, поскольку она стала слишком реакционной¹¹⁸.

¹¹⁷ 28/1-7б.

¹¹⁸ Письма И. Ильина к Струве, 18 марта и 25 июля 1927.

Струве определенно следовало бы уйти из *Возрождения*, но он упорствовал и тем самым спровоцировал унижительное изгнание. Сторонники его отставки изводили самого Струве и его ближайшего единомышленника Зайцева, делая их жизнь в газете невыносимой. Статьи, написанные Струве после учреждения соредакторства, становились все более небрежными. В то же время его имя невольно ассоциировалось с материалами, санкционированными Семеновым, которые Струве считал глубоко безвкусными из-за дешевой сенсационности. К лету 1927 года Струве уже не определял содержания газеты: он превратился в чисто номинального руководителя. Наконец, в начале августа того же года Гукасов сообщил ему о намерении передать пост главного редактора Семенову. Струве предлагалось остаться редактором политического отдела, не имевшим отношения к прочим частям газеты. Он оговорил принятие этого унижительного предложения двумя условиями: предоставлением полной независимости в этом новом качестве и разрешением всех разногласий между ним и Семеновым через арбитраж. Семенов, по-видимому, был склонен согласиться, но Гукасов не поддержал его и 16 августа уведомил Струве об увольнении¹¹⁹. Последний номер, подписанный Струве, вышел 17 августа 1927 года; уже в следующем номере главным редактором назван Семенов. Здесь же (№ 807 от 18 августа) опубликовано пояснение Гукасова по поводу смены руководства издания, из которого следовало, что Струве бросил газету на произвол судьбы. Ниже печаталось «Письмо редактору» за подписью самого Струве, где говорилось, что с этого момента он более не связан с *Возрождением* и что некоторые члены редакции, в том числе Зайцев и Ольденбург, также уведомили его о своем желании уйти¹²⁰.

¹¹⁹ Это письмо Гукасова, а также некоторые другие материалы по данному делу см.: *Россия*. – № 1. – 28 августа 1927. – С. 2-3.

¹²⁰ Помимо Струве, К.И. Зайцева и С.С. Ольденбурга, в этом ряду оказались почти все постоянные авторы: В.В. Шульгин, В.А. Лазаревский, Л.И. Львов, Н.А. Цуриков, В.П. Рябушинский, П.А. Остроухов, И.А. Ильин, А.И. Бунге, В.Ф. Гейдинг и П.Д. Долгоруков. См.: *Россия*. – № 1. – 28 августа 1927. – С. 2.

Струве воспринял свой уход очень тяжело. Его крайне возмущало то, что с ним обращались как с «наемным писакой» амбициозного богатея-наториша. Он видел, что газета, в которую он вложил столько сил и которую сумел превратить в респектабельное издание, под влиянием коммерческих соображений превращалась в листок, взывающий к самым низменным инстинктам читателей. Личное достоинство Струве было еще более ущемлено осознанием того факта, что уход из газеты стал последним актом борьбы, которую он вел с 1917 года и знаменем которой стало *Возрождение*. Как оказалось позже, прощание с редакторской деятельностью завершило долгую общественную карьеру Струве: с политической точки зрения все, что было потом, предстает незначительным и ущербным.

Естественно, поражение Струве не вызвало особой скорби в лагере левых: ничто так не убеждает нас в собственной правоте, как неудачи оппонентов. Газета Миллюкова, однако, весьма галантно поддержала Струве¹²¹. Она защищала его на том основании, что Лукасов, действуя как торговец и пытаясь подчинить своего редактора, посягнул на священные традиции русской журналистики. В то же время *Последние новости* отмечали, что в конечном счете Струве сам навлек на себя несчастье. Его подвело стремление основать либерально-консервативную газету на монархическом фундаменте: такая стратегия не могла преуспеть, поскольку правые «союзники» ни на минуту не прекращали борьбу против него. В конце концов именно они покончили со Струве. Обхаживая врагов справа, Струве, заявлявший, что отказывающиеся сотрудничать с ним и его новыми друзьями не заинтересованы в борьбе с большевизмом, все более отдалялся от левого крыла эмиграции. Он «был когда-то видным представителем русской общественности и сыграл незабываемую роль в истории

¹²¹ См.: Крах «Возрождения». – *Последние новости*. – № 2340. – 19 августа 1927. – С. 1; Некролог. – *Последние новости*. – № 2342. – 21 август 1927. – С. 2.

политической борьбы против старого самодержавия. Его несчастье заключалось в том, что он согласился сделаться знаменем тех самых политических течений и классов, против которых когда-то с таким успехом — и даже блеском — боролся»¹²². Иными словами, заключал автор редакционной статьи, Струве остался неисправимым немцем, неизменно оказывающимся жертвой слов и формул.

Сам Струве наотрез отказался признавать свое поражение. С помощью Трубецкого он собрал деньги, позволившие ему учредить новую газету, еженедельник «Россия». Его первый номер вышел 28 августа, всего через десять дней после увольнения Струве из *Возрождения*. В передовой статье Струве заявлял: «Я не ушел из “Возрождения”. Ценою нравственных страданий, мук, оскорблений и издевок, не желая наносить национальному делу вреда, я терпел и дотерпел до конца. А.О. Гукасов и его служащие меня вытеснили из, а его служащие меня “уволители” от *соданного мною дела*... Пусть сейчас находятся бестыжие “перья”, которые изливают хамскую радость по поводу того, что Струве — “провалился”. Пусть они смеются над тем, то хамски выброшенный из своего дела духовный его основатель, под их гогот, несмотря ни на что, призывает Заружье к политическому единению и освободительному ействию. Никаким хамством и гоготом меня не смутят. Никакой лицемерною лестью меня не соблазнят, никаким енежным могуществом не сомнут и не согнут»¹²³.

Здесь слышатся слова короля Лира: «Вам кажется, плачу? Я не плачу». Но все же в итоге Струве оказался томленным.

¹²² *Последние новости*. — № 2342. — 21 августа 1927. — С. 2.

¹²³ 27/8-28а. В июне 1936 года Гукасов попытался возобновить рабочие ношения со Струве (письмо Струве к Цурикову, 30 июня 1936), но ит отказался. В 30-е годы *Возрождение* превратилось в откровенно юнацистскую газету, приветствовавшую нюрнбергские законы. В ысьме Маклакову от 30 ноября 1937 года Струве называет свою бывую газету «клоакой, нечистоты которой представляют изумительную ьесь омерзительной подлости с непроходимой глупостью».

Глава 10

Последние годы

После расставания с *Возрождением* у Струве не осталось веских причин, удерживавших его во Франции. Неизменно полагая, что изгнание в славянских странах русскому человеку дается гораздо легче, чем где бы то ни было, он принялся искать работу в Восточной Европе. В марте 1928 года Струве вернулся в Прагу. Если бы у него была возможность выбора, он поселился бы здесь постоянно, но в Чехословакии было трудно найти хорошее место: годом ранее чешское правительство серьезно сократило объемы помощи, оказываемой ученым-эмигрантам¹, и Русский юридический факультет, где он преподавал до отъезда во Францию, находился на грани закрытия. Ситуация в Болгарии казалась более радужной. К тому времени Струве получил очередные приглашения из Софийского университета, который уже пытался предложить ему должность директора экономического института. В апреле 1928 года он отбыл в Софию для обсуждения деталей нового назначения; однако вместо того чтобы отправиться в Болгарию напрямую, сначала посетил Югославию, куда был приглашен для чтения лекций.

Это путешествие оказалось роковым. В Белграде Струве попал в руки энергичной русской журналистки

¹ С.П. Постников. Русские в Праге, 1918-1928 гг. – С. 80.

В.М. Самсоновой, которая поселила его у себя дома, занялась организацией всех его встреч и представила его русским и сербским знаменитостям. Из последних наиболее влиятельным оказался Александр Белич, профессор Белградского университета, который позже, в 1937 году, стал президентом Сербской академии наук. Именно Беличу, получившему образование в России, югославское правительство поручило распоряжение средствами, выделенными для русских эмигрантов. Год от года эта сумма уменьшалась, но в 1928 она еще составляла внушительные полмиллиона долларов, значительная доля которых использовалась для финансирования Русского научного института в Белграде. Струве произвел на Белича очень хорошее впечатление; тот не пожалел усилий, убеждая его остаться в Югославии, русской колонии которой, состоявшей по большей части из бывших военных и чиновников, не хватало интеллектуалов. Он предложил Струве профессорскую должность в Русском институте и зарплату югославского ученого того же ранга. Стараясь сделать предложение еще более заманчивым, он пообещал также профинансировать, наряду с *Русской мыслью*, собственную газету Струве. По словам одного из его белградских друзей, Струве особенно прельстила перспектива возобновления редактирования своей газеты, из-за отсутствия которой он чувствовал себя «подобно птице с подрезанными крыльями»². Теплый прием, оказанный в Белграде его лекциям, которые стали событием в жизни русской общины, помог убедить его. В Софию он так и не поехал, а вместо этого вернулся в Прагу. Летом того же года Струве вместе с семьей перебрался в Белград, который стал его домом на весь остаток жизни, за исключением двух последних лет.

Поначалу югославская столица понравилась Струве, во многом благодаря тому, что местная русская общи-

² Н. Рубинский. Русский Белград до войны. — *Русская мысль*. — № 317. — 7 февраля 1951. — С. 4-5.

на показалась благодатной нивой для политической работы. «Здесь в Югославии для разумной деятельности среди “эмиграции” более благоприятная почва, чем где бы то ни было», — писал он другу в Париж после того, как провел месяц в Белграде. — Русская среда здесь укоренилась, стоит на своих ногах и в общем довольно однородна (нет евреев и очень богатых людей)»³. Порадовало также отсутствие в Югославии левых кадетов и социалистов, которые так надоели ему в Париже своей болтовней о «прогрессивной» природе русской революции и неминуемой заре советской демократии. И, наконец, заметную роль в его предпочтениях сыграл сам Белград, один из тех славянских городов, где наличие городских атрибутов — широких бульваров, высоких каменных зданий, кафе и кинотеатров, сосредоточенных в центре, — лишь подчеркивало общий сельский колорит и умиротворенность местной жизни. Это был тихий, приятный и весьма недорогой город.

Но в целом, однако, переселение в Белград оказалось серьезным просчетом, поскольку Струве очень скоро проникся презрением к людям, среди которых ему предстояло жить. Его родство с тем эмигрантским типом, который преобладал в Югославии, было скорее кажущимся. Струве по-прежнему безоговорочно отвергал революцию и большевизм, но по темпераменту оставался неисправимым интеллигентом старой закалки; он предпочитал спорить с какой-нибудь Кусковой или Бердяевым, нежели постоянно соглашаться с аналогично мыслящими «белыми» офицерами или журналистами. То была одна из трагедий его жизни: он мог политически расходиться с теми, к кому был по-человечески привязан, но в то же время изнемогал среди политических единомышленников. Монархистское сообщество в Белграде, что, к несчастью, вскоре выяснилось, совершенно не воспринимало нюансов его политической философии с ее пресловутыми «па-

³ Письмо Струве к Мельгунову, 10 мая 1928.

радоксиами» типа критики царского режима за неумение реформами предотвратить революцию, благожелательных отзывов о социалистах или, *horribile dictu*, о советской литературе. С точки зрения здешних эмигрантов, все было предельно ясно: царизм был хорош буквально во всем, а в его крушении виноваты исключительно евреи, масоны и немцы со своими русскими пособниками. В рамках подобной позиции неизбежно возникал вопрос о неоднозначном прошлом самого Струве и его роли в свержении монархии. Многие в Белграде полагали, что будучи основателем русского марксизма, другом и сподвижником Ленина, Струве несет ответственность за коммунистический режим. Ему можно было бы простить старые грехи (как Шульгину простили его участие в отречении Николая II), прояви он готовность безоговорочно сплотиться со сторонниками прежней власти и нападать на всех тех, кто не желал ее реставрации. Но поскольку Струве не делал ни того, ни другого, он сам превратился в объект ожесточенных нападок. Одни просто избегали его или отказывались здороваться на улицах. Другие шли дальше, обличая его устно или печатно. Ярким примером дискредитации, какой Струве подвергался в Белграде, может служить опубликованный здесь в 1936 году анонимный памфлет. В нем Струве называют «старым масоном», который «в прошлые благополучные времена совместно со своим коллегой Туган-Барановским впервые насаждал марксизм на евственной тогда русской почве и за свою зловредную деятельность высланный из пределов Отечества, издавал за границей журнал *Освобождение*, своей подлой подрывной пропагандой отравивший сырые мозги слепорожденной русской интеллигенции... Ну, и не вотще трудился! “Освободил” Россию от ее национальной власти, надев на русский народ свирепое жидовское ярмо, а нас, беженцев, ишив последней рубашки, изгнал мыкать горе в чужие края. Вероятно, за эту его “великую заслугу” он везде в миграции плавает, как масло на воде, везде ему платят и платят регулярно “приличное” вознаграждение. Воисти-

ну г. Струве может заслуженно и гордо носить имя отца русского большевизма»⁴.

Такого рода травля становилась все более шумной и навязчивой по мере того, как таяли последние надежды эмигрантов вернуться домой. В середине 30-х годов разочарование и горечь приобретали сугубо деструктивные формы, толкая одних к сотрудничеству с Советским Союзом, а других — в объятия нацистов. Последние, следует заметить, довольно пристально наблюдали за развитием событий в русской колонии в Югославии: в докладной записке, подготовленной гестапо в 1940 году на основе агентурной информации, Струве именуют «сторонником левых» (*Anhänger der Linken*)⁵.

Описанные конфликты способствовали углубляющемуся отчуждению Струве от белградской колонии. В письме Маклакову, написанном в 1937 году, он называет монархистов «подлецами», а отвечая своему другу Н.А. Цурикову, спрашивающему совета, где поселиться, он рекомендует Софию как город наиболее свободный и дружелюбный: «Югл [Югославия], по характеру здешней эмигрантской среды, на мой взгляд, из всех наихудшей, совершенно отпадает»⁶. При этом сам Струве, чувствуя себя слишком старым для нового переезда, оставался в Белграде, оказываясь во все большей изоляции.

Порой психологическое давление делалось столь невыносимым, что он поддавался тоске по прошлому и даже сожалел о своей роли в ниспровержении старого порядка. Друг, как-то посетивший вместе со Струве театр, рассказывает, что когда актеры на сцене подхватили старый русский гимн «Боже, царя храни!», тот разрыдался, будучи не в си-

⁴ Х.У.З. Г.Г. Штрандман, Струве, А. Ксюнин, Пронин и К°. — Белград [1936]. — С. 10-11.

⁵ См. документ руководства СС и шефа германской полиции: National Archives. — Washington, D.C. — T-175-461. — Folder RSHA/VI D2. — Frame 2979660. Данный материал любезно предоставлен мне профессором И. Авакумовичем.

⁶ Письмо Струве к Цурикову, 4 марта 1937.

лах сдержатъ нахлынувшие чувства. В другой раз Струве публично «высек» себя. Это произошло на лекции, вероятно, в 1934 году, на которой В.В. Шульгин рассказывал о его роли в революции. В последовавшей затем дискуссии Струве утверждал, что последнего императора можно критиковать лишь за то, что он слишком мягко обращался с революционерами, которых следовало «истребить без всякой жалости». Шульгин с ухмылкой поинтересовался, следует ли понимать это так, что и его самого не помешало бы ликвидировать? «Да! — закричал Струве и, сорвавшись с места и трясая своей длинной бородой, заметался по зале. — Да, и меня первого! И просто, как только революционер высунил голову, так его дубиной по башке!..»⁷ Он столь разгорячился, что председательствующий, опасаясь за его здоровье, прервал дискуссию. Впрочем, подобная интеллектуальная и моральная целостность не умиротворяла его оппонентов справа, но, напротив, побуждала жалить еще больнее, поскольку казалась им лишь проявлением лукавства или глупости.

Кроме того, сложности Струве усугублялись и неуклонным падением жизненного уровня. Его первоначальная заработная плата в 6000 динаров (200 долларов) в три раза превышала ту, что он получал у Гукасова, и выглядела более чем прилично в стране, где комната с полным пансионом в перwokлассном отеле стоила 100 динаров в день (3 доллара), а чашечка его любимого послеобеденного эспрессо — всего лишь 1 динар (3 цента). Но Нина, как всегда, была абсолютно беспомощна в домашних делах, и денег, которые при минимальной экономии позволили бы семейству Струве вести вполне комфортное буржуазное существование, едва хватало на жизнь. Она почти никогда не готовила сама, ограничивая кухонную деятельность приготовлением чая и какой-нибудь выпечкой. Они посто-

⁷ *Новое русское слово*. — № 21677. — 19 октября 1969. — С. 7. Здесь приводится письмо в редакцию Н. Боброва, которое основывается на информации Н.Д. Тальберг.

янно питались на стороне, с друзьями, в ресторанах или кафе. До тех пор пока жалование Струве оставалось неизменным, даже при подобном расточительстве семья вполне могла сводить концы с концами. Но с середины 30-х годов пособия, выплачиваемые правительством Югославии русским эмигрантам, стали сокращаться, и доходы Струве резко понизились. В результате этот человек, никогда не обсуждавший с другими свои личные проблемы, зимой 1936–1937 вынужден был жаловаться другу на то, что его материальное положение «просто плачевно»⁸. К тому времени у Струве действительно не было денег на что-либо, кроме самых насущных надобностей. Каждые несколько лет они меняли квартиру, переезжая во все более дешевое и плохое жилье; это продолжалось до тех пор, пока перед самой войной они не оказались в почти нищенских условиях. Комнаты, обычно плохо отапливаемые, а иногда и вообще без отопления, переполненные книгами, часть из которых размещалась на простых деревянных стеллажах, а часть была разбросана по кроватям и стульям, производили самое удручающее впечатление на посетителей. Струве часто болел; иногда это была подагра, иногда — грипп, но чаще всего желудочные колики, мучившие его с юности.

И все же, несмотря на откровенно враждебное окружение и ухудшающиеся жизненные условия, Струве по-прежнему активно занимался научной и общественной деятельностью.

С 1928 по 1941 годы он постоянно читал лекции в Русском научном институте в Белграде. Первоначально его учебный курс назывался «Экономическая история России в связи с образованием государства и общим культурным развитием страны»; с 1933 года его сменил другой — «История общественных и политических движений в России XIX и XX веков». Лекции никогда не повторялись, поскольку хронологическая последовательность повествования разворачивалась крайне неспешно: в 1940–1941 учеб-

⁸ Письмо Струве к Цурикову, 3-4 декабря 1936.

ном году, последнем в его преподавании, Струве дошел до царствования Николая II. Он также неоднократно выступал на институтских мероприятиях, посвященных знаменательным датам или важным современным событиям; многие из этих докладов впоследствии были опубликованы. Первоначально его лекции пользовались популярностью, собирая толпы слушателей. Но эффект новизны довольно быстро пропал, а аудитория резко сократилась: одни утратили интерес, другие жалели свое время, а третьи, в основном студенты, не переносили «старомодного» подхода Струве к российским проблемам, предпочитая таким занятиям членство в военизированных и политических организациях. К середине 30-х годов у него осталось не более трех десятков верных слушателей, в основном ученых, оставшихся генералов и вдов⁹. Не смущаясь этим обстоятельством, Струве самозабвенно готовился к каждой лекции, испещряя записями сотни и сотни тетрадей. Каждый вторник в 7 вечера он появлялся в институте со своими конспектами, представляя практически пустой аудитории двухчасовое историческое изыскание. После лекции он обычно отправлялся в гости или вел компанию к себе домой для дружеского чаепития. Кроме того, начиная с 1934 года, по причинам, которые разъясняются ниже, он раз в месяц отправлялся в Суботицу для чтения лекции в местном отделении Белградского университета.

Другим регулярным занятием Струве была публицистика. Обещания Белича поддержать новую ежедневную газету так и не воплотились в дела; то же самое произошло и с *Русской мыслью*. Но Струве все-таки удалось с помощью своего друга Карела Крамаржа получить от чешского правительства деньги, позволившие объединить достоинства упомянутых изданий в газете, посвященной в основном культурной проблематике. Первый номер нового печатного органа, названного *Россия и славянство*, вышел в свет 1 декабря 1928 года. Газета заменила еженедель-

⁹ Н. Рубинский. «Русский Белград до войны». – С. 4-5.

ник *Россия*, из-за недостатка средств прекративший существование в мае того же года. Ее редактировали и печатали в Париже те же люди, которые во главе с Зайцевым помогали Струве издавать *Возрождение* и *Россию*. Особенно сильным оказался литературный раздел: среди его авторов можно упомянуть Бунина, Ремизова, Владимира Набокова. Качество исторических рубрик также было выше среднего. Как следовало из заголовка и подзаголовка — «Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности», — новая газета придерживалась панславянской ориентации. На практике, однако, панславизм ограничивался культурными и экономическими вопросами и отражался в публикациях типа юбилейной статьи о болгарском поэте, литературных переводах с польского, репродукциях работ чешского художника и сообщениях об экономической ситуации в славянских странах. Во всем остальном то была чисто русская газета¹⁰.

В первые четыре года, с 1928 по 1932, *Россия и славянство* регулярно выходила раз в неделю, но потом, подобно ее предшественницам, также столкнулась с финансовыми затруднениями. С октября 1932 года газета стала появляться раз в две недели, в январе 1933 ненадолго сделалась еженедельником, но через два месяца вновь вернулась к двухнедельному интервалу. И хотя разговор шел о временном графике, издание так и не смогло восстановить первоначальную периодичность. В июне 1934 года, после нескольких месяцев неритмичного выхода в свет, газета вообще прекратила существование. То было последнее периодическое издание, которым руководил Струве, и его закрытие стало завершающей вехой выдающейся редакторской карьеры, которая началась еще в 1896 году. Позже он непродолжительное время печатался в русской газете *Меч*, издающейся в Варшаве (1935–1936), но после разрыва с ней навсегда лишился

¹⁰ См.: 32/2-6; в данной статье утверждается, что славянским народам единство присуще больше, нежели германским или латинским.

какой-либо постоянной печатной трибуны. Струве искренне восхищался «левыми», которым в лице *Современных записок* удалось создать выдающийся журнал; в то же время, завидуя своему другу Маклакову, он не смел печататься на его страницах, поскольку считал данное издание «социалистическим органом»¹¹.

Жизнь Струве в Белграде протекала вполне рутинно. Примерно до обеда он работал в Сербской национальной библиотеке, где имелась хорошая подборка русских книг, занимаясь исследованиями по русской истории и истории экономических и общественных учений. Обед в ресторане или кафе обычно завершался чашечкой крепкого кофе. Единственным его развлечением был так называемый «винт», разновидность виста, в который он играл исключительно плохо, но очень серьезно; он обижался на всякого, кто критиковал его манеру игры. Раз в неделю он выступал с лекцией в институте, а раз в месяц предпринимал четырехчасовую поездку на поезде в Суботицу. По ночам Струве писал статьи в газеты; всякий раз, когда он занимался этим, Нина оставалась с ним, готовя ему крепкий чай и выслушивая окончательную версию материала. В первые годы белградской жизни он хотя бы раз в год выбирался за границу, но по мере нарастания денежных проблем такие путешествия пришлось оставить. С 1934 года и до начала новой мировой войны Струве дважды выезжал в Софию (в 1936 и 1939, второй раз — для получения почетной степени доктора права) и один раз — в Лондон (в 1938). Для продолжения научной работы он нуждался в длительных командировках в библиотеки Лондона и Парижа, но получить въездные визы было не просто, да и со средствами всегда были проблемы.

¹¹ «В лице “Современных записок” русский толстый журнал впервые с успехом по существу перестал быть партийным и выражать “направление”, а стал просто органом русской культуры» (32/11-15); ср. с письмом к Маклакову от 1 мая 1937 года, в котором Струве хвалит *Современные записки* и сожалеет о том, что по личным причинам не может в них печататься.

В этот период ему очень помогал сын Аркадий, практически непрерывно выполнявший обязанности секретаря отца до самой его кончины.

Для человека, столь страстного в политическом отношении, каким являлся Струве, он на удивление мало интересовался политическими переменами, происходившими в России после смерти Ленина. Соперничество между Сталиным и Троцким, разгоревшаяся после победы Сталина межфракционная борьба, колебания «генеральной линии партии», массовые чистки, политические процессы 30-х годов и прочие события, столь будоражившие иных наблюдателей, почти не затрагивались в работах Струве. Он уже давно решил для себя, что коммунистический режим скован неразрешимым противоречием между его политической и экономической составляющими и, следовательно, неспособен к глубокой внутренней эволюции. Коммунистическая система либо сохранится в своем нынешнем виде, либо рухнет (иногда Струве считал, что будет реализована именно последняя возможность), но изменению она не подлежит. В декабре 1929 года, когда масштабы сталинской тирании были еще неясны, он писал: «Россия под советским террором живет в состоянии хронической ошеломленности, в тягчайшем оцепенении: она подлинно заморожена»¹².

Опираясь на подобную предпосылку, он совершенно не интересовался тем, кто в конечном счете окажется победителем — Сталин или Троцкий. В 1929 году, уже после того, как вопрос был решен, Струве бесстрастно отмечал, что победитель сначала разгромил и изгнал своего оппонента, а потом без лишнего шума взял на вооружение его программу; это показывает, сколь малое значение следует

¹² 29/12-14а; см. также письмо к Маклакову от 27 мая 1938 года, в котором Струве говорит: «Большевикам удалось то, о чем с совершенно иным смыслом говорил и мечтал Константин Леонтьев: они “подморозили” Россию, довели ее до социалистического оцепенения».

приписывать личности советского вождя. В Сталине он видел не «извратителя» ленинизма, но законного наследника Ленина, верного продолжателя его дела. «Сталин, по существу, ничем не отличается от Ленина и не уступает ему. Он всецело его продолжает, действует вполне в его духе», — писал он в 1929 году¹³. Струве раздражали «западные снобы», распространившие «легенду» о «добром» Ленине и «злом» Сталине: «Мысль — крушение большевизма приписывать “эпигонам” Ленина и во имя “эволюции” козырять “авторитетом” Ленина против Сталина — есть мысль не только глупая и вздорная, но и *зловредная*, идущая навстречу образованию нелепой и пагубной легенды о Ленине. ...Против дурацкой и лживой легенды о Ленине мы никогда не устанем утверждать и укреплять *мысль об исторической ответственности этого первого и главного коммунистического мучителя и палача русского народа*»¹⁴. В одном месте Струве называет Ленина «думающей гильотиной»¹⁵, а в наиболее важном разделе собственных воспоминаний дает весьма примечательную (хотя и противоречивую) характеристику человека, с которым был так хорошо знаком на решающих этапах его карьеры.

Струве сразу понял, что стоит за первыми «судами» над оппозиционерами, в частности за процессом «Промпартии», организованным советскими властями в 1930 году, который, как известно, стал репетицией мрачных судебных спектаклей последующего десятилетия. Фантастические «признания» обвиняемых он объяснял отнюдь

¹³ 29/10-12б.

¹⁴ 29/11-16а. В этот период Струве подготовил весьма благожелательную рецензию на небольшую книгу воспоминаний о Ленине, написанную Г. А. Соломоном (Ленин и его семья (Ульяновы). — Париж, 1931). На личном экземпляре этой книги, который в настоящее время хранится в библиотеке Белградского университета (единица хранения 105474) Струве написал: «Превосходная характеристика Л[енина]. Надо использовать ее при доработке главы моих “Воспоминаний”, посвященной Л[енину]». [Данный фрагмент дается в обратном переводе с английского. — Прим. перев.] См. также упомянутую рецензию: 29/12-7.

¹⁵ См.: В.В. Шульгин. Что нам в них не нравится? — Париж, 1929. — С. 157.

не какими-то страдальческими свойствами «русской души», не безграничной преданностью «истинно верующих» своему делу, и, разумеется, не искренним раскаянием в содеянных «преступлениях». Ответ был предельно простым: обвиняемые брали на себя грехи, которые не совершали, поскольку их принуждали к тому при помощи «пыточной дрессуры». Таким образом, проницательно заключал Струве, фальшивые процессы над «вымышленными членами вымышленных партий» представляли собой совершенно новый «социально-исторический феномен»¹⁶. Подобная трактовка, как выяснилось позже, оказалась абсолютно правильной; по этой причине последующие «процессы» Струве вовсе не волновали, и он, в отличие от многих, не занимался выдвиганием сложнейших гипотез, касавшихся их причин и смысла.

В жизни Советского Союза конца 20-х годов Струве более беспокоили серьезные экономические новации, а именно массовая экспроприация крестьянской собственности (так называемая «коллективизация») и сопровождавшая ее грандиозная индустриальная программа. Прежде всего эти события интересовали его как экономиста; но, учитывая ту важность, которую Струве приписывал восторжествовавшему в СССР взаимоотношениям между политической и экономической властью, не менее примечательным представлялся и их политический смысл.

Струве высмеивал первый пятилетний план, когда тот еще только разрабатывался; он видел в данном начинании программу, которая лишь ускорит неизбежный крах коммунистического режима¹⁷. По мнению Струве, советское правительство оказалось перед неразрешимой дилеммой: с одной стороны, для осуществления навязываемой им программы индустриализации требовались иностранные кредиты, но, с другой стороны, агрессивная враждебность к капитализму и капиталистическому мир

¹⁶ 30/12-20.

¹⁷ 29/8-3.

препятствовала получению внешней помощи. В результате эта искусственная блокада предreshала провал всего проекта¹⁸. Струве не думал, что Россия сумеет «американизировать» свою экономику методами планирования: только свобода (то есть свободное предпринимательство) могла бы это сделать, однако подобное решение для советского руководства неприемлемо, ибо «самая небольшая доза свободы в кратчайшее время привела бы большевиков — к крушению»¹⁹.

Но постичь политические последствия сталинской экономической революции Струве удалось достаточно быстро, и как только необратимость этого процесса сделалась очевидной, он начал уделять ему самое пристальное внимание. Согласно его собственной классификации, в Советском Союзе создавалась система, характеризующаяся слиянием государства и экономики («общество—хозяйство»; см. главу 3). Систему такого рода Струве считал не только теоретически допустимой, но и необходимой для истинно социалистического режима. Подобно тому, как в экономической свободе и ее естественном порождении, частной собственности, он усматривал ключевой элемент демократии, экономическая централизация и подавление индивидуальной инициативы казались ему неизбежными атрибутами социализма. В то же время он полагал, что тотальное слияние государства и экономики в современную эпоху невозможно. По этой причине Струве с растущей озабоченностью следил за шагами Сталина, направленными на концентрацию в одних руках человеческих и материальных ресурсов страны.

Первые оценки сталинской экономической политики Струве предложил в лекции, прочитанной в Париже в апреле 1930 года. Преобразования, идущие в СССР, он назвал «великой экономической реакцией», имея в виду то, то их совокупный эффект заключался в упразднении

29/5-18.

30/7-5.

двух столетий экономического развития нации и возвращении к примитивной, управляемой государством экономике Московской Руси. Советское правительство изолировало экономику России от остального мира, воссоздавая условия допетровской эпохи: «Никакие тракторы, никакие американизации, никакое безбожие не могут скрыть от нас того, что “Внешторг” есть изгаженное, но расширенное коммунистическое издание царской торговли “заповедными товарами”, что принудительная заготовка и колхозы напоминают в худшем виде именно реквизиции XVII в. и его “государеву пашню”, что, наконец, сохранившиеся концессии подобны именно московским концессиям той же эпохи. Словом, что под коммунистическим флагом воскресла в обездушенном и обезбоженном, изгаженном виде Московская Русь»²⁰. В описываемый период Струве часто обращался к аналогии между Советским Союзом и так называемым «тяглым государством» Московией в интерпретации историков «государственной» школы²¹. Подобное сходство, полагал он, бессознательно поддерживается коммунистическим руководством в его стремлении к абсолютной власти.

Он не сомневался, что первый пятилетний план приведет к повышению, возможно, даже значительному, производительности промышленного труда. Но вот создание крепкой и стабильной экономической системы на основе экспроприации частной собственности и национализации всех богатств страны он считал абсолютно невозможным. Пятилетка нарушила естественный баланс между производственным и потребительским секторами экономики, который в свободном обществе самовосстанавливается даже в тех случаях, когда производственный сектор чрезмерно расширяется, обесценивая основной капитал. В плано-

²⁰ 30/4-12.

²¹ См., к примеру: 29/6-22; 30/4-12. Термин «тяглое государство» относится к Московскому царству XVI и XVII веков, требовавшему от всех своих поданных той или иной службы и не терпевшему частной инициативы.

вой экономике подобный корректирующий механизм отсутствует, в связи с чем постоянно сохраняется «товарный голод», из-за которого нерационально вложенный капитал не просто теряет в цене, но выводится в пассив, становится непроизводительным. Струве видел здесь бессмысленное повторение недостатков капитализма: правда, перепроизводство товаров осуществлялось намеренно, а не спонтанно и циклично²².

И все же, предупреждал он, если коммунистический режим устоит, Запад столкнется с серьезными проблемами. Во-первых, советская Россия может выбросить на западные рынки огромные массы дешевых товаров. Во-вторых, успешное завершение первой пятилетки продемонстрирует всему миру, что «экономическую жизнь великой страны можно успешно строить на насильственно осуществляемом и насильнически превозносимом начале полной несвободы». Подобный опыт можно будет экспортировать, добиваясь всемирного триумфа коммунизма «путем обходного движения». Те, кто не замечает этих угроз, будь то социалисты или фашисты, безнадежно слепы; а либералы, демократы или радикалы, их не понимающие — просто глупы²³.

Именно политическая сторона сталинских экспериментов в области экономики беспокоила его более всего. Какими бы ни были перспективы насильственной индустриализации, Струве ничуть не сомневался, что она послужит усилению внутренних репрессий и расширению внешней экспансии. «Можно ли выполнить пятилетний план?» — вопрошал он на лекции в Париже в январе 1931 года, предлагая при этом следующий ответ:

«Вопрос этот в одном смысле является праздным, ибо она (пятилетка) осуществляется. В другом смысле этот вопрос весьма сложен: может ли пятилетка, как экономическое решение, оказаться состоятельной и прочной? Тут об-

²² 30/8-23; 31/3-7; см. также: *Россия и славянство*. — № 113. — 24 января 1931. — С. 2.

²³ 30/8-23.

наруживается невозможность экономической проблемы в разъединении от политической. В условиях правового строя “пятилетка”, как экономическая проблема, неосуществима и даже не может быть ставима, но в условиях чистейшего деспотизма, средствами насилия, она политически осуществима. Экономическая проблема ставится еще так: можно ли средствами коммунистического хозяйственного строя обеспечить такую производительность производственного процесса, чтобы: 1) она обеспечивала на данной территории поддержание размножающегося населения, 2) чтобы она оправдывала огромные “капитальные вложения” и не знаменовала превращения их в “лом”, 3) чтобы она обеспечивала внешние платежи, необходимые для осуществления и развития индустриализации. Это — три роковые вопроса пятилетки как экономической системы. На мой взгляд, они все разрешаются отрицательно, и в конечном счете пятилетка не может удалиться экономически.

Но возможны и другие гипотезы, или, вернее, другие подходы к проблеме. Политические средства коммунистической партии таковы, что она не нуждается в экономическом успехе пятилетки и вообще ни в каких экономических успехах. Размножающееся население может вымирать. Вывоз может и впредь производиться и даже быть увеличиваем за счет недопотребления населения, а потому и внешние платежи по пятилетке будут неукоснительно производиться путем отчуждения на сторону достаточного количества природы по какой-угодно цене. При этом “лом”, в который будут превращаться “капитальные вложения”, будет возмещаться из того же источника. Словом, как насос, как машина эксплуатации, пятилетка может удалиться, хотя как экономическая система, обсуждаемая с точки зрения и народного богатства, и национального благосостояния, она может оказаться совершенно несостоятельной, упереться в полный провал»²⁴.

²⁴ Газетный отчет о выступлении Струве, состоявшемся в Париже 21 января 1931 года, см.: *Россия и славянство*. — № 113. — 24 января 1931. — С. 2.

Политическая угроза для России и остального мира, которую несла в себе первая пятилетка, в то время сделалась постоянной темой его выступлений. На конференции, состоявшейся в Париже в феврале 1931 года, Струве подчеркивал, что советская Россия являет миру «синтетический суррогат капиталистического бума», по замыслу своему абсурдный, несбалансированный, затратный и епродуктивный, но тем не менее способный обеспечить кономический подъем и широкомасштабный демпинг²⁵. Он глубоко сожалел о том, что Соединенные Штаты и ругие западные державы предоставляли СССР кредиты техническое содействие²⁶.

К 1931 году Струве вообще потерял интерес к происходящему в Советском Союзе. Упразднение ограниченной экономической свободы, существовавшей до начала коллективизации, и отсутствие у крестьян какой-либо возможности обогащаться подрывали все его надежды на разрушение коммунистического режима изнутри. Внешний революционный «активизм» теперь также казался Струве безрассудным и опасным. Он решительно осуждал попытки генерала Е.К. Миллера, возглавившего ОВС после похищения Кутепова советскими агентами, продолжать подпольную работу в России в надежде повторить успех революционеров в борьбе против царского режима. Струве полагал, что в отношении сталинского олицейского государства подобная тактика не принесет успеха. Нельзя сравнивать царскую Россию с Россией сталинской, утверждал он. При царском режиме борьба с еспотизмом была возможна, ибо существовала частная обственность и поддерживаемая ею независимая пресса, помощью которой революционеры воздействовали на общественное мнение. Если бы имперский режим обрушил на освободительное движение хотя бы сотую долю тех репрессий, которые сегодня развязало советское пра-

31/3-7.

31/9-5.

вительство, писал Струве, борьба с ним никогда не увенчалась бы успехом²⁷. При Сталине всякое недовольство было обречено на молчание²⁸.

Струве не имел ни малейших иллюзий насчет того, какое будущее уготовано его родине. В декабре 1929 года еще до начала сталинского террора, он предсказывал, что Россия стоит на пороге кровавой «новой опричнины»²⁹.

Русские революционеры, включая представителей умеренного и либерального лагеря, традиционно полагали, что, с моральной точки зрения, вполне оправданно желать собственной стране поражения в столкновении с иностранной державой и работать ради этой цели в тех случаях, когда подобным путем можно добиться фундаментальных реформ. Главной предпосылкой такого рода «пораженчества» выступало убеждение в том, что наихудшим врагом России является ее собственный деспотический режим и что разгром вооруженной опоры этого режима ослабит его и в поисках общественной поддержки заставит пойти на уступки. В силу именно таких взглядов образованные русские с полнейшим безразличием отнеслись к поражению своей страны в Крымской войне, значительная часть оппозиции надеялась на поражение России от рук японцев в 1904—1905 годах, а во время первой мировой войны Ленин и его последователи активно сотрудничали с неприятелем!

Интересно, что в годы царизма «пораженчество» не считалось даже позорным: различия, свойственные революционерам в данном вопросе, были скорее тактическими, нежели этическими. Несмотря на это, в 1934 году, когда Струве занял аналогичную позицию в отношении конфликта СССР с Японией, его повсеместно осудили не только правые патриоты, которые, по крайней мере, действ-

²⁷ 30/4-26.

²⁸ *Россия и славянство*. – № 113. – 24 января 1931. – С. 2.

²⁹ 29/12-14а.

вовали последовательно, но также и либералы с социалистами, считавшие Сталина более мягким самодержцем в сравнении с Николаем II. Но прежде чем обратиться к этому непростому эпизоду биографии Струве, нам следует познакомиться с его политической философией 30-х годов.

Как я уже отмечал, сам Струве определял свою послеволюционную политическую платформу как «либерально-консервативную». Он часто возвращался к данному по-
ятию; в деталях оно было раскрыто в выступлении в Пра-
: в 1933 году, называвшемся «Либерализм, демократия,
онсерватизм и современные движения и течения»³⁰.

Основой либерализма, заявлял Струве, является защита неотчуждаемых прав человека от любых посягательств со стороны отдельных людей или государственной власти, включая демократически избранную власть. Либерализм как таковой безразличен к природе политической организации: он сопротивляется атакам как справа, так и слева. Струве довольно пространно пытался убедить свою основную правую аудиторию в том, что «либерализм» отнюдь не обязательно связан с «демократией» и не так уж несовместим с «консерватизмом». Напротив, послеволюционные события в России показали, что порой при консервативных монархиях либеральные ценности пользуются большим уважением, нежели при демократических республиках.

Либерализм отстаивает все виды прав человека, но наиболее всего его интересует экономическая свобода, краеугольным камнем которой выступает частная собственность: «Политическая свобода есть не что иное, как тончайший плод, как преображение, выражаясь известным фрейд-
зским термином “сублимация” или — в переводе этого термина на русский язык — благороднейшая вытяжка из свободы хозяйственной. Там, где рушится свобода хозяйственная, не может быть никакой свободы, ибо хозяйственная свобода есть для всякого человека свобода самая ос-

33/6-1b.

новная, а для среднего человека, для обывателя свобода самая интимная и нужная»³¹. С одной стороны, частная собственность ограничивает власть государства, с другой — способствует человеческой предприимчивости. К примеру, несмотря на всю свою важность, свобода слова в конечном счете зависит от права собственности, которое вбирает ее себя: право владеть средством массовой информации влечет за собой право свободно выражать собственное мнение. Таким образом, невзирая на то, что связь между идеалом свободы и частной собственностью не является логически очевидной, на деле два института нерасторжимо связаны друг с другом. Струве осуждал любое политическое течение, враждебно относящееся к частной собственности, включая, разумеется, все разновидности социализма. В последние пятнадцать лет жизни единственным критерием, определявшим его отношение к тому или иному политическому направлению, стало уважение или, напротив, неуважение института частной собственности. Подобный подход, как мы увидим, обусловил некоторые трудности восприятия Струве таких идеологически двойственных феноменов, как фашизм и национал-социализм.

Что же представляет собой консервативная составляющая «либерал-консерватизма»? Отвечая на этот вопрос, Струве различает консерватизм как формальное понятие и как исторический факт. В первом из этих смыслов консерватизм означает не что иное, как отстаивание *status quo*, каким бы оно ни было, и при таком понимании он вполне сопоставим с любой политической системой, включая даже самую революционную: в данном разрезе, к примеру, вполне можно говорить о «коммунистическом консерватизме». Но такой формальный подход оказывается бессмысленным. На практике консервативная идея тяготеет к какому-то содержанию, будь то монархия или собственность. Подлинного «пафоса» она достигла в идее и институте «государственности». Подобно тому как пра-

³¹ 28/2-25b.

о собственности составляет квинтэссенцию либерализма, государственность являет собой суть консерватизма.

«Либерализм» и «консерватизм» поразительным образом дополняют и усиливают друг друга. Без верховной власти, предоставляемой государством, права человека не могут быть защищены; в то же время государство заряжая силой и устойчивостью от своих свободных и активных граждан. «Как без свободы лица невозможна крепость временного государства, так без крепости государства, к всенародного единства, невозможна свобода лица»³².

После 1914 года защита прав и свобод все больше зависит от активной государственной власти; в результате либерализм и демократия постепенно расходятся друг с другом, утрачивая ту тесную связь, которая была присуща им в юшлом. Коммунизм положил конец «наивному оптимизму», отождествлявшему свободу с демократией: в России после 1917 года демократия оборачивалась насилием и приуждением, а не защитой прав человека. Обращаясь к опиющимся на массы псевдodemократическим диктатурам, Струве заимствует у Полибия термин «иерократия», «госдство первых»; описываемую систему он называет «житной» формой правления³³. В современной Европе недеократические режимы зачастую более эффективно защищают права и свободы, нежели те, которые опираются на родный мандат. Струве объясняет это явление следующим образом: «Война разожгла аппетиты (всяческие, и экомические, и политические) “трудящихся масс” и демагически к ним подлаживающихся социалистических парй. И та же война объективно устранила возможность в кой бы то ни было мере управлять в соответствии с желаниями и аппетитами этих масс»³⁴. Данный факт породил гальное противоречие, которое может быть разрешено лько с помощью «жесткой консервативной политики».

33/6-1b.

#636/297.

26/7-22; развитие темы см. также в: 31/10-3 и 31/10-10b.

Исходя из описанных предпосылок, Струве анализирует международную политику межвоенного периода. Согласно его оценкам, парламентские демократии, стержнем которых он, безусловно, оставался всегда, могут эффективно функционировать лишь в тех странах, где старые традиции политической культуры и непрерывность конституционного развития сочетаются с врожденным консерватизмом, присущим как элите, так и народным массам³⁵. Для прочих стран он считал более предпочтительным режим «сильного человека» типа марша Пилсудского, который обеспечивал твердое руководство не ущемляя основные права граждан и в первую очередь право собственности. В целом отношение Струве к диктаторам предопределялось тем, проявляют ли они склонность к социализму, который в его глазах был главной угрозой человеческой свободе. В определенной степени он с подозрением относился к любым диктатурам, поскольку в присущих им «цезаристских» чертах усматривал «певородный грех» социализма. К примеру, говоря в 1927 году о фашизме, он отмечал, что это была «неизбежная и общем здоровая реакция на большевизм или коммунизм», торопясь при этом добавить, что «и сильные, и слабые стороны фашизма связаны с тем, что он сам возник недрах того направления, которое он в значительной мере отрицает, в недрах социализма, принципиально неотличимого от коммунизма»³⁶.

В период редакторства Струве *Возрождение* занимало осторожную, но в целом довольно дружественную позицию по отношению к итальянскому фашизму. Со страниц газеты Шульгин защищал фашизм как единственное эффективное средство противодействия коммунистическим «преступникам», а в редакционных статьях превозносились достижения Муссолини. Но наряду с этим появлялись и другие статьи, к примеру, материалы Зайцева, пи

³⁵ 26/6-1.

³⁶ 27/4-15.

стерегавшие от некритического восхваления Муссолини и фашизма в целом³⁷. Для той эпохи подобная двойственность была вполне типичной. Следует помнить, что в 1920-е годы термин «фашизм» имел довольно узкий смысл и не применялся для обобщающей характеристики всех правых движений радикального толка, включая нацизм. Именно поэтому в Соединенных Штатах вплоть до итальянского вторжения в Абиссинию в 1935 году Муссолини и фашизм пользовались популярностью даже среди признанных либералов. Достаточно сказать, что Самюэль Гомперц, руководитель Американской федерации труда, в 1923 году приветствовал фашизм как систему, которая энергично возрождает нацию на основе взаимодействия ради общего блага» и называл его движением, «способным разрешить все нерешительные действия в общегосударственном масштабе». Со своей стороны, Франклин Делано Рузвельт уже десять лет спустя, в 1933, именовал Муссолини «выдающимся итальянцем», производящим глубокое впечатление «своими свершениями и бесспорно благородным решением восстановить Италию»³⁸.

Сам Струве был более осторожен в данном отношении. Он не сомневался в том, что фашизм способен эффективно противодействовать коммунизму и в этом качестве весьма полезен. Но одновременно он подмечал скрытое сходство двух течений: каждое стремилось к «идеальной «рационализации» жизни»³⁹. Струве никогда не поддерживал русских фашистов и в целом относился к этой идеологии с большим подозрением.

Несмотря на политическую проницательность Струве, фашизм довольно долго и глубоко смущал его. Его способность постичь внутреннюю природу нацизма

См.: *Возрождение*. – № 73. – 14 августа 1925. – С. 2; № 182. – 1 декабря 1925. – С. 1.

См.: *John P. Diggins. Mussolini and Fascism: The View from America*. – Princeton, N.J., 1972. – P. 171, 279.

См. статьи Струве о фашизме: 25/12-19; 26/6-1; 27/4-15.

объяснялась несколькими причинами. Первой выступал исключительное уважение к Германии и германской культуре: он просто не мог понять, каким образом так страна попала под влияние безумной псевдоидеологии проповедуемой Гитлером. Подобно многим своим современникам, он также был введен в заблуждение умело рекламируемым фюрером образом ответственного государственного деятеля, обращающегося к дешевой демагогии только для того, чтобы мобилизовать массы на поддержку своих консервативных по сути целей. Но в наибольшей степени Струве подвела уверенность в том, что любая антикоммунистическая сила, каковы бы ни были ее недостатки, является благом — по крайней мере, для России. Для русского патриота, писал он в 1934 году, единственным твердым критерием оценки иностранных держав должны быть не личные симпатии или антипатии, но «атисоветизм и антибольшевизм, присущие им в данный исторический момент»⁴⁰. Его отношение к нацизму, таким образом, балансировало между надеждой и отвращением: он решительно отвернулся от этого течения только в 1945 году, во время нацистско-советского сближения. Эта неспособность распознать один из наиболее зловещих феноменов человеческой истории отнюдь не красит Струве-аналитика; она показывает, с какой легкостью догматические соображения (к примеру, убеждение в том, что для России нет врага злее большевизма) иной раз оттесняли его чутье и здравый смысл.

Как многие мудрые и уважаемые политики той поры, Струве поначалу полагал, что нацизм можно усмирить и направить в конструктивное русло⁴¹. Сказанное во все не означает, что он был обманут идеологией и полит

⁴⁰ Сообщая о том, что уже летом 1932 года Струве «остро сознал опасность [национал-социализма] как разрушительного революционного движения», Франк фактически игнорирует длительные колебания своего друга. См.: *С. Франк. Биография* П.Б. Струве. — С. 162.

⁴¹ Примеры подобного отношения к нацизму см. в книге: *Martin Gilbert Richard Gott. The Appeasers.* — London, 1963.

й нацистов. Присущие этому движению вульгарность, магогия, антисемитизм, элементы массового психоза с того начала вызывали у Струве неприятие; в 1930 году он называл нацистов вкупе с коммунистами «фразерами шарлатанами»⁴². Но негативная реакция на внешние импюты нацизма разбавлялась, а иногда и нейтрализовалась надеждой на то, что перечисленное — лишь порхностные проявления в целом здоровой реакции немецкого национализма на Версальский договор (против которого Струве в свое время выступал, а в 1919 году даже держал пари, что немцы никогда его не подпишут)⁴³ и а распространение коммунизма в Германии. Струве должен мог решить, каким образом ответить на критический ля него вопрос: является ли национал-социализм национализмом, отстаивающим социалистические ценности (и этом случае приемлемым), или же социализмом, спекулирующим на националистических чувствах (и при таком рианте подлежащим отрицанию). От разрешения воюса о том, представляет ли нацизм новую разновидость революционного социализма или «антисоциалистическую контрреволюцию», писал он в апреле 1934 года, висит судьба мира⁴⁴. В самые мрачные свои минуты труве утверждал, что массовое проникновение бывших ммунистов в ряды нацистской партии в конечном счете иведет к перерождению нацизма в коммунизм⁴⁵.

В силу врожденного оптимизма Струве на первых рях пытался поддержать обнадеживающую альтернативу. В одной из самых ранних заметок о Гитлере, подготовленной в июне 1931 года, он говорил: «Опасны не Гитлер его спутники, а, наоборот, те, кто, отпадая от Гитлера, иливают мировые коммунистические ряды». Разъясняя данный тезис, он добавлял, что главная угроза для за-

30/10-18.

33/4-1a.

Гам же.

32/4-23.

падного «буржуазного общества» исходит не от военных (которые поддерживали Гитлера), но от «внутреннего духовного разложения городской «улицы» и низов городского пролетариата», поддерживаемых и подстрекаемых коммунистами⁴⁶.

В октябре 1931 года Струве опубликовал аналитическую статью о ситуации в Германии, в которой объяснил экономический и политический хаос уникальным стечением обстоятельств: экономическим кризисом, порожденным «великой депрессией», и национальным кризисом, вызванным реакцией на Версальский договор⁴⁷. «Коммунизм и национал-социализм суть те демоны или бесы, которые рождаются из сочетания острой хозяйственной нужды с еще более острой национально-политической уязвленностью. Он выражал сомнения по поводу того, удастся ли консерваторам типа Гинденбурга и Шахта сдержать нацистов: ему казалось, что эти политики утратили чувство меры и больше не являются «умными консерваторами». В особенности он критиковал попытки немецких правых упразднить социал-демократов заодно с коммунистами. Немецкая социал-демократия, писал он, воплощает дух и интересы большинства немецких рабочих, а также значительной доли «среднего класса»: эта сила не может и не должна быть ликвидирована. Он высказывал тревогу в связи с теми спорами, которыми немецкие националисты, пытавшие пробудить дремлющее чувство патриотизма, подстегивали эмоции и ненависть толп: «Политическая убежденность национал-социалистов, переходящая в настоящую националистическую страсть, так сильно захватывает их, что они не задумываются над вопросом, не пойдут ли социальные силы того «дна» или «Ахеронта», который они собирают возмутить, на пользу не их национальному делу, а делу социальной революции». Он с неудовольствием подмечал попытки нацистов возбуждать деклассированные слои

⁴⁶ 31/6-13.

⁴⁷ 31/10-24.

помощью социалистических лозунгов, заражая их ненавистью к капитализму. Здесь он уже не уверен в том, что немецкая культура и немецкий консерватизм смогут укротить «разбуженных ими демонов». В данной связи Струве с грустью отмечал, что дефицит политического реализма, который он когда-то считал уникальной особенностью русской элиты, присущ и западным элитам, включая британскую и «даже» американскую.

Постоянным предметом беспокойства Струве оставался вопрос о том, до какой степени национал-социализм подпитывается социалистическими идеями. Его неодобрение вызывало присутствие в нацистских рядах многих бывших коммунистов. Он подозревал, что, несмотря на крайнюю антикоммунистическую риторику, Гитлер в значительной мере сохраняет приверженность методам и целям коммунизма, а оба движения постоянно усиливают и обогащают друг друга. В 1932 и 1933 годах, по мере того как Гитлер шел к абсолютной власти, Струве все еще колебался, высказывая, с одной стороны, надежду на то, что нацисты установят «конституционную диктатуру» (!), а с другой — третируя Гитлера как «маленького человека», случайно вознесенного историей, а его последователей называя «огромной психически зараженной массой»⁴⁸. В целом же, предпочитая сдержанные суждения, Струве был готов в любой момент склонить чашу своих сомнений в пользу Гитлера.

По этой причине он поддержал решение Гинденбурга о назначении Гитлера рейхсканцлером. В первые месяцы гитлеровского режима он не усматривал оснований для отказа от такой позиции. Политическое обращение Гитлера от 23 марта 1933 года, убедившее социал-демократов и центристов в рейхстаге наделить его диктаторскими полномочиями, произвело на Струве самое благоприятное впечатление. Он назвал эту речь «блестящей», особо отмечая ее «терпимость»: «Это, конечно, — признак силы и первое яр-

⁴⁸ 32/5-7а; 32/9-3. См. также: 32/6-18; 32/7-30; 32/8-6.

кое доказательство личной значительности Гитлера как государственного человека»⁴⁹. Струве убеждал себя, что нацизм, подобно фашизму, в конечном счете не является разновидностью социализма, поскольку не обнаруживает враждебности к институту собственности и содержит в себе возможность эволюции в консервативном направлении. (Не избрав этот путь, предсказывал он, нацизм потерпит неудачу⁵⁰.) Высказываясь по поводу развернутого Гитлером преследования евреев, Струве отмечал, что всегда противостоял антисемитизму и потому рассматривает гитлеровскую политику в еврейском вопросе морально, юридически и политически ошибочной, но при этом не считает возможным оценивать всю немецкую «национальную революцию» исключительно по данному критерию — точно так же марксизм нельзя оценивать, исходя из презрительного отношения его основателя к славянам⁵¹. Данный аргумент умышленно игнорировал те обстоятельства, что для национал-социализма расизм был не личным предпочтением вождя, но стержнем идеологии, и что Гитлер, в отличие от Маркса, имел в своем распоряжении неограниченные возможности для осуществления антисемитской программы⁵². Нельзя удержаться от заключения, что подобно многим своим современникам, не испытывавшим симпатий к нацизму как таковому, Струве в своем стремлении видеть в Германии бастион антикоммунизма серьезно недооценивал тоталитарный потенциал нацизма — по сути, тот же потенциал, который он столь рано и точно распознал в большевизме.

⁴⁹ 33/4-1а. Л. Львов, бывший сотрудник *Возрождения*, рассказывал мне, что в 1933 году фон Папен приглашал Струве в Кёльн для обсуждения возможного сотрудничества. У меня не было возможности проверить это.

⁵⁰ 33/7-1б.

⁵¹ 33/5-1.

⁵² В мае 1934 года Струве, наконец, признал «нелепые» гонения, которым Гитлер подверг евреев, морально и политически ошибочными, хотя психологически, возможно, и понятными. См.: 34/5-1а.

Дальнейшее развертывание немецкой «националистической революции» — подавление политических партий, повальные аресты и убийства оппонентов новой власти, основание концентрационного лагеря в Дахау, — мало-помалу отрезвляло Струве. В августе 1933 года он написал сильную статью, в которой утверждал, что Германия впала в «массовое сумасшествие» и предсказывал, что борьба между консервативным и революционным крылом внутри нацистской партии может привести к мировой войне⁵³. И хотя время от времени его былой оптимизм вновь напоминал о себе (так было, к примеру, в мае 1934 года, когда он писал, что «в Германии, благодаря Гитлеру и его хирургии, ...вместо отравленного ядами социальной ненависти воздуха классовой борьбы водворился, казалось, некий здоровый, единящий и крепящий, национальный дух»⁵⁴), Струве в конце концов потерял всякую надежду. К 1938 году он считал Гитлера безумцем и настолько презирал его режим, что, отправляясь в то время из Белграда в Лондон, намеренно решил ехать через Швейцарию, чтобы не ступать на немецкую землю. В сравнении со Сталиным Гитлер представляет меньшую угрозу — вот самые теплые слова, которые он произнес о немецком фюрере в то время⁵⁵. Но и этой позиции очень скоро суждено было измениться.

Для Струве нацизм был также и личной трагедией. Ибо если триумф большевиков похитил у него родину, то приход к власти нацистов лишил его той страны, которая в силу происхождения и воспитания являлась для него духовной колыбелью.

⁵³ 33/8-1а.

⁵⁴ 34/5-1а.

⁵⁵ См. письмо Струве к Цурикову, 7-8 апреля 1938: «Что касается “полезности” Гитлера, то я ее, конечно, понимаю, но я вообще не сочувствую упрощенному утилитаризму в политике. Гитлера я “предпочитаю” большевикам только потому, что он “объективно” во всех отношениях и смыслах для всех народов *меньшее*, сравнительно с большевиками, *зло*. И только».

Струве считал большевизм величайшей опасностью для России и для мира в целом. России он угрожал духовной гибелью, смертью всего национального организма, миру же нес нестабильность и войну. Хуже большевизма ничего не могло быть, даже иностранная интервенция в сравнении с ним казалась предпочтительней. Следуя этой линии рассуждений, в начале 30-х годов Струве занимал классическую «пораженческую» позицию русского революционера.

Его надежды сосредоточились на Японии. Он внимательно следил за ходом китайско-японского конфликта, в котором склонялся на сторону Японии, поскольку опасался распространения коммунизма в Китае и считал, что победа китайцев, учитывая теснейшую взаимосвязь между китайским национализмом и большевизмом, приведет к «большевизации» всего Дальнего Востока. В долгосрочной перспективе Китай казался ему более опасным для России, нежели Япония: если бы он взял верх, «триумф большевизма в Азии» резко усилил бы международные позиции Советского Союза⁵⁶.

Когда в начале 1934 года приграничные стычки поставили Советский Союз и Японию на грань войны, Струве поддержал японцев. В январе-феврале того же года он опубликовал газетную статью, которую можно было интерпретировать как призыв к полномасштабной японской «интервенции» в Советском Союзе. Этот материал произвел большое волнение в эмигрантских кругах, в том числе левых, отстаивавших аналогичную позицию тридцать лет назад, во времена русско-японской войны. С тем чтобы обсудить проблемы, поднимаемые в данной статье, Русский союз писателей и журналистов организовал в Белграде 5 марта 1934 года публичную лекцию Струве под названием «Международная ситуация и Россия». Мероприятие готовилось в нездоровой атмосфере: в частности, Шульгин, числившийся среди выступавших, получал угрозы от так

⁵⁶ 32/2-27а.

азываемых «молодых русских» (подробнее о них ниже), а обещания последних избить его Шульгин заявлял, что инесет с собой револьвер и расправится с каждым, кто мелится поднять на него руку.

В своей лекции Струве почти ничего не добавил к ранее сказанному или написанному на ту же тему⁵⁷. Он по-любно остановился на бедствии, обрушившемся на Россию в 1917 году, и на глубоко антинациональном характере советского режима, продолжающего изводить страну орально, духовно, политически и экономически. В ситуации с Россией все внешние проблемы отступают на второй план перед лицом «внутренней катастрофы». У России только один враг, и имя ему — большевизм: никакая иностранная оккупация не может нанести стране больший дерб, чем большевизм, эта «роковая опухоль на теле, верее, на духе русского народа». Струве предлагал аудитории сопоставить положение русских в занятом японцами арбине и в близлежащем Владивостоке, контролируемом Советами, вопрошая, где, по их мнению, русская изнь, культура и вера чувствуют себя лучше. Он отметил илюковские рассуждения о том, что большевизм прехо-щ, а Россия вечна: Россия — не просто территория, населенная людьми, но «живое целое», скрепляемое великой исторической традицией, и оно отнюдь не является неразшимым. Струве не уделил серьезного внимания японоветским отношениям, но не оставил у своих слушателей малейших сомнений в том, что японская агрессия предавляется ему куда меньшим злом, чем нынешнее положение дел в Советском Союзе, поскольку такое нападение ожет спровоцировать внутренние волнения и привести к еобщему восстанию против коммунистов. И не стоит пасаться, что японцы отторгнут русские территории, до-влял оратор, поскольку дальневосточная Россия непридна для японской колонизации.

Отчет о лекции основывается на материалах газеты *Русский голос*:
- 153. — 11 марта 1934. — С. 2-3.

Первым вступил в дискуссию некто И.И. Толстой, внук Льва Толстого и представитель «молодых русских», который атаковал Струве по личным основаниям. Подобно национал-большевикам несколькими годами ранее, «молодые русские» (младороссы) сочетал безудержный патриотизм с превознесением тех «достижений», которых добился большевистский режим. Как и в случае со «сменовеховством», их организация была под контролем советских спецслужб; Толстой, по слухам, состоявший на жаловании у ГПУ, позже эмигрировал в Советский Союз. Младороссы уже нападали на Струве по меньшей мере единожды: во время его лекции два года назад они распространяли грубые карикатуры, изображавшие его юнцом, раздувающим огонь революции, и стариком, пытающимся потушить пламя. Толстой с негодованием обвинил Струве в приглашении японцам вторгнуться в Россию, добавив при этом, что он, Толстой, не уступит ни пяди русской земли. Оратор называл Струве человеком, который не пожертвовал ради отчизны «ни одним волоском своей борды». При этих словах аудитория взорвалась от негодования, но Толстой попытался продолжить, выкрикивая пассажи из *Освобождения* тридцатилетней давности, которых Струве критиковал царизм. Закончить выступление ему не удалось. Когда порядок был восстановлен, Струве, вне себя от ярости, заявил, что не потерпит, чтобы зеленый юнец ставил под сомнение амнистию, дарованную ему его императорским величеством в 1905 году. Что же касается обвинений в отступничестве, то он не боится быть ренегатом в том смысле, в каком им был апостол Павел.

Описанное событие могло остаться незначительным внутриэмигрантским скандалом, если бы не праворусские и левые югославские газеты, придавшие его широкой огласке. В итоге Струве оказался под переkre

⁵⁸ См.: 32/4-26.

ным огнем русских монархистов и сербских коммунистов, чье взаимодействие, регулируемое из Москвы, обеспечивалось младороссами.

В то же самое время друзья Струве в сербских научных кругах, возглавляемые профессором Слободаном Йовановичем, добились для него должности почетного профессора юридического факультета Белградского университета. Югославский министр дал согласие на это назначение, и весной 1934 году Струве должен был приступить к чтению курса социологии для университетских докторантов. Вечером 29 марта 1934 года в аудиторию, где Струве предстояло выступить с вводной лекцией, набилось несколько сотен студентов и посторонних, многие из которых нарочито не снимали головные уборы и продолжали курить. Причиной такого ажиотажа и хамства толпы стало решение коммунистической ячейки университета сорвать выступление и тем самым вынудить власти отказать Струве в предоставлении обещанной должности. В проведении данной акции местным участникам помогали младороссы. Югославы имели самое смутное представление о том, кто такой Струве и чем он заслужил подобное обращение; по словам одного из них, им просто сказали, что раньше Струве был лидером «экономизма», против которого Ленин вел решительную борьбу⁵⁹. На деле, разумеется, Струве не только не имел ни малейшего отношения к «экономизму», но всегда отвергал его аполитичные установки; кроме того, совершенно немыслимо, чтобы югославских студентов 30-х годов беспокоили туманные теоретические споры, разделявшие русских социал-демократов в 1890-е. Но европейская политика уже достигла того уровня безумия, когда университетскую лекцию вполне можно было

⁵⁹ См. рассказ В. Влаговича в книге под редакцией Р. Морача: *Četrdeset Godina*. – II. – Beograd, 1960. – С. 259. После войны Влагович был членом титовского Политбюро. На данный фрагмент мое внимание обратили Б. Лажич и профессор И. Авакумович.

сорвать, одновременно обвинив профессора и в предательстве царизма, и в измене революции, этот царизм погубившей.

Струве в сопровождении нескольких академиков занял место на подиуме⁶⁰. Его представили, и он едва успел извиниться за свой плохой сербский, как аудитория, явно по сигналу, разразилась воплями, свистом, выкриками «Долой предателя!» и принялась швырять в лектора всевозможный мусор. Тут отключили свет, и помещение погрузилось в полную темноту. Подача электроэнергии вскоре была восстановлена, но волнения не прекратились, в связи с чем председательствующий прервал лекцию. Подобной демонстрации оказалось достаточно, чтобы смутить университетское руководство; оно отозвало белградское назначение Струве, вместо этого предложив ему профессорскую кафедру в филиале столичного университета в Суботице, провинциальном городке неподалеку от венгерской границы. С 1934 года и до самой оккупации Югославии немцами в 1941 году Струве раз в месяц ездил на поезде в Суботицу, где в течение трех дней читал лекции по социологии и политэкономии на сербском языке на факультете права⁶¹.

В разгар описываемых событий друг Струве математик В. Даватц опубликовал брошюру «Правда о Струве», в которой показывал, сколь многочисленные разногласия разделяли Ленина и Струве и какую пользу Струве принес своей родине⁶². Сам факт появления подобной книги говорит о том, до какой степени упал интеллектуальный и моральный уровень русской консервативной эмиграции.

⁶⁰ См.: *Русский голос*. – № 157. – 8 апреля 1934. – С. 4; *Н. Рубинский. Русский Белград до войны*. – С. 6-7; *Сегодня*. – № 93. – 5 апреля 1934. – С. 5; *Россия и славянство*. – № 231. – Апрель 1934. – С. 5; *Četrdeset Godina*. – С. 259.

⁶¹ См.: *Universitet u Beogradu. Pregled predavanja, 1940-1941*. – Beograd, 1940; письмо Струве к Цурикову, 19 марта 1938.

⁶² *В. Даватц. Правда о Струве*. – Белград, 1934.

Струве привык уходить в науку всякий раз, когда разочаровывался или не мог участвовать в политике: именно так он поступал в 1898, 1907, 1921 годах, повторив от же ход и в 1927, расставшись с *Возрождением*. Период 1927 до самой его смерти в 1944 был насыщен научными исследованиями и публикациями. Его интеллектуальные интересы к тому времени несколько изменились: на смену масштабным экономическим изысканиям пришли исследования в области русской истории. Свою главную задачу он видел в том, чтобы разрешить проблему, поставленную в русской историографии еще Карамзиным: речь шла о прояснении творческой роли государства в развитии русской нации⁶³. Струве разрабатывал намеченное направление с исключительным усердием, несмотря на условия, способные охладить пыл многих: материальные заботы, слабое здоровье, отсутствие доступа в хорошие библиотеки. Кроме того, его интересы включали историю русской науки, образования, языка и литературы. Но, восхищаясь предприимчивостью Струве и отмечая присутствие в его работах блестящих догадок и прозрений, нам все же довольно трудно согласиться с мнением Франка, согласно которому к концу жизни его друг был «первым русским историком»⁶⁴. Струве недоставало умения упорядочивать огромный массив материала в связное целое. Лиستاющее несомненной эрудицией, его историческое наследие не содержит ни оригинальной, ни последовательной интерпретации русской истории; в целом его можно охарактеризовать как подборку фрагментов довольно неровного качества.

Главный исторический труд Струве, над которым он работал с 1927 года до самой кончины, носит витиеватое точное название: «Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развити-

Письмо Струве к Маклакову, 17 июля 1939; С. Франк. Биография П.Б. Струве. – С. 155.

С. Франк. Биография П.Б. Струве. – С. 155.

ем русской культуры и ростом российской государственности»⁶⁵. Исследование вдохновлялось размышлениями некорнями русской революции — проблемой, глубоко интересовавшей Струве. «Предлагаемая социальная и экономическая история, — писал он во введении, — есть, конечно объективный трактат о происхождении, т. е. об исторической подготовке русской революции в сравнительно-историческом освещении»⁶⁶. (Говоря об объективности, Струве имел в виду отнюдь не то, что данный трактат свободен от ценностных суждений; он лишь признавал, что революция представляет собой глубочайший факт русской истории, задача автора — не в оправдании или осуждении этого факта, но в прояснении его смысла.) Струве исходил из того, что русская история характеризуется циклической сменой освободительных и репрессивных ритмов, а революция 1917 года считал «великой реакцией» вторых на первые. Он подчеркивал, что в России в равной степени укоренены обе силы: русская государственность и общественность исторически двулики, причем «один из этих ликов обращен к свободе, другой к принуждению».

Работа над «Историей» началась в Париже в 1926 году, сразу же после кризиса в *Возрождении*, закончившись изгнанием Струве из редакции. В то время генерал Е.К. Миллер, близкий сподвижник Кутепова, организовал серию публичных лекций о России в Ассоциации Дюплесси-Морнэ на улице Клиши. По его приглашению Струве с марта по май 1927 года прочитал здесь цикл из восьми лекций под общим заголовком «Введение в экономическую историю России в связи с ее общим культурным развитием». Струве намеревался опубликовать тексты этих выступлений в приложении ко второму номеру

⁶⁵ Книга была издана в Париже, 1952. В этот том, посмертно изданный сыновьями Струве, включены его основные исторические работы, также избранная переписка и библиография; «История» как таковая занимает лишь 110 страниц из 387. Подобно прочим сочинениям Струве, книга напечатана с соблюдением дореволюционной орфографии.

⁶⁶ Социальная и экономическая история России ... — С. 6.

озобновленной *Русской мысли*, но поскольку найти средства на журнал так и не удалось, данный план не был реализован⁶⁷.

Обосновавшись в Белграде, Струве возобновил работу над своей темой, постепенно вылившейся в крупноаштабный обзор политической, социальной и экономической истории средневековой России. К 1938 году он исчерпал возможности сербских библиотек и очень хотел поработать в Британском музее, чтобы заполнить библиографические пробелы в своем историческом очерке и ознакомиться с новыми материалами по истории экономической мысли, которой он собирался посвятить специальный трехтомный труд. В июле 1938 года, получив небольшую стипендию Сербской академии наук, он провел десять недель в Лондоне, в основном посещая Британский музей⁶⁸. Вернувшись в Белград в октябре, он внес последние штрихи в первую часть «Истории», состоящую из семи глав и покрывающую период от IX века до тарского завоевания⁶⁹. Струве договорился со своим арижским другом юристом В.Б. Ельяшевичем о публикации этой части во Франции, но воплощению замысла помешала война. К счастью, Ельяшевичу удалось сберечь рукопись; полный же текст, содержащий двенадцать глав, в которых рассматривался московский период, опубликован в 1941 году во время налетов немецкой авиации на Белград. Таким образом, несколько глав — это все, что мы

Там же. — С. vii-viii; *Michèle Beyssac*. La Vie culturelle de l'Émigration russe en France: Chronique (1920-1930). — Paris, 1971.

О пребывании Струве в Лондоне см. воспоминания профессора Глеба Струве: *Русская мысль*. — Париж. — 13 июля 1955. См. также выдержки из писем того времени самого Струве: Записки русской академической группы в США. — III. — 1969. — С. 134-140.

Письмо Струве к Цурикову, 7 февраля 1939. Как следует из письма Григория Струве к Борису Николаевскому, датированному 27 января 1946 года, единственным разделом «Истории экономических идей», выделенным на бумагу, стало введение. Сын утверждает, однако, что тан всей книги отец «держал в голове». См.: Записки русской академической группы в США. — III (1969). — С. 128-129.

имеем, и поэтому наши суждения о данной работе по воле строятся на неполных свидетельствах.

Подобно прочим произведениям Струве, его «История» представляет собой труд, свидетельствующий о поразительной эрудиции автора и обнаруживающий прекрасное знание первоисточников, а также вторичной литературы на русском и основных европейских языках. Он содержит интересные материалы о происхождении и эволюции терминов, применявшихся в средневековых русских источниках, поскольку этимология всегда весьма интересовала Струве⁷⁰. Изложение концентрируется на институтах — повествовательностью автор не увлекается. В целом Струве стоит на позициях западника и приверженца «государственной» школы. Он подчеркивает единство русской истории, проистекающее из целостности территории, занимаемой русскими, и утверждает, что в России возникновение нации предшествовало возникновению государства. Касаясь ключевых тем русской историографии — норманской проблемы, значения Новгорода, возвышения Москвы, — он почти не добавляет ничего нового.

По сравнению с амбициозной «Историей» его неси тематические записки об истории русской науки и просвещения кажутся куда более интересными. Внимание Струве к данной теме было привлечено А.С. Лаппо-Данилевским годы первой мировой войны. В 1916 году они вместе путешествовали в Кембридж, где Лаппо-Данилевский выступил с лекцией об исторических корнях русской науки. Взгляд этого ученого заинтересовали Струве, втянув его в жаркую дискуссию с Лаппо-Данилевским⁷¹. В 1921 году Струве высказался по данной теме⁷², а впоследствии опубликовано множество статей, посвященных ведущим русским ученым

⁷⁰ См. приводимую Струве цитату на данную тему из Фюстеля де Куланжа: Социальная и экономическая история России... — С. 273.

⁷¹ 26/6-7б. См. также английское издание лекции Лаппо-Данилевского J.D. Duff (ed.). Russian Realities and Problems. — Cambridge, England. 1916. — P. 153-229.

⁷² Эта работа была опубликована лишь в 1926 году: 26/6-7б.

В развитии отечественной науки Струве более всего занимало ее постепенное превращение из инструмента государственной власти в автономную сферу человеческой деятельности. В то время как западная наука формировалась в клерикальной среде как *ancilla theologiae*, корни русской науки были исключительно светскими: к концу XVII столетия она сложилась в качестве одного из инструментов государственности, *instrumentum reipublicae*. Русское государство, исходя из собственных потребностей, привлекало подданных к обучению и приглашало иностранных ученых в академии и университеты. Первоначальное утверждение образования в России происходило в ходе процесса, который Струве называет «культурной колонизацией», то есть масштабного привлечения иностранных специалистов. Но в России вклад государства в развитие образования не ограничивался прямым его поощрением. Возможно, гораздо более важным являлся тот факт, что «рост государства и его могущества создавал и экономическую основу, и широкие и все раздвигающиеся правовые и культурные рамки для научной культуры». Опираясь на произведенные Ломоносовым расчеты потребности России в квалифицированных кадрах, Струве доказывает, что решающим фактором в развитии российского образования оказывалась экспансия государства, которое нуждалось в образованных людских ресурсах и создавало необходимые для этого условия. Важность данного обстоятельства Струве подчеркивает ссылкой на внешне парадоксальный факт: зачастую наиболее впечатляющих успехов в науке и образовании страна добивалась в условиях политической реакции.

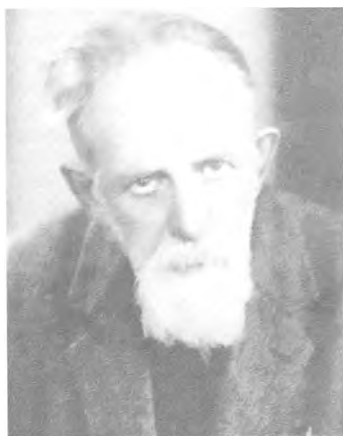
Особое внимание Струве обращает на неустанную национализацию русской академической культуры. Императорская академия наук, которая в XVIII столетии насчитывала среди своих членов лишь 32 процента русских (или 26 процентов, если не считать финнов и прибалтов), широко привлекала местных ученых. В XIX веке от двух третей до трех четвертей академиков были русскими по

происхождению, а к 1917 году этнический состав академии оказался чисто русским. «Национализация» академической культуры в России зашла настолько далеко, что к началу XX века в некоторых дисциплинах, в частности, в истории, даже наметилась тенденция к обособлению от основного русла мировой науки.

Струве отмечает еще одну важную особенность исторической эволюции русской науки и образования, а именно их прогрессирующее высвобождение из-под опеки политики и становление в качестве самостоятельных сфер человеческого творчества. По его мнению, последним всплеском политических страстей в экономике стала разгоревшаяся в 1890-х годах дискуссия между «народниками» и «марксистами». Сразу после ее завершения экономика как научная дисциплина в России была деполитизирована. После 1905 года уже нельзя было говорить о «марксистах» и «народниках» как экономических школах: различные течения экономической мысли теперь отличались друг от друга по критериям, не имеющим отношения к политике. К революции 1917 года русская наука оказалась полностью автономной и свободной от государства, некогда ее породившего.

В свое время Струве рассчитывал написать монографию, полностью посвященную историческому развитию русской науки⁷³, но все его достижения на данном поприще состоят из нескольких эссе о ведущих русских ученых. Как правило, публикация очередного такого материала отмечала годовщину рождения или смерти соответствующей личности. Среди них были статьи о естествоиспытателях Н.И. Пирогове (31/12-19a) и Д.И. Менделееве (34/4-1c), историках литературы А.Н. Пыпине (33/8-1b) и В.И. Ламанском (33/8-1b), историках С.Ф. Платонове (33/1-21a и 33/1-29b), В.Г. Васильевском (#659) и Ф.В. Тарановском (#635). Он также издал небольшие работы об изучении

⁷³ См. интервью с Л. Львовым: *Россия и славянство*. – № 38. – 17 августа 1929. – С. 3-4.

Струве в 1942 году,
после освобождения из нацистской тюрьмы

Могилка Струве на кладбище Сент-Женевьев де Буа близ Парижа

творчества Пушкина (31/9-19b и 32/12-15) и о новейших течениях в русской историографии (33/1-29b). Хотя многие из этих произведений перегружены обилием деталей, взятые в целом, они представляют впечатляющую панораму наиболее значимых и зачастую игнорируемых аспектов культурной истории России.

Из всех исторических работ, подготовленных Струве последние годы жизни, наиболее впечатляющей представляется написанная накануне второй мировой войны обширная статья о духовных истоках славянофильских взглядов на цивилизацию Запада. Этот материал называется «С.П. Шевырев и западные внушения и источники теории-афоризма о “гнилом” или “гниющем” Западе: изыскания, сопоставления и материалы» (#660). Статья интересна не только благодаря ее теме, но также и потому, что убедительно демонстрирует преемственность мысли Струве. Написанная спустя полвека после появления первой публикации, она посвящена той же проблеме, которая занимала двадцатилетнего Струве, а именно славянофильскому толкованию России как цивилизации, фундаментально отличной от западного мира и обреченной на особый путь. Опираясь на многочисленные источники, автор показывает, что ключевые для славянофилов аргументы, с помощью которых они обосновывали упадок западной цивилизации, заимствованы из эпохи европейской Реставрации как в консервативной, так и в социалистической ее разновидности и созвучны типичному для всей Европы ответу на политический и духовный кризис, вызванный Французской революцией. При этом Струве шел еще дальше: он намеревался показать, что идея «разложения Запада», популяризуемая в то время Шпенглером и его русскими эпигонами в лице Бердяева и евразийцев, представляла собой одну из вечных тем интеллектуальной истории человечества, которая имела параллели во времена поздней Римской империи и в Европе после 1789 года. Тогда, как и теперь, столкнувшись с грандиозными историческими катаклизмами философы пытались вынести окончательную

оценку событиям, свидетелями которых им довелось стать. Последние страницы статьи выражают историографическое кредо самого Струве, в основе которого — оптимистичный агностицизм.

«В своей исторической метафизике Шпенглер исторический кризис Запада на пространстве столетия с 175 по 1850 г. связывает в некий единый процесс с крушением античного языческого мира, духовно побежденного христианством и физически покоренного варварами. Мы ясно представляем себе теперь как сложен духовно и как многообразен душевно был этот процесс крушения и капитуляции усвоившего эллинскую образованность “вечного Рима” (*Roma aeterna*) пред “покорившими” его христиански “благовестием” и “варварами” разных рас. Здесь исторический процесс смены и усвоения грандиознее того, что пережило человечество в связи с политической и экономической революциями новейшего времени, и сопровождающий этот грандиозный процесс “апокалиптический” хор еврейских и христианских голосов звучит еще ярче и могущественнее, чем смешанный “теократический” и “социалистический” хор, сопровождавший глубокие перемены XVIII-XIX вв. И тем не менее и здесь можно было бы установить интересные и многозначительные точки соприкосновения показывающие, как люди разных эпох и их “положения формально-психологически повторяются, хотя на самом деле для истории характерно и существенно именно то, что в ней *ничто не повторяется* и в этом смысле *все ново*. Это последнее замечание относится и к тем “апокалиптическим” голосам, которые нам слышатся в самое последнее время и которые одними воспринимаются как “благовестие”, а другими как пророчества новоявленных Сибил. Люди, даже очень умные, часто хотят своими толкованиями упредить тот всегда лишь после завершения события начинающийся полет мудрой совы мудрой Минервы, о котором говорит Гегель» (с. 251-252).

Особое место в наследии последних лет Струве принадлежит воспоминаниям о знаменитых политических

деятелях его поколения. Он обладал даром точного и детального воспроизведения событий, который в сочетании с тонким психологическим анализом, глубокой начитанностью и знанием исторической подоплеки позволял создавать запоминающиеся портреты современников, многих из которых автор знал лично. Нам остается лишь сожалеть о том, что Струве оставил намеченный им в 1931 году план подготовки собственных мемуаров⁷⁴ и ограничился разрозненными заметками. Его воспоминания, вне всякого сомнения, оказались бы куда полезнее общей истории России, работа над которой была столь длительной, напряженной и, по сути, тщетной.

Наиболее заметным мемуарным сочинением Струве стала довольно объемная статья «Мои контакты и конфликты с Лениным» (#626), написанная для журнала *Slavonic and East European Review*. Тема этой публикации гораздо шире, чем предполагает ее название, поскольку в ней дается общий очерк становления социал-демократии в Санкт-Петербурге 1890-х годов. Если не обращать внимания на то, что автор так и не раскрыл своих политических и идеологических отношений с Лениным, а также на его склонность изображать Ленина той поры в свете начавшихся в 1917 году событий, данная статья может служить весьма основательным введением в предмет и незаменимым источником для каждого, кого интересует среда, в которой формировалась российская социал-демократия. В частности, описывая соответствующий период жизни Струве, я постоянно обращался к этой публикации.

Как бы в приложение к упомянутой статье Струве написал краткий некролог, посвященный А.Н. Потресову, его ближайшему другу со времен социал-демократической юности (#629). Струве питал к Потресову самые теплые чувства даже в то время, когда пути двух политиков разошлись. Симпатии были взаимными, о чем свидетельствует эпизод, сообщаемый историком-меньшевиком Н.В. Вален-

⁷⁴ Письмо Струве к Маклакову, 28 октября 1931.

тиновым. Этот случай проливает также свет на обстоятельства, которые тридцатью годами ранее привели к исключению Струве из рядов РСДРП. Весной 1934 года Потресов умирал в Париже (он скончался летом того же года). В то время, рассказывает Валентинов, «я очень часто приезжал наведываться о состоянии здоровья Потресова, и с Екатериной Николаевной было условлено не звонить, а стучать в дверь. После того, как Екатерина Николаевна меня впустила, мы с нею обычно шли в кухню, и там, чтоб Алек. Ник. не слышал, она мне рассказывала, в каком в данный момент состоянии находится здоровье Потресова. В описываемый день она мне сказала, что Струве, узнав о тяжелой болезни Потресова, прислал ему большое письмо с пожеланием выздороветь... Очевидно, в письме Струве было что-то, что очень расстроило Потресова. Екатерина Николаевна мне сказала: «Письмо Струве *такое хорошее, такое сердечное, что Александр Николаевич всплакнул*». Когда после этого я из кухни пошел к Потресову, — он о содержании письма Струве ничего не сказал, сказал только, что получил такое письмо, и тут же начал говорить о Струве, какой это умный, знающий и талантливый человек и что «мы его потеряли *по нашей вине*. Мы его затравили, сознательно отпихивали от себя. В том, что Струве оказался для нас потерянными — виновниками этого Плеханов и Ленин. Мы воспитывались в привитой нам Плехановым привычке поносить каждого, кто хотя бы немного отклоняется от официальных воззрений партии — или взглядов Плеханова»...

Я должен сугубо подчеркнуть, что в этот день Потресов говорил о Струве с поразившей меня *теплотой*. До этого он называл Струве чуть ли не черносотенцем. ...Потресов много раз повторил: «По нашей вине Струве ушел от нас. Если бы в партии были здоровые отношения и здоровый дух — Струве по сей день был бы с нами»⁷⁵.

⁷⁵ Письмо Валентинова к Николаевскому, 19 августа 1954. — Nikolaevskii Archive. — Hoover Institution. — Stanford, California. Данный документ любезно предоставлен мне А. Бургиной.

В большом докладе о Витте и Столыпине, подготовленном для австрийского симпозиума на тему «Люди, которые творили историю» (#618), Струве оценивает выдающихся государственных деятелей царской России, опираясь на личные наблюдения.

О Витте ему приходилось писать и раньше, в 1915 году; то был обширный некролог (#485), теперь прилагаемый к докладу. Струве считает Витте политическим гением, наиболее выдающимся политиком, рожденным императорской Россией с 1801 года. В то же время он отмечает, что политическим инстинктам Витте не хватало познавательной базы: этот политик был невеждой. «Когда я впервые встретился с Витте, — вспоминает Струве, — самое сильное впечатление на меня произвело довольно странное противоречие: в этом человеке государственный гений сочетался с отсутствием подлинного образования»⁷⁶. Далее он обличает Витте в беспринципности и моральной слепоте. Еще в 1915 году Струве писал следующее: «Когда он становился лицом к лицу с общими вопросами политики, он не способен был восходить к моральным основам таких вопросов. Оттого такие великие вопросы русской жизни, как община, университет, земство, превращались под его руками в материал для интриг, для “ходов”, при которых какие-либо общие начала и даже интересы родины и народа ступшевывались перед борьбой за власть и влияние»⁷⁷. В целом, по мнению Струве, наилучшим образом Витте характеризует английское слово «авантюрист» — или, что более точно, «авантюрист в чиновничьем мундире».

Столыпин относился к совершенно иному типу: «Большую часть своей жизни он провел, выполняя обязанности чиновника, но при этом чиновником-бюрократом не стал. В отличие от Витте не превратился он и в “авантюриста в чиновничьем мундире”. Так и не сделавшись чиновником, Столыпин предстает перед нами как “служилый чело-

⁷⁶ #618/264.

⁷⁷ #485/130-131.

век”, “*servitor*” в средневековом смысле слова, инстинктивно преданный его императорскому величеству и столь же инстинктивно придерживающийся сословных традиций. Для Столыпина лояльность короне и своему сословию оформилась в морально-политическое кредо»⁷⁸. Струве отмечает способности Столыпина как парламентского оратора и полемиста, присущее ему глубочайшее понимание российских проблем, особенно в сфере сельского хозяйства, и его патриотизм. Не называя этого политика гением и считая его менее одаренным, чем Витте, Струве все же превозносит его как выдающегося государственного деятеля.

Помимо упомянутых публикаций, в журнальных и газетных статьях Струве 20-х и 30-х годов можно найти многочисленные наброски и воспоминания, посвященные менее известным современникам: его друзьям по освободительному движению (например, Ф.И. Родичеву и Д.Н. Шипову), видным борцам с большевизмом (таким, как Борис Савинков), а также различным литературным деятелям. В целом эти материалы составляют весьма ценный источник биографической информации о выдающихся русских конца царской эпохи.

Так случилось, что в сентябре 1938 года, во время мюнхенского кризиса, Струве оказался в Лондоне. Сговор поверг его в отчаяние. Он не мог понять, почему французы и англичане принесли одного из своих союзников в жертву человеку, который был явно безумен. Мюнхенские уступки, полагал Струве, лишь разожгут аппетиты Гитлера и одновременно помогут ему склонить на свою сторону колеблющегося Муссолини. Зимой 1938–1939 годов он пришел к убеждению, что всеобщая европейская война неизбежна⁷⁹. Гитлер и Муссолини

⁷⁸ #618/268-269. О Столыпине см. также: 26/9-26.

⁷⁹ Письмо Струве к Цурикову, 12 января 1939, и к Маклакову, 30 марта 1939: «Я смотрю, если угодно, пессимистически на положение вещей: на мой взгляд, «тоталитарные» государства зашли слишком далеко и отступить уже не могут... *Нужно готовиться к наихудшему*».

полны решимости «сокрушить» демократии; они не останавливаются, пока не добьются своего: все их шаги, направленные на успокоение Запада, являются лишь тактическими уловками. Струве очень хотел донести свою точку зрения до людей, облеченных властью, но на Западе у него не осталось практически никаких контактов. Тогда он решил связаться с Самюэлем Хором, одним из советников Чемберлена, с которым был знаком по совместной работе в годы первой мировой войны. В марте 1939 года он направил Хору пространное и несколько бессвязное послание, которое Глеб Струве перевел на английский⁸⁰. В нем выдвигались следующие тезисы:

1. Современным демократиям противостоит смесь индивидуального безумия (психопатическая личность Гитлера) и «массовый психоз» «великой культурной нации», попавшей под его воздействие.

2. Англия должна попытаться вбить клин между германской нацией, организм которой остается в основном нетронутым болезнью, и ее сумасшедшим вождем; анная цель требует самого решительного вмешательства во внутренние дела Германии.

3. Дальнейшие уступки Германии неприемлемы: Мюнхен упрочил положение диктаторов и, следовательно, весьма усложнил задачу по вбиванию клина между ними и их народами.

4. Европейский кризис является следствием русской революции, ибо большевизм, фашизм и нацизм связывает глубокое родство. «Идеологически, т.е. социально политически, Ленин — Сталин с их большевистским режимом и Гитлер и Муссолини с их режимами, несмотря на различие тактики и даже видимых политических целей, представляют не только родственные, но и прямо

Черновик этого письма принадлежит профессору Глебу Струве; см. кже относящиеся к тому же периоду выдержки из его переписки с цом, содержащие резюме послания: Записки русской академической уппы в США. — III. — 1969. — С. 125-152.

тождественные по основному смыслу явления. Ленин родил Гитлера и гитлеризованного Муссолини...»

5. Западным демократиям необходимо выступать против антидемократических, «социалистических» государств единым фронтом: они не должны заключать союз со Сталиным против Гитлера, поскольку между этими диктаторами почти нет разницы.

Разумеется, это послание не имело никакого эффекта. Хор пользовался сомнительной репутацией одного из наиболее упрямых сторонников «умиротворения»: даже год спустя, когда нацисты захватили Польшу, он надеялся, что Гитлер может добровольно уйти в отставку! Но Струве, по крайней мере, был удовлетворен тем, что его предвидение пакта между Сталиным и Гитлером оказалось верным: теперь мы знаем, что эти договоренности были задуманы в апреле 1939 года, в то самое время, когда Струве писал письмо Хору. После того как соглашение было предано гласности, он с нескрываемой гордостью писал друзьям, что его предсказания сбылись с небывалой точностью⁸¹. В определенном смысле Струве был даже рад тому, что Сталин и Гитлер оказались в одной компании; он надеялся, что открытый конфликт между демократиями и тоталитарными государствами (нацистской Германией и Советским Союзом) приведет к освобождению его родины.

Он лихорадочно следил за ходом «битвы за Англию»: стойкое сопротивление британцев и последующий отказ Германии от планов вторжения возродили его оптимизм. Он полагал, что поражение немцев станет поворотным пунктом в войне и отстаивал эту идею вопреки большинству русских эмигрантов в Белграде, считавшему такой сценарий явно абсурдным. Это большинство не скрывало своих пронацистских симпатий. Через несколько дней после немецкого вторжения в Польшу, положи-

⁸¹ Письма Струве к Маклакову, 5 сентября 1939, и к Цурикову, 7 декабря 1939.

шего начало второй мировой войне, Струве выразил свое негодование по поводу позиции белградских русских в письме к Маклакову. Упадок и разложение среди местных эмигрантов, писал он по-французски, приобретают «*des formes vraiment degoutantes et revoltantes justement en connection avec les événements tout recents*» («формы на самом деле отвратительные и вызывающие именно в связи со всеми недавними событиями»)⁸².

6 апреля 1941 года война пришла в Югославию. Германская армия форсированным маршем пересекла границу; этому предшествовали воздушные налеты на югославские города. Невзирая на частые сигналы тревоги, Струве продолжал свои ежедневные походы в Национальную библиотеку, за многие годы сделавшиеся привычными. Он шел нетвердой походкой, сутулясь, длинная борода прикрывала грудь, — пока какой-нибудь дворник, опасаясь за его жизнь, не втаскивал старика в подворотню. Но библиотеку скоро разбомбили, и нужда выходить на улицу отпала. В огне бомбардировок погиб и оригинальный вариант рукописи его «Истории».

20 апреля части вермахта вступили в Белград. Вскоре после этого в городе появились гестаповцы со списками политиков и интеллектуалов, подлежащих аресту, а во многих случаях и «ликвидации». В одном из таких списков было имя Струве. По его собственному мнению, причиной ареста, состоявшегося в мае, стали нападки на крайне правого эмигрантского деятеля Н.В. Краинского⁸³, но, насколько нам теперь известно, Струве и прежде числился в гестапо приверженцем левых. Против него не выдвинули никаких обвинений, и поначалу Струве думал, что немцам известно о его антинацистских настроениях и переписке с Хором. Потом он с облегчением узнал, что обвиняется лишь в дружбе с Лениным и содействии большевистской революции. Позже Струве говорил друзьям,

⁸² Письмо Струве к Маклакову, 4 сентября 1939.

⁸³ Об этом мне рассказывали белградские друзья Струве.

что если бы в гестапо спросили о его отношении к «третьему рейху», он не стал бы лгать⁸⁴.

Некоторое время Струве содержали в штаб-квартире гестапо в Белграде вместе с другими русскими и югославами, а потом отправили в Грац, австрийский университетский город, где он жил сорок девять лет тому назад, будучи начинающим студентом-экономистом. Условия заключения здесь были очень суровыми: узники спали на полу на соломе и питались только тюремной баландой. Но для Струве, семидесятилетнего человека, страдавшего от хронической болезни желудка, не это было главной тяготой: гораздо более его мучило отсутствие книг. Он постоянно просил выдать хоть какую-то печатную продукцию, но столь же неизменно получал отказ: это тюрьма, а не частный клуб, — напоминали ему. На просьбу о Библии Струве ответили, что национал-социалисты не верят в Бога. В конце концов, один из охранников сжалился над стариком и дал ему ключ от книжного шкафа где-то в коридоре, в котором хранилась литература, изданная еще до аннексии Австрии. Первой же книгой, которую Струве там раздобыл, оказалась добротной изданная история Коммунистической партии Советского Союза на немецком. В поисках своей фамилии он заглянул в алфавитный указатель и обнаружил, что каждое ее упоминание сопровождается приписками типа «враг народа» и «предатель рабочего класса». Здесь также говорилось, что советский суд заочно приговорил его к смертной казни. С книгой в руках он стоял на встрече с начальником тюрьмы. Представленных доказательств оказалось достаточно для освобождения, и вскоре Струве был выпущен и отправлен в Белград⁸⁵.

⁸⁴ Интервью с профессором Острогорским.

⁸⁵ См.: *Н. Рубинский. Русский Белград до войны. — С. 7; П. Берлин. Страницы прошлого: памяти П.Б. Струве. — Новое русское слово. — № 12187. — 9 сентября 1945.* Эти данные подтверждаются также свидетельствами профессора Острогорского. Но профессор Глеб Струве слышал от своего брата Аркадия несколько иную версию, согласно которой в тюрьме Струве поинтересовался у надзирателей, какие обвинения против него выдвигались.

Он вернулся домой в полном изнеможении. Следующий год стал, вероятно, самым трудным годом жизни Струве. Он и Нина беспрерывно страдали от холода и голода; не имея собственного дома, они были вынуждены жить у друзей, в семье Хлычевых. Их сын Аркадий, французский гражданин по рождению, был выслан немцами во Францию. Рукописи Струве пропали, а библиотеки, которые он посещал, были сожжены или закрыты. В итоге Струве был лишен возможности забыться в работе; неспособный читать или писать, он целые дни проводил в размышлениях⁸⁶.

К моменту его возвращения в Белград Германия уже воевала с Советским Союзом. После краткого периода растерянности и сомнений Струве решительно встал на сторону СССР. Он пристально следил за положением на фронтах: несмотря на всю неоднозначность обстановки, и вновь, как и в 1914 году, твердо верил, что союзники, пираясь на преимущество в людских и прочих ресурсах, еминентно победят. Нацистов он теперь презирал даже олее пламенно, чем коммунистов. Струве был беспощаен к тем русским эмигрантам в Югославии, которые, пытаясь облегчить собственную участь или извращая патриотическую идею, сотрудничали с оккупантами. Среди последних оказался и его добрый друг, математик К. Даватц, в 1934 году написавший брошюру в защиту Струве. Мягкий и наивный человек, Даватц полагал, что ступая в создаваемые немцами русские части (*Schutzkorps*), он способствует освобождению родины от коммунистического ига. Струве категорически не соглашался с этим. Он был у Хлычевых, когда Даватц зашел проститься перед

ути. Узнав, что ему ставят в вину дружбу с Лениным, он предложил заглянуть в собрание сочинений последнего и посмотреть, что Ленин о нем ищет. После того как это было сделано, Струве освободили. О смертном разговоре, заочно вынесенном Струве в 1919 году, см.: *В. Даватц*, Правда о Струве. – С. 12 прим.

Письмо Струве к Франку, 31 марта 1943. – Социальная и экономическая история России... – С. xii.

отправкой на фронт. Едва слышав знакомый голос в дверях, Струве в панике выбежал в соседнюю комнату, лишь бы не встречаться с другом, надевшим немецкую форму; его буквально пришлось выталкивать оттуда, что бы он поздоровался с отъезжающим⁸⁷.

Но даже испытывая крайние лишения, Струве не позволял себе пасть духом и не шел ни на какие уступки ради улучшения своего материального положения. Он никогда не сетовал на личные горести, оставаясь источником вдохновения для тех русских друзей, кого война заставила выбирать между любовью к России и ненавистью к большевизму. Струве ни минуты не сомневался, что в этой конкретной войне любовь к родине обязывает их желать поражения агрессору. Зимой 1941—1942 годов Струве навещал малоизвестный русский поэт Владимир Гальской, по профессии архитектор, чье согласие работать на немцев было вознаграждено комфортной жизнью в Берлине. Приехав в Белград на рождественские каникулы, в то время, когда немцы стояли на подступах к Москве, а война казалась проигранной, он нашел Струве бескомпромиссным противником нацистов, убежденным в грядущей победе. Гальской посвятил Струве следующие стихи:

Памяти П.Б.Струве

Ты в памяти моей таким
остался,
Завернутый в шотландский
старый плед...

Меня из оснеженного Берлина
Принес заледенелый паровоз;
И город юности, почти забытый,
Под саваном рождественских снегов
Меня встречал поруганный, разбитый,
Придавленный под каблуком врагов.

⁸⁷ Об этом мне рассказала Т.И. Хлычева. Даватц погиб в бою в ноябре 1944 года; см.: *Н. Рубинский*. Русский Белград до войны.

И в холоде нетопленной квартиры
В тот страшный год бесчисленных могил
Ты высоко мне говорил о мире,
Ты вдохновенно Божий мир любил.
И было мне невыносимо стыдно
За мой костюм, за мой «приличный» вид.
Но стало в тот же вечер очевидно,
Что враг страны моей не победит...⁸⁸

Единственным достойным выходом из нестерпимых материальных затруднений, которые Струве пережили в оккупированном Белграде, — то есть выходом, не предполагавшим ни малейшего сотрудничества с немцами, — казался переезд в Париж. Там у супругов жили два сына, Аркадий и Алексей, которые могли поддержать их. Струве подал германским властям прошение о выезде, одтвержденное русской церковью в Париже. Но даже трастно желая уехать, он без малейших колебаний ответил на вопрос анкеты о последнем пребывании в Германии: «В 1941 году, в тюрьме»⁸⁹. Из-за проверок в гестапо, ледившего за русскими эмигрантами, разрешение формлялось медленно. Оно было получено лишь в 1942 году. Струве решил оставить свой личный архив, содержащий многочисленные рукописи, тетради и переписку, а попечение югославского коллеги⁹⁰. Принадлежавшее

Е. Яконовский. Владимир Гальской. — *Новое русское слово.* — № 17704. — августа 1961. Мое внимание на это стихотворение, названное «Памяти П.Б. Струве», обратил Т.В. Бутов.

Об этом сообщил профессор Острогорский.

В 1962 году я в течение двух недель занимался в Белграде поисками хива Струве. Мне не удалось его обнаружить. Согласно наиболее равноподобным версиям, предложенным знакомыми Струве, либо профессор Любомир Дуканак, которому Струве доверил свои бумаги, его архив при приближении Красной армии к Белграду, либо же он был уничтожен, когда на вилле Дуканака квартировали солдаты. Однако в 1975 году знакомый московский архивист сообщил мне, что архив Струве был найден в Белграде в 1944 году литературным критиком Виктором Шкловским, прибывшим в город с советскими войсками. Вскоре после этого по приказу из Москвы архив был отправлен в СССР.

ему большое собрание книг по социализму, политической экономии и немецкой литературе также осталось в югославской столице; после войны его приняла библиотека юридического факультета Белградского университета. Наконец, приготовления к отъезду были завершены, и чета Струве, сопровождаемая друзьями, отправилась на железнодорожный вокзал. Прощание было теплым. Струве сели в вагон, но, тщетно прождав отправления, узнали, что сели не в тот состав, упустив парижский поезд. Им вновь пришлось брести в город и ночевать у Хлычевых.

Парижские друзья были поражены тем, как изменился Струве за четыре года, прошедшие с последней встречи. Он не только отчаянно исхудал; он производил впечатление человека, внутренне надломившегося. Эти перемены объясняли двухмесячным пребыванием в нацистском тюремь.

Сыновья сняли для супругов две комнаты в квартире Ирины Михайловны Берлиной на улице Фантин-Латур, 14, в шестнадцатом округе. Она так вспоминает свою первую встречу со Струве: «Я увидела его за окном, и это воспоминание сохранилось у меня столь ясно и четко будто то была фотография: подходит медленно, шагая осторожно и устало, высокая фигура согбенна, под рук держит жену, их второй сын, Аркадий, чуть опережает родителей. Изможденное лицо, бледное до прозрачности обрамлено длинной седой бородой и потрясающе романтической седой шевелюрой. Глубоко посаженные голубы глаза, источающие какую-то глубинную печаль, живы ясны. Он был поразительно худ — по крайней мере, мн так показалось. С такими плечами и таким ростом о должно быть, раньше отличался недюжинной силой. Пальто и костюм висели на нем совершенно свободно. Передо мной был изнуренный, совершенно измученный человек»⁹¹.

⁹¹ Этот рассказ, по-французски, был любезно подготовлен по моему просьбе госпожой Берлиной в 1965 году.

Едва устроившись на новом месте, Струве опять начал посещать библиотеку, продолжая сбор материала для «Истории России», по воле случая спасенной в Париже. Каждый день он отправлялся на метро в Национальную библиотеку или библиотеку Славянского института; для этого приходилось долго идти пешком, поскольку ближайшая к дому станция была закрыта. Он проделывал этот путь в любой день недели, даже зимой, несмотря на холод, когда тротуары и ступеньки метро покрывались снегом и льдом. Центральное отопление в квартире, где они жили, было отключено, и единственным источником тепла оставалась маленькая печь, для которой кто-то из сыновей время от времени добывал уголь или дрова. «Он ощущал любой, даже чуть заметный сквозняк, малейшее дуновение ветерка из одного угла квартиры в другой, — вспоминает госпожа Берлина. — В те долгие зимние месяцы ничто не могло согреть его, но он продолжал заниматься своим делом».

Разумеется, Струве по-прежнему интересовался политикой и ходом войны. Поскольку в последние три года жизни он не имел возможности печататься и даже в частной переписке был вынужден соблюдать крайнюю осторожность, его политические воззрения тех лет можно реконструировать только на основании воспоминаний членов семьи и ближайших друзей, которым он доверял свои мысли⁹². К счастью, недостатка в источниках здесь нет. По всей вероятности, Струве полагал, что несомненная победа антигитлеровской коалиции в войне покончит с коммунизмом в России, причем значительную роль в этом должны были сыграть Красная армия и влияние союзников. Он считал Красную армию национальной армией, а советские победы — победами русского народа;

Эту тему я обсуждал с госпожой Софи Пети, А.А. Карташевым, Б.П. Кадомцевым и Л.Л. Львовым. Она также мельком затрагивается в боте: *И. Борщак*. Посмертный том творів П.Б. Струве. — *Україна* (Паж). — № 8. — 1952. — С. 686-687.

подобно многим гражданам СССР он надеялся, что могучий всенародный подъем не позволит заново навязать стране сталинскую диктатуру и приведет к коренным изменениям «абсурдной» советской системы. Кроме того, он верил, что военные контакты, связавшие Советский Союз с западными демократиями, отвратят Россию от тоталитаризма. Струве повезло: он не дождался крушения всех этих надежд.

Несмотря на общий упадок, в фундаментальных (то есть моральных) вопросах политики Струве был все так же непреклонен. Он с прежним неистовством и нетерпимостью спорил с друзьями, сомневавшимися в исходе войны или тем или иным образом сотрудничавшими с немцами. Ниже приводится его реакция на поведение старого друга, Б.П. Кадомцева, который, зарабатывая себе на жизнь, организовывал экскурсии по Лувру для немецких солдат-отпускников. Кадомцев вспоминает:

«Моя последняя встреча с П.Б. за два месяца до его смерти. Мне очень хотелось увидеть его работу по экономической истории России. Я пришел к нему на квартирку, где он ютился со своим сыном. Холодно. П.Б. садился за обед, который состоял из жидкого супа из овощей, тут же приготовленного его сыном. Одет был П.Б. в сборный костюм: каждая часть туалета была разного цвета. На ногах были сапоги из парусины.

Не успел я открыть рот, как П.Б. стал возбужденно говорить, а затем кричать. Он качался на стуле, вскакивал с места, бегал по комнате, выходил из нее, вновь возвращался. И все говорил. Остановить его нельзя было. Он со всею силою своей страстной природы обрушился на фашизм, на это исчадие ада. Он, по-видимому, считал меня сторонником немецкой ориентации. Напрасно пытался я ему сказать, что в германском фашизме есть антирусская черта в области внешней политики, но одновременно научному экономисту не мешает подивиться успехам этого нового антикапиталистического строя в области переустройства всего народного хозяйства. Все мои реплики в

этом направлении П.Б. отбрасывал, как мое ослепление, заблуждение и пр. “Сатанинский строй”, кричал он, “должен быть до фундамента разрушен. Все наци должны быть до единого уничтожены. Они враги всего человечества. Они убили самое ценное в человеческой жизни: свободу. Этого им никто не простит и не забудет. Когда придут союзники, то я первый впереди всех выйду на улицу и буду приветствовать свободу. Свободу, за которую я отдал всю свою жизнь. Я живу, как нищий, у меня нет ничего и никогда не было. И умру я, как нищий. Все, все я пожертвовал ради свободы”...

Через полчаса этой истерики П.Б. успокоился, стал извиняться. «Не будем говорить о политике», — сказал он»⁹³.

Он часто и горячо спорил со своей молодой подружкой госпожой Берлиной:

«Я помню, что радиопередачи и газеты слушались и читались им с необычайной жадностью и страстью. Его интерес к текущим событиям, к ходу войны был невероятным. То не было рутинное, просто человеческое любопытство по поводу того, что делается вокруг: речь шла об удивительной вовлеченности интеллектуального и морального существа в историческую эпоху, все более тесной по мере того, как силы его истощались, а дни клонились к концу (о чем мы тогда не знали, а он, несомненно, огадывался). Не выходя за пределы своих слабых физических возможностей и сохраняя полнейшую духовную снотность, он спешил работать и жить каждый отведенный му час. По мере того как политические события близились к кульминации, наши беседы делались все более частыми и горячими. Он сохранял всю силу чувства, особенно когда речь шла о советских победах. Не обладая го познаниями, я была неспособна постичь его проникновенные интуиции, которые по ясности и точности сво-

Б.П. Кадомцев. Воспоминания о Петре Бернгардовиче Струве. — Рупопись, находящаяся в собственности профессора Глеба Струве.

ей превосходили все, что я могла высказать. Преисполняясь надеждой и энтузиазмом по поводу самой незначительной победы союзников, я очень часто была разочарована переменчивостью военного счастья. Он смеялся над моими тревогами, которые наверняка казались ему просто ребяческими. За эти два года его собственная уверенность не испытала ни малейших колебаний: она была безмятежной и всеобъемлющей, абсолютной, не затрагиваемой повседневными напастями или дурными новостями, приносимыми радио. Я уверена, что более никогда не пребывала в такой близости к совершенству как интеллектуальному, так и духовному».

И все же иногда снисходительная улыбка Струве сменялась вспышками ярости, «гнев быстро нарастал, голос срывался, руки тряслись»:

«Эти срывы оставались для меня совершенно непонятными. Я чувствовала себя задетой, оскорбленной и, рассердившись, уходила в свою комнату. Вновь появляясь в гостиной тем же вечером, я обнаруживала на столе конфету, заботливо обернутую в золотую или цветную бумагу — единственное баловство, которое Струве позволял себе покупать на черном рынке, причем не для собственных надобностей, а для угощения — например, сотрудников библиотеки, подбиравших ему книги и тем самым экономивших драгоценное время. Я с полным основанием могу сказать, что моя жизнь в те два года делалась слаще благодаря именно этим леденцам, избличавшим в человеке, казавшимся столь далеким от практических забот, необычайную чуткость».

24 мая 1943 года Нина заболела и через два дня умерла. Она была мягкой, скромной женщиной, которая посвятила жизнь своему мужу. Возможно, она была плохой хозяйкой, но всегда поддерживала его и окружала вниманием и лаской. Струве разослал ближайшим друзьям открытки с сообщением о ее кончине. В этих кратких, безличных уведомлениях нет ни малейшего намека на чувства, ибо Струве никогда не обременял других собственными горестями;

кажется, что их писал человек, слишком ошеломленный постигшей его трагедией. Лишь в письме Франку он позволяет себе нечто большее: «Да, ее смерть, несмотря на временные мучения тяжелой болезни, была прекрасна! У нее было своеобразное мироощущение, никогда ее не покидавшее. Она по-христиански любила мир и так же любила жизнь. Это любвеобилие и жизнелюбие ее души как-то просветляли мир и покоряли его. Я чувствую во всех отношениях и смыслах, что она живет с нами и согревает нас своей любовью»⁹⁴.

Последнее в своей жизни лето 1943 года он провел в деревне Бусси-ан-Отэ на даче своего друга В.Б. Ельяшевича. Осенью он вернулся в Париж. Наступившая затем зима выдалась на редкость холодной; Струве страдал от холода более чем обычно, и Берлина пыталась облегчить его муки, каждую ночь принося ему в постель бутылку с теплой водой. Как-то раз комната настолько промерзла, что от соприкосновения с ледяной простыней бутылка просто лопнула.

Последний раз мы видим Струве 18 февраля 1944 года, когда украинский историк Борщак встретил его в библиотеке Славянского института. Надо сказать, что с течением лет взгляды Струве по украинскому вопросу не изменились: он по-прежнему считал украинское национальное движение злосчастной выдумкой нескольких интеллигентов, пагубной для русского дела. Обмен мнениями грозил оказаться не слишком приятным. Но, вспоминает Борщак, Струве тактично перевел разговор в другое русло. «Он отличался чрезвычайной деликатностью в общении с людьми иных взглядов»⁹⁵.

Струве умер утром 26 февраля 1944 года: его жизнь унесла безжалостная стужа. По словам Аркадия, обнаружившего отца мертвым, в последние дни перед смертью мысли Струве были заняты гражданской войной: он вслух

⁹⁴ С. Франк. Биография П.Б. Струве. – С. 184.

⁹⁵ И. Борщак. Посмертный том творів П.Б. Струве. – С. 686.

рассуждал о том, не упустили ли «белые» лидеры чего-то такого, что могло решительно изменить ход российской и мировой истории.

Протоиерей Сергей Булгаков прочитал надгробное слово на отпевании Струве в Александро-Невском православном соборе в Париже на улице Дарю⁹⁶. Его похоронили рядом с женой на православном кладбище Сент-Женевьев де Буа к югу от Парижа. Это идиллический кусочек России, раскинувшийся в самом сердце Франции. Правда, сегодня в умиротворенность этого места постоянно вторгается рев реактивных лайнеров, взлетающих из аэропорта Орли, находящегося неподалеку.

⁹⁶ См.: Социальная и экономическая история России... – С. v-vi.

Струве: общая оценка

На протяжении всей жизни Струве пользовался репутацией человека, крайне непостоянного в интеллектуальном отношении, что побуждало многих современников отрицать наличие у него сколько-нибудь серьезной приверженности делу или идее. Действительно, не без оснований можно утверждать, что политик, проделавший путь от социал-демократа до крайнего монархиста с продолжительными остановками между этими крайними точками, являлся в лучшем случае интеллектуальным авантюристом, а в худшем — беспринципным соглашателем. Отнюдь не убеждала в принципиальности Струве и его пресловутая склонность к неожиданным умственным вывертам или «парадоксам», создававшая впечатление, что даже те идеи, под которыми он когда-то подписывался, в конечном счете не представляли для него особой ценности.

И все же у историка подобного рода образ вызывает сомнения: он полностью противоречит воспоминаниям тех, кто знал Струве лично, а также всему написанному и совершенному им. Более того, картина получается как раз противоположная: в ретроспективе Струве видится на редкость последовательным как в философии, так и в политике. Всякий раз предпринимаемая им корректировка позиций представляла собой тактическое приспособление к меняющейся ситуации и не затрагива-

ла принципов. В семьдесят лет его эпистемология и этика, его общественные идеалы и видение России оставались такими же, как и полувеком ранее. Струве не только нельзя обвинить в непостоянстве, но по праву следует причислить к тем очень немногочисленным видным русским интеллектуалам, которые в течение всей жизни сохраняли верность принципам, выработанным еще в юности. И если сверстники все же считали его вечно колеблющимся и неустойчивым, то это из-за того (как Струве любил подчеркивать), что сами ограничивали себя раз и навсегда избранной ролью и не умели внимать переменам в эпоху, когда революция стала нормой.

По-видимому, Семен Франк — ближайший друг Струве — был абсолютно прав, когда, используя терминологию Вильяма Джемса, называл его «единожды рожденным»¹. Струве никогда не менял своих принципов, и даже изменение политических программ давалось ему слишком тяжело: такие процессы неизменно сопровождались интеллектуальными кризисами и душевными муками. Меньшевик Павел Берлин, отнюдь не симпатизировавший его взглядам, решительно отрицает присутствие в проявляемых Струве колебаниях хоть какого-то элемента отступничества, карьеризма или вероломства. По своей абсолютной приверженности истине он напоминал Берлину Берлинского; касаясь проблемы интеллектуальных исканий, автор приводит автобиографическое высказывание этого знаменитого русского критика, прилагая его и к Струве:

«Что касается вопроса, сообразна ли со способностью страстного глубокого убеждения способность изменять его, он давно решен для всех тех, кто любит истину больше себя и всегда готов пожертвовать своим самолюбием, откровенно признаваясь, что он, как и другие, может оши-

¹ С. Франк. Биография П.Б. Струве. — С. 209. О том же впечатлении говорил мне и профессор Георгий Острогорский, выдающийся византист, по мнению которого Струве «всегда оставался одним и тем же».

баться и заблуждаться. Для того, чтобы верно судить, легко ли отделялся такой человек от убеждений, которые уже не удовлетворяли его, и переходил к новым, или это всегда было для него болезненным процессом, стоило ему горьких разочарований, тяжелых сомнений, мучительной тоски; для того, чтобы судить об этом, прежде всего надо быть уверенным в своем беспристрастии и добросовестности»².

В своих философских взглядах Струве *всегда* оставался номиналистом и позитивистом (с той оговоркой, что около 1900 года перешел от монистического позитивизма к дуализму). На протяжении всей жизни он различал сущее и должное, *sein* и *sollen*, и в силу этого никогда не чувствовал себя морально обязанным мириться со сложившимся положением вещей. Такая философская установка, идущая от неокантианства, под обаяние которого Струве попал еще в юности, решительным образом воздействовала на его политическое мышление, экономические исследования, личное поведение. То была одна из нескольких констант, сохранных им на всю жизнь.

Обратившись к его политическим воззрениям, мы обнаружим ту же преемственность. Струве всегда — и как социал-демократ, и как кадет, и как монархист — отстаивал четыре идеала:

1. *Либерализм*. Для него совершенно бесспорным было то, что целью человеческого существования является личная самореализация и что ради достижения этой цели человек должен пользоваться максимальной свободой. Поэтому главной задачей политического и общественного порядка он считал создание оптимальных условий для беспрепятственной «культурной работы», будь то в сфере художественного творчества или в экономике. Исходя из этого, Струве всегда отстаивал «право и права», а также частную собственность; он никогда не мирился с революционным насилием, произволом или принуждением любого

² П. Берлин. Страницы прошлого: памяти П.Б. Струве. — *Новое русское слово*. — № 12187. — 9 сентября 1945.

рода независимо от того, исходит ли оно от государства или от общества.

2. *Государственность.* Струве был одним из немногих русских интеллектуалов, кто понимал необходимость эффективной государственной власти в качестве гаранта свободы. Анархизм всегда был чужд его мышлению. Будучи в начале 1890-х годов студентом университета, он смущал своих товарищей-радикалов заявлениями о том, что государство и правительственный аппарат сохранятся даже при социализме. Между 1905 и 1917 годами более всего Струве беспокоило осознание того, что русское государство гибнет. В этот период он неустанно нападал на царскую бюрократию, с одной стороны, и интеллигенцию — с другой, за отказ объединиться во имя спасения авторитета государства. Возрождение дееспособной русской государственности он считал одной из ключевых задач эмиграции.

3. *Национализм.* Струве страстно любил русский народ, верил в него и, подобно своему учителю Ивану Аксакову, видел в нем в значительной степени «сырую глину», способную принять какую-то форму только в среде, гарантирующей участие в политической жизни, духовную свободу, неограниченное предпринимательство. Он всегда верил, что русское государство сумеет обеспечить подобные условия, лишь оставаясь внутренне сильным. Читатель помнит всплеск его патриотической гордости во время русско-турецкой войны, когда Струве было всего семь лет; его отказ в качестве редактора *Освобождения* поддержать тех из коллег, кто стремился отмежеваться от русской армии, воюющей с японцами в Манчжурии; постоянное давление, оказываемое им на кадетов с целью побудить партию стать более националистической; выдвинутый им идеал «Великой России»; сделанное им в 1920 году заявление о том, что он готов поддержать коммунистический режим, если убедится в готовности последнего отстаивать «национальный образ» России; наконец, его симпатии к Советскому Союзу во время войны с нацистской Германией.

4. *Западничество*. На протяжении всей жизни Струве отвергал широко распространенную как среди радикалов, так и среди консерваторов идею о том, что Россия стоит «особняком» от прочих стран, что ей предначертан «особый» исторический путь. Народничество, отстаивавшее такие представления, он презрительно именовал «сифилисом русской мысли»³. Независимо от того, был ли он социал-демократом, либералом или либерал-консерватором, Струве неизменно боролся с этим заблуждением, критикуя за него сначала народников, потом консервативных националистов, а позже, в эмиграции, неославянофилов. За всю историю русской мысли в ней не было фигуры более западной в своих устремлениях и более устойчивой по отношению к славянофильским соблазнам, нежели Струве. Для него настоящая Россия была Россией петербургской и персонифицировалась в фигурах Петра Великого и Пушкина: космополитичных, европейских, самокритичных.

Таковы были его принципы, и если бы жизнь стояла на месте, то Струве, вероятно, всегда придерживался бы одной и той же политической программы. Но ему довелось жить в исключительно бурную историческую эпоху. Рожденный в Перми в царствование Александра II и похороненный в оккупированном нацистами Париже, он стал очевидцем нескончаемой революционной бури, которая зародилась в России во времена его юности, а в годы зрелости захлестнула Европу, сотрясая общественные институты и искореняя культуру. В большинстве своем русские интеллигенты всех политических оттенков предпочли не замечать эти изменения: они так и не смогли воспринять революцию 1905 года, крах монархии и демократии в 1917 году и последовавший затем большевистский верхушечный переворот. К подобным «реставраторам» Струве не испытывал иных чувств, кроме презрения; они платили ему той же монетой, отвечая на обвинения в консерватизме и закоснелости обвинениями в беспринципности и предательстве.

³ С. Франк. Биография П.Б. Струве. – С. 211.

Струве начинал социал-демократом вовсе не потому, что желал социальной революции, а из-за того, что верил, будто это движение предоставляет России наилучший шанс добиться свободы: русская буржуазия казалась ему слишком слабой и робкой, чтобы выполнить свою традиционную освободительную миссию, в итоге подхваченную промышленными рабочими. Не следует забывать, что он не по своей воле расстался с социал-демократией — из РСДРП его исключили. Подвергнув сомнению основополагающие постулаты марксистской теории и, прежде всего, идею о неизбежности социальной революции, Струве обрек себя на гонения со стороны самозванных блюстителей ортодоксии — Плеханова и Ленина. Будучи интеллектуальным лидером освободительного движения и влиятельным кадетом, он продолжал отстаивать социал-демократическую по сути программу, подчеркивая необходимость политической демократии и социальных реформ. Фактически до 1907 года Струве считал себя социалистом. В его политической эволюции этот год оказался переломным. Отмечая неспособность как правящей бюрократии, так и оппозиционной интеллигенции принять конституционную систему и испытывая тревогу по поводу анархических устремлений масс, проявившихся во время революции 1905 года, Струве пришел к убеждению, что Россия с присутствующим ей уровнем культуры нуждается не столько в политических или социальных реформах, сколько в самоуглублении и общественно-политическом образовании. В то же время он сделал и вывод о том, что только патриотический идеал может заполнить пропасть, отделяющую правителей от подданных, интеллигенцию от народных масс, одни политические партии от других. Этот переход от социального реформизма к индивидуальному самосовершенствованию и национальному единству или, иначе говоря, от радикального либерализма к консервативному либерализму, состоявшийся под впечатлением от первой русской революции и ее последствий, стал единственной принципиальной новацией за всю политическую карьеру Струве. Любая по-

следующая корректировка его политических взглядов представляла собой лишь тактическое приспособление к радикально меняющейся обстановке: к краху царизма, анархии 1917 года, установлению большевистской диктатуры. Во время гражданской войны он боролся за восстановление твердой государственной власти и одновременно за признание необратимости привнесенных революцией перемен, включая захват крестьянами частных и государственных земель, а также отделение от России национальных окраин. Главным образом, благодаря именно его усилиям врангелевская администрация приняла и, насколько могла, воплотила в жизнь единственную либеральную программу «белых» по земельному и национальному вопросам. В эмиграции он отвергал «реставраторство» во всех его формах, будь то идея восстановления прежней монархии или возвращения к тому недолговечному положению вещей, которое сложилось в стране весной 1917 года. В межвоенный период, наблюдая за распространением в мире опирающихся на массовую поддержку деспотий правого и левого толка, Струве пришел к убеждению, что свобода, которая всегда оставалась для него первой ценностью, наиболее прочно гарантируется консервативными режимами, ибо, даже отрицая порой право граждан на демократию, такие режимы уважают гражданские права, включая право собственности. Такая позиция привела его к определенным политическим противоречиям, но тем не менее Струве никогда не колебался в отстаивании идеалов свободы, сильной государственности, национализма и западничества. Менялись лишь его представления о том, какими путями следует идти к перечисленным идеалам, и это влекло за собой смещение акцентов с одного элемента на другие.

Наиболее слабым местом Струве как политического мыслителя была его предрасположенность к крайнему оптимизму и доктринерству. Его вера в то, что каким бы ужасным ни было положение вещей, право и истина все равно восторжествуют, нередко заставляла его переоценивать шансы на успех дела, за которое он боролся. Стру-

ве сильно преувеличивал потенциал России во время первой мировой войны, а потом в той же мере недооценивал жизнеспособность коммунистического режима. Сходным образом он проявлял неумеренный оптимизм в отношении реформ, которые, по его мнению, должны были начаться в Советском Союзе после победы над нацизмом. Его непоколебимая убежденность в институциональной и культурной стабильности Запада в ретроспективе также видится не слишком оправданной. Подобно многим интеллектуалам своего поколения, Струве (как и Макс Вебер), росший под влиянием «реалистического» дарвинистско-спенсеровского представления о человеке как о существе, движимом исключительно личной выгодой, и об обществе как об арене борьбы всех против всех, в глубине души оставался человеком Просвещения: он полагал, что корыстные интересы вполне рациональны, а все социальные конфликты в конечном счете регулируются некой предустановленной гармонией⁴.

Значительная доля справедливости есть и в выдвигаемых против Струве обвинениях в доктринерстве. Действительно, в ряде случаев, заняв выработанную дедуктивным путем позицию, он держался ее вопреки любым аргументам и доводам. Примерами такого доктринерства могут служить: отстаивание в 1890-е годы идеи о том, что русский рабочий класс заинтересован в политических свободах; упорное отрицание самостоятельной украинской культуры; защита империалистической политики как верного средства разрешения внутрirosсийских проблем; представление, согласно которому поражение «белых» в гражданской войне было обусловлено исключительно военными просчетами; убеждение в том, что преданность интернационализму никогда не позволит советскому режиму взять на вооружение русскую идею; тезис, в соответствии с которым эмигранты могут

⁴ См. мою статью: Max Weber and Russia. – *World Politics*. – III. – no. (1955). – P. 371-401.

служить хранителями национального духа своей страны; и, наконец, вера в то, что нацизм, уважающий частную собственность, является консервативной силой.

Порой его упрекали в том, что будучи неисправимым европейцем, он не понимал собственную страну и ее народ. В самой резкой форме подобное обвинение было высказано в феврале 1918 года В.В. Розановым, писателем, искренне восхищавшим Струве. Незадолго до своей смерти Розанов писал ему:

«Я же и не сомневался никогда, что “без железа народы не управляются”, и что “без наказания” жизнь проповедует только в Евангелии, книге — небесной, а — не земной. Мне было совершенно ясно, что русский человек, русская душа — абсолютно анархична; что она — мечтательна, фантастична, поэтому и практически ни к черту не годится. ...Вы в *Patriotica* и особенно в теме этой книги, в плане этой книги — безумно заблуждаетесь. Вы именно честный, благородный немец (кровь, порода) — безумно преувеличивающий качества русского человека, в котором — кроме святых душ, т.е. 0,00001 — кроме частных и личных инстинктов и интересов, жажд и влечений, — ничего нет. Я всю жизнь боролся и ненавидел Гоголя: и в 62 году думаю: “ты победил, ужасный хохол”. Нет, он увидел русскую душеньку в “преисподнем содержании”»⁵.

Может быть и так. Историк не в состоянии ни подтвердить, ни опровергнуть суждение такого типа. Бесспорно то, что Струве возлагал на русский народ очень большие надежды и верил, что при определенных условиях он способен превратиться в великую и созидающую нацию. Если же он ошибался, то эту неправоту с ним делили почти все русские интеллектуалы последних двух столетий.

Вместе с тем все просчеты Струве бледнеют на фоне внушительного перечня точных и даже пророческих про-

⁵ Неизданное письмо В.В. Розанова к П.Б. Струве. — *Вестник Русского Студенческого Христианского Движения*. — 1974. — № 112/113. — С. 142-143. Неизвестно, было ли это письмо получено Струве.

зрений, касавшихся его эпохи. Он первым распознал тоталитарную основу русского социализма и предостерегал либералов от «левого уклона». Являясь самым ярким представителем консервативного крыла кадетской партии, он всеми силами пытался превратить ее в лояльную и ответственную оппозицию. Предпринятый им анализ итогов революции 1905 года оказался в высшей степени прощательным, так же как и предсказания касательно того, какая судьба ждет Россию, если бюрократия и интеллигенция не примирятся с конституционными порядками. Его критика интеллигенции — ее догматизма, партийности, моральной и интеллектуальной поверхности, — впоследствии полностью оправдалась. Далее, Струве лучше многих своих современников понимал глубинную взаимосвязь между экономическим состоянием России и ее военными достижениями. Насколько нам известно, в 1917 году он раньше, чем кто-либо другой, почувствовал, что гражданская война неизбежна и что силы законности и порядка в первую очередь нуждаются в сплочении. В ходе той войны он стал виднейшим представителем «белого движения», боровшимся против «реставраторства» и за признание перемен, принесенных революцией. Оказавшись в изгнании, он на голову опережал прочих эмигрантов в постижении сущности коммунистического режима: предпринятый им анализ соотношения политики и экономики в советском государстве, его убежденность в том, что коммунистическая система неспособна к эволюционированию, довольно рано посетившее его предчувствие террора — все это также прошло проверку временем. Короче говоря, при царизме Струве вполне правильно понимал, в чем состоят самые насущные потребности России и что произойдет, если их не удастся удовлетворить, а после 1917 года столь же точно постиг природу и перспективы коммунистического режима. Никто из современников не мог похвастаться подобными достижениями.

Помимо политической деятельности Струве активно занимался научной работой. В его жизни политическая ак-

тивность и академическая уединенность постоянно сменяли друг друга. Для истории русской мысли такое сочетание уникально: Струве стал единственным крупным политиком современной России, удостоившимся звания академика.

Благодаря неумемной тяге к познанию и совершенной памяти он обладал безбрежной эрудицией. Струве чувствовал себя как дома в самых разных областях: его профессиональным поприщем была экономика, но он занимался также общей историей России, историей русской науки, образования, литературы. Его работы посвящены самым разнообразным темам, а все публикации отличаются прекрасным знанием материала и глубоким пониманием рассматриваемой проблемы. Вклад Струве в историю и теорию экономики следует признать оригинальным и весьма начительным.

В то же время ему недоставало ряда качеств, присущих настоящему ученому, и прежде всего — интеллектуальной дисциплины. Он страдал врожденной неспособностью концентрироваться на одной и той же теме столь продолжительно, чтобы овладеть ею вполне. Как правило, он быстро вникал в суть вопроса, а затем, сделав несколько лестящих наблюдений, отвлекался на что-то иное, бросив исследование на полпути. Эту постоянную смену интеллектуальных интересов можно объяснять его тесной вовлеченностью в общественную жизнь, но такое объяснение будет верным лишь отчасти: Струве сохранил прежние обыкновения и в тот период, когда полностью отошел от политики. К примеру, работая над своей фундаментальной историей России уже на склоне лет, он вдруг испытал острое желание написать трехтомную историю экономической мысли. Неудивительно, что первая работа осталась незаконченной, а вторая так и не была начата. Он не завершил ни одну из своих книг, а его биография изобилует проектами, к которым он приступал, но не довел до конца. Среди них — исследование о Пушкине, история русской науки, история критической мысли, мемуары. Его лучшие сочинения творились за один присест или, как он сам гово-

рил, «в припадке одержимости». Именно этой горячке вдохновения мы обязаны появлением на свет наиболее замечательных публицистических пассажей Струве. В науке же он создавал поразительные, но разрозненные фрагменты, зачастую недостаточно проработанные и лишенные концептуальной основы. Этот человек обладал еще одной достойной сожаления склонностью (такова была расплата за феноменальную память) — он злоупотреблял отступлениями и перегружал свои работы баснословным количеством ссылок и цитат. Все эти недостатки, проявившиеся еще в молодости, с возрастом делались все более очевидными.

В духовном смысле Струве сформировался необычайно рано, его лучшие идеи были высказаны, когда ему не исполнилось еще и тридцати. Большая часть из написанного в последующие сорок лет представляла собой лишь дальнейшее развитие прозрений, сформулированных в юности. Сказанное вполне приложимо к его вкладу в экономическую теорию (к критике понятия «стоимости»), анализу марксистской концепции социальной революции, ревизионистской трактовке Манифеста об освобождении крестьян 1861 года и некоторым другим ключевым идеям. Таким образом, выдающейся особенностью его научной деятельности, как и всего мышления, оказывается поразительная преемственность.

В ряду академических свершений Струве не последнее место занимает пропаганда неокантианства в России. Благодаря в основном его влиянию и воздействию Владимира Соловьева русские философы после 1900 года отказались от материалистического позитивизма в пользу критической философии и неоиdealизма. Он внес значительный вклад в появление профессиональной философии в стране, где эта дисциплина долгое время находилась в руках дилетантов.

Обозревая внушительный список достижений Струве как общественного деятеля, политического мыслителя и ученого, трудно не прийти к заключению, что это был самый мощный ум, рожденный Россией в XX веке. Никто

другой из его соотечественников не оказывал столь заметного влияния на умонастроения эпохи и не обнаруживал столь глубокой причастности к самым разным областям жизни страны. Чтобы оценить масштаб и качество его деяний, достаточно вспомнить, что один этот человек был основателем российской социал-демократии и ведущим русским ревизионистом; идейным лидером Союза освобождения и редактором самого влиятельного органа политической мысли со времен *Колокола*; выразителем идеологии консервативного либерализма (включая движение прогрессивной московской буржуазии после 1905 года); вдохновителем сборника «Вехи»; редактором ряда ведущих журналов и газет, в том числе *Русской мысли*; наиболее заметным русским экономистом своего поколения; главным теоретиком «белого движения» и ведущим деятелем правительства Врангеля; наконец, духовным вождем того крыла русской послереволюционной эмиграции, которое составляло в ней большинство. Из фигур общероссийского масштаба со Струве можно сравнить только Новикова и Герцена. Первый из них, вероятно, более преуспел в просвещении России, а второй был гораздо талантливее как писатель, но ни тот, ни другой не имел в своем активе столько достижений, сколько имел Струве, и не оказал столь ошутимого воздействия на свою эпоху. Под этим углом зрения Струве предстает перед нами одиноким гигантом в бесконечной войне между государством и обществом, которая составляет суть новейшей политической истории России, а также в конфликте между восточными и западными влияниями, определившим развитие ее культуры.

Струве был не слишком искусным в том, что касалось отношений между людьми. В редкую минуту откровенности он писал Брюсову: «Я неуч на общение с людьми — мне оно трудно дается, и когда я встречаю какой-то отзыв, хоть в чем-нибудь, я этим очень дорожу»⁶. Действительно, он в высшей степени тщательно оберегал свою

⁶ Письмо Струве к Брюсову, 30 октября 1909.

частную жизнь, и ни в его работах, ни в переписке невозможно обнаружить какие-либо детали личного свойства; данный факт, на первый взгляд, свидетельствует об индивидуальности холодной и поглощенной собой.

И все же, когда читаешь воспоминания современников Струве или разговариваешь с людьми, знавшими его лично (включая даже политических оппонентов), убеждаешься в противоположном. Во всех подобных источниках обнаруживается не только восхищение этим человеком, но и самые теплые чувства по отношению к нему.

Из персональных качеств Струве современники выделяют его интеллектуальную честность и личную целостность, превосходившие, по их мнению, человеческое разумение. Струве, по-видимому, был начисто лишен того «контрольного механизма», который у взрослых людей всегда вклинивается между суждением и высказыванием, а также между намерением и поступком, порождая вопросы, подобные следующим: «А что обо мне подумают?», «А что мне за это будет?», «А не лучше ли промолчать?». За исключением тех случаев, когда его сдерживало желание не навредить другому, он всегда говорил и делал то, что считал должным говорить и делать: дорога, пролежавшая между его мышлением и его речью, была ровной и широкой. Многие из друзей и знакомых, включая даже тех, кто считал взгляды Струве неприемлемыми, отмечали, что слушающий его лекцию или беседующий с ним неизменно увлекался в самую лабораторию его духа. Это впечатление было столь мощным, что несвязность мыслей или запинаясь речь Струве отходили на второй план — слушатель просто благодарил судьбу за редкую привилегию созерцать творческую работу глубокого и богатого ума. Полное отсутствие *arrière pensée* (задней мысли) и предельная интеллектуальная открытость поражали наблюдателя.

Другим выдающимся качеством этого человека было глубочайшее чувство морального долга, то, что сам он любил называть *sittlicher Ernst*, или моральной серьезностью, — то есть способность быть непоколебимо серьезным

там, где затрагивались этические вопросы. И в данном смысле действительно можно согласиться с П.Я. Рыссом в том, что Струве в большей степени был моралистом, нежели политиком: «он был не дипломатом, во всем добивающимся золотой середины, но морально непреклонным, стойким борцом». Если бы Струве довелось жить в то время, когда притязания политики еще не стали такими всеобъемлющими, он, вероятно, вообще не имел бы отношения к политической сфере.

Но бескомпромиссность во всем, что касалось морали, не шла у него рука об руку со своими обычными спутниками — нетерпимостью и обличением чужих пороков. Струве настаивал на том, что идеи и их носители — совсем не одно и то же, а осуждать людей за их убеждения — то же самое, что грозить им физическим уничтожением. По характеру он был необычайно мягким и деликатным человеком, отличавшимся большим чувством такта. Подобное сочетание несовместимого иной раз выглядело довольно комично, но в целом Струве возбуждал симпатию и добрые чувства к себе, ибо если даже взятые по отдельности справедливость и снисходительность вызывают восхищение, то еще более они поражают нас, дополняя друг друга.

Струве считал, что главной целью жизни является личное самосовершенствование. Поэтому все встречавшиеся на его пути трудности, разочарования и неудачи он истолковывал как своеобразные испытания: они не только не колебали его убеждений, но, напротив, укрепляли их. В жизни он не раз проявлял личное и гражданское мужество, коренящееся в глубочайшем чувстве морального долга: он поступал так, как считал должным, и говорил то, что хотел сказать. Он делал это с легкостью, вполне естественной, и потому героически. К концу жизни, видя, что любимая им Россия лежит в руинах, а надежды на ее возрождение погибли и, скорее всего, безвозвратно, он достиг, как представляется, наивысшей просветленности духа. Продолжая следить за внешними событиями с неосла-

бевающим интересом и вниманием, он внутренне полностью отстранялся от них. Эта абсолютная вера и тотальная преданность, свободная от любой расчетливости и не идущая ни на какие уступки посреди океана несчастий, убеждала многих современников Струве в исключительном благородстве его натуры.

Обречены ли его политические идеи на полное забвение или же они отвергнуты лишь на время — покажет будущее. Но поскольку главным критерием для Струве был не мирской успех, но духовное совершенствование, уже сейчас можно сказать: если даже выяснится, что он проиграл каждую из битв, которые вел ради других, свои личные сражения он явно выиграл — все до единого.

*Все это может показаться
Смешным и устарелым нам,
Но, право, может только хам
Над русской жизнью издеваться.
Она всегда — меж двух огней.
Не всякий может стать героем,
И люди лучшие — не скроем —
Бессильны часто перед ней.
Так неожиданно сурова
И вечных перемен полна;
Как вешняя река, она
Внезапно тронуться готова,
На льдины льдины громоздит
И на пути своем крушит
Виновных, как и невиновных,
И нечиновных, как чиновных...*

Александр Блок

Хронология жизни Струве

В настоящей хронологии используются два вида летоисчисления: события, имевшие место до 1 января 1918 года, датированы по старому стилю, после — по новому. В некоторых случаях представлены обе даты.

1870

26 января/7 февраля: родился в Перми в семье местного губернатора.

1871

Весна: отец Струве, Бернгард, уходит в отставку с поста пермского губернатора.

1879–1882

Живет с семьей в Штутгарте, Германия.

1882

Лето: семья возвращается в Россию и поселяется в Санкт-Петербурге.

1882–1889

Струве обучается в гимназии в Санкт-Петербурге.

1889

Февраль: самоубийство отца; Струве переезжает к А.М. Калмыковой.

Лето: заканчивает гимназию.

Осень: поступает на факультет естественных наук Санкт-Петербургского университета.

1890

31 января: публикует первую статью.

Лето: путешествует по Германии и Швейцарии.

Осень: переходит на факультет права Санкт-Петербургского университета, где создает социал-демократический кружок.

Ноябрь: начинает сотрудничать с журналом *Русская школа*.

1891

Осень: болен пневмонией.

Ноябрь или декабрь: поступает в Университет Граца (Австрия) в качестве «вольного слушателя».

1892

В течение семестра изучает право и экономику в Университете Граца.

Апрель-сентябрь: посещает Афины, Венецию, Вену, Берлин (один или в обществе Калмыковой).

Июнь: публикация первой полемической статьи (#1).

Ноябрь: возвращается в Санкт-Петербург, но в университете не восстанавливается; работает библиотекарем в министерстве финансов.

1893

Август: летние каникулы в Грэфенберге, Австрийская Силезия.

Осень: начинает работать над «Критическими заметками», своей первой книгой.

1894

21 апреля — 11 мая: находится под полицейским арестом в связи с участием в нелегальной политической деятельности.

Июнь: заканчивает «Критические заметки».
Сентябрь: публикация «Критических заметок».
Зима: встречается с Лениным.

1895

19 января: пишет «Открытое письмо к Николаю II».
Март: становится членом Вольного экономического общества.
Весна (?): экстерном сдает выпускные экзамены в Санкт-Петербургском университете.
Лето: во время каникул лечится кумысом неподалеку от Самары.
Октябрь-декабрь: в Западной Европе (Швейцария, Германия).

1896

Март: принимает участие в дебатах Вольного экономического общества по вопросам денежного обращения.
Лето и осень: путешествует по Германии, Швейцарии, Англии; в Лондоне принимает участие в конгрессе Социалистического интернационала.
Осень: разрыв с Калмыковой.
Октябрь: в Лондоне.
Ноябрь: в Швейцарии.
Зима: возвращается в Россию.

1897

Март: принимает участие в дебатах Вольного экономического общества, посвященных ценам на хлеб; становится редактором журнала *Новое слово*.
1 мая (новый стиль?): женится на Нине Герд в Вене.
Лето: в Германии и Швейцарии.
Декабрь: цензура прекращает издание *Нового слова*.

1898

Февраль: пишет «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии» (#70).
19 апреля: родился первый сын, Глеб.

Весна: начинает изучать историю русского крепостного права и его отмены.

Ноябрь: в Штутгарте.

Зима: пишет критическую статью о марксистской теории социальной революции (#82), свою первую работу ревизионистского толка.

1899

Январь: становится главным редактором журнала *Начало*.

Май: каникулы в Грэфенберге, Австрийская Силезия.

30 мая: родился второй сын, Алексей.

22 июня: *Начало* закрыто цензурой.

Лето: работает над критическим анализом экономических понятий (#90).

Октябрь-декабрь: публикация исследования о русском крепостном праве (#87).

Ноябрь-декабрь: сотрудничает с газетой *Северный курьер*.

1900

Апрель: переговоры с Лениным и другими социал-демократами в Пскове.

28 сентября: родился третий сын, Константин.

Сентябрь-октябрь: пишет предисловие к книге Бердяева (#96).

Декабрь: в Берлине и Мюнхене; продолжение переговоров с *Искрой*.

Зима: пишет предисловие к работе Витте «Самодержавие и земство» (#98).

1901

Январь-февраль: переговоры с *Искрой* в Мюнхене.

3 марта: арестован за участие в демонстрации на Казанской площади.

17 апреля: отправлен в административную ссылку в Тверь.

Апрель-ноябрь: в Твери занимается исследованием крепостного права и подготовкой сборника статей «На разные темы».

Декабрь: уезжает в Швейцарию.

1902

19 января (новый стиль?): в Монтре родился четвертый сын, Лев.

Март: поселяется в Штутгарте.

18 июня/1 июля: выходит первый номер журнала *Освобождение*.

1903

17/30 января: русская полиция установила тайный надзор за Струве.

1–3 августа (новый стиль): присутствует на учредительном съезде Союза освобождения в Шаффхаузене, Швейцария.

1904

Июнь: фон Плеве обращается к немецкому правительству с запросом о привлечении *Освобождения* к судебной ответственности.

Июль: немецкая полиция расследует деятельность Струве.

Сентябрь: переезжает в Париж.

17/30 сентября – 26 сентября/8 октября: в Париже проходит конференция Союза освобождения и революционных партий.

1905

Август: проводит отпуск в Бретани с С.Л. Франком и А.В. Тырковой-Вильямс.

17/30 октября: в Париже родился пятый сын, Аркадий.

19 октября/1 ноября: покидает Париж и отправляется в Россию.

20–25 октября/2–7 ноября: едет в Санкт-Петербург через Берлин и Кронштадт.

25 октября: прибывает в Санкт-Петербург.

11 ноября: принимает участие в съезде земских и городских деятелей в Москве.

15 декабря: выходит первый номер журнала *Полярная звезда*.

Декабрь: подписывает с издателем И.Д. Сытиным контракт о редактировании ежедневной газеты *Дума*.

1906

5–11 января: участвует во II съезде Конституционно-демократической партии; избран членом ее Центрального комитета.

20 марта: *Полярная звезда* закрыта цензурой.

1 апреля: выходит первый номер журнала *Свобода и культура*, редактируемый совместно с С. Франком.

9 апреля: на заседании ЦК кадетской партии делает доклад о перспективах взаимоотношений партии с ее думской фракцией.

21–25 апреля: участвует в III съезде Конституционно-демократической партии.

27 апреля: выходит первый номер газеты *Дума*.

31 мая: прекращено издание *Свободы и культуры*.

13 июня: прекращено издание *Думы*.

10 июля: принимает участие в Выборгской встрече.

24–28 сентября: участвует в IV съезде Конституционно-демократической партии, состоявшемся в Хельсинки.

Ноябрь: получает предложение о редактировании (совместно с А.А. Кизеветтером) ежемесячного журнала *Русская мысль*.

25 ноября: получает должность преподавателя Санкт-Петербургского политехнического института.

1907

Январь: кампания по выборам во II Государственную Думу; избран в депутаты по кадетскому списку.

Январь: становится соредактором журнала *Русская мысль*.

2 февраля — 3 июня: выполняет обязанности депутата II Государственной Думы.

10 апреля: третья беседа со Столыпиным.

17–30 апреля: во время думских пасхальных каникул путешествует с Франком по Германии.

2 июня: поздно ночью, вместе с Маклаковым, Булгаковым и Челноковым, посещает Столыпина.

3 июня: роспуск II Государственной Думы.

5 сентября: в ходе голосования Санкт-Петербургской ор-

ганизации Конституционно-демократической партии по кандидатам в депутаты III Государственной Думы кандидатура Струве отклоняется.

Декабрь: начинает сотрудничество с газетой *Слово*.

Лето: в Германии и Англии.

15 ноября: открытие «экономических бесед» в Москве.

1909

Март: публикация сборника «Вехи».

Весна: принимает участие в заседаниях Религиозно-философского общества.

12 августа: вместе с А.А. Стаховичем посещает Толстого в Ясной Поляне.

1910

Осень: из-за болезни Глеба Нина Струве уезжает с ним в Крым, где живет до апреля 1911 года.

Август: становится единоличным редактором *Русской мысли*.

1911

Апрель: публикация сборника статей «Patriotica».

Лето: принимает участие в конференции «прогрессистов», октябристов и правых кадетов; интенсивно работает над книгой «Хозяйство и цена».

Август: проходит курс лечения в санатории в Хомбурге, Германия.

1912

20 августа: редакция *Русской мысли* переезжает в Санкт-Петербург.

Август-сентябрь: в Австрии (Грефенберг) и Берлине.

1913

Май: завершает работу над первым томом «Хозяйства и цены».

Лето: в Германии; в конце июля в Мюнхене переносит срочную операцию по удалению грыжи.

Сентябрь: публикация первого тома «Хозяйства и цены».
10 ноября: защищает магистерскую диссертацию в Московском университете; получает искомую степень.

1914

Январь (новый стиль): в Мюнхене.

14 января: выходит из Религиозно-философского общества.
Январь: публикация сборника статей «Крепостное хозяйство».

Лето: путешествует по России.

Сентябрь: начинает регулярно печататься в газете *Биржевые ведомости*.

22 декабря — 11 января 1915: посещает Галицию.

1915

13 января: в последний раз принимает участие в заседании ЦК кадетской партии.

14 марта: приговорен к двухмесячному тюремному заключению за публикацию статьи Маклакова о «деле Бейлиса» (приговор не был приведен в исполнение).

8 июня: выходит из состава ЦК кадетской партии; назначен председателем Комитета по ограничению снабжения неприятеля (КОС).

1916

Февраль: прекращает сотрудничество с *Биржевыми ведомостями*.

Апрель: в Копенгагене.

Лето: в сопровождении сына Глеба отправляется в Англию через Норвегию.

11 августа: в Кембриджском университете получает почетную степень доктора права.

Август: посещает линию фронта во Франции.

Сентябрь: возвращается в Россию.

1917

7 и 19 февраля: по просьбе лорда Милнера готовит меморандумы о положении в России.

17 февраля: на основании части первой второго тома «Хозяйства и цены» защищает в Киеве докторскую диссертацию; работа опубликована в том же месяце.

1 апреля: назначен директором экономического отдела второго департамента министерства иностранных дел.

17 апреля: совместно с Г. Трубецким посещает Г.Е. Львова для обсуждения военных вопросов.

27 апреля: учредительный манифест Лиги русской культуры.

3 мая: после отставки Милюкова оставляет должность в министерстве иностранных дел.

13 мая: избран членом Академии наук.

16 июня: в сопровождении В.Ф. Гефдинга посещает ставку верховного главнокомандующего в Могилеве.

8–10 августа: принимает участие в конференции «Организационной группы московских общественных деятелей»; избирается членом ее бюро.

6 сентября: впервые выступает с докладом в Академии наук.

18 сентября: принимает участие в заседании «Организационной группы московских общественных деятелей».

20 октября: выступает перед Временным Советом Российской Республики («предпарламентом») в Петрограде.

15 ноября: выступает с докладом в Академии наук.

29 ноября: выступает с докладом в Академии наук.

Начало декабря: уезжает в Москву.

Середина декабря: отправляется из Москвы в Новочеркасск.

18/31 декабря: в Новочеркасске принимает участие во встрече с генералами; избран членом Совета Добровольческой армии.

1918

Январь-февраль: в Новочеркасске и Ростове-на-Дону.

23 февраля: вместе с Г. Трубецким и Н. Арсеньевым выезжает в Царицын.

Начало марта: прибывает в Москву, до августа живет здесь на нелегальном положении.

Весна и лето: активно участвует в работе московского отделения Национального центра; работает над сборником статей «Из глубины».

Август: сборник «Из глубины» завершен и передан издателю.

Август: вместе с Аркадием Борманом и Глебом отправляется на север: через Новгородскую губернию и Петроград добирается до Вологодской губернии.

Август-октябрь: скрывается в имении Алятино неподалеку от Вологды.

Ноябрь: в сопровождении Бормана скитается по российскому Северу.

Конец ноября: ненадолго заезжает в Петроград.

9 декабря: с помощью Бормана нелегально переходит финскую границу.

1919

Начало января: в Хельсинки, советник генерала Юденича.

16 или 17 января: покидает Хельсинки, отправляясь в Лондон через Швецию.

Конец января — февраль: в Лондоне.

Март-сентябрь: в Париже, участвует в работе «Совещания русских дипломатических представителей».

Примерно 10 сентября: уезжает из Парижа и направляется на юг России.

Начало октября: прибывает в Ростов-на-Дону и возглавляет редакцию газеты *Великая Россия*.

Ноябрь: находясь в Ростове, выступает с лекцией «Размышления о русской революции» (#541).

1920

28 января: находясь в Новороссийске, готовит меморандум о причинах поражения Деникина.

Февраль: в Новороссийске.

Март: в Константинополе встречается с Врангелем.

Вторая неделя апреля: прибыв в Севастополь, получает портфель министра иностранных дел в правительстве Врангеля.

Между 12 и 14 марта: покидает Крым, отправляясь в Париж через Константинополь, Бриндизи и Рим.

Конец мая — конец июня: находится на Западе, в основном в Париже, с дипломатической миссией.

8 июня: вместе с Маклаковым встречается с Мильераном.

Вторая неделя июля: в Лондоне.

16–17 июля: в Спа.

20 июля: в ходе второй встречи с Мильераном узнает, что Франция готова признать правительство Врангеля de facto.

Конец июля: покидает Париж и возвращается в Крым.

Август-сентябрь: в Крыму.

10 августа: Франция признает правительство Врангеля de facto.

Начало октября: покидает Севастополь и отправляется в Париж через Белград.

Конец октября: после двух лет разлуки воссоединяется с семьей.

2 ноября: третья встреча с Мильераном.

14 ноября: эвакуация врангелевских войск из Крыма.

Середина декабря: уезжает из Парижа в Константинополь для встречи с Врангелем.

1921

19 января: в Константинополе выходит из состава правительства Врангеля; возвращается в Париж.

Февраль-март: вместе с В. Бурцевым занимается подготовкой общенационального съезда русской эмиграции в Париже.

Апрель-июль: пишет «Историко-политические заметки о современности» (#548).

9 июля: выступает на Национальном съезде в Париже.

Вторая половина октября: в Праге и Берлине.

Начало ноября: возвращается в Париж.

1922

Май: назначен профессором русского юридического факультета в Праге; переезжает в Прагу с семьей, где проживает до мая 1925.

Ноябрь или декабрь: в Берлине встречается с Бердяевым, Франком и другими недавними эмигрантами из советской России.

1923

Живет в Праге и преподает на юридическом факультете.

1924

Апрель: в Берлине.

Август: в Париже и Лондоне.

11–15 сентября: в Париже, участвует в конференции Русского национального союза.

Конец сентября: возвращается в Прагу.

1925

30 апреля: получает телеграмму из Парижа от А.О. Гукасова, который приглашает его редактировать газету; уезжает в Париж.

11 мая: подписывает контракт с А.О. Гукасовым сроком на один год.

июня: выходит первый номер газеты *Возрождение*.

сентябрь: в Праге, болен.

октябрь: возвращается в Париж.

1926

– 11 апреля: председательствует на Российском зарубежном съезде в Париже.

2–23 июня: в Варшаве встречается с представителями «Треста».

4 июня — начало октября: в Праге (за исключением кратковременного визита в Париж в середине августа).

3–28 ноября: кризис в газете *Возрождение*; Семенов назначен соредактором.

1927

Март-май: в Париже читает лекции по социальной и экономической истории России (Ассоциация Дюплесси — Морнэ).

16 августа: уволен из *Возрождения*.

28 августа: выходит первый номер газеты *Россия*.

1928

Конец марта: в Чехословакии.

Конец апреля: в Белграде.

Весна: поселяется в Белграде (до 1942 года).

26 мая: прекращено издание газеты *Россия*.

Сентябрь: короткий визит в Париж.

Осень: начинает читать лекции в Русском научном институте в Белграде.

1 декабря: выходит первый номер газеты *Россия и славянство*.

1929

16 января: сын Лев умирает от туберкулеза в Давосе; Струве присутствует на похоронах (21 января).

Начало марта: читает лекции в Берлине, затем через Прагу возвращается в Белград.

Август: посещает Париж.

1930

Апрель-май: в Париже.

Сентябрь: участвует в Конгрессе русских ученых в Софии.

Середина октября: читает лекции в Праге.

1931

Январь: в Праге и Париже.

Конец февраля — начало марта: в Париже.

Конец июня — июль: посещает Варшаву, Берлин и Прагу.

1932

Январь: в Париже.

Начало июля: в Берлине.
Август-сентябрь: в Праге.
Конец сентября — начало ноября: в Париже.
Начало ноября: в Праге.

1933

Середина мая — середина июля: в Праге.
Октябрь: в Париже.

1934

5 марта: скандал во время выступления на конференции Союза писателей и журналистов.
Апрель: коммунисты и младороссы срывают первую лекцию Струве в Белградском университете.
Июнь: прекращено издание газеты *Россия и славянство*.

1935

30 июня — конец ноября (?): в Софии, занимается научной работой в Экономическом институте.

1937

В Белграде.

1938

5 августа — конец октября: в Лондоне, в научной командировке.

1939

20–28 мая: в Болгарии получает почетную степень доктора права Софийского университета.

1940

В Белграде.

1941

Апрель или май: арестован гестапо; отправлен в тюрьму Граца.
Июль: освобожден из заключения.

1942

Июль: переезжает в Париж.

1943

26 мая: умирает Нина Струве.

Лето: отпуск в Бусси-ан-Отэ.

1944

26 февраля: кончина Струве.

Библиография

Настоящая библиография содержит следующие разделы:

I. Первоисточники

1. *Архивные материалы*
2. *Опубликованные работы Струве*
 - а. *Книги и журнальные статьи*
 - б. *Газетные статьи*
 - в. *Посмертные публикации*

II. Личные интервью

III. Вторичные источники

За исключением газетных статей, слишком многочисленных для того, чтобы быть перечисленными здесь в полном объеме, предлагаемая библиография предельно полна. Что касается библиографии архивных источников, то, к сожалению, она далека от завершения, поскольку многие русские архивы оказались недоступны для меня. Наконец, библиография вторичных источников нарочито избирательна. Сюда включены только те работы, которые прямо или косвенно посвящены жизни и деятельности Струве; я даже не пытался перечислять публикации, где его имя упоминается лишь мельком или где анализируется его эпоха.

Нумерация библиографии в части, где перечисляются книги и журнальные статьи Струве, полностью соответствует той, которая была принята в изданном мной «Собрании сочинений Струве в 15-ти томах» (Ann Arbor, Michigan, 1970), с тем исключением, что некоторые названия, там объединенные под одним номером, здесь разделены. Например, читатель обнаружит, что различные главы экономического исследования Струве «Хозяйство и цена», в «Собрании сочинений» сведенные под единым номером, теперь даются как разные публикации и снабжены соответствующими датами. К перечню добавлены также несколько публикаций, обнаруженных мной с 1970 года.

Хотел бы выразить особую благодарность Памеле П.Кокс, которая помогала мне в подготовке библиографии, вошедшей в пятнадцатый том «Собрания сочинений», и составившей основу для настоящей библиографии.

I. Первоисточники

1. Архивные материалы

1. Фонд профессора Глеба Струве (Гуверовский институт, Стэнфорд, Калифорния).
46 писем П. Б. Струве к И. А. Бунину (1920-1943).
5 писем П. Б. Струве к И. А. Ильину (1927-1938).
90 писем (копии) П. Б. Струве к Н. А. Цурикову (1936-1943).
Письмо П. Б. Струве (копия) к сэру Самюэлю Хору (апрель 1939).
3 письма (копии) П. Б. Струве к Е. Д. Кусковой (1940).
29 писем (копии) П. Б. Струве к С. Л. Франку (1922-1932).
392 письма П. Б. Струве к Глебу Струве (1922-1941).
П. Б. Струве. «Почему и как меня вытеснили из “Возрождения”?» – Рукопись. – 6 с. (1927).
А. Мейендорф. П. Б. Струве. – Рукопись. – 46 с. (1944-1945).
Аркадий Струве. Воспоминания об отце (без названия). – Рукопись. – 11 с. (1946).
Глеб Струве. П. Б. Струве в 1918-1919 гг. – Рукопись. – 17 с. (1977).
П. Б. Кадомцев. Воспоминания о Петре Бернгардовиче Струве. – Рукопись. – 8 с. (1944).
П. Я. Рысс. Воспоминания о П. Б. Струве. – Рукопись. – 7 с. (без даты).
2. Архив русской и восточноевропейской истории и культуры, Колумбийский университет (Нью-Йорк).
П. Б. Струве. Смысл происшедшего на Юге России. – Рукопись. – 4 с. – (15 января 1920). – Архив Деникина.
Аркадий Борман. Воспоминания о странных годах. – Рукопись; главы 24 и 25 (сс. 257-278) посвящены Струве.
П. Н. Милюков. Дневник. – Рукопись; охватывает период с мая 1918 по апрель 1920.
Записка Н. И. Астрова об отношениях Юга с Парижскими политическими организациями. – Рукопись. – 16 с. – Архив Деникина.
Г. Н. Трубецкой. Дневник. – Рукопись.
3. Архивы Гуверовского института (Стэнфорд, Калифорния).
Личный архив генерала П. Н. Врангеля.
Личный архив В. А. Маклакова.

-
- Архив русского посольства в Париже.
Архив Конституционно-демократической партии.
Архивы Охранного отделения.
4. Собрание Б. И. Николаевского, Гуверовский институт (Стэнфорд, Калифорния).
Письмо Аркадия Струве к Борису Николаевскому. – 4 с. (1946).
Письмо Н. В. Валентинова-Вольского к Борису Николаевскому (19 августа 1954).
П. Б. Струве. Экономическая история России в связи с ее общей историей сравнительно с развитием западных стран. – Рукопись пяти лекций. – 43 с. (1927?).
Записи посвященных П. Б. Струве фрагментов бесед Б. И. Николаевского с П. Н. Милюковым, А. Н. Потресовым и другими.
 5. В распоряжении профессора Ричарда Пайпса (Кембридж, Массачусетс).
П. Б. Струве. О текущем моменте. – Рукопись. – 3 с. (август 1920).
И. М. Берлина. Воспоминания о Струве. – Рукопись на французском языке. – 4 с. (1965).
 6. Британский музей, отдел рукописей (Лондон, Великобритания).
Архив А. В. Тырковой-Вильямс (ADD 54436, Packet 2), содержащий переписку с П. Б. Струве и другие относящиеся к нему материалы.
 7. Библиотека Лондонской школы экономики (Лондон, Великобритания).
Архив С. П. Мельгунова (Folder 2), содержащий 32 письма П. Б. Струве к Мельгунову (1925-1943) и прочие материалы.
 8. Международный институт социальной истории (Амстердам, Голландия).
57 писем П. Б. Струве к А. Н. Потресову (1891-1904).
7 писем П. Б. Струве к П. Б. Аксельроду (1896-1902).
2 письма П. Б. Струве к Карлу Каутскому (1896, 1897).
1 письмо П. Б. Струве к Эдуарду Бернштейну (1899).
192 письма А. М. Калмыковой к А. Н. Потресову (1894-1895).
4 письма А. Н. Потресова к П. Б. Струве (без дат).
2 письма П. Н. Скворцова к П. Б. Струве (1895).
1 письмо Карла Каутского к П. Б. Струве (1895).
 9. Людвигсбургский государственный архив (Людвигсбург, Германия).
Документы, касающиеся *Освобождения* периода 1903-1904 (Bestand E 150, Bund 1608).
 10. Немецкий архив (Берлин, Германия).
3 письма П. Б. Струве к Гансу Дельбрюку (1902).
 11. Финские государственные архивы (Хельсинки, Финляндия).
10 писем П. Б. Струве к А. Неовусу (1902-1906).
 12. Государственный архив Российской Федерации (Москва).

-
- Материалы полиции, касающиеся ареста П. Б. Струве в 1894 (Фонд 102, оп. 7, 1894 г., д. 86, т. 1 и 6).
- Протоколы заседаний Центрального комитета Конституционно-демократической партии (1905-1915; Фонд 523, оп. 1, ед. хр. 27-32) и фракции кадетов во II Государственной Думе (1907; ед. хр. 1).
- Подборка газетных статей о П. Б. Струве периода 1905-1907 годов, составленная В. В. Водовозовым (Фонд 539, оп. 1, ед. хр. 1406).
- Фонд П. Б. Струве, 40 наименований (Фонд 604, оп. 1).
- «Дневник Ариадны Владимировны Тырковой, 1904-1910» (Фонд 629, оп. 1, ед. хр. 16).
13. Российская государственная библиотека (Москва).
- Разрозненные письма П. Б. Струве: к Антону Чехову (1 письмо, 1899), А. Б. Берману (5 писем, 1913-1915), А. Г. Достоевской (2 письма, 1915-1916), Ивану Сытину (1 письмо, 1905?), Н. И. Карееву (3 письма, 1910), М. К. Морозовой (4 письма, 1909-1911), Н. А. Рубакину (3 письма, 1896). 6).
- В. Н. Селецкий.* «Прогрессисты». – Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – МГУ, 1969.
14. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (Москва).
- Архив П. Б. Струве и редакции журнала *Освобождение* (Фонд 279). Данный архив остался для меня недоступным.
15. Публичная библиотека (Санкт-Петербург).
- Фрагменты переписки, включая 5 писем П. Б. Струве к Н. Тимофееву (1909-1911) и 2 письма к П. И. Карпову (1910).
16. Дом Плеханова (Санкт-Петербург).
- 86 писем П. Б. Струве к А. А. Кизеветтеру (1907-1911).
- 8 писем П. Б. Струве к Г. В. Плеханову (1895-1899).
- Рукопись П. Б. Струве «К истории 2-й Думы: Конспект моей 3-ей беседы со Столыпиным» (9 апреля 1907) (Фонд 753, № 113).
- 224 письма Нины Струве к мужу из Крыма (1910-1911).
- 26 писем П. Б. Струве к Л. Я. Гуревич (1906-1910).
17. Институт литературы РАН (Пушкинский дом) (Санкт-Петербург).
- 52 письма П. Б. Струве к Л. Я. Гуревич (1906-1915).
- 5 писем П. Б. Струве к З. А. Венгеровой (1897-1899) (Фонд 39, № 687).
- 4 письма П. Б. Струве к А. Ф. Кони (1909-1914) (Фонд 134, оп. 3, ед. хр. 1643).
- 3 письма П. Б. Струве к А. М. Ремизову (1913) (Фонд 256, оп. 1, ед. хр. 255).
- Папка С. А. Венгерова, посвященная П. Б. Струве и содержащая переписку, а также биографические материалы (Фонд 377, №№ 10, 476-10, 481).

- 8 писем Нины Струве к Брюсову (1911-1914) (Фонд 444, № 58).
144 письма П. Б. Струве к Брюсову (1906-1916) (Фонд 444, №№ 59-60, 62-68).
94 письма Брюсова к П. Б. Струве (Фонд 444).
2 письма П. Б. Струве к Арсеньеву (1894, 1907) (Фонд 359, № 467).

2. Опубликованные работы Струве

а. Книги и журнальные статьи

1890

- * Рецензия на книгу: *Hugo Goering*. Die neue deutsche Schule (Leipzig, 1890). – *Русская школа*. – № 9 (ноябрь). – С. 144-148.
- * Центральная педагогическая библиотека имени Амоса Коменского в Лейпциге. – *Русская школа*. – № 9 (ноябрь). – С. 166-167.
- * Новое течение в области немецкого школьного движения. – *Русская школа*. – № 10 (декабрь). – С. 175-178.

1891

- * Рецензия на книгу: *Paul Guessfeldt*. Die Erziehung der deutschen Jugend (Berlin, 1890). – *Русская школа*. – № 3 (март). – С. 166-169.
- * Новое общество для популяризации естественных наук (в Берлине). – *Русская школа*. – № 4 (апрель). – С. 192-194.
- * Из хроники школьной жизни Германии: реформа гимназии в Вюртемберге и Баварии. – *Русская школа*. – № 9 (сентябрь). – С. 210-213.
- * Из хроники школьной жизни Германии: результаты берлинской конференции. – *Русская школа*. – № 10 (октябрь). – С. 217-220.
- * В Петербургском комитете грамотности: заседание 8-го октября 1891 г. – *Русская школа*. – № 11 (ноябрь). – С. 239-243.

1892

- * Реформа гимназии в Венгрии. – *Русская школа*. – № 1 (январь). – С. 174-176.
- * Из хроники школьной жизни Германии и Австро-Венгрии. – *Русская школа*. – № 3 (март). – С. 185-192.
- #1. Новая книга Гумпловича. – *Русское богатство*. – XI. – № 6 (июнь). – Ч. 2. – С. 25-30.
- #2. Zur Auswanderungsfrage in Russland. – *Sozialpolitisches Centralblatt*. – I. – № 28. – S. 343-346.

- * Об организации средней школы в некоторых Западно-Европейских государствах (с приложением учебных планов). – *Русская школа*. – № 7/8 (июль-август). – С. 76-105.
- * Рецензия на книгу: *August Heimrichs*. Das Schulbücherwesen muss verstaatlicht werden (Zittau, 1890). – *Русская школа*. – № 7/8 (июль-август). – С. 241-247.
- #3. Die wirtschaftliche Entwicklung Russlands und die Erhaltung des Bauernstandes. – *Sozialpolitisches Centralblatt*. – I. – № 34. – S. 415-417.
- #4. Die Bauernpacht in Russland. – *Sozialpolitisches Centralblatt*. – II. – № 1. – S. 2-4.
- #5. Рецензия на книгу: Итоги экономического исследования России по данным земской статистики (М., 1892). – *Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik*. – V. – S. 498-517. (Начало; окончание см. #5а.)

1893

- #5а. Рецензия на книгу: Итоги экономического исследования России по данным земской статистики (М., 1892). – *Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik*. – VI. – S. 172-176. (Окончание; начало см. #5).
- #6. Zu Landarbeiterfrage in Russland. – *Sozialpolitisches Centralblatt*. – II. – № 23. – S. 269-271.
- #7. Die Sozialstatistik der Missernten in Russland. – *Sozialpolitisches Centralblatt*. – II. – № 27. – S. 320-321.
- #8. Австрийское крестьянство и его бытописатель. – *Вестник Европы*. – XXVIII. – № 6 (июнь). – С. 569-585. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – СПб., 1902. – С. 317-334. (См. #132.)
- * Школьное дело в Австрии (статистические данные). – *Русская школа*. – № 7/8 (июль-август). – С. 298.
- * Государственные финансы и народное образование в главнейших государствах Европы. – *Русская школа*. – № 9/10 (сентябрь-октябрь). – С. 87-91.
- #9. Zur Beurtheilung der kapitalistischen Entwicklung Russlands. – *Sozialpolitisches Centralblatt*. – III. – № 1. – S. 1-3.
- #10. Рецензия на книгу: I. A. Hourwich. Economics of the Russian Village (New York, 1892). – *Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik*. – VI. – S. 630-633.

1894

- #11. Der Arbeitslohn und die Lebenshaltung der Fabrikarbeiter im Gouvernement Moskau. – *Sozialpolitisches Centralblatt*. – III. – № 20. – S. 234-235.

- #12. Немцы в Австрии и крестьянство. – *Вестник Европы*. – XXIX. – № 2 (февраль). – С. 796-828. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 335-368. (См. #132.)
- #13. Рецензия на книгу: *Николай-он*. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства (СПб., 1893). – *Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik*. – VII. – S. 350-358.
- #14. Die neuere russische Gesetzgebung über dem Gemeindebesitz. – *Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik*. – VII. – S. 626-652.
- #15. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. – I. – СПб.
- #16. Das Lodzer Projekt einer gesetzlichen Regelung der Arbeitszeit in den Fabrik- und Handwerksunternehmungen Russlands. – *Sozialpolitisches Centralblatt*. – № 4. – S. 45-46.
- #17. Заработная плата. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XII (23). – С. 284-295.
- #17а. Земледельческое государство. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XII (23). – С. 424-425.
- #18. Избыток рабочих рук (безработица). – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XIIа (24). – С. 820-822.
- #18а. Имперские финансы. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XIII (25). – С. 18.
- #19. Имущественный налог. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XIII (25). – С. 25-28.

1895

- #20. «Открытое письмо к Николаю II». Размножено на mimeографе 19-31 января. Перепечатано в кн.: В. Бурцев (ред.). За сто лет. 1800-1896. – Ч. 1. – Лондон, 1897. – С. 264-267.
- #21. *Моим критикам. Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития* (СПб.). Книга изъята цензурой. Впервые опубликована в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – СПб., 1902. – С. 1-59. (См. #132.)
- #22. Рецензия на книгу: *И. И. Янжул*. Промысловые синдикаты (СПб., 1895). – *Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik*. – VIII. – S. 514-519.
- #23. Картели. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XIVа (28). – С. 610-616.
- #23а. Катедерсоциализм, К.-социалисты. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XIVа (28). – С. 723-724.
- #24. Каутский. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XIVа (28). – С. 772-773.
- #24а. Кауфман, Александр Аркадьевич. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XIVа (28). – С. 773.

- #25. Несколько слов по поводу статьи г. Оболенского «Новый раскол в нашей интеллигенции (Письмо в редакцию). – *Русская мысль*. – XVII. – № 2 (февраль). – Ч. 2. – С. 100-114. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 233-251. (См. #132.)
- #26. Выступления на заседании Вольного экономического общества 13 января 1896 г. в обсуждении доклада Н. В. Левицкого о земледельческой артели в Херсонской губернии. – *Труды Императорского Вольного Экономического Общества*. – № 2 (март-апрель). – С. 190-193, 214-216, 222.
- #27. Выступления на заседании Вольного экономического общества 2 апреля 1896 г. в обсуждении доклада В. И. Касперова о целесообразности введения металлического денежного обращения. – *Труды Императорского Вольного Экономического Общества*. – № 3 (май-июнь). – С. 208-214. Перепечатано в кн.: Реформа денежного обращения в России. Сборник статей. – СПб., 1896. – С. 208-214.
- #28. Zwei bisher unbekannte Aufsätze von Karl Marx aus den vierziger Jahren. – *Die Neue Zeit*. – XIV. – № 27. – S. 4-11; № 28. – S. 48-55.
- #29. Marx und der 'wahre' Sozialismus. – *Die Neue Zeit*. – XIV. – № 33. – S. 219-220.
- #30. Рецензия на книгу: *G. J. Rosenberg*. Zur Arbeiterschutzgesetzgebung in Russland (Leipzig, 1895). – *Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik*. – IX. – S. 297-304.
- #31. Аграрный вопрос и социальная демократия в России. – Приложение к Докладу делегации русских социал-демократов на Международном социалистическом конгрессе в Лондоне в 1896 году (Женева, 1896). – С. 22-32. Перепечатано на немецком языке: *Die Neue Zeit*. – XIV. – № 44. – S. 560-566. (См. #31а.) Публикация без подписи; авторство Струве установлено на основании кн.: Переписка Г. В. Плеханова и П. В. Аксельрода. – Т. I. – М., 1925. – С. 145.
- #31а. Die Agrarfrage und die Sozialdemokratie in Russland. – *Die Neue Zeit*. – XIV. – № 44. – S. 560-566. (См. #31а.)
- #32. Ланге, Ф. -А. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XVII (33). – С. 312-314.
- #32а. Лассаль, Ф. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XVII (33). – С. 333-336.
- #33. Маклер слуг и рабочих людей. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XVIII (35). – С. 426-427. Перепечатано в расширенном варианте в кн.: *П. Струве*. Крепостное

хозяйство. Сборник статей. – СПб. - М., 1913. – С. 309-316. (См. #443.)

- #33а. Мандевиль, Б. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XVIIIа (36). – С. 530-531.
- #34. Мануфактура. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XVIIIа (36). – С. 563-564.
- #34а. Манчестерская школа. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XIIIа (36). – С. 568.
- #35. Маркс, К. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XVIIIа (36). – С. 662-667.
- #36. Монополия. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XIXа (38). – С. 782-784.
- #37. Die Arbeiterbewegung in Russland. – *Soziale Praxis*. – VI. – № 2. – S. 25-30. Публикация без подписи; авторство Струве установлено на основании кн.: Ленинский сборник. – IV. – С. 18, прим. 31.
- #38. Studien und Bemerkungen zur Entwicklungsgeschichte des wissenschaftlichen Sozialismus. – *Die Neue Zeit*. – XV. – № 3. – S. 66-81; XV. – № 34 (1897) – S. 228-235; № 35 (1897) – S. 269-275. (Начало; окончание см. #52а.)
- #39. Die 'Deutsche Brusseler Zeitung' vom Jahre 1847. – *Die Neue Zeit*. – XV. – № 12. – S. 380-381.
- #40. Основные понятия и вопросы политической экономики. – *Мир Божий*. – V. – № 12 (декабрь). – С. 105-115.

1897

- #41. Философия идеального добра или апология реального зла? – *Самарский вестник*. – № 5. Перепечатано с изменениями и сокращениями в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 187-197. (См. #132.)
- #42. Новая книга по русской истории и литературе. – *Самарский вестник*. – № 20. Перепечатано с небольшими изменениями в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 221-232. (См. #132.)
- #43. Свобода и историческая необходимость. – *Вопросы философии и психологии*. – VIII. – № 1/36 (январь-февраль). – С. 120-139. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 487-507. (См. #132.)
- #44. На разные темы: 1. Наши утописты. – *Новое слово*. – № 6 (март). – Ч. 2. – С. 1-20. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 60-83. (См. #132.)
- #45. Текущие вопросы внутренней жизни. – *Новое слово*. – № 6 (март). – Ч. 2. – С. 157-172.

-
- #46. На разные темы: П. Г. Чичерин и его обращение к прошлому. – *Новое слово*. – № 7 (апрель). – Ч. 2. – С. 34-62. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 84-120. (См. #132.)
- #47. Текущие вопросы внутренней жизни. – *Новое слово*. – № 7 (апрель). – Ч. 2. – С. 229-243.
- #48. Очерки из истории общественных идей и отношений в Германии в XIX веке. – *Новое слово*. – № 7 (апрель). – Ч. 1. – С. 83-96; № 8 (май). – С. 154-167. (Начало; продолжение и окончание см. #48а и #72а.)
- #48а. Очерки из истории общественных идей и отношений в Германии в XIX веке. – *Новое слово*. – № 8 (май). – Ч. 1. – С. 154-167. (Продолжение; начало и окончание см. #48 и #72а.)
- #49. Еще о свободе и необходимости. – *Новое слово*. – № 8 (май). – Ч. 2. – С. 200-208.
- #50. На разные темы: III. «Мужики» г. Чехова. – *Новое слово*. – № 8 (май). – Ч. 2. – С. 42-51. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 121-132. (См. #132.)
- #51. Рецензия на книгу: Ю. Белох. История Греции (М., 1897). – *Новое слово*. – № 8 (май). – Ч. 2. – С. 57-60.
- #52. Текущие вопросы внутренней жизни. – *Новое слово*. – № 8 (май). – Ч. 2. – С. 207-229.
- #52а. Studien und Bemerkungen zur Entwicklungsgeschichte des wissenschaftlichen Sozialismus. – *Die Neue Zeit*. – XV. – № 34. – S. 228-235; № 35. – S. 269-275. (Окончание; начало см. #38.)
- #53. Текущие вопросы внутренней жизни. – *Новое слово*. – № 9 (июнь). – Ч. 2. – С. 190-214.
- #54. К вопросу о безработице. – *Новое слово*. – № 10 (июль). – Ч. 1. – С. 92-106. Перепечатано в кн.: *Дж. Гобсон*. Проблемы бедности и безработицы. – СПб., 1900. – С. 348-366. (См. #95а.)
- #55. «Экономические этюды» Н. В. Водовозова. – *Новое слово*. – № 10 (июль). – Ч. 2. – С. 56-62. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 419-426. (См. #132.)
- #56. Текущие вопросы внутренней жизни. – *Новое слово*. – № 10 (июль). – Ч. 2. – С. 216-243.
- #57. Рецензия на книгу: П. Новгородцев. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба (М., 1896). – *Новое слово*. – № 10 (июль). – Ч. 2. – С. 75-78. Публикация без подписи; авторство Струве установлено на основании кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – СПб., 1902. – С. 79, прим. 1.
- #58. Выступления на заседании Вольного экономического общества 1 и 2 марта 1897 г. в обсуждении книги: А. И. Чупров, А. С. Постников. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского национального хозяйства (СПб., 1896). – *Труды*

Императорского Вольного Экономического Общества. – № 4 (июль-август). – С. 19-21, 78-83.

- #59. Международный конгресс по вопросам законодательной охраны рабочих. – *Новое слово.* – № 12 (сентябрь). – Ч. 2. – С. 145-181. Перепечатано в кн.: *П. Струве.* На разные темы. Сборник статей. – С. 369-418. (См. #132.)
- #60. По поводу С.-Петербургской стачки. – *Работник* (Женева). – № 3-4. – С. iii-xvi. Публикация без подписи; авторство Струве установлено на основании кн.: *Общественное движение в России в начале XIX века.* – Т. II. – Ч. 2. – СПб., 1909-14. – С. 314-315.
- #61. Выступления на заседании Вольного экономического общества 7 и 30 апреля 1897 г. года в обсуждении доклада Г. В. Бутми-де-Кацман о валютной реформе. – *Труды Императорского Вольного Экономического Общества.* – № 5 (сентябрь-октябрь). – С. 111-115.
- #62. На разные темы: IV. «Мужики» Чехова и г. Михайловский. V. Замечательная книга. – *Новое слово.* – № 13 (октябрь). – Ч. 2. – С. 55-84. Перепечатано в кн.: *П. Струве.* На разные темы. Сборник статей. – С. 113-146. (См. #132.)
- #63. Рецензия на книгу: *П. Милюков.* Очерки по истории русской культуры. – Ч. I, II. (СПб., 1897). – *Новое слово.* – № 13 (октябрь). – Ч. 2. – С. 89-94.
- #64. Текущие вопросы внутренней жизни. – *Новое слово.* – № 13 (октябрь). – Ч. 2. – С. 246-266.
- #65. Miscellanea. – Время и место первой публикации не установлены; предполагается, что статья предназначалась для *Нового слова* (№ 3, 1897), но была изъята цензурой. Перепечатано в кн.: *П. Струве.* На разные темы. Сборник статей. – С. 170-186. (См. #132.)
- #66. Напряженность или интенсивность труда. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон».* – XXa (40). – С. 557-559.
- #67. Народное хозяйство. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон».* – XXa (40). – С. 590-591.
68. Предисловие к русскому переводу книги: *Макс Шиттель.* Денежное обращение и его общественное значение. – СПб., 1897. – С. i-xiii.
- #69. Предисловие к русскому переводу книги: *Г. Шульце-Геверниц.* Крупное производство. – СПб., 1897. – С. i-xx.

1898

70. *Манифест Российской социал-демократической рабочей партии.* Опубликован и распространен в апреле 1898 г. в виде листовки. Перепечатан в Женеве в 1903 г.

- #71. Маркс о Гёте: к характеристике двух умов. – *Мир Божий*. – VII. – № 2 (февраль). – Ч. 1. – С. 177-182. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 252-258.
- #72. Историческое и систематическое место русской кустарной промышленности (Ответ П. Н. Милюкову). – *Мир Божий*. – VII. – № 4 (апрель). – Ч. 1. – С. 188-200. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 427-447.
- #72а. Из истории общественных идей и отношений в Германии в XIX веке. – *Научное обозрение*. – V. – № 4 (апрель). – С. 785-795. (Окончание; начало и продолжение см. ##48 и 48а.)
- #73. Die neue Fabrikgesetzgebung Russlands. – *Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik*. – XII. – S. 475-515. Публикация без подписи; авторство Струве установлено на основании книги: Ленинский сборник. – IV. – С. 10.
- #74. Научная история русской крупной промышленности. Рецензия на книгу: *М. Туган-Барановский*. Русская фабрика в прошлом и настоящем (СПб., 1898)». – Время и место первой публикации не установлены. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 448-464.
- #75. Предисловие к русскому переводу книги: *Поль де-Рузье*. Профессиональные рабочие союзы в Англии. – СПб., 1898. – С. i-iii.

1899

- #76. К вопросу о рынках при капиталистическом производстве (По поводу книги Булгакова и статьи Ильина). – *Научное обозрение*. – VI. – № 1 (январь). – С. 46-64.
- #77. Попытки артельной организации крепостных крестьян. Из этюдов о крепостном хозяйстве. – *Начало*. – № 1-2 (январь-февраль). – Ч. 1. – С. 296-318. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. Крепостное хозяйство. Сборник статей. – С. 171-212. (См. #442.)
- #78. Внутреннее обозрение. – *Начало*. – № 1-2 (январь-февраль). – Ч. 2. – С. 292-316.
- #79. Романтика против казенщины. Рецензия на книгу: *В. В. Розанов*. Сумерки просвещения. (СПб., 1899). – *Начало*. – № 3 (март). – Ч. 2. – С. 177-191. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 203-220.
- #80. Внутреннее обозрение. – *Начало*. – № 3 (март). – Ч. 2. – С. 224-258.
- #81. Рецензия на книгу: *В. Кистиakovskii*. Gesellschaft und Einzelwesen (Berlin, 1899). – *Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik*. – XIV. – S. 222-226.
- #82. Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung. Ein kritischer Versuch. – *Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik*. – XIV. – S. 658-704. Неавторизованный перевод на русский язык: Марк-

- сова теория социального развития (Киев, 1905). Французский перевод: *Etudes de Marxologie*. – Paris. – № 6 (1962). – P. 105-156.
- #83. Рецензия на книги: *E. Bernstein*. Die Voraussetzungen des Sozialismus (Stuttgart, 1899); *K. Kautsky*. Bernstein und das sozialdemokratische Programm (Stuttgart, 1899). – *Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik*. – XIV. – S. 723-739.
- #84. Ответ Ильину. – *Научное обозрение*. – № 8 (август). – С. 1580-1584.
- #85. Предисловие к русскому переводу книги: *K. Маркс*. Капитал. – Т. I – Кн. 1. – СПб., 1899. – С. xxvii-xxxiv.
- #86. Против ортодоксии. – *Жизнь*. – III. – № 10 (октябрь). – С. 175-179.
- #87. Основные моменты в развитии крепостного хозяйства в России в XIX в. (исторический этюд). – *Мир Божий*. – VIII. – № 10 (октябрь). – Ч. 1. – С. 180-194. (Начало; продолжение и окончание см. #87a и #87b.) Перепечатано с изменениями в кн.: *П. Струве*. Крепостное хозяйство. Сборник статей. – С. 1-170. (См. #442.)
- #87a. Основные моменты в развитии крепостного хозяйства в России в XIX в. (исторический этюд). – *Мир Божий*. – VIII. – № 11 (ноябрь). – Ч. 1. – С. 271-289. (Продолжение; начало и окончание см. #87 и #87b.)
- #87b. Основные моменты в развитии крепостного хозяйства в России в XIX в. (исторический этюд). – *Мир Божий*. – VIII. – № 12 (декабрь). – Ч. 1. – С. 254-283. (Окончание; начало и продолжение см. #87 и #87a.)
- #88. Рабочий класс. – *Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон»*. – XXVI (51). – С. 25-28.
- 1900
- #89. Основная антиномия теории трудовой ценности. – *Жизнь*. – IV. – № 2 (февраль). – С. 297-306.
- #90. К критике некоторых основных проблем и положений политической экономии. – *Жизнь*. – IV. – № 3 (март). – С. 361-392. (Начало; окончание см. #91.) Переработанный вариант с измененным названием опубликован в кн.: *П. Струве*. Хозяйство и цена. – Т. I. – СПб. - М., 1913. – С. 3-41. (См. #448.)
- #91. Первая попытка возбуждения крестьянского вопроса в царствование Александра II. – *Жизнь*. – IV. – № 4 (апрель). – С. 455-466. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. Крепостное хозяйство. Сборник статей. – С. 288-308. (См. #422.)
- #91a. К критике основных проблем и положений политической экономии. – *Жизнь*. – IV. – № 6 (июнь). – С. 249-272. (Окончание; начало см. #90.)

- #92. Из летних наблюдений. – *Мир Божий*. – IX. – № 9 (сентябрь). – Ч. 1. – С. 193-210. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 465-486. (См. #132.)
- #93. Владимир Соловьев. – *Мир Божий*. – IX. – № 9 (сентябрь) – Ч. 2. – С. 13-15. Перепечатано под названием «Памяти Владимира Соловьева» в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 198-202. (См. #132.)
- #94. Новое издание «*Промышленных кризисов*» М. И. Туган-Барановского (критическая заметка). – *Мир Божий*. – IX. – № 10 (октябрь). – Ч. 1. – С. 259-279.
- #95. Ф. Лассаль (по поводу 75-летия со дня его рождения). – *Мир Божий*. – IX. – № 11 (ноябрь). – Ч. 1. – С. 294-299. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 259-266. (См. #132.)
- #95а. К вопросу о безработице. – В книге: *Дж. Гобсон*. Проблемы бедности и безработицы. – СПб., 1900. – С. 348-366. (См. #54.)

1901

- #96. Предисловие к книге: *Н. Бердяев*. Субъективизм и индивидуализм (СПб., 1901). – С. i-lxxxiv.
- #97. На разные темы. – *Мир Божий*. – X. – № 1 (январь). – Ч. 2. – С. 13-19. Перепечатано под названием «Заметки о Гауптмане и Ницше» в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 279-290. (См. #132.)
- #98. Предисловие к первой публикации конфиденциальной записки: *С. Ю. Витте*. Самодержавие и земство. – Штутгарт, 1901. – С. iv-xliv. (См. #190.)
- #99. Самодержавие и земство. – *Искра*. – № 2 (февраль). – С. 2. (Начало; окончание см. #101а.) Публикация без подписи; авторство Струве установлено на основании кн.: Ленинский сборник. – I. – С. 34.
- #100. Право и права. – *Право*. – № 2 (7 января) – С. 88-91. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 522-525. (См. #132.)
- #101. На разные темы. – *Мир Божий*. – X. – № 3 (март). Ч. 2. – С. 108-113. Перепечатано под названием «Еще раз о Лассале» в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 267-278. (См. #132.)
- #101а. Самодержавие и земство. – *Искра*. – № 4 (май). – С. 2-3. (Окончание; начало см. #99.)
- #102. На разные темы. – *Мир Божий*. – X. – № 6 (июнь). – С. 12-27. Перепечатано как две статьи: «Против ортодоксальной нетерпимости Pro Domo sua» и «Памяти Н. В. Шелгунова» в

-
- кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – СПб., 1902. – С. 291-316. (См. #132.)
- #103. Любопытный обывательский протест против школьного классицизма XVIII века. – *Мир Божий*. – X. – № 7 (июль). – С. 186-202.
- #104. Рецензия на книгу: *С. Л. Франк*. Теория ценности Маркса и ее значение (СПб., 1900). – *Мир Божий*. – X – № 8 (август) – С. 113-117.
- #105. Крепостная статистика (Из этюдов о крепостном хозяйстве). – *Научное обозрение*. – VIII. – № 9-10 (сентябрь). – С. 22-45. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. Крепостное хозяйство. Сборник статей. – С. 213-250. (См. #442.)
- #106. В чем же истинный национализм?: Посвящается памяти Владимира Сергеевича Соловьева. – *Вопросы философии и психологии*. – XII. – № 59 (сентябрь-октябрь). – С. 493-528. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 526-555. (См. #132.)
- #107. К вопросу о морали. Рецензия на русский перевод книги: А. Лихтенберже. Философия Ницше (СПб., 1901). – *Мир Божий*. – X. – № 10 (октябрь). – С. 186-197. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. На разные темы. Сборник статей. – С. 508-521. (См. #132.)
- #108. Новый труд по аграрной экономике России. Рецензия на книгу: *В. Г. Бажаев*. Крестьянское травопольное хозяйство в нечерноземной полосе Европейской России (М., 1900). – *Научное обозрение*. – VII. – № 11 (ноябрь). – С. 16-24. Перепечатано под названием «О книге В. Г. Бажаева» в кн.: *П. Струве*. Крепостное хозяйство. Сборник статей. – С. 317-335. (См. #442.)
- #109. К литературно-общественной истории крестьянского вопроса. – В кн.: Помощь евреям, пострадавшим от неурожая. Сборник статей. – СПб., 1901. – С. 139-153. Перепечатано с изменениями под названием «Из истории идей крестьянского землеустройства» в кн.: *П. Струве*. Крепостное хозяйство. Сборник статей. – С. 251-287. (См. #442.)
- #110. Предисловие к русскому переводу книги: *Г. Шульце-Геверниц*. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. – СПб., 1901. – С. vii-xvi.

1902

- #111. От редактора. – *Освобождение*. – I. – № 1 (18 июня). – С. 1-7.
- #112. Предисловие к разделу: «Письма в редакцию». – *Освобождение*. – I. – № 1 (18 июня). – С. 12-13.
- #113. Предисловие к публикации: «Материалы и сведения по делу об убийстве Сипягина». – *Освобождение*. – I. – № 1 (18 июня). – С. 14.

-
- #114. Редакционная статья. — *Освобождение*. — I. — № 2 (2 июля). — С. 17-21.
- #115. Редакционная статья. — *Освобождение*. — I. — № 3 (19 июля). — С. 33-35.
- #116. Отклик на статью: «Государственный подлог». — *Освобождение*. — I. — № 3 (19 июля). — С. 38.
- #117. Редакционная статья. — *Освобождение*. — I. — № 4 (2 августа). — С. 49-50.
- #118. Рецензия на книгу: А. П. Самодержавие, бюрократизм и земство (Берлин, 1902). — *Освобождение*. — I. — № 4 (2 августа). — С. 64.
- #119. Редакционная статья. — *Освобождение*. — I. — № 5 (19 августа). — С. 65-68.
- #120. От редакции. — *Освобождение*. — I. — № 6 (2 сентября). — С. 81-85.
- #121. Редакционная статья. — *Освобождение*. — I. — № 7 (18 сентября). — С. 97-100.
- #122. По поводу одного упрека. — *Освобождение*. — I. — № 7 (18 сентября). — С. 102.
- #123. Кодификация цензурных запретов. — *Освобождение*. — I. — № 7 (18 сентября). — С. 102-104.
- #124. Либерализм и т. н. «революционные» направления. — *Освобождение*. — I. — № 7 (18 сентября). — С. 104-105.
- #125. Редакционная статья. — *Освобождение*. — I. — № 8 (2 октября). — С. 113-116.
- #126. По поводу предложения Министерства финансов об отмене наказаний за стачки. — *Освобождение*. — I. — № 8 (2 октября). — С. 119-120. Перепечатано как предисловие к статье «Русский закон о рабочих» в кн.: Материалы по рабочему вопросу. — Штутгарт, 1902. — С. iii-vi. (См. #133.)
- #127. Редакционная статья. — *Освобождение*. — I. — № 9 (19 октября). — С. 129-132.
- #128. Редакционная статья. — *Освобождение*. — I. — № 10 (2 ноября). — С. 145-150.
- #129. К событиям. — *Освобождение*. — I. — № 11 (18 ноября). — С. 175-176.
- #130. Редакционная статья. — *Освобождение*. — I. — № 12 (2 декабря). — С. 185-190.
- #131. Редакционная статья. — *Освобождение*. — I. — № 13 (19 декабря). — С. 201-203.
- #132. На разные темы (1893-1901 г. г.). Сборник статей. — СПб., 1902. (См. также ## 8, 12, 21, 25, 41, 42, 43, 44, 46, 50, 55, 59, 62, 65, 71, 72, 74, 79, 92, 93, 95, 97, 100, 101, 102, 106, 107.)
- #133. Вступительное слово к статье «Русский закон о рабочих». —

В кн.: Материалы по рабочему вопросу. – Т. I. – Штутгарт, 1902. – С. iii-vi. (См. #126.)

- #134. Предисловие к статье «Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков». – В кн.: Материалы по рабочему вопросу. – Т. I. – С. iii-iv.

1903

- #135. Редакционная статья. – *Освобождение*. – I. – № 14 (2 января). – С. 217-218.
- #136. Разбойничья мода. – *Освобождение*. – I. – № 14 (2 января). – С. 232-233.
- #137. «Объединение» в области народного образования». – *Освобождение*. – I. – № 14 (2 января). – С. 243.
- #138. Редакционная статья. – *Освобождение*. – I. – № 15 (19 января). – С. 249-251.
- #139. Редакционная статья. – *Освобождение*. – I. – № 16 (2 февраля). – С. 265-267.
- #140. К очередным вопросам. – *Освобождение*. – I. – № 17 (16 февраля). – С. 291-292.
- #141. Три автора. – *Освобождение*. – I. – № 18 (2 марта). – С. 305-307.
- #142. На злобы дня. – *Освобождение*. – I. – № 18 (2 марта). – С. 307.
- #143. Финансово-экономическое положение России и политика г. Витте: По поводу государственной росписи на 1903 г. – *Освобождение*. – I. – № 18 (2 марта). – С. 307-309. (Начало; окончание см. #160а.)
- #144. О чем думает одна книга? – *Освобождение*. – I. – № 18 (2 марта). – С. 311-312.
- #145. Наши реформаторы. – *Освобождение*. – I. – № 19 (19 марта). – С. 326.
- #146. К политико-экономической биографии кн. В. П. Мещерского. – *Освобождение*. – I. – № 19 (19 марта). – С. 332-333.
- #147. Войско и нация. – *Освобождение*. – I. – № 19 (19 марта). – С. 339-340.
- #148. Редакционная статья. – *Освобождение*. – I. – № 20-21 (18 апреля). – С. 345-348.
- #149. Зубатов в Петербурге, или Пререкания полиц. ведомств по рабочему вопросу. – *Освобождение*. – I. – № 20-21 (18 апреля). – С. 352-353.
- #150. Россия под надзором полиции. – *Освобождение*. – I. – № 20-21 (18 апреля). – С. 357-358. (Начало; продолжение см. ##163а, 165а, 171а, 174а, 207а.)
- #151. Редакционная статья. – *Освобождение*. – I. – № 22 (8 мая). – С. 377-379.

-
- #152. Кто притупляет общественное сознание? – *Освобождение*. – I. – № 23 (19 мая). – С. 409-411.
- #153. Необходимое объяснение. – *Освобождение*. – I. – № 23 (19 мая). – С. 411-412.
- #154. Герои дня. – *Освобождение*. – I. – № 23 (19 мая). – С. 412.
- #155. Редакционная статья. – *Освобождение*. – I. – № 24 (2 июня). – С. 425-429.
- #156. Конец маленького самодержавия. – *Освобождение*. – I. – № 24 (2 июня). – С. 429.
- #157. Редакционная статья. – *Освобождение*. – II. – № 1/25 (18 июня). – С. 1-3.
- #158. Германские выборы. – *Освобождение*. – II. – № 1/25 (18 июня). – С. 3-5.
- #159. Усиление губернаторской власти. – *Освобождение*. – II. – № 1/25 (18 июня). – С. 11-12.
- #160. Редакционная статья. – *Освобождение*. – II. – № 2/26 (2 июля). – С. 17-21.
- #160а. Финансово-экономическое положение России и политика г. Витте: По поводу государственной росписи на 1903 г. (II). – *Освобождение*. – II. – № 2/26 (2 июля). – С. 22-24. (Окончание; начало см. #143.)
- #161. Редакционная статья. – *Освобождение*. – II. – № 3/27 (19 июля). – С. 33-35.
- #162. Редакционная статья. – *Освобождение*. – II. – № 4/28 (2 августа). – С. 49-53.
- #163. Редакционная статья. – *Освобождение*. – II. – № 5/29 (19 августа). – С. 73-74.
- #163а. Россия под надзором полиции (II). – *Освобождение*. – II. – № 5/29 (19 августа). – С. 86-87. (Продолжение; начало см. #150.)
- #164. Редакционная статья. – *Освобождение*. – II. – № 6/30 (2 сентября). – С. 89-92.
- #165. Земское дело: местное самоуправление в тисках самодержавия. – *Освобождение*. – II. – № 6/30 (2 сентября). – С. 96-97.
- #165а. Россия под надзором полиции (III). – *Освобождение*. – II. – № 6/30 (2 сентября). – С. 110-111. (Продолжение; начало см. ##150, 163а.)
- #166. «Внутренний» политический надзор за офицерами российской армии. – *Освобождение*. – II. – № 7/31 (18 сентября). – С. 113.
- #167. Сообщения и заметки: Плеве, Герцль и евреи. – *Освобождение*. – II. – № 7/31 (18 сентября). – С. 125.
- #168. Редакционная статья. – *Освобождение*. – II. – № 8/32 (2 октября). – С. 129-131.

-
- #169. К пребыванию царя за границей. – *Освобождение*. – II. – № 8/32 (2 октября). – С. 131-133.
- #170. Предисловие к публикации: «Чудеса полиции в Сарове, или Охрана царя от жителей, собак и скотов». – *Освобождение*. – II. – № 8/32 (2 октября). – С. 132.
- #171. Фигляр, поучающий любви к отечеству. – *Освобождение*. – II. – № 9/33 (19 октября). – С. 158-160.
- #171а. Россия под надзором полиции (IV). – *Освобождение*. – II. – № 9/33 (19 октября). – С. 165. (Продолжение; начало см. ##150, 163а, 165а.)
- #172. К кишиневскому процессу. – *Освобождение*. – II. – № 9/33 (19 октября). – С. 166.
- #173. Лозунг времени. – *Освобождение*. – II. – № 10/34 (2 ноября). – С. 169-173.
- #174. Студенческое общество в Москве. – *Освобождение*. – II. – № 10/34 (2 ноября). – С. 180-182.
- #174а. Россия под надзором полиции (V). – *Освобождение*. – II. – № 11/35 (12 ноября). – С. 185-187. (Продолжение; начало см. ##150, 163а, 165а, 171а.)
- #175. Торг и переторжка. – *Освобождение*. – II. – № 11/35 (12 ноября). – С. 190-192.
- #176. Поприщин, как редактор «С.-Петербургских ведомостей». – *Освобождение*. – II. – № 12/36 (24 ноября). – С. 201.
- #177. К аресту В. Л. Бурцева. – *Освобождение*. – II. – № 12/36 (24 ноября). – С. 213-214.
- #178. Наглый обман или циническое издевательство? – *Освобождение*. – II. – № 13/37 (2 декабря). – С. 221.
- #179. Заметки. – *Освобождение*. – II. – № 13/37 (2 декабря). – С. 222-224.
- #180. Давление на Сенат. – *Освобождение*. – II. – № 13/37 (2 декабря). – С. 224-225.
- #181. Еще о г. Столыпине. – *Освобождение*. – II. – № 13/37 (2 декабря). – С. 239.
- #182. Русское самодержавие перед судом его бывшего сторонника. – *Освобождение*. – II. – № 14/38 (25 декабря). – С. 241-242.
- #183. Самодержавие и земство. – *Освобождение*. – II. – № 14/38 (25 декабря). – С. 252-253.
- #184. Всепроникающий сыск самодержавия. – *Освобождение*. – II. – № 14/38 (25 декабря). – С. 253-254.
- #185. Предисловие к публикации: «Меры правительства в борьбе с движением среди железнодорожных рабочих». – *Освобождение*. – II. – № 14/38 (25 декабря). – С. 254.

-
- #186. Предисловие к книге: «Освобождение». Сборник статей и документов. – Кн. I. – Штутгарт. – С. iii.
- #187. Послесловие к публикации: «Материалы по новейшей истории русской цензуры. – I. Книги, рассмотренные Комитетом Министров с 1872 по 1891 г. г. » – В кн.: «Освобождение». Сборник статей и документов. – Кн. I. – Штутгарт. – С. 204.
- #188. Не в очередь: Письмо с берегов Женевского озера и ответ на него редактора «Освобождения». – В кн.: «Освобождение». Сборник статей и документов. – Кн. I. – С. 225-239.
- #189. Рецензия на книгу: *Вл. Дебогорий-Мокриевич*. Воспоминания. – В кн.: «Освобождение». Сборник статей и документов. – Кн. I. – С. 243-253.
- #190. Предисловие ко второму изданию конфиденциальной записки: *С. Ю. Вумте*. Самодержавие и земство. – Штутгарт, 1903. – С. xlviii-lxxii. (См. #98.)
- #191. К характеристике нашего философского развития. Рецензия на книгу: *С. П. Ранский*. Социология Н. К. Михайловского (СПб., 1901). – В кн.: Проблемы идеализма. Сборник статей. – М. – С. 72-90.
- #192. Предисловие к публикации: «*Доклад воронежского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности*». – Штутгарт. – С. 3.
- #193. Предисловие к книге: Кишиневский погром. – Штутгарт. – С. vii-viii.
- #194. Предисловие к публикации: «*Доклад Министра финансов и Государственного Совета о финансовом положении России*». – Штутгарт. – С. 3-4.
- #195. Предисловие к публикации: «Законодательные материалы к закону о старостах в промышленных предприятиях». – В кн.: Материалы по рабочему вопросу. – Т. II. – Штутгарт. – С. v-xx.

1904

- #196. Усиление губернаторской власти. – *Освобождение*. – II. – № 15-16/39-40 (19 января). – С. 275-279.
- #197. Земство, дворянство и самодержавие. – *Освобождение*. – II. – № 15-16/39-40 (19 января). – С. 289-291.
- #198. Война. – *Освобождение*. – II. – № 17/41 (5 февраля). – С. 297.
- #199. Н. К. Михайловский: некролог. – *Освобождение*. – II. – № 17/41 (5 февраля). – С. 297.
- #200. Военный юбилей и юбилейная война. – *Освобождение*. – II. – № 17/41 (5 февраля). – С. 297-301.
- #201. Положение дел на театре войны. – *Освобождение*. – II. – № 17/41 (5 февраля). – С. 312.

-
- #202. Письмо к студентам. – *Листок Освобождения*. – № 1 (11 февраля). – С. 1-3.
- #203. Нельзя молчать. – *Листок Освобождения*. – № 2 (18 февраля). – С. 1-2.
- #204. Война и патриотизм. – *Освобождение*. – II. – № 18/42 (19 февраля). – С. 319.
- #205. Война, финансы и валюта. – *Освобождение*. – II. – № 18/42 (19 февраля). – С. 321-323.
- #206. В. Н. Чичерин: некролог. – *Освобождение*. – II. – № 18/42 (19 февраля). – С. 323.
- #207. Война и русская оппозиция. – *Освобождение*. – II. – № 19/43 (7 марта). – С. 330-332. (Начало; окончание см. #207b.)
- #207a. Россия под надзором полиции (VI). – *Освобождение*. – II. – № 19/43 (7 марта). – С. 342-344. (Окончание; начало см. #150, 163a, 165a, 171a, 174a.)
- #207b. Война и русская оппозиция. – *Освобождение*. – II. – № 21/45 (2 апреля). – С. 379. (Окончание; начало см. #207.)
- #208. Несколько слов о патриотических адресах. – *Листок Освобождения*. – № 6 (15 апреля). – С. 1-2.
- #209. Редакционная статья. – *Освобождение*. – II. – № 22/46 (18 апреля). – С. 385-386.
- #210. Сеть лжи. – *Освобождение*. – II. – № 22/46 (18 апреля). – С. 386-390.
- #211. 12 против 50. – *Освобождение*. – II. – № 22/46 (18 апреля). – С. 390-391.
- #212. По поводу положения на Ялу. – *Листок Освобождения*. – № 7 (26 апреля). – С. 1-2.
- #213. Редакционная статья. – *Освобождение*. – II. – № 23/47 (2 мая). – С. 409-410.
- #214. Самодержавие против раненых и земства. – *Освобождение*. – II. – № 24/48 (21 мая). – С. 425-426.
- #215. Отклик на «дело Аничкова и Борман». – *Освобождение*. – II. – № 24/48 (21 мая). – С. 430-431.
- #216. Никакого политического значения. – *Освобождение*. – II. – № 24/48 (21 мая). – С. 436.
- #217. С театра войны. – *Листок Освобождения*. – № 10 (27 мая). – С. 1.
- #218. Политика внутренняя и политика внешняя. – *Освобождение*. – II. – № 25/49 (2 июня). – С. 441-442.
- #219. Предисловие к статье: Г. М. Волконский. Война. – *Освобождение*. – II. – № 25/49 (2 июня). – С. 446.
- #220. Правда ли, что русское правительство сомневается в благодати Св. Крещения? – *Освобождение*. – II. – № 25/49 (2 июня). – С. 454.

-
- #221. Еще один подвиг г. ф. -Плеве. – *Освобождение*. – II. – № 25/49 (2 июня). – С. 455-456.
- #222. Experimentum in anima populi. – *Листок Освобождения*. – № 11 (9 июня). – С. 1.
- #223. Губернаторский гипноз. – *Освобождение*. – III. – № 50 (25 июня). – С. 1-2.
- #224. Лев Толстой о войне. – *Освобождение*. – III. – № 51 (2 июля). – С. 17-22.
- #225. Конец ф.-Плеве. – *Освобождение*. – III. – № 52 (19 июля). – С. 33.
- #226. Знал или не знал царь? – *Освобождение*. – III. – № 52 (19 июля). – С. 35-36.
- #227. Из русской жизни. – *Освобождение*. – III. – № 52 (19 июля). – С. 44-46.
- #228. Обличение гнили. – *Освобождение*. – III. – № 53 (2 августа). – С. 49-50.
- #229. Царь в народе. – *Освобождение*. – III. – № 53 (2 августа). – С. 50.
- #230. Из русской жизни. – *Освобождение*. – III. – № 53 (2 августа). – С. 61-62.
- #231. Государственная возможность немедленного прекращения войны. – *Освобождение*. – III. – № 54 (19 августа). – С. 65-67.
- #232. Милости младенца Алексея. – *Освобождение*. – III. – № 55 (2 сентября). – С. 81-82.
- #233. Наши непримиримые террористы и их главный штаб. – *Освобождение*. – III. – № 55 (2 сентября). – С. 83-84.
- #234. Новый министр внутренних дел. – *Освобождение*. – III. – № 55 (2 сентября). – С. 84-85.
- #235. Значение Ляоянского боя. – *Освобождение*. – III. – № 55 (2 сентября). – С. 96.
- #236. Что же теперь? – *Освобождение*. – III. – № 56 (7 сентября). – С. 98-99.
- #237. Организация и платформа демократической партии. – *Освобождение*. – III. – № 58 (14 октября). – С. 129-130.
- #238. Отступление кн. Святополка? – *Освобождение*. – III. – № 58 (14 октября). – С. 135.
- #239. Открытое письмо к проф. кн. Е. Н. Трубецкому. – *Освобождение*. – III. – № 58 (14 октября). – С. 136-137.
- #240. Предисловие к материалу: «Два письма Министру внутренних дел». – *Освобождение*. – III. – № 58 (14 октября). – С. 137.
- #241. Призрак войны с Англией. – *Освобождение*. – III. – № 59 (28 октября). – С. 145-147.
- #242. Кн. Святополк-Мирский и вопрос о конституции. – *Освобождение*. – III. – № 59 (28 октября). – С. 158-159.

-
- #243. Интриги против кн. Святополка-Мирского. – *Освобождение*. – III. – № 59 (28 октября). – С. 159-160.
- #244. «Гласность» кн. Святополка-Мирского. – *Освобождение*. – III. – № 60 (10 ноября). – С. 178.
- #245. Земский съезд. – *Освобождение*. – III. – № 60 (10 ноября). – С. 183.
- #246. Дело об убийстве ф. -Плеве: по поводу суда над Сазоновым и Сикорским. – *Листок Освобождения*. – № 19 (27 ноября). – С. 1.
- #247. Редакционная статья. – *Освобождение*. – III. – № 61 (30 ноября). – С. 185.
- #248. Жорес о согласованных действиях русской оппозиции. – *Освобождение*. – III. – № 61 (30 ноября). – С. 185-186.
- #249. К событиям. – *Освобождение*. – III. – № 61 (30 ноября). – С. 187-198.
- #250. Vorwärts о декларации оппозиционных и революционных партий. – *Освобождение*. – III. – № 61 (30 ноября). – С. 200.
- #251. Новые обещания и новые угрозы. – *Освобождение*. – III. – № 62 (18 декабря). – С. 201-203.
- #252. По поводу некоторых новейших политических раскопок. – *Право*. – № 51 (19 декабря). – С. 3518-3522. Публикация без подписи; авторство Струве восстановлено на основании журн.: *Русская мысль*. – № 11 (ноябрь, 1911). – С. 131 прим.
- #253. По поводу новейших избиений. – *Листок Освобождения*. – № 22-23 (30 декабря). – С. 5.
- #254. Откуда и куда? – В кн.: «*Освобождение*». Сборник статей и материалов. – II. – Париж. – С. 15-29.
- #255. Предисловие к публикации: «*Проект фон Плеве об усилении губернаторской власти*». – Париж. – С. vii-xiv.

1905

- #256. Комитет Министров и Комитет Реформ. – *Освобождение*. – III. – № 63 (7 января). – С. 217-219.
- #257. Насущная задача времени. – *Освобождение*. – III. – № 63 (7 января). – С. 221-222.
- #258. Иностранная печать о русских делах. – *Освобождение*. – III. – № 63 (7 января). – С. 229-230.
- #259. Палач народа. – *Освобождение*. – III. – № 64 (12 января). – С. 233.
- #260. Он прощает их. – *Освобождение*. – III. – № 65 (27 января). – С. 241.
- #261. Смиренно-святейшие луны. – *Освобождение*. – III. – № 65 (27 января). – С. 254-255.

-
- #262. Максим Горький и Академия наук. – *Освобождение*. – III. – № 65 (27 января). – С. 256.
- #263. Открытое письмо к офицерам русской армии, участвовавшим и не участвовавшим в Петербургской бойне 9 января: посвящается памяти убитого в Ляоянском сражении офицера, корреспондента «Освобождения». – *Освобождение*. – III. – № 66 (12 февраля). – С. 257-258.
- #264. Анархия самодержавия. – *Освобождение*. – III. – № 66 (12 февраля). – С. 259-260.
- #265. Неизбежное. – *Освобождение*. – III. – № 66 (12 февраля). – С. 260.
- #266. Черная сотня и белый флаг. – *Освобождение*. – III. – № 67 (5 марта). – С. 273.
- #267. Демократическая партия и ее программа. – *Освобождение*. – III. – № 67 (5 марта). – С. 278-279.
- #268. Мукден. – *Освобождение*. – III. – № 67 (5 марта). – С. 280.
- #269. Вопросы тактики. – *Освобождение*. – III. – № 67 (5 марта). – С. 280-282. (Начало; окончание см. #270а.)
- #270. В чем исход? – *Освобождение*. – III. – № 68 (2 апреля). – С. 289-290.
- #270а. Вопросы тактики. – *Освобождение*. – III. – № 68 (2 апреля). – С. 294-295. (Окончание; начало см. #269.)
- #271. Что же будут на самом деле отстаивать г. г. дворяне? – *Освобождение*. – III. – № 68 (2 апреля). – С. 297-298.
- #272. К программе Союза освобождения. – *Освобождение*. – III. – № 69-70 (7 мая). – С. 307-308.
- #273. Всероссийский съезд адвокатов. – *Освобождение*. – III. – № 69-70 (7 мая). – С. 309-311.
- #274. Две аграрные программы: к вопросу о конституционно-демократической агитации в народе. – *Освобождение*. – III. – № 69-70 (7 мая). – С. 327.
- #275. Земство и демократия: по поводу апрельского Земского съезда. – *Освобождение*. – III. – № 69-70 (7 мая). – 330-331.
- #276. Из русской заграничной печати. – *Освобождение*. – III. – № 69-70 (7 мая). – С. 331-333.
- #277. Как найти себя? – *Освобождение*. – III. – № 71 (18 мая). – С. 337-343.
- #278. Казнь. – *Освобождение*. – III. – № 71 (18 мая). – С. 351.
- #279. Собственная Его Величества война. – *Освобождение*. – III. – № 71 (18 мая). – С. 351-352.
- #280. В последнюю минуту. – *Освобождение*. – III. – № 71 (18 мая). – С. 352.

-
- #281. La Révolution russe et la paix: Lettre ouverte au citoyen Jean Jaurès. – L'Humanité. – № 417 (8 июня). Перепечатано в русском переводе: *Освобождение*. – III. – № 72 (8 июня). – С. 353-355; Русская мысль. – № 3-4 (март-апрель 1917). – С. 95-101. (См. ##281а; 520.)
- #281а. Русская революция и мир: открытое письмо Жану Жоресу. – *Освобождение*. – III. – № 72 (8 июня). – С. 353-355. (См. также ##281; 520.)
- #282. По поводу ответа Жореса. – *Освобождение*. – III. – № 72 (8 июня). – С. 355-356.
- #283. С нацией или с правительством?: письмо к офицерам. – *Освобождение*. – III. – № 72 (8 июня). – С. 360-361.
- #284. Торжество здравого смысла. – *Освобождение*. – III. – № 72 (8 июня). – С. 362-363.
- #285. Памяти Михаила Петровича Драгоманова. – *Освобождение*. – III. – № 72 (8 июня). – С. 364.
- #286. Еще о Куропаткине. – *Освобождение*. – III. – № 72 (8 июня). – С. 366.
- #286а. О всеобщем избирательном праве в русских условиях. – *Право*. – № 25 (26 июня). – С. 2028-2034.
- #287. Нежная увертюра к грозному конфликту. – *Освобождение*. – III. – № 73 (6 июля). – С. 369-370.
- #288. «Князь Потемкин» и что же дальше? – *Освобождение*. – III. – № 73 (6 июля). – С. 371-372.
- #289. Прямой ответ на кривые речи г. Суворина. – *Освобождение*. – III. – № 73 (6 июля). – С. 373-374.
- #290. Рождается нация. – *Освобождение*. – III. – № 74 (13 июля). – С. 416.
- #291. Война и мир: заметки. – *Освобождение*. – III. – № 75 (6 августа). – С. 437-439.
- #292. Из рук царя – из рук Микадо и Англии. – *Освобождение*. – III. – № 76 (2 сентября). – С. 442-444.
- #293. Le Bourgeois est le premier ministre d'un bon prince. – *Освобождение*. – III. – № 77 (13 сентября). – С. 479-480.
- #294. Заметки о современных делах. – *Освобождение*. – III. – № 78-79 (5 октября). – С. 495-498.
- #295. К образованию конституционно-демократической партии. – *Освобождение*. – III. – № 78-79 (5 октября). – С. 503-504.
- #296. Князь С. Н. Трубецкой. – *Освобождение*. – III. – № 78-79 (5 октября). – С. 504.
- #297. Объявление о прекращении издания журнала *Освобождение*. Листок, разосланный подписчикам журнала. (М., 26 ноября.)

-
- #298. Предисловие к публикации: «*Материалы Земского съезда 6-го и сл. ноября 1904 г. Краткий отчет*». – Париж.
- #299. Предисловие к публикации: «*Земство и политическая свобода. Материалы Саратовского губернского земского собрания*». – Париж. – С. 5.
- #300. Предисловие к публикации: «Проект Основного государственного закона Российской империи». – В кн.: *Материалы по выработке Русской Конституции. Сборник*. – Ч. I. – Париж. – С. vii-xv.
- #301. Предисловие к «Проекту Основного закона Российской империи». – В кн.: *Материалы по выработке Русской Конституции. Сборник*. – Ч. III. – Париж. – С. iii-iv.
- #302. Скорее за дело. – *Русские ведомости*. – № 299 (13 ноября). – С. 3. Перепечатано в кн.: *П. Струве. Patriotica. Сборник статей*. – СПб., 1911. – С. 1-4. (См. #418.)
- #303. От редакции. – *Полярная звезда*. – № 1 (15 декабря). – С. 3-4.
- #304. Революция. – *Полярная звезда*. – № 1 (15 декабря). – С. 5-17.
- #305. В последнюю минуту. – *Полярная звезда*. – № 1 (15 декабря). – С. 86-89.
- #306. Очерки философии культуры: 1. Что такое культура? – *Полярная звезда*. – № 2 (22 декабря). – С. 104-117. (Начало; окончание см. #306а.) [Написано в соавторстве с С. Франком.]
- #306а. Очерки философии культуры: 2. Культура и личность. – *Полярная звезда*. – № 3 (30 декабря). – С. 170-184. (Окончание; начало см.: #306.)
- #307. Два забастовочных комитета. – *Полярная звезда*. – № 3 (30 декабря). – С. 223-228.
- #308. Предисловие к книге: *М. П. Драгоманов. Собрание политических сочинений*. – Т. I. – Париж. – С. v-vii.

1906

- #308а. Betrachtungen über die russische Revolution. – В кн.: Josef Melnik (ed.). *Russen über Russland*. – Frankfurt am Main. – S. 1-15.
- #309. Накануне нового (1906) года. – *Русские ведомости*. – № 1 (1 января). – С. 3. Перепечатано в кн.: *П. Струве. Patriotica. Сборник статей*. – С. 5-6. (См. #418.)
- #310. Заметки публициста: I. О московских событиях. II. Об одном избирательном лозунге. – *Полярная звезда*. – № 4 (5 января). – С. 278-287.
- #311. Легенда и трагедия: По поводу смерти генерала Трепова. – *Московский еженедельник*. – № 28 (16 января). Перепечатано в кн.: *П. Струве. Patriotica. Сборник статей*. – С. 49-51. (См. #418.)

-
- #312. Две России. – *Полярная звезда*. – № 6 (19 января). – С. 379-382.
- #313. Заметки публициста: I. Русская идейная интеллигенция на распутье. II. О нравственной гильотине вчерашнего дня и о физических палачах дня сегодняшнего. – *Полярная звезда*. – № 7 (27 января). – С. 443-449.
- #314. О «роковом» недостатке русской интеллигенции: По поводу выхода кн. Е. Н. Трубецкого из конституционно-демократической партии. – *Полярная звезда*. – № 8 (3 февраля) – С. 585-590.
- #315. Заметки публициста: Съезд Союза 17 октября и созыв Государственной Думы. – *Полярная звезда*. – № 10 (18 февраля) – С. 733-737.
- #316. Индивидуализм и социализм: Размышления и отрывки. – *Полярная звезда*. – № 11 (26 февраля) – С. 755-765.
- #317. Заметки публициста: I. Soup d'état 20 февраля. II. О бойкоте. III. Смертная казнь. – *Полярная звезда*. – № 12 (5 марта). – С. 76-83.
- #317а. К рабочим. – Вестник Партии народной свободы. – № 2 (5 марта). – С. 65-71. Публикация без подписи; авторство Струве установлено на основании журн.: *Красный архив*. – № 46 (1931). – С. 56.
- #318. Несколько слов по поводу статьи С. Н. Булгакова. – *Полярная звезда*. – № 13 (12 марта). – С. 128-130.
- #319. Это их рок. – *Полярная звезда*. – № 13 (12 марта). – С. 154-155.
- #320. Заметки публициста: I. Выборы и что же дальше? II. Шутовской круговорот. – *Полярная звезда*. – № 14 (19 марта). – С. 218-222.
- #321. Заметки: Наше «бездарное» время. – *Полярная звезда*. – № 14 (19 марта). – С. 223-228.
- #322. Рабочие и конституционно-демократическая партия. – *Вестник Партии народной свободы*. – № 4 (19 марта). – С. 202-203.
- #323. Покушение с негодными средствами. – *Вестник Партии народной свободы*. – № 5 (28 марта). – С. 276-279.
- #324. Заметки публициста: I. Им. II. Народная партии свободы. – *Свобода и культура*. – № 1 (1 апреля). – С. 58-61.
- #325. С III-го партийного съезда. – *Вестник Партии народной свободы*. – № 8 (27 апреля). – С. 553-556.
- #326. Снова полоса безумия? – *Свобода и культура*. – № 7 (18 марта). – С. 455-458.
- #327. Безумие и глупость. – *Свобода и культура*. – № 7 (18 марта). – С. 514-517.
- #328. Заметки публициста: I. Черносотенный социализм. II. Сказка про белого бычка. – *Свобода и культура*. – № 8 (31 мая). – С. 601-608.
- #329. Памяти М. Я. Герценштейна. – *Русские ведомости*. – № 184 (20

- июля). – С. 2. Перепечатано в кн.: *П. Струве. Patriotica*. Сборник статей. – С. 18-19. (См. #418.)
- #330. Идеиные основы Партии народной свободы. – *Вестник Партии народной свободы*. – № 36 (10 ноября). – С. 1863-1878. Опубликовано отдельным изданием под заголовком: *Идеи и политика в современной России*. (См. #331а.)
- #331. О деятельности рабочей комиссии при Центральном комитете. – *Вестник Партии народной свободы*. – № 41-42 (21 декабря). – С. 2250-2252.
- #331а. Идеи и политика в современной России. – М. (См. #330.)
- 1907**
- #332. О чем ведется тяжба? – *Вестник Партии народной свободы*. – № 2 (11 января). – С. 73-78.
- #333. Из размышлений о русской революции. – *Русская мысль*. – № I (январь). – Ч. 2. – С. 127-134.
- #334. Речь на заседании Государственной Думы 12 марта в прениях по проекту закона об отмене военно-полевых судов. – В кн.: *Государственная Дума. Второй созыв. Сессия вторая. Стенографические отчеты*. – Т. I. – СПб. – С. 414-417.
- #334а. Речи на заседаниях Государственной Думы 20 и 23 марта в прениях по бюджету. – В кн.: *Государственная Дума. Второй созыв. Сессия вторая. Стенографические отчеты*. – Т. I. – СПб. – С. 851-864; 1035-1039.
- #335. Речь на заседании Государственной Думы 6 апреля в прениях о мерах, необходимых для прекращения Бакинской стачки. – В кн.: *Государственная Дума. Второй созыв. Сессия вторая. Стенографические отчеты*. – Т. I. – СПб. – С. 1698-1703.
- #336. Консерватизм интеллигентской мысли: Из размышлений о русской революции. – *Русская мысль*. – № VII (июль). – Ч. 2. – С. 172-178.
- #337. Две потери: I. В. Ю. Скалон. II. Граф П. А. Гайден. – *Русская мысль*. – № VII (июль). – Ч. 2. – С. 179-181.
- #338. Рецензия на книгу: *Юрий Битовт*. Книга о книгах. Толковый указатель книг для самообразования по всем отраслям знания. (М.). – *Русская мысль*. – № VII (июль). – «Библиографический отдел». – С. 142-144.
- #339. Тактика или идеи? Из размышлений о русской революции. – *Русская мысль*. – № VIII (август). – Ч. 2. – С. 228-235.
- #340. Рецензия на книгу: Р-д. Мало прожито – много пережито. Впечатления молодого офицера о войне и плене. – Ч. 1. (СПб., 1907). – *Русская мысль*. – № VIII (август). – «Библиографический отдел». – С. 161-162.

- #341. Рецензия на книгу: А. Амфитеатров, Е. Аничков. *Победоносцев*. (СПб., 1907). – *Русская мысль*. – № VIII (август). – «Библиографический отдел». – С. 164-166.
- #342. Рецензия на книги: Критическое обозрение. Серия периодических сборников. – Вып. I, II. (М., 1907); Новая книга. Критико-библиографический еженедельник. №№ 1-2. (СПб., 1907). – *Русская мысль*. – № IX (сентябрь). – «Библиографический отдел». – С. 187-190.
- #343. *Facies hipocratica*: К характеристике кризиса в современном социализме. – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – Ч. 2. – С. 220-232.
- #344. Рецензия на книгу: *Пьетро Орси*. Современная Италия. (СПб., 1907). – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – «Библиографический отдел». – С. 197-198.
- #345. Рецензия на книги: В. В. *Святловский*. Указатель литературы по профессиональному рабочему движению. (СПб., 1907); М. Г. Лунц (ред.). Библиографический сборник. Обзор литературы по рабочему вопросу. Вып. I. – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – «Библиографический отдел». – С. 205.
- #346. Рецензия на книгу: А. Н. *Потресов* (Старовер). Этюды о русской интеллигенции. Сборник статей. (СПб.). – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – С. 206-207.
- #347. Гипноз страха и политический шантаж. – *Слово*. – № 338 (декабрь). – С. 1. Перепечатано в кн.: П. *Струве*. *Patriotica*. Сборник статей. – С. 164-172. (См. #418.)
- #347а. К характеристике нашего бюджетного права. – В кн.: П. Долгоруков, И. Петрункевич (ред.). Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. Сборник статей. – СПб., 1907. – С. 307-318.

1908

- #348. Культура и дисциплина: Вроде новогоднего размышления. – *Московский еженедельник*. – № 1 (3 января). – С. 9-12.
- #349. Клевета на предков и на конституцию. – *Слово*. – № 334 (3 января). – С. 1. Перепечатано в кн.: П. *Струве*. *Patriotica*. Сборник статей. – С. 173-178. (См. #418.)
- #350. «Профессор» Шварц и «куратор» Мелиссино. – *Речь*. – № 4 (5 января). – С. 2. Перепечатано в кн.: П. *Струве*. *Patriotica*. Сборник статей. – С. 179-182. (См. #418.)
- #351. Герцен: Речь, произнесенная в кружке имени А. И. Герцена 9 января 1908 г. – *Речь*. – № 8 (10 января). – С. 2. Перепечатано в кн.: П. *Струве*. *Patriotica*. Сборник статей. – С. 526-530. (См. #418.)

-
- #352. Великая Россия: Из размышлений о проблеме русского могущества. Посвящается Николаю Николаевичу Львову. – *Русская мысль*. – № I (январь). – Ч. 2. – С. 143-157. Опубликовано в переводе на английский язык: A Greater Russia. – *The Russian Review*. – II. – № 4. – P. 11-30. (См. #438a.)
- #353. Тревога и безголове. – *Слово*. – № 374 (7 февраля). – С. 1. Перепечатано в кн.: *П. Струве. Patriotica. Сборник статей*. – С. 194-196. (См. #418.)
- #354. Русский шантажист и немецкий патриот. – *Слово*. – № 391 (27 февраля). – С. 1. Перепечатано в кн.: *П. Струве. Patriotica. Сборник статей*. – С. 183-188. (См. #418.)
- #355. На разные темы. – *Русская мысль*. – № II (февраль). – Ч. 2. – С. 174-184.
- #356. Ответ Д. С. Мережковскому. – *Речь*. – № 47 (24 февраля). – С. 2-3. Перепечатано в кн.: *П. Струве. Patriotica. Сборник статей*. – С. 109-127. (См. #418.)
- #357^a. Унижение России. – *Московский еженедельник*. – №12 (21 марта 1909). – С. 5-8; *Слово*. – № 744 (22 марта 1909). – С. 1. Перепечатано в кн.: *П. Струве. Patriotica. Сборник статей*. – С. 197-199. (См. #418.)
- #358. На разные темы: Синдикализм и махаевщина (по поводу статьи Н. М. Минского). – К спору о «Великой России». – *Русская мысль*. – № III (март). – Ч. 2. – С. 207-213.
- #358a. Кто из нас «максималист»? – *Речь*. – № 66 (18 марта). – С. 2. Перепечатано как вторая часть статьи «Спор с Д. С. Мережковским» в кн.: *П. Струве. Patriotica. Сборник статей*. – С. 119-127. (См. #418.)
- #359. Размышления на политические темы. – Цикл статей, печатавшихся под различными названиями в газетах *Речь* и *Слово* в 1908-1909 гг. Перепечатано в кн.: *П. Струве. Patriotica. Сборник статей*. – С. 200-247. (См. #418.)
- #360. Отрывки о государстве и нации. – *Русская мысль*. – № V (май). – С. 187-193. Перепечатано в кн.: *П. Струве. Patriotica. Сборник статей*. – С. 97-108. (См. #418.)
- #361. За Султана и Кесаря. – *Слово*. – № 488 (20 июня). – С. 1-2. Перепечатано в кн.: *П. Струве. Patriotica. Сборник статей*. – С. 189-193. (См. #418.)
- #362. Памяти А. А. Бакунина и П. А. Корсакова. – *Русская мысль*. – № VI (июнь). – Ч. 2. – С. 202-206.
- #363. Восьмидесятилетие Л. Н. Толстого. – *Русская мысль*. – № VIII (август). – С. 1-2.

^a Указанная статья, опубликованная в 1909 году, помещена здесь ошибочно. Она должна находиться между #376а и #377 настоящей библиографии.

- #364. Лев Толстой. – *Русская мысль*. – № VIII (август). – Ч. 2. – С. 218-230.
- #364а. Об экономическом видении и предвидении. – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – Ч. 2. – С. 149-159. (См. #390.)
- #365. Некрологи: А. А. Потехин и А. П. Ленский. – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). – Ч. 2. – С. 190.
- #366. Рецензия на книгу: В. Шулятиков. Оправдание капитализма в западно-европейской философии (М., 1908). – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). «Библиографический отдел». – С. 241-242.
- #367. На разные темы: Три нападения. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Ч. 2. – С. 164-170.
- #367а. Ранний краткий вариант главы «О некоторых основных философских мотивах в развитии экономического мышления» из книги: Хозяйство и цена. – Том I. – *Известия С.-Петербургского политехнического института*. – X. – С. 1-20. (См. #447.)
- #367б. Ранний краткий вариант главы «Проблема производства» из книги: Хозяйство и цена. – Том II. – Ч. 1. – Гл. 1. – *Известия С.-Петербургского политехнического института*. – X. – С. 183-197. (См. также #405а.) (Начало; окончание см. #455.)

1909

- #368. Поверх текущего момента. – *Московский еженедельник*. – № 2 (10 января). – С. 1-8.
- #369. Экономический обзор: I. Введение. – Вступили ли мы в новую экономическую эпоху? – *Московский еженедельник*. – № 4 (24 января). – С. 33-42. Перепечатано с изменениями в журн.: *Труды Императорского Вольного Экономического Общества*. – № 1-2 (январь-апрель). – С. 22-26. (См. #372а.)
- #370. Официальное (?) разъяснение о деле Азефа. – *Слово*. – № 692 (28 января). – С. 1-2. Перепечатано в кн.: П. Струве. *Patriotica*. Сборник статей. – С. 255-258. (См. #418.)
- #371. Неестественный режим. – *Московский еженедельник*. – № 5 (31 января). – С. 1-6.
- #372. На разные темы. – *Русская мысль*. – № I (январь). – Ч. 2. – С. 194-210.
- #372а. Вступили ли мы в новую экономическую эпоху? – *Труды Императорского Вольного Экономического Общества*. – № 1-2 (январь-апрель). – С. 22-26. (См. #369.)
- #373^b. Рецензия на книгу: И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения (М., 1910). – *Труды Императорского*

^b Указанная статья, опубликованная в 1911 году, помещена здесь ошибочно. Она должна находиться между #412 и #413 настоящей библиографии.

-
- Вольного Экономического Общества*. – № 2-3 (март-июнь, 1911). – С. 35-37. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. Крепостное хозяйство. Сборник статей. – С. 335-340. (См. #442.)
- #374. Физиология одного превращения: «Незнакомец» и «Новое время». – *Речь*. – № 56 (27 февраля). – С. 2. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. *Patriotica*. Сборник статей. – С. 248-254. (См. #418.)
- #375. Современное международное положение под историческим углом зрения. – *Русская мысль*. – № II (февраль). – Ч. 2. – С. 192-199.
- #376. Интеллигенция и революция. – В кн.: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М. – С. 127-145.
- #376а. Интеллигенция и национальное лицо. – *Слово*. – № 732 (10 марта). – С. 2. Перепечатано в кн.: По вехам. Сборник статей. – М., 1909. – С. 32-36. (См. #387.)
- Унижение России. – *Московский еженедельник*. – № 12 (21 марта). – С. 5-8; *Слово*. – № 744 (22 марта). – С. 1. (См. #357.)
- #377. Слабонервность или игра на слабых нервах? – *Слово*. – № 749 (29 марта). – С. 2. Перепечатано в кн.: *П. Струве*. *Patriotica*. Сборник статей. – С. 380-383. (См. # 418.)
- #378. На разные темы: «Вехи» и «Письма» А. И. Эртеля. – По поводу статьи кн. Д. И. Шаховского. – *Русская мысль*. – № V (май). – Ч. 2. – С. 113-126.
- #379. «Городское дело» и основной вопрос жизни больших городов России. – *Русская мысль*. – № VII (июль). – Ч. 2. – С. 209-213.
- #380. Религия и социализм. – *Русская мысль*. – № VIII (август). – Ч. 2. – С. 148-156.
- #381. Памяти Людвиг Гумпловича. – *Русская мысль*. – № IX (сентябрь). – Ч. 2. – С. 159-163.
- #382. Роковые вопросы: По поводу статьи Л. Н. Толстого «Неизбежный переворот». – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – Ч. 2. – С. 216-220.
- #383. Рецензия на книгу: П. П. Гензель. Библиография финансовой науки (Ярославль, 1908). – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – «Библиографический отдел». – С. 244-248.
- #384. Общее политическое положение: А. И. Гучков и П. А. Столыпин. – Что такое государственный человек? – Вопрос о русской конституции. – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). – Ч. 2. – С. 148-156.
- #385. Экономические программы и неестественный режим. – *Московский еженедельник*. – № 50 (19 декабря). – С. 1-8.
- #386. На разные темы: «Запросы жизни». – «Исторические записки» М. О. Гершензона. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Ч. 2. – С. 181-191.

-
- #387. Интеллигенция и национальное лицо. – В кн.: По вехам. – С. 32-36. (См. #376а.)
- #388. Полемиические зигзаги и несвоевременная правда. – В кн.: По вехам. – С. 42-46.
- #389. Проблема роста производительных сил в теории социального развития. – В кн.: Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. – С. 458-477.
- #390. Экономия промышленности. Курс лекций, прочитанный в 1907-1908 учебном году в Санкт-Петербургском политехническом институте. Вступительная лекция опубликована в журн.: *Русская мысль*. – № X (октябрь 1908). – Ч. 2. – С. 149-159. (См. #364а.)

1910

- #391. Экономическая система М. И. Туган-Барановского: I. Необходимая отповедь. II. Социальная теория распределения. – *Русская мысль*. – № I (январь). – Ч. 2. – С. 115-128.
- #392. Политика внутренняя и политика внешняя. – *Русская мысль*. – № II (февраль). – Ч. 2. – С. 138-147.
- #393. На разные темы: Рационализм и догматизм (несколько слов по поводу ответа М. О. Гершензона). – *Русская мысль*. – № II (февраль). – Ч. 2. – С. 181-186.
- #394. Отрывки. – *Московский еженедельник*. – № 11 (13 марта). – С. 5-8.
- #395. Послесловие к статье: В. Гефдинг. Летопись экономической жизни России и других стран. – *Московский еженедельник*. – № 13 (27 марта). – С. 28-30.
- #396. Общее политическое положение. – *Русская мысль*. – № IV (апрель). – Ч. 2. – С. 164-173.
- #397. Выступление П. Б. Струве в обсуждении доклада С. Л. Франка «Прагматизм как философское учение» в частном философском кружке в Москве. – В публикации: «Спор о прагматизме». – *Русская мысль*. – № V (май). – Ч. 2. – С. 142-145.
- #398. Демонстранты в роли законодателей. – *Московский еженедельник*. – № 22 (5 июня). – С. 1-4.
- #399. Парламентский суд над декабристами. – Официальный национализм и его противоречия. – *Русская мысль*. – № VI (июнь). – Ч. 2. – С. 168-178.
- #400. Некоторые черты нашего времени. – *Русская мысль*. – № IX (сентябрь). – Ч. 2. – С. 172-176.
- #400а. Основной дуализм общественно-экономического процесса и идея естественного закона. – *Вопросы философии и психологии*. –

-
- XXI. – № 4/104 (сентябрь-октябрь). – С. 528-570. Опубликовано в расширенном варианте в кн.: Хозяйство и цена. – Т. I. – Ч. 1. – Гл. 2. (См. #449.)
- #401. На разные темы. Большой писатель с органическим пороком: несколько слов о В. В. Розанове. – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). – Ч. 2. – С. 138-146.
- #402. С. А. Муромцев: некролог. – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). – Ч. 2. – С. 190-191.
- #403. Жизнь и смерть Льва Толстого: I. Смысл жизни Толстого. II. Смысл смерти Толстого. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Ч. 2. – С. 128-132.
- #404. Потсдамское свидание. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Раздел «В России и за границей». – С. 170-172.
- #405. Д. А. Дриль: некролог. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Раздел «В России и за границей». – С. 203-204.
- #405a. Ранний краткий вариант главы «Проблема производства» из книги: Хозяйство и цена. – Т. II. – Ч. 1. – Гл. 1. – *Известия Санкт-Петербургского политехнического института*. – XIII. – С. 1-28. (Окончание; начало см. #376а; см. также #455.)
- #405b. Ранний краткий вариант главы «Проблема вменения» из книги: Хозяйство и цена. – Т. II. – Ч. 1. – Гл. 2. – *Известия Санкт-Петербургского политехнического института*. – XIII. – С. 28-35. (См. #456.)
- #406. Понятие и проблема социальной политики. – *Известия Санкт-Петербургского политехнического института*. – XIV. – С. 147-173.
- #407. *Крупная промышленность в историческом освещении*. Курс лекций по экономии промышленности, прочитанный в Санкт-Петербургском политехническом институте в 1909-1910 учебном году.

1911

- #408. Ueber einige grundlegende Motive im National-Oekonomischen Denken. – *Logos*. – I. – № 3 (1910-1911). – S. 342-360. Опубликовано в переводе на русский язык в русском издании журнала: Логос. – I. (1911).
- #409. На разные темы: Толстой и «мы». – Толстой и «социальная революция». – Жестокая поговорка и извращенная психология. – Что же такое Россия? (По поводу статьи В. Е. Жаботинского). – *Русская мысль*. – № I (январь). – Ч. 2. – С. 175-178.
- #410. Памяти В. А. Караулова. – *Русская мысль*. – № II (февраль). – Ч. 2. – С. 181-183.

-
- #411. Памяти В. С. Голубева. – *Русская мысль*. – № II (февраль). – Ч. 2. – С. 188-189.
- #412. Еще один «кризис» на политической сцене. – *Русская мысль*. – № IV (апрель). – Ч. 2. – С. 163-165.
– Рецензия на книгу: *И. И. Игнатович*. Помещичьи крестьяне накануне освобождения (М., 1910). (См. #373.)
- #413. С. Ф. Шарапов: некролог. – *Русская мысль*. – № VIII (август). Раздел «В России и за границей». – С. 6-9.
- #414. Преступление и жертва. – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – Ч. 2. – С. 135-144.
- #415. Памяти В. А. Гольцева. – *Русская мысль*. – № IX (ноябрь). – Ч. 2. – С. 130-132.
- #416. Экономическая проблема «Великой России»: Заметки экономиста о войне и народном хозяйстве. – В кн.: Великая Россия. Сборник статей. – Кн. II. – М. – С. 143-154.
- #417. Предисловие к русскому переводу книги: *Л. Бернгард*. Борьба поляков за существование в Пруссии. – М. – С. xi-xiv.
- #418. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905-1910) – СПб. – Предисловие, с. i-iii. (См. ##302, 309, 311, 329, 347, 349, 350, 351, 353, 354, 356, 357, 359, 360, 361, 370, 374, 377.)
- #419. Предисловие к книге: *В. К. Дмитриев*. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. – М. – С. v.
- #419а. Первоначальный краткий вариант главы «Некоторые основные положения о цене и ценности» из книги: *Хозяйство и цена*. – Т. I. – Ч. 2. – Гл. 1. *Известия Санкт-Петербургского политехнического института*. – XIV. – С. 1-16. (См. #450.)

1912

- #420. Общерусская культура и украинский партикуляризм: Ответ Украинцу. – *Русская мысль*. – № I (январь). – Ч. 2. – С. 65-86.
- #421. В. М. Лавров: некролог. – *Русская мысль*. – № II (февраль). – Ч. 2. – С. xix-xxiv.
- #422. Муж и воин: Памяти Д. А. Милютина. – *Русская мысль*. – № III (март). – Раздел «В России и за границей». – С. 8-9.
- #423. Герцен: Речь, произнесенная в С.-Петербурге в публичном заседании кружка имени А. И. Герцена 27 марта 1912 г. – *Русская мысль*. – № IV (апрель). – Ч. 2. – С. 131-139.
- #424. Памяти А. П. Filosoфовой. – *Русская мысль*. – № IV (апрель). – Ч. 2. – С. 140.
- #425. Памяти И. И. Иванюкова. – *Русская мысль*. – № IV (апрель). – Раздел «В России и за границей». – С. 13-14.

-
- #426. Стачка английских углекопов и билль о минимальной заработной плате. – *Русская мысль*. – № IV (апрель). – Раздел «В России и за границей». – С. 14-17.
- #427. The Anglo-Russian Trade Treaty of 1734. – *The Russian Review*. – I. – № 2. – P. 20-26.
- #428. Памяти Николая Федоровича Анненского. – *Русская мысль*. – № VIII (август). – Ч. 2. – С. 155-157.
- #429. А. И. Гучков и Д. Н. Шипов. – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). – Ч. 2. – С. 182-184.
- #430. Балканский кризис и исторические задачи России. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Ч. 2. – С. 156-160. Опубликовано в сокращенном варианте в переводе на английский язык в журн.: *The Russian Review*. – II. – № 2. – P. 11-13. (См. #431b.)
- #430a. Ранний краткий вариант главы «Основной дуализм общественно-экономического процесса и идея естественного закона» из книги: Хозяйство и цена. – Т. I. – Ч. 1. – Гл. 2. – В кн.: Философский сборник Льву Михайловичу Лопатину. – М., 1912. – С. 224-229. (См. #449.)

1913

- #431. Несколько слов по украинскому вопросу. – *Русская мысль*. – № I (январь). – Раздел «В России и за границей». – С. 10-11.
- #431a. Этюды по исторической феноменологии цены. – *Журнал Министерства народного просвещения*. – № 44 (март). – С. 296-322. Полностью опубликовано в книге: Хозяйство и цена. – Т. 1. – Ч. 2. – Гл. 2. (См. #451.)
- #431b. The Balkan war and Russia's task. – *The Russian Review*. – II. – № 2. – P. 11-13. (См. #430.)
- #432. Отпрыск буржуазной культуры: памяти Августа Бебеля. – *Русская мысль*. – № VIII (август). – Ч. 2. – С. 160-164.
- #433. Письма любви. [Рецензия на книгу: Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века. Сборник. (М., 1913).] – *Русская мысль*. – № IX (сентябрь). – Раздел «В России и за границей». – С. 19-21.
- #434. Не юбилей: к пятидесятилетию «Русских Ведомостей». – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – Ч. 2. – С. 155-156.
- #435. В. К. Дмитриев: некролог. – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – Ч. 2. – С. 165-166.
- #436. Рецензия на книгу: *П. С. Шереметев*. О русских художественных промыслах (М., 1913). – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – Раздел «Критическое обозрение». – С. 371-372.
- #436a. Политическая экономия и бухгалтерия. – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). – Ч. 2. – С. 99-115. Опубликовано в расширен-

ном варианте в кн.: Хозяйство и цена. – Т. II. – Ч. 1. – Гл. III-IV. (См. #457.)

- #437. Политические оценки и перспективы. – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). – Раздел «В России и за границей». – С. 1-5.
- #438. Прошлое «Русских ведомостей». [Рецензия на книгу: «Русские ведомости». 1863-1913. Сборник статей (М., 1913).] – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). – Раздел «В России и за границей». – С. 5-8.
- #438а. A Greater Russia. – *The Russian Review*. – II. – № 4. – P. 11-30. (См. #352.)
- #439. Литературное наследие В. С. Голубева. [Рецензия на книгу: В. С. Голубев. По земским вопросам. – Т. I. (СПб., 1913).] – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Раздел «В России и за границей». – С. 5-6.
- #440. Рецензия на книгу: К. Вейле. Культура «бескультурных» народов. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Раздел «Критическое обозрение». – С. 461-462.
- #441. Теория политической экономии и история хозяйственного быта: Речь на диспуте 10-го ноября 1913 г. – *Известия Санкт-Петербургского политехнического института*. – XX. – С. i-x.
- #442. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. Сборник статей. – СПб.-М. – Предисловие, с. vii-ix. (См. ##77, 87, 91, 105, 108, 109, 373, 443.)
- #443. Маклер слуг и рабочих людей. – В кн.: П. Струве. Крепостное хозяйство. Сборник статей. – С. 309-316. (См. #33.)
- #444. Торговая политика России: Курс лекций, прочитанных на экономическом отделении С.-Петербургского политехнического института. – Изд. 2-е. – СПб.
- #445^c. Историческое введение в политическую экономию: Курс лекций, прочитанных на экономическом отделении С.-Петербургского политехнического института в 1912-1913 учебном году. – Изд. 2-е. – Пг., 1916.
- #446. Хозяйство и цена. Критическое исследование по теории и истории хозяйственной жизни. – Т. I. – СПб. - М. – Предисловие, с. iii-iv. (См. ##447, 448, 449, 450, 451, 452, 453.)
- #447. О некоторых основных философских мотивах в развитии экономического мышления. – В кн.: Хозяйство и цена. – Т. I. – Введение. – С. i-xxxv. Первоначальный вариант опубликован в журн.: *Известия Санкт-Петербургского политехнического института*. – X (1908). – С. 1-20. (См. #367а.)

^c Указанная книга опубликована в 1916 году и помещена здесь ошибочно. Она должна находиться между ##512 и 513 настоящей библиографии.

- #448. Хозяйство. – Хозяйственный и социальный строй. – В кн.: Хозяйство и цена. – Т. I. – Ч. 1. – Гл. I. – С. 3-41. Первоначальный вариант опубликован под названием «К критике некоторых основных проблем и положений политической экономии» в журн.: *Жизнь*. – IV (1900). – № 3. – С. 361-392; № 6. – С. 249-272. (См. # 90.)
- #449. L'Idée de loi naturelle dans la science économique. – *Revue d'économie politique*. – XXXV. – № 3. – 1921. – P. 292-317; № 4. – 1921. – P. 463-482. Первоначально опубликовано на русском языке под названием «Основной дуализм общественно-экономического процесса и идея естественного закона». – В кн.: Хозяйство и цена. – Т. I. – Ч. 1. – Гл. 2. – С. 42-86. Ранние краткие варианты опубликованы в журн.: *Вопросы философии и психологии*. – XXI. – № 4/104 (сентябрь-октябрь 1910). – С. 528-570; в кн.: *Философский сборник Льву Михайловичу Лопатину*. (См. ##400а и 430а.) Позднее опубликовано в переводе на немецкий язык в журн.: *Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie*. – IX. – № 1 (1930). – S. 17-28. (См. #615а.)
- #450^d. Prix-valeur. Énoncés fondamentaux. – *Revue d'économie politique*. – XXXVI. – № 2. – 1922. – P. 181-196. Первоначально опубликовано на русском языке под названием «Некоторые основные положения о цене и ценности» в кн.: Хозяйство и цена. – Т. I. – Ч. 2. – Гл. 1. – С. 87-100. Ранний краткий вариант опубликован в журн.: *Известия Санкт-Петербургского политехнического института*. – XVI (1911). – С. 1-16. (См. #419а.)
- #451. Цена указная и цена вольная. Этюды и материалы по исторической феноменологии цены. – В кн.: Хозяйство и цена. – Т. I. – Ч. 2. – Гл. 2. – С. 101-314. Частично опубликовано в журн.: *Журнал Министерства народного просвещения*. – № 44 (март 1913). – С. 296-322. (См. #431а.)
- #452. Указная цена и деньги. – В кн.: Хозяйство и цена. – Т. I. – Ч. 2. – Гл. III. – С. 315-321.
- #453. Новейшая эволюция форм цены. – В кн.: Хозяйство и цена. – Т. I. – Ч. 2. – Гл. IV. – С. 322-358.
- #454^e. Хозяйство и цена. Критическое исследование по теории и истории хозяйственной жизни. – Т. II. – М., 1916. – Предисловие, с. i-ii. (См. ##455, 456, 457, 458, 459, 460.)

^d Указанная статья опубликована в 1922 году, но помещена здесь как наиболее полный вариант.

^e Указанная книга опубликована в 1916 году и помещена здесь, чтобы не нарушать целостности всего труда. №№ 454-458 настоящей библиографии должны помещаться в разделе за 1916 год.

-
- #455. Проблема производства. – В кн.: Хозяйство и цена. – Т. II. – Ч. 1. – Гл. I. – С. 1-42. Первоначально опубликовано в журн.: *Известия С.-Петербургского политехнического института*. – X (1908). – С. 183-197; XIII (1910). – С. 1-28. (См. #367b, 405a.)
- #456. Проблема вменения. – В кн.: Хозяйство и цена. – Т. II. – Ч. 1. – Гл. II. – С. 43-55. Первоначально опубликовано в журн.: *Известия С.-Петербургского политехнического института*. – XIII (1910). – С. 28-35. (См. # 405b.)
- #457. «Проблема т. н. распределения» и «Идеография хозяйственной жизни как методическое требование и научная программа. – В кн.: Хозяйство и цена. – Т. II. – Ч. 1. – Гл. III, IV. – С. 56-88. Первоначально опубликовано в журн.: *Русская мысль*. – № XI (ноябрь 1913). – Ч. 2. – С. 99-115. (См. #436a.)
- #458. Цена и доходы. – В кн.: Хозяйство и цена. – Т. II. – Ч. 1. – Гл. V. – С. 89-104. Первоначально опубликовано в журн.: *Русская мысль*. – № I (январь 1916). – С. 89-102. (См. #497a.)
- #459^f. Проблема капитала в системе политической экономики, построенной на понятии цены. – Написано как часть будущей (неопубликованной) второй части второго тома книги «Хозяйство и цена» и опубликовано в журн.: *Известия Российской Академии наук*. – № 16 (15 ноября 1917). – С. 1401-1414.
- #460^g. Zum problem des sog. Wirtschaftlichen Gleichgewichtes. Historisches, Kritisches und Systematisches. – *Zeitschrift für Nationalökonomie*. – VII. – № 4 (1936). – S. 483-532. Написано как часть будущей (неопубликованной) части 2 второго тома книги «Хозяйство и цена» и опубликовано в журн.: *Экономический вестник*. – № 1 (1923). – С. 5-26. (См. #575a.)

1914

- #461. Оздоровление власти: Посвящается С. Л. Франку. – *Русская мысль*. – № I (январь). – Ч. 2. – С. 148-158.
- #462. Листки: I. Памяти А. X. Христофорова. II. Памяти А. И. Скворцова. – *Русская мысль*. – № II (февраль). – Ч. 2. – С. 161-166.
- #463. Рецензия на книги: Роман Тристана и Изольды в изложении Ж. Бедье. Пер. с французского. (М., 1913); Tristan und Izolde. Ein

^f Указанная статья опубликована в 1917 году, но помещена здесь, чтобы не нарушать целостности всего труда. Она должна быть помещена между №№ 531 и 532 настоящей библиографии.

^g Указанная статья опубликована в 1936 году. Она должна быть помещена между №№ 636 и 637 настоящей библиографии.

- Liebesroman; Parzival. Ein Abenteuerer-roman. Erzählt von Will Vesper (München). – *Русская мысль*. – № II (февраль). – Раздел «Критическое обозрение». – С. 45-47.
- #464. Почему застоялась наша духовная жизнь? – *Русская мысль*. – № III (март). – Ч. 2. – С. 104-118.
- #465. Рецензия на книгу: Сборник статей в честь Дмитрия Александровича Корсакова (Казань, 1913). – *Русская мысль*. – № III (март). – Раздел «Критическое обозрение». – С. 103-104.
- #466. Рецензия на книгу: А. М. Гвицман. Социология Уорда и ее отношения к социологическим построениям Маркса. – *Русская мысль*. – № III (март). – Раздел «Критическое обозрение». – С. 106-107.
- #467. Рецензия на книгу: J. Geffken, E. Ziebarth. Friedrich Luebkers Reallexikon des klassischen Altertums (Leipzig – Berlin, 1914). – *Русская мысль*. – № IV (апрель). – Раздел «Критическое обозрение». – С. 138-139.
- #468. Рецензия на книгу: В. С. Голубев. По земским вопросам, 1901-1911 гг. – Т. II (СПб, 1914). – *Русская мысль*. – № IV (апрель). – Раздел «Критическое обозрение». – С. 144-145.
- #469. Религия и общественность: Ответ З. Н. Гиппиус. – *Русская мысль*. – № V (май). – Ч. 2. – С. 136-140.
- #470. М. Е. Салтыков. – *Русская мысль*. – № V (май). – Ч. 2. – С. 141-144.
- #471. На грани. – *Русская мысль*. – № VII (июль). – С. i-ii.
- #472. Джозеф Чемберлен: некролог. – *Русская мысль*. – № VII (июль). – Раздел «В России и за границей». – С. 15-16.
- #473. Суд истории (I, II, III, IV). – *Русская мысль*. – № VIII-IX (август-сентябрь). – Ч. 2. – С. 168-179. (Начало; продолжение см. указ. издание, № X (октябрь 1914). – Ч. 2. – С. 165-174; № XI (ноябрь 1914). – Ч. 2. – С. 158-168; № VII (июль 1916). – Ч. 2. – С. 109-116). (См. ##473а, 477а, 503а.)
- #473а. Суд истории (V, VI, VII, VIII). – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – Ч. 2. – С. 165-174. (Продолжение; начало см. #437.)
- #474. Предвестники возрождения. – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – Ч. 2. – С. 195-196.
- #475. Жан Жорес – великий оратор-пацифист. – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – Ч. 2. – С. 197-202.
- #476. Памяти Ф. Ф. Ольденбурга. – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – Ч. 2. – С. 203-205.
- #476а. Чему война учит и к чему она обязывает. – *Отечество*. – № 4 (ноябрь). – С. 65-66.
- #477. Послесловие к статье: Виктор Торопов. «Балканские настроения». – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). – Ч. 2. – С. 125-126.

-
- #477а. Суд истории (IX, X). – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). – Ч. 2. – С. 158-168. (Продолжение; начало см. ##473, 473а.)
- #478. А. М. Рыкачев: некролог. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – С. xiii-xvi.
- #479. Великая Россия и Святая Русь: Посвящается памяти А. М. Рыкачева. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Ч. 2. – С. 176-180.
- #480. В. И. Ламанский. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Ч. 2. – С. 184.
- #481. А. А. Тихонов-Луговой. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Ч. 2. – С. 185.
- #482. Ответ на «Необходимое пояснение»: Полемика с Е. В. Тарле по поводу его статьи «К истории русско-германских отношений в новейшее время». – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Ч. 2. – С. 190.
- #483. Предисловие к книге: П. А. Остроухов. Англо-русский торговый договор 1734 г. – СПб., 1914. – С. iii-vii.

1915

- #484. Рецензия на книги: М. Грушевский. Развитие украинских изучений в XIX в. и раскрытие в них основных вопросов украиноведения. История украинского народа (СПб., 1914); С. Щеголев. Современное украинство, его происхождение, рост и задачи (Киев, 1914); Н. В. Ястребов. Галиция накануне великой войны 1914 г. (Пг., 1915); Галичина, Буковина, Угорская Русь. Сборник статей (М., 1915). – *Русская мысль*. – № II (февраль). – Раздел «Критическое обозрение». – С. 10-13.
- #485. Граф С. Ю. Витте: Опыт характеристики. – *Русская мысль*. – № III (март). – Ч. 2. – С. 129-133. Перепечатано отдельным изданием. (См. #496а.)
- #486. Памяти А. А. Стаховича: некролог. – *Русская мысль*. – № IV (апрель). – Ч. 2. – С. 158-159.
- #487. Крушение дела Бисмарка: К столетию со дня его рождения. – *Русская мысль*. – № IV (апрель). – Раздел «В России и за границей». – С. 5-7.
- #488. Памяти В. Я. Яковлева-Богучарского: некролог. – *Русская мысль*. – № VI (июнь). – Ч. 2. – С. 143-146.
- #489. Рецензия на книгу: С. А. Венгерова (ред.). Русская литература XX века. – Т. I (М., 1914). – *Русская мысль*. – № VI (июнь). – Раздел «Критическое обозрение». – С. 1-2.
- #490. С. М. Соловьев: По поводу отдельного издания его записок. – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – Раздел «В России и за границей». – С. 20-22.

-
- #491. Две утраты: I. В. И. Покровский. II. Ф. Ф. Эрисман. – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). – Ч. 2. – С. 151-153.
- #492. Гибель Е. А. Звегинцева и годовщина гибели А. М. Рыкачева. – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). – Ч. 2. – С. 154-155.
- #493. Левый памфлет против осознания национальных и государственных задач прогрессивной России. – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). – Раздел «В России и за границей». – С. 7-8.
- #494. Рецензия на книгу: У Троицы в Академии. Сборник материалов (М., 1914). – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Раздел «В России и за границей». – С. 15-18.
- #495. Рецензия на книгу: И. А. Линниченко. Речи и поминки (Одесса, 1914). – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Раздел «Критическое обозрение». – С. 1-2.
- #496^h. Два письма к С. Д. Сазонову 10 июня и 3 июля 1915 г. – *Красный архив*. – 4/59 (1933). – С. 147-148.
- #496а. Граф С. Ю. Витте: Опыт характеристики. – М., 1915. (См. #485.)
- #497. К критике так называемой теории международной торговли. Отрывки из курса лекций, прочитанных в С.-Петербургском политехническом институте в 1915 году. – Пг., 1915.

1916

- #497а. Новая классификация доходов и общее понятие ренты. – *Русская мысль*. – № I (январь). – Ч. 2. – С. 89-102. Перепечатано в кн.: Хозяйство и цена. – Т. II. – Ч. 1. – С. 89-104. (См. #458.)
- #498. Блудение себя: Нравственная основа истинного национализма. – *Русская мысль*. – № I (январь). – Ч. 2. – С. 140-142.
- #499. Экономическая наука, счетоводство и техника. – *Русская мысль*. – № I (январь). – Раздел «В России и за границей». – С. 17-20.
- #500. Регулирование цен продовольственных продуктов. – *Русская мысль*. – № I (январь). – Раздел «В России и за границей». – С. 26-30.
- #501. Рецензия на книгу: К. И. Зайцев. Современное положение таксировки предметов продовольствия в России и меры к ее упорядочению. – *Русская мысль*. – № I (январь). – Раздел «Критическое обозрение». – С. 10-11.
- #502. М. М. Ковалевский. – *Русская мысль*. – № V (май). – Ч. 2. – С. 98-100.
- #503. По поводу спора князя Е. Н. Трубецкого с Д. Д. Муретовым. – *Русская мысль*. – № VI (июнь). – Ч. 2. – С. 95-97.

^h Указанные письма опубликованы в 1933 году и должны быть помещены между №№ 623 и 624 настоящей библиографии.

-
- #503а. Суд истории (XI). – *Русская мысль*. – № VII (июль). – Ч. 2. – С. 109-116. (Окончание; начало см. ##473, 473а, 477а.)
- #504. Несколько слов по вопросу о твердых ценах. – *Русская мысль*. – № X (октябрь). – Раздел «В России и за границей». – С. 5-6.
- #505. К смерти Франца-Иосифа. – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). – Раздел «В России и за границей». – С. 12-13.
- #506. В. И. Семевский. – *Русская мысль*. – № XI (ноябрь). – Раздел «В России и за границей». – С. 32-33.
- #507. К десятилетию кончины В. А. Гольцева. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Ч. 2. – С. 143-145.
- #508. М. А. Протопопов. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Ч. 2. – С. 146-149.
- #509. В. Н. Линд. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Ч. 2. – С. 150.
- #510. Спекуляция на душевную слабость: По поводу предложения мира. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Ч. 2. – С. 164-168.
- #511. Памяти Г. Н. Штильмана. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Ч. 2. – С. 169-171.
- #512. А. Н. Витмер: некролог. – *Русская мысль*. – № XII (декабрь). – Раздел «В России и за границей». – С. 13-14.
- Историческое введение в политическую экономию. Курс лекций, прочитанных на экономическом отделении С.-Петербургского политехнического института в 1912-1913 учебном году. – 2-е изд. – Пг. (См. #445.)
- #513. Предисловие к книге: *И. Г. Гибянский*. Граф Антоний Тизенгаузен и гродненские королевские мануфактуры. – Пг., 1916. – С. v-vii.
- #514. Предисловие к книге: *П. А. Даниель-Бек*. Русский нефтяной экспорт и мировой рынок в период с 1904 по 1911 год. – Пг., 1916. – С. iii.
- #515. Доклад представителя Всероссийского Земского Союза в Особом совещании по продовольственному делу профессора П. Б. Струве. – Пг., 1916.
- Хозяйство и цена. – Т. II. – Ч. I. – М., 1916. (См. #454.)
- Проблема производства. – В кн.: Хозяйство и цена. – Т. II. – Ч. 1. – Гл. 1. – С. 1-42. (См. #455.)
- Проблема вменения. – В кн.: Хозяйство и цена. – Т. II. – Ч. 1. – Гл. 2. – С. 43-55. (См. #456.)
- «Проблема т. н. распределения» и «Идеография хозяйственной жизни» как методическое требование и научная программа. – В кн.: Хозяйство и цена. – Т. II. – Ч. 1. – Гл. 3 и 4. – С. 56-88. (См. #457.)
- Цена и доходы. – В кн.: Хозяйство и цена. – Т. II. – Ч. 1. – Гл. 5. – С. 89-104. (См. #458.)

- #516. Past and present of Russian Economics. – В кн.: James D. Duff (ed.). Russian Realities and Problems. – Cambridge. – P. 47-82.
- #517. Национальный эрос и идея государства: Ответ кн. Е. Н. Трубецкому. – *Русская мысль*. – № I (январь). – Ч. 2. – С. 99-104.
- #518. Освобождение России. – *Русская мысль*. – № II (февраль). – С. xi-xii.
- #519. Наша задача. – *Русская свобода*. – № 1 (март-апрель). – С. 3-5.
- #520. Предисловие к статье: «Русская революция и мир: Открытое письмо Жану Жоресу». – *Русская мысль*. – № III-IV (март-апрель). – Ч. 2. – С. 95. (См. #281.)
- #521. Хозяйство и цена. – *Русская мысль*. – № III-IV (март-апрель). – Ч. 2. – С. 130-36. Речь на докторском диспуте в Киевском университете 17 февраля 1917 года.
- #522. Рецензия на книгу: Публицист-гражданин. Литературный сборник, посвященный памяти Г. К. Градовского (Пг., 1916). – *Русская мысль*. – № III-IV (март-апрель). – Раздел «Критическое обозрение». – С. 7-8.
- #523. Рецензия на книги: И. А. Линниченко. Проект нового университетского устава (Пг., 1916); По поводу заметки М. М. Ковалевского о двух ученых степенях (Одесса, 1916). – *Русская мысль*. – № III-IV (март-апрель). – Раздел «Критическое обозрение». – С. 8-9.
- #524. Лига русской культуры. – *Русская свобода*. – № 3 (12 мая). – С. 3-5.
- #525. Памяти В. М. Хижнякова. – *Русская мысль*. – № V-VI (май-июнь). – Ч. 2. – С. 129-130.
- #526. Иллюзии русских социалистов. – *Русская свобода*. – № 7 (7 июня). – С. 3-6.
- #527. Без аннексий и контрибуций. – *Русская свобода*. – № 7 (7 июня). – С. 9-10.
- #528. Несколько слов о Лиге русской культуры. – *Русская свобода*. – № 9 (21 июня). – С. 24-26.
- #529. России нужно организовать патриотическое движение. – *Русская свобода*. – № 9 (21 июня). – С. 26-29.
- #530. Рецензия на книгу: А. С. Изгоев. Наши политические партии (Пг., 1917). – *Русская свобода*. – № 18-19 (30 августа). – С. 29-30.
- #531. Густав Шмоллер: некролог. – *Известия Российской Академии наук*. – № 15 (1 ноября). – С. 1231-1234.
- Проблема капитала в системе политической экономии, построенной на понятии цены. – *Известия Российской Академии наук*. – № 16 (15 ноября). – С. 1401-1414. (См. #459.)

-
- #532. В чем революция и контрреволюция?: Несколько замечаний по поводу статьи И. О. Левина. – *Русская мысль*. – № XI-XII. – Ч. 2 (ноябрь-декабрь). – С. 57-61.
- #533. Предисловие к статье: В. В. Самсонов. «Теория чистого дохода у физиократов. К характеристике и оценке их учений». – *Известия Российской Академии наук*. – № 17 (1 декабря). – С. 1455.
- #533а. *Лига русской культуры*. – Пг.

1918

- #534. К вопросу о классификации доходов. – *Известия Российской Академии наук*. – № 5 (15 марта). – С. 313-316.
- #535. Рецензия на книгу: Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Сборник под ред. В. Княжнина (Пг., 1917).
- #536. Кто первый указал на применение статистики к филологическим исследованиям? – *Известия Российской Академии наук*. – № 13 (1 декабря). – С. 1317-1318.
- #537. Понятие и проблема торговой политики. – *Известия Российской Академии наук*. – № 18 (15 декабря). – 2117-2128.
- #538. Предисловие к книге: Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М. -Пг. – с. i.
- #539. Исторический смысл русской революции и национальные задачи. – В кн.: Из глубины. Сборник статей о русской революции. – С. 237-252.

1919

- #540. Речь на Чрезвычайном собрании Русской Торговой Палаты в Париже 29 марта 1919 года. – В кн.: *Contre la tyrannie bolcheviste en Russie (Paris)*. – С. 18-21.
- #541'. Размышления о русской революции: Публичная лекция, прочитанная в ноябре 1919 г. в Ростове-на-Дону. – *Русская мысль*. – № I-II (январь-февраль, 1921). – С. 6-37. Опубликовано отдельным изданием: София, 1921. (См. #554а.)

1920

- #542. An Outspoken Word. – *The Struggling Russia*. – I. – №. 48-49. – P. 762.

¹ Указанная статья опубликована в 1921 году и должна быть помещена между №№ 544 и 545.

#543. Bolchévisme et Lénine. – В кн.: La Russie d'aujourd'hui et de demain. – Paris. – P. 123-127.

1921

#544. К старым и новым читателям «Русской мысли». – *Русская мысль*. – № I-II (январь-февраль). – С. 3-5.

– Размышления о русской революции. – *Русская мысль*. – № I-II (январь-февраль). – С. 6-37. Опубликовано отдельным изданием. (См. #541.)

#545. Предисловие к публикации: «Дневник Зинаиды Николаевны Гиппиус». – *Русская мысль*. – № I-II (январь-февраль). – С. 139.

#546. Предисловие к публикации: «Исторические материалы и документы: Идеология Махновщины». – *Русская мысль*. – № I-II (январь-февраль). – С. 226.

#547. Рецензия на книгу: А. Блок. Двенадцать. (София). – *Русская мысль*. – № I-II (январь-февраль). – С. 232-233.

– L'Idée de loi naturelle dans la science économique. – *Revue d'économie politique*. – XXXV. – № 3. – P. 292-317. (См. #449.)

#548. Историко-политические заметки о современности. – *Русская мысль*. – № V-VII (май-июль). – С. 208-224. (Начало; окончание см. #553b.) Первоначально публиковались как серия статей под названием «По существу» в газете *Руль* за 1921 год.

#549. Итоги и существо коммунистического хозяйства: Речь, произнесенная на общем Съезде представителей Русской Промышленности и Торговли в Париже 17 мая 1921 года. – Берлин. – Опубликовано в переводе на французский язык: *Congrès Général des Représentants de l'Industrie et du Commerce Russes tenu à Paris du 17 au 23 mai 1921*. – Paris.

#550. Голод. – *Русская мысль*. – № VIII-IX (август-сентябрь). – С. 279-281. Перепечатано в кн.: Голод. – София, 1921. – С. 3-5. (См. #554b.)

#551. Современное экономическое положение мира. – *Экономические записки*. – № 1-2 (октябрь-ноябрь). – С. 3-7. (Начало; продолжение см. #555a и #564a.)

#552. А. А. Блок и Н. С. Гумилев: По личным воспоминаниям. – *Русская мысль*. – № X-XII (октябрь-декабрь). – С. 88-91. Перепечатано в расширенном варианте в кн.: Н. А. Цуриков. Заветы Пушкина. – Белград, 1937. – С. 43-49. (См. #640a.)

#553. Пророк русского духовного возрождения: Достоевский. – *Руль*. – № 300 (11 ноября). – С. 5. Перепечатано в журн.: *Русская мысль*. – № X-XII (октябрь-декабрь). – С. 274-279. (См. также #553a.)

#553b. Историко-политические заметки о современности. – *Русская*

мысль. – № X-XII (октябрь-декабрь). – С. 317-324. (Окончание; начало см. #548.)

- #554. А. В. Кривошеин. – *Русская мысль*. – № X-XII (октябрь-декабрь). – С. 357-361.
- #554а. Размышления о русской революции. – София. (См. #541.)
- #554б. Голод. – В кн.: Голод. (София). – С. 3-5. (См. #550.)
- #555. Статьи о Льве Толстом. – София. Перепечатано в расширенном варианте в переводе на немецком языке под названием «Leo Tolstoj» в журн.: *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*. – IX. – № 1-2 (1933). – С. 5-36. (См. #624а.)
- #555а. Современное экономическое положение мира. – *Экономические записки*. – № 3-4 (декабрь 1921-январь 1922). – С. 20-26. (Продолжение; начало см. #551.)

1922

- #556. Прошлое, настоящее, будущее: Мысли о национальном возрождении России. – *Русская мысль*. – № I-II (январь-февраль). – С. 222-231.
- #557. Владимир Галактионович Короленко. – *Русская мысль*. – № I-II (январь-февраль). – С. 275-277.
- Prix-valeur. Énoncés fondamentaux. – *Revue d'économie politique*. – XXVI. – No. 2. – P. 181-196. (См. #450.)
- #558. Россия. – *Русская мысль*. – № III (март). – С. 101-115. Опубликовано в переводе на английский язык в журн.: *The Slavonic Review* (London). – I. – № 1. – P. 24-39. (См. #564б.)
- #559. Ошибки и софизмы «исторического» взгляда на революцию: По поводу статьи К. И. Зайцева. – *Русская мысль*. – № III (март). – С. 158-163.
- #560. Предисловие к статье: Е. Н. Трубецкой. «Свобода и бессмертие». – *Русская мысль*. – № III (март). – С. 164.
- #561. Памяти Владимира Дмитриевича Набокова. – *Русская мысль*. – № IV (апрель). – С. 192-193.
- #562. Рецензия на книгу: С. Ф. Платонов. Борис Годунов (Пг., 1921). – *Русская мысль*. – № IV (апрель). – С. 216-218.
- #563. Рецензия на книгу: *Henri Berr. L'histoire traditionnelle et la synthèse historique* (Paris, 1921). – *Русская мысль*. – № IV (апрель). – С. 218-220.
- #564. Рецензия на книгу: *Georges Danos. L'idée de l'autarchie économique et les statistiques du commerce extérieur* (Paris, 1921). – *Русская мысль*. – № IV (апрель). – С. 220-221.
- #564а. Современное экономическое положение мира. – *Экономические записки*. – № 5-6 (апрель-май). – С. 3-7. (Окончание; начало см. ##551 и 555а.)

-
- #564b. Russia. – *The Slavonic Review* (London). – I. – №. 1. – P. 24-39. (См. #558.)
- #565. Социализм: Критический опыт. – *Русская мысль*. – № VI-VII (июнь-июль). – С. 284-301.
- #566. Две смерти: I. В. К. Винберг. II. Ю. А. Никольский. – *Русская мысль*. – № VI-VII (июнь-июль). – С. 302-305.
- #567. Рецензия на книги: Karel Kadles. *Dejiny verejneho prava ve stredni Evrope* (Prague, 1921); Jan Kapras. *Prehled pravnich dejin zemi ceske koruny. Dil prvni: Pravni prameny a dejiny statniho zrizeni doby predbelohorske* (Praha, 1921). – *Русская мысль*. – № VI-VII (июнь-июль). – С. 322-324.
- #568. Рецензия на книгу: P. Boissonade. *Le Travail dans l'Europe chretienne du Moyen Age (V-XV siecles)* (Paris, 1921). – *Русская мысль*. – № VI-VII (июнь-июль). – С. 326-329.
- #569. Рецензия на книгу: Etienne Gilson. *La Philosophie au Moyen Age* (Paris, 1922). – *Русская мысль*. – № VI-VII (июнь-июль). – С. 334-335.
- #570. Рецензия на книгу: Maurice Croiset. *La Civilisation hellénique* (Paris, 1922). – *Русская мысль*. – № VI-VII (июнь-июль). – С. 335.
- #571. Евразийство. По поводу сборника «На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая». – *Русская мысль*. – № VI-VII (июнь-июль). – С. 376-377.
- #572. Рецензия на журнал: Мысль. Журнал Петербургского философского общества (№ 1, 1922). – *Русская мысль*. – № VIII-IX (август-сентябрь). – С. 231-233.
- #573. Рецензия на журнал: Начала. Журнал истории литературы и истории общественности. (№ 1, 1921). – *Русская мысль*. – № VIII-IX (август-сентябрь). – С. 234-235.
- #574. Рецензия на журнал: Экономическое Возрождение. Ежемесячный журнал (№№ 1-2, 1922). – *Русская мысль*. – № VIII-IX (август-сентябрь). – С. 258-260.
- #575. Предисловие и заключение к книге: *La Débacle des Soviets et la restauration économique de la Russie* (Paris, 1922). – P. vii-xxxii, 207-208. Статьи без подписи; авторство Струве установлено на основании книги: *Социальная и экономическая история России*. – Париж, 1952. – С. 376.

1923

- #575a. Научная картина экономического мира и понятие равновесия. – *Экономический вестник*. – № I. – С. 5-26. (См. #460.)
- #576. Памяти д-ра Алоизия Рашина. – *Русская мысль*. – № I-II. – С. 307-310.

-
- #577. Две речи: I. Отечество и собственность. II. Героическая воля. – Русская мысль. – № III-IV. – С. 273-279. Перепечатано в журн.: *Вестник Русского Национального Комитета* (Париж). – № 3 (25 мая). – С. 7-13. (См. #580а.)
- #578. На духовных развалинах народничества и марксизма. Рецензия на журнал: *Экономист*. Вестник XI отдела Русского Технического Общества (Пг.). (№№ 1-5, 1922). – *Русская мысль*. – № III-IV. – С. 327-330.
- #579. Хозяйствование, хозяйство, общество: Основные понятия экономической науки. – *Экономический вестник*. – № 2. – С. 3-17.
- #580. Рецензия на книгу: *Л. Н. Юровский*. Очерки по теории цены (Саратов, 1919). – *Экономический вестник*. – № 2. – С. 247-252.
- #580а. Две речи: I. Отечество и собственность. II. Героическая воля. – *Вестник Русского Национального Комитета* (Париж). – № 3 (25 мая). – С. 7-13. (См. #577.)
- #581. Познание революции и возрождение духа. – *Русская мысль*. – № VI-VIII. – С. 302-311.
- #582. Аксаковы и Аксаков: К столетию со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова. – *Русская мысль*. – № VI-VIII. – С. 349-353. Опубликовано в переводе на английский язык в журн.: *The Slavonic Review*. – II. – №. 6. – 1924. – P. 514-518. (См. #596а.)
- #583. Рецензия на журнал: София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии (Берлин). (№ 1). – *Русская мысль*. – № VI-VIII. – С. 433-435.
- #584. Рецензия на книгу: *С. Н. Прокопович*. Очерки хозяйства Советской России (Берлин, 1923). – *Русская мысль*. – № VI-VIII. – С. 454-455.
- #585. Заметки о плюрализме. – *Труды русских ученых за границей* (Берлин). – II. – С. 196-203.
- #586. Рецензия на книгу: *А. Н. Зак*. Разверстка государственных долгов. – *Труды русских ученых за границей* (Берлин). – II. – С. 319-323.
- #587. Памяти В. Д. Набокова: Речь, произнесенная на заседании Пражского Отдела Национального Союза. – *Вестник Русского Национального Комитета*. – № 6 (1 ноября). – С. 10-11.
- #588. Публицист и пророк. – *Русская мысль*. – № IX-XII (1923-1924). – С. 263-265.
- #589. Подлинный смысл и необходимый конец большевистского коммунизма: По поводу смерти Ленина. – *Русская мысль*. – № IX-XII (1923-1924). – С. 313-318.
- #590. Михаил Владимирович Родзянко. – *Русская мысль*. – № IX-XII (1923-1924). – С. 319-320.

-
- #591. Памяти П. И. Новгородцева. – *Русская мысль*. – № IX-XII (1923-1924). – С. 368-369.
- #592. Памяти Н. И. Андрусова. – *Русская мысль*. – № IX-XII (1923-1924). – С. 375-377.
- #593. Изнутри: Замечательная книга о еврейском вопросе. – *Русская мысль*. – № IX-XII (1923-1924). – С. 456-457.
- #594. Рецензия на книги: R. S. Baker. Woodrow Wilson and World Settlement (New-York, 1922); М. А. Циммерман. Очерки нового международного права (Прага, 1923). – *Русская мысль*. – № IX-XII (1923-1924). – С. 519-521.

1924

- #595. Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия»: Ответ А. Д. Билимовичу. – *Экономический вестник*. – № 3. – С. 33-50.
- #596. Некоторые основные понятия экономической науки. – *Ученые записки, основанные Русской Учебной Коллегией в Праге*. – Т. I. – № 3. – С. 75-89.
- #596а. Иван Аксаков. – *The Slavonic Review*. – II. – №. 6. – P. 514-518. (См. #582.)
- #597. Об основных течениях мысли в русской зарубежной среде. – *Вестник Русского Национального Комитета*. – № 10 (1 декабря). – С. 62-65.

1925

- #598. Предисловие к книге: Черная книга. Сборник материалов. – Париж, 1925. – С. 7-17. Опубликовано в переводе на английский язык в кн.: *The Assault of Heaven*. – London, 1925. – P. vii-xxiii.

1926

- #599. Предисловие к книге: *La Russie sous le régime communiste* (Paris, 1926). – P. 5-15. Перепечатано как: «Le sovietisme en contradiction fondamentale avec le socialisme». – *Le Correspondant*. – № 1523. – P. 641-649.

1927

- #600. От редакции. – *Русская мысль* (январь). – С. 3-5.
- #601. Моя записная книжка: I. Мое приветствие Б. К. Зайцеву. II. Бальзак как пророк русской революции. III. отвратная ненужность. – *Русская мысль* (январь). – С. 56-63.

-
- #602. Материалы для исторической хрестоматии русской мысли. – *Русская мысль* (январь). – С. 63-72.
- #603. Рецензия на журнал: Версты. – № 1, 2 (Париж, 1926, 1927). – *Русская мысль* (январь). – С. 109-110.
- #603а. Несколько мыслей о большевиках и ленинизме. – *Борьба за Россию*. – № 50 (5 ноября). – С. 10-12.

1928

- #604. Land Policy and Land Conditions in Soviet Russia. Предисловие и заключение к книге: Ten Years of Bolshevik Domination. – Berlin, 1928. – P. 50-57, 75-76. (Написано совместно с К. Зайцевым.)

1929

- #605. Чем были первоначально русские крестьяне и откуда наименование «крестьянин»? Глава из «Введения в экономическую историю России». – *Труды IV Съезда русских академических организаций за границей*. – I. – С. 131-138.
- #606. Основные и наиболее общие проблемы теории денег. – *Труды IV Съезда русских академических организаций за границей*. – Т. I. – С. 377-389.
- #607. Наблюдения и исследования из области хозяйственной жизни и права древней Руси. – В кн.: Сборник Русского Института в Праге. – Т. I. – С. 389-472.
- #608. «Неизъяснимый» и «непостижимый»: Из этюдов о Пушкине и Пушкинском словаре. – В кн.: Пушкинский сборник. – Прага. – С. 259-264.

1930

- #609. Памяти дорогого друга. Князь Григорий Николаевич Трубецкой. – *Россия и славянство*. – № 60 (18 января). – С. 2. Перепечатано в кн.: Памяти кн. Гр. Н. Трубецкого. – Париж, 1930. – С. 27-32. (См. #610а.)
- #610. Предисловие к книге: Памяти кн. Гр. Н. Трубецкого. – С. 5-6.
- #610а. [Статья о кн. Гр. Н. Трубецком]. – В кн.: Памяти кн. Гр. Н. Трубецкого. – С. 27-32. (См. #609.)
- #611. L'Économie communiste et la communion économique mondiale. – В кн.: La Russie économique et sociale. – Paris, 1930. – P. 249-255. [Доклад на Русской экономической конференции 10 апреля 1930 года.]
- #612. Предисловие к книге: Food supply in Russia during the World War. – New Haven. – P. xiii-xx.

-
- #613. Article on universities in Russia. – *Encyclopedia of the Social Sciences*. E. R. A. Seligman and A. Johnson (eds.). – Vol. I (New York). – P. 280-287.
- #614. Aksakovs. – *Encyclopedia of the Social Sciences*. – Vol. I. – P. 610-611.
- #615. Nikolay Christianovich Bunge. – *Encyclopedia of the Social Sciences*. – Vol. III. – P. 67-68.
- #615a. Zur Grundlegung der Wirtschaftssoziologie. – *Köelner Vierteljahrshefte für Soziologie*. – IX. – № 1 (1930). – S. 17-28. Первоначально опубликовано на русском языке в кн.: Хозяйство и цена. – Т. I. – Ч. I. – Гл. II. – С. 42-86. (См. #449.)

1931

- #616. Nikolay Frantsevich Danielson. – *Encyclopedia of the Social Sciences*. – Vol. IV. – P. 707.
- #617. Die Hautprobleme des Sozialismus aufgezeigt an der Wirtschaftsverfassung Sowjet-Russlands. – *Deutsche Rundschau* (Mai). – S. 91-100.
- #618. Witte und Stolypin. – *Menschen die Geschichte machten*. – Band III. – Vienna. – S. 263-273.

1932

- #619. Das Wirtschaften. Zur Grundlegung der Wirtschaftstheorie. – *Zeitschrift für Nationalökonomie*. – III. – № 4. – S. 499-507.
- #620. К. А. Неволин (1806-1855) и А. А. Куник (1814-1899): Эпизод из истории русской науки. – *Записки Русского научного института в Белграде*. – № 7. – С. 353-358.
- #621. Sozialliberalismus. – *Internationales Handwörterbuch des Gewerkschaftswesens*. (Berlin). – Band 7. – S. 1531-1536.
- #622. Syndikalismus. – *Internationales Handwörterbuch des Gewerkschaftswesens*. – Band 7. – S. 1638-1644.

1933

- #623. Walter Scott and Russia. – *The Slavonic Review*. – XI. – №. 32. – P. 397-410.
– Два письма к С. Д. Сазонову: 10 июня и 3 июля 1915 г. – *Красный архив*. – 4/59. – С. 147-148. (См. #496.)
- #624. Land Tenure: Russia. – *Encyclopedia of the Social Sciences*. – Vol. IX. – P. 106-110.
- #624a. Leo Tolstoj. – *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*. – IX. – № 1-2. – S. 5-36. (См. #555.)

1934

- #625. My contacts with Rodichev. – *The Slavonic Review*. – XII. – № 35. – P. 347-367. Перепечатано на русском языке в журн.: *Возрождение* (Париж). – № 1. – 1949. – С. 27-46.
- #625а. Prince A. D. Obolensky. – *The Slavonic Review*. – XII. – № 35. – P. 447-448.
- #626. My Contacts and Conflicts with Lenin. – *The Slavonic Review*. – XII. – №. 36 (April). – P. 573-595. (Начало; окончание см. #626а.) Перепечатано на русском языке в журн.: *Возрождение* (Париж) – № 9, 10, 12. – 1950.
- #626а. My Contacts and Conflicts with Lenin. – *The Slavonic Review*. – XIII. – № 37 (July). – P. 66-84. (Окончание; начало см. #626.)
- #627. А. П. Кутепов и Зарубежный Съезд 1926 года: Из воспоминаний об А. П. Кутепове. – В кн.: Генерал Кутепов. Сборник статей. – Париж. – С. 296-301.
- #627а. U sloven velikom slavisti. – *Rusko-Jugoslovenski Almanakh* (Panchevo).

1935

- #628. Дух корпоративный и дух национальный: Новогодний привет. – *Вестник Общества Галлиполийцев* (София). – № 18. – С. 3.
- #629. Alexander Potresov. – *The Slavonic Review*. – XIII. – № 38. – P. 434-435.
- #630. П. Н. Врангель. – *Вестник Общества Галлиполийцев* (София). – № 26. – С. 1.
- #631. М. В. Челноков и Д. Н. Шипов: Глава из моих воспоминаний. – *Меч*. – № 48/81 (8 декабря). – С. 4-5.
- #632. Метафизика и социология: Универсализм и сингуляризм в античной философии. Посвящается С. Л. Франку. – *Записки Русского научного института в Белграде*. – № II. – С. 93-107.

1936

- #633. Robert Mihels, 1876-1936. – *Arhiv za pravne i društvene nauke* (Beograd). – XXXII (XLIX). – № 6. – С. 512-513.
- #634. Predmet sociologije. – *Arhiv za pravne i društvene nauke* (Beograd). – XXXII (XLIX). – No. 6. – С. 517-527.
- #635. Ф. В. Тарановский как историк западного и русского права: Речь, произнесенная на собрании Русского научного института 19 февраля 1936 г. – *Записки Русского научного института в Белграде*. – № 13. – С. xxi-xxvii.

-
- #636. Cheirokратie. Zur Charakteristik des antiken Bolschewismus und Sozialismus. Eine soziologische Polybios-Studie. – *Zeitschrift für Nationalökonomie*. – VII. – № 3. – S. 483-532.
– Zum Problem des sog. Wirtschaftlichen Gleichgewichtes. Historisches, Kritisches und Systematisches. – *Zeitschrift für Nationalökonomie*. – VII. – № 4. – S. 483-532. (См. #460.)
- #637. Gegenstandstheoretische Grundlagen der Wirtschaftswissenschaft und deren methodische Konsequenzen. – *Publications of the Statistical Institute for Economic Research* (Sofia). – № 4. – P. 5-33.

1937

- #638. Konjunktur als wirtschaftstheoretisches Problem. – *Publications of the Statistical Institute for Economic Research* (Sofia). – № I. – P. 5-14.
- #639. Ferdinand Toennies (1855-1936). – *Zeitschrift für Nationalökonomie*. – VIII. – № 1. – S. 47-60.
- #640. Предисловие к книге: Н. А. Цириков. Заветы Пушкина: Мысли о национальном возрождении России. – Белград. – С. iii-iv.
- #640а. А. Н. Блок и Н. С. Гумилев: По личным воспоминаниям. – В кн.: Н. А. Цириков. Заветы Пушкина: Мысли о национальном возрождении России. – С. 43-49. (См. #552.)
- #641. Дух и Слово Пушкина: С приложением материалов к историческому толковому словарю языка Пушкина. – В кн.: Е. В. Аничков (ред.). Белградский пушкинский сборник. – Белград. – С. 265-342.
- #642. Предисловие к книге: С. Л. Франк. Пушкин как политический мыслитель. – Белград. – С. 3-10.
- #643. I. Кн. Вяземский и А. Д. Градовский о либеральном консерватизме. II. Кн. П. А. Вяземский о политическом мировоззрении Пушкина. – В кн.: С. Л. Франк. Пушкин как политический мыслитель. – С. 43-49.
- #644. Упор воли: К характеристике Н. Н. Крамарж. – В кн.: Надежда Николаевна Крамарж. Сборник статей. – Прага. – С. 69-70.

1938

- #645. Sistem i jedinstvo – Dva osnovna pojma opšte sociologije. – *Archiv za pravne i društvene nauke* (Beograd). – XXXVI (LIII). – № 1-2. – С. 110-113.
- #646. Ekonomsko tumačenje istorije i istorisko shvatanje drustvenog, naročito ekonomsko, шivota. – *Archiv za pravne i društvene nauke* (Beograd). – XXXVI (LIII). – № 6. – С. 561-578.

-
- #647. Review of Germain-Martin. De la civilisation latine a la dictature asiatique (Paris, 1937). – *Archiv za pravne i društvene nauke* (Beograd). – XXXVII (LIV). – № 1-2. – С. 170-172.
- #648. Viljen Štern, 1871-1938. – *Archiv za pravne i društvene nauke* (Beograd). – XXXVII (LIV). – № 1-2. – С. 182-183.
- #649. Труды А. П. Доброклонского по русской истории. – *Записки Русского научного института в Белграде*. – № 15. – С. xxvii-xxxii.
- #650. Дух и быт: Опыт историко-социологического истолкования западноевропейского средневековья. – *Записки Русского научного института в Белграде*. – № 15. – С. 173-195.
- #651. Hedonik, Katallaktik, Politik: Zur sachlichen und methodischen Einführung in die Wirtschaftswissenschaft. – *Zeitschrift für Nationalökonomie*. – IX. – № 1. – S. 1-11.
- #652. Der Gerechte Preis in wirtschaftsgeschichtlicher, soziologischer und sozialpolitischer Betrachtung. – *Zeitschrift für Nationalökonomie*. – IX. – № 3. – S. 343-350.

1939

- #653. O odnosu izmedju ekonomskog i pravnog». – *Archiv za pravne i društvene nauke* (Beograd). – XXXVIII (LV). – № 5-6. – С. 444-450.
- #654. Problemi prava i moći kao sociologiski problemi. – *Archiv za pravne i društvene nauke* (Beograd). – XXXIX (LVI). – № 1-2. – С. 1-8.
- #655. Polazni problemi sociologije ekonomskog šivota. – *Archiv za pravne i društvene nauke* (Beograd). – XXXIX (LVI). – № 4. – С. 289-295.
- #656. Review of C. E. Graf Pueckler's «Wie stark ist England?» (Leipzig, 1939). – *Archiv za pravne i društvene nauke* (Beograd). – XXXIX (LVI). – № 4. – С. 369-371.
- #657. Review of Charles Rist «Histoire des doctrines relatives au crédit et à la monnaie depuis John Law jusqu'a nos jours» (Paris, 1938). – *Archiv za pravne i društvene nauke* (Beograd). – XXXIX (LVI). – № 5. – С. 465-468.
- #658. English Tissue-Printing in Russia. – *The Slavonic Yearbook* (of The Slavonic Review). – XIX (1939-1940). – P. 303-310.

1940

- #659. В. Г. Васильевский как исследователь социальной истории древности и как учитель науки. – *Анналы Института имени Н. П. Кондакова* (Белград). – XI. – С. 215-226.

-
- #660. С. П. Шевырев и западные внушения и источники теории-афоризма о «гнилом» или «гниющем» Западе: изыскания, сопоставления и материалы. – *Записки Русского научного института в Белграде*. – № 17. – С. 201-263.
- #661. Историко-социологические наблюдения над развитием русского письменного языка: Мысли и справки. – *Дополнение к I части Трудов V Съезда русских академических организаций*. (Секция истории, литературы, искусства и филологии). – С. 1-38.

1941

- #662. 'Prvobitna' i 'primarna' ekonomska kultura i problem evolucije svojine. – *Arhiv za pravne i društvene nauke* (Beograd). – XLII (LIX). – No. 2. – P. 81-90.
- #663. Medieval Agrarian Society in its Prime: Russia. J. H. Clapham and E. Power (eds.). – *The Cambridge Economic History of Europe* (Cambridge). – Vol. I. – P. 418-437.

Посмертные издания

Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. – Париж, 1952.
Richard Pipes (ed.) «Le Socialisme». – *Le Contrat Social* (Paris). – V. – № 2 (1961). – P. 81-86.

Газетные статьи*

1890

- 90/1-31. Реформа средней школы в Германии. – *Русские ведомости*. – № 30. – С. 4.

* В этой части настоящей библиографии используется следующая система нумерации. Каждому названию предшествует номер, состоящий из трех позиций: первая позиция обозначает год, вторая – месяц, третья – день публикации. В тех случаях, когда в один и тот же день публиковалось более одной статьи Струве, для их обозначения используются буквы «а», «в» и т. д.

1896

- 96/8-12. Der Streik der Petersburger Arbeiter in offiziellen Russischer Beleuchtung. – *Vorwärts*. – № 187. – С. 1-2.

1899

- 99/11-1. Усложнение жизни. – *Северный курьер*. – № 1. – С. 2.
99/11-9. А. Д. Градовский, как публицист. – *Северный курьер*. – № 9. – С. 1.
99/12-4. О праве и правах. – *Северный курьер*. – № 34. – С. 1.

1905

- 05/11-13. Скорее за дело. – *Русские ведомости*. – № 299. – С. 3. (См. #302.)
05/11-18. Мое предательство. – *Наша жизнь*. – № 337. – С. 2.
05/11-23. Биржевая спекуляция против государственной мысли. – *Наша жизнь*. – № 341. – С. 1-2.
05/11-25. Торг за спиной нации. – *Наша жизнь*. – № 343. – С. 1.
05/11-28. Письма из Петербурга (письмо первое). – *Русские ведомости*. – № 314. – С. 1-2.
05/12-2. Редакционная статья. – *Народная свобода*. – № 3. – С. 1.
05/12-16. Еще на поздно. – *Народная свобода*. – № 2. – С. 2.
05/12-20. Редакционная статья. – *Народная свобода*. – № 5. – С. 1.

1906

- 06/1-1. Накануне Нового года. – *Русские ведомости*. – № 1. – С. 3. (См. #309.)
06/1-19. Письмо из Петербурга. – *Русские ведомости*. – № 18. – С. 2.
06/2-27. Витте русского общества. – *Речь*. – № 5. – С. 1.
06/3-8. Письмо в редакцию. – *Речь*. – № 14.
06/3-22. Солнце нас не обмануло. – *Речь*. – № 28. – С. 2.
06/3-28. Великое. – *Речь*. – № 33. – С. 1.
06/3-29. Письмо из Петербурга. – *Русские ведомости*. – № 86. – С. 2-3.
06/3-31. Только наша партия. (Открытое письмо А. И. Гучкову). – *Речь*. – № 36. – С. 2.
06/4-5. Привет. – *Рабочее слово*. – № 3. – С. 2.
06/4-13. Безработица и общее политическое положение. – *Речь*. – № 47. – С. 1.
06/4-27а. Народ и Дума. – *Дума*. – № 1.
06/4-27б. Рабочий вопрос и Государственная Дума. – *Дума*. – № 1.

-
- 06/4-27с. Политические наброски. – *Дума*. – № 1.
06/4-28. Тронная речь. – *Дума*. – № 2.
06/4-29. Законодательное беззаконие. – *Дума*. – № 3.
06/5-4а. Русская монархия на распутье. – *Дума*. – № 6.
06/5-4б. Амнистия, Дума и правительство. – *Дума*. – № 6.
06/5-5. Защищайте Думу! – *Дума*. – № 7.
06/5-8. Политическая ответственность. – *Дума*. – № 9.
06/5-11. Необходимый отпор. – *Дума*. – № 12.
06/5-15. Государственная бездарность. – *Дума*. – № 15.
06/5-27а. Не в очередь. – *Дума*. – № 23.
06/5-27б. Государственный смысл. – *Дума*. – № 26.
06/5-30. Неотложный вопрос. – *Дума*. – № 28.
06/6-5. Бессмысленные толки. – *Дума*. – № 32.
06/6-7а. Корона и Государственная Дума. – *Дума*. – № 34.
06/6-7б. Не отвлеченные начала, а конкретные нормы. – *Дума*. – № 34.
06/6-9. После вчерашнего дня. – *Дума*. – № 36.
06/6-12. Голод и Государственная Дума. – *Дума*. – № 38.
06/6-25. Письмо в редакцию. – *Речь*. – № 109. – С. 2.
06/7-20. Памяти М. Я. Герценштейна. – *Русские ведомости*. – № 184. – С. 2.
06/7-22. Чья победа? – *Русские ведомости*. – № 186. – С. 1-2.
06/9-13. Несчастный человек. – *Русские ведомости*. – № 226. – С. 2.
06/11-10. «Право» и «лево». – *Речь*. – № 213.
06/11-12. Вандалы русской общественности. – *Речь*. – № 215. – С. 2.
06/11-21. Два новых закона об охране трудящихся. – *Речь*. – № 222.
06/11-22. Два новых закона об охране трудящихся. (Продолжение.) – *Речь*. – № 223.
06/11-23. Два новых закона об охране трудящихся. (Продолжение.) – *Речь*. – № 224.
06/11-25. Два новых закона об охране трудящихся. (Продолжение.) – *Речь*. – № 226.
06/12-1. Памяти П. А. Соколовского. – *Речь*. – № 231. – С. 2.
06/12-3. Два новых закона об охране трудящихся. (Окончание.) – *Речь*. – № 233.
06/12-16. Лицемерие и отсутствие логики. – *Русские ведомости*. – № 305. – С. 2-3.

1907

- 07/1-25. Политическое возбуждение и политическое воспитание. – *Русские ведомости*. – № 19. – С. 2.
07/2-20. Накануне новой Думы. – *Русские ведомости*. – № 40. – С. 2.
07/2-23. Дума и внедумская агитация. – *Речь*. – № 45. – С. 1-2.

-
- 07/3-11. Политика и философия государственного испуга. – *Русские ведомости*. – № 57. – С. 2.
- 07/3-15. Под первым впечатлением. – *Русские ведомости*. – № 60. – С. 2.
- 07/6-20. Ответ Л. Ф. Пантелееву. – *Русские ведомости*. – № 139. – С. 5.
- 07/9-9. Фатализм исторической розги или идейный кризис. – *Товарищ*. – № 367.
- 07/11-29. Памяти И. А. Петровского. – *Русские ведомости*. – № 273. – С. 4.
- 07/12-23. Гипноз страха и политический шантаж. – *Слово*. – № 338. – С. 1. (См. #347.)
- 07/12-29. Историческое слабоумие. – *Слово*. – № 341. – С. 1. 1908
- 08/1-5. «Профессор» Шварц и «куратор» Мелиссино. – *Речь*. – № 4. – С. 2. (См. #350.)
- 08/1-10. Герцен. – *Речь*. – № 8. – С. 2. (См. #351.)
- 08/1-15. По поводу речи г. Коковцева. – *Слово*. – № 354. – С. 1.
- 08/1-22. Письмо в редакцию. – *Слово*. – № 361. – С. 2.
- 08/1-30. Тревога и безголове. – *Слово*. – № 374. – С. 1. (См. #353.)
- 08/2-24. Ответ Д. С. Мережковскому. – *Речь*. – № 47. – С. 2-3. (См. #356.)
- 08/2-27. Русские шантажист и немецкий патриот. – *Слово*. – № 391. – С. 1. (См. #354.)
- 08/3-18. Кто из нас «максималист»? – *Речь*. – № 66. – С. 2. (См. #358а.)
- 08/4-15. Пессимизм и оптимизм. – *Слово*. – № 431.
- 08/4-16. Размышления (1). – *Слово*. – № 432. – С. 1.
- 08/4-18. Нечто о моем импрессионизме. – *Речь*. – № 99. – С. 1.
- 08/4-20. Размышления (2). – *Слово*. – № 436. – С. 2.
- 08/5-7. Размышления (3). – *Слово*. – № 450. – С. 1.
- 08/5-18. Размышления (4). – *Слово*. – № 460. – С. 1-2.
- 08/5-24. Размышления (5). – *Слово*. – № 465. – С. 2.
- 08/6-5. Размышления (6). – *Слово*. – № 475. – С. 1.
08. 6-20. За Султана и Кесаря. – *Слово*. – № 488. – С. 1-2. (См. #361.)
- 08/7-11. Несколько слов в ответ Н. А. Бердяеву. – *Слово*. – № 506. – С. 3.
- 08/8-27. Не велено. – *Слово*. – № 546. – С. 1.
- 08/9-2. Международное положение и внутренняя реакция. – *Слово*. – № 551. – С. 1.
- 08/9-9. Государственная ценность либеральной политики. – *Слово*. – № 557. – С. 1.
- 08/11-16. Народное хозяйство и интеллигенция. – *Слово*. – № 622. – С. 3.

1909

- 09/1-28. Официальное (?) разъяснение о деле Азефа. – *Слово*. – № 692. – С. 1-2. (См. #370.)
- 09/2-15. Некоторые итоги думских прений по делу Азефа. – *Слово*. – № 709. – С. 1.
- 09/2-27. «Физиология» одного превращения. – *Речь*. – № 56. – С. 2. (См. #374.)
- 09/3-10. Интеллигенция и национальное лицо. – *Слово*. – № 732. – С. 2. (См. #376а.)
- 09/3-12. Полемические зигзаги и несвоевременная правда. – *Слово*. – № 734. – С. 1.
- 09/3-14. Размышления (5) [sic]. – *Слово*. – № 736. – С. 2-3.
- 09/3-22. Унижение России. – *Слово*. – № 744. – С. 1. (См. #357.)
- 09/3-23. Стрелочник Извольский и сигнальщик Меньшиков. – *Слово*. – № 745. – С. 1.
- 09/3-27. Слабонервность или игра на слабых нервах? – *Слово*. – № 749. – С. 2. (См. #377.)
- 09/4-23. Размышления (7). – *Слово*. – № 774. – С. 2.
- 09/4-25. Размышления (8). – *Слово*. – № 776. – С. 2.
- 09/5-3. Размышления (8) [sic]. – *Слово*. – № 784. – С. 1.
- 09/5-7. Размышления (9). – *Слово*. – № 788. – С. 2.
- 09/5-9. Размышления (10). – *Слово*. – № 790. – С. 1.
- 09/5-10. Ответ Архиепископу Антонию. – *Слово*. – № 791. – С. 3.
- 09/5-19а. Размышления (11). – *Слово*. – № 800. – С. 1.
- 09/5-19б. Мой ответ на газетную травлю. – *Слово*. – № 800.
- 09/6-3. Размышления (12). – *Слово*. – № 815. – С. 1.
- 09/9-9. Фатализм исторической розги или идейный кризис? – *Товарищ*. – № 367. – С. 1.

1910

- 10/6-1. Два национализма. – *Утро России*. – № 160. – С. 1-2. 1912
- 12/11-20. По поводу статьи Д. В. Философова. – *Речь*. – № 319. – С. 2.
- 12/12-9. Сильная власть и либеральная политика. – *Русская молва*. – № 1. – С. 3
- 12/12-13. Балканские дела и Россия. – *Русская молва*. – № 5. – С. 3.
- 12/12-16. Что же такое сильная власть? – *Русская молва*. – № 8. – С. 3.

1914

- 14/1-27. Письмо в редакцию. – *Речь*. – № 26. – С. 2.
- 14/9-2. Судьба Австро-Венгрии. – *Биржевые ведомости*. – № 14348. – С. 1.

-
- 14/9-4. Суд истории. – *Биржевые ведомости*. – № 14352. – С. 1.
- 14/9-8. Вместо Италии – Турция. – *Биржевые ведомости*. – № 14360. – С. 1.
- 14/9-9. Разложение Интернационала. – *Биржевые ведомости*. – № 14362. – С. 1.
- 14/9-12. Италия и Румыния. – *Биржевые ведомости*. – № 14368. – С. 1.
- 14/9-14. Решимость Англии. – *Биржевые ведомости*. – № 14372. – С. 1.
- 14/9-15. Славянское призвание России и Запад. – *Биржевые ведомости*. – № 14374. – С. 1.
- 14/9-19. Влиться и слиться. – *Биржевые ведомости*. – № 14382. – С. 2.
- 14/9-23. Нормальная жизнь в исключительных обстоятельствах. – *Биржевые ведомости*. – № 14390. – С. 2.
- 14/9-20. Стиль Венгерского государства. – *Биржевые ведомости*. – № 14384. – С. 3.
- 14/9-26. Состояние умов в Германии. – *Биржевые ведомости*. – № 14396. – С. 3.
- 14/9-29. Австро-германское «украинство» и русское общественное мнение. – *Биржевые ведомости*. – № 14402. – С. 3.
- 14/10-2. Моим корреспондентам. – *Биржевые ведомости*. – № 14408. – С. 3.
- 14/10-3. В ожидании решения. – *Биржевые ведомости*. – № 14410.
- 14/10-5. Непобедимая армада цепеллинов. – *Биржевые ведомости*. – № 14414. – С. 3.
- 14/10-9. Радость участия. – *Биржевые ведомости*. – № 14422. – С. 3.
- 14/10-9а. Братская помощь. – *Биржевые ведомости*. – № 14422. – С. 3.
- 14/10-12. Героическая реформа. – *Биржевые ведомости*. – № 14428. – С. 2.
- 14/10-14. Ответственность за возникновение войны. – *Биржевые ведомости*. – № 14432. – С. 2.
- 14/10-18. Достойные ученики Вильгельма II. – *Биржевые ведомости*. – № 14440. – С. 2.
- 14/10-19. Мировые перспективы русско-турецкого конфликта. – *Биржевые ведомости*. – № 14442. – С. 2.
- 14/10-20. Факты, о которых следует помнить и напоминать. – *Биржевые ведомости*. – № 14444. – С. 3.
- 14/10-22. Ближневосточные перспективы вступления Турции в войну. – *Биржевые ведомости*. – № 14448. – С. 3.
- 14/10-23. Не нужно общих фраз. – *Биржевые ведомости*. – № 14450. – С. 3.

-
- 14/10-26. Россия и Болгария. – *Биржевые ведомости*. – № 14456. – С. 3.
- 14/10-28. Война и финансы, государственный военный обзор. – *Биржевые ведомости*. – № 14460. – С. 3.
- 14/10-28а. Еще о русско-болгарских отношениях. – *Биржевые ведомости*. – № 14362. – С. 3.
- 14/11-3. «Терпение и уверенность» франкфуртской газеты. – *Биржевые ведомости*. – № 14472. – С. 2-3.
- 14/11-5. К украинскому вопросу. (Ответ Н. А. Гродескулу и «Украинской жизни»). – *Биржевые ведомости*. – № 14476. – С. 1-2.
- 14/11-8. Странная полемика. – *Биржевые ведомости*. – № 14482. – С. 3.
- 14/11-9. Карл Маркс и Восточный вопрос. – *Биржевые ведомости*. – № 14484. – С. 3.
- 14/11-14. Критический поворот. – *Биржевые ведомости*. – № 14494. – С. 3.
- 14/11-16. Англо-русское сближение. – *Биржевые ведомости*. – № 14498. – С. 2-3.
- 14/11-29. Общерусская культура и украинский партикуляризм. – *Биржевые ведомости*. – № 14524. – С. 2.
- 14/11-30. Англичане и германцы. – *Биржевые ведомости*. – № 14526. – С. 3.
- 14/12-6. Ответ моим оппонентам. – *Биржевые ведомости*. – № 14538. – С. 3.
- 14/12-7. Национальное начало в либерализме. – *Биржевые ведомости*. – № 14540. – С. 2.
- 14/12-11. А. М. Рыкачев (Памяти друга). – *Биржевые ведомости*. – № 14548. – С. 3.
- 14/12-13. Уроки живой истории. – *Биржевые ведомости*. – № 14552. – С. 2.
- 14/12-17. Заметки. Еще о национальном начале в либерализме. – Против полемических безобразий. – *Биржевые ведомости*. – № 14560. – С. 3.

1915

- 15/1-1. Письма из Галиции (I). – *Биржевые ведомости*. – № 14586. – С. 2.
- 15/1-12. Письма из Галиции (II). – *Биржевые ведомости*. – № 14606. – С. 3.
- 15/1-27. Из галицийских впечатлений. – *Биржевые ведомости*. – № 14636. – С. 2.
- 15/1-29. Памяти А. М. Колюбакина. – *Биржевые ведомости*. – № 14640. – С. 3.

-
- 15/1-31. Лозунг времени и задачи ведомства просвещения. – *Биржевые ведомости*. – № 14644. – С. 3.
- 15/2-1. Почему Гоголь? – *Биржевые ведомости*. – № 14646. – С. 3.
- 15/2-3. Вероисповедный вопрос и политика в Галиции. Проблемы и трудности. – *Биржевые ведомости*. – № 14648. – С. 2-3.
- 15/2-16. По поводу одной анкеты. – *Биржевые ведомости*. – № 14674. – С. 3.
- 15/2-21a. Заметки. – *Биржевые ведомости*. – № 14684. – С. 3.
- 15/2-21b. Нравственный смысл войны. – *Биржевые ведомости*. – № 14684. – С. 3.
- 15/2-23. Великая война и вопрос о проливах. – *Биржевые ведомости*. – № 14688. – С. 2-3.
- 15/2-27. Юго-славянское объединение. – *Биржевые ведомости*. – № 14696. – С. 2.
- 15/3-1. Человек, отмеченный государственным призванием. – *Биржевые ведомости*. – № 14700. – С. 2-3.
- 15/3-10. Перемышль пал. – *Биржевые ведомости*. – № 14718. – С. 3.
- 15/3-12. Дороговизна и снабжение. – *Биржевые ведомости*. – № 14722. – С. 3.
- 15/3-28. Реальная Венгрия и идиллическая «Угрия». – *Биржевые ведомости*. – № 14749. – С. 3.
- 15/3-29. Национальное самоопределение социалистов. – *Биржевые ведомости*. – № 14751. – С. 2-3.
- 15/4-4. Еще об идиллической «Угрии». – *Биржевые ведомости*. – № 14763. – С. 3.
- 15/4-5. Об одном историко-политическом прозрении. – *Биржевые ведомости*. – № 14765. – С. 3.
- 15/4-6. Памяти А. А. Стаховича. – *Биржевые ведомости*. – № 14767. – С. 3.
- 15/4-11. Духовный кризис Германии. – *Биржевые ведомости*. – № 14777. – С. 3.
- 15/4-16. Неизбежный путь. – *Биржевые ведомости*. – № 14787. – С. 3.
- 15/4-21. Иго табели о рангах. – *Биржевые ведомости*. – № 14797. – С. 3.
- 15/5-16. К проекту университетской реформы (I). – *Биржевые ведомости*. – № 14845. – С. 3.
- 15/5-17. Последний претендент. – *Биржевые ведомости*. – № 14847. – С. 3.
- 15/5-18. К проекту университетской реформы (II). – *Биржевые ведомости*. – № 14849. – С. 3.
- 15/5-24. Война и ее уроки: содействие «всех и каждого». – *Биржевые ведомости*. – № 14861. – С. 3.

-
- 15/5-26. Война и ее уроки: интенсификация жизни. – *Биржевые ведомости*. – № 14865. – С. 3.
- 15/6-5. Война и ее уроки. – *Биржевые ведомости*. – № 14885. – С. 3.
- 15/6-14. Плодоносная нива. – *Биржевые ведомости*. – № 14903. – С. 3.
- 15/6-18. Созыв Государственной Думы и «всенародная задача». – *Биржевые ведомости*. – № 14917. – С. 3.
- 15/6-21. Органическая работа управления. – *Биржевые ведомости*. – № 14917. – С. 2.
- 15/6-29. Веления государственной необходимости. – *Биржевые ведомости*. – № 14933. – С. 2.
- 15/7-5. О «единственной задаче». – *Биржевые ведомости*. – № 14945. – С. 2-3.
- 15/7-10. Не думский парад, а думская работа. – *Биржевые ведомости*. – № 14955. – С. 3.
- 15/7-12. Решающий вопрос. – *Биржевые ведомости*. – № 14959. – С. 3.
- 15/7-18. Пусть в Вене и Берлине не предаются никаким иллюзиям. – *Биржевые ведомости*. – № 14971. – С. 1.
- 15/7-20. Патриотическая тревога. – *Биржевые ведомости*. – № 14975. – С. 5.
- 15/7-26. Основы бодрости и оптимизма. – *Биржевые ведомости*. – № 14987. – С. 3.
- 15/7-30. Ответственность. – *Биржевые ведомости*. – № 14995. – С. 2.
- 15/8-3. Свобода печати. – *Биржевые ведомости*. – № 15003. – С. 2.
- 15/8-8. Единение, твердость и активность. – *Биржевые ведомости*. – № 15013. – С. 3.
- 15/8-16. Извращенные перспективы. – *Биржевые ведомости*. – № 15029. – С. 2-3.
- 15/8-22. Россия – вооруженный лагерь. – *Биржевые ведомости*. – № 15041. – С. 2-3.
- 15/8-30. Спасительный выход. – *Биржевые ведомости*. – № 15057. – С. 3.
- 15/9-6. Подъем организованного духа. – *Биржевые ведомости*. – № 15071. – С. 2.
- 15/9-18. Болгария перед роковыми решениями. – *Биржевые ведомости*. – № 15095. – С. 3.
- 15/9-21. Власть реальных задач. – *Биржевые ведомости*. – № 15101. – С. 3.
- 15/9-27. Болгаро-Турция. – *Биржевые ведомости*. – № 15113. – С. 3.
- 15/10-4. Мобилизация и организация патриотического духа. – *Биржевые ведомости*. – № 15127. – С. 3.
- 15/10-11. Неотвратимое совершается. – *Биржевые ведомости*. – № 15141. – С. 4.

-
- 15/10-13. Собираение духовных сил. – *Биржевые ведомости*. – № 15145. – С. 3.
- 15/10-17. 17-е октября и наша внешняя политика. – *Биржевые ведомости*. – № 15153. – С. 1.
- 15/10-20. Россия страшно выросла. – *Биржевые ведомости*. – № 15159. – С. 3.
- 15/10-25. Листки. – *Биржевые ведомости*. – № 15169. – С. 3.
- 15/10-29. Листки. – *Биржевые ведомости*. – № 15177. – С. 4.
- 15/11-1. Реальное соотношение сил: против малодушия и мелководушия. – *Биржевые ведомости*. – № 15183. – С. 3.
- 15/11-6. Последние сроки. – *Биржевые ведомости*. – № 15193. – С. 2.
- 15/11-8. Листки. – *Биржевые ведомости*. – № 15197. – С. 3.
- 15/11-13. К годовщине гибели А. М. Рыкачева. – *Биржевые ведомости*. – № 15207. – С. 3.
- 15/11-15. Листки. – *Биржевые ведомости*. – № 15211. – С. 3.
- 15/11-22. Листки. – *Биржевые ведомости*. – № 15225. – С. 3.
- 15/11-27. Россия и английская культура. – *Биржевые ведомости*. – № 15235. – С. 3.
- 15/11-29. Листки. – *Биржевые ведомости*. – № 15239. – С. 3.
- 15/12-4. Дух государственного старчества. – *Биржевые ведомости*. – № 15249. – С. 2.
- 15/12-7. Листки. – *Биржевые ведомости*. – № 15255. – С. 3.
- 15/12-12. В России и в Англии. – *Биржевые ведомости*. – № 15265. – С. 3.
- 15/12-13. Листки. – *Биржевые ведомости*. – № 15267. – С. 3.
- 15/12-18. Наша будущая торговая политика. – *Биржевые ведомости*. – № 15277. – С. 3.
- 15/12-21. Листки: к толкам о мире. – *Биржевые ведомости*. – № 15283. – С. 3.
- 15/12-28. Второе Рождество на войне. – *Биржевые ведомости*. – № 15292. – С. 3.
- 15/12-30. Таможенное объединение Германии и Австро-Венгрии? – *Биржевые ведомости*. – № 15296. – С. 3.

1916

- 16/1-1. Нечто, никогда еще не бывшее. – *Биржевые ведомости*. – № 15300. – С. 3.
- 16/1-24. Листки. – *Биржевые ведомости*. – № 15342. – С. 3.
- 16/1-30. Четвертное согласие и нейтралитет. – *Биржевые ведомости*. – № 15354. – С. 3.
- 16/1-31. Листки. – *Биржевые ведомости*. – № 15356. – С. 3.
- 16/2-3. Единственная программа. – *Биржевые ведомости*. – № 15362. – С. 1-2.

-
- 16/2-7. Листки. – *Биржевые ведомости*. – № 15370. – С. 3.
16/2-14. Листки. – *Биржевые ведомости*. – № 15384. – С. 3.
16/2-21. Листки. – *Биржевые ведомости*. – № 15398. – С. 3.
16/2-28. Листки. – *Биржевые ведомости*. – № 15410. – С. 3.

1918

- 18/12-21. Wenäjā pelastumisen ehto. – *Helsingin sanomat* (Helsinki). – № 272. Перевод этой статьи на русский см.: *Северная жизнь*. – № 10 (18/12-24); изложение см.: «П. Б. Струве о большевизме». – *Русский листок*. – № 174 (18/12-28).

1919

- 19/1-3а. В чем возрождение России? – *Современная жизнь*. – № 1.
19/1-3б. Пророчество М. Ю. Лермонтова о русской революции. – *Русский листок*. – № 1.
19/1-4а. Потери русской науки. – *Северная жизнь*. – № 2. 19/1-4б. Новые члены Российской Академии. – *Северная жизнь*. – № 2.
19/1-11. Совещание в Выборге. – *Северная жизнь*. – № 6.
19/8-29. Большевизм и Ленин. – *Общее дело*. – № 55. – С. 4.
19/10-5. Россия и Запад. – *Великая Россия*. – № 303. – С. 1.
19/10-12. Основные начала экономической политики. – *Великая Россия*. – № 309. – С. 1.
19/10-18. Устроение тыла. – *Великая Россия*. – № 313. – С. 1.
19/10-21. Экономическое крушение Советской России. – *Великая Россия*. – № 315. – С. 1.
19/10-23а. Современное положение и задачи экономической политики. – *Великая Россия*. – № 317. – С. 1.
19/10-23б. Памяти двух русских историков. – *Великая Россия*. – № 317. – С. 2. 19/10-26. Памяти А. С. Белевского-Белоруссова. – *Великая Россия*. – № 320. – С. 1.
19/10-28. Русская агитационная работа за границей. – *Великая Россия*. – № 321. – С. 1.
19/11-13. Против малOVERов и малодушных тыла. – *Великая Россия*. – № 334. – С. 1.
19/11-14. Национализм. – *Великая Россия*. – № 335. – С. 1.
19/11-15. Самостийническая демагогия и кубанские войны. – *Великая Россия*. – № 336. – С. 1.
19/11-21. Твердость. – *Великая Россия*. – № 341. – С. 1.
19/11-23. Управление на местах. – *Великая Россия*. – № 343. – С. 1.

-
- 19/11-26. Деловая программа. – *Великая Россия*. – № 345. – С. 1.
19/11-29. Тенденциозная критика. – *Великая Россия*. – № 348. – С. 1.
19/12-3. Никаких разговоров. – *Великая Россия*. – № 351. – С. 1.
19/12-4. Политическое прожектерство. – *Великая Россия*. – № 352. – С. 1.
19/12-9. Основные задачи финансовой политики. – *Великая Россия*. – № 354. – С. 1.
19/12-13. Откровенное слово. – *Великая Россия*. – № 358. – С. 1.
19/12-14. Беспредметные устремления. – *Великая Россия*. – № 359. – С. 1.
19/12-16. Англия и Россия. – *Великая Россия*. – № 360. – С. 1.

1920

- 20/2-22. Промотанная Россия. – *Великая Россия*. – № 412. – С. 1.
20/11-17. La séance continue. – *Общее дело*. – № 125. – С. 1.

1921

- 21/4-21. По существу (I). – *Руль*. – № 129. – С. 1-2.
21/4-30. По существу (II). – *Руль*. – № 137. – С. 1-2.
21/5-1. По существу (III). – *Руль*. – № 138. – С. 1-2.
21/5-25. Экономика и политика в советском строе. – *Руль*. – № 153. – С. 2-3.
21/6-2. Речь на собрании членов съезда Национального объединения. – *Общее дело*. – № 321. – С. 3.
21/6-5. О некоторых трудностях национального объединения. – *Руль*. – № 164. – С. 2-3.
21/6-8. Доклад на съезде Национального объединения. Об экономическом положении Советской России. – *Общее дело*. – № 327. – С. 2.
21/6-9. Экономические итоги большевизма. Доклад на съезде Национального объединения. (Окончание.) – *Общее дело*. – № 328. – С. 2.
21/6-10. Речь на съезде Национального объединения. – *Общее дело*. – № 329. – С. 2.
21/6-11. Речь на съезде Национального объединения. – *Общее дело*. – № 330. – С. 2. 21/7-6. По существу (IV). – *Руль*. – № 191. – С. 1-2.
21/7-9. По существу (V). – *Руль*. – № 194. – С. 1-2.
21/7-16. По существу (VI). – *Руль*. – № 200. – С. 1-2.
21/7-27. По существу (VII). – *Руль*. – № 209. – С. 1-2.
21/8-19. The Russian famine. – *The Times*. – P. 9.

-
- 21/9-21. Кризис социализма и правящая социал-демократия. – *Руль*. – № 257. – С. 2-3.
21/9-23. Низость и глупость. – *Руль*. – № 259. – С. 1-2.
21/9-25. In memorem. Блок и Гумилев. – *Руль*. – № 261. – С. 2.
21/10-4. Подлог (I). – *Руль*. – № 268. – С. 1-2.
21/11-2. А. В. Кривошеин. – *Руль*. – № 292. – С. 2-3.
21/11-11. Пророк русского духовного возрождения. – *Руль*. – № 300. – С. 5.

1925

- 25/6-3. Освобождение и возрождение. – *Возрождение*. – № 1. – С. 1.
25/6-6. Редакционная статья. – *Возрождение*. – № 4. – С. 1.
25/6-7. Дело и вождь. – *Возрождение*. – № 5. – С. 1.
25/6-8а. Редакционная статья. – *Возрождение*. – № 6. – С. 1.
25/6-8б. Д. П. – 1*. – *Возрождение*. – № 6. – С. 1.
25/6-8с. Рецензия на книги: А. А. Соколов. Скорость обращения денег и товарные цены (М., 1925); С. Первушин. Хозяйственная конъюнктура (М., 1925).
25/6-10. Д. П. – 2. – *Возрождение*. – № 8. – С. 1.
25/6-14а. Редакционная статья. – *Возрождение*. – № 12. – С. 1.
25/6-14б. Д. П. – 3. – *Возрождение*. – № 12. – С. 1.
25/6-19. Д. П. – 4. – *Возрождение*. – № 17. – С. 1.
25/6-20а. Беседа вел. кн. Николая Николаевича с редактором «Возрождения». – *Возрождение*. – № 18. – С. 1.
25/6-20б. Вождь. – *Возрождение*. – № 18. – С. 1.
25/6-21. Д. П. – 5. – *Возрождение*. – № 19. – С. 1.
25/6-23. Среди газет и журналов. – *Возрождение*. – № 21. – С. 2.
25/6-25. Д. П. – 6. – *Возрождение*. – № 23. – С. 1.
25/6-26а. Памяти генерала С. Л. Маркова. – *Возрождение*. – № 24. – С. 1.
25/6-26б. Д. П. – 7. – *Возрождение*. – № 24. – С. 2.
25/6-27. Д. П. – 8. – *Возрождение*. – № 25. – С. 2.
25/6-28. Д. П. – 9. – *Возрождение*. – № 26. – С. 2.
25/6-29. Белая вера и белая идея. – *Возрождение*. – № 27. – С. 1.
25/6-30. Д. П. – 10. – *Возрождение*. – № 28. – С. 1.
25/7-2. Памяти Н. А. Хомякова. – *Возрождение*. – № 30. – С. 1.
25/7-5. Д. П. – 11. – *Возрождение*. – № 33. – С. 1.
25/7-12а. Д. П. – 12. – *Возрождение*. – № 40. – С. 1.
25/7-12в. Венок на могилу А. Гессена. – *Возрождение*. – № 40. – С. 2.

* Здесь и далее: Д. П. – принятое в данной библиографии сокращение для постоянной рубрики «Дневник политика».

-
- 25/7-16. Демократия и консерватизм. – *Возрождение*. – № 44. – С. 1.
25/7-17. Неувядаемая красота. – *Возрождение*. – № 45. – С. 1.
25/7-21. Отечество и собственность. – *Возрождение*. – № 49. – С. 3.
25/7-23. Д. П. – 13. – *Возрождение*. – № 51. – С. 1.
25/7-25. Д. П. – 14. – *Возрождение*. – № 53. – С. 1.
25/8-18. Д. П. – 17. – *Возрождение*. – № 77. – С. 1.
25/8-26. Д. П. – 19. – *Возрождение*. – № 85. – С. 1.
25/8-27. Основы национальной платформы. – *Возрождение*. – № 103. – С. 1.
25/9-13. Зарубежный съезд. – *Возрождение*. – № 103. – С. 1.
25/9-17. З. П. – 1**. – *Возрождение*. – № 107. – С. 3.
25/9-23. Д. П. – 21. – *Возрождение*. – № 113. – С. 1.
25/9-27. Д. П. – 22. – *Возрождение*. – № 117. – С. 1.
25/9-28. З. П. – 2. – *Возрождение*. – № 118. – С. 2.
25/10-5. Высшая школа в Харбине. – *Возрождение*. – № 125. – С. 3.
25/10-8. Один из героев национальной России. – *Возрождение*. – № 128. – С. 1.
25/10-11. Д. П. – 23. – *Возрождение*. – № 131. – С. 1.
25/10-17. Сосредоточение: несколько мыслей и два вопроса. – *Возрождение*. – № 137. – С. 1.
25/10-18. Д. П. – 24. – *Возрождение*. – № 138. – С. 1.
25/10-19. Д. П. – 25. – *Возрождение*. – № 139. – С. 1.
25/10-30. Скорбная дата. – *Возрождение*. – № 150. – С. 1.
25/11-1. Д. П. – 27. – *Возрождение*. – № 152. – С. 1.
25/11-8. Кризис Зарубежного съезда? – *Возрождение*. – № 159. – С. 1.
25/11-11. Наши позиции. – *Возрождение*. – № 162. – С. 1.
25/11-14. Несколько слов А. А. Пиленко и о нем. – *Возрождение*. – № 165. – С. 1.
25/11-15. Честь и честный лик России. – *Возрождение*. – № 166. – С. 1.
25/11-20. Памятник. – *Возрождение*. – № 171. – С. 1.
25/11-21. Соглашение и объединение для нас обязательны. – *Возрождение*. – № 172. – С. 3.
25/11-27. Д. П. – 28. – *Возрождение*. – № 178. – С. 2.
25/11-29. Д. П. – 29. – *Возрождение*. – № 180. – С. 1.
25/12-3. Д. П. – 31. – *Возрождение*. – № 184. – С. 1.
25/12-6. Д. П. – 32. – *Возрождение*. – № 187. – С. 1.
25/12-10. Д. П. – 33. – *Возрождение*. – № 191. – С. 1.
25/12-17. Д. П. – 34. – *Возрождение*. – № 198. – С. 1.
25/12-19. Д. П. – 35. – *Возрождение*. – № 200. – С. 1.
25/12-21. Д. П. – 36. – *Возрождение*. – № 202. – С. 2.

** Здесь и далее: З. П. – принятое в данной библиографии сокращение для постоянной рубрики «Заметки писателя».

-
- 25/12-25. Д. П. – 37. – *Возрождение*. – № 206. – С. 1.
25/12-27. К. П. Крамаржу. – *Возрождение*. – № 208. – С. 2.

1926

- 26/1-1. Д. П. – 38. – *Возрождение*. – № 213. – С. 1.
26/1-10. Д. П. – 39. – *Возрождение*. – № 222. – С. 1.
26/1-20. Д. П. – 40. – *Возрождение*. – № 232. – С. 1.
26/1-30. Д. П. – 40 [sic!]. – *Возрождение*. – № 242. – С. 1.
26/1-31. Д. П. – 41. – *Возрождение*. – № 243. – С. 1.
26/2-1. Чему мы, русские, можем и должны учиться у чехов? – *Возрождение*. – № 244. – С. 2-3.
26/2-3. Д. П. – 42. – *Возрождение*. – № 246. – С. 1.
26/2-4. Д. П. – 44. – *Возрождение*. – № 247. – С. 1.
26/2-6. Речь П. Б. Струве в Организационном комитете Зарубежного съезда. – *Возрождение*. – № 249. – С. 1.
26/2-7. Д. П. – 45. – *Возрождение*. – № 250. – С. 1.
26/2-9. Д. П. – 46. – *Возрождение*. – № 252. – С. 1.
26/2-21а. Лучезарная слава. – *Возрождение*. – № 264. – С. 1.
26/2-21б. «Андрюша не может заснуть». [Глава из романа «Времена», подпись – Сергей Лунин.] – *Возрождение*. – № 264. – С. 1.
26/2-23. Д. П. – 47. – *Возрождение*. – № 266. – С. 1.
26/2-25. Д. П. – 48. – *Возрождение*. – № 268. – С. 1.
26/2-28. Д. П. – 49. – *Возрождение*. – № 271. – С. 1.
26/3-4. «Обед у графа Пронского». [Глава из романа «Времена», подпись – Сергей Лунин.] – *Возрождение*. – № 275. – С. 1.
26/3-11. Нелепые интриги и интрижные нелепицы. – *Возрождение*. – № 282. – С. 1.
26/3-13. Д. П. – 50. – *Возрождение*. – № 284. – С. 1.
26/3-21. Momento. – *Возрождение*. – № 292. – С. 1.
26/3-30. Условия и задачи Зарубежного объединения. – *Возрождение*. – № 301. – С. 1.
26/4-5. Вступительная речь председателя Организационного комитета П. Б. Струве на открытии Российского Зарубежного съезда. – *Возрождение*. – № 307. – С. 1.
26/4-22. Памяти А. А. Чупрова. – *Возрождение*. – № 324. – С. 2.
26/4-25. Д. П. – 51. – *Возрождение*. – № 327. – С. 1.
26/4-28. Д. П. – 52. – *Возрождение*. – № 330. – С. 1.
26/4-29. З. П. – 3. – Русский язык – очистители и засорители. – *Возрождение*. – № 331. – С. 3-4.
26/4-30. Любовь к Христу. – *Возрождение*. – № 332. – С. 2.
26/5-2. Светлый праздник. – *Возрождение*. – № 334. – С. 1.
26/5-5. Д. П. – 53. – *Возрождение*. – № 337. – С. 1.

-
- 26/5-6. З. П. – 4. – *Возрождение*. – № 338. – С. 3.
26/5-13а. Д. П. – 55. – *Возрождение*. – № 345. – С. 1.
26/5-13б. Армия. – *Возрождение*. – № 345. – С. 2.
26/5-13с. З. П. – 6. – *Возрождение*. – № 345. – С. 3.
26/5-16. Д. П. – 56. – *Возрождение*. – № 348. – С. 1.
26/5-19. Д. П. – 57. – *Возрождение*. – № 351. – С. 1.
26/5-20. З. П. – 7. – *Возрождение*. – № 352. – С. 3-4.
26/5-22. Д. П. – 58. – *Возрождение*. – № 354. – С. 1.
26/5-27. Из духовного прошлого России. – *Возрождение*. – № 359. – С. 3.
26/5-30. Константин Леонтьев. – *Возрождение*. – № 362. – С. 2-3.
26/6-1. Д. П. – 60. – *Возрождение*. – № 364. – С. 1.
26/6-3. Д. П. – 61. – *Возрождение*. – № 366. – С. 1.
26/6-5. Д. П. – 62. – *Возрождение*. – № 368. – С. 1.
26/6-7а. Именем Пушкина. – *Возрождение*. – № 370. – С. 1.
26/6-7б. Русская наука в русской культуре. – *Возрождение*. – № 370. – С. 2-4.
26/6-10. Чех-националист о русской революции. – *Возрождение*. – № 373. – С. 2.
26/6-13. Юрий Самарин. – *Возрождение*. – № 376. – С. 2-3.
26/6-15. Д. П. – 63. – *Возрождение*. – № 378. – С. 1.
26/6-20. З. П. – 7. – *Возрождение*. – № 383. – С. 2.
26/6-24. Откуда берутся выдающиеся ученые и какова бывает судьба их потомства? – *Возрождение*. – № 387. – С. 2-3.
26/7-10. Владимир Александрович Герд. – *Возрождение*. – № 403. – С. 2.
26/7-13. Д. П. – 64. – *Возрождение*. – № 406. – С. 1.
26/7-22. Д. П. – 65. – *Возрождение*. – № 415. – С. 1.
26/7-28. Д. П. – 66. – *Возрождение*. – № 421. – С. 1.
26/7-29. З. П. – Лукиан нашего времени. К 70-летию Бернарда Шоу. – *Возрождение*. – № 422. – С. 3.
26/8-1. Д. П. – 67. – *Возрождение*. – № 425. – С. 1.
26/8-5. Д. П. – 68. – *Возрождение*. – № 429. – С. 1.
26/8-7. Фр. Палацкий. – *Возрождение*. – № 431. – С. 2.
26/8-8. Д. П. – 69. – *Возрождение*. – № 432. – С. 1.
26/8-12. Д. П. – 70. – *Возрождение*. – № 436. – С. 1.
26/8-19. Д. П. – 71. – *Возрождение*. – № 443. – С. 1.
26/8-24а. Д. П. – 72. – *Возрождение*. – № 448. – С. 1.
26/8-24б. Памяти ген. С. А. Воронина. – *Возрождение*. – № 448. – С. 1.
26/8-26а. Память о Н. С. Гумилеве. – *Возрождение*. – № 450. – С. 1.
26/8-26б. Памяти В. А. Герда. – *Возрождение*. – № 450. – С. 2.
26/8-26с. Восточное христианство или православие в оценке западных богословов. – *Возрождение*. – № 450. – С. 3.

-
- 26/8-29. Д. П. – 73. – *Возрождение*. – № 453. – С. 1.
26/8-31. Д. П. – 74-75. – *Возрождение*. – № 455. – С. 1.
26/9-2а. Д. П. – 76. – *Возрождение*. – № 457. – С. 1.
26/9-2б. З. П. – 9. – *Возрождение*. – № 457. – С. 3.
26/9-5. Д. П. – 77. – *Возрождение*. – № 460. – С. 1.
26/9-9а. Д. П. – 78. – *Возрождение*. – № 464. – С. 1.
26/9-9б. Оптина пустынь и ее старчество. – *Возрождение*. – № 464. – С. 3.
26/9-12. Наш французский номер. – *Возрождение*. – № 467. – С. 1.
26/9-16. Д. П. – 79. – *Возрождение*. – № 471. – С. 1.
26/9-19. Д. П. – 80. – *Возрождение*. – № 474. – С. 1.
26/9-22а. Д. П. – 81. – *Возрождение*. – № 477. – С. 1.
26/9-22б. Вымыслы, провокация и подстрекательство. – *Возрождение*. – № 477. – С. 1.
26/9-23. Д. П. – 82. – *Возрождение*. – № 478. – С. 1.
26/9-26. Д. П. – 83. П. А. Столыпин. – *Возрождение*. – № 481. – С. 1.
26/9-30. Д. П. – 84. – *Возрождение*. – № 485. – С. 1.
26/10-5. Д. П. – 85. – *Возрождение*. – № 490. – С. 1.
26/10-7. Д. П. – 86. – *Возрождение*. – № 492. – С. 1.
26/10-10. Д. П. – 87. – *Возрождение*. – № 495. – С. 1.
26/10-12. М. М. Винавер. – *Возрождение*. – № 497. – С. 2.
26/10-14а. Д. П. – 88. – *Возрождение*. – № 499. – С. 1.
26/10-14б. Интересный юбилей в истории Российской Академии наук. – *Возрождение*. – № 499. – С. 1.
26/10-16. Д. П. – 89. – *Возрождение*. – № 501. – С. 1.
26/10-19. Д. П. – 90. – *Возрождение*. – № 504. – С. 1.
26/10-24. Д. П. – 91. – *Возрождение*. – № 509. – С. 1.
26/10-26. Д. П. – 92. – *Возрождение*. – № 511. – С. 1.
26/10-28а. «Встречают Государя». [Глава из романа «Времена», подпись – Сергей Лунин.] – *Возрождение*. – № 513. – С. 2.
26/10-28б. З. П. – 10. – *Возрождение*. – № 513. – С. 1.
26/11-2. «Дарья Михайловна едет в Красный Крест». [Глава из романа «Времена», подпись – Сергей Лунин.] – *Возрождение*. – № 517. – С. 2-3.
26/11-7. Д. П. – 93. – *Возрождение*. – № 523. – С. 1.
26/11-11. Д. П. – 94. – *Возрождение*. – № 527. – С. 1.
26/11-12. Д. П. – 95. – *Возрождение*. – № 528. – С. 1.
26/11-14. Белая годовщина. – *Возрождение*. – № 530. – С. 1.
26/11-16. Лики и дух белого движения. – *Возрождение*. – № 532. – С. 1.
26/11-18. З. П. – 11. – *Возрождение*. – № 534. – С. 3.
26/11-25. О положении в России. – *Возрождение*. – № 541. – С. 1.
26/11-28. Д. П. – 96. – *Возрождение*. – № 544. – С. 1.
26/11-30. Д. П. – 97. – *Возрождение*. – № 546. – С. 1.

-
- 26/12-1. Д. П. – 98. – *Возрождение*. – № 547. – С. 1.
26/12-5. Д. П. – 99. – *Возрождение*. – № 551. – С. 1.
26/12-11. Д. П. – 100. – *Возрождение*. – № 557. – С. 1.
26/12-12. Д. П. – 101. – *Возрождение*. – № 558. – С. 1.
26/12-15. К кончине Николы Пашича. – *Возрождение*. – № 561. – С. 1.
26/12-19. Д. П. – 102-103. – *Возрождение*. – № 565. – С. 1.
26/12-21. Д. П. – 104. – *Возрождение*. – № 567. – С. 1.
26/12-23. Д. П. – 105-106. – *Возрождение*. – № 569. – С. 1.
26/12-26. Д. П. – 107-108. – *Возрождение*. – № 572. – С. 1.
26/12-31. Мужик или коммунист? – *Возрождение*. – № 577. – С. 2-3.

1927

- 27/1-1. Д. П. – 110. – *Возрождение*. – № 583. – С. 1.
27/1-7. Горе имеем сердца! – *Возрождение*. – № 584. – С. 1.
27/1-13. Д. П. – 111. – *Возрождение*. – № 590. – С. 1.
27/1-14. Д. П. – 112. – *Возрождение*. – № 591. – С. 1.
27/1-15. Д. П. – 113. – *Возрождение*. – № 592. – С. 1.
27/1-16. Д. П. – 114. – *Возрождение*. – № 593. – С. 1.
27/1-20. Д. П. – 115-116. – *Возрождение*. – № 597. – С. 1.
27/1-23. Д. П. – 117-118. – *Возрождение*. – № 600. – С. 1.
27/1-25. Татьянин день – *Возрождение*. – № 602. – С. 1.
27/1-27. Д. П. – 119. – *Возрождение*. – № 604. – С. 1.
27/1-28. Д. П. – 120. – *Возрождение*. – № 605. – С. 1.
27/2-1. Д. П. – 121. – *Возрождение*. – № 609. – С. 1.
27/2-2. Слепление – *Возрождение*. – № 610. – С. 1.
27/2-5. Д. П. – 122-124. – *Возрождение*. – № 613. – С. 1.
27/2-6. Д. П. – 125-126. – *Возрождение*. – № 614. – С. 1.
27/2-8. Д. П. – 127-128. – *Возрождение*. – № 616. – С. 1.
27/2-9. Д. П. – 129-130. – *Возрождение*. – № 617. – С. 1.
27/2-10. Д. П. – 131-132. – *Возрождение*. – № 618. – С. 1.
27/2-13. Д. П. – 133-134. – *Возрождение*. – № 621. – С. 1.
27/2-18. Д. П. – 135-136. – *Возрождение*. – № 626. – С. 1.
27/2-19. Д. П. – 137. – *Возрождение*. – № 627. – С. 1.
27/2-22. Д. П. – 138. – *Возрождение*. – № 630. – С. 1.
27/2-24. Д. П. – 139. – *Возрождение*. – № 632. – С. 1.
27/2-25. Церковные нестроения и выход из них. – *Возрождение*. – № 633. – С. 1.
27/3-6. Д. П. – 141. – *Возрождение*. – № 642. – С. 1.
27/3-8. Д. П. – 142. – *Возрождение*. – № 644. – С. 1.
27/3-12. Д. П. – 143. – *Возрождение*. – № 648. – С. 1.
27/3-13. Д. П. – 144. – *Возрождение*. – № 649. – С. 1.
27/3-25. Д. П. – 145. – *Возрождение*. – № 661. – С. 1.

-
- 27/3-31. Д. П. – 146. – *Возрождение.* – № 667. – С. 1.
27/4-7. Д. П. – 149. – *Возрождение.* – № 674. – С. 1.
27/4-14. Д. П. – 150. – *Возрождение.* – № 681. – С. 1.
27/4-15. Д. П. – 151. – *Возрождение.* – № 682. – С. 1.
27/4-17. Д. П. – 152-153. – *Возрождение.* – № 684. – С. 1.
27/4-21. Новая книга по истории религиозной философии. – *Возрождение.* – № 688. – С. 3.
27/4-23. Д. П. – 154. – *Возрождение.* – № 690. – С. 1.
27/4-24. Верую, правдою и силою. – *Возрождение.* – № 691. – С. 1.
27/4-25. Пятидесятилетие войны за освобождение славян – *Возрождение.* – № 692. – С. 1.
27/4-27. Д. П. – 155. – *Возрождение.* – № 694. – С. 1.
27/5-3. Д. П. – 156-157. – *Возрождение.* – № 700. – С. 1.
27/5-5. Д. П. – 158-159. – *Возрождение.* – № 702. – С. 1.
27/5-8. Д. П. – 160-162. – *Возрождение.* – № 705. – С. 1.
27/5-10. Д. П. – 163. – *Возрождение.* – № 707. – С. 1.
27/5-11. Заблуждения г. Макдональда. – *Возрождение.* – № 708. – С. 1.
27/5-13. Д. П. – 164. – *Возрождение.* – № 710. – С. 1.
27/5-15. Д. П. – 165. – *Возрождение.* – № 712. – С. 1.
27/5-16. Д. П. – 166-167. – *Возрождение.* – № 713. – С. 1.
27/5-17. Д. П. – 168. – *Возрождение.* – № 714. – С. 1.
27/5-21. Д. П. – 169. – *Возрождение.* – № 718. – С. 1.
27/5-24. Д. П. – 170. – *Возрождение.* – № 721. – С. 1.
27/5-25. Д. П. – 171. – *Возрождение.* – № 722. – С. 1.
27/5-26. Д. П. – 172. – *Возрождение.* – № 723. – С. 1.
27/5-29. Д. П. – 173-174. – *Возрождение.* – № 726. – С. 1.
27/6-1. Д. П. – 175-177. – *Возрождение.* – № 729. – С. 1.
27/6-5. Д. П. – 178. – *Возрождение.* – № 733. – С. 1.
27/6-9. Д. П. – 179. – *Возрождение.* – № 737. – С. 1.
27/6-10. Д. П. – 180-181. – *Возрождение.* – № 738. – С. 1.
27/6-11. Д. П. – 182-183. – *Возрождение.* – № 739. – С. 1.
27/6-14. Д. П. – 184. – *Возрождение.* – № 742. – С. 1.
27/6-15. Д. П. – 185. – *Возрождение.* – № 743. – С. 1.
27/6-16. Д. П. – 186. – *Возрождение.* – № 744. – С. 1.
27/6-17. Д. П. – 187. – *Возрождение.* – № 745. – С. 1.
27/6-19. Д. П. – 188-189. – *Возрождение.* – № 747. – С. 1.
27/6-21. Д. П. – 190. – *Возрождение.* – № 749. – С. 1.
27/6-23. Д. П. – 191. – *Возрождение.* – № 751. – С. 1.
27/6-25. Д. П. – 192. – *Возрождение.* – № 753. – С. 1.
27/6-28. Д. П. – 194. – *Возрождение.* – № 756. – С. 1.
27/6-29. Д. П. – 195. – *Возрождение.* – № 757. – С. 1.
27/7-1. Д. П. – 196. – *Возрождение.* – № 759. – С. 1.

- 27/7-2. Д. П. – 197. – *Возрождение*. – № 760. – С. 1.
- 27/7-3а. К Епархиальному собранию. – *Возрождение*. – № 761. – С. 1.
- 27/7-3б. Памяти Е. Г. Катковой. – *Возрождение*. – № 761. – С. 2.
- 27/7-5. Д. П. – 198-199. – *Возрождение*. – № 763. – С. 1.
- 27/7-6. Д. П. – 200. – *Возрождение*. – № 764. – С. 1.
- 27/7-8. Д. П. – 201. – *Возрождение*. – № 766. – С. 1.
- 27/7-10. Д. П. – 202. – *Возрождение*. – № 768. – С. 1.
- 27/7-14. Большевики, мир и мы. – *Возрождение*. – № 772. – С. 1.
- 27/8-18. Письмо в редакцию (Об уходе с поста редактора и из состава редакции.). – *Возрождение*. – № 807. – С. 1.
- 27/8-28а. Д. П. – 202 (1) – 203 (2). – *Россия*. – № 1. – С. 1.
- 27/8-28б. Патриаршая церковь и Русское Зарубежье. – *Россия*. – № 1. – С. 2.
- 27/9-3а. Д. П. – 204 (3) – 205 (4). – 206 (5). – *Россия*. – № 2. – С. 1.
- 27/9-3б. Речь о Корнилове. – *Россия*. – № 2. – С. 3.
- 27/9-10а. Д. П. – 207 (6) – 208 (7). – *Россия*. – № 3. – С. 1.
- 27/9-10с. Православные католики против «Action Française». – *Россия*. – № 3. – С. 4.
- 27/9-17а. Д. П. – 208 (7). – *Россия*. – № 4. – С. 1.
- 27/9-17б. З. П. – 3 (14). – *Россия*. – № 4. – С. 3-4
- 27/9-24а. Д. П. – 209 (8). – *Россия*. – № 5. – С. 1.
- 27/9-24б. З. П. – 4 (15). – *Россия*. – № 5. – С. 3-4.
- 27/10-1а. Д. П. – 210 (9) – 211 (10). – *Россия*. – № 6. – С. 1.
- 27/10-1б. З. П. – 5 (16) – 6 (17) – 7 (18). – *Россия*. – № 6. – С. 3.
- 27/10-8. Д. П. – 212 (11). – *Россия*. – № 7. – С. 1.
- 27/10-15а. Д. П. – 213 (12) – 214 (13). – *Россия*. – № 8. – С. 1-2.
- 27/10-15б. А. Ф. Кони о жизни и смерти. – *Россия*. – № 8. – С. 3.
- 27/10-15с. З. П. – 8 (19). – *Россия*. – № 8. – С. 3-4.
- 27/10-22а. Д. П. – 214 (13) – 215 (14). – *Россия*. – № 9. – С. 1.
- 27/10-22б. 25-летие Политехнического института имени императора Петра Великого. – *Россия*. – № 9. – С. 3.
- 27/10-29а. Д. П. – 216 (15) – 217 (16). – 218 (17). – *Россия*. – № 10. – С. 2.
- 27/10-29б. Письма П. Б. Струве Н. Н. Шебенко. – *Россия*. – № 10. – С. 2.
- 27/10-29с. История всеобщая и история церковная в их взаимоотношениях. – *Россия*. – № 10. – С. 3.
- 27/10-29д. Георг фон Белов. – *Россия*. – № 10. – С. 4.
- 27/11-5а. Д. П. – 219 (18). – 220 (19). – *Россия*. – № 11. – С. 1.
- 27/11-5б. З. П. – 9 (20). – *Россия*. – № 11. – С. 3.
- 27/11-12а. Д. П. – 221 (20) – 222 (21) – 223 (22). – *Россия*. – № 12. – С. 1.

-
- 27/11-12b. Борьба до конца! – *Россия*. – № 12. – С. 1.
27/11-12c. Что происходит в России? – Что нужно Зарубежью? – *Россия*. – № 12. – С. 1.
27/11-12d. З. П. – 10 (21). – *Россия*. – № 12. – С. 3.
27/11-12e. Памяти А. Ф. Кони – *Россия*. – № 12. – С. 3.
27/11-12f. Из истории книжного дела в России. – *Россия*. – № 12. – С. 4.
27/11-19a. Д. П. – 224 (23). – *Россия*. – № 13. – С. 1.
27/11-19b. З. П. – 11 (22). – *Россия*. – № 13. – С. 3.
27/11-19c. Земля Пушкина. – *Россия*. – № 13. – С. 4.
27/11-26a. Д. П. – 225 (24) – 226 (25). – *Россия*. – № 14. – С. 1-2.
27/11-26b. З. П. – 12 (23). – *Россия*. – № 14. – С. 3.
27/12-3a. Д. П. – 227 (26) – 228 (27). – 229(28). – *Россия*. – № 15. – С. 1.
27/12-3b. З. П. – 13 (24). – *Россия*. – № 15. – С. 4.
27/12-10a. Д. П. – 230 (29). – *Россия*. – № 16. – С. 1.
27/12-10b. З. П. – 14 (25) – 15 (26). – *Россия*. – № 16. – С. 3.
27/12-10c. Из литературы о Пушкине. – *Россия*. – № 16. – С. 4.
27/12-17a. Д. П. – 231 (30). – *Россия*. – № 17. – С. 1.
27/12-17b. С. В. Лурье. – *Россия*. – № 17. – С. 2.
27/12-24a. Д. П. – 232 (31) – 233 (32) – 234 (33). – *Россия*. – № 18. – С. 1.
27/12-24b. Из новостей русской исторической литературы. – *Россия*. – № 18. – С. 3.
27/12-24c. Русский колокол. – *Россия*. – № 18. – С. 4.
27/12-31a. Д. П. – 235 (34) – 236 (35). – *Россия*. – № 19. – С. 1.
27/12-31b. Памяти С. Д. Сазонова – *Россия*. – № 19. – С. 1.
27/12-31c. Новые данные о «Братстве Русской Правды». – *Россия*. – № 19. – С. 1.
27/12-31d. З. П. – 16 (27). – *Россия*. – № 19. – С. 3.
27/12-31e. «Вынужденное объяснение» Н. Н. Львова и ответ на него П. Б. Струве. – *Россия*. – № 19. – С. 5.

1928

- 28/1-7a. Рождество Христово. – *Россия*. – № 20. – С. 1.
28/1-7b. Ответ Н. Н. Львову. – *Россия*. – № 20. – С. 1-2.
28/1-14a. Д. П. – 237 (36). – *Россия*. – № 21. – С. 1.
28/1-14b. Новый год. – *Россия*. – № 21. – С. 1.
28/1-14c. З. П. – 17 (28). – *Россия*. – № 21. – С. 3.
28/1-14d. Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. – *Россия*. – № 21. – С. 2.
28/1-21a. Д. П. – 239 (38). – *Россия*. – № 22. – С. 1.
28/1-21b. К Татьянину дню. – *Россия*. – № 22. – С. 1.

- 28/1-21с. З. П. – 18 (29). – *Россия*. – № 22. – С. 3.
28/-28а. Д. П. – 241 (40). – *Россия*. – № 23. – С. 1.
28/1-28b. Два чествования. – *Россия*. – № 23. – С. 1.
28/2-4. Д. П. – 242 (41). – *Россия*. – № 24. – С. 1.
28/2-11. Д. П. – 243 (42) – 244 (43). – *Россия*. – № 25. – С. 1-2.
28/2-18а. Д. П. – 245 (44) – 246 (45) – 247 (46). – *Россия*. – № 26. – С. 1.
28/2-18b. Приветствие «России» А. А. Алехину. – *Россия*. – № 26. – С. 1.
28/2-18с. З. П. – 19 (30) – 20 (31). – *Россия*. – № 26. – С. 3.
28/2-18d. Столетие замечательного русского поэта-переводчика. Д. Л. Михаловский. – *Россия*. – № 26. – С. 3.
28/2-18е. «Вася Куров ранен на Шипке». [Глава из романа «Времена», подпись – Сергей Лунин.] – *Россия*. – № 26. – С. 3-4.
28/2-25а. Д. П. – 248 (47). – *Россия*. – № 27. – С. 1.
28/2-25b. Свобода и собственность. – *Россия*. – № 27. – С. 1-2.
28/-2-25с. Памяти бар. В. И. Иксуль. – *Россия*. – № 27. – С. 1.
28/2-25d. «Князь Тольский и Кольчугин перед отъездом в действующую армию». [Глава из романа «Времена», подпись – Сергей Лунин.] – *Россия*. – № 27. – С. 3-4.
28/3-3. Д. П. – 249 (48). – *Россия*. – № 28. – С. 1.
28/3-10. Д. П. – 250 (49) – 251 (50) – 252 (51). – *Россия*. – № 29. – С. 1.
28/3-17а. Д. П. – 253 (52). – *Россия*. – № 30. – С. 1.
28/3-17b. З. П. – 19 (30). – *Россия*. – № 30. – С. 3.
28/3-24а. Д. П. – 254 (53). – 255 (54). – *Россия*. – № 31. – С. 1.
28/3-24b. З. П. – 20 (31). – *Россия*. – № 31. – С. 3.
28/4-7а. Д. П. – 256 (55). – *Россия*. – № 33. – С. 1.
28/4-7b. Наши задачи. – *Россия*. – № 33. – С. 1-2.
28/4-14а. Христос Воскресе! – *Россия*. – № 34. – С. 1.
28/4-14b. Д. П. – 257 (56). – *Россия*. – № 34. – С. 1.
28/4-14с. Перемены в Чехословакии? – *Россия*. – № 34. – С. 1, 5.
28/5-5. Генерал П. Н. Врангель. – *Россия*. – № 35. – С. 1.
28/5-26а. Д. П. – 258 (57). – *Россия*. – № 37. – С. 1.
28/5-26b. В чем состоит экономический кризис советского режима? – *Россия*. – № 37. – С. 2, 3, 4.
28/12-1а. Д. П. – 1 (259) – 2 (260) – 3 (261). – *Россия и славянство*. – № 1. – С. 1-2.
28/12-1b. Памяти Г. В. Вильямса. – *Россия и славянство*. – № 1. – С. 5.
28/12-8. Д. П. – 4 (262) – 5 (263). – *Россия и славянство*. – № 2. – С. 1-2.
28/12-15. Историческое прозрение Ивана Аксакова о Сербии и сербах. – *Россия и славянство*. – № 3. – С. 1.

-
- 28/12-22а. Памяти о. Петра Извольского. – *Россия и славянство*. – № 4. – С. 2.
28/12-22б. З. П. – *Россия и славянство*. – № 4. – С. 3.
28/12-29. Д. П. – 6 (264). – *Россия и славянство*. – № 5. – С. 1-2.

1929

- 29/1-12а. Воин и вождь. – *Россия и славянство*. – № 7. – С. 1.
29/1-12б. З. П. – 2 (35) – 3 (36). – *Россия и славянство*. – № 7. – С. 3-4.
29/1-12с. Д. П. – 7 (265) – 8 (266). – *Россия и славянство*. – № 7. – С. 5.
29/1-19а. Объединяющий и разъединяющий переворот. – *Россия и славянство*. – № 8. – С. 1.
29/1-19б. Д. П. – 7 (265) [sic!] – 8 (266) [sic!]. – *Россия и славянство*. – № 8. – С. 1, 5.
29/1-26а. День Московского университета. – *Россия и славянство*. – № 9. – С. 1.
29/1-26б. Д. П. – 9 (267) – 10 (268) – 11 (269). *Россия и славянство*. – № 7. – С. 1.
29/1-26с. Б. Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности. – *Россия и славянство*. – № 9. – С. 3-4.
29/2-2. Д. П. – 12 (270). – *Россия и славянство*. – № 10. – С. 1-2.
29/2-2. Памяти ген. В. Е. Вязьмитинова. – *Россия и славянство*. – № 11. – С. 2.
29/2-16. Д. П. – 13 (271). – *Россия и славянство*. – № 12. – С. 1.
29/2-23. Д. П. – 14 (272). – 14 (272) [sic!]. – *Россия и славянство*. – № 13. – С. 1-2.
29/3-2. Д. П. – 16 (274). – *Россия и славянство*. – № 14. – С. 1.
29/3-9. Д. П. – 17 (275). – *Россия и славянство*. – № 15. – С. 1.
29/3-16а. Приветствие ген. А. П. Кутепову. – *Россия и славянство*. – № 16. – С. 1.
29/3-16б. П. Б. Струве о чествовании ген. Кутепова в Праге. – *Россия и славянство*. – № 16. – С. 1.
29/3-23. Д. П. – 18 (276). – *Россия и славянство*. – № 17. – С. 2.
29/3-30. Д. П. – 19 (277). – *Россия и славянство*. – № 18. – С. 1.
29/4-13. Д. П. – 20 (278). – *Россия и славянство*. – № 20. – С. 1-2.
29/4-20. Лицо и гений Грибоедова. – *Россия и славянство*. – № 21. – С. 3.
29/4-27а. Памяти генерала П. Н. Врангеля. – *Россия и славянство*. – № 22. – С. 1.
29/4-27б. П. И. Новгородцев. – *Россия и славянство*. – № 22. – С. 1.
29/5-4. Д. П. – 21 (279). – *Россия и славянство*. – № 23. – С. 1.

- 29/5-18. Заметки экономиста. – *Россия и славянство*. – № 25. – С. 5.
- 29/6-1. Д. П. – 22 (280). – *Россия и славянство*. – № 27. – С. 1.
- 29/6-15. Д. П. – 23 (281). – *Россия и славянство*. – № 29. – С. 1.
- 29/6-22. Д. П. – 24 (282). – *Россия и славянство*. – № 30. – С. 1.
- 29/6-29а. Д. П. – 25 (283). – *Россия и славянство*. – № 31. – С. 2.
- 29/6-29б. Памяти А. А. Мануйлова. – *Россия и славянство*. – № 31. – С. 2.
- 29/7-6. Д. П. – 26 (284) – 27 (285) – 28 (286). – *Россия и славянство*. – № 32. – С. 1-2.
- 29/7-13. Скорбь. Памяти А. П. Чехова. – *Россия и славянство*. – № 33. – С. 1.
- 29/7-20. Д. П. – 29 (289) – 30 (290). – *Россия и славянство*. – № 34. – С. 1-2.
- 29/7-27. Д. П. – 31 (291) – 32 (292). – *Россия и славянство*. – № 35. – С. 1-2.
- 29/8-3. Д. П. – 33 (293). – *Россия и славянство*. – № 36. – С. 1-2.
- 29/8-17. Д. П. – 34 (294). – *Россия и славянство*. – № 38. – С. 1.
- 29/8-24а. Д. П. – 35 (295). – *Россия и славянство*. – № 39. – С. 1.
- 29/8-24б. З. П. – 3 (36). – *Россия и славянство*. – № 39. – С. 3.
- 29/8-31. Д. П. – 36 (296). – *Россия и славянство*. – № 40. – С. 1.
- 29/9-7. Д. П. – 37 (297). – *Россия и славянство*. – № 41. – С. 1.
- 29/10-12а. 6 октября 1929 года. – *Россия и славянство*. – № 46. – С. 1.
- 29/10-12б. Д. П. – 38 (298). – *Россия и славянство*. – № 46. – С. 1.
- 29/10-19. Д. П. – 39 (299). – *Россия и славянство*. – № 47. – С. 1.
- 29/10-26. Д. П. – 40 (300). – *Россия и славянство*. – № 48. – С. 1.
- 29/11-2а. Д. П. – 41 (301). – *Россия и славянство*. – № 49. – С. 1-2.
- 29/11-2б. Мировое хозяйство. Наблюдения и заметки (I). – *Россия и славянство*. – № 49. – С. 5.
- 29/11-9а. Д. П. – 42 (302). – *Россия и славянство*. – № 50. – С. 1.
- 29/11-9б. Памяти В. П. Литвинова-Фалинского. – *Россия и славянство*. – № 50. – С. 2.
- 29/11-9с. Мировое хозяйство. Наблюдения и заметки (II). – *Россия и славянство*. – № 50. – С. 5.
- 29/11-16а. Д. П. – 43 (303) – 44 (304). – *Россия и славянство*. – № 51. – С. 1-2.
- 29/11-16б. Мировое хозяйство. Наблюдения и заметки (III). – *Россия и славянство*. – № 51. – С. 5.
- 29/11-23а. Д. П. – 45 (305) – 46 (306). – *Россия и славянство*. – № 52. – С. 1-2.
- 29/11-23б. Мировое хозяйство. Наблюдения и заметки (IV). – *Россия и славянство*. – № 52. – С. 5-6.
- 29/12-7. Д. П. – 49 (309) – 50 (310). – *Россия и славянство*. – № 54. – С. 1.

-
- 29/12-14а. Д. П. – 51 (311). – *Россия и славянство*. – № 55. – С. 1.
29/12-14б. Сергей Михайлович Соловьев. – *Россия и славянство*. – № 55. – С. 5.
29/12-21. Д. П. – 52 (312). – *Россия и славянство*. – № 56. – С. 1.
29/12-28. Д. П. – 53 (313) – 54 (314). – *Россия и славянство*. – № 57. – С. 1.

1930

- 30/1-4. Мировое хозяйство. Наблюдения и заметки (V). – *Россия и славянство*. – № 58. – С. 5, 8.
30/1-11а. Д. П. – 55 (315) – 56 (316) – 57 (317). – *Россия и славянство*. – № 59. – С. 1-2.
30/1-11б. Памяти Великого князя. – *Россия и славянство*. – № 59. – С. 2.
30/1-11с. Мировое хозяйство. Наблюдения и заметки (VI). – *Россия и славянство*. – № 59. – С. 5.
30/1-18. Памяти дорогого друга. Князь Григорий Николаевич Трубецкой. – *Россия и славянство*. – № 60. – С. 2.
30/1-25а. Московский университет. – *Россия и славянство*. – № 61. – С. 1.
30/1-25б. Дмитрий Львович Крюков. – *Россия и славянство*. – № 61. – С. 5.
30/1-25с. Д. П. – 59 (319) – 60 (320). – *Россия и славянство*. – № 61. – С. 8.
30/2-1. Д. П. – 61 (321). – *Россия и славянство*. – № 62. – С. 1.
30/2-15. Д. П. – 62 (322). – *Россия и славянство*. – № 64. – С. 1.
30/2-22а. Д. П. – 63 (323) – 64 (324). – *Россия и славянство*. – № 65. – С. 1.
30/2-22б. З. П. – *Россия и славянство*. – № 65. – С. 3.
30/3-1. Д. П. – 65 (325). – *Россия и славянство*. – № 66. – С. 1.
30/3-8. Д. П. – 66 (325). – *Россия и славянство*. – № 67. – С. 1.
30/3-15. Д. П. – 67 (327). – *Россия и славянство*. – № 68. – С. 1.
30/3-22. Д. П. – 68 (328) – 69 (329). – *Россия и славянство*. – № 69. – С. 1-2.
30/3-29. Д. П. – 70 (330) – 71 (331). – *Россия и славянство*. – № 70. – С. 1.
30/4-5. Д. П. – 72 (332). – *Россия и славянство*. – № 71. – С. 1.
30/4-12. Коммунистическое хозяйство и мировое и хозяйственное общение. – *Россия и славянство*. – № 72. – С. 1, 7.
30/4-19. Письмо туда. – *Россия и славянство*. – № 73. – С. 1.
30/4-26. Д. П. – 73 (323). – *Россия и славянство*. – № 74. – С. 1-2.
30/5-3. Д. П. – 74 (324). – *Россия и славянство*. – № 75. – С. 1.
30/5-10. Д. П. – 75 (325). – *Россия и славянство*. – № 76. – С. 1.

- 30/5-17a. Д. П. – 76 (326). – *Россия и славянство*. – № 77. – С. 1.
30/5-17b. Из истории русской науки. И. П. Бородин, М. С. Воронин, С. И. Коржинский. – *Россия и славянство*. – № 77. – С. 3.
30/5-24. Д. П. – 77 (327). – *Россия и славянство*. – № 78. – С. 1.
30/6-7. Д. П. – 78 (328). – *Россия и славянство*. – № 80. – С. 1.
30/6-14a. Культура и борьба. – *Россия и славянство*. – № 81. – С. 1.
30/6-14b. Суворов. – *Россия и славянство*. – № 81. – С. 1.
30/6-21. Д. П. – 79 (329). – *Россия и славянство*. – № 82. – С. 1.
30/6-29a. Д. П. – 80 (330) – 81 (331). – *Россия и славянство*. – № 83. – С. 1.
30/6-29b. Н. С. Лесков. – *Россия и славянство*. – № 83. – С. 3.
30/7-5. Д. П. – 82 (332) – 83 (333). – *Россия и славянство*. – № 84. – С. 1.
30/7-12. Д. П. – 84 (334) – 85 (335). – *Россия и славянство*. – № 85. – С. 1-2.
30/7-19a. Д. П. – 86 (336) – 87 (337). – *Россия и славянство*. – № 86. – С. 1.
30/7-19b. Д. С. Пасманику. – *Россия и славянство*. – № 86. – С. 2.
30/7-26a. День русской славы. – *Россия и славянство*. – № 87. – С. 1.
30/7-26b. Христианство и славянство. – *Россия и славянство*. – № 88. – С. 1.
30/8-2. Д. П. – 88 (338). – *Россия и славянство*. – № 88. – С. 1.
30/8-16. Д. П. – 89 (339) – 90 (340). – *Россия и славянство*. – № 90. – С. 1.
30/8-23. Пятилетка. Размышления экономиста и заключения политика. – *Россия и славянство*. – № 91. – С. 2.
30/8-30. Д. П. – 91 (341). – *Россия и славянство*. – № 92. – С. 1-2.
30/9-6a. Д. П. – 92 (342). – *Россия и славянство*. – № 93. – С. 1.
30/9-6b. З. П. – 6 (39). – *Россия и славянство*. – № 93. – С. 3.
30/9-13a. Д. П. – 93 (343) – 94 (344) – 95 (345). – *Россия и славянство*. – № 94. – С. 1.
30/9-13b. Эдуард Мейер. – *Россия и славянство*. – № 94. – С. 3.
30/9-20. З. П. – 7 (40). – *Россия и славянство*. – № 95. – С. 3.
30/10-18. Д. П. – 96 (346) – 97 (347). – *Россия и славянство*. – № 99. – С. 1-2.
30/11-1. Д. П. – 99 (349) – 100 (350). – *Россия и славянство*. – № 101. – С. 1.
30/11-8. Д. П. – 101 (351) – 102 (352). – *Россия и славянство*. – № 102. – С. 1.
30/11-15. Д. П. – 103 (353). – *Россия и славянство*. – № 103. – С. 1.
30/11-22. Галлиполи. – *Россия и славянство*. – № 104. – С. 1.
30/11-29. Д. П. – 104 (354) – 105 (355). – *Россия и славянство*. – № 105. – С. 1-2.

-
- 30/12-6a. Право и обязанность непримиримости. – *Россия и славянство*. – № 106. – С. 1-2.
- 30/12-6b. Речь о Блоке и Гумилеве. – *Россия и славянство*. – № 106. – С. 3.
- 30/12-20. Д. П. – 106 (356) – 107 (357) – 108 (358) – 109 (359) – 110 (360). – *Россия и славянство*. – № 108. – С. 1, 2.
- 30/12-27. К. П. Крамарж. – *Россия и славянство*. – № 109. – С. 3.

1931

- 31/1-7. Д. П. – 110 (360) [sic!]. – *Россия и славянство*. – № 110. – С. 1.
- 31/1-10a. Рождество. – *Россия и славянство*. – № 111. – С. 1.
- 31/1-10b. Еще одна грань. – *Россия и славянство*. – № 111. – С. 1.
- 31/1-24a. А. П. Кутепов. – *Россия и славянство*. – № 113. – С. 1.
- 31/1-24b. ГПУ научной мысли. – *Россия и славянство*. – № 113. – С. 1-2.
- 31/1-24c. Московский университет. К Татьянину дню. – *Россия и славянство*. – № 113. – С. 3.
- 31/2-7. Д. П. – 111 (361) – 112 (362). – *Россия и славянство*. – № 115. – С. 1.
- 31/2-21. Две речи о Достоевском. – *Россия и славянство*. – № 117. – С. 1-2.
- 31/3-7. Мировой кризис и пятилетка. (Доклад П. Б. Струве на Экономическом совещании). – *Россия и славянство*. – № 119. – С. 6.
- 31/3-14. Александр II. – *Россия и славянство*. – № 120. – С. 1.
- 31/3-21. Д. П. – 113 (363) – 114 (366) [sic!]. – *Россия и славянство*. – № 121. – С. 1.
- 31/4-4. Александр II в оценках и характеристиках двух великих русских людей. – *Россия и славянство*. – № 123. – С. 3.
- 31/4-11. Мастер мистического анекдота. (Речь, произнесенная в Белграде на собрании по случаю 100-летия Н. С. Лескова). – *Россия и славянство*. – № 124. – С. 2.
- 31/5-23. Д. П. – 115 (367) – 116 (368). – *Россия и славянство*. – № 130. – С. 1-2.
- 31/5-30. Д. П. – 117 (369) – 118 (370). – *Россия и славянство*. – № 131. – С. 1-2.
- 31/6-6a. Притягательная сила и внутренняя мощь русской культуры. – *Россия и славянство*. – № 132. – С. 1-2.
- 31/6-6b. Великий русский филолог А. Х. Востоков – переводчик сербских народных песен. – *Россия и славянство*. – № 132. – С. 3.

- 31/6-6с. Пятидесятилетие замечательной русской книги. – Россия и славянство. – № 132. – С. 5.
- 31/6-13. Д. П. – 119 (371). – *Россия и славянство*. – № 133. – С. 1-2.
- 31/7-4. Личная свобода и национальная государственность. – *Россия и славянство*. – № 136. – С. 1.
- 31/7-18. Д. П. – 120 (372) – 121 (373). – *Россия и славянство*. – № 138. – С. 1-2.
- 31/8-8. Д. П. – 122 (374) – 123 (375). – *Россия и славянство*. – № 141. – С. 1-2.
- 31/8-22. Д. П. – 124 (376). – *Россия и славянство*. – № 143. – С. 1.
- 31/9-5. Д. П. – 125 (377) – 126 (378) – 127 (379). – *Россия и славянство*. – № 145. – С. 1-2.
- 31/919а. Д. П. – 130 (381) [sic!]. – *Россия и славянство*. – № 147. – С. 1.
- 31/9-19b. З. П. – 8 (41). – *Россия и славянство*. – № 147. – С. 3-4.
- 31/9-27. Д. П. – 131 (382). – *Россия и славянство*. – № 148. – С. 1.
- 31/10-3. Капитализм и социализм (I, II). – *Россия и славянство*. – № 149. – С. 2.
- 31/10-10а. Д. П. – 132 (383). – *Россия и славянство*. – № 150. – С. 2.
- 31/10-10b. Капитализм и социализм (III). – *Россия и славянство*. – № 150. – С. 2.
- 31/10-17а. Д. П. – 133 (384). – *Россия и славянство*. – № 151. – С. 2.
- 31/10-17b. Мировое хозяйство. Заметки и наблюдения (VI). – *Россия и славянство*. – № 151. – С. 5.
- 31/10-24. Д. П. – 134 (385) – 135 (368). – *Россия и славянство*. – № 152. – С. 1-2.
- 31/10-31а. Д. П. – 136 (387). – *Россия и славянство*. – № 153. – С. 2.
- 31/10-31b. Мировое хозяйство. Заметки и наблюдения (VII). – *Россия и славянство*. – № 153. – С. 5.
- 31/11-7. Д. П. – 137 (388). – *Россия и славянство*. – № 154. – С. 1.
- 31/11-21. Д. П. – 138 (389). – *Россия и славянство*. – № 156. – С. 1.
- 31/11-28. Д. П. – 139 (390). – *Россия и славянство*. – № 157. – С. 1.
- 31/12-5. Д. П. – 140 (391). – *Россия и славянство*. – № 158. – С. 1.
- 31/12-12а. Д. П. – 141 (392) – 142 (393). – *Россия и славянство*. – № 159. – С. 1-2.
- 31/11-12b. Капитализм и социализм (IV). – *Россия и славянство*. – № 159. – С. 2.
- 31/12-19а. Ученый, деятель, мудрец. (Речь памяти Н. И. Пирогова, произнесенная в Белграде 13 декабря 1931 года). – *Россия и славянство*. – № 160. – С. 1-2.
- 31/12-19b. Памяти В. О. Ключевского. – *Россия и славянство*. – № 160. – С. 3.

- 32/1-9. Рождество Христово! – *Россия и славянство*. – № 163. – С. 1.
- 32/1-16. Д. П. – 143 (394). – *Россия и славянство*. – № 164. – С. 1.
- 32/1-23. Москва и С.-Петербург. Сопоставления, характеристики и размышления. – *Россия и славянство*. – № 165. – С. 3.
- 32/1-30а. Смена поколений и исторические задачи Зарубежья. – *Россия и славянство*. – № 166. – С. 1-2.
- 32/1-30б. Гр. Н. П. Игнатъев (1832-1908). К столетию со дня его рождения. – *Россия и славянство*. – № 166. – С. 1.
- 32/2-6. Россия и славянство. – *Россия и славянство*. – № 167. – С. 1.
- 32/2-20. Д. П. – 144 (395) – 145 (396). – *Россия и славянство*. – № 169. – С. 1.
- 32/2-27а. Дальневосточная борьба с точки зрения русских интересов. – *Россия и славянство*. – № 170. – С. 1.
- 32/2-27б. Памяти Александра Дмитриевича Самарина. – *Россия и славянство*. – № 170. – С. 2.
- 32/3-5а. Д. П. – 146 (397). – *Россия и славянство*. – № 171. – С. 1.
- 32/3-5б. Три русских женщины. – *Россия и славянство*. – № 171. – С. 2.
- 32/3-5с. Русские ученые в Югославии. – *Россия и славянство*. – № 171. – С. 3.
- 32/3-12. Д. П. – 147 (398). – *Россия и славянство*. – № 172. – С. 1.
- 32/3-19. Д. П. – 148 (399) – 149 (400) – 150 (401). – *Россия и славянство*. – № 173. – С. 1-2.
- 32/3-26. Д. П. – 151 (402). – *Россия и славянство*. – № 174. – С. 1.
- 32/4-2а. Д. П. – 152 (403) – 153 (404) – 154 (405) – 155 (406). – *Россия и славянство*. – № 175. – С. 1-2.
- 32/4-2б. От Карамзина до младороссов. – *Россия и славянство*. – № 175. – С. 2.
- 32/4-9а. Д. П. – 156 (407) – 157 (408). – *Россия и славянство*. – № 176. – С. 1.
- 32/4-9б. Эмиграция должна осознавать не свою оторванность от России, но свою с ней связанность. – *Россия и славянство*. – № 176.
- 32/4-16. Д. П. – 158 (409) – 159 (410). – *Россия и славянство*. – № 177. – С. 1-2.
- 32/4-23. Д. П. – 160 (411) – 161 (412). – *Россия и славянство*. – № 178. – С. 1.
- 32/4-30а. Свобода и право. – *Россия и славянство*. – № 179. – С. 1.
- 32/4-30б. Воскресение души поэта и воскресение Святой Руси. – *Россия и славянство*. – № 179. – С. 1.

- 32/5-7a. Д. П. – 162 (413). – *Россия и славянство*. – № 180. – С. 1.
32/5-7б. А. С. Макаренко. – *Россия и славянство*. – № 180.
32/5-14a. Убийство президента Французской Республики. – *Россия и славянство*. – № 181. – С. 1.
32/5-14б. Бесстыжая ложь. – *Россия и славянство*. – № 181. – С. 2.
32/5-21. Д. П. – 162 (413) [sic!] – 163 (414) – 164 (415). – *Россия и славянство*. – № 182. – С. 1-2.
32/5-28. Памяти Поля Думера. – *Россия и славянство*. – № 183. – С. 1.
32/6-4. Д. П. – 165 (416). – *Россия и славянство*. – № 184. – С. 1.
32/6-11. Культура и политика, культура и национальность. Заветы Пушкина. – *Россия и славянство*. – № 185. – С. 1.
32/6-18. Д. П. – 166 (417) – 167 (418) – 168 (419). – *Россия и славянство*. – № 186. – С. 1-2.
32/7-30. Д. П. – 172 (423) – 173 (424). – *Россия и славянство*. – № 192. – С. 1-2.
32/8-6. Д. П. – 175 (425). – *Россия и славянство*. – № 193. – С. 1.
32/9-3. Д. П. – 179 (430) – 180 (431) – 182 (432). – *Россия и славянство*. – № 197. – С. 1.
32/10-1a. Д. П. – 189 (440). – *Россия и славянство*. – № 201. – С. 1.
32/10-1б. З. П. – 10 (43). – *Россия и славянство*. – № 201. – С. 3.
32/10-8a. Д. П. – 190 (441) – 191 (442) [sic!]. – *Россия и славянство*. – № 202. – С. 1.
32/10-8б. Империя и Россия. – *Россия и славянство*. – № 202. – С. 1.
32/10-15a. Д. П. – 182 (443). – *Россия и славянство*. – № 203. – С. 1-2.
32/10-15б. З. П. – 11 (44). – *Россия и славянство*. – № 203. – С. 3.
32/10-29a. День непримиримости. – *Россия и славянство*. – № 204. – С. 1.
32/10-29б. Вступительное слово к беседе о т. н. «пореволюционных течениях». – *Россия и славянство*. – № 204. – С. 1.
32/10-29с. З. П. – 12 (45). – *Россия и славянство*. – № 204. – С. 3-4.
32/11-15. Объединение и борьба. – *Россия и славянство*. – № 205. – С. 1.
32/12-1. Клич освобождения. – *Россия и славянство*. – № 206. – С. 1-2.
32/12-15. З. П. – 14 (47). – *Россия и славянство*. – № 207. – С. 3.
- 1933**
- 33/1-1. Д. П. – 183 (444). – *Россия и славянство*. – № 208. – С. 1-2.
33/1-7a. Перелом и переворот. Рождественско-новогоднее размышление. – *Россия и славянство*. – № 209. – С. 1.
33/1-7б. З. П. – 15 (48). – *Россия и славянство*. – № 209. – С. 2.

- 33/1-14. Д. П. – 184 (445). – *Россия и славянство*. – № 210. – С. 3.
- 33/1-21a. Памяти С. Ф. Платонова. – *Россия и славянство*. – № 211. – С. 1.
- 33/1-21b. Горестная утрата. Памяти друга. – *Россия и славянство*. – № 211. – С. 2.
- 33/1-21c. Незабываемый старец. Памяти графа К. А. Хрептовича-Бутенева. – *Россия и славянство*. – № 211. – С. 3.
- 33/1-29a. Д. П. – 185 (446). – *Россия и славянство*. – № 212. – С. 1.
- 33/1-29b. Три стиля русской исторической науки и С. Ф. Платонов. – *Россия и славянство*. – № 212. – С. 2-3.
- 33/2-4a. Д. П. – 186 (447) – 187 (448). – *Россия и славянство*. – № 213. – С. 1.
- 33/2-4b. Две речи. I. Памяти вождей белой армии. II. Образ А. П. Кутепова. – *Россия и славянство*. – № 213. – С. 2.
- 33/2-11a. Д. П. – 187 (448). – *Россия и славянство*. – № 214. – С. 1.
- 33/2-11b. З. П. – 16 (49). – *Россия и славянство*. – № 214. – С. 3.
- 33/2-18a. Мировое хозяйство. Заметки экономиста. – *Россия и славянство*. – № 215. – С. 1, 4.
- 33/2-18b. Крупный ученый и хороший человек. Памяти С. С. Кона. – *Россия и славянство*. – № 215. – С. 1.
- 33/2-25. Д. П. – 188 (449) – 189 (450). – *Россия и славянство*. – № 216. – С. 1.
- 33/3-4a. Д. П. – 190 (451) – 191 (452). – *Россия и славянство*. – № 217. – С. 1.
- 33/3-4b. Памяти А. А. Бранта. – *Россия и славянство*. – № 217. – С. 2.
- 33/3-4c. Мировое хозяйство. Заметки экономиста. – *Россия и славянство*. – № 217. – С. 4.
- 33/3-14. Карл Маркс и судьбы марксизма. – *Сегодня (Рига)*. – № 73. – С. 2.
- 33/3-15a. Русский некрополь в Праге и памятник на могиле А. А. Кизеветтера. – *Россия и славянство*. – № 218. – С. 1.
- 33/3-15b. Д. П. – 192 (453) – 193 (454) – 194 (455). – *Россия и славянство*. – № 218. – С. 1-2.
- 33/4-1a. Д. П. – 191 (457) – 192 (458). – *Россия и славянство*. – № 219. – С. 1-2.
- 33/4-1b. Мировое хозяйство. – *Россия и славянство*. – № 219. – С. 4.
- 33/5-1. Д. П. – 193 (459) – 194 (460) – 195 (461) – 196 (462) – 197 (463). – *Россия и славянство*. – № 220. – С. 1, 2, 5, 6.
- 33/6-1a. Государственное дарование и политический лик П. Н. Врангеля. – *Россия и славянство*. – № 221. – С. 1-2.
- 33/6-1b. Либерализм, демократия, консерватизм и современные движения и течения. – *Россия и славянство*. – № 221. – С. 2, 5.

- 33/7-1a. Д. П. – 198 (464) – 199 (465). – *Россия и славянство*. – № 222. – С. 1-2.
- 33/7-1b. Бисмарк или Гитлер? Тридцать тезисов о национализме и о консервативной демократии. – *Россия и славянство*. – № 222. – С. 2.
- 33/8-1a. Д. П. – 200 (466). – *Россия и славянство*. – № 223. – С. 1.
- 33/8-1b. Русско-Славянские поминки. В. И. Ламанский – А. Н. Пыпин. – *Россия и славянство*. – № 223. – С. 3, 4.
- 33/8-1c. Мировое хозяйство. Заметки экономиста. – *Россия и славянство*. – № 223. – С. 6.
- 33/9-1a. Д. П. – 201 (467). – *Россия и славянство*. – № 224. – С. 1.
- 33/9-1b. Тургенев. – *Россия и славянство*. – № 224. – С. 3.
- 33/9-1c. Русско-Славянские поминки. Н. И. Попов. – *Россия и славянство*. – № 224. – С. 4.
- 33/10-1a. Д. П. – 202 (468) – 203 (469). – *Россия и славянство*. – № 225. – С. 1.
- 33/10-1b. И. С. Тургенев как политический мыслитель. – *Россия и славянство*. – № 225. – С. 3-4.
- 33/11-1a. Д. П. – 204 (470). – *Россия и славянство*. – № 226. – С. 1-2.
- 33/11-1b. Памяти В. Н. Лермонтовой. – *Россия и славянство*. – № 226. – С. 1-2.
- 33/12-1a. И. А. Бунин. – *Россия и славянство*. – № 227. – С. 2.
- 33/12-1b. Историческая память. – *Россия и славянство*. – № 227. – С. 3.
- 33/12-1c. Памяти А. М. Петряева. – *Россия и славянство*. – № 227. – С. 3.
- 33/12-1d. Мировое хозяйство. Заметки экономиста. – *Россия и славянство*. – № 227. – С. 4.

1934

- 34/1-1; 2-1. Д. П. – 205 (471). – *Россия и славянство*. – № 228-229. – С. 1-2.
- 34/3-1a. Д. П. – 206 (472). – *Россия и славянство*. – № 230. – С. 1-2.
- 34/3-1b. Никита Муравьев и Павел Пестель. – *Россия и славянство*. – № 230. – С. 3-4.
- 34/4-1a. Д. П. – 207 (473) – 208 (474) – 209 (475) – 210 (476) – 211 (477). – *Россия и славянство*. – № 231. – С. 1, 2.
- 34/4-1b. Памяти В. Э Дена. – *Россия и славянство*. – № 231. – С. 2.
- 34/4-1c. Д. И. Менделеев. – *Россия и славянство*. – № 231. – С. 3-4.
- 34/5-1a. Д. П. – 212 (478) – 213 (479). – *Россия и славянство*. – № 232. – С. 1-2.

-
- 34/5-1b. Хиротония епископа Виталия. – *Россия и славянство*. – № 232. – С. 2.
34/5-1c. Памяти Е. Г. Шульгиной. – *Россия и славянство*. – № 232. – С. 3.
34/6-1a. Церковное примирение необходимо. – *Россия и славянство*. – № 233. – С. 1.
34/6-1b. Д. П. – 214 (480) – 215 (481) – 216 (482). – *Россия и славянство*. – № 233. – С. 1-2.
34/6-1c. Лига русской культуры. – *Россия и славянство*. – № 233. – С. 3.
34/6-1d. День русской культуры в Югославии. – № 233. – С. 6.

1935

- 35/10-13. Д. П. – 1 (483) – 2 (484). – *Меч*. – № 40 (73). – С. 2.
35/10-27. З. П. – 1-2. – *Меч*. – № 42 (75). – С. 3.
35/11-3. Журнал и газета в русском культурном и политическом развитии. – *Россия* (Белград). – № 33. – С. 1, 4.
35/11-10. Д. П. – 3 (485) – 4 (486) – 5 (487). – *Меч*. – № 44 (77). – С. 3-4.
35/12-8. М. В. Челноков и Д. Н. Шипов. Страничка из моих воспоминаний. – *Меч*. – № 48 (81). – С. 4-5. (См. #631.)
35/12-15. Д. П. – 5 (487) [sic!] – 6 (488). – *Меч*. – № 49 (82). – С. 3.

II. Личные интервью

- Профессор Н. С. Арсеньев, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, март 1965.
Профессор А. Д. Билимович, Стэнфорд, Калифорния, август 1959.
Лидия Цедербаум-Дан, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, апрель 1959.
Борис Элькин, Лондон, Великобритания, июль 1960.
А. О. Гукасов, Париж, Франция, январь 1959.
В. Ф. Гефдинг, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, апрель 1959.
Б. П. Кадомцев, Париж, Франция, январь 1959.
А. А. Каргашев, Париж, Франция, январь 1959.
А. Ф. Керенский, Стэнфорд, Калифорния, июль 1959.
Т. И. Хлычева, Белград, Югославия, декабрь 1961.
Л. Л. Львов, Мюнхен, Германия, январь 1962.
Г. И. Новицкий, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, апрель и декабрь 1959.
Профессор Георгий Острогорский, Белград, Югославия, декабрь 1961.
Мадам С. Г. Пети, Париж, Франция, январь 1959.
Ариадна Тыркова-Вильямс, Вашингтон, округ Колумбия, апрель 1959.
К. И. Зайцев (игумен Константин), Джорданвилл, штат Нью-Йорк, апрель 1961.

III. Вторичные источники

Есть только два исследования, полностью посвященные Струве. Название книги Семена Франка (*Биография П. Б. Струве*. – Нью-Йорк, 1956) не совсем точно; на самом деле это не биография, а книга воспоминаний одного из самых близких друзей Струве. Из современных работ первой стала моя работа: *Richard Pipes. Struve: Liberal on the Left, 1870-1905*. – Cambridge, Mass., 1970.

- Бердяев Н. Русская Жиронда. – *Sub specie aeternitatis*. – СПб., 1907. – С. 391-397.
- Берлин П. «Страницы прошлого: памяти П. Б. Струве». – *Новое русское слово*. – № 12187. – 9 сентября 1945.
- Вортан А. «Peter Struve's Escape from the Soviet Russia». – *The Russian Review*. – January 1953. – P. 42-50.
- Борман А. «В умирающем Петрограде». – *Новости Толстовского Фонда*. – № 12. – 1953.
- Борман А. «Из воспоминаний о П. Б. Струве». – *Новое русское слово*. – 8 сентября 1969.
- Валентинов Н. «Из прошлого: П. Б. Струве о Ленине». – *Социалистический вестник*. – № 8-9 (673-674). – 1954. – С. 169-172.
- Вишняк М. «Возрождение». – *Современные записки*. – № 25. – 1925. – С. 392-415.
- Воден А. «На заре "легального марксизма"». – *Летописи марксизма*. – № 3. – 1927. – С. 67-82; № 4. – 1927. – С. 87-96.
- Водов С. «Петр Бернгардович Струве». – *Студенческие годы* (Прага). – № 1/18. – 1925. – С. 33-35.
- Войцеховский С. Л. «П. Б. Струве в Варшаве». – *Возрождение* (Париж). – № 9. – 1950. – С. 139-149.
- Гофштеттер И. А. Доктринеры капитализма: по поводу книги г. Струве. – СПб., 1895.
- Даватиц В. К. Правда о Струве: Опыт одной биографии. – Белград, 1934.
- Зайцев К. «П. Б. Струве». – *Студенческие годы* (Прага). – № 2/19. – 1925. – С. 13-15.
- [Зайцев К.] *Игумен Константин*. «Церковь и мир: Петр Струве». – *Русская жизнь* (Сан-Франциско). – № 124. – 30 июня 1951.
- [Зеленский Е. О.] *Надеждин Л.* О либерализме вообще и о дебютах г. Струве в частности. – б. м., 1903.
- Ижболдин Б. С. «П. Б. Струве как экономист». – *Новый журнал*. – № 9. – 1944. – С. 349-357.
- Кускова Е. «Страницы прошлого: П. Б. Струве». – *Новое русское слово*. – № 12229. – 21 октября 1945. – С. 2.

- Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. – *Сочинения*. – 3-е изд. – Т. I. – С. 223-362.
- Луначарский А. В. Три кадеты. [Струве, Миллюков и Родичев.] – СПб., 1907.
- Николаевский Б. И. «П. Б. Струве, 1870-1944». – *Новый журнал*. – № 10. – 1945. – С. 306-328.
- Осипов Н. «П. Б. Струве в советской исторической литературе». – *Новое русское слово*. – 8 июля 1962.
- Pares, Bernard. «Two Great Russian Liberals: Peter Struve and Sergius Bulgakov». – *The Slavic and East European Review*. – № 62. – 1945. – P. 141-145.
- Pipes, Richard. «Peter Struve on the Russian Revolution». – In: Gerhardt, Dietrich (ed.). *Orbis scriptus*. – Munich, 1966. – P. 633-639.
- Pipes, Richard (ed.). «Les relations diplomatiques du Gouvernement Wrangel en Crimée (1920)». – *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. – IV. – № 4. – 1963. – P. 401-435.
- Pipes, Richard. «La teoria dello sviluppo capitalistico in P. B. Struve». – *Annali* (Milano). – XV. – 1973. – 483-493.
- Pipes, Richard (ed.). *Bibliography of the Published Writings of Peter Bergardovich Struve*. – Ann Arbor, Michigan. – 1980 [на русском языке].
- Плеханов Г. В. Г-н П. Струве в роли критика Марксовой теории общественного развития. – *Сочинения*. – Т. XI. – М., б. г. – С. 141-272.
- Полторацкий Н. «П. Б. Струве как политический мыслитель». – *Русская мысль*. – 6 декабря 1955 – 5 января 1956.
- Pitnam, George. «P. B. Struve's View of the Russian Revolution of 1905». – *The Slavic and East European Review*. – № 105. – 1967. – P. 457-473.
- Ратнер М. Б. «Ученый поход против Маркса». – *Заветы*. – № 1. – 1914. – С. 60-86.
- Рубинский Н. «Русский Белград до войны: к 7-летию смерти П. Б. Струве». – *Русская мысль*. – 7 февраля 1951 – 28 февраля 1951.
- Sach, Hermine. Peter von Struve, ein Beitrag zur russischen Nationalökonomie. – Breslau, 1904.
- Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве. – Прага, 1925.
- Struve, Gleb P. «From Peter Struve's unpublished correspondence». – *The Russian Review*. – January, 1949. – P. 62-69.
- Струве Г. П. С. Л. Франк и П. Б. Струве: главные этапы их дружбы. – В кн.: Сборник памяти Семена Людвиговича Франка. – Мюнхен, 1954. – С. 49-66.
- Струве Г. П. «Страница из истории зарубежной печати: Начало газеты "Возрождение"». – *Мосты*. – № 3. – 1959. – С. 374-392.
- Струве Г. П. «Из не столь давнего прошлого». – *Русская мысль*. – 28 апреля 1960. [Поездка Струве в Польшу в 1931 году.]

-
- Струве Г. П.* «П. Б. Струве и Н. А. Бердяев». – *Русская мысль*. – 30 ноября 1967.
- Струве Г. П.* «П. Б. Струве о смысле русской революции: Три письма к Е. Д. Кусковой». – *Мосты. К 50-летию русской революции*. – Мюнхен, 1967. – С. 200-220.
- Струве Г. П.* «К столетию со дня рождения П. Б. Струве». – *Записки русской академической группы в США*. – III. – 1969. – С. 125-152.
- Струве Г. П.* «К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России». – *Мосты*. – № 15. – 1970. – С. 413-427.
- Струве Г. П.* «Из архива П. Б. Струве». – *Возрождение* (Париж). – № 231. – 1971. – С. 108-115.
- Толстой Л. Н.* По поводу статьи Струве. – Полное собрание сочинений. – Т. 38. – М., 1936. – С. 336-340.
- [*Троцкий Л.*] *Тахоцкий Л.* Господин Петр Струве в политике. – СПб., 1906.
- Цуриков Н.* «Петр Бернгардович Струве: Воспоминания». – *Возрождение* (Париж). – № 28. – 1953. – С. 79-96.

Именной указатель

- Абелевич С.Д. — 87–88
Авинов Н.Н. — 323
Азеф Е.Ф. — 362, 482
Айхенвальд Ю. И. — 250
Александр I — 270
Александр II — 458, 466, 553
Александр III — 463
Алексеев М.В. — 306–307, 311, 316–317, 327, 391, 393,
Алексинский И.П. — 475, 484
Альберт Великий — 191
Акфинский, Фома — 191
Аксаков, Иван — 236, 466, 552
Андрей, архиепископ Уфимский — 302
Антоний (Храповицкий) — 148–149
Аристотель — 169, 191–192
Арсеньев, Николай — 319–322
Асквит, Герберт Генри — 29
Ахматова, Анна — 252
- Бакст В.И. — 407,
Балланше П.С. — 136
Бальмонт К.Д. — 408
- Барбон, Николас — 170
Белич, Александр — 489, 495
Белый, Андрей — 146–147, 248, 253–256, 408
Бем-Баверк, Эйген — 173, 204
Бенеш, Эдуард — 292, 416, 419
Бентам, Иеремия — 137, 163
Бенуа Л.Н. — 407
Бердяев Н. А. — 28, 38, 97, 126–128, 130, 137, 141, 242, 302, 328, 382, 411, 443, 447–454, 529
Берлин, Павел — 550
Берлина И.М. — 542–543, 545
Бернштейн, Эдуард — 33
Бестужев (Марлинский) А.А. — 37
Бёрк, Эдмунд — 421
Биккерман И.М. — 450
Билимович А.Д. — 212
Бисмарк, Отто фон — 41–42, 117, 121, 264
Блок, Александр — 128, 248–249, 251, 302
Бобин М.Р. — 209–210
Боблый К.Г. — 212

- Бональд, Л.-Ж.-А. — 136
Борман, Аркадий — 331,
333–338, 343, 468
Боссюз, Жак Бенинь — 135
Боэций — 165
Брусилов А.А. — 306, 365,
452–453
Брюсов, Валерий — 227,
245–256, 561
Булгаков С. Н. — 38, 85, 130, 141,
210, 237, 302, 324, 548
Булыгин А.Г. — 46
Бунин, Иван — 408, 464, 467
Буридан, Жан — 161, 192
Бурцев, Владимир — 363,
424–425
Бюхер, Карл — 174–175, 179,
- Валентинов Н. В. — 531
Вальрас, Леон Мари Эспри —
187, 198
Васильевский В.Г. — 528
Вебер, Макс — 168, 175–177, 263,
266, 556
Верхарн, Эмиль — 251
Верховский А.И. — 391
Вильямс, Гарольд — 345
Винавер М. — 51, 64, 279
Винавер Р.Г. — 149
Виноградов П.Г. — 237
Витте С. Ю. — 24–26, 157, 388,
458, 533
Воронцов В.П. — 222
Врангель П.Н. — 351–352,
355–367, 369–373, 413, 419,
456–457, 460, 462, 561
- Гагарин В.Н. — 323
- Гальской, Владимир — 540
Гегель, Георг Вильгельм
Фридрих — 169
Гейден П.А. — 65
Гераклит — 162
Герасимов П.В. — 337
Герцен А.И. — 27, 37, 561
Гершензон, Михаил — 140–143,
147, 245
Гессен И.В. — 37, 49–50
Гёмёри О., фон — 188
Гёте, Иоганн Вольфганг — 164,
264
Геддинг В.Ф. — 282, 298–299
Гиппиус, Зинаида — 408
Гитлер, Адольф — 418, 512–517,
534–536
Глазунов А.К. — 407
Гоголь Н.В. — 253, 273, 378
Головин Ф.А. — 77
Гольцев В.А. — 222
Гомперц, Самюэль — 511
Горемыкин И.Л. — 41–42
Горький, Максим — 222, 252, 408
Гречанинов, Александр — 324, 407
Григорьев, Аполлон — 329
Гродескул Н.А. — 277
Гроций, Гуго — 162
Гукасов А.О. — 462–467,
482–487, 493
Гуревич Л.Я. — 256
Гучков А.И. — 34, 66, 70,
231–232, 288, 290
- Давати В.К. — 522, 539
Даниельсон Н.Ф. — 222
Данилевский, Николай —
444–445

- Дафф, Джеймс — 292
Деникин А.И. — 306, 346–347, 349, 352–355, 360, 370, 377, 404, 412
Джевонс, Уильям Стэнли — 166, 187
Джемс, Вильям — 550
Джойс, Джеймс — 253
Дзержинский Ф.Э. — 366
Диоклетиан — 194
Дмовский Р. — 292
Добролюбов Н.А. — 145
Долгоруков, Павел — 280–281
Достоевский Ф.М. — 124, 253, 300, 378
Дурново П.Н. — 41
- Екатерина II (Великая) — 242
Ельяшевич В.Б. — 525, 547
- Жаботинский, Владимир — 272
Железнов В. — 219
- Зайончковский А.М. — 462
Зайцев, Кирилл — 419, 455, 463, 482
Заславский Д.И. — 98
Зенон — 162
- Иванов, Вячеслав — 324, 408
Извольский А.П. — 125, 236
Изгоев А.С. — 141–142, 147, 302, 450–451
Ильин И.А. — 210, 450–451
- Йованович, Слободан — 521
- Каблуков Н.А. — 209
Кадомцев Б.П. — 544
Кайши, Чан — 359
Каледин А.М. — 306, 318
Калмыкова А.Д. — 84
Кандинский В.В. — 407
Кант, Иммануил — 113–114, 264
Карамзин Н.М. — 523
Карлейль, Томас — 135
Карташев А.В. — 302, 342–343, 425, 427, 455
Кассель, Густав — 187
Кассо Л.А. — 238
Кауфман А. — 217
Кенэ, Франсуа — 162–163
Керенский А.Ф. — 298, 307–309, 389–390, 416
Кизеветтер А.А. — 38, 222–224, 226, 242–245, 251, 256, 279
Киселев П.Д. — 356
Кистьяковский Б.А. — 141–143, 352
Ключевский В.О. — 242
Кнапп Г.Ф. — 170
Кобден Р. — 185
Ковалевский М.М. — 158, 237
Кокошкин Ф. — 277
Колчак А.В. — 345–346, 348–350, 354–355, 404, 412–413, 438
Колюбакин А.М. — 48
Кони А.Ф. — 225
Коновалов А.И. — 229, 231, 237–239
Корнилов А.А. — 308–309, 316–317, 319, 390, 393
Короленко В.Г. — 222
Косинский В.А. — 213, 432
Котляревский С.А. — 38, 210, 237, 278, 302

- Кочин, Дени — 292
Краинский Н.В. — 537
Крамарж, Карел — 419, 495
Кривошеин А.В. — 282, 284, 324, 330, 361, 372
Куприн А.И. — 408
Кусевицкий С.А. — 407
Кускова Е.Д. — 33, 36, 416, 435–437
Кутепов А.П. — 457–460, 462–463, 470, 472, 480, 505
Кушнерев И.Н. — 222–223, 328
- Лавров П.Л. — 226
Ламанский В.И. — 528
Ландау Г.А. — 450
Лаппо-Данилевский И. — 291, 526
Ленин В.И. — 71, 97, 142, 304–305, 318, 329–330, 347, 359, 395, 401, 414, 433, 439–441, 460, 554
Леонтьев, Константин — 131–132, 378, 444–445
Лессинг — 264
Лившиц, Яков — 337–338
Ллойд Джордж, Дэвид — 29
Локк, Джон — 162
Лорис-Меликов М.Т. — 356
Лурье С.В. — 223, 244, 250
Львов Г.Е. — 290, 298, 346
Львов Н.Н. — 299, 483
- Маклаков В.А. — 15, 20, 23, 85, 87–88, 297–299, 302, 306, 347, 358, 360, 363, 368, 492, 537
Мальтус, Томас Роберт — 206–207
- Мануйлов А.А. — 217, 237
Марков Н.Е. — 475, 478–479, 484
Маркс, Карл — 100, 139, 156, 163–164, 171–173, 182, 189, 192, 202, 206–209, 211–212, 216, 516
Масарик, Томаш — 292
Мах, Эрнст — 152
Мельгунов С.П. — 416
Менгер, Карл — 153–154, 173–175, 179, 187
Менделеев Д.И. — 528
Меньшиков М. — 122, 240
Мережковский Д.С. — 124–125, 128, 131, 147, 242, 249, 408
Местр, Жозеф де — 136
Миллер Е.К. — 505, 524
Милль, Джон Стюарт — 167, 181
Мильеран, Александр — 363, 366–367
Милюков П.Н. — 15, 18–21, 29, 35–38, 52, 55–56, 63–64, 69–70, 79–80, 143, 146, 276–277, 279, 298, 304, 306, 352, 376, 379, 411–418, 422, 426–428, 430, 435, 442, 475, 486
Митюков А.К. — 210
Михайловский Н.К. — 222
Морган Л.Г. — 206
Мордвинов Н.С. — 356
Муравьев-Амурский Н.Н. — 356
Муромцев С.А. — 52
Муссолини, Бенито — 510–511, 534
- Набоков В.Д. — 38, 344, 408, 418, 427, 430
Науманн, Фр.-Й. — 187
Николай I — 125, 458

- Николай II — 38, 288, 291, 297,
388–389, 458, 495
Новгородцев П.И. — 38, 237, 324,
349–350, 431
Новиков М.Н. — 306
Новиков Н.И. — 116, 561
Новицкий Г.И. — 339
Нордманн Н.Н. — 282
Носке Г. — 390
- Огарев Н.П. — 37
Ольденбург С.Ф. — 302, 337, 468,
485
Орезмий, Николай — 161, 192
Оуэн, Роберт — 137
- Палеолог, Морис — 363
Панлэва, Поль — 166, 198
Парето, Вильфредо — 187–188,
192
Парэс, Бернард — 125
Петр I, Великий — 297, 358, 420,
428, 446, 553
Петрункевич И.И. — 38, 47, 72,
74, 80, 276
Пети, Эжен — 363
Петти, Вильям — 161, 163
Пилсудский, Юзеф — 348, 360,
479–481, 510
Пирогов Н.И. — 528
Пирожков М.В. — 39
Платон — 191
Платонов С.Ф. — 258, 302, 377,
528
Плеве В.К., фон — 80–81, 118
Плеханов Г.В. — 554
Победоносцев К.П. — 100
Поливанов А.А. — 288
- Постников А.С. — 158
Потресов А.Н. — 531–532
Пресняков А.Е. — 38
Прокопович С.Н. — 33, 435–437
Прокофьев С.С. — 407
Проппр С.М. — 37
Протопопов А.Д. — 390
Пушкин А.С. — 273, 334, 378,
428, 553
Пыпин, Александр — 528
- Рахманинов С.В. — 407
Репин И.Е. — 407
Рикардо, Давид — 212
Римша, Ганс фон — 408
Родбертус, Карл Иоганн — 167,
181
Родичев Ф.И. — 38, 48, 55–56,
70, 534
Родзянко М.В. — 302, 306
Розанов В.В. — 38, 132, 147, 378,
557
Ростовцев Я.И. — 356
Ростовцев М.И. — 467
Рузвельт, Франклин Делано —
511
Рябушинский Н.П. — 231
Рябушинский П.П. — 228, 231,
233–234, 237–240, 306, 426
Рябушинский С.П. — 231
Рылеев К.Ф. — 37
Рысс П.Я. — 563
- Савинков, Борис — 327, 347, 364
Савицкий П.Н. — 411, 445
Савич Н.В. — 302
Сазонов С.Д. — 288–289, 346
Самсонова В.М. — 489

- Семенов Ю.П. — 484–485
Сен-Симон, Клод Анри — 207
Сесил, Роберт — 282
Сили, Дж.-Р. — 117, 120, 268
Смит, Адам — 163
Соловьев В. С. — 130, 132–133, 137, 140, 253, 378, 448, 560
Сорель, Жорж — 138–139
Спекторский Е.В. — 213
Сталин И.В. — 379, 395, 418, 460, 498–499, 507
Стахович М.А. — 65
Столыпин П.А. — 41–42, 66–67, 75, 79–82, 84–89, 92, 231, 235, 388, 467, 533
Стравинский И.Ф. — 407
Строганов С.Г. — 356
Струве В.В. — 322
Струве, Глеб — 291, 315, 319, 331, 343, 419
Сухомлинов В.А. — 288
Сытин И.Д. — 59
- Тарановский Ф.В. — 528
Толстой, Алексей — 408
Толстой И.И. — 520
Толстой, Л.Н. — 90, 114, 124, 134, 140, 143–144, 147, 273
Тотомянц В.Ф. — 432
Трейчке, Генрих — 117
Третьяков С.Н. — 231
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. — 97, 310, 314, 360, 418, 498
Трубецкой Г.Н. — 105, 233, 240, 259, 288–289, 298–299, 315–316, 330, 358, 459–460, 460, 487
Трубецкой Е.Н. — 34, 50, 233, 352
Трубецкой П.Г. — 315
- Трубецкой Н.С. — 411, 445
Туган-Барановский М. И. — 38, 213–216, 491
Тыркова-Вильямс А.Д. — 75, 149, 276, 331, 337, 467
Тэн, Ипполит — 144
Тюрго, Анн Робер Жак — 161, 197
- Устрялов Н.В. — 345, 411, 438–440
Успенский Г. — 222
- Фальконе, Этьен Морис — 253
Федоров М.М. — 233, 349–350, 429
Философов Д.А. — 87
Фишер, Ирвинг — 187
Франк С. Л. — 38–39, 84, 141–142, 147, 299, 302–303, 309, 433, 450, 455, 523, 547, 550
- Хижняков В.М. — 33
Хильдебранд, Рихард — 156, 206
Ходасевич В.Ф. — 408
Хомяков, Алексей — 444
Хор, Самюэль — 283, 292, 295, 535
Хорти, Миклош — 348
- Цветаева М.И. — 408
Цицерон — 162
Цуриков Н.А. — 492
- Чаадаев П.Я. — 140, 395
Чайковский Н.В. — 346
Челноков М.В. — 81–82, 85
Чернов В.М. — 307

-
- Чернышевский Н.Г. — 145
Черчилль, Уинстон — 348, 368
Четвериков С.И. — 231
Чичерин, Борис — 467
Чупров А.А. — 38, 158, 166
Чупров А.И. — 158
- Шагал, Марк — 407
Шаляпин Ф.И. — 407
Шаховской В.Н. — 282
Шелер, Макс — 450
Шиманн, Теодор — 125
Шипов Д.Н. — 34, 62, 65–66, 233, 534
Шмоллер, Густав — 154, 174
Шпенглер, Освальд — 438, 444–445, 448, 529
Штейн, Лоренц фон — 42
- Штейнингер В.И. — 337
Штильман Г. — 38
Шульгин В.В. — 297, 302, 450, 467, 479–481, 493, 510, 518–519
Шумпетер, Иофис — 154
- Щепкин М.М. — 306
- Эберт, Фридрих — 390
Энгельс, Фридрих — 206
- Юденич Н.Н. — 342–343, 348
Юзефович Я.Д. — 370
Юм, Дэвид — 197
Юстиниан — 209
- Яковлев-Богучарский В.Я. — 33
Янжул И.И. — 157

Оглавление

- 7 Предисловие
12 Слова благодарности

Часть I. ВЕЛИКАЯ РОССИЯ

- 14 Глава 1. Парламентская политика, 1905–1907
90 Глава 2. Разрыв с интеллигенцией
150 Глава 3. Экономическая теория
220 Глава 4. «Русская мысль»

Часть II. ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

- 258 Глава 5. Мировая война
296 Глава 6. Революция
341 Глава 7. Гражданская война
374 Глава 8. Что же произошло?

Часть III. В ЭМИГРАЦИИ

- 404 Глава 9. Эмигрантская политика
488 Глава 10. Последние годы
- 549 Струве: общая оценка
566 Хронология
581 Библиография
672 Именной указатель

Ричард Пайпс
СТРУВЕ: ПРАВЫЙ ЛИБЕРАЛ, 1905-1944
Том 2

Серия «Культура политика философия»

Автор портрета Ричарда Пайпса – *Джерри Бауэр*
Художественное оформление серии *Ф. Домогацкого*

Ответственный за выпуск *О. Карнова*
Редактор *Н. Гаямова*
Корректор *С. Наджафова*
Компьютерная верстка *О. Козак*

ЛР № 00972 от 14.02.2000 г.
Подписано в печать 19.11.2001 г. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg. Печать офсетная.
Печ. л. 21,25. Тираж 3000 экз. Заказ № 1061.

Московская школа политических исследований.
121854, ГСП-2, Большая Никитская ул., 44-2, комн. 22.
e-mail: msps@co.ru
<http://www.msps.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в Московской типографии № 6
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций
109088, Москва, Южнопортовая ул., 24

